

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИК
ЕВГЕНИЙ ВИКТОРОВИЧ
ТАРЛЕ

СОЧИНЕНИЯ
В
ДВЕНАДЦАТИ
ТОМАХ

1962

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА

АКАДЕМИК
ЕВГЕНИЙ ВИКТОРОВИЧ
ТАРЛЕ

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ
XII

1962

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА

Редакционная коллегия:

А. С. Ерусалимский (главный редактор),
Н. М. Дружинин, А. З. Манфред, М. И. Михайлов,
М. В. Нечкина, Б. Ф. Поршнев, Ф. В. Потемкин,
В. М. Хвостов, О. Д. Форш

РЕДАКТОР ТОМА

А. С. Ерусалимский

Е. В. ТАРЛЕ

О Т Р Е Д А К Т О Р А

Издание Собрания сочинений академика Е. В. Тарле подходит к концу: XII том — последний том этого собрания. В настоящий том включены публицистические и историко-политические статьи, рецензии на различные издания, воспоминания о некоторых советских ученых, а также небольшие этюды, посвященные гениям русской поэзии — Пушкину и Лермонтову. Эти работы относятся к периоду Великой Отечественной войны Советского Союза и к первому десятилетию послевоенного периода (до смерти автора — 1955 г.). В этот же том включена работа «Русский флот и внешняя политика Петра I». По научному замыслу, историческому содержанию и общему направлению она в известной степени примыкает к посмертно изданному исследованию — «Шведская война». Наконец, в этот том включены и две неопубликованные работы — «„Наполеон“ Стендаля» и «Бородино». В связи с приближающейся 150-й годовщиной Бородинского сражения работа «Бородино», написанная ярко и увлекательно, мы полагаем, будет встречена читателем с интересом.

Из большого публицистического наследия Е. В. Тарле мы включили в настоящий том далеко не все статьи, но, собрав и рассмотрев все им написанное, отобрали наиболее характерное и существенное. Материал, представленный в этом томе, показывает, что публицистика Е. В. Тарле представляет значительный интерес для понимания не только идейно-политического и творческого пути одного из крупнейших представителей советской исторической науки, но и высокого духовного подъема всего советского народа в период Великой Отечественной войны. Нужна была глубокая вера в творческие силы и воинскую доблесть советских людей, чтобы в первые недели после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, когда обстановка на фронтах складывалась для нас неблагоприятно, охарактеризовать это нападение как «начало конца» господства фашизма в Европе и в самой Германии.

«Начало конца» — таково заглавие первого публицистического выступления Е. В. Тарле в период войны, — заглавие, в котором

он повторил слова Талейрана, сказанные в 1812 г. в связи с вторжением армии Наполеона I в Россию. Замечательный знаток истории войны 1812 г., Е. В. Тарле в этой статье, а затем и во многих других, ярко сопоставил исторические события этой войны с событиями Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., доказывая неизбежность разгрома военных агрессоров, пытавшихся утвердить свое господство над миром. При этом Е. В. Тарле вовсе не шел, как может показаться с первого взгляда, по пути поисков внешних аналогий. Нет, сопоставляя события различных периодов, он устанавливал то, что их исторически отличает, вместе с тем стремился раскрыть наличие более глубоких постоянно действующих или в определенный момент выступающих факторов, значение которых, по его мнению, нельзя недооценить. Неоднократно обращаясь к событиям эпохи нашествия Наполеона на Россию, Е. В. Тарле писал: «Пример Наполеона лишний раз заставляет убедиться, до какой степени даже самый исключительный и разносторонний гений оказывается бессильным и неминуемо гибнет, когда ставит перед собой совершенно неисполнимые, внушенные исключительно грубым политическим национальным эгоизмом задачи мировой беспощадной эксплуатации¹. Среди факторов, которые должны были предопределить крах завоевательных планов агрессоров, Е. В. Тарле особо выделял массовый патриотизм, моральную готовность народа к великому подвигу, стремление его любой ценой изгнать захватчиков из пределов своей Родины. Отсюда особый интерес Е. В. Тарле к таким формам борьбы, как партизанское движение, интерес к его славным традициям.

Наконец, следует отметить еще один важный момент в публицистике Е. В. Тарле. С первых дней Великой Отечественной войны, когда гитлеровская армия вторглась в пределы Советского Союза и быстро продвинулась в глубь его территории, Е. В. Тарле был убежден, что освобождение нашей Родины от неприятеля перерастет в освобождение Европы. Отсюда огромный его интерес, во-первых, к вопросу о международной обстановке на всех этапах борьбы против блока фашистских агрессоров и, во-вторых, к тому, как складывались взаимоотношения между Советским Союзом и остальными участниками антигитлеровской коалиции.

Рассматривая эти важнейшие вопросы, Е. В. Тарле на ряде исторических примеров прошлого показал, что «внутренняя сплоченность коалиции» не раз бывала «главной причинной ужасающей затяжки войны»². В период, когда на фронтах войны решалась судьба народов Советского Союза и всего мира, Е. В. Тарле — гражданин, историк и публицист — не мог оставаться бесстрастным. Он понимал, что не только советский народ, принявший на себя всю тяжесть борьбы против сильного врага, но и все

¹ См. настоящий том, стр. 18.

² Там же, стр. 70—71.

другие свободолюбивые народы заинтересованы в скорейшем создании в Западной Европе второго фронта против гитлеровской Германии. Советский ученый с горячей публицистической страстью не раз обращался к общественному мнению всех стран и народов — участников антигитлеровской коалиции — с призывом бороться за создание второго фронта в Европе для достижения великой цели — скорейшего разгрома фашистской Германии и ее военно-политических сателлитов.

Историческая победа Советской Армии на Волге, освобождение Ленинграда от блокады, освобождение Франции от немецко-фашистской оккупации, падение Берлина и окончательный крах «третьей империи» под ударами Советской Армии и всей антигитлеровской коалиции — на все эти и многие другие важнейшие события Е. В. Тарле отзывался живо и темпераментно. Как историк и публицист он отдавал все свои силы, мысли и знания разъяснению и пропаганде великой исторической задачи советского народа. В этом смысле можно утверждать, что публицистика Е. В. Тарле выражает дух эпохи Великой Отечественной войны Советского Союза, а его публицистические статьи того периода в некоторой степени могут рассматриваться как исторический источник.

Но и после окончания второй мировой войны Е. В. Тарле не сложил оружие публициста.

Являясь в годы войны членом Чрезвычайной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских оккупантов, Е. В. Тарле затем внимательно следил за ходом Нюрнбергского процесса над главными немецкими военными преступниками и по окончании его считал своим гражданским долгом призвать правительства и народы учесть уроки истории и сделать все необходимые выводы из этого процесса и притом не только исторические, но и политические и моральные.

Не раз Е. В. Тарле выступал со статьями о всемирно-историческом значении победы Советского Союза и антигитлеровской коалиции над блоком фашистских агрессоров. Он с тревогой следил за изменениями внешнеполитического курса западных держав. Речь У. Черчилля, произнесенная в Фултоне 5 марта 1946 г., была первым открытым призывом к созданию англо-американского блока, направленного против СССР. Находясь под свежим впечатлением этого выступления, положившего начало «холодной войне», Е. В. Тарле дал ему справедливую историко-политическую оценку в статье «По поводу речи Черчилля». Теперь можно с полным правом утверждать, что все публицистические выступления Е. В. Тарле в послевоенный период, какой бы конкретной темы они ни касались, были посвящены одной цели — борьбе за всеобщий мир и безопасность народов, больших и малых, европейских и неевропейских.

Последнюю статью, написанную в дни, когда смерть уже готова была вырвать перо из его рук, Е. В. Тарле назвал «Наша дипломатия». Эта статья была опубликована посмертно...

Разумеется, публицистика Е. В. Тарле стала достоянием истории. Отражая высокий патриотический порыв советского народа, и его миролюбие, она заключает в себе, однако, и ряд положений, которые исторически себя не оправдали. Так, например, Е. В. Тарле порой расценивал Западную Германию как колонию американского империализма. Однако последующее развитие показало, что Западная Германия сама превратилась в империалистическое государство, наиболее влиятельное среди европейских участников НАТО, и по мере возрождения германского империализма стала занимать все более видное место в политике экспансии и неоколониализма в отношении стран Азии и в особенности Африки.

В исторических статьях Е. В. Тарле имеется ряд положений и оценок, с которыми трудно согласиться. Давая резко отрицательную характеристику Шамилю и возглавлявшемуся им движению, Е. В. Тарле необоснованно игнорирует национально-освободительный характер народного движения против царизма. Известно, что основоположники марксизма давали этому движению совершенно другую оценку.

Читатель не может не заметить и противоречия, имеющегося в рецензиях на издание дневника Д. А. Милюткина, военного министра в период царствования Александра II. Противопоставляя Милюткина как военного министра, военного писателя и дипломата Милюткину — стороннику решительных мер царизма, направленных к удушению революционного движения в стране, Е. В. Тарле пишет: «Впечатление такое, как будто умного, серьезного, вдумчивого человека... подменили какой-то совсем иной индивидуальностью»³. Между тем никаких оснований для такого противопоставления, конечно, нет. И в области внутренней и в области внешней политики Милюткин оставался либеральным бюрократом, «доверенным другом царя», стремившимся отдать свой опыт и большие знания делу укрепления военного механизма реакционного самодержавия.

Е. В. Тарле — историк яркий, сложный, прошедший большую творческую жизнь. И как бы ни расценивать отдельные его работы и общее направление его научной и публицистической деятельности, завершаемое ныне 12-томное издание его сочинений показывает, какое большое место занимает Е. В. Тарле в развитии исторической науки.

А. Ерусалимский

³ См. настоящий том, стр. 327.

СТАТЬИ
И РЕЦЕНЗИИ
1941 - 1955 гг.

НАЧАЛО КОНЦА

Нападение фашистских авантюристов на Советский Союз через короткий или более продолжительный промежуток времени — этого предсказать в строгой точности нельзя — непременно окажется историческим вступлением к полной ликвидации преступной шайки, столько лет уже позорящей человечество самым фактом своего существования.

Карикатурный образ пигмея, тянущегося за гигантом, не должен заставить нас забыть об очень правильном замечании, которое пришлось встретить в радикальной английской прессе весной 1941 г.: если немецкая «третья империя» является пародией на империю Наполеона, если «завоевания» Гитлера какие-то не «настоящие», а «поддельные», если они, по словам цитируемого английского публициста, еще гораздо менее походят на наполеоновские завоевания, чем испорченный маргарин, которым питаются несчастные подданные Гитлера, на свежее масло, — то все-таки это не избавляет нас от обязанности вникнуть в обстоятельства, позволившие в начале второй трети XX столетия клике авантюристов оставить на мировой сцене эту пародию, разыграть этот кровавый и гнусный фарс.

Нас тут займет лишь один вопрос. Попытаемся хоть вкратце припомнить: почему так круто оборвалась великая трагедия 125 лет назад? Это нам поможет понять, почему нельзя сомневаться в недалеком уже конце и той пародии, которая разыгрывается вот уже несколько лет на наших глазах.

Мысль целого ряда поколений не переставала работать над разрешением вопроса о причинах конечной катастрофы Наполеона, быстрота которой особенно поразительна. Возьмем момент наивысшего расцвета этой всевропейской империи — первые месяцы 1812 г.

Наполеон самодержавно царствует либо непосредственно через своих наместников и генерал-губернаторов, либо через вассальных, вполне покорных ему государей над территорией, которая

начинается у реки Немана, в Данциге, Гамбурге, Амстердаме, а копчается в Мадриде, Калабрии, Иллирии. Одного его слова достаточно, чтобы согнать любого короля с престола, стереть с политической карты любое государство европейского континента, послать свои войска для военного постоа, куда ему заблагорассудится, и держать их там, где захочет, сколько угодно времени.

Только две державы сохраняют свою самостоятельность: Англия на крайнем Западе и Россия на крайнем Востоке. Но Наполеон не сомневается, что, покорив континент, он справится с этими двумя остающимися препятствиями.

Весной 1811 г. Наполеон принимает в своем дворце Тюильри баварского генерала фон Вреде. Генерал робко и почтительно осмеливается выразить свое мнение, что, может быть, не следует придираться к России и подготавливать нападение на нее. Наполеон повелительным жестом останавливает собеседника и отчеканивает: «Через три года я буду господином всего света!» Через три года величайшая империя, которая существовала на земле после Александра Македонского, империя Наполеона, лежала в развалинах...

Эти последние годы — время страшной, кровопролитной борьбы — были с чисто военной точки зрения порой (например, 1813—1814 гг.), по отзывам военных специалистов, таким же верхом совершенства в военном искусстве, как и прежние бесчисленные войны великого полководца. Силы к моменту начала этой финальной борьбы у Наполеона были гораздо больше, чем в любую из прежних войн, и разгадку крушения колоссальной монархии следует искать в более глубоких причинах, чем проигрыш того или иного сражения или даже той или иной войны.

В истории Наполеона был шажок наметившийся задолго до катастрофы перелом, безмерной важности перелом, сделавший эту катастрофу неизбежной. Без понимания этого основного факта всякое объяснение крушения империи Наполеона будет лишь повторением бесчисленных мистических, романтических и идеалистических фантазий, которых уже столько было выдвинуто в историографии.

Наполеон был несокрушим, и всякая борьба против него неизменно кончалась гибелью его противников, пока он выполнял свою роль «хирурга истории», ускоряющего торжество исторических прогрессивных начал и уничтожающего огнем и мечом обветшалый и без того осужденный на слом всеевропейский феодализм. Когда Маркс и Энгельс повторяли, что наполеоновские войны в известном смысле делали в странах континентальной Европы то дело, которое совершала гильотина во Франции в годы террора, они имели в виду именно эти годы разгрома Наполеоном европейских феодально-дворянских абсолютистских монархий. От этих страшных ударов европейский феодальный абсолютизм уже никогда не мог вполне оправиться. Сочувствие прогрессивных кругов европейского общества в покоряемых странах — иногда скры-

тое, а иногда очень недвусмысленно выражаемое — было в те годы Наполеону обеспечено.

Перелом, о котором только что сказано, намечался давно.

После Аустерлица его уже болезненно стали ощущать в германских странах, в Бельгии, Голландии, Италии даже те, кто еще в 1804 г. не порицал Наполеона за принятие императорского титула и кто считал, что можно играть роль освободителя народов, даже нося царственную порфиру. Но после Тильзита обманываться и утешать себя стало уже невозможно.

Наполеон уже совершенно открыто в качестве руководящего принципа выдвинул те положения, которые стал проводить в сущности с давних пор. Основная историческая порочность этого руководящего принципа заключалась ли в чем, кроме голого насилия, не оправдываемом, но неуклонно проводимом различии между Францией, или так называемыми «старыми департаментами», и всей остальной завоеванной Европой, которая именовалась «новыми департаментами».

Французы — привилегированная, господствующая раса, и именно только они должны в полной мере пользоваться всеми привилегиями, всеми экономическими выгодами, которые обеспечивает за ними победоносный меч великого императора. Остальные европейские народы предназначены быть данниками Франции.

Называя себя «императором Запада», стремясь к установлению своего всемирного владычества, Наполеон в то же самое время вполне сознательно стремился быть национальным французским государем, который имеет все основания беспощадно грабить всех остальных своих подданных во имя интересов французов.

«Национальный интерес для меня выше всего», — говорил он, понимая при этом под национальным интересом интересы французской буржуазии, для которой Германия, Италия, Испания, Голландия, Бельгия, Варшавское герцогство и т. д. должны быть прежде всего рынками сбыта и рынками нужного сырья.

Наполеон вполне сознательно разорял те страны, которые могли бы вступить с Францией в экономическую конкуренцию, и даже не скрывал, что французы достойны исключительного покровительства не только потому, что они наиболее «верные» из всех его бесчисленных подданных, но и потому, что они как раса стоят выше всего человечества. Выражал он эту мысль с той непосредственностью и даже простодушием, которые были ему свойственны вследствие непоколебимой уверенности в непогрешимости своих основных принципов. Он, например, при исчислении военных потерь считал настоящими потерями, о которых стоит говорить, только те, которые несла французская часть его многонационального воинства.

Вот, например, как успокоительно говорил Наполеон о страшной гибели великой армии в русских снегах: «В России наши потери были значительны, но не таковы, как это воображают себе.

Императорская армия насчитывала едва 140 000 человек, говорящих по-французски, и кампания 1812 года собственно старой Франции обошлась только в 50 000 человек». Он с удовольствием отметил это и в своем знаменитом разговоре с князем Меттернихом 28 июня 1813 г. в Дрездене, когда отказался заключить с союзниками мир. Вспомнив о 1812 г., он признал, что в числе погибших «было 100 000 лучших французских солдат. О них я действительно жалею. Что касается остальных, то ведь это были итальянцы, поляки и главным образом немцы!»

При слове «немцы» император сделал пренебрежительный жест.

«Допустим,— ответил Меттерних,— по согласитесь, государь, что это не такой аргумент, который вашему величеству следует приводить, когда вы говорите с немцем».

Наполеон экономически угнетал и разорял население в покоренной Европе не только континентальной блокадой, но и железным гнетом, который он проводил именно в хозяйственной области, стремясь поставить Европу в такое положение, чтобы она не могла выбиться на дорогу самостоятельной экономической жизни. Он воспрещал установку новых машин и механических станков в покоренных странах, приказывал вывозить из Италии шелк-сырец, нужный лионским фабрикантам, а итальянским шелкоделам предоставлять только те запасы, которые не нужны будут французам, сознательно препятствовал проведению в покоренной Европе нужных для торговли путей, приказал перегонять из Испании во Францию тысячи и тысячи тонкорунных мериносов, лишая испанскую промышленность тонкой шерсти, и т. д. В области, так сказать, «идеологической» он нисколько не стеснялся при каждом удобном случае указывать на то, что французы уже по праву рождения стоят неизмеримо выше прочего человечества.

После Гильзита, когда Наполеон стал быстро утрачивать понятие о границах между возможным и невозможным, он предстал окончательно перед населением покоренной Европы и именно перед тем прогрессивным классом, каким являлась тогда буржуазия, в образе уже не освободителя, а жестокого тирана, делящего людей на категорию господ и категорию рабов, причем в первой категории оказываются французы, а во второй — все остальные покоренные народы. На него стали смотреть, как на беспощадного деспота, сознательно разоряющего страны и народы, имевшие несчастье подпасть под его иго, и избавление от этой чудовищной тирании сделалось мечтой всего прогрессивного европейского человечества.

Огромный интерес представляет собой тот феномен, который можно назвать разрушением великой армии и который был теснейшим образом связан с только что указанным переломом в исторической деятельности Наполеона. Армия Наполеона была непобедимой в первые годы его царствования. Но, по мере того как в нее вливались чуждые французам элементы, менялся и дух этой

армии, исчезало прежнее ее монолитное единство, которое делало ее таким несравненным оружием в руках вождя. Былая непобедимость наполеоновской армии стала исчезать еще задолго до 1812 г. Не считаясь абсолютно ни с чем, Наполеон гнал на Россию не только солдат всей разноплеменной покоренной им Европы, но даже испанцев из захваченной им части Пиренейского полуострова, хотя испанский народ вовсе еще не мог считаться покоренным и продолжал оказывать завоевателю ни на день не прекращавшееся яростное сопротивление.

В одной из моих работ отмечено возмущение приведенного Наполеоном в Россию испанского отряда, который собирался перебить французских офицеров и объявил, что сражаться против русских не желает. Ровно 50% этого отряда было расстреляно на месте по приговору военно-полевого суда. Но очень легко себе представить, усердно ли сражалась против русских другая, уцелевшая половина отряда.

Биться за чужое дело, за угнетателя и разорителя родины, понимая, что каждая его победа все более закрепляет цепи рабства, палоченные им на всю Европу, оказывалось выше сил человеческих. Это разложение некогда непобедимой армии бросалось в глаза всем сподвижникам Наполеона задолго до того, как насильно пригнанные им на лейпцигское кровавое поле саксонцы вдруг, в разгар боя, полностью перешли на сторону враждебной Наполеону коалиции, повернули немедленно свои пушки в обратную сторону и начали расстреливать в упор французов.

Непобедимость французской армии исчезла, таким образом, именно тогда, когда Наполеон отвернулся от завершения того прогрессивного исторического задания, которое он выполнял, когда распался ореол борца против феодальной реакции и когда все приобретенное им безмерное могущество стало служить не только реакционным, но и, по существу, совсем невыполнимым задачам: превращению французов в господствующий народ, а всяких иноплеменников — в бесправные и бессловесные объекты, в рабочий, выюный скот.

И при этом нужно еще заметить, что разложение армии долго сдерживалось некоторыми исключительными условиями, в которых протекали эти последние годы наполеоновского владычества:

1) армия, если не считать 1812 г., жила и воевала в материально удовлетворительных условиях, и в 1813, 1814 и 1815 гг. наполеоновские солдаты имели вдоволь мяса, масла, сала, хлеба, вина;

2) командовал этой армией первый военный гений всемирной истории;

3) вражеское командование даже отдаленно не могло после смерти Кутузова ни в 1813, ни в 1814, ни в 1815 г. соперничать с Наполеоном в военном искусстве;

4) в течение всей этой отчаянной борьбы Франция («старые департаменты») была совершенно покорна Наполеону и француз-

ский тыл делал все от него зависящее, чтобы поддержать фронт.

Другими словами, сошлись такие обстоятельства, благоприятные для завосвателя в период его финальной борьбы, которые решительно никогда в истории в подобных случаях не повторялись в прошлом и не могут повториться в будущем.

И это еще не все. Было налицо еще одно историческое обстоятельство, также неповторимое: ведь не забудем, что, по условиям общественного развития в его тогдашней стадии, освободительную борьбу против Наполеона возглавили те самые представители старой, феодальной абсолютистской Европы, от которых освобождающаяся Европа не могла ждать какого-либо нового слова и прогрессивного устремления.

«Наполеон додразнил другие народы до дикого бешенства отпора, и они стали отчаянно драться... На этот раз военный деспотизм был побежден феодальным», — сказал Герцен. Следовательно, благоприятным для Наполеона обстоятельством было и то, что возглавлявшие борьбу против него государственные люди не могли противопоставить ему никакой самостоятельной прогрессивной идеологии.

И, несмотря на все эти благоприятные условия, Наполеон все-таки не мог не погибнуть. Все указанные благоприятные условия могли только сдержат, отсрочить его гибель, так же как сдержали его гибель финансовые средства, имевшиеся до последнего момента в его распоряжении, платеж полноценной золотой монетой за провиант и за все, что французские военные власти покупали для армии в 1813 г. у населения. Не помогла и та «сытость» крестьянского населения Франции, Западной и Центральной Германии и Бельгии, которая так обращала на себя внимание союзников, двигавшихся за отступающим Наполеоном в глубь его империи.

Всех этих условий оказалось достаточно только для того, чтобы продлить наполеоновское сопротивление, но не предотвратить распад и гибель империи. Полное презрение и к материальным интересам и к человеческому достоинству покоренных народов, деление на овец и козлиц, деление людей на расу господ и расу рабов разложило армию, как оно разложило и самый фундамент построенного Наполеоном грандиозного политического сооружения.

И следует признать справедливым воззрения тех историков, которые говорят, что удивительно не падение наполеоновской деспотии, а необычайная продолжительность ее агонии. Эта продолжительность объясняется прежде всего только что перечисленными благоприятными для Наполеона условиями, в которых протекала его последняя борьба.

«Единственная революция, которая в самом деле страшна, — говорил Наполеон, — это революция, происходящая от пустого

желудка». От этой революции ему удалось уберечься, но и это было лишь отсрочивающим, а не предупреждающим катастрофу обстоятельством.

Если мы обратимся к начальному моменту крушения империи, к той войне 1812 г., которую князь Талейран окрестил бессмертным выражением «начало конца», то мы должны будем признать, что рядом с разнообразными причинами, сыгравшими свою роль в подготовке вторжения, имело значение и то затемнение былой светлой политической мысли, которое сделалось таким характерным для Наполеона с тех пор, как он поднял под власть идеи мнимой предназначении Франции господствовать над всеми народами земли и мнимой своей «миссии» организовать и возглавить это владычество французской расы. Что такое Россия? Так же как и все прочие народы, она предназначена покориться. Если она смеет претендовать на самостоятельную политику, то это только значит, что «Россия увлекается роком». Вот эту мысль в нескольких вариантах он повторил не раз и не два до того момента, когда она попала в его воззвание о начале шестивия на Россию.

Почему бы не положить несколько сот тысяч рабов, если таким путем можно приобрести новую колонию? А единственная потеря, о которой стоит говорить, будет небольшая, так как настоящих французов из «старых департаментов» и вообще в армии немного. Беспредельная личная гордыня тесно соединилась в Наполеоне, после его неслыханных побед, с безумием расового эгоизма, который был тем страшнее и ненавистнее для покоренных народов, что выпуался и осуществлялся с железной последовательностью.

Наполеон поставил перед европейским человечеством задачу: либо отрешиться от мысли, что когда-то у Европы было свое прошлое и возможно свое будущее, независимое от чужеземцев-завоевателей, либо, предприняв борьбу не на жизнь, а на смерть, низвергнуть деспота и доказать, что предназначение французской расы к мировому владычеству является лишь политическим бредом.

Именно русскому народу выпала на долю наиболее тяжелая часть великой борьбы. Именно в России впервые рассеялось, как призрак, так долго державшееся убеждение в непобедимости наполеоновской армии.

24 июня 1812 г. величайший полководец всемирной истории перешел границу русского государства — и наступило, по выражению Талейрана, «начало конца» его всеевропейского владычества. 22 июня 1941 г. через нашу границу переступила армия, посланная на убий человека, который привык к блестящим победам только над безоружными и никогда никаких других не одерживал.

Его страна голодает так, как при Наполеоне никогда не голодали наиболее обделенные природой захолустья огромной наполеонов-

ской империи. В армии, которая еще пока под страхом расстрела повинуется ему, в каждом полку, в каждой роте даже самых национально «чистых» частей царят классовая ненависть, рознь, непонимание, каких никогда не знала в подобной степени французская часть «великой армии».

Пример Наполеона лишний раз заставляет убедиться, до какой степени даже самый исключительный и разносторонний гений оказывается бессильным и неминуемо гибнет, когда ставит перед собой совершенно неисполнимые, вышесенные исключительно грубым политическим национальным эгоизмом задачи мировой беспощадной эксплуатации.

В 40-х годах XIX столетия Мишле в одной из своих лекций в Коллеж-де-Франс поставил такой вопрос: мог ли Наполеон увлечься теми же целями владычества, если бы он не был Наполеоном, а был обыкновенным человеком? И на этот вопрос республиканец Мишле дал такой ответ: конечно, мог бы, но несравненно легче можно было бы его обезвредить. Конечно, Мишле не предвидел, что плутократическая кучка отдаст его несчастную родину скрученной по рукам и ногам палачам, насильникам и грабителям, сравнительно с которыми Наполеон может считаться образцом гуманности, благородства, уважения к человеческой личности и к законности.

Не предвидел Мишле и того, что великому русскому народу в конечном счете суждено снова освободить Европу и освободить ее от несравненно худшего, гнуснейшего и постыднейшего ярма, притом наложенного не могучей рукой гениального стратега после отчаянной многолетней вооруженной борьбы, а без всякой попытки сопротивления со стороны жертв, наложенного руками биржевиков, шпионов, продажных политиков, эксплуататоров и паразитов, исключительно путем подлейшего предательства.

Эта немногочисленная, но опаснейшая международная, нестрая по составу клика и является в социальном смысле и в понимании геббельсов и розенбергов той вполне реально существующей «высшей расой», в интересах которой они в самом деле стараются...

К великому счастью для нашего отечества, *начало конца* уже обозначилось, как бы ни была еще велика и нелегка борьба.

И опять русскому народу суждено сыграть в трудном и благородном деле освобождения народов инициативную и решающую роль.

Большевик, 1941, № 11—12,
стр. 32—37.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА *

Я хочу остановиться на том, что меня интересовало в Чернышевском. Я заинтересовался Чернышевским как публицистом, который напряженнейшее внимание посвящает не только тем проблемам, постепенно возрастающим в силе, революционных настроений, какие он находил в тогдашней молодежи, не только внутренним русским делам, но и международной политике. Не буду говорить обо всех воззрениях, какие он высказывал довольно обильно по вопросам международной политики, протекавшей перед его глазами, о его воззрениях на западноевропейскую историю, в частности, на революционное движение во Франции. Эти воззрения излагались им в целом ряде статей, статей интересных, часто оригинальных, о которых речь шла в литературе неоднократно, но я все это оставляю совершенно в стороне.

Середина XIX в., 50—60-е годы, точнее говоря, вторая половина 50-х годов и первые полтора-два года 60-х годов — это семилетие, о котором только и может идти речь, потому что с 1862 г. Чернышевский был изъят из общества и заживо погребен — были замечательным периодом в истории международной политики.

Я начал анализ воззрений Чернышевского не в той последовательности, в какой развивались события. Если бы я придерживался этого метода, я должен был бы начать с Крымской войны, продолжить объединением Италии и кончить борьбой бунтарского Юга против аболиционистов в Северной Америке. Но так как мы с вами занимаемся не историей международной политики, а историей воззрений Чернышевского, анализировавшего международную политику, то мы не будем исходить из этой хронологии. Мы рассмотрим его воззрения, его высказывания в том порядке, в каком он сам это делал, порой несколько видоизменяя. Начнем с процесса объединения Италии, затем продолжим борьбой Севера с Югом, коснемся попутно, мимоходом, как сам Чернышевский мимоходом этого касался, некоторых событий австрийской истории и кончим Крымской войной, потому что Крымской войной он занимался, как вы знаете из его биографии, сидя в крепости, занимался, когда ему приходилось беречь каждый лист бумаги, на котором он писал, занимался тогда, когда только вследствие вмешательства со стороны благоприятствующих ему властей и прежде всего А. А. Суворова ему удалось написать заметки в связи с книгой Кинглека, а еще раньше роман «Что делать?» Из всего, что Чернышевский написал о Крымской войне, ничто не увидело света при нем. То, что он писал о Крымской войне, являлось своего рода обобщением, некоторым итогом того, что он ранее высказывал об Италии и потом о североамериканской междоусобице.

* Стенограмма доклада акад. Е. В. Тарле, прочитанного 17 ноября 1939 г. на научной сессии Ленинградского Государственного университета.

Что прежде всего останавливает наше внимание, когда мы приступаем к его статьям об Италии? Прежде всего совершенно бесспорно его могучее влияние в данном случае на Добролюбова. Статья Добролюбова «Жизнь и смерть графа Бензо-Камилло Кавура» и другие являются перлами глубины мысли и литературного блеска, и только невежеством тех, кто до сих пор занимался Добролюбовым, можно объяснить, что эта сторона его деятельности остается совершенно в тени.

Но, не сравнивая чисто литературной стороны статей Добролюбова со статьями Чернышевского об Италии, нужно сказать, что первенство в смысле оригинальности мысли, конечно, в данном случае остается (и Добролюбов никогда этого не оспаривал) за Чернышевским. Он своим пониманием итальянских событий не только прокладывает дорогу Добролюбову, но на этом материале он дал впервые несколько замечательных своих общеполитических установок.

В освобождении Италии Чернышевский первый наметил участие и начинающуюся борьбу двух начал. Италия разъединена, Италия подчинена нескольким деспотическим абсолютистским правительствам. Во всяком случае такими устарелого типа тираниями были как Бурбонская династия на юге, в королевстве Обеих Сицилий, так и внешний деспот — самодержец, австрийский император в Ломбардии и Венеции. Положение требует непременно тех или иных насильственных действий, потому что добровольно ни австрийцы не уйдут из Ломбардии и Венеции, ни Бурбоны — Фердинанд, а потом Франциск — не покинут королевства Обеих Сицилий, не говоря о мелких деспотах Тосканы, Пармы, Модены и о святейшем папе Пие IX, который тоже без кровопролития не выпустит из рук Рима и Папской области.

Налицо две программы: программа Кавура и программа революционная. Борьба либералов, сгруппировавшихся вокруг Кавура, и революционеров (межбуржуазных революционеров), лиц, которые считали революционный способ воздействия единственно годным, — эта борьба в Италии проходит красной нитью через всю вторую половину XIX в., а не только через то семилетие, о котором мы говорим. Чернышевский на этой борьбе хотел непременно выявить — поэтому-то он с такой упорной страстностью и останавливался на этом — преимущества и единосопающую сущность революционного метода, а не либерального. Но его мысль была настолько глубокой и широкой, что он понимал всю необычность и трудность своей задачи — доказательств на этом материале. В самом деле, мог ли он сказать определенно, что только метод Мадзини, метод молодого Гарибальди, только этот метод приведет к уничтожению всех препятствий и к объединению Италии? Вглядываясь в обстановку, он не мог сказать это с точностью. Почему? Потому что у всех революционеров, вместе взятых, может не хватить сил, чтобы изгнать огромную

дисциплинированную австрийскую армию из Северной Италии; у них может хватить сил уничтожить неанолитанских Бурбонов, у них может быть достаточно сил для того, чтобы выбросить тиранов из своих герцогств — из Пармы, Тосканы, Модены, — но Венецию им ни за что не освободить без посторонней помощи. В данном случае мысль Чернышевского является более объясняющей все дело, чем мысль Добролюбова. Добролюбов настолько уверенно, дидактически проводил блестящее разоблачение системы Кавура, что оставил кое-что в тени, — то, что настоящий, большой революционный деятель, человек, у которого революционная теория неразрывно связывалась с очень большим стремлением к практической деятельности, Чернышевский отмечает. Это касается вопроса — в чем сила Кавура. Если бы Кавур говорил, что нужно издавать легальные газеты и журналы, нужно действовать убеждением, нужно действовать избирательными бюллетенями, тогда, мол, сами Бурбоны и австрийцы смягчатся, удостоверятся во враждебном к ним общественном настроении и уйдут, если бы такая наивная антиреволюционная теория была выдвинута Кавуром, тогда ничего не стоило бы его разоблачить и политически уничтожить. Но за Кавуром было другое, и Чернышевский знал, что за Кавуром стоит и что очень осложняет все рассуждения о нем.

Я говорил уже о последнем семилетии процесса воссоединения Италии, которое как раз пережито было Чернышевским. Это семилетие начинается с Крымской войны и с Парижского мира. Уже тогда Кавур, не верующий в определяющую мощь революции, не верующий и в силу либералов, которые около него группируются, обращается к внешней силе. Чтобы заслужить милость Наполеона III, он посылает в Крым войска (которые там и гибнут), хотя, казалось бы, с точки зрения итальянских национальных интересов, им при осаде Севастополя ровно нечего было делать. Но он выбирает такой сложный кровавый путь, путь пожертвования несколькими тысячами своих соотечественников, потому что он верит только в эту возможность объединения Италии. На Парижском конгрессе он стремится к тому, чтобы повернуть путем переговоров с Наполеоном III французскую армию против Австрии и этим тараном выбросить австрийцев вон из Северной Италии; он платит за это дорогой ценой — двумя стародавними итальянскими провинциями, полным подчинением их воле чужого деспота; он согласен за это еще и еще раз дать все, что Наполеон III потребует.

Добролюбов как раз эту сторону оставил совершенно в стороне, а Чернышевский не оставил ее в тени. Ум Чернышевского был направлен вообще в сторону синтеза и полного охватывания предмета. Его не интересовало сужение темы, даже если это сужение облегчало ему процесс аналитической работы.

Чернышевский признает то, чего нельзя было не признать, — что было действительностью, но он тут же извлекает из этого

урок: он говорит (вернее, не говорит, потому что под посом у цензуры он не мог писать всего, а только подразумевает), что если бы Кавур обратился ко всем революционным силам, сделал бы все от себя зависящее, чтобы развить их дальше — а от него многое зависело, как от всемогущего министра единственного национального итальянского государства Пьемонта, — если бы он сделал все от себя зависящее, чтобы пустить в ход революционные силы и если бы они не собрались на его зов, если бы вместо них было пустое место, если бы не было приверженцев ни Маццини, ни Гарибальди в истории революционного итальянского движения, не было бы всех этих высадок, всей этой кровавой борьбы, которая наполняет собой десятилетия, тогда он был бы прав, обращаясь к Наполеону III. Но он этого не сделал и сделать не мог. Мало того, историческая вина Кавура, с точки зрения Чернышевского, заключалась в том, что он не только не пытался такой сбор всех революционных сил сделать, но что он боялся этого, всячески боролся с этим, не хотел помощи революционеров, и чем она была бы сильнее, тем он скорее ухватился бы за руку иностранного деспота — вот в чем историческое преступление Кавура с точки зрения Чернышевского. Не в том, что он призвал Наполеона III, а в том, что он предпочел Наполеону III подарить итальянские провинции, да еще какие стародавние, часть итальянского народа, готов был всецело подчиниться Наполеону, рабски ползать перед ним на коленях, лишь бы только не обратиться к революционерам, не подать им руку.

Чернышевский делал из этого и другой вывод: что не только Кавур, но всякий либеральный деятель в логическом развитии своей идеи непременно сделает то, что сделал Кавур. А если выражаться без дипломатических ухищрений, что сделал Кавур, подарив чужому тирану две итальянских провинции (я говорю — подарил, потому что он никого не спрашивал, и все знали, что тот плебисцит, который устроил Наполеон III, был комедией; просто Кавур подарил их ему еще за несколько месяцев до начала войны против австрийцев), как это можно назвать? Это в сущности можно было бы назвать государственной изменой, совершенно типичной, — часть территории, часть народа, никого не спросив, он выбросил из Италии. Значит он сделал нечто непоправимое, совершил государственную измену. К этой государственной измене, к распродаже своего народа и своей территории неизбежно скатывается всякий либеральный деятель, поскольку он либеральный деятель, в логическом конце своих размышлений, поскольку он в качестве либерала ни за что не подаст руки революционерам, а будет с ними бороться. Тут у Кавура была своя логика, либерально-изменическая логика, которая и привела к результатам, в данном случае неизбежным.

Уже в статьях, касающихся объединения Италии, Кавура и Наполеона III, Чернышевский стремится на этом иностранном

материале сделать выводы, относящиеся к русским либералам. Если мы ознакомимся со всеми перипетиями и зигзагами, через которые прошла мысль Чернышевского за эти годы, за те короткие годы, которые суждено ему было действовать на авансцене русской общественной жизни, то увидим, чем объясняется страстность Чернышевского, когда он делает эти выводы.

Вот перед нами русский Кавур — честный по-своему человек в том смысле, что он пока не сделал никакого, с точки зрения Чернышевского, логического вывода из своих доктрин — Кавелин. Он берет Кавелина, как безусловно честного лично человека, но если сопоставить то, что он говорит о Кавелине не только в своих статьях, но и в переписке, с тем, что он говорит о Кавуре, то будет понятно, почему он нападает на Кавура: он имеет в виду своего Кавура, т. е. Кавелина, и русских либералов вообще.

В одном из писем Добролюбову Чернышевский говорит, что поехал объясниться к Герцену по поводу статьи «Самое опасное», в которой Герцен пишет, что свистуны, т. е. тот же Добролюбов, Чернышевский и люди из «Современника», своими яростными, глупыми насмешками над либералами играют на руку правительству. Если вы припомните колоссальное значение Герцена в тогдашнем обществе, то поймете, как исполнился, и недаром, Чернышевский и сейчас же после появления этой статьи в «Колоколе» поехал в Лондон объясняться лично, потому что через прессу не объяснишься. И что же он оттуда пишет? Поговорив с Герценом, поняв Герцена, он пишет, что это — Кавур в квадрате, что это — тот же кавуро-кавелинский тип.

Чернышевский не ставил знака полного равенства между Кавелиным и Герценом и даже между Кавуром и Кавелиным, не говоря уже о том, что Герцен — гигант в смысле литературного таланта и ума, а Кавелин сравнительно с ним пигмей, но в этот момент Чернышевский отмечает, что Герцен способен на все то, на что способен Кавур, что Герцен имел ту роковую, с точки зрения Чернышевского, черту, которую он подметил в Кавуре и в Кавелине, — Герцен также в тот момент отмежевался от начинающегося революционного движения в России. Чернышевский, предвидя неминуемую железную неизбежность ската по наклонной плоскости, на которую вступает Герцен, уже в то время ставит над ним крест, приравнивает его к Кавелину, относит к кавуровскому типу, хотя пока и речи не может быть о полном приравнивании Герцена к Кавуру.

Это — один из примеров того, как Чернышевский судил об итальянских событиях. Еще другая характерная черта поражает нас в этих статьях — необыкновенный его интерес к чисто военной стороне дела. Можно сказать, что если взять всю мировую революционную общественность XIX в., то два человека — Энгельс и Чернышевский — больше всего уделяли внимания в это время чисто военным вопросам. Не только среди либералов, но даже

среди революционеров было аксиомой, что военные вопросы — военное дело, военная сторона истории — могут занимать либо каких-нибудь казенных военных историков и теоретиков, либо военных вообще, что это дело совершенно не касается революционеров. Революционеры — это предводители масс, предводители пролетариата, которые идут брать Бастилию и т. д. и т. д., это вовсе не то, что руководители военных предприятий, сражений и т. д.

Энгельс в более широком масштабе и на европейской арене, Чернышевский на русской арене решительно восстали против такого взгляда. У Энгельса это было теоретически обосновано, Чернышевский такого теоретического обоснования не давал, но всецело становился, не зная точки зрения Энгельса, на ту же точку зрения. Он считал, что военное дело, сражения и битвы, военные операции имеют гораздо более тесную связь с революцией, чем думают средние революционеры. Он выдвинул эту идею и на итальянском материале, проводя ее в отношении Гарибальди. В последнем он видит такого революционера-воина, который не учился военному делу, не подкрашивал идеи войны, внося туда революцию, а, наоборот, в революцию внес то, что выработало военное дело, для превращения индивидуальной мощи революционеров в коллективную мощь армии революции, повинующейся выработанному единству мысли. Армия революции, чем она дисциплинированнее, чем больше она похожа на настоящую армию, на хорошую дисциплинированную армию, тем лучше для революции.

И в своих статьях об Италии Чернышевский с особым вниманием останавливается на вопросах военных, на войне 1859 г. В этой войне центральную роль играет французская армия, которую толкнул, бросил на чашку весов тот же деспот, ненавистный Наполеон III. Чернышевский считает, что эта французская армия, брошенная Наполеоном против Австрии в 1859 г., уничтожающая австрийцев и освобождающая Ломбардию, хоть и послана деспотом, который хочет забрать Савойю и Ниццу и меньше всего думает об освобождении итальянского народа, тем не менее делает объективно революционное дело — окончательно разрушает Священный союз.

Эта гибкость мысли и необыкновенное умение улавливать весь ход дела, тот выгиб, какой получает революция, даже если этот выгиб подносится рукой, ей враждебной, но тем или другим историческим обстоятельствам, это умение учитывать, что революция может выпрять даже на столбчатых своих врагов, — это умение у Чернышевского неподражаемо и сказывается с необычайной силой и яркостью в его статьях об Италии. Этой стороной своего ума он также чрезвычайно похож на тех двух мыслителей, которые так ценили его, — на Маркса и Энгельса.

Когда после 2 декабря Наполеон III растоптал всякую тень свободы, растоптал, казалось, революцию и все чаяния, которые

держали в напряжении революционную общественность с 1848 г., когда вся, казалось бы, эта революционная общественность пала, поникнув духом, когда Герцен считал, что романский мир кончен, и поставил точку к истории, тогда Маркс и Энгельс вовсе не пали духом, — перед ними была налицо та бессмертная борьба сил, которая называется историей и которая никогда не прекращается.

Это умение хорошо разбираться в смысле грядущих событий, выискивать проветы для революции там, где другие ничего не видят, кроме глубины падения, эта черта, так ярко проявившаяся у Маркса и Энгельса, была и у Чернышевского. И по статьям, о которых шла речь, уже было ясно, почему его так интересует внешняя история, международная политика и какие выводы он отсюда делает.

Только что прошла война, только что произошли такие крупные события, как завоевание войсками Гарибальди Неаполитанского королевства, уничтожение австрийского владения в Ломбардии, итальянское воссоединение, как выдвинулся вопрос другой войны, более кровавой, чем франко-итальянская война против австрийцев, — войны, которая началась за Атлантическим океаном.

Борьба Северных Штатов с Югом страстно интересовала Чернышевского. Дело было не только в том, что борьба эта в несколько других формах происходила перед его глазами в Петербурге, не только в том, что, глядя на Паскевича (сына знаменитого фельдмаршала) и на Шувалова, на этих двух главарей крепостнической партии, Чернышевский видел перед собой того же Дж. Дэвиса и других вождей-плантаторов. Не только это было важно, и не то, что наши крепостники и до и после 1861 г. всей душой сочувствовали южноамериканским плантаторам, — Чернышевского увлекало другое.

Он считал, что прошел долгий период того омертвения, которое началось после Венского конгресса. Омертвление это прошло, период этот кончился, и севастопольский разгром уничтожил ту прежнеею твердокаменную реакцию, которая была налицо не только у нас в России, но и во всем мире. Нужно следить за тем, как революция, которая никогда не умирает, а была только в летаргическом сне, поднимется сейчас и, как стоглавая гидра, покажется разом в нескольких местах. И когда одна из голов этого революционного страшилища, грозного для рабовладельцев, показалась за Атлантическим океаном, мысль Чернышевского тотчас же всецело перенеслась туда.

Не буду сейчас останавливаться на его огромном интересе, подавляющем интересе к чисто военным делам, на том, что он и тут считает, что только один революционный способ может принести пользу. Здесь есть и другая сторона — Чернышевский видит, что за Атлантическим океаном Кавуры невозможны. Здесь друг

против друга пошли Север, который в данном случае по экономическим и политическим причинам желает освобождения негров, и Юг, который готов пролить потоки крови, но ни за что не даст уничтожить рабовладельчество, — третьей стороны здесь нет, и все зависит от революционной непримиримости Севера. Чего боится больше Чернышевский, когда анализирует эту борьбу? Он боится не того, что южные штаты, отложившись, начнут свирепствовать повсюду (они угрожали всякими ужасами, что в плен они не будут брать, что будут уничтожать женщин и детей в городах аболитционистов и т. д. и т. д.). Он боится другого, — что бунтовщики-рабовладельцы уступят слишком рано, что южные плантаторы, увлеченные борьбой, подсчитав в конце концов свои силы и увидя, что им совершенно не в мочь бороться с Севером, также уступят. Он боится того, что южане не будут достаточно ярко вести борьбу, и потому Север их пощадит, и дело кончится каким-нибудь половинчатым решением. Вот чего Чернышевский боится больше всего.

На Севере тот же мирный буржуа, честный, благородный человек Авраам Линкольн, освободивший негров, поставлен в такое положение, что мечтает всей душой примириться с плантаторами, если они положат оружие. Но если они этого не сделают, если начнут осуществлять свои угрозы, тогда Авраам Линкольн превратится из ягненка в волка — он должен будет стать революционером, у него не будет другого исхода. На этом особенно настаивает Чернышевский, указывая, что он боится, как бы плантаторы не повели войну слишком слабо и тем не заставили бы упасть их. Тогда придется начать войну снова, но уже совершенно по другому поводу.

Статьи о рабовладельчестве становились все более и более напряженными по той страстности, какую в них вкладывал Чернышевский. Не забывайте, что в момент, когда он был арестован, борьба эта еще не кончилась, и не только не решилась, но в тот момент (1862 г.) было совершенно неизвестно, кто победит.

Прибавлю, что многие люди, даже всей душой настроенные в пользу северян и ненавидевшие плантаторов, уже перестали как будто верить в победу северян. Вы знаете тот случай, за который Герцен сам себя горько укорял в недостатке веры: Герцен в такой степени изверился в победу северян, что продал бывшие у него акции процентных бумаг, думая, что они ничего не будут стоить. Он ошибся, не переждал. Вот пример того, как человек, всей душой желавший победы северян, совершенно разуверился в ней.

Чернышевский же ли на минуту не разуверился. Он был убежден, что северяне победят, зная, что пройдет долгое время, желал только, чтобы борьба была в более грандиозных формах. Чернышевский понимал, что тот, кто будет раздавлен, будет в самом деле раздавлен навеки.

И здесь также, не зная Маркса и Энгельса, не читая их статей, потому что они печатались слишком далеко от него, Чернышевский шел всецело по их стопам. Сам не зная того, он подавал им руку и помогал им, потому что Маркс и Энгельс считали, что пока война не примет революционного характера, до тех пор ничего не выйдет — так или иначе плантаторы уцелеют.

Война припала в конце концов революционный характер — случилось то, что предвидел Чернышевский. Чем больше уступали северяне, которые не хотели революционного конца, тем непримиримее становились южане. Там, в Северной Америке, кавуровщина не была очень сильна, и когда действия плантаторов показали, как они ставят вопрос, северяне должны были пустить в ход все силы, привлечь испров к восстанию, к участию в войне, и Север победил. Это предвидение Чернышевского оправдалось впоследствии.

В разгар публицистической деятельности Чернышевского, шедшей в самых разнообразных направлениях в области как внутренней, так и внешней политики, в пору полного расцвета его могучего публицистического дарования он исчез за стенами Петропавловской крепости. Здесь ему пришлось подвести некоторые итоги той работы его мысли, которую мы с вами анализировали, на материале, казалось бы, не имеющем ничего общего с событиями в Италии, или с событиями в Северной Америке, — он начал обработку книги Кинглека, одного из участников и одного из первых историков Крымской войны. В качестве участника войны Кинглек дал гораздо больше интересного, нежели в качестве историка. Ошибка его была в том, что он упорно считал себя историком и предполагал, что для этого достаточно написать семь толстых томов.

Чернышевский подготовлял, по-видимому, некоторую часть работы Кинглека к изданию на русском языке, но вряд ли мог мечтать о полном переводе этого большого произведения. Он успел подготовить немного и еще меньше успел дать собственных своих замечаний, которые нас только и интересуют.

В полном соответствии с тем, как располагает свой материал Кинглек, Чернышевский говорит сначала о 2 декабря. Кинглек сначала выясняет главных виновников. Кинглек принадлежал к той отрасли идеалистической школы, именуемой героической, которая приписывала отдельным личностям руководящую роль в исторических событиях. Поэтому, выясняя виновников войны, Кинглек считает, что один из них Наполеон III. Он много останавливается на предьстории Наполеона III и на перевороте 2 декабря. Именно этим вопросом не мог не заинтересоваться Чернышевский. Но мы оставим это в стороне, как касающееся внутренней французской политики.

Кинглека интересовал также другой вопрос, до постановки которого он не дорос, а Чернышевский на материале Кинглека этот

вопрос ставит так: ну, хорошо, Наполеон III начал войну, Николай I начал войну, но если говорить о виновниках, можно ли назвать их виновниками? Нет, нельзя. Почему нельзя? Потому что они делали то, что делает человек, получивший безраздельную власть, делали то, что считали нужным делать, полезным для себя. С того момента, когда известный народ совершенно отрешается от себя и предоставляет все Наполеону III, с того момента этот народ не имеет права требовать у него отчета, а должен повиноваться ему, как среднеамериканские племена подчиняются своим царькам, так и он должен повиноваться с этого момента Наполеону III. Ему нужно было все подчиниться 2 декабря, а после 2 декабря захотел Наполеон III бросить народные массы в Крым на погибель, и они пошли и должны были пойти.

Виновен ли Николай I? Кто разорил юг России, кто залил кровью Крым, Севастополь, кто уничтожил сотни тысяч жизней? «О, если бы можно было сказать, что это сделал покойный государь, было бы легче», — но он не виновен по той же теории, которую Чернышевский выдвинул для Наполеона III.

Здесь он вводит в своей заметке один очень интересный термин. Он не говорит: виновен французский народ, который подчинился Наполеону III, виновен русский народ, который подчинился Николаю Павловичу, — он говорит: виновна «публика». Это — термин («публика») необычайно неопределенный, термин решительно немарксистский во всяком случае и не только немарксистский, но вообще ненаучный термин. Думаю, что Чернышевский, когда писал свои заметки в пещерах Петропавловской крепости, должен был перед тюремным начальством соблюдать известного рода декорум, пускаться в известного рода конспирацию. Нам важно, что он понимает под этим термином. А понимает он под ним совершенно ясно правящие круги — те, которые порицали Наполеона III во Франции и Николая Павловича у нас. Кто порицал? Порицали те, кто понимал развивающиеся события, понимал, но ничего не делал, чтобы так или иначе в них вмешаться. Он многих мог иметь в виду — не только западников, не только Грановского, но и славянофилов, которые сначала подталкивали Николая Павловича к войне, ораторствовали на банкетах в Москве, а теперь того и гляди присоединятся к мечтам о Константинополе, о храме святой Софии. Когда же начались несчастья, они забились в уголок, сейчас же ушли куда-то и оттуда стали изображать какую-то порицающую оппозицию — не вступали на революционный путь, а просто старались снять с себя ответственность, устроить как-нибудь так, чтобы на них не распространился одиум после севастопольского поражения. Это «публика», ненавидящая Чернышевскому, которая только говорит, но ничего не делает, и которая, понимая, что нужно вмешаться, не вмешивается. Она потеряла право вваливать вину на одного человека, будь это русский царь или французский император.

Остается сказать еще очень немного. В заметках о Книглюке, — в скулых заметках, в которых больше перевода и лишь там и сям разбросаны отдельные замечания, — Чернышевский переходит в плоскость, если хотите, просветительства, поповедничества, в ту плоскость, где он был страшно силен. Люди этого поколения, когда переходили в область политической дидактики, приобретали огромную силу. Они глубоко верили в мощь просветительной мысли. Почитайте, что говорит Чернышевский в записках о Книглюке, и сравните с местом из письма к жене, к Ольге Софратовле, которое он написал из Петропавловской крепости. Письмо это приведено в прекрасном сборнике материалов, недавно выпущенном Панкратовой в Саратове.

Сравните эти два места. В заметке о Книглюке Чернышевский соглашается с ним (другой вопрос, насколько прав сам Книглюк): да, совершенно верно, эти господа, Наполеон III и окружавшие его люди, его клеветы, граф Морни, граф Персигни, все те графы, которые окружали его, во исполнение его императорской воли начали пожар Крымской войны. «Допустим, что они это сделали, что им нужно было столкнуть англичан и русских, — иронически пишет Чернышевский, — но весь их успех был основан на невежестве. Англичане ровно ничего не знали о России, о нас, и мы ровно ничего не знали об англичанах. Англичане считали нас выродками, зверями, варварами, а при такой осведомленности немудрено, что и мы, и англичане, когда Морни и Персигни столкнули нас лбами, не догадались, что нам нужно друг друга бить ядрами, штыками только для удовольствия господ Персигни и Морни, т. е. нескольких авантюристов, которые могли столкнуть лбами два, три, четыре великих народа и устроить великое побоище, поджечь пожар, который годами не мог утихнуть. Невежество — основа всего, основа всех бедствий, невежество, по меньшей мере одного народа инопять другой народ».

У Чернышевского фанатическая вера в мощь просветительной мысли, вера, которая кажется отчасти лишней в меру неоправданности научной, марксистской мыслью. Но оставляя критику, а отмечая только мысли Чернышевского, касающиеся международной политики, сопоставим цитированное место с письмом к жене, которое следовательно по своей темной безграмотности приобщили к делам. Жандармский генерал Потапов, ведший первоначальное следствие, сам говорил Чернышевскому: «Я понимаю, что вы сердитесь на меня. Вы — умный, ученый человек, а вас допрашивает еще грамотный человек — хочешь приятеля пригласить на чашку чая, пищеня, не можешь написать и бросишь», — этот генерал Потапов усмотрел даже в этом письме нечто революционное. Нас интересует это письмо, полностью напечатанное в сборнике Панкратовой, которое я рекомендую вашему вниманию. Чернышевский здесь пишет, что у него большие мысли о целом ряде работ просветительного, философского характера, что нужен человек,

который сколько-нибудь понимает дело, понимает историю, понимает философию, понимает политику, он должен учесть людей, потому и несчастных, что они так невежественны. Тут та же мысль, что в заметках о Кингалеке.

Разумеется, только это свойство просветителей XVIII в., с которыми Энгельс сравнивал Чернышевского, эта вера в мощь вспокоряющей мысли, была свойством и Чернышевского. И тут, на примере внешней политики, ему казалось, что мысль о том, будто невежество — вина всему, наиболее доказуема. Если говорить о внутренней политике, то, с его точки зрения, отдельные сословия (по нашей терминологии классы) борются не по невежеству, а потому, что отстаивают свои интересы. Но во внешней политике (мы не согласимся с ним, мы иначе подходим к вопросу), с его точки зрения, сплошь и рядом выясняется совсем другое. Люди начинают свирепо драться, не зная еще вчера друг друга, а завтра забывая друг о друге. Сегодня же они свирепо дерутся вследствие того, что несколько авантюристов и деспотов — Морри, Персици, Наполеон III, Николай I — столкнули их лбами. Тут действуют не интересы, а прежде всего невежество, делающее людей игрушками в руках таких авантюристов, как те, которые затеяли Крымскую войну.

На этом у Чернышевского обрывается его анализ международной политики. Он был похоронен надолго в каземате и, выйдя оттуда, уже не возвратился к этим вопросам. Потускнело многое, потухло то яркое пламя, пламя веры в свою просветительскую роль, в несокрушимость своей просветительской роли, то пламя, которое так ярко в нем горело, и потому в нашем анализе материала мы должны на этом поставить точку.

В славном, 1939, году, который мы с вами переживаем, как вы знаете, дипломатия победившей революции одержала и будет одерживать грандиозные успехи. В этот момент умы нашего поколения особенно должны быть предрасположены к тому, чтобы посвятить, хотя бы задним числом, достаточное внимание вопросам, которыми так долго и упорно пренебрегали старые русские публицисты, и с благодарностью вспомнить великого демократа, который вместе с учеником и товарищем своим Добролюбовым является в этом отношении одним из редчайших, но тем более блестящих исключений.

В кн.: Чернышевский Н. Г. (1889—1939). Труды научной сессии к 50-летию со дня смерти. Л., 1941, стр. 295—304.

ПРЕДИСЛОВИЕ

[К книге: Кухарский П. Ф. Франко-русские отношения накануне Крымской войны. Л., 1941]

Исследование тов. Кухарского посвящено специальной разработке вопроса об отношениях между Николаем I и Наполеоном III. Этот вопрос всегда интересовал историков, и ему посвящена уже немалая литература. Но Кухарскому удалось самостоятельно подойти к теме, использовать некоторые неизданные материалы, — и дать серьезную работу.

Собственно, здесь разбираются два конфликта: один из-за титула Наполеона III, другой из-за «святых мест», т. е. из-за пререканий между католическим и православным духовенством в Палестине (по поводу разных прав и преимуществ, связанных с иерусалимским и иерусалимскими храмами). Оба эти конфликта предшествуют посылке Мещникова в Константинополь и началу русско-турецкой войны. Тов. Кухарский касается и более поздних событий, но их он затрагивает лишь вкратце. Центр тяжести его работы — в анализе указанных двух конфликтов.

Оба они были лишь предложениями и внешними поводами для войны против России, которая нужна была Наполеону III, и когда второй конфликт (из-за «святых мест») дал благоприятный предлог Николаю I для войны с Турцией, то неминусовое и совершилось: вспыхнула сначала война России с Турцией, а потом война России с Францией и Англией. Но что касается первого конфликта, из-за титула Наполеона III, то этот конфликт и сам по себе имел серьезное политическое значение. Принимая имя Наполеона *третьего*, новый император французов преднамеренно и очень резко оскорблял все правительства Европы, подписавшие Венский трактат 1815 г., — ведь дело шло не только о восстановлении династии Бонапарта, объявленной Венским конгрессом *навсегда* лишеной французского престола, но также и о том, что новый император игнорирует и династию Бурбонов и династию Орлеанов, а считает, что законным государем Франции после 1815 г. был никогда фактически не царствовавший «Наполеон *второй*» (т. е. римский король, сын Наполеона I, герцог Рейшхадтский, умерший в 1832 г.). Значит, Николай I и другие монархи, признавая Луи-Наполеона Наполеоном *третьим*, тем самым соглашались бы признать, что Венский конгресс лишил французский престол законного государя и посадил узурпаторов Бурбонов!

К тому, что рассказывает тов. Кухарский об этом конфликте, можно было бы лишь прибавить, что австрийская дипломатия сделала все от нее зависевшее, чтобы втравить царя в этот чрезвычайный последствием конфликт, а когда он уже сделал непоправимые шаги в этом направлении, то в самый последний момент и Австрия и Пруссия уклонились и исполнили полностью все, чего

от них требовал Наполеон III. В европейской прессе того времени проскользнул даже намек на сознательно-провокационные действия в этом вопросе со стороны Буоля, австрийского министра иностранных дел. Поводом к возникновению такого предположения послужили два обстоятельства: во-первых, Буоль еще в начале декабря 1852 г., т. е. отдав все пужные распоряжения Губеру, австрийскому послу в Вене (о полном удовлетворении всех французских требований касательно титула), писал в Петербург австрийскому представителю для сообщения Нессельроде и царю о позной неприемлемости этих французских требований; а во-вторых, главным стремлением австрийской политики, поскольку она зависела от Буоля и Губера, именно и являлось посясть раздор между Николаем I и Наполеоном III, которые оба являлись очень прозными и беспокойными возможными политическими противниками Австрии: Николай — на севере Габсбургской державы, Наполеон III — на юге, где он мог, когда заблагорассудится, вместе с Сардинским королевством напасть на австрийскую Ломбардо-Венецианскую область.

Конфликт из-за «святых мест» послужил уже прямой дипломатической увертюрой к разрыву между Россией и Турцией и в дальнейшем, следовательно, к Крымской войне. Друзья де Люис впоследствии проговорился в интимной беседе, что «святые места» не интересовали Наполеона III ни в малейшей степени, но ему нужен был конфликт именно на Востоке, чтобы этим дипломатически расколоть возможность коалиции против Франции четырех держав (Англии, России, Пруссии и Австрии), так как можно было твердо быть уверенным, что ни Англия, ни Австрия помогать России на турецком востоке не станут.

Захватнические стремления Николая I столкнулись с интересами Англии на востоке, с политическими комбинациями Наполеона III, направленными к уничтожению возможности воскрешения антифранцузского «четверного Союза», и, наконец, как это весьма ярко выявилося уже в процессе подготовки войны, и особенно во время войны, Англия и Франция очень недвусмысленно стали сами выражать пожелания к захвату влияния и власти в Константинополе. Достаточно почитать, что говорят источники, идущие с турецкой стороны (хотя бы воспоминания Мушавера-паши, перешедшего в ислам англичанина), чтобы в этом убедиться.

Крымская война имела по своим последствиям прогрессивное значение в истории России. Военный провал николаевской системы дал толчок к крестьянской реформе и другим частичным видоизменениям в самодержавном строе. Но «державы-победительницы» проявили в своей политике в ближайшие годы определяющий уклон в сторону реакции. Во Франции полицейский режим бонапартовского абсолютизма упрочился на многие годы. В Англии «либерал» Пальмерстон, которого Маркс справедливо ненавидел

больше, чем любого консерватора, и который на самом деле был гораздо реакционнее всякого лорда Дерби или Дизраэли, тоже на долгие годы, вплоть до конца своей жизни, сделался идолом, божотворимым крупной буржуазией и тормозом при всякой, даже самой скромной, попытке демократизации английского политического строя.

Работа Кухарского является очень своевременной теперь, когда партия и правительство считают одной из очередных просветительных задач расширение и углубление знаний в области дипломатической истории. Этот добросовестный этюд заслуживает внимания не только со стороны специалистов, но и со стороны читающей широкой советской общественности.

В кн.: Кухарский П. Ф. Франко-русские отношения накануне Крымской войны. Л., 1941, стр. 5—7.

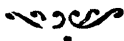
О ЛЕРМОНТОВСКОМ ВРЕМЕНИ

Очень желательно было бы, если бы юбилейное оживление интереса к Лермонтову натолкнуло наших историков на некоторые темы, до сих пор остающиеся неразработанными с достаточной полнотой. Вместо повторения шаблонных фраз и часто довольно бесплодного гадания о деталях организации убийства великого поэта, о подсылке командированных из Петербурга специальных убийц и т. п. следовало бы заняться настоящим, совсем уже бесспорным «убийцей» Лермонтова, т. е. политической и общественной средой и атмосферой именно *средних лет* николаевского царствования, т. е. времени между концом польского восстания в 1831 г. и началом умственного оживления в 1842 и следующих годах (выход «Мертвых душ», борьба славянофилов с западниками, лекции Грановского и т. д.). Это время Теодор Шиман в своем II томе *Geschichte Russlands unter dem Kaiser Nikolaus* называет «императорским тихим житьем». Оно довольно резко отличается и от первых годов царствования и особенно от непосредственно следующих. Тургенев в своих «Литературных воспоминаниях» говорит именно о 1837 г. «*Время тогда было очень уж смиренное*». Эти «средние годы» были самым безнадежно глухим, сонным, удушливым периодом николаевской эпохи, и злой рок заставил Лермонтова жить и погибнуть именно в этот период. Даже самые последние годы царствования, годы полицейского террора и цензурного беснования, от 1848 г. до Крымской войны, не давали современникам ощущения такого безысходного мрака и прочного застоя, потому что всеевропейская гроза 1848 г. слишком всколыхнула общественное сознание, и чувствовалось, что сам властелин уже не

верит в возможность без совсем экстренных мер восстановить прежний покой сонного болота.

Так как у нас очень мало и очень плохо знают николаевское царствование, то эта «средняя» полоса его, имеющая свою собственную историческую физиономию, совсем выпала из поля зрения — и ее никак не отмечают и не выделяют. Но стоит хоть немного *по-настоящему* приглядеться к документам, как это, например, сделал тот же Теодор Шиман, человек, очень мало смысловитый и в Пушкине, и в Лермонтове, и в русской культуре вообще, но собравший огромный запас фактических сведений, и сейчас же исследователю становится ясным, что такое были эти 30-е годы (и самое начало 40-х годов), которые Шиман правильно выделил в особую рубрику, назвав это время, правда, весьма идиллически, «*тихим житьем*» (Stilleben). Это «тихое житье» и задушило Лермонтова, и эти годы давно пора обследовать монографически во всех деталях. Это более трудно, но и более производительно со всех точек зрения, чем писать о смерти Лермонтова разные фантастические киносценарии. Тем более, что параллельно можно ведь производить и специальные исследования о дуэли. Одно другому не мешаетнисколько.

Литературный современник, 1944,
№ 7—8, стр. 140—141.

ГУБИТЕЛИ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Нападение на Советский Союз — последняя ставка, которую делает фашизм в своей преступной игре. Эта игра ведется против культурных ценностей, созданных на протяжении всей истории человечества.

Геббельс и подобные ему вандалы высказали классический афоризм: «Когда при мне заговаривают о культуре, я немедленно кладу палец на курок своего автоматического револьвера». Вот именно такие люди и требовались, чтобы растоптать культуру!

Требовалось не знающее пределов презрение к науке, цивилизации и даже к требованиям здравого смысла, чтобы выдвинуть курьезно-нелепую историческую «теорию» о миродержавной первой германской расе и о превращении всех прочих рас в подъяремные. Требовалось соединение исключительного невежества с истинно звериной жестокостью, чтобы начать реализацию этой «теории» с порабощения соседних стран.

Результат последовательного применения этой «теории» заключается, как известно, в том, что и завоеватели и завоеванные — и «высшая раса» и «низшие» — люто голодают и самые хлебные,

самые плодородные страны Европы одна за другой (поистине с молниеносной быстротой) обратились в пивы, пораженные саранчой. Преступность и челепость самой цели — вернуть историю к средним векам, а людей — к порядкам времен «Хижина дяди Тома» — очевидна.

Мы не сомневаемся, что, кому в Европе дороги интересы культурного прогресса человечества, в этот исторический момент душой с Советским Союзом, который и нанесет сокрушительный удар зарвавшимся насильникам.

Правда, 1941, 24 июня. № 173.

ВОЙНА ОТЕЧЕСТВЕННАЯ, ВОЙНА ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ

Второй раз в нашей истории освобождение русской земли от вторгнувшегося неприятеля перерастает, можно с уверенностью сказать, в освобождение Европы. Но какая огромная разница во всей обстановке борьбы теперь — и борьбы 1812—1814 гг.! Тогда еще могли быть в России разные мнения о необходимости продолжать борьбу с Наполеоном после ухода за Неман и гибели великой армии. Тогда, с другой стороны, еще могли народы Европы не протестовать против политики своих правительств, неоднократно предлагавших Наполеону мир в 1813 и в 1814 гг.

Теперь — с презренной карикатурой на Наполеона — дело обстоит гораздо яснее, точнее и проще. Вся континентальная Европа состоит либо (в подавляющем большинстве случаев) из государств, растоптанных, ограбленных, измученных голодной военной саранчой, которая была на них брошена гитлеровской шайкой, либо из сообщников и соучастников гитлеровских преступлений, надеющихся поживиться в случае победы и утверждения господства германского фашизма. Не один только Муссолини заслужил название шакала, недавно ему данное Черчиллем. Такими шакалами, чтобы недалеко ходить, являются и белая Румыния, и белая Финляндия, в такого же шакала хотят обратить несчастную Францию те негодяи, которые ее продали отчасти за наличный расчет, а отчасти в кредит, и теперь там хозяйничают, опираясь на гестапо.

Поэтому наша вторая Отечественная война уже сейчас в глазах поработанных народов стала началом великого всеевропейского освобождения. И это освобождение коснется не только тех народов, которые подверглись непосредственному военному нападению и были раздавлены, но и тех, которые пали жертвой внутренней измены и которые, стиснув зубы, ждут возможности выпрямиться во весь рост и расплатиться сполна с гитлеровскими наемниками, поставленными править ими и шпионить за ними.

Но и этого мало. Близятся сроки, когда эта война окажется войной освобождения также и для самого германского народа. Исторические источники нам говорят, что в германских городах в 1813 г. раздавались на всем пути русской армии восторженные крики: «Идут русские, идут освободители!» («Die Russen, die Befreier kommen!») А ведь на этот раз немецкий народ будет освобожден от несравненно худшего ярма, чем в 1813 г. И разве этот крик о русских освободителях уже не раздается?

Освобождающаяся от Наполеона Европа шла на борьбу под лозунгами уничтожения не только национального, но и внутрениполитического гнета. Обещания, которые обильно расточались народам их правительствами, пока шла борьба, далеко не все были выполнены после победы. Да и владычество Наполеона в покоренных странах было ознаменовано не только деспотическим самовластием, но и некоторыми реформами, имевшими безусловно прогрессивное значение в то время.

В настоящее время народы Европы с трепетным волнением и восторгом ловят известия об укладываемых в нашу землю «железных» и прочих немецко-фашистских дивизиях. Они знают, что более гнусного, чудовищного ига, чем то, которое наложено на них немецко-фашистскими извергами, нет никакой возможности себе даже вообразить. Гитлер и его головорезы осуществляют сознательный, планомерный, обдуманый возврат к самым темным и варварским временам раннего средневековья. Мало того. Порабощение Германии этой шайкой стало средством к необузданному грабежу и разбою, производимому систематически.

Картина морального состояния нынешней Европы, да и всего мира, стала ясной: победы Советскому Союзу желает все человечество, за исключением, разумеется, гитлеровцев и пресмыкающихся перед ними наемников. Господа, проживающие в городе Виши и говорящие от имени французского народа, которому они не показываются на глаза, должны были бы припомнить старую французскую поговорку, излюбленную Виктором Гюго: есть на свете только один человек, который моднее палача, это — лакей палача.

Кроме вот подобных «деятелей», без преувеличений можно сказать, что все несчастное население поработенной Европы ждет конца ненавистных извергов, возлагая самые большие свои надежды на героическую борьбу народов СССР и нашей славной Красной Армии.

Известия, 1941, 6 июля, № 158.

ПАРТИЗАНЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Каждый день с волнением мы читаем о героических подвигах наших партизан во вражеском тылу, и мысль, естественно, обращается от второй, ныне происходящей, Отечественной войны — к первой. В этой коротенькой заметке я хочу остановиться не столько на чертах сходства, сколько на отличии нынешней партизанской борьбы от той, которая прославила имена Дениса Давыдова, крестьянина Четвертакова, старостихи Василисы, Фигнера, Сеславина, белевской «кружевницы Прасковьи» и других героев 1812 г.

Черты сходства ясны сами собой. Геройские подвиги, обличающие полнейшее самоотвержение и забвение об опасности, изумительные по смелости и находчивости удары, наносимые врагу, — все это и в 1941 г. характерно для партизан, точь-в-точь как было характерно и в дни Дениса Давыдова.

Один из современников так описывал действия партизан в 1812 г.:

«В самое короткое время партизаны принесли ощутительную пользу. Пленные в большом количестве приводились ежедневно; на всех коммуникациях неприятеля появились казаки; не проходили ни транспорты, ни парки, ни даже малые команды: все было истребляемо партизанами.

Неприятель для фуражирования не смел ходить без пехоты и пушек; но и сие не остановило истребления фуражиров, которых нередко приводили целыми эскадронами. Жители, ободренные беспрерывно являвшимися партиями, служили им вернейшими провожатыми, доставляли обстоятельные известия, наконец, сами взяли оружие и большими толпами присоединились к партизанам».

Это была подлинно народная война, в которой ярко проявились патриотизм русского народа и его ненависть к иноземным захватчикам, посягавшим на честь и существование России.

Традиции 1812 г. живы в нашем народе. Так же, как и столетие назад, на войну против захватчиков поднялся весь народ. И самым ярким проявлением народного характера войны является опять партизанское движение в тылу неприятеля, в котором участвуют миллионы населения.

Но какая огромная разница во всем остальном! Наполеон вторгся в Россию 24 июня 1812 г.; Денис Давыдов организовал первый свой партизанский отряд в начале сентября. До той поры можно отметить (незадолго до выступления Дениса Давыдова) лишь отдельные, редкие, незначительные попытки партизанской борьбы со стороны крестьян, уходивших в леса перед приходом неприятеля. Настоящая партизанская война развернулась даже не в сентябре, а в октябре, ноябре и декабре 1812 г. Пока наполеоновская армия шла к Москве, да и в первые три недели после занятия Москвы, широкая дорога в тылу, соединявшая занятую русскую

столицу с наполеоновской империей, была совершенно безопасна от партизанских налетов. Курьеры, обозы, маршевые батальоны спокойно двигались от Вильны, Мипска, Витебска через Смоленск к Москве.

Наполеону и его маршалам в первые, «победоносные», три месяца нашествия показалось бы совсем невероятной, нелепой сказкой, если бы им сказали, что у них в тылу, как в ближайшем, так и в глубоком, партизаны захватывают штабы крупнейших соединений, убивают генералов вместе с их свитой и штабными офицерами, уничтожают мосты и переправы, взрывают склады боеприпасов, овладевают открытой силой колоссально важными оперативными документами, мигом передают их на русский фронт и русская регулярная армия тотчас же имеет возможность предпринимать соответствующие шаги...

Все то, что мы читаем теперь, каждый день, о действиях партизан в тылу у врага, было абсолютно невозможно в течение всего периода наступления наполеоновской армии. Да и при ее отступлении такие успехи доставались больше всего частям кутузовской регулярной армии. Партизаны 1812 г. делали великое дело, довершая разгром врага, тревожа его аррьергард внезапными налетами на отстающие части, но ничего, даже отдаленно похожего на то, что происходит теперь, в *первый период войны*, тогда не было и быть не могло.

Теперь партизанская война развернулась с первых же дней вражеского вторжения. В тылу у немецко-фашистской армии уже сейчас действуют многочисленные партизанские отряды, которые не только нападают на регулярные части противника, но и нередко захватывают его аэродромы, отбивают обратно города и села. На этот раз партизанам не пришлось ожидать, пока доведется *проводить* вражескую армию, изгоняемую прочь, они *встречают* ее, встречают штыками, автоматами и минометами.

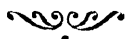
При этом, что особенно важно, нашему военному командованию удалась труднейшая задача: гармонически слить действия проникших в тыл врага организованных и хорошо снабженных отрядов красных войск с действиями населения, восставшего против подлых негодяев фашистской банды. Народная война в стройных, организованных формах, война, в которой тыл и фронт находятся в постоянном, прочно налаженном сообщении друг с другом, — вот что такое партизанское движение в Великую Отечественную войну 1941 г. Необъятный фронт, идущий от Ледовитого океана до Черного моря, оказался не сплошной линией, а крайне прерывистой. У фашистской армии не хватило сил, чтобы воспрепятствовать этому роковому для гитлеровской шайки постоянному общению между партизанами и частями Красной Армии на фронте.

Фашисты уже сейчас начинают понимать, что находятся *между двух огней* и что их «тыл» уже и теперь временами бывает, как две капли воды, похож на фронт.

Недаром в письмах гитлеровских солдат и офицеров сквозит смертельный страх перед партизанами. «Война здесь — это партизанская война, — читаем мы в письме Вольфганга Борга от 18 июля 1941 г., адресованном в Лейпциг. — Третью нашего соединения убила. При здешних огромных густых лесах ежеминутно можно ожидать неожиданного обстрела. Одному или нескольким отправиться ночью в лес, — это равносильно самоубийству. Русские, конечно, взяли установку на партизанскую войну и дерутся с ожесточением... Целые русские дивизии с бронетанками и бронепоездами шатаются в тылу нашего фронта. Несколько дней тому назад совершенно было нападение даже на нашу полевую почту. Я потерял надежду на то, что война окончится в этом году, — для этого русские слишком серьезные противники».

Действия наших партизан уже сейчас внушают ужас фашистам и создают для них поистине смертельную опасность. Но есть еще одно обстоятельство, которое сыграет свою роль в грядущее время расплаты. Презренная немецко-фашистская сволочь понимает, что партизанская война, которая встретит убийственным огнем уходящую орду, провожаемую всей Красной Армией, явится лишь вступлением к тем «проводам», какие будут повсеместно устроены фашистским злодеям во всех странах, откуда они бросятся наутек.

Комсомольская правда, 1941,
6 сентября, № 210.

РОКОВОЙ ПРОСЧЕТ

Кончились три месяца, которые гитлеровской шайке очень хотелось бы считать концом борьбы, но которые на самом деле являются только началом ее. Длительную войну Германия выиграть не может, хотя бы она не переставала одерживать победы, — такова аксиома, которую старый фельдмаршал Гельмут фон Мольтке не переставал внушать своему штабу, когда все французские армии в 1870—1871 гг. уже давно были полностью разгромлены, пол-Франции занято. Затянувшаяся осада Парижа все еще внушала выдающемуся германскому стратегу, по его собственному позднейшему признанию, тяжкое беспокойство, и он счастлив был, когда перетрусившая французская буржуазия поспешила, вопреки резко выраженной воле рабочих масс, заключить с немцами мир. А что бы сказал он, если бы ему представили картину *современного* положения. Потери немцев за три месяца — несколько миллионов солдат, заведомо лучших, отборнейших дивизий. Крепнущая с каждым месяцем несметная армия неприятеля, резервы которого только еще начинают вступать в бой и к услу-

гам которого гигантская, первая на свете техника и промышленность обеих великих англо-саксонских держав...

И самое роковое не это. Восточный неприятель в непрерывных, кровавых свечах, систематически истребляющих германские силы, и западный неприятель, превращающий не менее целеустремленно в прах и развалины самые богатые, самые промышленные города, самые обширные гавани Германии, не только не думают о прекращении войны, но уже наперед заявляют о полной готовности продолжать войну, если это понадобится, неопределенно долго, до полной победы.

Военные человечки и публицисты Германии, когда страшный разгром 1918 г. развязал им языки, критикуя действия своих генералов на Восточном фронте, с горечью укоряли их в том, что они забыли старый афоризм школы Клаузевица: «Россия — это страна, куда легко войти, но откуда очень трудно выйти». Но ведь фашистские газетные врали и клоуны геббельсы и фрикке давно уже проводят мысль, что прежняя германская стратегия устарела потому, что не знала «тотальной» войны. Другими словами, если не пытаться пленных и не закапывать живьем в землю матерей с детьми в занимаемых русских деревнях и городах, то в самом деле выиграть войну в России нельзя. Но вот, если вести войну «тотально», то все прежние стратегические и тактические доктрины теряют свою силу. Это ведь *главный* аргумент, которым Гитлер и окружающая его шайка негодяев успокаивают и себя и своих несколько павших духом рабов.

Много роковых для себя просчетов и ошибок сделала банда этих извергов, когда начала нападение на Советский Союз. И, может быть, наиболее фатальный промах допустила эта банда, уверив себя и подъяремное немецкое население, что в Советском Союзе наступит внутреннее разложение, которое облегчит скорую победу вторгшимся разбойничьим полчищам.

Истекшие три месяца нанесли этой надежде наиболее сокрушительный удар. Провал этой надежды презренного, безмерно подлого врага еще более укрепляет в нас спокойную веру в будущее.

Вечерняя Москва, 1941, 24 сентября, № 226.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА И ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Двадцать четыре года тому назад Октябрь 1917 г. начал новую страницу всемирной истории. И теперь его годовщина празднуется в такой исторический момент, когда судьбы всего человечества зависят от событий, происходящих в нашей стране.

Можно без всяких преувеличений сказать, что никогда еще во

всемирной истории не только будущее Европы, но и будущее всего земного шара до такой степени не зависело от успехов русского оружия и от дальнейших решений и предначертаний русской дипломатии, как в данное время.

И нужно отдать справедливость в этом случае нашему противнику. Немецкий фашизм сделал все от себя зависящее, чтобы предстать перед всем светом в облики такой поистине мерзостной, презренной гнусности, как это никогда, ни с кем, ни с каким политическим строем, ни с каким общественным течением, ни с одним правительством не случалось.

Трусливый негодяй Гитлер, которому в свое время Людендорф демонстративно отказался подавать руку, узнав, как он, буквально трясясь от страха, залез под диван в мюнхенской пивной, когда его товарищи, по его же подстрекательству, пойдя на свой нелепый «путч», потерпели поражение, — этот человек, очень дорожащий собственной шкурой, но без малейших колебаний посылающий на убой миллионы одуряченных его шайкой людей, — как раз теперь уже, во время войны с Советским Союзом, распоясался так, как даже и ему до сих пор не приходилось.

В самом деле, хотя весь свет уже давно привык к тому, что нет той истинно кретинской глупости, которую не сболтнул бы распутный язык Гитлера, Геббельса, Розенберга и прочих представителей этой компании, но все-таки с глубоким изумлением весь читающий мир ознакомился с теми разоблачениями, которые содержатся в большой, обращенной к народу официальной речи президента Соединенных Штатов Америки Рузвельта 28 октября и в его сообщении представителям прессы 30 октября и 5 ноября.

Оказывается, на случай победы над Советским Союзом, которая предвещит установление мирового владычества немецко-фашистской банды, у Гитлера уже готов проект широчайших реформ. Рузвельта, по-видимому, особенно заинтересовала, как нечто новое, именно «реформа» не политическая, а идеологическая. Характерной новостью, сообщенной президентом США, явилось то, что Гитлер решил: 1) упразднить все существующие религии и 2) припудительным путем ввести новую религию, которая и будет состоять в признании в виде вероисповедного догмата, обязательного для всех народов земли, основных положений «нацизма». Иначе говоря: Европа, Азия, Австралия, Африка и Америка будут *обязаны* верить в то, что германская раса — раса господ, что другие расы «близки к антропоидам», т. е. к обезьянам, что власть на земном шаре должна принадлежать «германскому духу, воплощенному в фюрере Адольфе Гитлере», и т. д.

Весь этот наглый бред поразил президента Рузвельта несомненно не столько самим, так сказать, содержанием, потому что в общих чертах эти фашистские мечтания были уже раньше отчасти известны, сколько именно прямым признанием, что после

победы над СССР эта «религия» будет насильственно введена повсеместно.

И недаром тотчас после разоблачения этих курьезнейших по своей глупости планов, которые уже составлены, но пока стыдливо держатся в некотором секрете, Рузвельт тотчас же вспомнил о героической Красной Армии, ведущей беспощадную борьбу с ордой гитлеровских палачей и извергов.

Президент США правильно оценил необузданный бред немецкой фашистской шайки, позорящей род человеческий смрадным фактом своего существования.

Если бы СССР был сломлен, то взбесившиеся, обнаглевшие от сознания своей безнаказанности гнусные звери в человеческом образе бросились бы на новые страны, сохранившие еще свою независимость. Немецкие варвары потому и ставят перед собой цели, заведомо неосуществимые, чтобы у них был предлог воевать и воевать. Они ведь знают, что только состояние перманентной войны и дает им возможность впредь до бесконечности сохранять власть над измученным, ограбленным и опозоренным ими германским народом.

При всей убогости умственных средств Гитлера и окружающих его «мыслителей» в стиле Геббельса или Фрика или Розенберга не могут же они, не сойдя все-таки окончательно с ума, серьезно думать о рабском подчинении всего земного шара какой-то сидящей в Берлине банде, не могут всерьез мечтать о таком полном изничтожении всякой тени свободы и самостоятельности во всем роде человеческом, когда все человечество в полном составе по приказу из Берлина, например, внезапно уверует в наглую и дурацкую новую гитлеровскую «религию». Но это вовсе ведь и не требуется: необходимо лишь, выдвинув абсурдные цели и притязания, обеспечить за собой «перманентную войну». Таковы перспективы для человечества в случае победы гитлеровской банды над Советским Союзом.

Двадцать четвертая годовщина Октябрьской революции является поэтому датой, которая, несомненно, заставит многих и многих, как в Старом, так и в Новом свете, вспомнить о тех несправедливостях, том непонимании, тех губительных ошибках в оценке Советского Союза, за которые пришлось впоследствии, в лютые времена гитлеровщины, так жестоко расплачиваться. Своей обильно проливаемой кровью советские люди исправляют теперь то, что сделали чужие ошибки, чужие своекорыстные расчеты, чужое предательство.

«Где были наши глаза, когда мы позволили купленному предателю Лавалю саботировать и уничтожить франко-советский пакт?» — восклицал недавно с отчаянием Жюль Дюбуа, редактор «Пти паризьен», превратившийся в эмигранта и нищий теперь в «Манчестер Гардиен». Много, слишком много со жгучим раскаянием может вспомнить теперь он, недавний редактор влиятель-

ной парижской газеты, имевшей около 4 миллионов подписчиков. Иначе бы писал он эти 24 года о Советском Союзе, если бы предвидел пучину бедствий и позора, куда теперь ввергли его родину лавали, петены и дарланы! И сколько таких жюлей дюбуа и во Франции и во всех других странах, томящихся под пятой немецких захватчиков, в первый раз приветствуют сегодня октябрьскую годовщину с тем смешанным чувством раскаяния и надежды, которого до сих пор у них не было...

Мы видели, что глава крупнейшего государства в мире, президент могучей заатлантической республики, говоря о наглом паянническом юродстве Гитлера, мечтающего об оккупации Южной и Центральной Америки и сулящего заменить собой одновременно Христа, Магомета, Моисея, Будду и Конфуция, тут же упомянул об армии Советского Союза, которая борется за избавление человечества от гнусных бандитов.

Для правительства и граждан Соединенных Штатов намерения Гитлера могут в конце концов представляться лишь бредом полоумного дегенерата, хотя в руки Рузвельта, по его точному заявлению, попали уже самые уличающие документы, вплоть до политической карты будущей завоеванной немцами Америки. Но, например, для Жюля Дюбуа и его несчастных соотечественников все это представляется несравненно более реальным. Почему называть «бредом», хотя бы скажем, приказ всем французам, полякам, голландцам, норвежцам, сербам целовать свастику и религиозно поклоняться статуе Гитлера? А разве массовое кастрирование польских юношей не факт? Сжигание в пещке живьем детей на глазах родителей в порабощенных странах не факт? Разве не факт сплошная дикая, кровавая вистопляска, неистовый разбой этих грязных мерзавцев, чинимый ими в цивилизованнейших страпах Европы? Разве что-нибудь остановит этих презренных извергов, кроме жестокого, смертельного удара, который проломит, наконец, им голову?

Может быть, и не очень скоро еще последует этот спасительный, окончательный удар. Еще очень много чистой, благородной крови прольется и у нас и в Западной Европе, пока, наконец, гнусный зверь будет окончательно обезврежен. Но уже сейчас можно сказать с полнейшей уверенностью: гитлеризм непременно рано или поздно потерпит полное поражение, потому что не может никак всемирная история закончиться торжеством и утверждением той мерзостной смеси палаческого застенка с публичным домом, которая официально называется гитлеровским «новым порядком», и в этом неизбежном, предрешенном крушении фашистской Германии те удары, которые уже нанесло и еще нанесет в будущем немецкому фашизму героическое сопротивление советского народа, рано или поздно сыграют свою огромную исключительную роль.

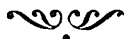
Никакие временные неудачи в борьбе повсеместно разверты-

вающихся сил, идущих на смертный бой против гитлеризма, не могут поколебать этой уверенности. И у нас, и далеко за нашими пределами нынешняя годовщина основания Советского государства встречается с твердой решимостью продолжать борьбу с непоколебимой верой в конечную победу над черными силами немецкого фашизма.

Наша Отечественная война с первого же момента получила значение великой освободительной борьбы за все человечество, оказавшееся перед поистине смертельной угрозой порабощения гнуснейшими гадами, которых только когда-либо видела история. Русский воин своим непоколебимым, часто прямо сверхчеловеческим героизмом, изумлявший в свое время и Фридриха II, которого он так страшно бил, и Наполеона I в 1805, 1806, 1807, 1812, 1813, 1814 гг., и генералов Наполеона III в Крымскую войну, и буквально всех врагов, с которыми ему приходилось сражаться, — доказал себя и в эти последние четыре с половиной месяца достойным хранителем бессмертной русской военной славы. Наполеон говорил, что невыигранная атакующим битва — вовсе не есть «нерешительное сражение», а должна быть названа *проигранной* битвой. Гитлеровские полчища вот уже четыре с половиной месяца атакуют Советский Союз, все эти месяцы ведут одну сплошную долгую кровавую битву, но не выиграли этой битвы и никогда ее не выиграют, какие бы частичные, ничего окончательно не дающие успехи не выпали им еще на долю.

Мы празднуем октябрьскую годовщину на пороге зимы, которой, быть может, суждено стать одним из самых роковых для гитлеровской Германии этапов на ее кровавом пути к неотвратимой, конечной гибели.

Красная Татария, 1941, 7 ноября,
№ 263.

ТЕВТОНСКИЕ РЫЦАРИ И ИХ НАСЛЕДНИКИ *

История Тевтонского ордена разрабатывалась неоднократно в Германии задолго до гитлеризма, тогда, когда германская историческая наука еще существовала. Эта тематика больше всего привлекала внимание историков империалистического лагеря. Теперь, с 1933 г., в Германии исторической науки нет, но она была и в свое время принесла большие плоды, и хотя и тогда она находилась под очень большим давлением господствующей идеологии, но все же многое сделала для освещения вопроса о Тевтонском ордене.

В настоящее время не только со страниц истории, но и в живой,

* Доклад на заседании общего собрания Академии наук СССР 5 мая 1942 г.

злободневной публицистике фашизма этот вопрос не сходит со страниц.

«Почему,— вопрошали недавно «историки» «школы» Гаусгофера,— для нас герой нашей истории, указывающий путь на Восток, не Бисмарк, не Вильгельм I, даже и не Фридрих II, которого тем не менее мы должны ставить во многом на пьедестал, а «коллективный герой» — Тевтонский орден? Почему? Потому что мы — немцы — поставлены были историей в такое положение, в каком не была никакая другая нация. Мы очутились в окружении нескольких цивилизованных народов, преграждавших нам возможность распространения и развития. Перед немцами прежде всего оказалась громадная славянская изгородь, тянущаяся от моря к морю; изгородь, из-за которой в течение всей истории немецкий народ задыхался. Поэтому для «нас», немцев, прежде всего герою те, кто хотел проломить эту изгородь. Для заключенного героем является тот, кто пробивает стену его тюрьмы. Для «нас» герои те, кто старался дать нам жизненное пространство на Востоке».

Такова установка.

С этой точки зрения Тевтонский орден в гораздо большей мере указал путь, чем Альбрехт Медведь, чем Генрих Лев — эти деятели XII в., которые колонизовали Бранденбург, уничтожали славян, пруссов и т. д. Почему? Потому что Тевтонский орден и слившийся с ним Ливонский повели германский народ дальше, за Вислу, за Неман, к озерам.

Вспомним вкратце главнейшие этапы исторического пути Тевтонского ордена, а затем посмотрим, какую роль его традиции играют в современной фашистской идеологии и как они передаются.

Когда ордена меченосцев и тевтонских «братьев-рыцарей» только еще нарождались в песках Палестины и Сирии, они, как и другие рыцарские ордена, возникали прочно сколоченным обществом вооруженных людей, отбивавшихся в трудной обстановке от окружающих их полчищ врагов. Они привыкли к тому, что редко кто из них доживал до двадцатипяти-тридцатилетнего возраста. Это был, как потом хвастались историки-расисты, естественный отбор наиболее могучих, крепких людей.

Рыцари отсиживались в тех укреплениях, которые они там строили, ни на кого не надеясь, привыкшие к военному делу и складывавшие свои головы под ударами сарацинских копий и сельджукских кривых сабель. Сражались они стойко и мужественно. Из-за целого ряда исторических превратностей судьбы они очутились на Севере. Здесь рыцари продолжали такой же образ жизни, какой вели в Египте и Сирии: осваивали землю совершенно определенным путем (первый раз в истории Европы это проведено в таких размерах), истребляя физически то население, которое сопротивлялось, истребляя вообще все то население, которое было им не пужно в качестве рабочего инвентаря. Лишь с течением

времени прекратилось это истребление, когда рыцари перешли к более оседлой жизни, когда им показалось выгоднее сохранить побольше рабочих рук.

Но в начале их разбойничьих нападений истребление победенных проводилось сознательно и систематически. Они натолкнулись на большое сопротивление со стороны славянских племен, которые давали им отпор, как и племена латышские и литовские.

Рыцари шли вперед и вперед, но не так легко, как потом расписывали германские патристические историки, по словам которых немцы входили в славянские земли, «как пож в масло»: рыцари продвигались вперед, но ценой кровопролитной борьбы.

Уже во время этого победоносного шествия, в разгаре успехов стали обнаруживаться неувязки и неполадки у них в тылу. Дело в том, что рыцари были крепко сколоченной вооруженной массой; это была конница, которая шла вперед. Но в тылу у них постепенно образовывались города, возникали поселки, деревни, а кое-где разрастались уже ранее существовавшие селения. Возникало бюргерство — городской торгово-ремесленный класс.

Горожане критически смотрели на многое, что делали рыцари. С одной стороны, горожане были довольны, что рыцари захватывают все новые и новые земли, что они подбираются уже к Новгороду, к тому городу, который после Венеции и некоторых других царственных купеческих городов считался в тогдашнем мире одним из самых могучих, одним из самых богатых центров торговли. Рыцари продвигались к большим богатствам русского Севера. Ввиду этих заманчивых перспектив можно было многое терпеть, а терпеть кое-что горожанам приходилось. Ведь рыцари, так же как норманны, с которыми они имели нечто родственное, знали (как говорят о них старые летописцы) лишь одно: воевать, забирая земли, города, села. Когда же было нельзя воевать и продвижение на Восток приостанавливалось, они грабили своих под теми или иными предлогами, накладывая внезапно чудовищные налоги на города и деревни, или обирали горожан разными другими способами, а иногда просто врываясь в их дома. Все это вызывало недовольство, но тем не менее большого ропота в городах и селах не было, пока история в первый раз не бросила «взоров гнева» на Орден.

В 1242 г., в апреле, произошло то историческое событие, которое сыграло такую большую роль в русской истории и не меньшую в истории германского движения на Восток. Ледовое побоище, семисотлетие которого недавно нами праздновалось, положило предел продвижению немцев в глубь русской земли.

Остановимся на политических последствиях этой знаменитой битвы.

Александр Невский высоко прославлен в нашей истории как вождь, но недостаточно оценен как дипломат. В высшей степени характерна для него одна основная тенденция во всей его дипло-

матической деятельности. Он, грозный победитель шведов, блистательный победитель немцев, воин, который разгромил их пастышко, что направил по другому руслу всю историю Тевтонского ордена, — этот самый непобедимый новгородский князь ездит в Орду и ведет там долгие переговоры с татарами. Разумеется, в Орде его принимают очень любезно. Нам понятно, почему. Летописцы, говоря об этих поездках Александра Невского, с горьким чувством открыто заявляют: «О, злее зла честь татарская!»

Почему же Александр ездил в Орду? Не только потому, что в тот момент безумием было бы сопротивляться, не только потому, что татары были гораздо организованнее и многочисленнее, чем русские, не только потому, что Александр не хотел подвергать вторичному полному, а может быть, и окончательному разгрому русскую землю и Новгород, куда, явно благодаря всяким дипломатическим его приемам, татары не были допущены, но и потому, что при создавшемся положении с татарами можно было вести переговоры, а с рыцарями вести их было нельзя.

Ведь рыцари, как прекрасно знали это новгородцы, ставили перед собой такую задачу, которую ни до них, ни после них (вплоть до Гитлера) никто не ставил себе: истребление всех русских славян, кроме нужного количества в качестве рабочего скота.

Татары таких целей перед собой никогда не ставили. Они были завоевателями, если можно так выразиться, обыкновенного образца. Они пришли, разбили русскую рать и наложили на побежденных контрибуцию; они посылали своих баскаков собирать дань, посылали потом бессерменских купцов-откупщиков с этой же целью. Татары превратили князей в своих уполномоченных, в своих управляющих, но они совершенно не касались русского быта. Они не трогали русской церкви, которая играла тогда прогрессивную роль в духовной жизни русского народа, не вторгались насильственно в уклад жизни русского народа. Им необходимо было извлечь из Руси известные материальные блага, и они извлекали их.

Дипломатия Александра спасла русский народ от нового нашествия татар. С рыцарями же разговор у Александра и начался и окончился на льду Чудского озера.

Какую роль сыграло Ледовое побоище в русской истории, это всем прекрасно известно. Обратимся от победителей Ледового побоища к побежденным в этот навеки памятный день. Это поражение не было погребальным звоном над Тевтонским орденом, но это был тот удар, который хотя еще не валит с ног, однако наносит неизлечимую рану. Рана была тем тяжелее, что те самые начинавшиеся неполадки и неувязки тыла, о которых я мельком упомянул, после Ледового побоища стали сказываться все более и более явственно.

Рыцарская конница, так страшно разгромленная Александром

Невским, оказалась во владениях Ордена в положении того правительства, которому многое прощалось за внешние успехи и которому перестают прощать, когда успехи прекращаются.

Горожане, которые молча и терпеливо сносили многое, перестали молчать. Они еще не поднялись, еще не было даже в зачаточном виде той начавшейся оппозиции тогдашнего бюргерства, которая в других германских странах уже порой давала знать о себе. Еще пока не было налицо какого-нибудь большого политического движения, но обращаться с горожанами так, как до этого Тевтонский орден обращался с ними, стало уже невозможным.

Александр Невский преградил немцам путь на Русь; он нанес им такой удар, что рыцари уже больше не посмели брать реванш, хотя грозили этим. Оставался для врага другой путь: если нельзя прорваться к Новгороду, к богатому Новгороду, к «Северной Венеции», то можно было прорваться по восточной линии, взяв несколько южнее. Но здесь путь был загорожен поляками.

Отдаленные последствия удара, нанесенного Ледовым побоищем немецким захватчикам, еще больше сказались на взаимоотношениях между поляками и Тевтонским орденом, чем даже на внутренних отношениях Ордена и горожан, живших в его владениях.

Чем была Польша для Тевтонского ордена в те далекие времена, когда рыцари начали свою разбойничью деятельность? Она отнюдь не была тоже тем «маслом, куда входит нож», как горделиво об этом заявлялось фашистами впоследствии о славянах вообще, хотя, конечно, вначале Орден был сильнее поляков. С поляками, казалось, можно расправиться в таком роде, как расправились с пруссами. Конечно, пруссы были недурными воинами; напротив, они храбро воевали, но ведь и латыши храбро воевали и литовцы не были трусами.

Разведка у Ордена была очень плохой. В те времена, как теперь уже известно, например, разведка у татар была превосходная. У тевтонских рыцарей, правда, была, вообще говоря, хорошая армия, и Александр Невский вовсе не потому победил, что будто бы враг был слаб: враг был храбр и силен. Но разведки почти никакой не было у орденских «братьев». Ни о Новгороде, ни затем о Польше они ничего не узнали заблаговременно.

Правильно оценить врагов Ордену мешали их надменность, *vanitas*, как говорит один из летописцев, их хвастовство, тщеславие. Оба эти понятия выражаются словом «ванитас». «Братьям» приятно было хвастнуть, что поляки никуда не годятся, русские тоже никуда не годятся, как и прочие славяне; врагу приятнее было на этом успокоиться, чем провести правильную разведку.

Рыцари, как известно, просчитались на русских, как затем и на поляках. Последние поддавались их напору сначала, но во второй половине XIII столетия, несколько позднее Ледового побоища, перестали ему поддаваться. Тевтонский орден начал ощущать горечь

полученного им удара на Чудском озере. Постепенно на помощь Польше выступила и та сила, которая до той поры помогала рыцарям. Это был католицизм. Почему католическая церковь стала на сторону поляков и почему это оказалось таким опасным для Тевтонского ордена?

Для римской курии поляки явились новым духовным и отчасти экономическим вассалом. Поляков было очень много. Разведка «святейшего» престола была гораздо лучше разведки Тевтонского ордена, потому что римская курия располагала превосходным штатом разведчиков, превосходным подбором политических, духовных и всяких иных шпионов. И римское папство раньше всех оценило Польшу.

Для римской курии не было никакого смысла ссориться с поляками. Поляков было гораздо больше, чем рыцарей, необходимо было только организовать польскую государственность, а для помощи в деле государственной организации римская курия была вполне пригодна, и католическая церковь действительно стала помогать консолидации польской государственности.

Для Тевтонского ордена это был страшный удар, потому что при усилении Польши и эта средняя, польская часть восточного фронта оказалась для тевтонских рыцарей также прегражденной. Поделаться с этим Ордену ничего было нельзя. Организация шла деятельно. Польское дворянство, польские феодалы в те времена еще не оказывали своего дезагрегирующего, разлагающего влияния на государство, все они имели в виду страшную опасность, идущую с Запада. Они постепенно подчинялись центральной власти, а центральная власть с жадностью охватывала все то, что духовенство передавало светской власти о положении в Европе, о том, с кем можно затеять плодотворные сношения для борьбы с врагами.

С этого времени продвижение на Восток стало еще более затрудненным для Ордена. Что же оставалось делать? Толпание на месте для Тевтонского ордена было невозможно: эта ассоциация должна была идти вперед либо уничтожаться. Смерть политическая пришла только в начале XV столетия. Смерть пришла во время Грюнвальдской битвы, где, наконец, надолго решился спор между западным славянством и тевтонами. Рыцари были разгромлены, но они не кончили своего существования, которое продолжалось еще долго после 1466 г., когда Орден признал формально свою лепную зависимость от Польши. Но это уже было, конечно, умирание.

Духовная традиция Тевтонского ордена оказалась очень живой. Много было превратностей судьбы, пока, наконец, весь Прибалтийский край, переходивший из рук в руки, не оказался во владении России.

Вспомним, как продолжали свое существование традиции Тевтонского ордена при русском владычестве. Ордена как будто не

было, а традиции жили и здравствовали. Напомним, в чем сказывались эти традиции, которые многократно были выражены балтийскими публицистами и представителями дворянства в немецкой прессе (в русской печати этому мешала цензура). В особенности внимательно занималась вопросом о «прибалтийских традициях» германская пресса в конце 60-х годов XIX в. по поводу полемики с Юрием Самариным, которую вели идеологи прибалтийского дворянства. Вот, вкратце, к чему сводились эти мысли: «Мы прямые потомки потерпевшего поражение Тевтонского ордена. Мы в 1466 г. стали ленниками польской короны. Попали затем под власть Швеции. Польская корона и Швеция были затем разбиты вдребезги двуглавым орлом Северной державы. Мы попали со времен Петра Великого и его преемников в руки России, и теперь мы стали ленниками русских царей, вассалами русских императоров. Поскольку мы присягали русскому царю, мы ему верны, верны как вассалы, однако ведь, вассалитет и вассальная присяга заключаются не только в том, что вассал дает присягу сюзерену, но и в том, что сюзерен берет торжественные обязательства относительно вассала. Эту присягу мы дали, мы не получили ее формально со стороны царей, но «*tacito consensu*» («молчаливым согласием») цари признали за нами известные права, и мы удовлетворились. За нами, прибалтийским дворянством, были сохранены большие привилегии, в наши руки почти всецело попало местное самоуправление, мы жили в своих замках в Лифляндии, Эстляндии, Курляндии как настоящие феодалы. С русским народом нас ничего не связывает, мы только под общей короной, мы связаны с русскими царями, а вовсе не с русским народом».

В середине XIX столетия, особенно в 60-х годах, шла уже упомянутая выше большая полемика (она как-то прошла малозамеченной русской общественностью), направленная против этой дворянской прибалтийской идеологии. Юрий Самарин очень при этом увлекся своим славянофильством и перегибнул, так сказать, отчасти палку в противоположную сторону; его последователи вступили на путь обрусительства и извратили смысл спора. Со стороны балтийских баронов был высказан целый ряд суждений в таком духе: «Мы не только были верными ленниками, мы помогали Петру Великому и русским царям организовывать беспокойное русское стадо, мы помогали им создавать большую военную державу, мы занимаем руководящие места в правительстве, в дипломатии империи, генералитете. Мы, верные рыцари Тевтонского ордена, всегда были верны тем, кому присягали. Мы настолько верны русским царям, что они без нас как без рук, без нас они не могут справиться с тем анархическим, беспокойным конгломератом, который называется русским народом».

Вот законченный путь традиций Тевтонского ордена.

Коснемся теперь того, какую роль играет сейчас анализ истории Ордена, как все это освещалось в германской историографии

с давних пор и как это освещается сейчас. Я не буду касаться достижений былой, серьезной германской историографии, которая при всем своем патриотическом увлечении, при всех своих заблуждениях все-таки является украшением всемирной исторической науки. Я обращаюсь к тому, что сейчас непосредственно нас интересует. Ведь не Вайтц, не Леопольд Ранке, не Зибель и другие германские ученые былых времен вдохновляют сейчас ту шайку, которая многими миллионами германских граждан, к их несчастью и к их позору, пока еще признается настоящим их правительством. Ведут фашистскую пропаганду демагоги, которые из истории извлекают, сознательно ее фальсифицируют, то, что им нужно; в плане этой фашистской пропаганды имеет широкое хождение историко-философская теория, официально признаваемая в германских университетах, в тех самых университетах, где учили Ранке, Гервинус, Моммсен и другие звезды исторической науки. Известно также, что говорят Карл Гаусгофер и другие официальные германские публицисты и так называемые историки.

История, заявляют они, так же как и география, не должна быть статической наукой, а они обе должны быть науками «динамическими».

Сразу, читая это, нельзя даже и понять, в чем дело. Я тоже, когда впервые стал знакомиться с этим учением, с большим любопытством продолжал читать книги и статьи, где оно излагалось, и с каждой страницей узнавал новое и новое. Может ли существовать более *статический* предмет на белом свете, чем географическая карта? Оказывается, она должна быть тоже динамичной, как и история. География не должна учить о том, что есть, а должна учить о тех *желательных* границах, которые нужно обозначить «пунктиром». С 1934 г. карта России изображается в Германии в виде большого пространства, зачерченного зеленой краской с коричневыми кружками. (Германская карта очерчена коричневой краской).

Что это значит? Поясняется это совершенно открыто. Коричневой краской обозначены те места, где германский дух в своем будущем победном шествии к Уралу может найти опору и отдохновение. Другими словами, выражаясь менее поэтично, скажем так: это сознательно и заблаговременно организованные немецкие шпионские гнезда на территории СССР, разбросанные по «зеленому пространству». Это и есть «динамическая» карта, карта будущего, «карта движения вперед», от коричневого кружка к коричневому кружку, вплоть до Урала.

История тоже должна быть динамичной. С точки зрения гитлеровцев, великая заслуга тевтонских рыцарей именно в том и заключается, что они, как еще до них Генрих Лев и Альбрехт Медведь, поняли, что динамика германской истории должна направляться на Восток, а не на Запад, не на Север, не на Юг.

И незачем при этом смущать учащееся юношество ненужными рассказами об остановках и неудачах, постигавших победоносных белокурых зигфридов на их восточных путях! В истории (об этом есть специальный пиркуляр) многое должно выпускаться. Пропускать надо, например, о Ледовом побоище: едва ли может быть найдено в каком бы то ни было энциклопедическом или другом германском словаре, который вышел позже 1933 г., что-нибудь о Ледовом побоище. Дело изображается так: рыцари действительно дошли до области русских озер, но здесь целый ряд обстоятельств принудил их временно сделать остановку. Тут же иногда прибавляется, что подобные остановки случались со многими завоевателями в истории. Например, такой герой, как Александр Македонский, великий завоеватель, тоже сделал остановку в Индии, он не мог дальше идти; тогда он поставил камни в память своих побед и повернул обратно. Даже об Александре Македонском упоминается, но вот об Александре Невском как раз и забыли, говоря о Тевтонском ордене...

Гимназические учителя Германии, которые, извлекая выгоды из своих «патриотических» чувств, в настоящее время заняли университетские кафедры, указывают, что историю Тевтонского ордена необходимо считать тем «служебным материалом», по которому следует изучать ошибки бывшей стратегии для того, чтобы избежать их в настоящем.

После разгрома гитлеровской армии под Москвой (я знаю это по выдержкам из английских газет) в одной германской газете подчеркивалось, что сейчас важно не поступать так, как «тыл» когда-то поступил с Тевтонским орденом. Почему, вопрошалось, такой страшной оказалась по своим последствиям эта «остановка», причиненная русскими, а потом поляками? Тевтонский орден вовсе не был разбит окончательно: он мог еще сражаться, он еще долго существовал. Даже после битвы при Грюнвальде в начале XV в. Орден тоже еще мог воспрянуть, но его не поддержал тыл. Презренные, своекорыстные торгаши, жившие на землях Ордена, — городское бюргерство — не поддержали воителей, не понимая, что в их же купеческую мошну вольются новгородское богатство и польские сокровища. Им надо было выдержать характер, им не следовало из-за своих мелких делишек и претензий ударить кинжалом в спину и нанести предательский удар рыцарскому ордену, затевать интриги, начинать тайные переговоры с Польшей. Вывод подсказывается сам собой, и, судя по многократным и очень злобным выходкам и угрозам по адресу «тыла» со стороны Геббельса и его подручных, этот вывод уже давно сделан.

Каким стало положение потом? Прямые потомки рыцарей, их наследники, дерутся на волоколамских путях. Тут произошла тоже «заминка», как во время Ледового побоища или при Грюнвальде с покойными рыцарями. Пусть же у «нас», говорят они, теперь не повторится того же самого! Пусть «наш» тыл не поведет

себя так, как тот тыл в те далекие времена. Пусть наши горожане окажутся лучше, наши нынешние бюргеры пусть будут не такими близорукими эгоистами, как бюргеры XIII, XIV, XV столетий! Враги у «нас» остались те же самые. Тот же католицизм, тот же папа, который ведет себя так же предосудительно, как его предшественники, которые коварным образом организовали поляков. Что делает нынешний папа? Нынешний папа не пошел в «крестовый поход» против большевиков. Гитлеровцы так горячо приглашали папу принять участие в борьбе против русских, что, не желая его утруждать, от его имени сгоряча написали как-то даже чуть ли не целую энциклику. По крайней мере поместили об этом, на всякий случай, известие в газете вскоре после вторжения на советскую территорию. Правда, после опровержения махнули рукой и не упорствовали. Папа не только не примкнул к «крестовому походу» против большевиков, но он и его епископы сейчас организуют протесты против злодеяний в Польше нынешних наследников Ордена, нынешних «рыцарей», которые борются за продвижение Германии на Восток.

Итак, враги у немцев при их движении на Восток остались те же самые. Правда, удалось зато порвать эту вражескую цепь на средней части Восточного фронта. Верно, что те же самые поляки, которые когда-то, как и русские, преградили путь немцам, теперь лежат во прахе. Теперь «мы» (гитлеровцы) продвинулись гораздо дальше, чем продвинулись рыцари, но положение остается не менее опасным.

Возникает вопрос: можно ли, с точки зрения фашистской публицистики, сказать, что «динамическая история» должна в данном случае состоять только в действительной критике старых ошибок, и можно ли этим довольствоваться? Можно ли от самого Ордена воспринять какое-либо «положительное» указание?

Есть какой-то роковой закон, давно уже говорят авторы и приверженцы «динамической истории», который дарует немцам блестящую победу, но потом ввергает их в пучину злом, ввергает в черную бездну поражений.

«Наши» успехи бывают «zu kurzlebig», они слишком скоротечны, им суждена слишком короткая жизнь. Не только Тевтонский орден постигла эта трагическая судьба. Тевтонский орден был застрельщиком движения и представителем основных интересов германского племени; его поражение сильно подорвало поступательное движение германского народа на Восток, заградило ему выход из той тюрьмы, в которую жестокая история его заключила, помешало раздвинуть границы «наши» — смешные границы «lächerliche Grenzen», смешные потому, что они никакого пути к будущему не открывают: немцы «задыхаются» в них.

С точки зрения германских империалистов, тевтонские рыцари велики тем, что они одни только за всю германскую историю попытались последовательно бороться с тем роком, который всегда

губит Германию и всегда вырывает у нее из рук победу в последний момент.

Фашистским «историкам» тевтонские рыцари очень угодили именно своим методом ведения войны на Востоке.

Тевтонские рыцари вели «тотальную войну»: у них, заявляют фашистские «историки», был «верный принцип»: надо не победить врага, а истребить его или обратить в рабочий скот. Этот принцип в точности перешел во всю гитлеровскую политическую систему; это — единственное, заявляют гитлеровцы 1941—1942 гг., что может Германии дать окончательную победу.

Пока Тевтонский орден истреблял врагов, т. е. на заре своей деятельности, Орден был непобедим: Пруссия навсегда перестала быть славянской.

Всегда, когда «мы» теряли, «утрачивали победу», говорят фашистские «историки», «мы» теряли не только вследствие роковых обстоятельств истории, но и вследствие роковых ошибок «наших» вождей. Единственный раз «шпионеры и застрельщики» германской нации не делали никаких ошибок. Тевтонский орден не сделал ошибок, он понял, что надо врагов истреблять, кроме тех, кого следует превратить в рабочий скот, надо расчистить дорогу, «надо германизировать не *народ*, потому что это немыслимо, а *территорию*». Германизировать русских нельзя, германизировать поляков нельзя, и не только нельзя, но и не нужно. Немцам нужны земли и тех и других, но не народ, если не считать тех немногих, кто может быть полезен в качестве «рабочего инвентаря».

Кроме тевтонских рыцарей, жалуются фашистские «историки», никто этого не понял, даже Бисмарк. Поэтому последовательные гитлеровцы нередко с большой горечью говорят об основателе «второй германской империи». Бисмарк со своими еврейскими банкирами Блейхредерами, со своей «парламентской гнилью», которую он удержал в Германии, со всеми ограничениями, со всеми путями, которые он наложил на себя самого, со всеми узкомонархическими, династическими пристрастиями, которые помешали ему уничтожить всякий партикуляризм в Германии, — Бисмарк не мог быть вождем, он не мог сделать единственного дела, которое нужно было сделать, т. е. продолжить исторический подвиг рыцарей, «германских патриотов», прорваться на Восток. Он скрутил всю Германию по рукам и ногам сложными отношениями, уважением к тем или иным частным династическим интересам, и, лишив Германию полной свободы действий, он стал проповедовать, что нельзя бороться с Россией, он внушил самому императору Вильгельму I те слова, с которыми тот так и отошел в вечность. «Не ссорься с Россией, — сказал Вильгельм, умирая, своему сыну Фридриху III, вступавшему на престол. — Помни только одно, *никогда* не войю с Россией!»

Это все внушил ему Бисмарк, говорят фашисты; и в этом смысле Бисмарк «ограничивал германскую историю». Бисмарк родился

и детство свое провел, когда были еще памятны недавние страшные времена Наполеона. Когда Бисмарку было 7—8 лет от роду, в прусских лесах все еще находили непохороненные трупы, гнившие там со времен наполеоновского нашествия. Бисмарк привык трепетать перед воспоминаниями о Наполеоне. Это было в детстве. Далее, Бисмарк свою молодость и зрелый возраст провел при Николае I, который распорядился в Германии, как хозяин, и в котором Европа видела преемника Наполеона по могуществу. Будучи уже взрослым человеком, Бисмарк трепетал перед Николаем Павловичем. А человек, который всю свою жизнь, до 40-летнего возраста, привык трепетать, не может быть вождем народа!

Фридрих II, король прусский (продолжают фашисты), — это исторический герой, но что он мог сделать? Фридрих II слишком поздно пошел в руководители. Перед Фридрихом II уже была такая грандиозная сила, как та же Россия. Не с его средствами монарха маленького государства было пробить эту толщу. Он сделал многое, путем дипломатии взяв часть Польши. Но ведь все знали, что Екатерина II милостиво выбросила ему этот кусок, а сама взяла все, что хотела взять. Фридрих, правда, указал, что немцам надо начинать с того места, на котором остановился Тевтонский орден, но сам Фридрих взять многого не мог. Тевтонские рыцари, установившие тотальную войну, не довели до конца своего дела, потому что им помешал удар в спину, потому что католическая церковь им помешала, потому что они вообще несколько опоздали. Они не предварили ни усиления Новгородского княжества, ни государственной организации Польши, и поэтому сорвалось и погибло все их историческое дело. Все эти «мысли» давно уже популярны в гитлеровской историографии и публицистике.

Теперь еще несколько слов о *традициях* Тевтонского ордена, на долгие века переживших самый Орден. Как к этим традициям отнеслись творцы гитлеровской идеологии? Гитлеровцы, повторяя забавные глупости Альфреда Розенберга — одного из самых нахальных по самонамению, невежественных бумагомарак фашистской шайки, — утверждают, что только балтийское дворянство, т. е. прямые потомки тевтонских рыцарей, — и никто иной — создали русскую государственность. И поэтому, довольно последовательно, гитлеровцы изъявляют удовольствие, что балтийские бароны были ликвидированы в 1917 г.: без них, заявляют гитлеровцы, Россия осталась осужденной на гибель; в 1917 г. русская революция, которая изгнала баронов и лишила Россию «высшего» руководства, уничтожила силу сопротивления русского народа против будущего нашествия, и сейчас потомки рыцарей должны уже непосредственно служить верой и правдой германскому отечеству. Они и служат и начали служить еще до революции 1917 г. Грудно даже догадаться, где, например, автору этих строк посчастливилось найти взволнованно-сочувственное признание чисто немецкого духа, «die deutsche Treue» (немецкую верность), сохранившейся в одном

из потомков тевтонских рыцарей — фон Зиберте. Этот потомок начал свое доблестное служение германскому отечеству даже еще до 1917 г., т. е. еще когда был «ленником» русского царя.

Когда умер фон Зиберт (эта личность нам, исследователям истории дипломатии, уже давно известна), в одном из немецких некрологов, посвященных ему, я нашел такое признание: Зиберт — «рыцарь, заблудившийся в XX веке!» Он служил старшим советником русского императорского посольства в Лондоне перед войной 1914 г. и состоял в чине сначала статского, а потом действительного статского советника. Он получал одновременно, кроме оклада, положенного ему в России по должности, с не меньшей аккуратностью (и также в золотой валюте, как платился ему оклад по дипломатической службе русским правительством) другой оклад, но уже от германского правительства, приблизительно в полтора раза больше, чем от русского. Должность его (по шпионскому разделу его службы) заключалась в том, чтобы снимать копии со всех бумаг русского посольства, которые кажутся ему более интересными, и передавать их в Германию. После революции он переехал в Германию и, оставшись без заработка, так как разом лишился заработной платы по обеим службам, как явной, так и тайной, предложил издать все те документы, которые он успел выкрасть. Их оказалось около 600 печатных страниц. Это очень ценные документы, тайком вывезенные им из Лондона. Берлинский издатель потребовал, чтобы в печати было пояснено, кто такой фон Зиберт. Он с полным удовольствием это сделал, указав, что он немец, что он старый немецкий патриот и т. д. По своей честности и благородству натуры ему, конечно, не легко было играть такую тяжкую, двойную роль, но чего не сделаешь для отечества?! Он должен был бы прибавить, что тевтонские рыцари не так еще жертвовали собой!

В газете «Der Tag» как-то было сказано по поводу Зиберта, что кровь расы, как крепкое вино: чем больше времени пройдет, тем лучше становится. Пример — Зиберт. Шутка ли, какую целювек службу сослужил германскому отечеству! Ведь благодаря ему до войны и в первые годы войны *все*, что знало русское правительство, знало и германское правительство. Без потери времени удавалось все это быстро передавать в Берлин.

Вот в чем гитлеровцы видят заслуги этих людей и их традиций: поскольку эти люди, служа русскому императору как «ленники», «вассалы», могли помогать правящим кликам Германии в их стремлении к Балтийскому морю, постольку, говорят гитлеровцы, они делали «правильное историческое дело», и, шпионя в пользу Германии, они действовали «в интересах германского государства».

Германские газеты еще до войны нередко упоминали о Тевтонском ордене, о том, как устраивались рыцари на Балтийском море и т. п. Теперь, после временной оккупации Советской Прибал-

тики — Латвии, Эстонии, Литвы, — когда особенно оживился интерес к этому прошлому, судя по известным, попадающим в английскую печать, торжественно провозглашается, что немцами делается вторая попытка пойти с того места, где остановились рыцари. Первую попытку сделал Фридрих II. Ему не удалось. «Мы» (гитлеровцы) делаем вторую попытку, и это «нам» должно удался.

В 1941 г. говорилось, что иначе и быть не может, что «мы» уже это сделали, но что русский народ почему-то отказывается признать себя побежденным. В 1942 г. говорится осторожней: «мы» (гитлеровцы) этого не сделали, но «мы» должны это сделать. Почему должны? Потому что иначе «мы» погибнем. «Мы» должны сражаться до тех пор, пока можем держать в руках оружие, потому что это вторая попытка продолжить дело тевтонских рыцарей на Востоке, и если враги победят, они «нам» не простят, и «мы» погибли.

Что с «нами» дальше будет, неизвестно, но «мы» должны предстать перед богом Одним (это единственный бог — скандинавский, которого они пока не отменили) с мечом в руках и с чистой совестью, потому что на этот раз можно сказать, что вожды наши ошибки не сделали — тотальная война проводилась уже так, что каждый тевтонский рыцарь позавидовал бы. «Мы» (т. е. гитлеровская банда) чисты перед богом Одним...»

Тевтонские рыцари, как известно, «ошибок» никаких не сделали, но вот было одно упущение — именно не грех, а упущение, а упущение не ошибка, а нечто неотвратимое. Рыцари были, бесспорно, меньшинством среди подвластного им населения. Но это было меньшинство, на которое «история германского духа» возложила бремя, и оно несло его со славой. Это бремя оказалось неудобносимым только из-за измены в тылу. У рыцарей не было возможности расправиться с внутренними изменниками, с этими самыми горожанами, расправиться настолько, чтобы те не мешали их дальнейшему победному шествию. У них не хватило просто сил. Другими словами, очевидно, организация гестапо в XIII столетии оказалась для рыцарей делом затруднительным. Вероятно, когда до нас дойдет все то, что теперь печатается в гитлеровских газетах и журналах, мы прочтем нечто подобное.

Без труда можно представить себе, как используется вопрос о внутренней борьбе в тылу Тевтонского ордена гитлеровскими «историками» *теперь*, если об этом предмете они писали в таком духе уже задолго до нынешней войны.

Горожане XIV—XV вв. не довольствовались тем, что перестали помогать рыцарям. Жители некоторых городов делали нечто худшее: они начали тайные переговоры с польскими королями, они уже сдавались раньше, чем рыцари — этот головной отряд германского народа, — потерпели окончательное поражение — еще до Грюнвальда.

Во всех рассуждениях, во всей фашистской публицистике,

во всех размышлениях гитлеровских «историков» о Тевтонском ордене отсутствует одна подробность: отсутствует Александр Невский! А у нынешних гитлеровских политиков в их рассуждениях о происходящей войне не учитывается мощь и значение героической Красной Армии. «Историки» — фашисты молчат потому, что знают, что говорить о традициях Тевтонского ордена и распространяться при этом об Александре Невском и Ледовом побоище нельзя: это подрывает все лживое построение о тевтонских рыцарях, «не делавших ошибок». А гитлеровские публицисты молчат о Красной Армии потому, что если о ней много говорить, то это подорвет все оптимистические размышления о предстоящей «победе».

Основной мотив фашистской пропаганды в 1942 г.: «Мы должны победить потому, что если мы не победим, то погибнем». «Тотальная» война грозит «тотальной» же, полной гибелью агрессору, если не будет им выиграна. Гитлеровскую банду начинают уже одолевать зловещие предчувствия. Юбилей Ледового побоища в 1942 г. пришелся, с точки зрения нынешних наследников тевтонских рыцарей, досадно некстати...

Вестник Академии наук СССР,
1942, № 5—6, стр. 70—80.

1812—1941/42 гг.

Еще в самое первое время гитлеровского вторжения военный обозреватель нью-йоркской газеты «Сен» писал: «Если немцам не удастся одержать победы, то их возвращение из России будет таково, что, по сравнению с ним, отступление Наполеона покажется веселым пикником».

В половине декабря 1812 г. ни Наполеона, ни остатков его армии в России уже не было вовсе, да и очень больших русских морозов французы не испытали за все время похода, если не считать последних двух недель с небольшим их пребывания на русской территории, — от Березины (26—27 ноября) до перехода последних французских отрядов через Неман (11—13 декабря). Не забудем, что река Березина даже не успела еще замерзнуть, и Наполеону пришлось наводить через нее понтонный мост, да и Днепр у Смоленска едва подернулся тонким льдом, что и вызвало страшную катастрофу (провалы льда) при переходе через реку арьергарда маршала Нея. Если именно между Березиной и Неманом остатки великой армии постигла окончательная гибель, то это произошло не потому, что несколько дней подряд, в самом конце ноября и в первые дни декабря, стукнули морозы в 18—20—25 градусов, а потому, что вследствие ужасающего истощения солдат, отсутствия пищи, отсутствия отдыха, полного упад-

ка духа наполеоновское войско и физически и морально лишилось былой своей сопротивляемости перед лицом русского народа, вставшего на защиту родины.

Теперь, в зиму 1941/42 г., обстоятельства складываются несколько иначе. Острые нашествия сломлено в середине декабря, а не к концу октября, как это было в 1812 г. Отступление Наполеона началось если не 19 октября, когда он вышел из Москвы, то уж, во всяком случае, 26 октября, после битвы у Малоярославца. Гитлеровские генералы были вынуждены отказаться от наступления около того же Малоярославца месяца на полтора позже, и поэтому фатально осуждены совершать свой отход в январские и февральские морозы. Да и какое сравнение может быть между самым началом отступления в 1812 и 1941 гг.! Генерал вильгельмовской Германии фон Гофман в одной из своих работ назвал наполеоновский план кампании 1812 г. «симфонией, созданной великим виртуозом». Если симфония окончилась такой какофонией, то это, по мнению Гофмана и всей нынешней школы немецких стратегов, случилось только потому, что императору Наполеону не удалось до зимы заключить мир. «Только!» Но в этом «только» и заключается разгадка грозной проблемы! Когда Гофман писал свои строки о «симфонии» 1812 г., рекомендуя «музыкантам» берлинского штаба воспользоваться уже совсем готовой партитурой великого композитора, он не мог предвидеть, что вариант 1941 г. будет настолько разниться от основного образца 1812 г. Начать хотя бы с того, что Наполеон отошел от Малоярославца, уже успев как-никак все-таки побывать в Москве и даже пожить в Кремле. А его скромным подражателям пришлось отказаться от этой подробности маршрута, запланированной в программе их путешествия по русским просторам, и удовлетворить свою любознательность лишь при помощи таинственного бинокля, посредством которого очевидно, если понатужиться, то можно даже за 75 километров видеть. Но если Наполеону не удалось достигнуть заключения мира, даже захватив Москву, то совершенно очевидно, что без Москвы и подавно мечтать о мире не приходится. Таково неизбежное логическое умозаключение, которое должно возникнуть в головах даже наиболее оптимистических стратегов школы фон Гофмана.

Итак, впереди у германской армии не две-три недели холодов, а долгие, страшные, леденящие кровь, месяцы. Но не в климатических условиях главное отличие. Когда Кутузов пришел в декабре в Вильну, окончив свой победоносный фланговый марш, то, по его подсчету, у него из 97 тысяч, с которыми он начал преследовать Наполеона, осталось всего 27 тысяч. И во время преследования Кутузов не стремился к битвам, он «выпроявлял гостя». А грозная, колоссальная армия, которая уже начала постепенно проходить размеры в 1941 г. и будет делать это во все усиливающиеся размеры в 1942 г., прежде всего усвоила себе лозунг: «По возможности не выпускать противника из боя, не давать ему пере-

дышки, не отрываться от него ни днем, ни ночью, *не прогонять, а истреблять его*». И при этом Красная Армия становится с каждой неделей не меньше, а больше, так как имеет за собой колоссальные, неисчислимые людские резервы, имеет огромные возможности технического оснащения, имеет союзников, которые одушевлены такими же чувствами, как и она сама. А это — обстоятельство крайне важное. «Мойм лучшим другом является в настоящее время тот человек, который убивает гитлеровцев». Кто это говорит? Красноармеец, глядящий на изуродованные трупы своих товарищей, русских пленных, которых замучили гитлеровские подлые бандиты? Нет, это сказал Бальфур, парламентский секретарь британского министерства авиации, и слова его были покрыты громом аплодисментов многотысячного лондонского митинга.

Когда, наконец, эти изверги бросятся из России наутек окончательно, они увидят, что, в сущности, убежать им будет некуда. Между Бородинской битвой и Ватерлоо прошло почти три года. Презренному немецко-фашистскому гаду, являющемуся поистине паяснической карикатурой на Наполеона, едва ли суждено очень долго заражать своим смрадом Европу после уничтожения его орды на территории Советского Союза. И он и вся его шайка это знают.

Велико различие между 1812 и 1941/42 гг., но есть и основное сходство: гнев русского народа, испечеливший великую армию Наполеона, пылает таким же ярким пламенем и в наши дни. Этот гнев не утихнет, пока русская земля не поглотит тех, кто ее осквернил своим присутствием и своими злодеяниями.

«Россия — это страна, куда легко войти, но откуда очень трудно выйти», — писали военные историки первой половины XIX в. Это предостережение было забыто гитлеровцами, и дорого они заплатят за свою забывчивость!

Литература и искусство, 1942,
1 января, № 1.

ПЕРВОЕ АВГУСТА

1 августа 1914 г. началась война, которую одни из гитлеровских писак, долго украшавших своими передовицами газету «Der Tag», назвал «тяжелой, но необходимой исторической репетицией». Эта мысль на все лады повторялась и повторяется в немецко-фашистской прессе: основная идея нападения на русскую территорию была-де правильной и исторически вполне закономерной. Но самое предприятие, безусловно выгодное, провалилось, мол, лишь потому, что было дипломатически худо проведено и стратегически оборвано на полдороге. На этой точке зрения гитле-

ровцы утвердились еще задолго до своего прихода к власти. Они в свое время резко возражали против того пассажа в воспоминаниях Людендорфа, где бывший генерал-квартирмейстер и фактический руководитель военных операций с горечью говорит, что никогда не следовало бы Германии и России встречаться врагами на ратном поле. «Мы обязаны Людендорфу учением о тоталитарной войне, т. е. о войне не только против армий, но и против мирного населения занимаемых территорий. И в этом великая его заслуга. Но как же он не понимает, что именно овладение Восточным пространством и должно быть первейшей целью такой последовательно проведенной тоталитарной войны?»

Нужно сказать, что гитлеровскую банду пленяет и всегда пленяла в истории войны 1914 г. именно эта первоначальная целеустремленность в сторону захвата русских земель. Конечно, для гитлеровской пропаганды это подчеркивание будто бы исключительной направленности германской агрессии на Россию имеет чистейшее тактическое значение. В речах и статьях самих же гитлеровских публицистов постоянно, и притом самым обстоятельным образом, развивалась мысль, что, только покончив с Россией, германская военная машина сможет без всякого риска обратиться против «острова ненавистных торгашей и окончательно с ними рассчитаться». Книга перешедшего на сторону самого оголтелого фашизма Вернера Зомбарта «Герои и торгаша» пользуется в Германии широчайшей популярностью и породила массу подражателей. Отзывы об Англии всех гитлеровских вождей без исключения, в тех случаях, когда им кажется ненужным лгать и лицемерить, проникнуты самой неутолимой, истинно звериной злобой к англичанам. Достаточно вспомнить, что в зиму 1940/41 г. в руководящих органах гитлеровской прессы с ликованием и злорадством предвидели в близком будущем тот момент, когда немецким туристам будут показывать развалины когда-то существовавшего Лондона, Ковентри и других английских городов.

«Наша дорога в Лондон пролегает через Москву», — говорил один из членов германского посольства в Риме представителям итальянской прессы, которые были встревожены осенью 1941 г. бездействием Германии на Средиземном море. «Русские могут лишь задержать своим сопротивлением, но не предотвратить гибель Англии», — почти ежедневно повторяли гитлеровские агенты внешнеполитического отделения президиума гитлеровской партии во всех нейтральных странах после подписания англо-советского договора 26 мая 1942 г.

В высшей степени поучительно в пестром и хаотическом сумбуре чужих общих мыслей, унаследованных от былых пангерманских теоретиков, и собственных злободневных лозунгов, в том конгломерате, который называется национал-социалистской идеологией, отметить одну настойчиво проводимую черту: «Нас упрескают в пруссачестве. Пусть же знают, что пруссачество — это

драгоценнейший палладум и талисман германского народа, и оно нам необходимо не только для внутренней, но и для внешней политики». Эта мысль особенно часто стала повторяться и подробно развиваться именно после воцарения гитлеровщины в 1933 г. Гитлеровские «историки», которые не перестают поздравлять немцев с тем, что в Германии никогда не было «настоящей» революции, прежде всего останавливаются именно на том, что «старое, крепкое прусское дворянство» уцелело и наиболее твердо в своих многовековых традициях.

Пруссачество, как его понимают и как его возводят в моральный и государственный идеал гитлеровцы, в самом деле всегда было и остается явлением, очень крепкими корнями связанным со всей историей Германии, и действительно, ни в одном из европейских государств революционное движение не оказалось до такой степени бессильным покончить с бытовыми пережитками и с последышами феодального дворянства, как именно в Германии. Это дворянство до сих пор является наиболее сплоченным корпоративным кастовым духом, частью кадрового офицерства и генералитета германской армии.

Конечно, многие из этой касты лишь с сокрушением сердечным видят себя в необходимости считаться не с династией Гогенцоллернов, которой они всегда служили, а с какой-то бандой темных проходивцев и, судя по проникшим в нейтральную печать высказываниям кое-каких надменных представителей этих остальбских родов, их частенько раздражает назойливое радиовещание Гитлера, «этот истерический вой на австрийском диалекте», как выразился не так давно один из них. Но это несколько не помешало кадровому офицерству и генералитету с полным единодушием одобрить, принять и усердно проводить в жизнь истинно палаческую программу типичнейшего представителя их среды — фельдмаршала фон Рейхенау, выразившуюся в знаменитом отпыле навеки приказе его по армии от 10 октября 1941 г. Не знающая пределов по своей жестокости и подлости программа систематического убийства русского населения без разбора пола и возраста, вины или невинности, программа систематического и наглого уничтожения всех русских исторических и художественных реликвий — все это вполне гармонирует с традициями пруссачества, как оно всегда понималось и культивировалось некоторыми элементами германской армии. Не мудрено, что гитлеровская банда с давних пор не переставала указывать, что немцам для того, чтобы окончательно осознать себя высшей расой, необходимо только равняться именно на эти «великолепные» образчики.

Еще в ту войну, которая началась 1 августа 1914 г., «Кенигсбергская газета» восхищалась тем, что создатель в своей премудрости поместил наиболее могучий, наиболее непреклонный и «справедливо беспощадный» элемент немецкой нации как раз в Восточной Пруссии, т. е. в непосредственном соседстве с Россией.

И, таким образом, сама география предназначила «истинное пруссачество» быть передовым застрельщиком в победоносном шествии воинствующего германизма на завоевание восточных просторов.

«Репетиция», начавшаяся 1 августа 1914 г., кончилась, как известно, крайне плачевно для «воинствующего германизма». Несовершенно, еще более плачевно кончится и самый «спектакль», увертюрой которого послужило разбойничье, без объявления войны, нападение 22 июня 1941 г. Подлые двуногие звери, достигшие предельных низин морального растрепания и падения, должны получить заслуженное возмездие. Но полезно вспомнить, что переживаемые нами ужасы являются лишь осуществленным планомерной, зрело обдуманной очередной попыткой покончить физически сначала с русским народом, чтобы затем овладеть всем миром. Эта попытка проводится с таким неистовым зверством, какого мир не видел даже в наихудшие времена, и, чтобы она оказалась последней, для этого «пруссачество» должно быть приведено к полному бессилию.

Русский народ *никогда* не имел перед собой такого безмерно гнусного, чудовищно жестокого врага, как гитлеровские немцы. Борьба с этим врагом, достижение победы над ним требует больших усилий и жертв. Как бы ни был тяжел путь борьбы, жертв и страданий, эти жертвы будут принесены.

Гитлеровцы дали человечеству достаточно предметных уроков, которые разъяснили даже самым непонятливым государствам простую истину: пока у тебя в руках оружие, может быть, фашист тебя и не убьет, потому что ты вовремя с ним покончишь. Но как только ты оружие сложишь, тебя постигнет либо смерть немедленная, либо растянутая на более или менее продолжительное время, в зависимости от характера пыток, которым фашист тебя подвергнет. Сознание этой непреложной истины удесятряет силу нашей армии, нашей «армии героев», как давно уже называли ее иностранные наблюдатели.

Известия, 1942, 1 августа, № 179.

АЛЕКСАНДР СУВОРОВ

Когда мы думаем о лавровом венке славы русского народа, некоторые имена из длинной чреды рожденных Россией героев духа являются в нашей памяти первыми и повелительно занимают свое первое место. Корифей мировой поэзии Пушкин, гигант художественного творчества Лев Толстой, чудо-богатырь Суворов... Эти имена как-то сами собой вторгаются в наше сознание, едва только мы начинаем жить сознательной жизнью, и уже никогда своего места в нашем сознании не покидают.

Сегодня в памяти нашей оживает Суворов, герой русской военной славы. Мы видим его таким, каким он был по единодушным показаниям современников и каким в такой строгой точности дал нам его в своей бессмертной картине Суриков.

Хилый, худенький мальчик, проведенный детство в небогатой родительской усадьбе, Суворов с какой-то всепоглощающей страстью отдался военному делу, сначала мечтам о военной службе, а потом и самой службе. Он тянул небывало по тем временам долгую лямку в пижмах чинах, имея возможность в качестве дворянина очень ускорить переход свой в офицеры.

Семилетнюю войну он проделал хоть и офицером, но в подчиненном положении и вполне развернуть свои таланты военачальника тогда еще не мог. Но никогда он не жалел об этих первых трудных и, казалось, очень неблагоприятных годах своего военного поприща. Именно в это время он сжился с русским солдатом, глубоко изучил и душевно полюбил его.

Тогда как, например, для Наполеона солдат являлся прежде всего необходимейшим орудием войны, для Суворова солдат был, кроме того, еще и боевым товарищем. Наполеон тоже относился к солдату, как к живому человеку, а не как к машине, но в его отношении было много холодного расчета и рассудочности, а Суворов в самом деле сердечно любил своих людей, которых он с такой легкостью вел на самый отчаянный риск, на самые опасные предприятия.

Чего Суворов совсем не выносил, к чему относился с явным отвращением,— это к немецко-прусской муштре солдат, превращавшей солдата в бездушный механизм. Без колебаний он готов был, когда это требовалось обстановкой военной борьбы, вести самые кровопролитные сражения, самые беспощадные штурмы, но солдат всегда оставался для него человеком, который решает дело. «Каждый воин должен понимать свой маневр»,— говорил Суворов. Необычно и революционно звучало это положение в те времена. Железная дисциплина в его войсках поражала современников, а его влияние на солдатскую массу было безгранично.

Военная доктрина Суворова в главных своих чертах уже сложилась к тому времени, когда во время первой екатерининской войны с турками (1768—1774 гг.) он, уже в генеральском чине, мог проявить свои дарования. Наступательный порыв — вот основа всех действий Суворова, и зрело обдуманная и подготовленная, но всегда стремительно проведенная атака — вот душа суворовской тактики. «Глазомер, быстрота, натиск» — в этом заключается залог военного успеха.

Быстрота, неожиданность для врага и внезапность маневра были, с точки зрения Суворова, таким важным делом, что способность своих солдат к долгим маршам без отдыха, их неутомимость он ценил почти так же высоко, как храбрость и общую боевую выучку. Его стремительные марши ошеломляли врага, а железная

воля всегда неуклонно вела к поставленной цели. Умение вовремя нащупать слабое место противника и именно в это место направить главный удар, хорошо продуманное и смелое наступление, соединенное с обходным маневром для удара по тылу противника, — все это ставило Суворова несравненно выше современных ему военачальников. Ударить врага там, где он не ждет удара, обрушиться на него как раз, когда он считает себя в безопасности, — это значит обеспечить за собой половину победы еще до того, как начнется битва, а достигнуть этого можно прежде всего быстрым и искусно замаскированным маневрированием.

«Опасности лучше идти навстречу, чем ожидать на месте», — говорил Суворов.

Раз начался бой, — тут правила Суворова сводятся по существу к одному основному принципу: бей неприятеля, не щадя ни его, ни себя самого, дерись зло, дерись до смерти, побеждает тот, кто меньше себя жалеет. Противника, разбитого в бою, надо преследовать до полного уничтожения: «Преследовать, не давая времени ни собираться, ни строиться... Не взирая на труды, преследовать дено и нощно до тех пор, пока истреблен не будет». Но Суворов не забывал прибавить: с мирным населением не вой, не грабь, не обижай, враг только до тех пор враг, пока он вооружен. В своих замечательных письмах к двум молодым людям, собиравшимся вступить в военную службу, Суворов настойчиво требует от них соблюдения суровой нравственности, благородства в частной жизни, полной моральной чистоты.

Блестящие победы Суворова уже к концу первой турецкой войны сделали его европейской знаменитостью. Он вернулся после этой войны на родину уже признанной звездой первой величины.

Настала вторая турецкая война 1787—1791 гг. с новыми блестящими подвигами Суворова, увековечившимися взятием Измаила. Потом годы вынужденного бездействия, почетная ссылка его в Херсон и затем польская война, когда Суворов «самовольно», не спросив ни у кого, предпринял быстрый поход на Варшаву, молниеносный штурм Праги-польской, вошел в Варшаву и совсем неожиданно для Екатерины окончил одним ударом войну.

Екатерина не любила Суворова и боялась его дерзостей и вызывающих выходок, но она своим большим умом понимала, до какой степени необходим России этот гений стратегии и тактики, и смиряла в себе раздражение. Но с воцарением Павла в 1796 г. дело пошло по-другому. Суворов не терпел Павла, ненавидел немецкие порядки, которые Павел вводил в русской армии, и мира между царем и фельдмаршалом быть не могло. До Павла дошли вести о суворовских отзывах и выходках, и старого фельдмаршала сослали в деревню. А в 1798 г., когда император австрийский Франц обратился к Павлу за помощью против французов, завославших северо-итальянские владения Австрии, он просил у Павла

прислать не только русскую армию, но и великого фельдмаршала. И Павел послал за Суворовым.

Легендарный поход Суворова в Италию, ряд его громких побед в Северной Италии, переход через Сен-Готард в самом трудном месте Альпийской гряды — все это было последними подвигами великого полководца. Весной 1800 г. его не стало. Но навеки осталась история Суворова...

Вот он перед нами — семидесятилетний старик, ведущий через Альпы обожающих его солдат и весело смеющийся, глядя прямо в глаза смерти, стоящей ровню в трех шагах перед его замаявшейся, упирающейся, оробевшей лошастью.

Вот он перед грозной, неприступной твердыней Измаила. Дело предстоит труднейшее, опаснейшее. Но ведь Суворов знает, что других дел ему и не поручают.

«Если ваше превосходительство не возьмет Измаила, то пикто его не возьмет!» Он знает, что не один Потемкин, а вся армия и вся Россия так думают.

Упорная подготовительная работа с «примерными» штурмами и специальной учебой солдат окончена. Наступает роковой вечер, может быть, жить осталось несколько часов, а Суворов уже посылает извещение о взятии Измаила: не удастся взять, — что же, в таком случае его в живых все равно не будет, так что и стыдно не будет.

На голове у богини счастья Фортуны очень мало волос: «только один хохол на лбу», а пролетает она мимо тебя лишь одно мгновение и никогда не обернется назад! Не успеешь ухватить ее за хохол, пиши пропало, потому что затылок у нее голый, ухватить не за что! — Так на все лады повторял Суворов своим генералам и офицерам.

«Всякая война различна, — говорил он. — Никакой батальи в кабинете выиграть не можно. Умей пользоваться местностью, управляй счастьем: мгновение дает победу».

«Я действую не часами, а минутами!» — восклицал он. Совершенно так, как Петр I, Суворов тоже считал, что «промедление времени — смерти невозвратной подобно» и что упущенные возможности редко возвращаются.

Вот перед ним грозный враг, перед которым уже трепещет Европа, — французская армия под начальством молодого и одаренного военачальника генерала Жубера. Австрийские союзники понимают, что завтрашняя встреча, битва под Нови, чревата страшными опасностями, легко может кончиться полным разгромом русско-австрийских войск. Австрийские генералы решают, что, может быть, сам фельдмаршал будет доволен, если в последний момент они с ним посоветуются и этим уменьшат его личную огромную ответственность.

Но Суворов не боится никакой ответственности и требует только, чтобы никто к нему не лез с советами, когда он уже окончательно остановился на том или ином решении. И он приветствует явившегося к нему в ночь перед сражением представителя австрийского генералитета так, что тот потом из всех сил принужден был настаивать на своем незнании русского языка и непонимании коротенького, но слишком выразительного словообращения, каким его встретил фельдмаршал.

Он не только не избегал ответственности, но он искал ее, требовал, чтобы его посылали в самые смертельно опасные места, чтобы ему давали наиболее головоломные поручения. Как он злился, когда ему предлагали «отдохнуть»! Как язвительно, с какой обидой на свое начальство писал он в январе 1770 г. Якову Ивановичу Булгакову:

«Великая мне бы была милость, если бы дали *отдохнуть* хоть один месяц, *то есть выпустили бы в поле!* С божьей помощью на свою руку я охулку не положил бы!»

Истинное отдохновение он ощущал под ядрами и пулями, и когда Турчанинов поздравлял его с заслуженным (после Измаила!) отдыхом, то Суворов ему писал:

«Я не могу оставить пятидесятилетнюю привычку к беспокойной жизни и моих солдатских приобретенных талантов... ..Я привык быть действующим непрестанно, тем и питается дух мой...»

Суворов на своем веку видел солдат многих наций: и немцев, и французов, и турок, и не только видел, но и жестоко их колачивал. Он прекрасно знал чужие армии и вовсе не склонен был пренебрежительно относиться к ним, но *русского солдата он ставил выше всех*. Именно русского человека он и считал способным, скорее всякого другого, находить себе неисчерпаемый родник самопожертвования в ту минуту, когда родина требует от своих детей максимального напряжения нравственных сил.

Солдат он воспитывал и своей знаменитой «Наукой побеждать», и постоянными с ними разговорами, личным общением, без которого он, к концу, просто обойтись не мог. Лишь бы и солдат, и офицер, и генерал был «на себя надежен», верил бы в свои силы, в свою находчивость и храбрость — это самое главное, все остальное приложится!

«От храброго российского гренадера никакое войско в свете устоять не может!» — успокаивал он Зубова в самом начале второй турецкой войны.

И главная цель воспитания солдата в том и заключается, чтобы сам он это понял и вполне в этом удостоверился. «Тщательно обучай подчиненных тебе солдат и подавай им пример собою». Но это лишь часть функций командира: «Непрестанный навык все охватывать единым взглядом сделает тебя великим полководцем. Умей пользоваться местоположением, будь терпеливым в трудах военных, *не поддавайся унынию от неудач*».

Подобно другому великому полководцу — Наполеону, — Суворов тоже считал, что побежден человек бывает только тогда, когда он примирится с неудачей и сочтет борьбу оконченной. А пока он не пал духом, он не побежден. Не падать духом после поражения и не превозноситься перед битвой.

«Знай хорошенько его (неприятеля) оружие и способы обращения с ним. Знай, в чем заключается сила и в чем слабость врага. Приучайся к неутомимой деятельности, повелевай счастьем, ибо одна минута решает победу...»

Фельдмаршал Суворов жил в свои семьдесят лет, как жил тогда простой солдат в свои двадцать-двадцать пять-тридцать лет. Есть палицо грязный сухарь? Тащи его в рот. Дают борщ с кашей? Это уж совсем роскошное угощение. Не прислали зимних шинелей? Фельдмаршал ходит в парусине, пока солдатам не подошлют полушубков.

В сущности ни один из современников и ни один из историков и биографов Суворова так и не ответил на недоуменный вопрос, давно поставленный генералом Федором Петрушевским: в чем была тайна поистине загадочной, чисто физической природы этого худощавого, вечно в движении находившегося, неутомимого, непоседливого, мало евшего, очень мало времени отдававшего спут старика? Как он выдерживал такую жизнь? Как не сжег его этот вечно в нем клокотавший огонь ярко горевшей мысли, предельно напряженной воли, постоянной устремленности вперед и вперед, к преодолению препятствий?

Он был баловнем славы, но для него слава и честь России вполне неразрывно сливались с его собственными честью и славой. Он гордился тем, что он «не пруссак, а природный русак», он гордился своей русской армией, своей Россией. И Россия и русская армия всегда им гордились и гордятся, как одним из величайших своих сынов и представителей.

Его могучий дух, дававший его слабому, тщедушному телу такую неукротимую и несокрушимую жизненность, выразился в его стратегии и тактике настойчивой, негибаемой волей к наступлению, но вместе с тем и твердостью в перенесении всех временных неудач и превратностей. Этот дух животворил русские войска и в Бородинском бою, и в нахимовском Севастополе, и в нынешнем Севастополе и продолжает жить в той упорной борьбе, в которой теперь героическая Красная Армия отстаивает существование Родины от гнусных зверей в человеческом образе, задумавших поработить страну Суворова, Кутузова, Александра Невского...

Советская власть оказала высший почет трем героям русской военной истории. Имя Суворова, как и имена двух других великих полководцев, отстаивавших русскую землю от врагов, сделает бесконечно драгоценной наградой новые ордена, которыми будут

награждаться заслужившие такое отличие командиры наших вооруженных сил.

Орден Суворова получит тот, кто по существу покажет себя на деле достойным учеником и последователем великого русского полководца; кто, подобно Суворову, докажет, что можно побеждать не числом, а умением, имея такой бесценный материал, как русского воина, можно и должно наносить неприятелю непоправимые удары, что решительность и настойчивость в проведении военных операций — залог победы над врагом.

Трудны подвиги, за которые будет даваться Орден Суворова. Но ведь всей своей жизнью гениальный полководец показал, что слава достается именно тому, кто ищет трудные препятствия, чтобы их преодолеть. И среди нашего командного состава найдутся люди, которых никакие трудности не смутят и никакие преграды не остановят. Они сломают эти преграды и доберутся до засевшего за ними жестокого и подлого врага, чтобы вконец его уничтожить.

Правда, 1942, 2 августа, № 214.

КОАЛИЦИОННЫЕ ВОЙНЫ

Коалиция — одно из интереснейших явлений дипломатической и военной истории, и самая природа этого исторического явления с давних пор привлекала внимание исследователей.

Когда в начале XVI столетия король испанский Карл сделался императором Священной Римской империи и в его руках оказалась колоссальная держава в Европе, Америке и Азии, держава, «над которой никогда не заходило солнце», то было вполне естественно, что Франция, уже тогда могучая и богатая страна, Турция, в те времена первоклассная военная империя, и союз северо-германских князей пришли к заключению, что только общими дружными усилиями можно успешно обороняться от императора Карла V. и не только обороняться, но и покончить вовсе с его преобладанием и его мечтой о всемирной монархии. Такова была первая грандиозная коалиция новых времен.

Эта коалиция была, бесспорно, сильнее Карла V, располагала гораздо большими военными силами, прекрасными плацдармами, могла систематически нападать на владения Карла и с севера, и с востока, и с юга, — словом, борьба для императора оказалась трудной, и он в конце концов изнемог в этой борьбе и отказался от престола. Но почему же могущественная коалиция больше 35 лет не могла никак с ним справиться? Почему за эти 35 лет бывали моменты, когда Карл V одерживал блестящие победы и почти

до конца сохранял позу победителя? Почему временами казалось, что ровно ничего с ним поделать нельзя? Ответ один: каждый член коалиции старался как можно меньше дать для общего дела и как можно больше получить при грядущем разделе богатой добычи. Уклоняясь по мере сил от выполнения самых торжественных своих обещаний, самых формальных обязательств, они заботились больше о том, чтобы покрепче обеспечить за собой большую награду. Мало того, князья германского союза определенно считали, что к концу войны им нужно иметь достаточно сил, чтобы сопротивляться своему «союзнику» — французскому королю Франциску I, а Франциск, в свою очередь, держался того мнения, что охотнику, действующему с товарищами, бывает иногда легче убить медведя, чем добиться выгодного для себя результата при дележе его шкуры. Союзники хитрили друг с другом, и, например, султан турецкий никак не мог в точности отдать себе отчет — кто чаще всех обманывает, путает и сбивает его с толку? Сулейман Великолепный так и окончил свое земное странствие, не решив этой головоломной проблемы. Коалиция в конце концов, потеряв непроизводительные долгие годы, принесла громадные жертвы людьми и деньгами, разрушила, правда, мечты Карла V о мировом господстве, но все-таки недоделала предпринятого дела — сокрушения испанского великодержавия.

И в следующем поколении пришлось составлять новую коалицию против сына и наследника отрекшегося от престола Карла V — против испанского короля Филиппа II. Здесь главными членами коалиции оказались Англия и восставшие Нидерланды. И опять повторилось то же самое: борьба затянулась на десятки лет, потому что королева Елизавета убеждена была, что ей лучше всего пообождать, пока опасная для нее Испания и уже могучие своей экономикой Нидерланды не выпустят друг из друга достаточно крови. Соблазнительной представлялась мысль о том, что Британии выпадет на долю лишь задача добивать Филиппа II. Жестокое испытание пришлось пережить английскому народу, когда неожиданно оказалось, что Филипп II вовсе еще не так близок к гибели, как об этом думали королева и ее верный министр лорд Борлей, и когда грозная Непобедимая Армада двинулась от испанского берега на прямое завоевание Британских островов. Беду пронесло, но это было очень суровым уроком, и с тех пор Елизавета уже повела войну совсем по-другому, не щадя сил и средств, и добилась полной победы.

Прошло 100 лет, и начались коалиционные войны против Людовика XIV. Убийственно много сил было положено этими коалициями, особенно последней по времени, ведшей против Людовика

«войну за испанское наследство», и снова главной причиной ужа-сающей затяжки войны была внутренняя несплоченность коали-ции. Вредило общему делу упорное, хотя и замаскированное, стремление каждого члена союза возложить на плечи другого бре-мена неудобноносимые, лишь бы самому приберечь свои силы к кон-цу игры, к окончательному разделу этого «испанского наследства». «Мы воевали против Людовика XIV тринадцать лет, а могли бы воевать всего тринадцать месяцев, если бы сразу же выставили в поле все силы, какими располагали», — говорили впоследст-вии с горечью английские ветераны этой войны. Дело коалиции в конце концов восторжествовало, англичанам повезло в том отно-шении, что у них оказался такой высокоталантливый вождь, как Черчилль, герцог Мальборо, своими блестящими победами систе-матически исправлявший ошибки и просчеты британской дипло-матии. Людовик XIV был побежден.

Обе коалиции против прусского короля Фридриха II вели две войны, продолжавшиеся в общей сложности около 14 лет, и если Фридрих II не погиб во вторую из этих войн (в Семилетнюю вой-ну), когда ему приходилось бороться одновременно против России, Франции и Австрии, то, конечно, не вследствие его силы, а вслед-ствие того же рокового порока многих коалиций прошлого: вслед-ствие недружного, неискреннего образа действий союзников по отношению друг к другу. Король французский Людовик XV, от которого требовалось только добросовестное исполнение приня-тых на себя обязательств, нарушал их буквально на каждом шагу. Австрийцы вступали в тайные переговоры с Фридрихом, направ-ленные против России и Франции. Время шло, военные действия затягивались, австрийцы и французы часто казались гораздо более заинтересованными не в конечной победе над Фридрихом, но в том, чтобы Россия не получила слишком много, и полная, сокру-шительная победа над Пруссией, которую союзники буквально уже держали в руках, в конце концов ускользнула от них, и все их успехи оказались безрезультатными. Не смерть императрицы Елизаветы Петровны спасла уже совсем погибавшего Фридри-ха, — его спасло то, что спустя полгода, отняв престол у мужа, Екатерина II не пожелала *возобновить* прерванную Петром III войну. А не пожелала она это сделать потому, что прекрасно разгадала истинную ценность тогдашних «союзников» России.

Наполеон I долго и страшно бил одну коалицию за другой, по-тому что соединявшиеся против него державы далеко не сразу поняли, с каким грозным врагом они имеют дело, и все время, вплоть до последних лет его царствования, Наполеон мог громить своих противников поодиночке, сражаясь на одном, а не на не-скольких фронтах. Непримируемый и умнейший из врагов

императора, воздвигавший против него одну коалицию за другой, Вильям Питт Младший, долголетний глава британского кабинета, ограничивался щедрыми субсидиями, которые он давал Австрии, Пруссии, России, но так и умер, не добившись посылки английской армии на континент, хотя есть данные, позволяющие думать, что он очень хорошо понимал, до какой степени это необходимо. После его смерти, уже при новых и новых победоносных войнах Наполеона, начались робкие, нерешительные попытки англичан открыть против Наполеона *западный фронт*. В разгаре его войны против Австрии, в 1809 г., была произведена высадка на острове Вальхерен, но эта попытка была быстро ликвидирована. В 1809—1810—1811 гг. английское правительство, наконец, пришло к выводу, что без создания западного фронта с Наполеоном не справиться. Австрия была разгромлена, Пруссия разгромлена, Россия с июня 1807 г. в союзе с Наполеоном. Значит, оставалось или самой Англии покориться завоевателю, или же начать, наконец, посылать свои войска на континент. И тогда-то было решено произвести высадку в Португалии и Испании и уже собственной, английской, кровью тушить европейский пожар.

Но и тут не сразу решились вести борьбу в должных масштабах. Долгая и трудная война на Пиренейском полуострове стоила Англии очень много крови. Многие у нас знают знаменитое стихотворение английского поэта Вулфа на смерть погибшего именно тогда в Испании генерала сэра Джона Мура:

Не бил барабан перед смутным полком,
когда мы вождя хоронили...

В этом стихотворении есть такие слова:

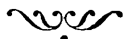
Не долго, но жарко молилась творцу
Дружина его удалая,
И молча смотрела в лицо мертвецу,
О завтрашнем дне помышляя...

Приведя эти строчки, один тогдашний английский публицист с горечью сказал, что он знает, о чем думали эти молчавшие солдаты, хороня своего генерала: они думали о медлительности, нерешительности и ошибках британской дипломатии, так поздно понявшей свой долг в войне против Наполеона, которая требовала сразу же высадки большой армии, а не скудной посылки мелких отрядов, осужденных на истребление. Но хоть и поздно, а ошибка была исправлена, и в 1812 г. Наполеон принужден был уже воевать *одновременно* на двух фронтах — на русском против Кутузова и на испанском против герцога Веллингтона.

Таковы некоторые уроки истории коалиционных войн. Они кончились победой коалиций, но эти победы были достигнуты дорогой ценой из-за ошибок, допущенных союзниками. Пессимистическая школа исторической философии давно уже выдвинула положение: «История учит только тому, что история еще никогда никого вовремя ничему не научила». Но оптимисты продолжают упорно повторять древнеримский афоризм, гласящий, что «история есть учительница жизни»...

Нынешняя коалиция демократических народов, которая твердо решила покончить с самым омерзительным и презренным из врагов человеческой свободы, какой когда-либо существовал действует в совсем особенных условиях. К этим условиям неприменимы никакие старые мерки, старые сроки. Современные условия нельзя понять в точности на основании каких бы то ни было precedентов. Свободолюбивые народы мира в этой борьбе должны выполнить до конца свои взаимные обязательства. Никакого иного выхода у них нет и быть не может, потому что они твердо убеждены, что, чего бы ни стоила борьба, она должна продолжаться до полного уничтожения фашистской коричневой чумы. В этой борьбе не могут иметь места ни ослабления энергии, ни остановки, ни замедления.

Правда, 1942, 9 октября, № 282.

ВТОРОМУ АНТИФАШИСТСКОМУ МИТИНГУ СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ

Дорогие товарищи!

Болезнь не позволяет мне принять личное участие в вашем сегодняшнем собрании, а между тем как хотелось бы сейчас высказать то, что рвется из души.

Слова разгорелись яростные бои, снова армия русских богатырей один на один, без поддержки ведет титаническую борьбу против подлейших, презренных бандитов, которых промышленность всей заблаговременно отданной им даром Европы снабжает колоссальной техникой. Мы вполне точно, документально знаем, что начальствующие круги гитлеровской орды вполне определенно признают полную невозможность для их солдат выдержать столкновение с Красной Армией в рукопашном бою, без помощи танков. Но ведь затем-то и работали долгие годы лавали и прочие шпионы Гитлера во всех странах Западной Европы, чтобы снабдить берлинскую разбойничью шайку в изобилии всем нужным вооружением к тому моменту, когда эта шайка начнет свой «молниеносный» поход на Восток. Затем-то и откармливали фашистского зверя сырым мясом, затем-то и продавали эти бесчисленные лавали и квислинги свое отечество, чтобы поход на Восток оказался и

молниеносным и победоносным. И не их, этих предателей, вина, если «молниеносное» предприятие берлинской банды явно и безнадежно проваливается. Не их, этих предателей, вина, если летом 1943 г. оказалось трудною сражаться с русскими уже не только врукопашную, но даже и сидя в уютных кабинках «тигров». Не их, этих предателей, вина, если Урал выставил против «тигров» соответствующее количество своих львов.

Нашему поколению выпало на долю исправлять многие последствия вековых ошибок и русской и западноевропейской дипломатии XIX и начала XX столетия. Нам приходится считаться также с результатами губительнейших просчетов и ошибок тех государственных деятелей Европы и Америки, которые, по справедливому замечанию английского министра иностранных дел Идена, долго не понимали, что всякая уступка, делаемая гитлеровской шайке, не отделяет, а, напротив, ускоряет неизбежное кровавое столкновение.

Когда война наземных вооруженных сил перестанет быть тем, чем она была до сих пор, т. е. героическим единоборством русского народа против разбойничьих фашистских полчищ, когда вся коалиция полностью выполнит свой долг, тогда придет быстрый конец фашистскому кошмару, угнетающему и позорящему человечество.

Мне хотелось бы, чтобы наш митинг послал через моря и океаны свой сердечный товарищеский привет тем английским и американским ученым, которые столько раз публично и коллективно выражали свое тупое убеждение, что образование второго фронта приведет гитлеровщину к быстрой и непоправимой катастрофе.

А другое, рвущееся из сердца приветствие летит к орловским и белгородским полям, где каждый день и каждый час приумножается сокровищница невосковой, чудской, куликовской, полтавской, бородинской, севастопольской русской исторической славы, где веют сталинградские знамена, где внуки суворовских чудо-богатырей ежедневно и ежечасно доказывают, что героизм является в России особенностью наследственной.

Как бы хотелось, чтобы они узнали, до какой степени мы ими гордимся!

В кн.: «Второй антифашистский митинг советских ученых в Москве 11 июля 1943 года». [М.], 1943, стр. 45—46.

О «СЕВАСТОПОЛЬСКИХ РАССКАЗАХ»

В осажденном Севастополе зимой, весной и летом 1855 г. в самых отдаленных один от другого пунктах оборонительной линии неоднократно замечали невысокого сухощавого офицера, некрасивого лицом, с глубоко внавившими, пронзительными, жадно вглядывавшимися во все глазами. Он появлялся сплошь и рядом в тех местах, где вовсе не обязан был по службе находиться, и преимущественно в самых опасных траншеях и бастионах. Это был очень мало кому тогда известный молодой поручик и писатель, которому суждено было так прославить и себя и породивший его русский народ, — Лев Николаевич Толстой. Наблюдавшие его тогда люди недоумевали впоследствии, каким образом он умудрился уцелеть среди непрерывного, страшного побоища, когда он будто нарочно нарывался каждый день на опасности.

В молодом, начинавшем свою великую жизнь Льве Толстом жили тогда два человека: защитник осажденного врагами русского города и гениальный художник, всматривавшийся и вслушивавшийся во все, что вокруг него происходило. Но было в нем тогда одно чувство, которое и руководило его военными, служебными действиями и направляло и вдохновляло его писательский дар: чувство любви к родине, попавшей в тяжелую беду, чувство самого горячего патриотизма в лучшем значении этого слова. Лев Толстой нигде не распространялся о том, как он любит страдающую Россию, но это чувство пронизывает во все три севастопольских рассказа и каждую страницу в каждом из них. Великий художник вместе с тем, описывая людей и события, говорит о себе самом и о других людях, рассказывает о русских и о неприятеле, об офицерах и солдатах, ставит себе прямой целью решительно ничего не приукрашивать, а давать читателю правду — и ничего, кроме правды.

«Герой же моей повести, — так кончает Толстой второй свой рассказ, — которого я люблю всеми силами души, которого стараясь воспроизвести во всей красоте его, и который всюду был, есть и будет прекрасен, — правда».

И вот перед нами воскресает, под гениальным пером, героическая оборона Севастополя. Взятые только три момента, выхвачены только три картины из отчаянной, неравной борьбы, почти целый год не стихавшей и не умолкавшей под Севастополем. Но как много дают эти картины! Эта небольшая книжка — не только великое художественное произведение, но и правдивый исторический документ, свидетельство пронизательного и беспристрастного очевидца, драгоценное для истории показанием участника.

Первый рассказ говорит о Севастополе в декабре 1854 г. Это был момент некоторого ослабления и замедления военных действий, промежуток между кровавой битвой под Инкерманом (24 октября / 5 ноября 1854 г.) и битвой под Евпаторией (5/17

февраля 1855 г.). Но если могла несколько проотдохнуть и поправиться полевая русская армия, стоявшая в окрестности Севастополя, то город Севастополь и его гарнизон и в декабре не знали передышки и забыли, что значит слово «покой». Бомбардировка города французской и английской артиллерией не прекращалась. Руководитель инженерной обороны Севастополя полковник Тотлебен очень торопился с земляными работами, с возведением новых и новых укреплений. Солдаты, матросы, рабочие трудились под снегом, под холодным дождем, без зимней одежды, полуголодные, и трудились так, что неприязнительский главнокомандующий, французский генерал Канробер, спустя сорок лет, не мог без восторга вспомнить об этих севастопольских рабочих, об их самоотвержении и бесстрашии, о несокрушимо стойких солдатах, об этих, наконец, шестнадцати тысячах моряков, которые почти все полегли, вместе со своими тремя адмиралами — Корниловым, Нахимовым и Истоминым, но не уступили порученных им в обороне Севастополя рубежей.

Толстой рассказывает о матросе с оторванной ногой, которого несут на носилках, а он просит остановить носилки, чтобы посмотреть на залп нашей батареи. Подлинные документы, сохранившиеся в наших архивах, приводят сколько угодно точно таких же фактов. «Ничего, нас тут двести человек на бастионе, дня на два еще нас хватит!» Такие ответы давали солдаты и матросы, и никто из них при этом даже не подозревал, каким надо быть мужественным, презирающим смерть человеком, чтобы так просто, спокойно, деловито говорить о своей собственной завтрашней или послезавтрашней неизбежной гибели! А когда мы читаем, что в этих рассказах Толстой говорит о женщинах, то ведь каждая его строка может быть подтверждена десятком неопровержимых документальных свидетельств. Жены рабочих, солдат, матросов каждый день носили мужьям обед в их бастионы, и нередко одна бомба кончала со всей семьей, хлебавшей щи из принесенного горшка. Безропотно переносили страшные увечья и смерть эти достойные своих мужей подруги. В разгар штурма 6/18 июня жены солдат и матросов разносили воду и квас по бастионам — и сколько их легло на месте!

Второй рассказ относится к маю 1855 г., а помечен этот рассказ уже 26 июня 1855 г. В мае произошла кровавая битва гарнизона против почти всей осаждающей армии неприятеля, желавшей во что бы то ни стало овладеть тремя передовыми укреплениями, выдвинутыми перед Малаховым курганом: Селенгинским и Вольнским редутами и Камчатским люнетом. Эти три укрепления пришлось после отчаянной битвы оставить, но зато 6/18 июня русские защитники города одержали блестящую победу, отбив с тяжкими для неприятеля потерями общий штурм, предпринятый французами и англичанами. Толстой не описывает этих кровавых майских и июньских встреч, но читателю рассказа ясно по всему,

что совсем недавно, только что произошли очень крупные события у осажденного города.

Толстой, между прочим, описывает одно короткое перемирие и прислушивается к мирным разговорам между русскими и французами. Очевидно, он имеет в виду то перемирие, которое было объявлено обеими сторонами тотчас после битвы 26 мая/7 июня, чтобы успеть убрать и схоронить множество трупов, покрывавших землю около Камчатского люнета и обоих редутов. В этом описании перемирия нынешнего читателя поразит, вероятно, картина, рисуемая здесь Толстым. Неужели враги, только что в яростной рукопашной борьбе фрезавшие и коловшие друг друга, могут так дружелюбно разговаривать, с такой лаской, так любезно и предупредительно относиться друг к другу? Но и здесь, как и везде, Толстой строжайше правдив, и его рассказ вполне согласуется с историей. Когда я работал над документами по обороне Севастополя, мне беспрестанно приходилось наталкиваться на такие точь-в-точь описания перемирий, а ведь их было за время Крымской войны несколько.

Да, тогдашние наши враги несколько не походили на то подлое, беспредельно жестокое немецко-фашистское зверье, которое бросает русских детей в колодцы и выкалывает глаза русским пленным. Во время Крымской войны жизнь пленника была и для русских и для их противников священна, соблюдались международные правила ведения войны, враги сражались в честном бою. Гнусные немецко-фашистские изверги, пытающие женщин, убивающие детей и сжигающие живьем пленных красноармейцев, — для нас не честные военные противники, а уголовные преступники, которых ждет — и не минует! — заслуженная панацея.

Третий рассказ Толстого относится к Севастополю в августе 1855 г. Это был последний, самый страшный месяц долгой осады, месяц непрерывных, жесточайших, днем и ночью не утихавших бомбардировок, месяц, окончившийся падением Севастополя 27 августа 1855 г. Как и в предыдущих своих двух рассказах, Толстой описывает события так, как они разворачиваются перед глазами выбранных им двух-трех участников и наблюдателей всего происходящего. Можно десять раз перечитывать этот третий рассказ, и все-таки нельзя избавиться от чувства томящей боли, когда слышишь, как Толстой повествует о великом русском героизме, ничуть не ослабевшем в эти ужасающие последние дни и часы обреченной крепости, и об уходе нашего войска из южной части Севастополя.

И, однако, когда закрываешь книгу, это чувство боли сменяется другим — чувством гордости и спокойствия за нашу Родину. Героическая оборона Севастополя в 1854—1855 гг. и не менее величественная оборона этого же города в 1941—1942 гг. доказала лишний раз, что русский народ умеет любить и защищать свою страну и через всю историю свою гордо прошел героические тра-

Дидий русского оружия, овеяная его новой бессмертной славой в Великой Отечественной войне с остервенелыми полчищами немецко-фашистских варваров, и одному из величайших сынов России, Льву Толстому, выпало на долю прославить своими никем не превзойденными творениями две русские эпопеи: сначала Крымскую войну в «Севастопольских рассказах», а впоследствии победу над Наполеоном в «Войне и мире».

Как хочется читать и перечитывать в наши суровые и славные дни оба эти бессмертные произведения титана русского художественного творчества!

В кн.: Толстой Л. Н. Севастопольские рассказы. М., 1943, стр. 3—6.

КНИГА О СУВОРОВЕ *

Эта небольшая, весьма содержательная книжка производит с первых же страниц очень выгодное для автора впечатление. Прежде всего: она написана прекрасным литературным языком, без тех ненужных и безвкусных стилистических вывертов, которые уже давным-давно успели надоесть советскому читателю и набить ему оскомину, но, к сожалению, еще не надоели многим авторам популярных исторических и историко-беллетристических работ.

И чем больше мы вчитываемся в эту книжку, тем больше крепнет в нас убеждение, что перед нами очень удавшаяся характеристика великого русского полководца, написанная на основании серьезного изучения разнообразного и довольно обильного материала.

Автор дает в сжатой форме очень продуманную и основательную картину «генеалогии» и развития наиболее характерных черт полководческого искусства Суворова. Он связывает суворовские наставления с традициями, идущими от «Устава воинского», данного Петром.

Денис Давыдов писал о Суворове, что он «удесятерил пользу, приносимую повиновением, сочетав его с чувством воинской гордости». Суворов, как неподражаемый и недосягаемый идеал военного воспитателя, рисуется в разбираемой книжке необыкновенно ярко и отчетливо. В связи с этим хочется отметить, как уместно и удачно с чисто архитектурной, так сказать, точки зрения,

* Пигарев К. Солдат-полководец. М., Гослитиздат, 1943. 164 стр.

автор окружает центральное солнце русского «небосклона славы» Суворова плеядой вождей и героев, воспитавшихся на суворовских традициях: Кулышева, Дениса Давыдова, больше всех Багратиона и Кутузова. И при этом он не старается вымучивать аргументы для доказательства недоказуемого тезиса о полном тождестве суворовской и кутузовской военной манеры (а этим иногда грешат биографы обоих военачальников), но совершенно правильно говорит: «Кутузов-полководец образовался в суворовской школе: пройдя через нее, он стал тем, чем был для солдата, не тенью Суворова, а Кутузовым, русским полководцем». С другой стороны, К. Пигарев не впадает и в обратную ошибку шаблонно-противопоставления Суворова, как представителя только наступательной тактики, Кутузову, будто бы представляющему только тактику отступления. Это является несомненным достоинством работы К. Пигарева.

Автор справедливо защищает Суворова от часто делавшегося упрека в неумеренном честолюбии. Кто же из военных героев не был честолюбив? Можно по этому поводу вспомнить, что говорил как раз об этой черте Суворова собиравший его иконографию Ровинский, известный автор «Русских народных картинок»: если бы Суворов мечтал, начиная свою жизнь, стать святым угодником, то он воздержался бы от таких страстей, как честолюбие, но ведь он мечтал стать не угодником, а фельдмаршалом. И добавим: он мечтал также стать народным героем, прославившим русское имя. Это ему и удалось в полной мере. Важно было, что он ставил нечто *выше* своей личной славы — это была честь и слава России, и служил он не во имя своих интересов, а во имя интересов русского народа и государства. Кстати: в этой связи читатель вправе был ждать от автора внимательного анализа небольшого суворовского произведения «Разговор в царстве мертвых между Александром Великим и Геростратом» (перепечатанного в этой же книжке в виде приложения). Ведь тут именно и идет принципиальный разговор о честолюбии, и самое замечательное в нем то, что Герострат у Суворова оказывается очень сильным спорщиком и кое-где ставит Александра в довольно затруднительное положение. А между тем настоящего разбора этого произведения мы у К. Пигарева не находим. Прибавлю, что вообще этот «Разговор» (неоднократно печатавшийся) настолько любопытен и столько там неожиданного, что он очень и очень достоин самого пристального внимания исследователей. Без этого источника нельзя понять всей разносторонности и независимости мысли молодого Суворова. Несколько беглых строк (на стр. 65 книги К. Пигарева) совсем недостаточно.

Богато насыщены фактическим содержанием страницы, говорившие о Суворове, как о военном ораторе и как о военном писателе. Тут весьма доказательно обрисован Суворов как мастер доходчивого до солдатских сердец русского слова. Попутно тут

же охарактеризованы и более или менее видные словесно-литературные подражатели Суворова: Кулычев, Иван Скобелев (дед), Федор Глинка, Погоский, Драгомиров. Замечу, что в следующем издании своей книжки (которого должно ждать и желать) автор хорошо сделает, если исключит ложное (по обыкновению) повествование Ростовчина о том, как Суворов при штурме с того же с сего во время разговора закричал петухом и что будто бы сказал при этом (стр. 90). Эту явную ростовчинскую небывлицу пустил в ход впервые доверчивый журналист Сергей Глинка, но уже в 40-х годах прошлого века ростовчинским «анекдотам» о Суворове вообще мало кто верил. Ведь мы хорошо знаем, что чем знаменитее был человек, тем больше лгал о нем граф Ростовчин: много о Барклае, больше о Кутузове и, естественно, больше всего о Суворове. О некоторых устно, о других — письменно.

Очень тонко очерчен у К. Пигарева образ «героя», как он сложился в уме и в воображении Суворова. Ему хотелось, чтобы понятия «солдат» и «герой» совпадали. «Я солдат, я умираю за мое отечество... смелыми шагами приближаюсь к могиле, совесть моя не запятана... Тело мое изучено ранами, а бог оставляет меня жить для блага государства», — писал он своей любимой дочери. А что русский солдат очень часто оказывался героем, кому же это было лучше знать, чем Суворову? Почему он был в таком бешенстве, когда Павел стал заводить прусские порядки в русской армии? Да потому, что самая мысль о подражании пруссакам ему казалась нелепой: «русские прусских всегда бивали, что же тут перенять?», — ядовито спрашивал великий полководец. Русский солдат может *другим* давать пример, а самому ему брать примера не с кого. Так полагал Суворов в 1797 г., едва ли бы он изменил это суждение и в 1943 г.

Автор не задается целью анализировать во всей полноте стратегию и тактику Суворова, он по основному своему заданию не обязан ни придерживаться старого хронологического порядка в изложении, ни даже перечислять все победы русского героя. Но все-таки следовало бы назвать наряду с Измаилом хотя бы Прагу, штурм которой немногим уступал в некоторых отношениях измаильскому, а по своим политическим последствиям даже превосходил его. Советский школьник, знакомясь с Пушкиным, читает обращенный к «Клеветникам России» стих: «Для вас безмолвны Кремль и Прага!» Но ведь и для него, юного пионера, тоже будет «безмолвна» Прага, если ему ничего не говорить об этом военном подвиге Суворова, одном из самых трудных и блестящих исторических дел.

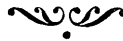
Очень нужны, хороши и новы по содержанию страницы, посвященные анализу своеобразнейшего языка Суворова. Сколько жизни, сколько могучего темперамента, горячей крови, огня было во всем, что говорил, и во всем, что писал этот необыкновенный человек!

Что удивительного, если перечисленные военные писатели, подражавшие ему, никогда не могли с ним сравниться в слове так же, как не могли с ним сравниться в бою самые талантливые подражатели его стратегии и тактики?

К. Питарев говорит о том, как умел и любил Суворов награждать за воинские подвиги. Это совершенно правильно отмечено. Можно, кстати, указать автору на любопытнейший документальный материал, никем еще обследованный и даже, кажется, никем из исследователей не упомянутый. Это — рукопись, занимающая почти целый фолиант и хранящаяся в Архиве древних актов в фонде «Бумаги канцелярии кн. Потемкина-Таврического». В рукописи (точнее, в целом ряде выслетненных в этот том рукописей) содержатся подробно мотивированные представления к наградам всех особо отличившихся при взятии Измаила. Представления снабжены на полях коротенькими пометками и пояснениями самого Суворова, сделанными его рукой. Да и самые мотивировки, конечно, тоже исходят от него. Эти документы очень интересны для характеристики зоркого вождя и благодарного начальника, каковым всегда был Суворов.

Приветствуем появление пуяной и хорошо написанной книжки К. Питарева и желаем ей заслуженного успеха.

Знамя, 1943, № 11—12, стр. 255—257.

ЛАННЕ. Старая Англия. М., Гослитиздат, 1943. 461 стр.

Наша, очень скудная количественно и невысокого качества художественная историческая литература, касающаяся Запада, пополнилась новым, на этот раз содержательным и удавшимся Е. Л. Ланну беллетристическим произведением — романом, посвященным эпохе войны за испанское наследство.

Великое всеевропейское побоище начала XVIII столетия охватило, как известно, юг, запад, север, восток Европы. Две грандиозные войны в ту эпоху были исторически связаны: война, которую вел Людовик XIV против враждебной ему коалиции Англии, Габсбургской державы, Голландии и нескольких более мелких государств, не только хронологически совпала, но и дипломатически была обусловлена событиями на севере и переплелась с великой Северной войной, которую Петр I двадцать лет подряд вел против Швеции. Понять во всей полноте общие политические условия, окружавшие Петра в его опаснейшей, упорной борьбе против Карла XII, невозможно, если не знать того, что в эти критические для России годы творилось на Западе.

Роман Ланна дает в живых, художественных красках, с основательным знанием обширнейшего фактического материала широкую картину военно-дипломатической борьбы, кипевшей в Европе около 14 лет вокруг вопроса о разделе испанских владений; это сочетается с углубленным анализом и отчетливым, а временами и очень ярким изображением материального быта и некоторых умственных течений, характерных для Англии первых полутора десятка лет XVIII в. Англия была душой коалиционной войны против Людовика XIV, и немудрено, что вся структура романа опирается именно на фундамент фактов, относящихся непосредственно ко двору королевы Анны и к обществу, лидерами и представителями которого были чета герцога и герцогини Мальборо, Болингброк, писатель Свифт и другие.

Роман насыщен историческим содержанием. Автор ведет нас не только на поля битв, но и в укромные кабинеты тайных дипломатических совещаний, ставших «явными» лишь для потомства. Очень драматично передан знаменитый эпизод ловкого дипломатического вольтфаса британского правительства в 1712 г., когда оно, ни единым звуком не предупредив своих союзников — Голландию и Австрию, — вдруг вступило в мирные переговоры с Людовиком XIV на том простейшем основании, что Англии в этот момент такой поступок был выгоден. Взбешенные голландцы еще некоторое время надеялись повернуть дело, убедить англичан. Что касается Габсбургской державы, то в Вене сразу поняли всю бесповоротность английского решения. Этот эпизод превосходно разработан Ланном и вместе с описанием военных действий лорда Мальборо стоит в центре серии исторических картин, проходящих перед читателем этого романа.

Интереснейшая и сложнейшая фигура лучшего (во всей истории Англии) из английских полководцев — Джона Черчилля, получившего лордство и графскую корону еще в 1689 г., а герцогский титул в самом начале царствования Анны (в 1702 г.), — привлекает внимание читателя. Кстати, не так давно вышли в свет под редакцией и с предисловием потомка знаменитого полководца, нынешнего премьера Великобритании Уинстона Черчилля, несколько томов документов и корреспонденции герцога Мальборо (в значительной части почерпнутые из богатых семейных архивов).

Автор разбираемого романа не мог, конечно, показать со всей требуемой детализацией личность Мальборо — высокоталантливо-го военного вождя, политического интригана, честолюбца и умного царедворца, в котором так причудливо и неразрывно переплетаются черты настоящего государственного деятеля и отважного искателя приключений. Но и то, что Ланн дает здесь, очень характерно и проливает свет на этого загадочного в психологическом отношении человека.

Роман начинается с описания предсмертных дней испанского короля Карла II, кончина которого и послужила прямым пово-

дом к началу долгого побища, а кончается выходом Англии из войны и утрехтскими мирными переговорами. Но, кроме лиц и событий, непосредственно относящихся к войне, читатель находит в книге ряд умело выполненных и обдуманно расположенных очерков и картины из лондонской уличной жизни, дающих понятие о политических спорах в кофейнях, о столкновениях и драках, столь характерных для лондонских площадей и рынков в XVIII в., о шумных праздниках и процессиях (вроде знаменитого ежегодного сжигания чучела, изображающего Гая Фокса, в память раскрытия в 1605 г. знаменитого «порохового» заговора, имевшего целью взорвать парламент).

В общем получается цельное представление о быте и нравах единственной тогда великой державы Европы, жившей довольно свободной политической жизнью. Массовые сцены очень удались автору.

Особняком стоят фигуры Свифта, Попа, Аддисона и других представителей тогдашнего английского литературного мира. Можно согласиться или не вполне согласиться с автором касательно характеристики замечательного английского сатирика и считать, что Свифт был более мелочным и злобно неугодным честолюбцем и интриганом, чем он кажется несколько идеализирующему его автору, но общее впечатление от картины отношений между литераторами и сильными мира сего, показанной в романе, остается очень отчетливым. Униженное искательство, льстивость, подсиживание друг друга, выпрашивание милостей у патрона, с одной стороны, и надменность, пренебрежительность — с другой. Вспоминаются «всемиловитейшая оплеушина» и битье палками Тредьяковского по приказу Вольинского. Но другое время и другая страна. При *английской* Анне вельможи и министры иногда нуждались в писателях, при *русской* Анне им и в голову еще не приходило, что «пиита» может понадобиться не только в роли шута и забавника, а еще для серьезной политической интриги.

В этом кратком отзыве я хочу, не пускаясь в подробности, лишь обратить внимание читателя на интересную, содержательную, зрело продуманную и хорошо написанную книгу, говорящую о таком историческом периоде, о котором у нас подавляющее большинство читающей массы ровно ничего не знает, но о котором всякий образованный человек, сколько-нибудь интересующийся историей, должен иметь понятие.

Автор приобрел очень обширную и основательную эрудицию в области английской истории, которой занимается с давних пор. Его перу принадлежат вышедший несколько лет тому назад и обративший на себя большое внимание роман из истории ирландского революционного движения — «Гвардия Мак-Кумгалла», — а также глава об Ирландии в первом томе издаваемого Академией наук коллективного труда по истории нового времени.

Последняя книга Е. Лаина — «Старая Англия» — вполне удовлетворит запросы той, все растущей у нас в последние годы категории читателей, которая интересуется специально историей дипломатии и международных отношений. Замечу, кстати, что автор, не покидая беллетристической формы, старается держаться как можно ближе к факту и документу. Это очень повышает ценность разбираемого художественного произведения как научной популяризации.

Исторический журнал, 1943,
№ 11—12, стр. 102—103.

КНИГА О НАПОЛЕОНОВСКОМ ПОХОДЕ В РОССИЮ *

Если польза и отдаленно сравнить личность подлейшего и бездарнейшего, трусливого немецкого изверга Гитлера с великим полководцем, первым французским императором Наполеоном, то сопоставлять оба вторжения в Россию (1812 и 1941 гг.) вполне законно и уместно. И всякий правдивый голос о наполеоновской эпохе имеет для нас сейчас особый, злободневный, волнующий интерес.

«Поход Наполеона был предпоследней попыткой разделаться с Россией. Германский поход будет последним и окончательным. Русского реванша уже не будет никогда, потому что России не будет, а будет приобретенное для Германии восточное пространство». Эти разглагольствования буквально десятки раз повторялись в июне, июле, августе, сентябре, октябре 1941 г. в гитлеровской прессе. После разгрома немцев под Москвой они стали повторяться значительно реже. После Сталинграда, а особенно после позорнейшего провала летнего немецкого наступления 1943 г. тон гитлеровской прессы стал совсем, совсем иным!

Двенадцатый год неотступно стоял и стоит перед глазами в переживаемое нами время. Поэтому с таким большим интересом были встречены советским читателем вышедшие в свет в русском переводе «Мемуары» Армана де Коленкура, герцога Виченцского.

Коленкур в своих мемуарах никакими отличительными целями не задавался, а был верным до конца наполеоновским служакой, не только почитавшим, но и обожавшим императора, и все-таки его рассказ производит впечатление убийственного обвинительного акта против мирового завоевателя, занесшего на собственную свою погибель меч над русским государством. Следует заметить, что до недавнего времени мы знали лишь неполные и иногда противоре-

* Коленкур А. де. Мемуары. М., Госполитиздат, 1943. 380 стр.

чивые, с сомнительными вставками и интерполяциями варианты записок герцога Коленкура, и только в 1933 г. впервые появилось на французском языке полное, научно проверенное издание рукописи этих мемуаров, без которых, конечно, не может обойтись ни один историк Первой империи.

Коленкур — аристократ, из семьи маркизов, блиставших при старом королевском дворе. На службе у Наполеона Коленкур дослужился и до больших генеральских чинов, и до герцогского титула, и до государственных постов, исключительно высоких и значительных. Наполеон мигом разгадал пехитрую, прямодушную природу Коленкура, искреннюю его привязанность к особе императора, доказанную рядом несомненных фактов, и хотя герцогу приходилось много терпеть от капризов, раздражительности и часто небрежного отношения со стороны своего государя, но все-таки Коленкур всегда был уверен в неизменной благосклонности и, главное, в полном доверии своегоправного властелина.

В 1807 г. Наполеон назначил Коленкура послом при петербургском дворе, и почти четыре года тот пробыл в русской столице в постоянном общении с царем. В течение всех лет своей петербургской миссии Коленкур упорно утверждал и в своих донесениях и в своих личных докладах Наполеону, что Александр *не хочет* воевать с Францией, что царь первый ни в коем случае *не* нападет на французов, но что если нападение последует со стороны Наполеона, то царь, опираясь на русский народ, окажет сильнейшее сопротивление.

Коленкур был прав, но Наполеон не согласен был с его мнением. У Александра «византийский характер, он человек фальшивый», — сказал Наполеон. А на это Коленкур ответил, как всегда отвечал: «Несомненно, он (царь — Е. Т.) не всегда говорил мне все, что думал; но то, что он благоволил мне сказать, *всегда* подтверждалось, а то, что он обещал через меня вашему величеству, он выполнял». Коленкур, приводя упорно факты, и факты неопровержимые, доказывал Наполеону, во-первых, что ни Александр и никто вообще в России не хочет войны, но что если Наполеон нападет на Россию, то оборона будет долгой, отчаянной, свирепой и что Наполеон очень ошибается, рассчитывая на быструю победу.

Не только из этих подлисных мемуаров Коленкура, но и из показаний других свидетелей мы знаем, что герцог, которому Наполеон позволял говорить многое, несколько раз с грустью и тревогой, прямо в глаза императору высказывал: «Ваше величество хотите воевать с Россией, потому что стремитесь утвердить свое мировое владычество».

Неизгладимое впечатление производят бесхитростные заметки Коленкура о том, как постепенно раскрывались глаза Наполеона, как уже в первую половину войны, на победоносном пути от Немана к Москве, множились злоещие симптомы, и покоритель Европы начинал с каждой неделей убеждаться все более и более, что

он принимал русский народ за кого-то другого и что перед ним враги, презирающие раны, увечья, смерть, готовые сжечь скорее все свое имущество, чем накормить своим хлебом французских солдат или своим сеном французских лошадей. «Никаких пленных, никаких трофеев,— вот что больше всего раздражало императора, и он часто жаловался на это»,— записывает Коленкур.

Наполеон, военный человек с ног до головы, даже мысливший военными образами и метафорами, в разгаре Бородинского боя сказал, кто каждый русский солдат — не человек, а крепость. «Несколько раз во время сражения он говорил князю Невшателюскому, а также и мне: Эти русские дают убивать себя, как автоматы; взять их нельзя. Этим наши дела не подвигаются. Это цитадели, которые надо разрушать пушками».

С первого же появления казаков и партизан в тылу французской армии Наполеон раньше всех оценил эту новую опасность по достоинству. «Он знал, какое впечатление во Франции и во всей Европе должно было произвести сознание, что неприятель находится у нас в тылу... Ни потери, понесенные в бою, ни состояние кавалерии и ничто вообще не беспокоило его в такой мере, как это появление казаков в нашем тылу»,— говорил Коленкур. Еще находясь в Москве, еще до начала бедствий, уничтоживших его армию, Наполеон круто изменил общее свое недавнее пренебрежительное отношение к русским генералам. «У императора Александра,— сказал он,— есть отчасти лучшие помощники, чем у меня».

Обнаруживалось постепенно, что и народ в России вовсе не такой, как представлял себе завоеватель, и армия русская не такая, и генералы русские не такие, и все решительно совсем другое — грозное, непримиримо враждебное, и что смертью вест не только от ледяных морозных игл, но и от ненавидящих угрюмых глаз каждого русского крестьянина, мастерового, истекающего кровью солдата, оставшегося на поле битвы. И этот загадочный главнокомандующий Кутузов с его убийственной для французов тактикой! У Кутузова были казаки, и он умел ими пользоваться, так что, к ужасу Коленкура и всей свиты, однажды они едва не зарубили самого императора в двух шагах от старой гвардии, внезапно налетев на него. «Казаки,— несомненно, лучшие в мире легкие войска для сторожевого охранения армии, для разведок и партизанских вылазок»,— признает Коленкур.

Ужасающее отступление французской армии Коленкур проделал в непосредственной близости к Наполеону. Еще до прихода из Вязьмы в Смоленск император то ехал, то шел пешком. «Дорога и придорожная полоса с обеих сторон были усеяны трупами... Даже на поле битвы никогда нельзя было видеть таких ужасов». Наполеоновская армия таяла не по дням, а по часам. После Березины она фактически перестала существовать.

Провалились решительно все расчеты Наполеона, от самых важных до второстепенных и третьестепенных. Например, зная,

что польские шляхтичи алчно требуют себе Литву и Белоруссию, Наполеон был уверен, как пишет об этом Коленкур в мемуарах, что поляки поднимутся, как один человек, и будут ожесточенно биться, задерживая этим наступавшего Кутузова. Ничего даже отдаленно похожего не случилось. Поляки немедленно, без малейшей борьбы, покорились русской армии. Коленкур в одних сапях с Наполеоном выехал из Сморгони. Разговоры его с Наполеоном во время этого долгого пути на Варшаву и Париж полны исторического интереса. Император еще не сознавал тогда, что русский народ нанес его великой империи смертельный, непоправимый удар и что всего наполеоновского гения и пчеловеческой энергии хватит лишь на то, чтобы продлить агонию.

Наполеон еще мечтал о том, что Европа не станет поддерживать русских. «Он тешил себя надеждой (или старался убедить меня), что все европейские правительства и даже те, которые наиболее тяготятся могуществом Франции, в высшей степени заинтересованы в том, чтобы не позволить казакам перейти через Неман. Я откровенно возражал императору: Если кого-нибудь бояться, то именно вашего величества; ваше величество является предметом всеобщего беспокойства».

Коленкур оказался прав. Европа в 1813—1814 гг. поддержала не Наполеона, давившего ее железной пятой, а русских, успешно уничтожавших наполеоновскую армию. Впрочем, это не помешало тотчас после крушения наполеоновской империи многим государственным деятелям освобожденных от наполеоновского господства государств Средней Европы вести тайные интриги и подкобы и подкладывать дипломатические мины против этой самой России, которой они только что рабски льстили.

Ко многим государственным деятелям Европы того времени вполне применимы слова, сказанные много позднее английским оппозиционным публицистом Коббетом о министре иностранных дел лорде Кэстльри: «В 1812 году милорд одинаково пламенно желал двух вещей: во-первых, победы России над Наполеоном, и во-вторых, чтобы эта победа не досталась русским слишком легко и скоро».

Книга Коленкура встречена советским читателем с большим интересом. Много, очень много созвучного нашим великим дням дает литература воспоминаний о наполеоновской эпохе. Россия спасла Европу, поработленную Наполеоном. Россия спасла Англию от пемнуемого угрожавшего ей страшного экономического краха, вызванного наполеоновской континентальной блокадой, которая уничтожала сбыт английских товаров на континенте Европы. «Русская кровь избавила человечество от наполеоновского деспотизма», — писал английский радикальный публицист Коббет. «Если бы не великодушие и героизм русского народа, то Германия до сих пор была бы под наполеоновской пятой», — писал в 1826 г. прусский фельдмаршал Гнейзенау русскому генералу Дибичу.

Наш народ никогда не мирился с чужеземными угнетателями, никогда не терпел на своей земле захватчиков.

Но гитлеровские мерзавцы, учившиеся истории по наглому вралю реакционных немецких учебников, ничего этого не знают и знать не хотят. Что такое Россия, что такое русская история, что успел сделать русский народ за тысячу лет своего существования, — все это несколько не интересует орду презренных взломщиков и убийц, вторгшихся в наш дом с целью грабежа и теперь начинающих уже догадываться, что они просчитались. Но эту уголовную банду учит не книга: ее учат уму-разуму только красноармейский штык и артиллерия. Под мощными ударами Красной Армии гитлеровские орды откатываются все дальше и дальше на запад, очищается от немецко-фашистской нечисти священная советская земля.

Пропагандист, 1943, № 18,
стр. 46—48.

НЕИЗБЕЖНЫЙ ПЕРЕЛОМ

Еще когда историческая наука была в младенчестве и достоверным материалом, над которым стоит размышлять и из которого следует извлекать поучения, считалась почти исключительно история классической древности, философы и эрудиты времен Возрождения поставили этот интереснейший вопрос, получивший сейчас такое злободневное значение: что обозначают слова *«перелом в войне»*?

Почему Юлий Цезарь «пришел, увидел, победил» целый ряд могущественных внешних и внутренних врагов, почему перед ним побежали великолепные легионы Помпея и сената, тогда, как, например, со скипидарами галлов, плохо вооруженных, полуголых, примитивно организованных, тот же Цезарь в течение восьми лет ничего не мог поделать?

Указывали и на другой пример. Что случилось с победоносной армией великого Ганнибала, которая после всех сокрушительных ударов, нанесенных ею римлянам, стала как бы перерождаться и, — даже без особых усилий со стороны неприятеля, — начала вдруг слабеть, разлагаться, тонуть на якоре, притом вовсе не от каких-нибудь грозных порывов военной бури, — и проиграла и погубила все, все, все: и свою военную славу, и свое отечество, и настоящее и будущее своего народа? Как случилось, что война в начале которой Карфаген праздновал великую победу при Каннах, кончилась для того же Карфагена ужасающей, губительной каштуняцией?

Если бы вильгельмовский генерал Шлиффен, так восторгавшийся битвой при Каннах, и нынешний гитлеровский фельдмаршал фон Рундштедт, так восхищавшийся Шлиффеном и его произведением, дали бы себе труд зрело поразмыслить не только о Каннах, но и о том, чем кончилась вся кампания Гансбала, то ни книга Шлиффена не имела бы такого вредного влияния на германский штаб, который она приучила к верхоглядству и авантюризму, ни Рундштедту теперь не пришлось бы писать такие панические письма злополучному ефрейтору, совсем собравшемуся в свое время молниеносно «разделаться со столицей Москвой» («mit der Hauptstadt Moskau fertig werden»), как в точности гласил его приказ в октябре 1941 г.

Вопрос, поставленный старинными историками под впечатлением чтения древних авторов, не только не был забыт, не только не перестал интересоваться, но, напротив, по мере накопления нового материала все чаще и настойчивее привлекал к себе внимание и пылкость исследователей. Разыгрывается война, идет упорнейшее состязание не на жизнь, а на смерть — и вдруг в одной из борющихся армий начинается снад настроения, в ее недрах происходит какой-то психологический сдвиг, и ее солдаты вдруг оказываются как будто совсем другими людьми, бросают щит, еще не совсем изрубленный, бросают меч, еще вовсе не окопательно притупившийся, прекращают сопротивление и ложатся под ноги врагов.

Макиавелли утверждал, что, по его наблюдениям, это происходило обыкновенно именно с французами и что если неприятель, с которым они воевали, умел выдержать первый натиск «французской ярости» («*furia francese*»), то французы падали духом и становились «слабыми, как женщина». Но флорентийский мыслитель был неправ: вовсе не с одними лишь французами происходило на глазах истории это явление. Мало того: в истории Германии, например, этот феномен проявился гораздо чаще и гораздо ярче, чем в истории Франции. Стоило русским войскам одержать победу над пруссаками при Гросс-Егерсдорфе, — и несколько месяцев подряд Фридриху II не удавалось привести свое войско в боеспособный вид, и русское завоевание Пруссии прошло без тени сопротивления и при изъявлениях самой рабской покорности со стороны всех властей и всего населения. Стоило Наполеону и маршалу Даву разгромить в один день, 14 октября 1806 г., при Иене и Ауэрштедте прусскую армию, и началось неслыханное в военной истории позорнейшее зрелище сдачи великолепно снабженных оружием и припасами гарнизонов всех прусских крепостей. Передавали, что когда Наполеону доложили о сдаче первоклассной крепости Магдебург с огромными складами боеприпасов и продовольствия, с 22 тысячами великолепно вооруженного гарнизона, с обильнейшей артиллерией, когда императору сообщили при этом, что генерал фон Клейст сдался маршалу Нею на капитуляцию без

единого выстрела, то Наполеон сурово нахмурился: он подумал, что докладывавший дежурный генерал осмеливается шутить с ним и рассказывает какие-то небылицы. В голове военного человека просто не укладывалось, что можно дойти до такого позора. Что сделалось с Пруссией, которая, объявляя Наполеону войну, ставила целью... его низвержение? Что свершилось с ее генералами и с ее солдатами? Ведь еще в несчастной для них битве под Иеной пруссаки сражались упорно, почему же, спустя буквально несколько дней, они так неслыханно трусливо вели себя при капитуляции многотысячной армии при Прейсцау, при сдаче Кюстрина, Магдебурга, Штеттина? Этот вопрос растерянно задавали себе тогда барон Штейн и другие немецкие патриоты того времени. Случился какой-то внезапный перелом — это было вполне ясно.

Страшная природа этого явления массовой психологии была впоследствии очень и очень учтена фельдмаршалом Гельмутом Мольтке. Вовсе не только потому считал он губительной для Германии всякую затяжную войну, что он боялся, будто не хватит продовольствия. На одном рауте в Потсдаме, спустя много лет после войны 1870—1871 гг., в группе гвардейских офицеров вспоминали войну, и один из них сказал, что «после Седана он уже ничего не боялся». «В самом деле? Ну, а вот я еще продолжал бояться!» — раздался внезапно иронический голос фельдмаршала, неслышно подошедшего к собеседникам. И в самом деле. Когда в 1870 г. осенью Гамбетта затягивал войну, то победоносному германскому фельдмаршалу это очень не нравилось, и он был рад, что французы, спустя пять месяцев после Седана, пошли на переговоры. Хотя импровизированная армия Гамбетты терпела поражения, но могла быть затяжка, могло произойти русское вмешательство, и что тогда?!

Мольтке знал психологию германской армии, как никто другой. Он хорошо помнил, что есть ужасающий яд, который может ее разложить и уничтожить всю ее силу неожиданно и бесповоротно. Этот яд, проникающий в германскую армию иногда медленно, иногда быстро, называется сознанием бесперспективности. Вот почему долгая война, если ей не видно конца, всегда приводила германского солдата в состояние апатии и маразма, даже если в войну он вступал полный самоуверенности и даже если в первый период ее одерживал победы. «Моральные запасы у нас всегда легче истощаются и труднее восполняются, чем материальные», — с беспокойством писал (незвизая на военную цензуру) Георг Бернгард, редактор «Фоссише цейтунг», в 1917 г.

Но истощились эти «моральные запасы» в Германии уже в 1918 г. именно вследствие бесперспективности продолжения войны, выяснившейся окончательно для солдат и офицеров немецкой армии после неудачи июльского наступления в 1918 г. на Марне, т. е. после «второй Марны». И стоило этому сознанию проникнуть в душу солдата, как произошло то, чего никак не ожидали не толь-

ко Людендорф с Гинденбургом (они впоследствии признали, что не ожидали этого!), но и их противники, как, например, президент Вильсон, готовивший свои главные силы лишь к лету 1919 г. Вчерашние немецкие полки, одержавшие ряд побед на фронтах, обратились 8 августа 1918 г. в паническое стадо, бежавшее враспыленную между Ликром и Авром, сбивавшее с ног свежие полки, которые шли на выручку, кричавшее со злобой тем немногим своим товарищам, которые еще готовы были сражаться: «Штрейкбрехеры! Продолжатели войны! («Kriegsverlängerer!»). Ударил роковой час, — и кончилась вчера еще грозная немецкая армия. После недолгих судорог Германия пала на колени и сдалась на милость победителей, хоть у нее были еще материальные силы и средства для продолжения борьбы. Сдалась со всеми фельдмаршалами...».

Почему же этот убивающий душу армии яд так часто решал дело именно в войнах, которые предпринимала Германия? Всякие «расовые», «народно-психологические» объяснения тут бессильны, они были бы достойны тех кривляющихся на университетских кафедрах гитлеровских паяцев, которые заменяют в нынешней Германии ученых. Есть объяснение несравненно более реальное и неопровержимое, вполне логическое и конкретно учитываемое. Если полная бесперспективность войны всегда вызвала рано или поздно в любой армии перелом в настроении, упадок духа, даже марш, то можно ли удивляться, что именно с германской армией это случалось чаще, чем с другими армиями? Какой же другой армии чаще ставились ее правительством такие абсолютно неосуществимые задачи, чем армии германской? Стоит вспомнить такую, например, задачу: завоевать страну, занимающую пол-Европы и пол-Азии, населенную 200 миллионов жителей, и вырезать треть населения, а остальных обратить в крепостных. Солдаты еще могут на какой-то срок настолько себя одурманить, чтобы поверить в исполнимость безумного задания, но если «с ходу» им эта задача не удастся (а удастся она не может), то потом никакого тупоумия не хватит, чтобы и дальше в течение долгого времени верить в конечный успех. Бесперспективность явится абсолютно неизбежным последствием, и никакой дурман и даже никакие заградительные отряды не удержат в конце концов солдат от стихийного стремления бросить все и спасать свою жизнь.

Конечно, в современных условиях, когда военная машина включает в себя огромные массы людей и техники, перелом в ходе войны представляет собой процесс, растягивающийся на ряд месяцев. Перелом в нынешней войне осуществлен стойкостью, упорством, самопожертвованием и героизмом советских воинов. Бесперспективность войны немцам наглядно показала и с каждым днем все яснее показывает наша доблестная Красная Армия. Ее мощь, великая жизненная сила советского народа — вот что привело к крушению гитлеровских планов завоевания мирового

господства. Теперь задача ясна — не упустить близкую уже победу, обеспечить напряжение всех сил, нужное для ее достижения.

Неисполнимость и фантастичность общего замысла, безудержность разбойничьего устремления, алчность, не знающая пределов, характерная грабительская романтика своего рода — все это было свойственно уже многим предшественникам гитлеровской банды. «Только не раскрывайте так широко пасть!» («Nur haltet das Maul!») — с тревогой упрощивал былых «пангерманистов» убитый впоследствии гитлеровцами публицист, редактор «Цукупфт» Максимилиан Гарден. Но ведь «пангерманисты» типа графа фон Ревентлова сравнительно с нынешней гитлеровской шайкой были всего только «разыгранный Фрейшиц перстами робких учениц». Ведь в наши дни эта всегерманская пасть раскрылась так широко, как никогда, потому что ее обладатели вознамерились проглотить все, что находится между Неманом и Владивостоком, а затем по частям и всю остальную планету. Не более и не менее... Ведь сколько существует человечество, таких или хоть отдаленно похожих заданий никто своему войску никогда не ставил.

Советские армии с каждым месяцем углубляют произведенный ими грозный прорыв в психике всей вооруженной гитлеровской орды, горячо которую они неуклонно и непрерывно гонят воп из оскверщенной ее подлейшими преступлениями части нашей территории.

Правда, 1943, 14 ноября, № 281.

[ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ АКАД. В. Л. КОМАРОВЕ]

Была на белом свете (точнее, в Петербурге), как раз 40 лет тому назад, такая ассоциация: «Общество приват-доцентов Петербургского университета». Только что сделавшись приват-доцентом, я пошел на заседание этого таинственного сообщества, которое не было ни разрешено, ни воспрещено, а собиралось в какой-то лаборатории, где всегда стояло особое, затейливое сложно-химическое зловоние, трудно переносившееся приват-доцентами, преподававшими гуманитарные науки.

Когда я впервые пришел на заседание, трибуну занимал оратор, горячо говоривший о какой-то очередной пакости, учиненной попечителем учебного округа против прав университета. Но меня заляла не речь, а личность говорившего, больше всего его глаза. Это были такие блестящие чувством и умом яхонты, которые освещали все лицо, и, казалось, лучи, исходящие от них, озаряли перед собой все. «Яхонтами», «брильянтами» называли подобные комаровским глаза знаменитого физика Лебедева.

Я спросил сидевшего возле меня теперь покойного уже историка А. Е. Преснякова:

— Кто это такой?

— Это — ботаник Комаров.

— Какие у него глаза поразительные, — заметил я.

— Ну, так вы гордитесь, Евгений Викторович, наглядеться власьть на его глаза и не откладывайте, потому что его скоро из университета выгонят, министерство его терпеть не может, — посоветовал мне Пресняков.

Он как будто предвидел позднейшую секретную полицейскую информацию, обнаруженную уже после Великой Октябрьской социалистической революции в бумагах курсов Лесгафта: «...ботаник Комаров, удаленный за антиправительственный образ мыслей из разных учебных заведений, нашел себе пристанище на курсах Лесгафта...»

Да, его на курсах Лесгафта так же любили и почитали и товарищи, и служащий персонал, и учащиеся, как и в университете, как и всюду, где он работал. Шли годы, росла ученая слава ботаника Комарова, превратился ботаник из гонимого приват-доцента в Президента Академии наук, но без малейших изменений осталось его благородное, великодушное, на все откликающееся сердце, и все тем же блестящими мыслью и чувством яхонтами смотрит он по-прежнему на свет, на жизнь, на людей и все такую же любовь к себе вызывает у всех, кто к нему приближается.

Мы все, хорошо знающие пламенный, совсем по-юному, патриотизм Владимира Леонтьевича, радуемся, что нам пришлось чествовать его в такие дни, которые наша победоносная Армия сделала сплошным праздником и для него, и для нас, и для всего великого Союза...

Вестник Академии наук СССР,
1944, № 10, стр. 118—119.

ТИСЬЕ П. Я работал с Лавалем. Лондон. 1 изд.,
1942; 2 изд. 1944.

TISSIER P. I worked with Laval. London, Harrap,
1942; idem. 2 ed. 1944.

Какая характерная для нашего времени книга! Сколько мы их уже перечитали, этих запоздалых французских покаянных признаний, исповедей на английском языке.

Тисье долгое время был секретарем Лавалья, но он ушел от Лавалья и бежал в Англию. Что такое Лаваль, Петен, Лагардель, Жан Кьяни и т. п. гнусные предатели и презреннейшие гитлеровские лакеи, это Тисье знает, и когда он даст характеристику всех этих и многих других французских политических персонажей, то он не пробует их оправдывать. Но у русского читателя остается

от чтения этой занимательной книжки привкус какого-то досадливого недоумения и порой даже раздражения. Не появляется у читателя того доверия, которого ищет всякий автор, а особенно такой, который повествует о себе самом, о своей роли в излагаемых событиях и своей личной позиции при политических встречах. Когда вы читаете, например, Гюго о перевороте 12 декабря или любую пламенную строку, направленную им против Наполеона III, то вам и в голову не может прийти вопрос: искренен ли Виктор Гюго или не искренен? Так ли он в самом деле сердится на императора или он прикидывается и преувеличивает истинные свои чувства? А когда читаешь полковника Тисье, то — увы! — скептицизм с каждой страницей одолевает тебя все с большей силой. Давно уже кем-то было сказано: от кого угодно можно укрыться, но только не от своего слога. И Тисье выдает себя своим слогом, или, точнее, своей манерой. Так не пишут о подлых предателях, втоптавших Францию в кровавую грязь, подвергших эту несчастную страну такому позору, таким истязаниям, такому ограблению, такому моральному и материальному уничтожению, какому редко когда в истории подвергалась какая бы то ни было держава.

Зачем нам знать, что Лаваль носит белые галстуки и что он хорошо выдал замуж дочку? Мы думаем не о его белых галстуках, а о том, как будет ему к лицу будущая веревка. И разве позволительно человеку, на самом деле любящему свою несчастную родину, говорить о Петене, который уже с 1934 г. (это точно доказано) был тайным агентом и корреспондентом Гитлера, в таких выражениях: «Великий военный вождь, — он далек от того, чтобы быть великим государственным человеком»?! Во-первых, вздорная, льстивая ложь, будто Петен — «великий военный вождь», а во-вторых, шпион, систематически, годами потихоньку готовивший выдачу своей страны, связанной по рукам и ногам, ее смертельному врагу, карается господином Тисье лишь мягким полукомплиментом. Петен, видите ли, не во всех отношениях велик, а лишь в некоторых!

И не только эта явная неискренность и какая-то половинчатость отталкивают читателя. Тисье явно не удосужился еще разобрататься в причинах французской катастрофы, в этой неслыханной сдаче на капитуляцию без борьбы прекрасно вооруженной армии в 3 миллиона 280 тысяч человек, сдаче без боя могущественнейшей, первоклассной военной крепости с далеко вынесенными вперед укрепленными рубежами, крепости, называемой город Париж. У Тисье, точно так же как при чтении ⁹⁹/₁₀₀ французских эмигрантских мемуаров, мы напрасно будем искать хоть единое слово о том центральном, все определившем собой пункте, о той «причине причин» гибели Франции, какой было уничтожение Лавалем уже подписанного франко-советского пакта. Ни звука и о том, как Гитлер в октябре 1934 г. подослал убийц, окончивших с

министром иностранных дел Франции Луи Барту и с югославским королем Александром, ни звука и о том, как именно Петен активно воспринимал следствию над уличными убийцами. Все это полковнику Тисье очень хорошо, вероятно, известно. Но обо всем этом полковник скромно умалчивает.

Если эта книжка представляет некоторый интерес, то больше всего живой, интересно выполненной характеристикой той среды, откуда Третья республика вербовала своих государственных людей, а также зарисовками из области бюрократической министерской рутины, с которой очень хорошо ознакомился автор в течение своей долгой службы и в Государственном совете и в секретариате у Монзи, Лавали и др. Есть немало характерных данных о «секретных фондах» по части подкупа прессы, депутатов, судебных чинов и т. д.

В настоящее время автор — сторонник генерала де Голля и был таковым еще в 1942 г. Он сознает, что новая Франция не должна походить на былую Третью республику: она должна стать лучше, чище, патристичнее. Но он все ходит вокруг да около капитальнейшего вопроса: чем же именно должна отличаться эта будущая Франция от старой, так позорно погибшей Третьей республики? Например, оставить ли при их былом всемогуществе те пресловутые «двести семейств», которые, очень мало скрывая свои чувства, всегда мечтали о мировой победе Гитлера и гитлеризма? На чем должна основать новую внешнюю политику, которая вплоть до разгрома Франции полностью укладывалась в классическую формулу газеты «Тан»: «К счастью, г. Гитлер думает об Украине!» («Heureusement M. Hitler pense à l'Ukraine!» См. номер этой руководящей газеты от 23 декабря 1938 г.).

Мы читаем последние страницы книги Тисье, где он говорит о будущем возрождении Франции. Он пишет: «Нация, которая была великой и будет великой!» Эти страницы впервые появились в свет в 1942 г., т. е. в год Сталинграда. Второе издание вышло в 1944 г., когда Советский Союз сокрушил Германию и способствовал, как шикто, освобождению французов от гнуснейшего фашистского ига. И мы ждали, что, может быть, Тисье поэтому хоть бегло помянет еще и другую нацию, которая «была (и есть!) великой и будет великой», т. е. русскую. Нет, вот уж этого мы у нашего автора никак не вычитаем! Но зато находим пошлую и глупейшую клевету о том, что Чехословакию отдали немцам не только Франция и Великобритания, но также ее отдала якобы и Советская Россия (стр. 114). Больше нигде Советская Россия даже и не упоминается в книге этого «благородно» скорбящего об отчизне, раскалявшегося лавалевского секретаря.

И, закрывая книгу Тисье, нам невольно думается — и мы в этом даже уверены, — что поколение, которому суждено в самом деле способствовать возрождению Франции, будет мыслить и чув-

ствовать совсем не так, как эти злополучные пережитки режима, погубившего некогда великую страну, которая столько сделала в свое время для мирового прогресса.

Исторический журнал, 1944, № 12,
стр. 85—86.

ОТ АГРЕССИИ К КАПИТУЛЯЦИИ

1914—1918

Не нужно даже такого внешнего повода, как тридцатилетняя годовщина начала первой мировой войны, чтобы мысль упорно обращалась к истории войны 1914—1918 гг.

Прежде всего, конечно, неотвязно встает вопрос о той длинной цепи нелепейших ошибок, преступно близоруких расчетов и просчетов, узкоклассовых возжелений, о той навеки позорной странице дипломатической истории Европы, которая дала возможность подняться и вооружиться для новых преступлений немецкому империализму, совсем недавно, казалось бы, обезоруженному, смиренному, надолго обезвреженному... Как случилось, что впустую были убиты и искалечены миллионы людей, которых четыре года и три месяца посылали на смерть, увещывая их бороться, не щадя своей жизни, так как впереди — желанная и окончательная победа над немецким милитаризмом? Кто и за какую цену продал эту уже достигнутую победу?

Но, как ни важен этот вопрос, все же он сегодня занимает нас меньше, чем другой: при каких обстоятельствах была тогда, осенью 1918 г., достигнута эта победа? И можно ли теперь, в 1944 г., говорить о 1918 г., не остановившись на характерных чертах отличия между этими двумя моментами двух величайших в истории Германии военных поражений? Ибо черт отличия тут не меньше, чем признаков сходства.

В самом деле. Ведь в тот момент, когда гитлеровская шайка приступила к окончательному «увещанию здания» и предприняла «воссную прогулку», которая, начавшись 22 июня 1941 г., должна была окончиться не позже 1 сентября в Москве, она начинала свое дело в несравненно лучших условиях, чем вильгельмовская Германия, начавшая войну 1 августа 1914 г. Совсем неслыханная в истории «измена Франции самой себе», как с горечью и отчаянием выражались в 1940 г. некоторые честные французские патриоты, — или, точнее, заблаговременно организованная измена гитлеровских платных и бесплатных агентов, — закончила с французским Сопротивлением еще раньше, чем оно даже и началось в сколько-нибудь действительных формах. И, заметим, это был не просто выход Франции из войны, а «дублирование сил Германии», как об этом, ликуя, писал немецко-фашистский официоз «Deutsche diplomatisch-poli-

tische Korrespondenz», потому что вся французская промышленность, все колоссальное национальное богатство, все материальные ресурсы страны поступили в полное, бесконтрольное распоряжение Гитлера и его банды. Это обстоятельство предредило безболезненное для гитлеровцев и быстрое покорение почти континентальной Европы Германией.

Разве можно даже отдаленно сравнивать эту неслыханную, небывалую удачу, выпавшую на долю гитлеровской шайки, с той ситуацией, какая была налицо в 1914 г., когда германский главный штаб нашел своевременным и целесообразным начать войну за мировое господство? Ведь тогда миллионная армия французов была налицо с первых же дней, армия, храбро и стойко сражавшаяся, армия, через пять недель после открытия военных действий уже нанесящая немцам страшное поражение под Марной! Ведь вскоре к ней прибавилась английская армия, которая из месяца в месяц (уже начиная с осени 1914 г.) превращалась из сравнительно незначительного войска во все более и более грозную силу. А в 1917 г. явились и американцы, и начался непрерывный транспорт людей, боеприпасов, целых заводов, целых железных дорог в разобранном виде. Все это во все возрастающей прогрессии союзники переправляли через Атлантический океан, высаживали на французском побережье и бросали на врага. Притом враг страдал от хронического недоедания и в тылу и даже на фронте. Ведь Вильгельму не были предварительно отданы целиком в руки ни Дания, ни Голландия, ни Норвегия, ни Балканы с их зерновыми запасами, с их животноводством.

Наш великий Советский Союз за первые три года войны нес на себе такое бремя, какое никогда не несла Российская империя во все время первой мировой войны. Ведь гитлеровская балда во все эти годы фактически считала возможным направлять почти все свои людские силы и полностью все силы своих союзников и материальные ресурсы всей покорившейся ей Европы именно против Красной Армии.

Так было в нынешнюю войну. Но не так обстояло дело в прошлую войну. Надорванная в страшной борьбе на два фронта в первые три года (1914—1917) войны, вильгельмовская Германия вступила в четвертый, роковой для нее год опять-таки вовсе не «разгрузившись» от Восточного фронта, как выразился мечтавший о такой «разгрузке» генерал Гофман. Превосходно известно, что Восточный фронт продолжал удерживать в пределах Украины, Белоруссии, Крыма, Кавказа, а также в Прибалтике колоссальную немецкую армию. Партизанское движение, успешнейшая революционная пропаганда в германских оккупационных войсках, стоявших в западной и южной частях нашей Родины, полнейшая невозможность уйти с Востока, не теряя надежды получить оттуда столь необходимый тогда Германии хлеб,— все это жестоко сковывало немецкие силы.

Но вот, наконец, приблизилась развязка. Что же заставило вильгельмовскую Германию капитулировать? Теперь мы уже это знаем довольно точно.

Когда германский штаб усмотрел ранней осенью 1918 г., что англичане и американцы начинают накапливать в самом деле огромные войсковые массы, а не только «демонстрируют сочувствие французам путем парадов и любительского участия в боях» (как долго шутил граф фон Ревентлов в националистических газетах), когда Людендорф убедился, что в самом деле у союзников не только колоссальные силы, но что они *всерьез* пошли в огромное, общее наступление по всему фронту, — тогда и *только тогда* сломалась основная пружина в колоссальном, хорошо слаженном, бесперебойно действовавшем организме германской армии. Уже приближалась гигантскими шагами гибель, уже произошла катастрофа 8 августа, уже Людендорф узнал с ужасом, что бежавшие в разгаре битвы между Анкром и Авром германские полки кричали шедшим к ним на помощь свежим частям: «Штрейкбрехеры! Вышвонники затягивания войны!» («Streikbrecher! Kriegsverlängerer!») — и все-таки еще не было полного сознания, что «партия проиграна». Газета «Дер Таг» и другие широко читаемые органы германской печати не только после катастрофы 8 августа, но даже еще в середине сентября 1918 г., т. е. после капитуляции Болгарии, продолжали твердить: «А все-таки мы воюем на территории врагов, и нам достаточно уступать им время от времени там и сям по маленькой полоске фронта, чтобы благополучно продержаться сколько угодно. Вспомните, соотечественники, что англичане и французы около года все брали у нас «домик паромщика» и никак не могли взять!»

Но германское главное командование знало уже, что в ближайший месяц союзники ждут еще около миллиона свежих бойцов, кроме колоссальной наступающей армии. Последовала сразу капитуляция. И та же рука Людендорфа, которая еще в первых числах сентября написала барону Буриану, австрийскому министру иностранных дел, обиженное и настойчивое письмо с указанием на недопустимость слишком невыгодного для Германии и слишком прибыльного для Австрии окончательного раздела «отвоєванных» польских земель, — ровно через месяц, 4 октября, написала другие слова на телеграфном бланке, адресованном канцлеру Максуду Баденскому. Это были слова о том, что нужно немедленно просить у президента Вильсона и его союзников перемирия, ибо «армия сейчас еще держится, но что будет через двадцать четыре часа, неизвестно». Людендорф писал, что необходимо просить перемирия на любых условиях, капитулировать, сдаться на милость победителей! Средний немец, тот самый, который еще ранней осенью 1918 г. так охотно утешался юмористическими воспоминаниями о «домике паромщика», сразу же пал духом и бросился к ногам победителей, когда уразумел, что с ним не шутят, что на него

идет огромное, мощное, не останавливающееся перед жертвами, настоящее наступление.

Теперь, даже после страшных ударов, полученных гитлеровской армией от советских войск, после потери Роммелем Шербура и Кала, средний немец, возможно, все еще не желает понять всех размеров катастрофы, плотно надвинувшейся на Германию с востока, запада и юга. Но теперь всем ясно, при каких обстоятельствах он перестанет весело шутить относительно «нормандского Кассино» и перестанет верить своим газетным стратегам, продолжающим его утешать тем, что «Западного фронта» не будет и что «не надо пугаться призраков», как выразился кто-то из подручных Геббельса в одной из недавних радиопередач.

Мы, советские люди, имеем все основания ждать, что наши союзники скоро разоблачат своими действиями всю нежелательность этих немецких самоуспокоиваний, всю тщетность надежд подлой фашистской банды на столь желанную ей медлительность в развитии событий на полях Франции.

Война и рабочий класс, 1944, № 15,
стр. 9—41.

ВЕЛИЧАЙШИЙ ТРИУМФ

Радостью и гордостью отозвалось в нашей необъятной стране освобождение Ленинграда от блокады. Еще совсем недавно презренные гитлеровские холопы писали, что, может быть, Ленинград не будет взят, но уж разрушен будет непременно. Но Красная Армия распорядилась иначе! Великий город спасен, и по его улицам проводят длинные вереницы пленных, провозят трофейные дальнобойные орудия, на которые возлагалась функция: разрушить вторую русскую столицу.

Наша радость усиливается сознанием того, что грозная кара постигла немецко-фашистских злодеев, что они были раздавлены на тех самых местах, где творили свои преступления. Можно смело сказать, что теперь, на третьем столетии своего исторического существования, Петербург — Ленинград пережил величайший триумф, какой только может выпасть на долю города. Петербург — Ленинград является единственной столицей в Европе, в которую за всю историю никогда не входили неприятельские войска. Он вытерпел в нынешней войне много трудных, много страшных дней, геройски сопротивлялся, ждал избавления и победы и дождался их. С волнением и горячей благодарностью мы, ленинградцы, обращаемся с мыслями и чувствами к нашей Армии, которая в своем победоносном шествии освободила наш город.

Мы знаем, что ей суждены еще многие и многие заслуженные

ею великие триумфы. Но торжество, сегодня нами переживаемое, является бесспорно одним из самых грандиозных, из самых потрясающих.

Это торжество прозвучит для измученной гитлеровскими негодьями Европы пабатным призывом, а фашистским разбойничьим грездам — погребальным звоном, возвецающим об их близкой гибели.

Правда, 1944, 28 января, № 24.

«КУТУЗОВ»

Новый фильм о Кутузове* производит сильное, волнующее впечатление. Основное его достоинство — исторически верное и художественно правдивое решение образа фельдмаршала Кутузова.

Кутузов был удивительной индивидуальностью. Начать с его изумительной одаренности. Он был первоклассным полководцем, и у него были шаряду с полководческими дарованиями еще и такие таланты дипломата, которые и у Наполеона проявлялись в таком блеске только в самые удачные минуты императорской карьеры. А сколько в этой императорской карьере было зато и дипломатических ошибок — грубых, роковых, непоправимых!

Кутузов знал людей, понимал человека с трех слов и сразу же ставил его на должную полочку. Знаменитый отзыв Суворова о Кутузове: «Хитер, хитер! Умец, умен! Его никто не обманет!» — с поразительной пронизательностью определяет основное свойство кутузовского интеллекта.

Кутузов обладал огромным светлым умом государственного человека, его умственный кругозор охватывал Россию, Европу, борьбу на суше, борьбу на море, он видел далеко и умел ставить себе строго конкретные и исполнимые цели, и вместе с тем он обладал превосходным знанием страстей, личных устремлений и настроений тех людей, с которыми ему приходилось встречаться или бороться.

Когда весной 1812 г. необходимо было прикончить, по возможности с малыми жертвами, войну с Турцией и освободить армию ввиду грозящего нашествия Наполеона, — в Бухарест посылают Кутузова, и дело не только обходится без жертв со стороны России, но и совсем для всей Европы неожиданно Кутузов достигает бли-

* Новый художественный фильм из героической истории русского народа. Сценарий В. Соловьева. Постановка Вл. Петрова. Режиссер М. Егоров. Оператор М. Гиндин. Художник В. Егоров. Композитор Ю. Шапорин. Производство московской киностудии «Мосфильм», 1943 г.

стательных результатов — Бессарабия осталась за Россией, в этом — одна из бессмертных заслуг Кутузова перед русским народом. Нужен человек, которому в страшные времена грозного нашествия мирового завоевателя верил бы весь русский народ, верила бы вся армия, — снова зовут Кутузова, ненавистного двору, но любимого Россией...

Автор сценария и постановщик фильма трактуют Кутузова, этого достойного ученика Суворова, прежде всего как мудрого и талантливою стратега.

Эпизод за эпизодом, фильм убедительно раскрывает черты военного гения. Правдиво показан Кутузов — истинный, властный военачальник. Он руководит из своей ставки Бородинским боем. В самый грозный миг этого дня, т. е. в тот момент, когда Наполеон уже почти готов уступить мольбам маршалов и обрушить на непоколебимо стоящих русских свою гвардию, Кутузов с величайшим хладнокровием, с блестяще удавшимся расчетом определяет время, когда пустить в бой свои резервы. Он спасает русскую армию от грозной опасности, внезапно для врага посылая Уварова и Платова в тылы Наполеона. Император смущен. Уваров и Платов отброшены, но они сделали свое дело: Наполеон не решился двинуть свой последний резерв, свою гвардию.

Фильм хорошо передает эту критическую минуту.

Перед зрителем — тот Кутузов, который первый оценил Бородину как великую моральную победу России над вторгшимся агрессором. Кутузовская чуткость и прозорливость, его умение далеко глядеть вперед сказались с необычайной яркостью в этой немедленной, гордой и верной оценке военных и политических результатов великого боя. Видит зритель русского полководца и в другой момент его стратегического творчества, в начальный момент гениального марша к Тарутину с предварительным блистательно задуманным и проведенным дезориентированием французов, которых Кутузов так искусно направил на Рязанскую дорогу, куда он и не думал идти. Во весь свой рост выступает замечательный полководец и в ту минуту, когда он приказывает умереть, по не пустить Наполеона от Малоярославца к Калуге. Он знал, что это направит наполеоновскую армию на разоренную Смоленскую дорогу, где ждет ее гибель. Как в критический момент битвы на Бородинском поле, так и особенно своим фланговым марш-маневром на Тарутину и битвой за Малоярославец Кутузов сорвал наполеоновские замыслы, навязал свою волю Наполеону.

В роли Кутузова снимался заслуженный артист РСФСР А. Дикий. Артист талантливо справился с труднейшей задачей. Могучее, волевое напряжение при внешней сдержанности полководца передано артистом А. Диким весьма убедительно. Зритель все время ощущает сквозь это хладнокровие и спокойствие Кутузова, чего они стоили старику! В сцене военного совета в Филях он произносит исторические слова: «Приказываю отступленье!» И в его

интонациях явственно чувствуется, что для него Москва — это *Москва*, а не «только позиция», как для Барклая.

В своем исполнении А. Дикий тонко и в то же время выразительно подчеркивает волевое начало в Кутузове, как в истинном полководце, который в минуты тягчайших испытаний для армии, для родины не боялся брать на себя всю полноту ответственности за решение военных вопросов величайшей важности.

Любовь к России, боль за Россию, гордость Россией — вот что было, может быть, единственной настоящей страстью этого, казалось бы, такого всегда бесстрастного человека.

Кутузов непоколебимо шел своим путем и пришел к победе потому, что весь народ, вся армия были с ним.

В фильме мы видим горячую любовь армии к своему фельдмаршалу, видим его человеческое отношение к солдату, душу которого Кутузов превосходно знал и понимал. Вместе с тем Кутузов показан как требовательный военачальник, любящий порядок и дисциплину.

Авторы фильма хорошо оттенили благородную черту кутузовского характера: его презрение ко всякого рода интригам, к карьеристам и интриганам, вроде Беннигсена.

Запоминающийся образ генерала Барклая де Толли создал народный артист РСФСР Н. Охлопков. Сухая фигура этого шотландца, его отчеканенная речь с иностранным акцентом соответствуют сухой и рассудочной натуре. Он не учитывает одного из решающих условий победы — духа армии, что так глубоко и чутко ощущал Кутузов.

В последнем разговоре с Баркляем еще раз показано все величие и мудрость Кутузова как полководца и политика, правильно оценившего, в отличие от честного, но ограниченного Барклая, историческое значение Бородинской битвы для всего дальнейшего хода войны.

«А ведь сражение-то не было проиграно, — говорит фельдмаршал Барклаю, — ибо не был сломлен дух армии! И отступили мы не по воле Наполеона, а по своей! И победили не они, а мы — сим не сломленным духом войска российскийского... А ты, прости меня старика, сего не постиг».

Темпераментно играет пламенного сына Грузии — могучего русского патриота и искусного полководца генерала Багратиона — заслуженный артист Грузинской ССР С. Закариадзе.

Убедительно передал трагедию Наполеона исполнитель этой роли заслуженный артист РСФСР С. Межинский. Удачен его грим, дающий портретное сходство с Наполеоном. Одной только мимикой, почти без диалога, С. Межинский создает ощущение обреченности Наполеона в России.

Из других персонажей хороши старый солдат Жестяников в исполнении заслуженного артиста РСФСР И. Скуратова, молодой солдат Федя — артист М. Пуговкин, наполеоновский маршал

Бертье — артист Е. Калужский, Лористон — заслуженный артист РСФСР Г. Терехов.

Похвалы заслуживает мастерство постановщика В. Петрова. Особенно хорошо поставлены им такие сцены, как Бородинский бой, лихая атака казаков Платова, пожар Москвы, отступление и бегство французской армии из России (разграбление отступающими французами Смоленских складов, Березина).

Во многом помогли постановщику в осуществлении его творческого замысла все участники коллектива. Особо надо выделить высокую по качеству работу оператора М. Гиндина. С большим знанием эпохи и тонким вкусом воспроизвел в своих декорациях художник В. Егоров картины старой Москвы, кремлевские палаты и т. д. Музыка лауреата Государственной премии композитора Ю. Шапорина усиливает эмоциональное воздействие фильма.

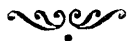
Фильм «Кутузов» — крупное достижение советской кинематографии за время Великой Отечественной войны.

Перед зрителем большое, насыщенное эмоцией художественное произведение киноискусства: оно созвучно многим нашим нынешним душевным переживаниям. Перед нами в ярких моментах и образах проходит эпопея Отечественной войны 1812 года, когда Россия нашла в себе силы выстоять первую половину войны и победить могучего завоевателя во вторую половину войны.

Могучая волна всепародного подъема смела с лица земли армии Наполеона. Так и в наши дни весь народ, поднявшийся на защиту своей советской Отчизны, выстоял в тяжелой борьбе с гитлеровскими полчищами и добился решающего перелома в ходе беспримерной в истории войны.

Красная Армия сметет с лица земли подлых захватчиков и свершит грозный акт исторического правосудия.

Правда, 1944, 15 марта, № 64

К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ЗАПАДА В АКАДЕМИИ НАУК

Следует заметить, что, конечно, как и должно было ожидать, прежде всего внимание наших ученых устремилось к изучению истории России, и, собственно, еще в первой трети XIX столетия «всеобщую историю» читали специалисты по русской истории, потому что никаких других и не было. Так, в Москве историю Западной Европы долго читал академик М. П. Погодин.

Но с конца 30-х годов, когда из заграничной командировки вернулся Т. Н. Грановский и начал читать свои замечательные и по глубине содержания и по блеску изложения лекции в Московском университете, интерес к углубленному изучению истории

Запада быстро стал расти. И обе диссертации Граповского («Волин, Иомсбург, Виета» и «Аббат Сугерий») и труды его учеников — Кудрявцева («Судьбы Италии») и Ешевского — подняли изучение всеобщей истории на большую научную высоту. По традиции, шедшей от Граповского, русские ученые больше всего останавливались на истории средних веков. Да, впрочем, некоторое время при Николае I научное, объективное изучение нового времени было почти невозможно по политическим условиям: цензура не пропускала даже самых шевящих статей по истории Возрождения или Реформации, не говоря уже о позднейших столетиях. Московский историк Герье продолжал эту традицию. Но с конца 70-х годов почти в одно время выступили на поприще изучения нового времени три выдающихся научных деятеля: Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий и М. М. Ковалевский. Превосходное исследование Кареева (впоследствии почетного члена Академии) «Крестьяне во Франции в последней четверти XVIII века» дало много новых фактов, не известных до той поры мировой науке. Карл Маркс и ряд других ученых Запада очень лестно отзывались об этой работе, переведенной на французский язык и оказавшей большое влияние на французских исследователей.

Еще больше значения имели замечательные работы Лучицкого, сплошь основанные на архивных, никем до него не тронутых данных и приведшие к коренному пересмотру всех установившихся в науке взглядов на крестьянское землевладение во Франции перед революцией. Лучицкий известен также своими большими исследованиями о феодальной реакции во Франции XVI в., впервые обнажившими глубокие социально-экономические корни кровавой борьбы католиков и гугенотов. Наконец, М. М. Ковалевский, действительный член нашей Академии, прославился и у нас и на Западе как глубокий знаток и неутомимый исследователь истории Западной Европы в новое время и в средние века. Его многотомное «Происхождение современной демократии» дает широкую, мастерски написанную историю Франции и отчасти Италии (Венеции) в конце XVIII в. Его огромное исследование «Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства» подводит итоги его многочисленным исследованиям по экономической истории Франции, Англии, Германии, Италии.

Одновременно с деятельностью этих исследователей развивалась работа медиевистов — П. Г. Виноградова, внесшего поистине громадный вклад в историю социально-экономического быта в Англии (а еще раньше — в историю возникновения феодализма в Северной Италии). Книги Виноградова оказали, по признанию английских ученых, очень большое влияние на развитие английской науки. Его работу по истории социальных отношений в Англии продолжали академик Д. М. Петрушевский (в своей превосходной работе «Восстание Уота Тайлера»), А. Н. Савин и др.

К его ученикам относится и безвременно угасший Д. Н. Егоров, в своем блестящем исследовании о колонизации Мекленбурга дополнивший совсем новым материалом историю стародавних захватов немцев в области чисто славянских земель на севере нынешней Германии. К числу медиевистов, разработавших историю раннего средневековья, относится проф. И. М. Гревс, написавший очень вдумчивую и интересную книгу о первом рождении средневековых форм феодализма в конце Западной Римской империи. Гревс был замечательным научным педагогом, вырастившим несколько очень талантливых историков (например, О. А. Добрян-Рождественскую, автора ценных монографий по истории приходов в средние века, и др.). В советское время широко развилась деятельность более молодого поколения историков средних веков — члена-корр. АН СССР Е. А. Косминского, проф. Лавровского и др.

Неустанно продолжает свою огромную научную работу наш академик Р. Ю. Вилпер. Его большая диссертация «Церковь и государство в Женеве в XVI веке» — образец замечательного исследовательского творчества. Широта его научного кругозора действительно необъятна: его книга о последних веках Римской республики — не популяризация, но совсем самостоятельный анализ материала, во многом исправляющий ошибки и увлечения Гульельмо Ферреро. Целый ряд других его работ обнаруживает и глубину научной мысли и строгую требовательность к себе.

Безвременная смерть лишила советскую науку талантливого историка В. А. Бутенко, обратившего на себя большое внимание и у нас, и за границей своим капитальным исследованием «Либеральная партия во Франции в эпоху Реставрации». Перед самой революцией скончался тоже в цвете сил и другой талантливый историк, посвятивший свои силы разработке новой истории, и притом в области, мало исследованной не только у нас, но и в Европе. Я говорю о П. П. Митрофанове, авторе двух капитальных исследований по истории Австрии — «Реформы Иосифа II» и «Леопольд II». Оба исследования основаны на обильных архивных данных австрийских, французских, бельгийских архивов.

О том, как шла работа историков, группирующихся вокруг Академии, уже в советский период, будет сказано в соответствующих специальных обзорах. Так же отдельно будет сказано и о византиноведении. Здесь, в этих кратких, вводных страницах, я хочу лишь обратить внимание на то, что наша Академия наук делает все от нее зависящее, чтобы воскресить, поддержать и еще значительно усилить в научной жизни нашей страны славные традиции русского византиноведения и связанного с ним столькими историческими узлами славяноведения. В настоящее время Советский Союз занял такое высокое и могучее положение и обладает таким колоссальным моральным престижем среди балканских народов, что, естественно, ведущее научное учреждение

нашей Родины считает своим прямым долгом всячески содействовать научно-му всестороннему — вширь и вглубь — исследованию истории этих народов. Семья славянских народов, с такой надеждой и такими теплыми чувствами взирающая на Советский Союз, вправе ждать от него и этой помощи в деле культурной самозащиты от так долго царившего засилия папгерманских фальсификаций.

В советское время в Академии наук впервые возникло не существовавшее до той поры учреждение — Институт истории. Это учреждение объединяет в своих многочисленных подразделениях, в сущности, почти все живые силы страны, которые направлены на разработку очередных проблем исторической науки. Работниками этого Института являются и академики, и члены-корреспонденты Академии, и профессора высших учебных заведений, и научные сотрудники Института (как старшие, так и младшие). Во главе Института стоит Ученый совет, дающий общее направление и осуществляющий научный контроль над работой Института. Это учреждение приносит очень существенную пользу и особенно ценно в оказании материальной и моральной поддержки молодым, начинающим работникам исторической науки. Институт имеет отделение в Ленинграде. Оба отделения не прекращали ни на один день своей работы даже в самые трудные моменты нынешней войны. Некоторые сотрудники пали геройской смертью на поле брани, некоторые (это нужно сказать о Ленинградском отделении) погибли, убитые подлой голодной блокадой, сознательно направленной гитлеровцами против мирного населения Ленинграда. Но оставшиеся лишь мужественно брали на себя дополнительную нагрузку работы и оставались на своем посту, продолжая служить науке и Родине.

Какую смену общих направлений, вернее, какую смену преобладающих научных интересов можно проследить в русской историографии, посвященной разработке вопросов истории Запада?

Трудно дать, конечно, вполне точный ответ на подобный вопрос. Но все же общую *направленность* научных интересов можно проследить.

С середины XIX в. вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции русские историки интересуются больше всего эволюцией политических учреждений и социальных форм в связи с экономикой. Крестьянский вопрос и история освобождения крестьян на Западе, история рабочего класса, история феодализма, его начала, расцвета и падения, социально-экономические аспекты в истории Французской революции, история обезземеления крестьян в Англии — вот темы, к которым охотно обращалась и обращается мысль русских историков, работавших и работающих в области истории Западной Европы. Уже задолго

до нашей революции живой интерес к историософии и методологии марксизма имел самые положительные для развития науки результаты.

В советский период это могучее влияние содействовало успешному давлению назревшей потребности в научном пересмотре и коренной переоценке очень многих старых воззрений и совсем несостоятельных суждений идеалистических школ всевозможных оттенков, давно уже тормозивших развитие науки. Страстный интерес к систематическому применению у нас новых методов обнаружили на Западе такие первоклассные ученые, как Альбер Матъез и др.

Что касается тематики, то в советское время, кроме продолжения разработки прежних тем, углубился, весьма естественно, интерес к анализу революционных эпох западноевропейской истории и истории Америки, с новой энергией принялись также за разработку истории тех восстаний и революций, где рабочий класс принимал особенно живое, иногда решающее участие.

В данном случае советская историческая наука следовала за политической жизнью страны, откликалась на вопросы, на которые паталкивали переживаемые события.

И именно поэтому в последние приблизительно 15 лет советские историки стали проявлять повышенный интерес к той области, которая до той поры оставалась, в общем, у них почти вовсе вне поля зрения.

Чем больше выяснялась внешнеполитическая обстановка, в которой пришлось жить Советскому Союзу, тем более настоятельно необходимым оказывалось углубление, интенсивное изучение вопросов дипломатии и внешней политики в прошлом и настоящем. В данном случае наблюдается полнейшее совпадение злободневно-политических потребностей с давно назревшими и давно не удовлетворявшимися требованиями исторической науки. Капитальный коллективный труд «История дипломатии», вышедшая под редакцией академика В. И. Потемкина, был одним из проявлений этого интереса, который крещет у нас не по дням, а по часам.

Нападение на нашу страну презренной гитлеровской банды и героический отпор, данный разбойничьим полчищам на необъятных полях Советского Союза, необычайно усилил у нас не только интерес к истории постепенного роста могучего русского царода, но и к истории тех событий, которые, во-первых, привели к образованию в центре Европы обширного лагеря империалистических агрессоров и, во-вторых, отдали весь континент, как беспомощную жертву, во власть хищной гитлеровской шайки.

Теперь, когда Красная Армия спасла своей кровью свободу Европы, этот интерес к научному анализу причин и природы пережитого страшного кризиса, конечно, еще усилится. Это вполне

определенно уже успело сказаться на работе научных сотрудников Института истории Академии наук СССР в наши великие дни. Но трудам советских историков, вышедшим в 1917—1945 гг., будут посвящены особые обзоры.

Вестник Академии наук СССР,
1945, № 5—6, стр. 176—181.

О «ЗАПАДНОМ БЛОКЕ»

Освобождение Франции из кровавых лап гитлеровских захватчиков и вишійских предателей нигде, видимо, не приветствовалось так единодушно, как в Советском Союзе. И не только потому, что в России всегда смотрели на Францию, как на очень близкую страну, а на историю французского народа, как на славные страницы в скрижалях всемирного прогресса, но и потому, что возвращение Франции в круг самостоятельных держав являлось крупной победой для дела окончательного и бесповоротного уничтожения немецкого фашизма, предотвращения опасности германской агрессии.

С каким волнением следили мы за началом доблестного сопротивления, за первыми тяжкими усилиями героических патриотов Франции, за самоотверженными подвигами французских партизан, при самых невероятных условиях оказывавших отчаянное сопротивление подлым гитлеровским палачам и грозно каравших предателей Родины!

И когда Советский Союз и Франция заключили договор о союзе для сопротивления всяким попыткам новой германской агрессии, это событие встретило у нас полное одобрение общественности. Что же может быть естественнее? Кто посмеет угрожать нашим двум странам, когда они вместе? Ведь недаром так буйствовала гитлеровская разбойничья банда в 1934—1935 гг., прослышав о готовящемся заключении франко-советского пакта. Недаром Берлин в спешном порядке приказал Павеличу убить Луи Барту. Недаром затем началась такая кипучая агитация с благосклонным и прекрасно вознагражденным участием Чарльза Линдберга, направленная к тому, чтобы доказать французам, как ничтожна русская авиация, как слаб вообще Советский Союз...

Эта губительная агитация вполне удалась, и изменник Лаваль мог беспрепятственно делать свое черное дело. Но именно уничтожение франко-советского пакта было отправным пунктом всех дальнейших разбойничьих походов Гитлера и его банды. Без этой своей удачи фашистская шайка и думать бы не посмела об осуществлении своих планов. Уже тогда лавалевская пресса нашла и для своей клеветнической, оплаченной германскими марками агитации, и для предстоящего бандитского нападения на Советский

Союз определенную формулу: «восстание Европы против большевизма» («la levée de l'Europe contre le bolchevisme»). Усердно, целыми годами подталкивали Францию к той пучине разгрома и позора, в которую она свалилась.

Теперь, после ужасов войны, которая по замыслу гитлеровской банды должна была погубить и Советский Союз и Францию, представлялось просто немыслимым, чтобы наплись люди, способные легко забыть уроки недавнего прошлого. Но такие люди нашлись, и об этом свидетельствует развернувшаяся во Франции оживленная пропаганда сторонников так называемого «западного блока». Конечно, интересы обеих стран так очевидно связаны с сохранением франко-советского союза, что даже самые пылкие адвокаты западного блока еще пока деликатно избегают касаться этого неприятного для них документа. Но мы, вспоминая и далекую и недавнюю историю, невольно воскрешаем в памяти эти так легко забываемые нашими современниками уроки.

Совершенно верно: постоянные и неопровержимые аргументы говорят в пользу прочной дружбы между обеими державами. Но любопытно с чисто исторической точки зрения проследить, как периодически возникали совершенно пенужные, всегда для обеих сторон вредные, а часто и роковые конфликты между Францией и Россией.

Делить им было нечего, ссориться решительно не из-за чего, экономические и политические их интересы нигде серьезно не сталкивались, а если где-либо иногда и сталкивались, то самый конфликт, даже если он не кончался войной, обходился обоим сторонам непомерно дорого — игра свечей не стоила.

Из-за чего, например, шла долгая, кровавая Крымская война? Ведь буквально на другой день после Парижского мира обе стороны стали стремиться к нужному им обоим союзу! Из-за чего же союз не состоялся, из-за чего вся эта комбинация — к великой радости Бисмарка — пошла прахом? Из-за угрожавшего войной дипломатического вмешательства Наполеона III в русско-польские отношения, вмешательства, вредного и для Польши, и для Франции, и для России. Это вмешательство, по словам польских историков и публицистов, стоило полякам гибели многих молодых сил, а Франции принесло катастрофу 1870—1871 гг., которая имела вреднейшие последствия и для России.

Почему так надолго и с таким вредом для Франции испортились отношения между Францией и Россией после советской революции? Зачем Мильеран оказал помощь Пилсудскому и присудчикам в их наглом, захватническом набеге на советский Киев, на советскую Украину? Тогда также дул (как выражается Эмиль Бюре) «ватиканский ветерок» над Елисейским дворцом! И еще как дул! Почему позволено было Лавалю беспрепятственно натравливать на Россию свою страну, которую он уже тогда начал продавать Гитлеру оптом и в розницу? Почему на глазах у всех

заводы Шнейдер — Крезе в годы Лаваля и Даладье, еще до войны, выделывали для Гитлера дальнобойные орудия, которыми немцы потом обстреливали Ленинград?

Можно на все эти вопросы дать какие угодно объяснения, кроме одного: никто и никогда не сможет оправдать все эти факты ссылкой на какую-либо пользу, которую получила Франция от роковых деяний врагов России, работавших во Франции.

Как известно, с особым рвением в защиту планов западного блока выступает Леон Блюм. Он предпочитает называть западный блок «западной семьей». Это звучит как-то более уютно. Французы сказали бы: «C'est plus bonhomme». Леон Блюм огорчается, что его «западная семья» вовсе не направлена враждебно против Советского Союза. Но разве случайно то восхищение, с которым подхвачена мысль о западном блоке всеми темными силами, столько поработавшими в свое время, чтобы предать врагу и погубить Францию?

Вся эта подозрительная возня с планами западного блока вызывает у нас, советской интеллигенции, так любящей Францию, чувство недоумения и ощущения горечи. Когда предатель Лаваль саботировал и уничтожил франко-советский пакт 1935 г., — это было понятно, ибо он действовал по указке Гитлера и в его интересах. Но почему теперь вновь ведется работа для подрыва дружеских отношений обоих наших народов? Почему эта вредная работа не наталкивается на серьезный отпор со стороны тех, кто утверждает, будто вовсе ей не сочувствует?

Мы знаем, что у Советского Союза друзей во Франции несравненно больше, чем врагов. Именно поэтому мы полагаем, что из «западной семьи», «западного ансамбля», «европейской федерации» в конце концов ничего не выйдет, какими бы еще затейливыми масками ни старались сторонники западного блока прикрасить сущность своих планов.

Швейцарское радио с тем же искренним чувством, с каким оно выступило в свое время в защиту собак, которыми в швейцарском концлагере травили русских военнопленных, защищает теперь права и заслуги фашистской Испании перед западным блоком.

«По-видимому, — вещало это радио 16 сентября, — государственные деятели Англии удваивают свои усилия для образования вместе с Францией западного блока. Это вынуждает особенно бережно отнестись к Испании, принимая во внимание возможность позднейшего сотрудничества».

Да и возможно ли обойтись без сотрудничества самого инициатора всего этого предприятия при той высокой цели, которую ставит себе «западная семья»: «Открыто говорят о западном блоке, чтобы положить конец образованию русофильских правительств».

Английская газета «Черч таймс» 12 октября чистосердечно и ясным английским деловым языком пишет о непосредственном значении западного блока в качестве тарана, создаваемого против

Советского Союза: «Повсюду идут разговоры о необходимости решительно рассмотреть все спорные вопросы и урегулировать проблемы Востока, которые привели к тупику». Решение этих вопросов, по словам газеты, «должно быть подкреплено силой. Неотложной практической задачей дипломатии нынешнего дня, оставляя в стороне Организацию Объединенных Наций, является объединение наций доброй воли в крепкий и действенный союз. Западный блок, недавно подвергнутый критике на Востоке, должен быть создан».

Определенные круги в Швейцарии и в Англии с самым живым восхищением регистрировали высказывания некоторой части французской прессы. А там, в самом деле, говорилось, в особенности в последние два месяца, много любопытного.

Герольды и глашатаи западного блока говорят о «враге с Востока», о нападении со стороны Эльбы... И πιнущие все это люди всерьез думают кого-то убедить, что советская общественность напрасно относится не весьма дружелюбно к певинному западному блоку. Очевидно, некоторые потомки Талейрана забыли его совет: никогда не преувеличивайте размеры глупости ваших оппонентов...

Большие уточнения в вопросе о том, чем должна быть «западная семья», вносит статья Жака Шардонне в еженедельном информационном бюллетене агентства «Фрэнс Пресс». Оказывается, «западная семья» уже ощущает сншнюю потребность в создании своего собственного генерального штаба: «В стратегической области предстоит разрешить один вопрос: проблему обороны против врага, вторгшегося с Востока... Поэтому было бы полезно создать объединенную военную комиссию в составе начальников генеральных штабов союзников».

Кто же будет представлен в этом генеральном штабе «западной семьи»? Франция, Англия, Бельгия, Люксембург и Дания. «В дальнейшем она может распространиться на Испанию и Италию». Уже и это звучит крайне успокоительно, но дальше выясняется и окончательная скромная мечта: «Затем, после реорганизации Западной Германии, и она может включиться в эту систему».

Словом, все совершенно ясно. «Враг с Востока» — это не Германия, ибо Германия тоже «может включиться» в военную организацию «западной семьи»!

Но мы чувствуем, что читатель ждет еще одной неизбежной ноты в хоре, воспевающем западный блок. Что-то еще нужно для полноты симфонии, чтобы получилась законченность, «*toute la lute*», как выражаются французы. Вот эта недостающая нота, эта безусловно необходимая ария: «Французское предложение предполагает включение Германии в западный комплекс, ибо ей угрожает опасность быстро скатиться к хаосу, если не будет конструктивного вмешательства союзников».

Пишет это биржевой орган «Смэп экономик э финансьер» (15 сентября). Старенький, но такой знакомый мотив! Отечественная

заботливость и беспокойство насчет немецкого «хаоса», который в срочном порядке должно устранить. «Западный комплекс» с Германией, которая опять на ногах. Можно хоть сейчас съездить снова в Мюнхен...

Отдавая дань полной откровенности этих пропагандистов «западной семьи», мы хотим, во имя справедливости, указать на совершенную основательность авторских притязаний родоначальника этой идеи. Ведь маститым дедушкой, так сказать, этой «семьи» является, по вполне правильному утверждению агентства «Радио-Националь», именно Франко, который еще год тому назад первый выдвинул эту мысль в письме, переданном через испанского посла Уинстоу Черчиллю. На это указало франкистское «Радио-Националь» 25 сентября: «То, что год тому назад предлагал Франко, признается сегодня большей частью англосаксонской печати. Франко предлагал образовать западный блок, который ныне стал предметом обсуждения. Франко предвидел невозможность соглашения с русскими и предсказывал кризис в Европе».

Испанский гангстер совершенно прав: он был первым! История великих открытий и изобретений учит, что сплошь и рядом эти открытия приписываются несправедливым и забывчивым потомством не тем, кому они на самом деле принадлежат, не изобретателям, а ученикам и последователям. Однако истина в конце концов всегда торжествует!

Впрочем, Франко намерен энергично бороться за свою славу первого изобретателя. Вот что писала еще 27 сентября его газета «Ариба»: «Громадные территории потеряны для Европы в связи с вторжением России, и даже Леон Блюм признал необходимость того самого западного блока, который впервые был предложен Франко».

И франкистская газета с гордостью подчеркивает: «История покажет, что в разгар мировой войны испанец, принадлежащий к расе великих вождей и государственных деятелей Александра и Цезаря, пытался спасти культуру и континент».

Таким образом, Франко настаивает с документами в руках на том, что если хронологически он и следует за Александром Македонским и Юлием Цезарем, то уж во всяком случае он предшествует Леону Блюму в деле выработки планов спасения «культуры и континента» путем создания западного блока.

Вовсе не нужно быть «московской ориентации», чтобы совершенно отчетливо видеть, какое содержание скрывается за вывеской «западной семьи». Эмиль Бюре — отнюдь не коммунист, и его газета «Орд» — скорее газета правого крыла. Но вот что мы прочли за его подписью в номере этой газеты от 18 октября: «Те, кто придает антисоветскую окраску западному блоку, который старается создать генерал де Голль, являются глупцами, сумасшедшими или коллаборационистами. Для того чтобы достичь

своих целей, они вынуждены были бы вовлечь в этот блок Германию, и вы догадываетесь, к чему привело бы это вовлечение: реванш Гитлера был бы обеспечен. Нужно просто-напросто с этим покончить».

Сама истина глаголет устами Эмиля Бюре. Его тревожит не только будущее советско-французских отношений, но и любезности Парижа по отношению к Франко. И он кончает статью знаменательными словами: «Ветерок, дующий на Кэ д'Орсэ, вест из Ватикана, а этот ветерок никогда не благоприятствовал французским интересам».

Газета «Вуа де Пари» поместила статью Альбера Байе, ученика и друга покойного историка французской революции Альфонса Олара, почти все книги которого переведены на русский язык. Вот что пишет Байе: «Западный блок — узкий, ограниченный проект, который является отрицанием великих французских идеалов, он обрек бы Францию на положение посредственной державы».

В том-то и дело, что реализация западного блока, безнадежно отталкивая от Франции самого естественного и самого сильного на европейском континенте из ее союзников, быстро лишила бы Францию ее положения великой державы. И совсем абсурдна поэтому попытка газеты «Фигаро» представить своим читателям, (в номере от 14 октября) дело так, будто западный блок обрзуется только для защиты Рейна: «Оборона Рейна, несомненно, интересует все нации, но главным образом Францию, Бельгию, Голландию и Англию».

Пусть редакция «Фигаро» вооружится микроскопом и, может быть, она отыщет тогда на географической карте не только Бельгию и Голландию, но также и не замеченную ею Россию. И, может быть, кое-кто из читателей «Фигаро» догадается, даже без помощи редакции, что Советский Союз может помочь французам в критический момент, пожалуй, не меньше бельгийцев и голландцев именно в деле обороны Рейна.

Можно оставить в стороне выдвигаемые в защиту западного блока чисто «экономические» доводы. Ибо, во-первых, для этих экономических комбинаций не требуется создавать особый генеральный штаб («военную комиссию»), для этого не требуется трубить во все трубы о прямых выступлениях будущего «блока» против политики Советского Союза в Восточной Европе, для этого не нужно публично заявлять, что западный блок (включая Германию в свой «комплекс») должен иметь в виду «врага с Востока». А, во-вторых, ведь целыми месяцами люди шумят в прессе и на публичных выступлениях о западном блоке и о том, как он экономически необходим для западных стран, — и за все время, кроме торгового соглашения Франции с фашистской Испанией, никаких других договоров, которые в самом деле сблизжали бы в экономическом отношении страны будущего блока, не было и нет

даже и в помине. А единственным сколько-нибудь реально учитываемым последствием всех этих шумных приготовлений, всех этих то ликующих, то угрожающих, то на что-то злое намекающих статей и пресс-конференций было явление не «экономическое», а чисто политическое. усиление нагло-агрессивного провокаторского тона всех публицистов и политиков, которые поставили своей прямой целью приблизить по мере сил новую мировую войну. И это — не только в Испании, не только в Турции, не только в Греции, не только в Аргентине... Зачем нужна эта игра с огнем? Кому она пужна? Во всяком случае — не Франции.

Последние выборы продемонстрировали волю французского народа. Эти выборы должны были бы окончательно показать тем поверхностным или враждебно настроенным наблюдателям, которые толковали об упадке Франции, о ее вырождении, о том, что историческая роль французской нации окончена, до какой степени все эти мрачные пророчества оказались фантастическими. Жива демократическая, прогрессивная Франция, и долго ей суждено еще идти в первых рядах народов, ведущих человечество к социальному и общекультурному прогрессу.

Французский народ едва ли допустит, чтобы его сделали орудием в темной игре людей, готовящих новое мировое побоище. Теперь нас с Францией едва ли кому-либо удастся серьезно поспорить, несмотря на все старания. Так, по крайней мере, кажется нам, любящим Францию и с глубоким вниманием наблюдающим все, что там происходит...

Новое время, 1945, № 11, стр. 18—22.

РУССКИЙ ФЛОТ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПЕТРА I

ПРЕДИСЛОВИЕ

Главная цель предлагаемой работы — выяснить, какую роль сыграл созданный при Петре I русский флот в истории русских внешнеполитических отношений. Этот вопрос оставался всегда как-то в тени, несмотря на колоссальное значение флота в русских триумфах конца петровского царствования.

Сообразно с характером намеченной темы, больше всего внимания посвящено тому периоду, когда флот стал активно помогать возвышению России среди великих европейских держав.

То, что предлагается вниманию читателя, — вовсе не полная история флота при Петре, но исключительно характеристика его влияния на петровскую внешнюю политику, а также на отношение западноевропейской дипломатии к появлению этого нового фактора русского военного и государственного могущества. Конечно, и история дипломатии времен Петра привлечена тут лишь постольку, поскольку она прямо касается существования русского флота и поскольку возможно уследить влияние этого фактора на действия и намерения европейских держав. Когда Карл Маркс указывает, что нельзя себе представить великую нацию настолько оторванной от моря, как Россия до Петра, когда он говорит, что Россия не могла оставить в руках шведов устье Невы, а также Керченский пролив — в руках кочующих и разбойничающих татар, то он со свойственной ему глубиной исторического реализма формулирует и объясняет то упорство, ту последовательность и ту готовность ко всяким жертвам и опасностям, которые проявил Петр в стремлении к морю. И наряду с этим Маркс дает объяснение тому, что Россия, оставаясь великой нацией, в результате, правда, тяжкой борьбы, не могла не достигнуть этой абсолютно для нее необходимой цели.

Русскому народу, конечно, мешала его отсталость, которая не была им полностью изжита не только при Петре, но и в течение всего существования монархии в России. Читатель не должен забывать о тех страшных трудностях, которые России пришлось

превозмогать, и о тех жертвах и страданиях, которые пришлось ей пережить, создавая флот и превращаясь в великую морскую державу. Социально-экономическая структура феодально-абсолютистского государства оставалась и при Петре, и участь закрепощенной народной массы стала еще тяжелее; большие народные восстания были последствием этого положения. Но, несмотря на все тяготы, России удалось успешно начать дело преодоления своей технической и общекультурной отсталости и вконец разгромить нававшего на нее врага.

Могучие, повелительные, неустранимые экономические потребности дальнейшего исторического развития русского народа и задача расширения и стратегического укрепления государственных границ диктовали программу действий. Голос истории был услышан, — ценою тяжчайших жертв русский народ создал флот и пробился к морю.

В гигантской, длившейся 21 год борьбе Петр проявил во всем блеске свои разнообразнейшие гениальные способности. Он оказался и первоклассным стратегом (полководцем и флотоводцем) и проницательным высокоталантливым дипломатом, которого не могли обмануть ни англичане, ни французы, ни шведы, ни Австрия, ни Пруссия. Он проявил себя и как замечательный законодатель и администратор. Но здесь он нас будет интересовать лишь как флотоводец и как создатель военного флота, могущественно способствовавшего окончательной победе. Полтава нанесла непоправимый, сокрушительный удар шведскому могуществу, а флот помог побороть все усилия шведов отдалить подписание мира и все интриги англичан и французов, направленные к тому, чтобы подбодрить шведов к продолжению борьбы. Избегая всяких преувеличений, должно признать, что роль юного русского флота в последние годы войны была громадна. Тяжкие жертвы и колоссальные усилия русского народа, создавшего могучую морскую силу, оказались не напрасными.

Глава I

Как известно, Петр I никаких мемуаров не оставил, да и вообще совсем несвойственно было ему предаваться воспоминаниям. Как будто предчувствуя, что жизнь его будет довольно короткой, он брался за одно дело вслед за другим, а чаще всего приходилось выполнять несколько дел зараз. Настоящее и будущее имели для Петра всегда несравненно больше интереса, чем прошлое. Может быть, единственный раз в жизни Петр предался воспоминаниям, не имевшим прямого и непосредственного отношения к вопросам момента. Мы находим любопытные в этом отношении строки, явно проникнутые эмоцией, в собственноручной записке Петра «О начале кораблестроения в России». Сначала Петр рассказывает, как он заинтересовался случайно найденной астролябией и как «сыскал голландца, именем Франца, прозванием Тиммермана», который

умел с астролябией обращаться. Обо всем этом (т. е. о том, кто и как «сыскал» Тиммермана) царь спустя 32 года вспоминает с такими деталями, с такой отрадой, с какой люди говорят лишь о важных и счастливейших событиях своей жизни. Но почему же столь существенно, что «тако сей Франц, чрез сей случай, стал при дворе быть беспрестанно и в компаниях с нами»? Потому, что появлению «сего Франца» тесно связано с другой, несравненно более важной находкой: «Несколько времени спустя случилось нам быть в Измайлове на Лынном дворе и, гуляя по амбарам, где лежали остатки вещей дому деда Никиты Ивановича Романова, между которыми увидел я судно иностранное, спросил вышереченного Франца, что то за судно? Он сказал, что то бот английский. Я спросил: где его употребляют? Он сказал, что при кораблях для езды и возки. Я наки спросил: какое преимущество имеет перед нашими судами (поиске видел его образом и крепостью лучше наших)? Он мне сказал, что он ходит на парусах не только что по ветру, но и против ветру, которое слово меня в великое удивление привело и якобы неимоверно. Потом я его наки спросил: есть ли такой человек, который бы его починил и сей ход показал? Он сказал, что есть. То я с великою радостью сие услыша, велел его сыскать. И вышереченный Франц сыскал голландца Карштен Бранта, который призван при отце моем в компании морских людей, для делания морских судов на Каспийское море; который оный бот починил и сделал машт и парусы и на Яузе при мне лавировал, что мне наче удивительно и zelo любо стало. Потом, когда я часто то употреблял с ним, и бот не всегда хорошо ворочался, но более ушрался в берега, я спросил: для чего так? Он сказал, что узка вода. Тогда я перевез его на Просыной пруд, но и там немного авантажу сыскал, а охота стала от часу более. Того для я стал проведывать, где более воды; то мне объявили Переславское озеро (яко наибольшее), куды я под образом обещания в Троицкий монастырь у матери выпросился»¹.

Мать Петра Наталья Кирилловна отпустила 16-летнего юношу, отиросившегося будто бы на богомолье, а тот превратил Переяславское озеро в первое по времени место постройки (или, точнее, опытов постройки) судов своего будущего флота.

«И тако вышереченный Карштен Брант сделал два малые фрегаты, да три яхты, на которых его величество несколько лет охоту свою исполнял. Но потом и то показалось мало: и изволил ездить на Кубинское озеро, там пространство большее, но ради мелкости не удобное. Того ради уже положил свое намерение видеть воду охоте своей равниую, то есть прямое море»².

Следующим этапом в ознакомлении Петра с корабельным делом была предпринятая им поездка на Север, к Белому морю.

4 июля 1693 г. Петр выехал в Архангельск, куда и прибыл утром 30 июля. Первый раз в жизни он увидел море и настоящие морские суда. Как раз голландские и английские торговые суда

собирались идти из Архангельска домой, и Петр немедленно решает принять участие в их плавании. На русской 12-пушечной яхте «Святой Петр» он присоединяется к этому небольшому торговому каравану и довольно далеко провожает его в море. Целых шесть дней заняло это неожиданное путешествие, но Петра совсем не удовлетворили его результаты. Что осмотришь за короткое время на уходящих кораблях? Царь решил задержаться в Архангельске, пока не придет ожидавшаяся к началу осени новая торговая флотилия из Гамбурга. Дождавшись ее и осмотрев с большим вниманием суда, царь вернулся в Москву.

В Архангельске (на Соломбальской верфи) Петр заложил 24-пушечный корабль «Апостол Павел». Кроме того, им было приказано купить в Голландии 44-пушечный фрегат, названный «Святое пророчество».

Первое знакомство с морем окончательно выявило настоящую страсть Петра к морской стихии, — иначе трудно определить всю интенсивность и глубину того влечения к морю, к морскому делу, к морскому обиходу, которое не оставляло царя до смерти. Истинно государственная широкая мысль о настоятельной необходимости и для экономики и для политики России обладать сильным и деспособным флотом встретила в душевной жизни Петра с самой пылкой готовностью как можно скорее, не считаясь ни с какими жертвами и препятствиями, сделать абсолютно все, что в человеческих силах, для создания военного и торгового флота.

Однако путешествие в Архангельск мало удовлетворило Петра. Он вернулся в Москву 1 октября, а спустя без малого четыре месяца, 25 января 1694 г., умерла Наталья Кирилловна. Смерть матери поразила молодого царя, но долго предаваться печали он не умел. Смерть царицы могла лишь ускорить задуманное Петром второе путешествие к Белому морю: Наталья Кирилловна страшно тревожилась за сына во время первого путешествия, она перед отъездом брала с него обещание не покидать берега (которое Петр нарушил немедленно по прибытии в Архангельск), и раньше можно было ждать с ее стороны решительных протестов против нового путешествия. Но теперь препятствие отпало, и 1 мая 1694 г. царь выехал из Москвы на Белое море к началу летней навигации.

Почти немедленно по прибытии в Архангельск Петр предпринял на яхте «Святой Петр» путешествие в Соловецкий монастырь. По пути к Соловкам яхта испытала настолько жестокую бурю, что люди экипажа уже не чаяли себе спасения, а духовные лица, бывшие на судах, убедили Петра исповедаться и приобщиться перед близкой смертью. Однако опасность миновала. Петр, после непродолжительного пребывания в Соловках, вернулся в Архангельск.

Находясь в Архангельске, царь почти ежедневно бывал у голландцев и англичан, часами наблюдая, выпрашивая, участь, принимая непосредственное участие в разного рода ремонтных корабельных работах. С 14 по 21 августа Петр был в море, в том первом

большом плавании, которое было им намечено еще в первое посещение Белого моря. У него было три корабля: два, построенные в Архангельске, и один, построенный, наконец, в Голландии и пришедший оттуда. Царь включил свои корабли в очередной караван, состоявший из возвращавшихся четырех голландских и четырех английских торговых судов. Проводив иностранцев до выхода из Белого моря, три русских корабля вернулись в Архангельск.

Уже этот скромный опыт показал Петру, что у него не только нет флота, но нет и в помине людей, сколько-нибудь похожих на моряков. Ни «вице-адмирал» Бутурлин, командир корабля «Апостол Павел», ни «адмирал» князь Федор Ромодановский, командовавший фрегатом «Святое пророчество», ни «контр-адмирал» Гордон морского дела не знали. Гордон чуть не потопил свою яхту «Святой Петр» и сам сознавался, что «только божественное провидение» спасло его, когда он по ошибке чуть не посадил свой корабль на скалы. А ведь Гордон был все-таки более похож на командира корабля, чем Бутурлин или князь Федор Юрьевич. Сам «шхипер Питер» командующей роли на себя не брал, не считая себя подготовленным. Своих «адмиралов» он также считал неподготовленными, но выбирать было не из кого. Матросы из северян-поморов, выросших у моря и кормившихся морем, были еще не так плохи, но командный состав весьма слаб.

Глава II

Из второго путешествия к Белому морю Петр вернулся в Москву с твердой мыслью о необходимости создания флота. Если для 16-летнего юноши Яуза уже оказалась недостаточной, если для 20-летнего Петра оказались слишком «узкой воды» в Переяславском озере, то 22-летний царь, побывав на море, навсегда бросил свой «игрушечный» переяславский флот и с той поры ни о чем, кроме моря, не мог думать, мечтая о кораблестроении.

Когда Петр пришел к власти, его царство располагало, в сущности, всего двумя морскими побережьями: на Белом море и на севере Каспия. Каспийское море пока не приходилось принимать в расчет: во-первых, кроме узкого краешка северного берега, по обе стороны астраханской дельты, русские никакими другими берегами там не располагали ни к востоку, ни к западу, ни к югу. Этими берегами владели либо непосредственно Персия, либо подчинявшиеся Персии туркменские и кавказские племена; во-вторых, закрытое Каспийское море не сулило никаких перспектив в смысле общения с европейской наукой и техникой. Не пришло еще и время, когда у Петра вполне освободились руки для предприятий на Каспийском море.

Следовательно, оставалось одно: использовать Беломорье. Две поездки царя к Белому морю были лишь первоначальными разведками. Они убедили Петра, что только через Белое море, находив-

шеся слишком далеко от основных центров страны и замерзающее на большую часть года, нельзя наладить необходимые хозяйственные и культурные связи России со странами Европы.

Странно и даже как-то дико показалось придворной Москве неожиданное влечение царя к предполярным океанским ширям. От царских спутников узнали, что Петр там не только пировал с голландцами и англичанами (к этому уже привыкли и это никого не удивило), а и не раз подвергался на море смертельной опасности. Узнали о плотничьем и слесарном труде, который нес царь при починке кораблей. Узнали о закладке судов, об указаниях, которые даны для развития активной торговли с Западом, т. е. о необходимости вывозить русские товары на русских судах.

Все это говорило, что дело касается чего-то несравненно более серьезного, чем потехи на Переяславском озере. Приближалось время, когда царь разрешил все недоумения и ясно дал понять, что в создании флота он видит одно из насущных дел своей государственной деятельности.

Прорваться к морю — такова была цель Петра. Начать все же шлоходилось не с Балтийского моря, где царила первоклассная держава — Швеция, а с Азовского и Черного, так как с турками было легче справиться. К тому же между Россией, Польшей, Австрией и Венецией существовал военный союз, направленный против Турции. В 1695 г. Петр двинул войска под Азов.

Неудача первого азовского похода показала, что без помощи флота Азова не взять. Два приступа были отбиты, а крепость не только удержалась, но и ее обороноспособность ничуть не уменьшилась к тому моменту, когда Петр принужден был снять осаду. Крепость, получавшую регулярную помощь со стороны моря, трудно было понудить к сдаче, а у турок был и на Черном и на Азовском морях флот, правда, плохой, но ведь у русских и вовсе никакого флота не было.

Нужны были Петру не только военные, но и транспортные суда для перевозки военных грузов по Дону, потому что легче было везти грузы из Москвы к Воронежу и там перегружать на суда и отправлять под Азов по реке, чем перебрасывать их сухим путем из центра государства к Азову.

Началась работа по постройке судов. Уже зимой 1695/96 г. работали всюду и в Преображенском, на сооруженной там верфи, и в Воронеже. Больше строили галеры и струги. Выписаны были корабельные мастера. Плотники, слесари, кузнецы брались отовсюду, где только можно было их найти. В Воронеже делом своза материалов, а потом и постройки заведовал Титов, не имевший до той поры никакого понятия о кораблестроении, а всем этим флотом командовал Лефорт, который, как истый швейцарец, гражданин самого «сухопутного» государства в Европе, очень мало смыслил в морском деле вообще и в кораблестроении в частности. Но Лефарту очень помогали все новые и новые работники, прибывавшие из

за границы. Выстроены в Преображенском галеры перевозились в Воронеж в разобранном виде, здесь собирались и отправлялись к устьям Дона. Весной 1696 г. в Воронеже были спущены на воду 2 корабля, 23 галеры, 4 брандера. Непрерывно строились в большом количестве струги. Гребцами были отчасти «вольные», отчасти «каторжники».

Импровизированный флот принес существеннейшую пользу делу предпринятой вновь осады Азова. Начать с того, что уже 20 мая, т. е. очень скоро после прибытия первых судов в устье Дона, казаки напали на подошедший с моря и пробиравшийся к крепости караван турецких грузовых судов, сожгли девять из них, одно судно взяли в плен, отбили часть боеприпасов (пороха и бомб) и других предметов и обратили этим нападением в бегство турок, которые так и не добрались до Азова. Когда затем подошли к Азову в полном составе выстроенные галеры и брандеры и расположились в устье Дона, то они не пропускали уже в осажденную крепость ни войск, ни боеприпасов, ни провианта. Даже большая флотилия, шедшая из Константинополя (6 кораблей и 17 галер, на которых было до 4 тысяч человек войска), не решилась пробиться и ушла обратно. Артиллерийский обстрел с суши и абсолютная невозможность выдержать осаду без подкреплений из Крыма или из Турции принудили азовский гарнизон к сдаче (19 июля 1696 г.). Роль флота в этой победе была так очевидна, что вопрос об обширной судостроительной программе сам собой стал бы на очередь, даже если бы Петр до азовских походов и не думал об этом очень упорно. Но ведь самая мысль о взятии у турок Азова была мотивирована желанием выйти на морские просторы, пропикнуть поскорее к берегам Черного моря.

После взятия Азова были предприняты поиски удобной гавани и намечено устройство ее на мысе «Таганый рог» (нынешний Таганрогский порт).

Заметим, что под Азовом впервые обнаружилось организаторские и стратегические способности Петра. Бесспорно, что в истории военно-морского искусства этот удачный опыт взаимодействия сухопутных и морских сил при осаде и взятии приморской крепости занимает свое почетное место. Неудачи англичан при подобных же попытках взять в 1691 г. Квебек (в Канаде) или в 1693 г. Сен-Пьер (на Мартинике) справедливо противопоставляются успешным действиям Петра под Азовом¹.

Петр, конечно, понимал, что главная роль азовского флота заключалась в блокировании крепости с моря и в транспортировании людей и припасов с верховьев Дона и его притоков к Азову.

И когда Азов сдался, наконец, русским 19 июля 1696 г., то вся, так сказать, стратегическая и политическая недоконченность предпринятого предстала воочию. Без овладения Крымом (или, по крайней мере, Керчью) завоевание Азова очень мало приближало Россию к свободному выходу в Черное море.

Для того чтобы продолжать борьбу с Турцией за черноморские берега, нужно было создать сильный флот, ибо, как писал Петр I в октябре 1696 г. Боярской Думе, «ничто же лучше мию быть, еже воевать морем понеже зело блиско есть и удобно многократ паче, нежели сухим путем, о чем пространно писати оставляю многих ради чесных искуснейших лиц, иже сами свидетели есть оному. К сему же потребен есть флот или караван морской, в 40 или выше судов состоящий, о чем надобно положить не испустя времени: сколько каких судов, и со много ли дворов и торгов, и где делать»².

В октябре 1696 г. в Москве собралась Боярская Дума, этот высший совещательный орган государства. Начав с обсуждения частного вопроса об укреплении Азова и о заселении новоприобретенной местности, Дума перешла к принципиально новой проблеме.

20 октября 1696 г. Боярской Думой были приняты «Статьи удобные, которые принадлежат к взятой крепости или фортецы от турок Азова». Под этим скромным названием записано и постановление, имеющее большое историческое значение: «Морским судам быть, а сколько, о том справитца о числе крестьянских дворов, что за духовными и за всяких чинов людьми, о том выписать и доложить, не замочав (не замолчав — *Е. Т.*)»³.

Таково было прямое законодательное последствие азовских походов.

«Морским судам быть...» Это принятое Думой предложение Петра Алексеевича и сделало дату 20 октября 1696 г. днем рождения русского регулярного военно-морского флота, покрывшего себя славой от первых же лет своего существования.

4 ноября 1696 г. Дума ввела новую (и, надо отметить, очень тяжелую) повинность для скорейшего осуществления своего принципиального постановления.

Программа судостроения, принятая Думой, сначала предусматривала постройку 52 судов, а потом была расширена: потребовалось 77 судов. Строить их должны были «кумпанства», т. е. группы землевладельцев и торговых людей, специально для этой цели создаваемые. Участие в «кумпанствах» было, конечно, обязательным.

Все землевладельцы, имевшие более 100 крестьянских дворов, должны были соединяться таким способом, чтобы в каждом «кумпанстве» состояли землевладельцы, владевшие в общей сложности 10 000 крестьянских дворов. Каждое такое «кумпанство» обязано было выстроить один корабль, а монастыри и церкви (тоже соединяясь в «кумпанства») — один корабль на каждые 8000 принадлежавших им крестьянских дворов. Купечество, как особое сословие, должно было выстроить 20 кораблей. Мелкие землевладельцы (имевшие менее 100 крестьянских дворов) платили особую подать — по полтине со двора.

Постройка судов «кумпанствами» была очень тягостна, ответственность денежная и личная всех причастных к делу очень суровая. Результаты, правда, были налицо, корабли строились, однако

становилось ясно, что непосредственная постройка судов государством гораздо целесообразнее и позволит быстрее выполнить задачу создания флота. Поэтому постепенно «кумпанства» уступили свое место адмиралтейству.

При первых, часто не очень умелых, опытах большого военного судостроения, когда в ближайшем окружении Петра было еще так мало настоящих моряков, приходилось использовать воронежский опыт. Но этого было мало. Повелительно предстала перед Петром необходимость скорейшего ознакомления с кораблестроительной техникой Запада. И он едет за границу.

Мы теперь очень хорошо знаем, что вовсе не одно только кораблестроение интересовало Петра в его большом заграничном путешествии. Война Австрии с Турцией, отношения между Людовиком XIV и Вильгельмом английским, ближайшие намерения «гаданских статов» (Генеральных Штатов Голландии), даже начинавшиеся сношения с сербами и валахами и т. п. — все это поглощало много его внимания. И все-таки при всех своих передвижениях — из Саардама в Амстердам, из Голландии в Лондон, из Лондона в Дешфорд, из Дешфорда в Вулич, в Портсмут, в Спитхэд, опять в Амстердам — Петр всегда руководствовался либо всецело, либо в самой значительной степени интересами кораблестроительной техники, вопросами морской артиллерии, навигационного дела в широком смысле слова. Когда стрелецкий бунт 1698 г. так круто видоизменил и испортил все планы царя и нужно было в Вене скомкать весь конец путешествия и спешить в Москву, то и здесь досаднее всего для Петра была невозможность съездить из Вены в Венецию и ознакомиться с венецианскими судами, не вполне похожими на голландские и английские. Но до той минуты, когда внезапно пришли вести о стрелецком бунте, Петру удалось поработать в мастерских на верфях, полазить по мачтам, поплавать на чужих судах, при случае — командовать, при случае — конопатить и смолить, и при всех случаях — учиться и осматривать, вникая и в главное и во все детали.

Изумлялась и Европа. Одно только «инкогнито» ничего тут не объясняло: царствующие особы, путешествуя инкогнито, принимали обыкновенно титулованную фамилию и жили знатными барями, а не занимались плотниками и не лазили по мачтам.

Но Петр поставил себе твердой целью: овладеть лично наукой кораблестроения настолько, чтобы ни одна часть этой сложной техники не оставалась для него тайной. И, по общим отзывам компетентных лиц, он успешно справился с этой задачей. А что при этом он скандализировал всех своих современников не только «на Москве», но и в Европе, и топтал ногами все условности и общепринятые понятия, — это его ни в малейшей степени не смущало. Конечно, благочестивейший, благоверный царь русский и самодержец божией милостью, истовый и «тишайший» Алексей Михайлович на амстердамскую верфь наниматься в плотники не

пошел бы; он не подрядился бы строгать дерево и строить корабли и не приглашал бы явившегося к нему в Лондон на аудиенцию английского адмирала ползть немедленно вместе с ним на мачту, чтобы там пристроиться и обстоятельно поговорить (адмирал отказался, указав на свою толщину, никак не позволявшую принять любезное царское приглашение).

Все это было до дикости странным, абсолютно ни на что общепринятое не похожим, почти в такой же мере не свойственным обиходу уже покойного тогда Алексея Михайловича, как и здравствовавших современников Петра — Людовика XIV французского, Вильгельма III английского, Леопольда «Цесаря» австрийского или дожа венецианского. Герцен, назвавший Петра «одним из ранних деятелей великого XVIII века», говорил о нем: «Его революционный реализм берет верх над его царским достоинством».

Так было в течение всей короткой и переполненной трудами жизни этого человека. Он безоглядно рушил все традиции и условности, если они затрудняли хоть сколько-нибудь работу, признанную им необходимой.

Петр сам рассказывает, что в Англию он поехал из Голландии только потому, что убедился в недостаточном теоретическом совершенстве «архитектуры и управления корабельного». Узнав, что голландцы больше берут долговременной практикой, Петр очень разочаровался: «Но пожеке в Голандии нет на сие мастерство совершенства геометрическим (sic! — *Е. Т.*) образом, по точно некоторые принципы, прочес же с долговременной практикой... и что всего на чертеже показать не умеют, тогда zelo ему (Петру I — *Е. Т.*) стало противно, что такой дальней путь для сего восприял, а желаемого конца не достиг. И по нескольких днях прилучилось быть его величеству на загородном дворе кунца Яна Тесинга в компании, где сидел гораздо невесел, ради вышечисанной причины. Но когда между разговоров спрошен был, для чего так печален, тогда оную причину объявил. В той компании был един англичанин, который слыша сие сказал, что у них в Англии сия архитектура, так в совершенстве, как и другие, и что кратким временем научиться можно. Сие слово его величество zelo обрадовало: по которому немедленно в Англию поехал, и там чрез четыре месяца оную науку окончал»⁴.

Глава III

Вернувшись из-за границы с громадным запасом новых и ярких впечатлений, с разнообразными и обильными сведениями (особенно в корабельном деле), Петр был сначала поглощен страшным стрелецким «розыском», затем долгими и нелегкими дипломатическими переговорами в 1699 и 1700 гг. Напрасно впоследствии Карл XII велел колесовать и затем четвертовать лифляндского

дворянина Паткуля, обвиняя именно его в организации русского участия в антишведском союзе 1700 г. Петр ни в каких паткулях не нуждался, чтобы воспользоваться удобным случаем для выступления против шведов. Вопрос ставился так: или останется в силе Столбовский договор 1617 г., навязанный шведским королем Густавом-Адольфом Михаилу Федоровичу, и Россия признает порочность свою полную отрезанность от Балтийского моря, или должна быть предпринята попытка вернуть в русское владение древние русские земли, когда-то насильственно от России отторгнутые.

И Петр вступил в союз с Данией и с Речью Посполитой, поставив себе целью утвердить русское владычество на побережье Балтийского моря, чего бы это ни стоило.

Думный дьяк Емельян Украинцев, ведший в Константинополе мирные переговоры с турками в 1699 г., и Дмитрий Голицын, его преемник, в 1700 г. шли на отказ от самого серьезного русского требования: отказались от права плавления судов по Черному морю, лишь бы поскорее обеспечить за царем свободу рук в начинавшемся великом состязании на Севере.

Мир с Турцией был подписан.

В 1700 г. началась Северная война. В Европе почти одновременно возникла разорительная, долго ничем окончательно не решавшаяся война двух коалиций, из которых в центре одной были Франция и Испания, в центре другой — Габсбургская монархия и Англия. Вождь первой коалиции Людовик XIV и вождь второй коалиции английский король Вильгельм III (он же штатгальтер Голландии), конечно, не прочь были получить (каждый для своей группы) нового союзника в лице далекой России. Петр мог, воюя, например, против Австрии или Бранденбурга, этим самым помочь Людовику XIV; он мог, с другой стороны, воюя против Швеции, подорвать значение и силу шведского союзника Франции и этим помочь Англии и Голландии. Военная мощь России в тот момент расценивалась, правда, не очень высоко, но все-таки о возможности использовать московскую державу явственно продолжали думать в обоих лагерях. Но вот пошли по Европе слухи о тяжелом поражении русских под Нарвой 18 ноября 1700 г. Шведы не пожалели труда на то, чтобы расписать с самыми живописными подробностями, в ярчайших красках, эту победу своего короля. В Европе говорили не только о полном разгроме русских сил, но и об отсутствии всякой дисциплины в их среде. Подвиг «молодого шведского героя», Карла XII, которого очень торопившиеся льстецы поспешили произвести в Александры Македонские, восхвалялся на все лады.

Впечатление от Нарвы держалось долго. Можно сказать, что в течение восьми лет и семи месяцев, отделявших «первую Нарву» от Полтавы, дипломатия руководящих европейских держав оставалась под властью этих воспоминаний. И замечательно, до какой степени туго и трудно эти воспоминания уступали место новым,

казалось бы, капитально важным фактам, имевшим отнюдь не меньшее значение, чем Нарвская битва. Во-первых, войну за Балтику русские продолжали с неслыханным упорством. Во-вторых, в 1704 г., после шестинедельной бомбардировки, русская армия штурмом взяла эту же Нарву и истребила или взяла в плен почти весь шведский гарнизон, после чего вся Ингерманландия попала в руки Петра. В-третьих, разгром 28 сентября 1708 г. лучшего из шведских генералов — Левенгаупта — под Лесной, причем Левенгаупт, потерявший всю артиллерию и все с громадными трудностями и затратами собранные запасы, поставил этим Карла XII в явно критическое положение. Мы называем те блестящие русские победы, из которых битва 1704 г. («вторая Нарва») не уступала по своим размерам и результатам нарвской победе шведов в 1700 г. («первой Нарве»), а битва под Лесной решительно превосходила шведский успех 1700 г. Об этих сражениях в Европе знали и все-таки их глубокого смысла и последствий еще не хотели учесть по достоинству, все продолжали толковать о шведском Александре Македонском. Легкие победы Карла над поляками и саксонцами еще более ослепляли его хвалителей. «Мой брат Карл хочет быть Александром, но не найдет во мне Дария», — отозвался Петр на этот доходящий до него гул европейского «общественного мнения» и хвастливые шведские уверения в близком завоевании Москвы.

Глава IV

С первых же лет Северной войны постройка флота, проходившая в невероятно трудных условиях, не переставала оставаться в центре внимания правительства. Создавая армию, вводя первые необходимейшие государственные преобразования, Петр, прекрасно понимавший, что без морской силы и шагу не ступить на Балтике, взвалил всю тяжесть поспешного сооружения флота на плечи народа. «Морским судам быть!» Эти памятные слова постановления 20 октября 1696 г. ярким маяком стояли всю жизнь перед Петром и его сподвижниками.

Каждую копейку Петр экономил для флота, т. е. экономил то, что возможно было урвать от армии, от укреплений на о. Котлин, от построек в Петербурге. Мало было тогда у него серебра, и царь грозно напоминал строителям судов и организаторам флотских экипажей, что сурово будет расплачиваться за уINUщения: «...Когда спросил о экзерциции, на что он отвечал, что она не единожды не была (которое zelo мне неприятно и не знаю для чего то главное дело ради молодых матросов забвению предано) и отговаривался будто для того, что все корабли и шнявы, кроме двух, негодны к ходу; но сие есть великой важности; ибо я буду оное свидетельствовать, и *еще не так найдется* (курсив мой — *Е. Т.*), то не легко плачено будет (ибо не добро есть брать серебро, а дела де-

лать свинцовые)»¹. Так грозил «нелегкой» расплатой царь в письме к вице-адмиралу Корнелию Ивановичу Крюйсу 11 октября 1705 г. Он сидел в городе Гродно, был занят военной тревогой, следил за намерениями и передвижениями Карла XII, но не забывал о далекой Неве, Финском заливе и недостаточной выучке «младых матросов». Подчеркнутые мной слова очень характерны для служебного стиля Петра: много тратя на флот, Россия вправе была за свое «серебро» требовать от морских командиров дел «несвинцовых».

Правда, с трудом, но быстро строился флот, и хоть много лет прошло, пока он начал, наконец, играть заметную роль в войне, но уже с 1703--1705 гг. его существование никак нельзя было игнорировать.

Конечно, одно дело только не «игнорировать» новое явление, а совсем другое дело — оценить по достоинству его роль в настоящем и учесть его возможное значение в будущем. Ни такой оценки русского флота, ни подобного предвидения в эти годы между Нарвой и Полтавой мы в Западной Европе еще не встречаем.

Если даже крупные сухопутные победы 1704 и 1708 гг. не в состоянии были изгладить отрицательное для России впечатление от 18 ноября 1700 г., то подавно не могли этого сделать первые выступления молодого русского флота, упорно, с невероятной затратой людских жертв и с проявлением неслыханной, истинно фантастической энергии создаваемого Петром в устье Невы. А ведь уже и эти выступления представляли собой нечто в самом деле удивительное и небывалое. Русские овладевают с помощью флота устьем Невы, забирают о. Котлин, укрепляются в основном поселке, который они именуют городом Петербургом, и, несмотря ни на какие усилия, шведы ровно ничего не могут с ними поделать. На Ладожском и Чудском озерах происходят мелкие стычки небольших шведских озерных эскадр с русскими плохо вооруженными мелкими судами, и в большинстве случаев успех остается на стороне русских. Сам Петр после взятия Нотебурга выходит к устью Невы и завладевает двумя шведскими судами. Эти первые успехи открывают (так казалось Петру и его сподвижникам) счастливые перспективы. Но для дипломатов Европы ясно пока было одно: настоящего флота у русских нет; правда, их верфи (например, Олоонецкая и др.) работают неустанно, но о результатах их работы много говорить пока еще не приходится.

В европейские столицы приходят новые и новые вести: русские войска берут шведские крепости, победоносно отбивают одно за другим нападения шведов на о. Котлин. Карл XII в раздражении приказывает направить на Котлин и к берегам Невы эскадру Анкерштерна и большой отряд генерала Майделя. Русский флот, уступавший и численностью, и техникой, и артиллерийским вооружением шведскому, прогоняет шведского адмирала прочь, а высаженный на Котлине десант почти полностью уничтожается.

И все-таки ни во Франции, ни в Англии, ни в Голландии никакого заметного действия эти победы не производят. Еще об армии иногда вспоминают, к ней присматриваются, австрийский двор даже досадует, что русские воюют на Балтийском берегу, а не на юге, против шведов, а не против турок, но о возникающем русском флоте нег и речи. Его игнорируют почти вовсе, прибавляясь больше устарелыми анекдотами о саардамском и амстердамском плотничестве и об участии Петра в морских смотрах в Англии.

Стоит ли вообще придавать много значения русским победам на Балтике? Ведь ясно, что если бы эти победы в самом деле имели политическое будущее, то разве стал бы шведский король целые годы воевать в Польше и Саксонии, топиться там за ничтожным Августом III, углубляться дальше и дальше к югу? Шведский «Александр» явится на Север, когда найдет пужным, и снова сметет прочь русские войска, как сделал это в начале войны под Нарвой 18 ноября 1700 г. Таково было мнение большинства дипломатических канцелярий в описываемый «среднеполтавский» период.

На самом деле должно было представление, будто Карл и его генералы так-таки несколько не тревожились по поводу русских успехов на Неве, на Ладоге, у Конорья. Карл приказал дать серьезнейшую острстку русским в 1708 г. Шведы решили напасть на отвоеванные русскими территории с двух сторон: с юго-запада — из Эстляндии и с северо-запада — из Финляндии. Первым двинулся из Эстляндии отряд генерала Штромберга, но его два полка потеряли от Апраксина тяжкое поражение.

И тогда-то была совершена попытка нанести очень серьезный удар на устье Невы из Финляндии и со стороны моря. Из Финляндии шел генерал Любекер, в распоряжении которого было около 13 тысяч человек; со стороны моря наступал флот в числе 22 шведских судов.

8 августа войска Любекера, перейдя реку Сестру, подошли к Неве выше Тосны. Одновременно на виду у Кроншлота показались 22 шведских корабля. 29 августа Любекер, после очень оживленной артиллерийской перестрелки, продолжавшейся почти три часа, переправился через Неву и пошел искать запасы, собранные в Ингерманландии. Около двух с половиной недель продолжались эти тщательные поиски: русские уничтожили все запасы (кроме тех, которые забрали в Петербург). У Апраксина не было достаточно сил, чтобы напасть на Любекера, а у Любекера не хватало сил, чтобы взять Петербург. Шведы занимали берег (ораниенбаумский, как он позже стал называться) и очень долго не знали, что им делать дальше.

У Любекера была сильно потрепанная походом и самым настоящим образом голодавшая армия, перед ним стоял пришедший уже в конце августа шведский флот, под командованием Анкерштерна, который так же точно был бессилен взять Кроншлотское

Е. В. ТАРЛЕ

Русский
ФЛОТ
и
ВНЕШНЯЯ
ПОЛИТИКА
Петра I

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОРУЖИЙНЫХ СИЛ СОЮЗА ССР
МОСКВА

1 9 4 9

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ КНИГИ Е. В. ТАРЛЕ
«РУССКИЙ ФЛОТ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПЕТРА I»

укрепление и о. Котлиц, как сам Любекер был бессилён взять Петербург. Колебания Любекера и Анкерштерна окончились довольно неожиданно. Случилось это так. У Апраксина не было сил покончить с Любекером, но была возможность беспокоить его, нападая малыми отрядами на отделившиеся от главного шведского лагеря части. При одной из таких стычек у Конорья, где шведам удалось одержать верх, они на беду свою нашли среди попавшей в их руки русской добычи письмо графа Апраксина к начальнику этого небольшого русского отряда генералу Фризеру. Апраксин сообщил Фризеру, что он спешит к нему с большой армией на помощь. Это письмо именно затем и было написано Апраксиным, чтобы каким-нибудь путем оно попало к Любекеру и сбило его с толку, потому что никакой большой армии у Апраксина не было и в помине, никаких подкреплений он сам не получал и другим послать их не мог. Затем Апраксина увенчала самым блестящим успехом. Любекер и Анкерштерн поверили в реальное значение попавшей в их руки записки. Все колебания кончились, шведам представилось, что им грозит неминуемая катастрофа, если они замешкаются. Решено было поскорее посадить армию на суда Анкерштерна и отплыть подобру-поздорову, не теряя золотого времени. Но это решение и привело к катастрофе. Любекер покинул свой прежний лагерь и перевел свое войско к самому берегу моря Сюда, в Конорский залив, к деревне Кривые Ручьи, подошли суда Анкерштерна. Началась трудная посадка войск. Чем больше войск оказывалось на судах и чем малочисленнее становился шведский лагерь у Кривых Ручьев, тем смелее русские, находившиеся все время в некотором отдалении, производили свои внезапные нападения. Наконец, когда у неприятеля осталось на берегу лишь около пяти батальонов, Апраксин напал на шведский лагерь и перебил 900, а в плен взял 209 человек. Последние часы посадки имели вид и характер панического бегства. Любекер велел перебить почти всех лошадей, еще оставшихся у шведов после тяжелых потерь в этом голодном ишгерманландском походе. Шведы впоследствии признавали, что Любекер потерял в провалившейся экспедиции от 4 тысяч до 5 тысяч человек.

Глава V

Позорный по существу дела провал наступления шведов на Петербург в 1708 г. стал известен в Европе и по логике вещей должен был произвести серьезное впечатление. Большая (по тем временам), прекрасно вооруженная шведская армия с обильной кавалерией, подерживавшаяся большим флотом, полтора месяца воевала против слабых русских сухопутных сил и едва лишь начавшего строиться флота, потерпела без малейших компенсаций тяжелый урон и убралась прочь, боязливо убегая от русских. Однако гипноз старой победы Карла XII над русскими и новой его же победы над поляками и саксонцами был все еще слишком силен.

Только в Англии начинали понимать, что какие-то существенные перемены произошли в России со времен Нарвы. И только в Англии внимательно отнеслись к поражению Любекера. Посол Витворт (Whitworth) писал в своем донесении в Лондон: «...Шведы с боем перешли через реку Неву (had forced a passage) и остановились в Ингрии, вблизи Ямбурга, откуда они установили ежедневные сообщения со своим флотом и после почти шестинедельной остановки, не предприняв ничего, решились переправиться обратно на кораблях, но при этом случае их арьергард был разбит адмиралом Апраксиным». Дальше, со ссылкой на донесение Апраксина, посланное адмиралом из Ямбурга 22 октября, Витворт сообщает, что, кроме 900 человек шведов, перебитых при последнем нападении, и кроме взятых в плен, оставшиеся разбежались по лесам и были там тоже перебиты или взяты в плен¹. Витворт узнал и об истории с дезориентирующим письмом от Апраксина Фризеру. Но Витворт дает другую версию: «очень странное письмо» («very odd letter»), сбившее с толку Любекера, было писано будто бы не Апраксиным, а вице-адмиралом Крюйсом, причем Крюйс изведал, что в Нарве у русских 6 тысяч человек, в Новгороде — 5 тысяч человек пехоты и 12 тысяч драгун, в Ладoge — 3 тысячи или 4 тысячи человек и что все эти войска вполне снабжены провиантом. Об этом якобы сам Крюйс рассказывал Витворту².

Англичанин очень заинтересовался русским флотом и поспешил отправить в Англию «Список судов царского флота в мае 1708 г., стоявших на якоре в тридцати верстах от Петербурга между островом Ричарда (Ritzard) и Кроншлотом под начальством генерал-адмирала Апраксина и вице-адмирала Корнелия Крюйса»³. Вот цифры, которые он дает: 12 линейных кораблей с 372 орудиями и 1540 человек экипажа; 8 галер с 64 орудиями и 4 тысячами человек экипажа; 6 брандеров и 2 бомбардирских корабля; мелких судов — около 305.

Все это представляло собой силу, и силу немалую, но только лишь одни англичане сколько-нибудь серьезно начинали ее учитывать. И все-таки обстоятельства так сложились, что и для англичан значение этих морских сил затмевалось решающими, грандиозными событиями, готовившимися на главном театре смертельной схватки. Близились встреча, от которой зависело политическое будущее и Швеции и России. Правда, шведская армия самого Карла XII, по слухам, голодает в Польше и на севере Украины не меньше, чем голодала армия Любекера в Ингрии и у Копорья, но «московские известия должны быть принимаемы со значительными смягчениями» («the muscovite relations are to be understood with considerable abatements»). Это — с одной стороны. А с другой стороны, — гетман Мазена перешел внезапно на сторону шведов, и это точный факт. Что же это значит? Семидеся-

тилетний, осыпанный почестями и богатствами человек, глава и хозяин богатой Украины, должен быть уж очень крепко убежден в конечной победе шведов, чтобы решиться на такой шаг. «Этот случай может дать совсем новый оборот здешним делам», — многозначительно доносит Витворт в Лондон⁴. Конечно, новые и новые сведения, собираемые всякими путями, утверждают британского посла в громадном значении поражения, понесенного Любекером: отныне Ингрия совершенно обеспечена от шведских нападений, позорное бегство шведов выясняется из шведских показаний в еще более ярком виде, чем из русских реляций (не 6, а 7 тысяч лошадей своей кавалерии уничтожили шведы перед бегством), и т. д.⁵ Все это так, но все это может быть исправлено победой Карла XII и его нового, неожиданного союзника — гетмана Мазепы. Точно так же думали и говорили во Франции.

При Версальском дворе до Полтавы на Россию смотрели как на величину, правда, не совсем не стоящую внимания (взятие упорно сопротивлявшегося Азова произвело впечатление), но все-таки не особенно значительную. Да и Посольский приказ в эти годы не очень занимался вопросом об отношениях с Францией. Людовик XIV, союзник Карла XII, был определенным политическим противником. Горемычный Петр Васильевич Постников, без «верющих грамот» и с несколькими рублями в кармане, не пользовался во французских кругах никаким престижем. И не потому, что, как он жаловался, ему приходилось обходиться без своей кареты и довольствоваться наемной, хоть он убедительно доказывал Посольскому приказу, что «своя корета честнее» (почетнее) для представителя царя. Но не в «корете» было дело.

Петром I из Архангельска в Лондон были отправлены два торговых судна с русскими товарами. В пути они были захвачены французскими каперами. Постникову пришлось долго хлопотать об этих судах, и хотя право было на русской стороне, он проиграл дело во всех инстанциях (а доходило оно до самого Людовика XIV). При этом обращение с Постниковым было довольно суровое, и пришлось ему выслушать «студеные словеса»⁶. Союз Франции со Швецией был тогда еще крепок. «Извольте видеть, како открытым лицом здешний двор ласковую приклонность оказывает шведом, а не нам, и действует бесстыдно против народного права, яко юристы говорят»⁷, — так жаловался Постников своему начальству на французское неправосудие. Пошла эта жалоба из Парижа 1 июля 1704 г., а получена была в Москве 6 сентября. Никаких непосредственных результатов она не имела, хотя дело об этом захвате впоследствии и было поднято вновь — уже при другом русском послѣ.

Донося Людовику XIV о своей прощальной аудиенции у царя, французский посол, умный и наблюдательный де Галюз, очень хлопотавший в это время (август 1704 г.) о скорейшем примирении Петра с Карлом XII, указывает королю прямой, так сказать,

путь к сердцу Петра: «Так как наибольшая страсть царя состоит в постройке военных судов, то он усмотрел бы как наибольшее доказательство дружеских чувств со стороны вашего величества, если бы ваше величество сочли полезным приказать прислать мне рисунки некоторых из (французских — *E. T.*) судов, наиболее значительных, с указанием на их размеры, вместимость (*saracité*), число орудий, экипажей и солдат. Об этом мне повторяли несколько раз письменно и устно, но я не мог ничего ответить — я тоже требовали возвращения московского корабля, вышедшего из Архангельска и взятого одним французским арматором»⁸.

Петр хотел бы в это время расположить к себе Людовика XIV. Не мечтая, конечно, о том, чтобы французский король расторг те дипломатические узы, которые связывали его с Карлом XII, царь стремился по крайней мере к тому, чтобы французы не препятствовали, насколько от них это зависело, русскому торговому мореплаванию. И Людовик пошел отчасти навстречу. Министр Пошартрен 25 ноября 1705 г. довел до сведения русского правительства, что король «возоблювит» свой приказ, чтобы французские капитаны не трогали русских торговых судов, и что он хочет сделать все зависящее, чтобы установить «добрые сношения и взаимное мореплавание» («*une navigation mutuelle*», как вполне понятно по существу, хотя и несколько курьезно с чисто литературной стороны, изъяснялись тогда французские чиновники)⁹.

Но вот вырастает внезапно на горизонте «вал Полтавы». Наступает вечно памятное 27 июня 1709 г., которое оказалось одной из вех мировой истории. Весть о полном разгроме «непобедимой» шведской армии, о бегстве Карла, о немногих утренних часах боя, которые ознаменовали конец шведского великодержавия, царившего на Севере 150 лет, поразила европейскую дипломатию. Европа совсем не была подготовлена к подобному внезапному, грандиозному по своим политическим последствиям событию.

«Неожиданное (*unexpected*) поражение всей шведской армии под Полтавой и разгром ее были так велики, что известия об этом, наверное, будут в ваших руках раньше этого письма», — так писал из Москвы в Лондон статс-секретарю Бойлю посол Витворт 6 (17) июля 1709 г.¹⁰ Подробности в том виде, в каком они стали тотчас же после битвы распространяться по Европе, могущественно усиливали впечатление. Слова пленного фельдмаршала Реншильда, что со шведской стороны в сражении участвовало до 30 тысяч человек, из которых регулярных (и отборных!) шведских воинов было 19 тысяч человек, облетели все европейские дворы.

Уничтожение или взятие в плен всей этой силы, сравнительно ничтожные потери русских, превращение вчерашнего «Александра Македонского», только что громко заявлявшего, что подпишет мир в Москве, в беглеца, которого из милости приютил стамбульский калиф, — все это не сразу могло улечься в голову среднего европейского дипломата.

Ясно было одно: молодой русский царь, плотничавший на глазах любопытных зевак на голландских верфях, а потом так «чудачивший» в Лондоне, фантазер, который возомнил, что с великой военной европейской державой можно будет справиться, как с азовскими эфендиями и пашами, и жестоко проученный за это в 1700 г. под Нарвой, вдруг обнаружил себя первоклассным государственным деятелем и полководцем и через 9 лет после первой Нарвы низверг в пропасть своего бывшего победителя.

Начался новый, второй период в истории отношений европейской дипломатии к петровской России. И подобно тому, как о поражении под Нарвой 18 ноября 1700 г. в Европе никак не могли забыть вплоть до Полтавы и скептически относились ко всем успехам Петра, как бы очевидны и велики они ни были, так отпыль о Полтавской победе уже никогда не могли забыть не только при жизни Петра, но и очень долго после его смерти.

После первой Нарвы не хотели верить в очень серьезное значение даже такой русской победы, как под той же Нарвой в 1704 г. или под деревней Лесной в 1708 г. А уж зато после Полтавы отказались поверить в серьезность, например, даже такой русской неудачи, как та, что постигла царя на реке Прут. Редко когда до такой степени ярко, кричаще громко выявились характерные для дипломатов этой бурной эпохи податливость впечатлениям и быстрота в смене убеждений, настроений и оценок. «Жрецы минутного, поклонники успеха!» Ни к кому эти укоризненные слова великого Пушкина нельзя было бы с большим основанием отнести, чем к европейским правителям, привыкшим к превратностям политических и военных судеб в годы двух бесконечно долгих, одновременно происходивших и захвативших всю Европу войн: на юге — борьба за испанское наследство, а на севере — борьба за овладение балтийскими берегами.

Только после Полтавы в Европе постепенно стали понимать всю авантюристичность политики Карла XII, который в погоне за Польшей и Украиной потерял Балтику, который отчасти игнорировал русскую армию и вовсе не признавал (даже и не скрывая того) русский флот. Вот как характеризует его английский аноним (а British officer), написавший и напечатавший в Лондоне в 1723 г. «Беспристрастную историю» («An impartial history») Петра I: «Король шведский воевал так, как никакой государь не воевал до него, а именно: стремился одерживать в чужих землях победы — и терял свои земли у себя дома; завоевывал земли в пользу других — и подвергал опасности быть завоеванными свои собственные владения. Он воевал с целью совершить пашествие на Саксонию, которую он заведомо должен был покинуть, — и потерял в это время Ливонию, Эстонию, Ингрию и часть Финляндии, которые он уже никогда не возвратит»¹¹.

Чем больше подробностей узнавали в Европе о неслыханном разгроме шведов под Полтавой, тем удивительнее начинало казаться

ся это событие. Это полное поражение шведов после двухчасовой битвы, эта сдача их целыми полками с генералами во главе во время боя, это бегство без оглядки короля Карла с остатками своей армии, эта потеря всей артиллерии и всего обоза, наконец, эта окончательная сдача под Переволочной 30 июня около 16 тысяч человек шведских беглецов 9-тысячному отряду Мейшикова — все это в Европе представлялось невообразимо постыдным концом долгих авантур шведского «Александра Македонского». Ведь не все проявляли великодушие полтавского победителя, пившего за здоровье Карла, своего «учителя» в ратном деле, как раз в те часы, когда сам учитель мчался с предельной быстротой к спасительному лично для него (но не для остатков его разгромленной армии) Днепру.

Когда затем, в 1710 г., началось русское наступление и завоевание Ливонии, то ни в Англии, ни в Голландии, ни в Пруссии, ни в Дании (а в этих четырех странах очень зорко следили за успехами русской политики) не обнаруживалось уже никакого удивления при вестях о покорении шведских владений. В апреле 1710 г. Шереметев осадил Ригу. Русские беспрепятственно установили батареи между Ригой и Дюнамюнде и мост на сваях, отрезавший город от моря. Флот стоял у берега и помешал шведам увести из Риги суда, которые там находились. 4 июля 1710 г. крепость сдалась, и все суда (24 вымпела) попали в русские руки. Через месяц с небольшим сдалась и Дюнамюнде (8 августа), а спустя несколько дней — Порнов, Аренсбург и весь о. Эзель. Завоевание Ливонии было завершено 29 сентября 1710 г., когда капитулировал Ревель.

Англичане и французы стали серьезно учитывать грозное полтавское предостережение.

Как почти вся свита бежавшего Карла, в плен к русским попал в день Полтавы также и Джеффрис, состоявший в тот момент на не весьма ясной должности «секретаря ее величества королевы (английской — Е. Т.) при короле шведском Карле». Вероятно, Джеффрис был посажен британским правительством в шведский лагерь в качестве соглядатая, но наиболее зрело продуманный вывод своих наблюдений над Карлом и его армией ему пришлось сообщить уже из русского плена. «Таким образом, сэръ, — писал Джеффрис Витворту 9 июля 1709 г., — вы видите, что победоносная и многочисленная армия была разгромлена меньше чем в два года, больше всего вследствие пренебрежения (the little regard) к своему врагу»¹².

При французском дворе учли довольно правильно итоги управления Петром своей державой. Вот что говорилось в инструкции, которая по повелению Людовика XIV была дана в 1710 г. послу де Балюзу: «Ничто не кажется более важным, чем повести переговоры... о диверсии, которая побудила бы врагов заключить мир на разумных основаниях»¹³. Людовик XIV, утомленный и обеспокоенный своими неудачами в войне за испанское наследство, очень

хотел бы как-нибудь втянуть Россию в войну против империи Габсбургов. А в силе России Людовик уже не сомневался: «Царь совершил завоевания, которые делают его хозяином Балтийского моря. Оборона завоеванных земель вследствие их местоположения настолько легка для Московского государства, что все соседние державы не могли бы принудить (Петра — *Е. Т.*) возвратить эти земли Швеции. Этот государь (Петр — *Е. Т.*) обнаруживает свои стремления заботами о подготовке к военному делу и о дисциплине своих войск, об обучении и просвещении своего народа, о привлечении иностранных офицеров и всякого рода способных людей. Этот образ действий и увеличение могущества, которое является самым большим в Европе (*qui est la plus grande de l'Europe*), делают его грозным для его соседей и возбуждают очень осповательную зависть в императоре (австрийском — *Е. Т.*) и в морских державах (Англии и Голландии — *Е. Т.*). Его (царя — *Е. Т.*) земли в изобилии доставляют все, что необходимо для мореплавания, его гавани могут вмещать бесконечное количество судов».

Людовик решил соблазнить Петра, предложив ему торговый договор России с Францией и Испанией. Французскому послу повелевается обратить внимание царя на опасность в будущем, грозящую ему со стороны Англии и Голландии, «интересы которых уже не могут согласоваться с его (царскими — *Е. Т.*) интересами».

Зная, до какой степени царь поглощен мыслью о создании флота, французская дипломатия особенно обращает внимание Петра на следующее соображение: «Англия и Голландия только потому с ним обходились дружески, что они находились в войне с Францией и Испанией. Полагаясь на шведского короля, который стоял во главе многочисленной армии, и нельзя было предвидеть, что царь может в столь короткое время сделать такие значительные завоевания».

Французские министры и король уже хорошо понимают всю недалекость своего бывшего пренебрежительного отношения к России и довольно простодушно извиняются за свое высокомерие: «Если царь жалуется, что мы им пренебрегали и что с его послами плохо обходились во Франции, то ему можно ответить, что Московское государство хорошо узнали только с тех пор, как государь, который теперь там царствует, приобрел своими великими деяниями и своими личными качествами уважение других наций и что вследствие этой репутации его христианнейшее величество (король Людовик XIV — *Е. Т.*) и предлагает ему искренно свою дружбу»¹⁴.

Следует отметить в этом документе одну очень характерную черту. В Европе уже хорошо поняли, что царь желает (и страстно желает) создания не только военного, но и торгового русского флота, и вот Людовик XIV не преминул обратить внимание на монополистские стремления англичан и голландцев в этой области: «Царь должен желать, чтобы его подданные торговали по всей

Европе, а это не может согласоваться с интересами Англии и Голландии, которые желают быть перевозчиками (*les voituriers*) для всех наций и желают одни производить всю мировую торговлю¹⁵. Тут характерно это слово «перевозчики». Еще точнее, пожалуй, было бы перевести его словом «извозчики», так как именно этим насмешливым термином называли тогда голландцев: «морские извозчики» (слово «*voituriers*» происходит от «*la voiture*», что значит карета).

Франция экономически и дипломатически поддерживала шведов, поддерживала посаженного Карлом XII на польский престол Станислава Лещинского, поддерживала бы и Мазепу, если бы Полтава не покончила и с Карлом XII (по крайней мере, в Польше и на Украине) и с Мазепой. Поддержки войсками Франция, однако, не дала и дать не могла, во всяком случае, пока длилась война за испанское наследство.

Русские дипломаты очень чутко именно в эту пору, когда русский флот еще не был в полной силе, следили за всеми переменами на верхах французского правительства. Умирает, например, весной 1711 г. наследник французского престола, вместо него дофином становится его брат герцог Беррийский. И вот князь Борис Иванович Куракин, царский посол в Англии, уже интересуется настроениями, характером («умором» — *humeur*) нового наследника; он очень доволен, узнав, что герцог — человек меланхолического темперамента, суровый скопидом, не склонный к войне: «Сего дука описуют портрет, что он есть умору меленколичного (*sic!* — *E. T.*), злодейственного, пажожного..., не склонного к войне, скупого и доброго эконома». А самый главный вывод, — что России от нового меланхолического дука никаких «печалей» на море нельзя ждать: «Из сего потенции морские на предбудущее время не есть печальными (*sic!* — *E. T.*) по рассуждению упомянутому»¹⁶.

«Союзные» отношения между Англией и Голландией были всегда весьма сомнительного свойства. Эти державы конкурировали в торговле — как европейской, так и колониальной. Соревновались они друг с другом, в частности, и в области торговли с Россией. Морская торговля с Архангельском, а впоследствии с Петербургом тоже обостряла эту стародавнюю конкуренцию. Общая, жизненно важная борьба против захватнических стремлений Людовика XIV сделала их временными союзниками, а так как Франция была в союзе со Швецией, то они тем самым оказались противниками Карла XII и союзниками Петра. Но едва только начинал слабеть напор со стороны французов, как вся искусственность, случайность, «конъюнктурность», как тогда говорили, и союза с Голландией, и дружбы с Россией, и вражды со Швецией начинала сказываться; англичане, и особенно правившая в Англии с 1710 г. торийская партия, постепенно охладевали к своим союзникам — России и Дании, потому что обе эти державы были кровно

заинтересованы в удачном исходе борьбы против Швеции и больше всего держались за укрепление «северного союза». А в будущем обе эти державы могли всегда помочь Голландии, но никак не Англии, если бы со временем между Англией и Голландией возникла снова старая борьба.

Русский посол в Англии Куракин довольно хорошо во всем этом разбирался. Он докладывал Петру: «Они (англичане — *Е. Т.*)... хотят видеть шведа в силе, чтобы датский не был силен; который есть больше приятелем Голландии, нежели им, и для опасности впредь: ежели бы война между Англией и Голландиею была, то, конечно, датскому с голландцы быть в алиансе (союзе — *Е. Т.*); но ежели шведы не будут в силе от того (т. е. от союза с голландцами — *Е. Т.*) датского предудержать, то англичане не могут кого сыскать в алианс себе против датского и голландцев. Франция будет радостно (*sic!* — *Е. Т.*) на ту игру смотреть»¹⁷.

Куракин предвещал, между прочим, царя, что посол английский Витворт — в душе враг России: «Особливо еще внутренним неприятелем был и есть, который к шведским интересам весьма склонен»¹⁸.

Джон Черчилль, герцог Мальборо, предок по прямой линии недавнего английского премьера Уинстона Черчилля, недоброжелательно и неискренне относился к русским союзникам Англии, и не только в годы своего всемогущества при дворе королевы Анны, но и тогда, когда лорд Болингброк низверг (в 1710 г.) вигов и произошло политическое падение Черчилля. «По ответу, učinенному вам по приезде туда от дукa Мальбруга, усмотрел я, что сей дук при своем падении еще скорпионым хвостом... не минул нас язвить», — с негодованием писал из Гааги русский посол А. А. Матвеев князю Борису Куракину в Лондон 5 января 1711 г. об антирусских чувствах Черчилля, которые тот никак не мог скрыть даже после своей отставки¹⁹. А ведь «уязвление» ядовитым «скорпионым хвостом» со стороны герцога Мальборо было в тот момент особенно болезнетворно для России: Мальборо, еще сохранивший пока командование армией, противился оказанию в какой бы то ни было форме подмоги русским против турок, объявивших войну Петру по наущению французского двора и короля Карла XII, продолжавшего пребывать в Турции.

Турецкая война 1711 г. нешуточным бременем легла на Россию. Она очень задержала и кораблестроение и действия на Балтийском море русского флота. Все усилия посла Куракина вызвать поход англо-голландских вооруженных сил в Померанию, откуда грозил вторгнуться в Польшу шведский отряд генерала Крассау, остались безрезультатными²⁰.

Неудача под Прутом была так тяжела, что потеря Азова могла считаться еще сравнительно легкой жертвой. Карл XII был вне себя от ярости, узнав о поступке великого визиря, выпустившего царскую армию и Петра из губельнейшей западни, в которой они

очутились. В Европе широко распространено было мнение, что если бы еще восемь дней продолжались военные действия, то Петр и его войско погибли бы безвозвратно, были бы истреблены или должны были бы пойти на безусловную сдачу.

Конечно, Петр, как всегда с ним было при несчастьях, несколько не потерял духа, но он вполне ясно сознавал, что отделался прискорбной уступкой Азова (по договору) от полной катастрофы. Когда, возвращаясь из Прутского похода, он проезжал через Польшу, то жена краковского воеводы со свойственной полькам любезностью, желая сказать царю что-либо приятное, несколько пересластила, приведя (абсолютно некстати в данном случае) слова Юлия Цезаря: «Пришел, увидел, победил!» Петр прервал слишком уж любезную хозяйку замечанием: «Не так уж!» («Pas tant!»). Польша не унималась и заявила, что она в восторге от того, что царь вернулся в добром здравии. Петр ответил, что «его счастье заключается в том, что вместо ста ударов, которые он должен был получить, ему дали только пятьдесят ударов»²¹.

После Прутского похода в течение ближайших лет основной целью Петра на юге было всячески воспрепятствовать нарушению мира с турками и возобновлению войны, к чему так упорно подстрекал султана шведский король, по-прежнему пользовавшийся турецким гостеприимством. Но зато на Севере русская политика стала гораздо активнее, чем была когда-либо ранее.

Роль Балтийского флота становилась с каждым годом все заметнее. Кораблестроение шло полным ходом. Конечно, плох тот историк, который забудет при этом, какой непомерной тяжестью оно обрушивалось на плечи «податного сословия», и прежде всего жестоко эксплуатируемой и помещиками и государством крепостной массы. Укрепление национального государства помещиков и торговцев во времена Петра происходило за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры. И одной из очень многих иллюстраций этого бесспорного факта является вся история создания и усиления флота. Достаточно тут, когда мы говорим об ускоренном и усиленном судостроении на Балтике в годы после Прутского похода, напомнить хотя бы об указе от 6 июня 1712 г. о приписке для работ по требованиям адмиралтейства 24 тысяч крестьянских дворов (преимущественно северных областей — Олонецкой, Каргопольской и т. д.). И еще заметим, что этот указ не удовлетворил адмирала Апраксина, требовавшего для работ по постройке судов и для других потребностей адмиралтейства 30 тысяч крестьянских дворов. И в последующие годы эти требования не переставали расширяться и в той или иной степени удовлетворяться.

Для того чтобы уяснить себе в точности, почему и на Англию, и на Францию, и на Пруссию, и на Данию прутская неудача произвела в конце концов такое неожиданно слабое и довольно быстро изгладившееся впечатление, следует принять во внима-

ние ряд фактов, из которых отметим лишь главнейшие — те, которые вызвали постепенно серьезное изменение в первоначальных впечатлениях западноевропейской дипломатии.

Во-первых, оказалось, что русские потери в походе составили самое большее 8 тысяч человек, а вся остальная армия выбралась из опасных мест и, сохранив норов и дисциплину, пошла в Польшу. Во-вторых, турки сами необычайно рады были концу войны и не скрывали, как они боялись разгрома. В-третьих, великий визирь не включил в договор ровно ничего в пользу «союзников» Турции — шведов; когда, узнав о переговорах между царем и визирем, Карл XII во весь дух примчался из Бендер в турецкий лагерь, то здесь не было обращено с турецкой стороны ни малейшего внимания на него, и турки даже склонны были считать наглостью такое своекорыстное вмешательство шведского короля в русско-турецкие дела²². В-четвертых, прошло совсем немного времени, и оказалось, что ничего не изменилось в Польше и русский ставленник Август III продолжает пребывать на престоле; обнаружилось, что царь в 1712—1713 гг. продолжает, как ни в чем не бывало, воевать (очень в общем успешно) против шведов в Померании, Голштинии, берет города, например, Штеттин, распускается в Гамбурге, мстит за сожженную шведами Альтону, укрепляет датчан в их поколебавшемся было намерении продолжать войну со шведами.

А главное — русский флот окончательно становится чуть ли не первенствующим фактором в возобновленной русскими упорной войне, направленной теперь все ближе, все явственнее, все непосредственнее против Западной Финляндии и против шведских берегов.

Глава VI

Еще в феврале 1710 г. Петр приказал Апраксину начать боевые действия против Выборга, чтобы обезопасить Петербург со стороны Финляндии. Сделав переход по льду, войска Апраксина 21 марта осадили Выборг. С собой Апраксин взял лишь самое необходимое для начала осады. Предполагалось, что как только позволит «ледовая обстановка», будут отправлены к Выборгу транспортные суда с артиллерией, боеприпасами и продовольствием.

В начале мая флот, лавируя между льдами, тронулся в путь. При экспедиции находился и шутбенахт Петр Михайлов, строжайше запрещавший называть себя царем, пока он находится на корабле. 9 мая флот доставил Апраксину все необходимое для осады Выборга. 13 июля Выборг сдался русским. Роль флота в этой победе оказалась решающей: шведские корабли уже шли на выручку, но русский флот их опередил. Сухопутные русские войска проявили чудеса героизма и выносливости, но без прихода флота взять Выборгскую крепость было бы невозможно.

А вскоре после падения Выборга пришла в русскую столицу и еще одна радостная весть: 8 сентября 1710 г. сдался Кексгольм. Ревель, Нарва, Выборг, Кексгольм — все эти подступы к Петербургу были теперь в русских руках. Но нужно сказать, что эти пункты являлись уже вторым поясом укрепленных позиций, преграждавших нападения на Петербург. А первоначальной и очень важной охраной был флот, который даже в эти буквально первые дни своего существования уже приносил громадную военную пользу. Вот что говорит об этом в своем дневнике близко присматривающийся ко всему посланник датского короля Юст Юль: «Таким образом, с самого основания Петербурга, царь, при помощи (своего — *Е. Т.*) небольшого флота и небольшого Крюшлотского замка (с успехом — *Е. Т.*) оборонял от шведов доступ (к городу — *Е. Т.*) с моря, а в то же время их самих вынуждал содержать в Финском заливе большую эскадру, обходившуюся им весьма дорого. И пока шведы плавали в море, русские преспокойно стояли в гавани, весело (проводя время — *Е. Т.*) за ежедневными пирами и попойками и защищаясь от неприятеля без особого труда и расходов»¹.

Говоря о Петре, Юст Юль дает следующее, подкрепляемое рядом других показаний, свидетельство в своем цепнейшем дневнике (запись 28 марта 1710 г. — *Е. Т.*): «Задавшись мыслью пройти все ступени военной и морской службы и (дослужившись — *Е. Т.*) до (звания — *Е. Т.*) шаутбенахта во флотском арнергарде, царь в нынешнем году ходатайствовал о предоставлении ему командования над бригаantinaми и малыми судами. Но так как царь, во всем подчиняясь старшим офицерам, являлся даже ежедневно за приказами и за паролем к вице-адмиралу Корнелиусу Крейцу (Крюйсу — *Е. Т.*), ведавшему всеми распоряжениями по флоту в предстоящем походе под Выборг, (главным — *Е. Т.*) начальником какого (похода — *Е. Т.*) был генерал-адмирал, то (просьба адмирала — *Е. Т.*) не могла быть удовлетворена до получения вице-адмиралом соизволения на нее от генерал-адмирала». Любопытен и текст этого «соизволения»: «по получении сего господи вице-адмирал имеет предоставить командование малыми бригаantinaми и (малыми — *Е. Т.*) судами арнер-адмиралу дворянину Михайлову»². Фактически, конечно, Петр полновластно командовал всем флотом.

В сентябре 1711 г. новый английский агент, заменивший уехавшего в Вену Витворта, Л. Вейсброд передавал из Москвы такие слухи, а отчасти и такие факты, которые заставляли англичан и других тайных и явных противников России сильно призадуматься насчет последствий Прутского похода и реального их значения.

Прежде всего обнаружилось, что турецкие сановники, получившие обильные подарки еще тогда, когда царь и его армия были окружены, продолжали неумоимо брать взятки от русских, и теперь уже шли такие слухи: русские либо в самом деле отдадут Азов, как они согласились по Прутскому договору, либо под разны-

ми предложениями, например, требуя высылки Карла XII из Турции, будут «выигрывать время» обещаниями. Тем или иным способом, но царь обезопасит себя временно со стороны турок и, пользуясь этим, захватит шведские владения в Померании и подготовит большое наступление на Швецию. В Швеции он завладеет медными и железными рудниками, захватит много пленных и переселит их в Россию. Таковы были слухи. А вот и положительные факты. Сенат получил от царя приказ озаботиться призывом к концу сентября 30 тысяч рекрутов, вместо ранее предположенных 18 тысяч, и обеспечить Ливонию, Эстляндию и Ингерманландию провиантом на зиму для 64 тысяч человек войска. Туда явится ушедшая от Прута через Польшу русская армия, которая и пойдет завоевывать Померанию и громить Швецию. А осуществив все это, русские будут смеяться над одураченными турками (they will laugh at them after-wards). И тут же известие, сообщающее слухам реальный смысл: триста плоскодонных транспортных судов (three hundred flat transport vessels) будут готовы к весне 1712 г., чтобы предпринять высадку в Швеции³.

Петр не скрывал, что он смотрит на потерю Азова по Прутскому договору как на временное явление. Царь говорил одному из служивших у него английских капитанов, что «при первой возможности он овладеет Крымским полуостровом». Французский представитель Лави по этому поводу доносил о «давнишнем проекте царя ввести свою торговлю через Дарданелльский пролив в Средиземное море»⁴. И средства России, и планы Петра так возросли и расширились, что, конечно, Азов со своими болотами и мелководьем отошел на третий план. Овладеть им впоследствии мимолетом придется, но не в нем теперь уже было дело. Крым и царепградские проливы — вот что уж носилось в представлениях царя о дальнейшем экономическом и политическом продвижении России в области южных морей.

Еще только шли в 1712 г. первые мирные переговоры между Англией, Габсбургской монархией, Голландией, с одной стороны, и Францией и Испанией, с другой стороны, еще Утрехтский договор только с трудом вырабатывался и формулировался, а между союзниками России (Голландия, Польша, Дания, Пруссия) началось «шатание». Людовика XIV уже можно было не бояться, его союзника — Карла XII — тоже, у Англии развязывались руки на Северном и на Балтийском морях. Поэтому союзники Петра теперь меньше в нем нуждались, но зато начинали сильнее и сильнее его бояться. Подозрительным оком наблюдали русские дипломаты с близкого расстояния — из Гааги — за всем, что происходит в Утрехте. Ни к кому из союзников у князя Бориса Ивановича Куракина нет доверия, а меньше всего к полякам и пруссакам. «Воистину нам великое они подозрение дают своими поступками, что все ныне дела свои скрыто от нас делают. О польских делах, так слабые не могу много писать... И Голландия, хотя противна сему

была, но уже как видим есть весьма довольствована... наших союзных, а особенно дацкого великое шатание в делах было. И правда, под немалым сомнением о дацком были; но по сие число еще удержался». Наиболее же предательски, как всегда, вела себя, конечно, Пруссия: «О прусском дворе коротко напишу: наче всех противным был нашему интересу»⁵.

Боясь и войск Петра, прусский король в это время все сильнее и сильнее стал опасаться русского Балтийского флота, причем усматривал свою гарантию от этой угрозы в сближении с Англией. «Здесь о прусском дворе наче всех опасность имеют. что он весьма есть соединен с Англиею, и ежели мир, как вскоре здесь учинится, то по всему видится, что будет нам предосудителен во всех наших интересах»⁶.

Вообще слабость наших «алиатов» (союзников) и их «натуральное непостоянство» беспокоили не только князя Куракина, но и самого царя. О «верности» Англии союзу и речи не было. Русская дипломатия узнала в июне 1712 г., что «Англия, конечно, дала указ своему послу в Цареграде трудиться вновь разрушить наш (русско-турецкий — *Е. Т.*) мир»⁷.

Появление угрожавшей морской силы России в балтийских водах все серьезнее и серьезнее беспокоило не только Францию, прямую союзницу Швеции, но и Англию, хотя, казалось бы, Англия, ведшая жестокую, бесконечную войну с Францией, должна была бы радоваться всему, что огорчало Версальский двор.

Но в том-то и дело, что англичане несколько терялись от слишком большой морской активности России, у которой еще так недавно не было на Балтике ни одной порядочной баржи. И Прутский поход несколько не утешил руководителя британской политики статс-секретаря Сент-Джона. Любопытное письмо писал он из королевского дворца в Лондоне Чарльзу Витворту 30 октября 1711 г., т. е. через каких-нибудь три месяца после Прутского похода и когда уже явно обнаружилось, что «северные союзники» — Россия и Дания — с новой энергией будут теснить шведов на море. Сент-Джон, с одной стороны, боится, что союзники потерпят поражение от шведов, так как это усилит позицию Франции, а с другой — тот же Сент-Джон лишь немного меньше боится полной победы России и Дании над Швецией: «Эти предприятия (русских и датчан против шведов — *Е. Т.*) будут одинаковым образом, хоть и в меньшей степени, иметь зловерное действие, если им удастся очень сильно подавить Швецию (*to reduce Sweden very low*), так как это уничтожило бы равновесие сил на севере»⁸.

Если учесть это заявление Сент-Джона в доверительнейшем служебном письме к подчиненному ему послу, то не приходится удивляться видимой путанице, мнимой непоследовательности, противоречивости британской политики в годы второй половины Северной войны. Не забудем, что ведь были в то время такие моменты, когда англичане просто не знали, как бы поскорее вышутаться

из затянувшегося состязания с Людовиком XIV. «При том положении, в котором мы теперь находимся,— говорится в том же письме,— я думаю, что самое лучшее тянуть дело (*to temporise*) с этими государями (датским и русским — *E. T.*), раз уж нам невозможно навязать им свою волю (*to give them the law*) или вернуть себе тот вес, который мы прежде имели, пока мы не будем настолько счастливы, чтобы выпутаться (*to draw ourselves*) из ведущейся нами войны»⁹.

Это — исчерпывающее объяснение всех мнимых странностей английских дипломатических сношений с Петром. Сегодняшним врагом англичане считали Людовика XIV, а завтрашним — Петра. И кроме этих беспокойств по поводу усиления русского флота, англичан тревожили еще постоянно возникавшие, потухавшие и вновь появлявшиеся слухи, что у царя ведутся какие-то переговоры с Версальским двором и что можно будто бы ждать при французском посредничестве прекращения на выгодных для России условиях русско-шведской войны и затем вступления Петра в коалицию против Англии.

Поневолу богобоязненные британцы охотно начинали возлагать свои лучшие упования на всевышнего создателя, который, может быть, догадается послать на русских чуму: «В таком народе (в боеспособных солдатах — *E. T.*) самодержавное правительство (России — *E. T.*) никогда не будет иметь недостатка, разве только всемогущий бог найдет на них общую чуму (*a general plague*)», — утешает английский агент в Москве А. Вейсброд своего начальника статс-секретаря Септ-Джона. Так он крепит (в официальной бумаге за помером) в приунывшем министре пошатнувшуюся надежду на вседержителя, на светлое будущее Англии и на чуму в России.

Задача завоевания Южной и Юго-Западной Финляндии диктовалась Петру всей политической и стратегической обстановкой. Отношения с союзниками стали таковы, что Петр очень зорко следил за польско-саксонскими войсками, которые весьма подозрительно маневрировали около Курляндии. С Данией тоже многое не клеилось и не приходило в ясность. Речи не могло быть о том, чтобы сильным ударом союзных флотов с юга, от Копенгагена, Борнгольма, Данцига, Ревеля, заставить шведов мириться. После завоеваний 1710 г. именно это было главной задачей политики Петра относительно Швеции.

Но если этот удар нельзя нанести от южного берега Балтийского моря, то оставался лишь один исход: базироваться на северном берегу Финского залива, взять Гельсингфорс, взять Або, попытаться овладеть Аландскими островами, превратить Юго-Западную Финляндию в плацдарм для нападения на шведские берега или хотя бы создать серьезную угрозу нападения, что могло заставить шведов согласиться на мир. Завоеваний в самой Финляндии, т. е. новых постоянных земельных приобретений там, царь не искал, он

решил удовлетвориться полосой земли между Кексгольмом и Выборгом.

Конечно, предстояла встреча со шведами и на суше и на море. В течение всего 1712 г. и в течение весны 1713 г. шла самая кипучая работа по постройке галерных судов и подготовка уже имевшихся линейных кораблей. Блестящая стратегическая мысль Петра, действительно осуществляемая Апраксиным, Боцисом и др., заключалась в том, что главная роль в предстоящих военных действиях выпадет на долю не линейных кораблей, а весельных и парусных галер, полугалер, бригантин и т. п., т. е. судов, для которых возможно маневрирование в шхерах. Около двухсот этих гребных судов было готово к походу уже весной 1713 г.

Это не значит, что Петр прекратил постройку и покупку новых и новых линейных кораблей в 1712—1713 гг. Царь знал, что без них на просторах Балтики рано или поздно не обойтись, потому что шведский флот пока еще очень силен. Но для такой операции, как завоевание Финляндии, линейный флот не был так непосредственно нужен, как флот галерный.

Галеры двинулись в поход из Петербурга 26 апреля 1713 г., под командованием Апраксина. Авангардом командовал контр-адмирал Петр Михайлов (царь), кордебаталией — Апраксин, а арьергардом — шаутбенахт Боцис, венецианский грек на службе России, очень дельный моряк, хотя и не чуждый склонности к интриге и «склоке». До Березовых островов галеры шли под прикрытием корабельного флота, которым командовал вице-адмирал Крюйс. 8 мая галерный флот подошел к Гельсингфорсу, и 11 мая, в результате совместных действий галер и десанта, город был занят. 17 августа князь Голицын по суше, а Апраксин на гребных судах морем пошли от Гельсингфорса к Або. Город был сдан без сопротивления 28 августа 1713 г.¹⁰

Итак, с этого момента Стокгольм оказался весьма недалеко от крайнего западного пункта Финляндии, которым овладел Петр. С точки зрения организации постоянной (и все увеличивающейся) угрозы столице Швеции занятие Або явилось важным моментом в истории Северной войны.

Глава VII

Шведы, несмотря на тяжкие неудачи в 1713 г., на появление русских в Або и на потерю всей Южной и части Западной Финляндии, вовсе не считали себя побежденными на море. Они не могли, конечно, не видеть, что сделали капитальную ошибку, не построив вовремя достаточно гребных судов, оставшись поэтому в почти беспомощном положении при действиях русских моряков в шхерах. Но чем объясняли впоследствии шведы свой губительный промах? Именно своим высокомерным отношением к русским морским силам, самоуверенным убеждением, что они, будучи силь-

нее русских при единборстве линейных кораблей, даже и не подпустят русских к шхерам, а потом потопят их в открытом море. Все это оказалось ошибкой и патристической фантазией. Шведы даже и не заметили того, как стало меняться соотношение сил и в линейных флотах, они ничего в точности не знали не только о всех постройках кораблей на русских верфях, но и о непрерывных покупках судов для русского флота за границей. Морская разведка у шведов была в те времена из рук вон плоха. Не весьма блестящей, впрочем, была она и у Петра. Единственной державой, у которой морской шпионаж (вспомоществуемый очень энергично шпионажем дипломатическим) всегда оказывался на высоте, была Великобритания. А затем нужно сказать, что даже в те годы, когда шведский флот еще был и в действительности гораздо сильнее русского, шведское командование как-то не сумело пайти места, где можно было бы нанести русским серьезный удар.

Требовалось испытание, хотя бы в ограниченных размерах, чтобы обе стороны могли получить некоторый новый материал для сравнения относительной оперативности своих флотов и их общей боеспособности. Таким испытанием, правда, еще не давшим полного материала для окончательного, категорического, бесповоротного решения вопроса, но произведшим громадное впечатление и в Швеции, и в России, и в Европе, явился бой у Гангута 27 июля 1714 г.

Шведское правительство, зная о приготовлениях русского командования к десантным операциям через Ботнический залив, тотчас после открытия навигации весной 1714 г. выслало к полуострову Гангут эскадру адмирала Ватранга, чтобы преградить путь русским галерам в Або-Аландский район.

Русский план кампании 1714 г. предусматривал переход галерного флота с десантом в Або, занятие Аландского архипелага и, в зависимости от обстановки, вторжение на территорию Швеции. Корабельный флот должен был прикрывать гребные суда до входа их в шхеры и потом идти в Ревель, чтобы воспрепятствовать проходу неприятельских линейных кораблей в Финский залив, а в случае необходимости — также оказать содействие гребному флоту, если бы последний встретил препятствие со стороны шведского линейного флота.

20 мая 1714 г. 99 полугалер и скампавей с десантом 15 тысяч человек под командованием генерал-адмирала Апраксина направились от Котлина в шхеры. Со стороны моря гребные суда прикрывал корабельный флот (18 кораблей, фрегатов и шняв) под командованием контр-адмирала Петра Михайлова. В районе Березовых островов флоты разделились: гребной флот пошел в шхеры, а корабельный — в Ревель.

11 июня корабельная эскадра прибыла в Ревель, где она соединилась со стоявшими там купленными за границей и построенными в Архангельске кораблями. Всего Петр имел теперь под своим

командованием 16 линейных кораблей, 8 фрегатов и шняв. Экипаж этого флота был равен 7 тысячам человек, пушек было 1060.

Гребной флот 29 июня подошел к бухте Тверминне и здесь остановился, так как дальнейший путь был невозможен из-за присутствия неприятельского флота у Гангута.

У Ватранга было 16 линейных кораблей, 8 галер, 2 бригантин, 2 галиота. Ватранг у оконечности полуострова Гангут и галерный русский флот, идя из Тверминне к западу, чтобы обогнуть Гангутский полуостров и затем идти в Або, непременно должен был натолкнуться на шведскую эскадру, сторожившую здесь русских.

Что было делать? Вызвать из Ревеля весь линейный флот и сразиться с Ватрангом в открытом море? Риск был слишком велик. Лучшие суда противника были налицо, и их артиллерия была очень велика. Решено было лучше уж рискнуть галерами, чем линейным флотом. И тут Петр (прибывший из Ревеля на галерный флот 20 июля) и Апраксин (главнокомандующий) обнаружили большую находчивость. Они пошли на совсем необычное дело: решили в узком месте Гангутского полуострова устроить «переволоку» и перетащить часть галер через эту переволоку к западу, чтобы создать в стане противника замешательство. Соответствующие работы уже делались и приходили к концу, когда Ватранг, узнав об этом, отделил 25 июля фрегат, 6 галер и 2 шхербота, отдал их под команду штурмана Эреншильда и направил его к западной части Гангутского полуострова, именно туда, где кончалась русская «переволока» и где можно было ждать спуска перетащенных по суше русских галер в море. Уже это раздробление сил оказалось роковой неосторожностью шведского адмирала Ватранга. Но в тот же день Ватранг допустил и другую, еще худшую неосторожность: он отрядил 8 линейных кораблей, фрегат и 2 бомбардирских судна под командованием адмирала Лиллье к Тверминне, где стояли русские суда. Петр, выследив первым это движение, принял дерзкое решение: пользуясь ослаблением сил Ватранга и наступившим мертвым штилем, когда парусные корабли не могли двинуться с места, он приказал 26 июля отряду из 20 скамповей, под командованием капитан-командора Змаевича, идти на прорыв с обходом шведского флота мористее его расположения. Отряд Змаевича немедленно тронулся в путь. Адмирал Ватранг, заметив движение русских скамповей, приказал сняться с якоря и буксировать свои корабли шлюпками к проходившим скамповеям Змаевича. Одновременно шведы открыли сильный артиллерийский огонь, не причинивший, однако, нашим судам никакого вреда, так как скампавеи шли вне дальности пушечной стрельбы.

Видя успех своего замысла, Петр направил по тому же пути еще 15 скамповей под командованием бригадира Лефорта, которые так же успешно прошли мимо шведского флота. Прорвавшиеся скампавеи по приказанию Петра обошли Гангутский полуостров и

заблокировали шведский отряд кораблей шаутбенахта Эреншильда.

Рано утром 27 июля 1714 г. русские обнаружили, что шведский флот отошел от берега и расположился там, где накануне прошли русские галеры. На море был мертвый штиль. Петр немедленно воспользовался новой оплошностью шведского адмирала и приказал остальным судам начать прорываться, держа путь между шведским флотом и берегом. В 4-м часу утра Апраксин повел свой флот мимо неприятеля. Шведы встретили жестоким обстрелом русские суда, с отчаянной смелостью прорывавшиеся на запад. Но русские прорвались, потеряв всего одну галеру. Самое опасное мгновение миновало, и теперь наступила тяжкая расплата шведского флота за ошибки Ватранга, которые были вызваны полной уверенностью в своей силе и русской слабости. Блестящие качества Петра как флотоводца, а также изумительная храбрость русских экипажей дали в результате замечательную победу.

Бой начался в 2 часа дня страшной артиллерийской стрельбой с обеих сторон. Русские пошли на абордаж. Петр находился в центре боевых действий. Через 3 часа боя, кончившегося рукопашной на палубах шведских судов, шведы сдались. Тяжко раненный, истекающий кровью шаутбенахт Эреншильд был взят в плен. Вся эскадра Эреншильда попала в руки русских. «Из 941 человек шведов, участвовавших в деле, убито 9 офицеров и 352 нижних чинов, а у нас — 124 человека и в том числе 8 офицеров»¹. Шведские фрегат «Элефант», 6 больших галер и 2 шхербота попали в руки победителя. Не ушел никто. Узнав об этой катастрофе Эреншильда, адмирал Ватранг со всем своим линейным флотом поспешил уйти к Аландским островам. Пленный шведский флот был отправлен в Петербург, где произошла встреча победителей. Победоносная флотилия Апраксина прошла уже беспрепятственно в шхеры Або.

Такова была морская победа, заставившая говорить о себе всю Европу. Петр любил сравнивать ее с Полтавской битвой. Увлеченный восторгом, царь, конечно, преувеличивал, но все же Гангуту суждено было впервые дать понять упорному врагу, что рано или поздно, но именно русский Балтийский флот довершит то, что начала Полтава. Наступали времена, когда шведы с каждым годом все более убеждались в том, что Балтийское море не является уже тем «ручьём, через который русское войско не перепрыгнет», как иронически выразился торжествующий Густав-Адольф в 1617 г., подписывая Столбовский договор и сообщая о его условиях в шведском сейме². Гангут в свете дальнейших событий оказался в самом деле первым прозным предзнаменованием.

Настоящий моряк, адмирал Ватранг понимал лучше кого бы то ни было, какой тяжкий не только материальный, но и моральный ущерб потерпели шведы под Гангутом. Вот конец донесения Ватранга королю Карлу XII, который, сидя в Бендерах, лишь спустя долгие месяцы получал деловые бумаги из Стокгольма:

«Какую глубокую душевную боль причиняют мне эти несчастные события, наилучше знает всевышний, которому известно, с каким рвением и с какими усилиями я старался выполнить возложенные на меня обязанности и как я усиленно старался отыскать неприятельский флот». Ватранг честно сознается королю, что русские, проявив разумную дерзость и необычайную активность, благополучно прошли мимо шведской эскадры: «К нашему великому прискорбию и огорчению, пришлось видеть, как неприятель со своими галерами прошел мимо нас в шхеры». Как пишет дальше Ватранг, его особенно огорчает, что он совершенно ничего не знает об участии шаутбенахта Эреншильда³. Но по этому поводу капитан первого ранга Н. В. Новиков в своей работе о Гапуге, совершенно справедливо и приводя неопровержимые доказательства, замечает, что Ватранг на самом деле уже на другой день после боя, т. е. 28 июля, хорошо знал о взятии Эреншильда в плен. Слишком горько Ватрангу было говорить об этих тяжких для шведского самолюбия подробностях славной русской победы, когда «военное творчество, воля к победе и мужество «вышних и рядовых» дали образец высокого искусства, против которого грозная сила, находившаяся в руках Ватранга, оказалась парализованной и неспособной к противодействию»⁴.

Глава VIII

Радость Петра была безмерна. Он ликовал и хвастался особенно потому, что тут впервые был взят сам начальник морского отряда. Вот как царь сообщал об этой Гапугтской победе князю Борису Куракину, своему послу в Голландии и одновременно в Англии: «Объявляем вам, коем образом всемогущий господь бог Россию прославляем изволил, ибо по многим дарованным победам на земле, ныне и на море венчати благословил: ибо сего месяца (июля — *Е. Т.*) в 27 день шведского шаутбейнахта Нилсона Эреншелта с одним фрегатом и шестью галерами и двумя шхерботами, по многом и zelo жестоком огне у Ангута (*sic!* — *Е. Т.*), близ урочища Рилакс Фиель, взяли. Правда, как у нас в сию войну, так и у алиатов (союзников — *Е. Т.*) с Франциею, много не только генералов, но и фельдмаршалов брано, а флагмана ни единого. Итако сею, мню, николн у нас бывшею викториею вам поздравляем»¹.

После Гапуга морская борьба против Швеции на долгое время приняла особый характер, который, собственно, и не менялся уже сколько-нибудь существенно до самого Ништадтского мира, т. е. в течение всех последних шести лет Северной войны. Это было перемежавшееся и вместе с тем чаще всего комбинируемое осуществление двух стремлений: с одной стороны — держа наготове и постоянно усиливая как линейный, так и гребной флот и переводя лучшие сухопутные войска на Балтийское побережье, постоянно грозить шведам большим десантом, а с другой — беспрестанным

крейсерованием в Балтийском море упорно мешать торговле шведов с Европейским материком.

Кораблестроение продолжалось усиленными темпами. Корабль за кораблем спускались на воду. Гангутская победа особенно ободрила царя. Он придумал оригинальный, как сейчас увидим, способ соблюдать при кораблестроении экономию: он «дарил» новый корабль кому-либо из особенно проворовавшихся вельмож. Вот, например, зарисовка с натуры, сделанная Джорджем Мекензи, который присутствовал в самом начале октября 1714 г. при спуске нового линейного корабля «Шлиссельбург»:

«Как только корабль сел на воду, его величеству угодно было объявить, что он дарит его князю Меншикову, который хорошо понял смысл такого подарка; его светлость, как я слышал, чтобы отблагодарить за оказанную милость, тут же обещал не жалеть издержек на снабжение корабля и экипажем и украшениями и заявил, что постарается сделать его лучшим из 54-пушечных кораблей русского флота»².

Начиная с 1713 г. англичане и французы почти одинаково ревностно старались убедить Петра поскорее согласиться на мир со шведами.

11 апреля (н. ст.) 1713 г. Англия и Франция подписали в Утрехте мир, положивший конец тяжкой для обеих держав долголетней войне за испанское наследство, и с той поры обе державы почти одинаково страшились полного разгрома Швеции Петром в случае продолжения борьбы на Севере. Однако царь категорически отказывался даже от перемирия на время ведения переговоров и громкогласно заявлял, что речи не может быть ни при каких условиях об отказе России от отвоеванных у шведов южных берегов Балтики. Конечно, после Гангутской победы и после удачных походов вдоль берега Финляндии уверенность Петра в конечном успехе еще более возросла.

И ни угрозы короля Карла XII, вернувшегося, наконец, в ноябре 1714 г., в Швецию из Турции, откуда он не мог после Полтавы выбраться в течение пяти лет и пяти месяцев, ни убедительное красноречие английских посланников и Версальского двора ровно ничего не могли поделать. Почему Петр так верил в конечную победу? Он этого ничуть не скрывал: потому, что у него теперь был флот. Вот что доносил 26 ноября (7 декабря) 1714 г. Джордж Мекензи лорду Таунсенду о разговоре с царем: «Что касается того, что может случиться, если шведский король возобновит войну в этой стороне, то слова царя всегда сводились к тому, что он сам стоит за мир, но если ему нельзя будет заключить хороший мир, то он постоянно будет пускать в ход все усилия, чтобы сделать войну утомительной для его противника. Царь разговаривал при этом с видимым равнодушием и не преминул высказать (высокое — *Е. Т.*) мнение, которое он имеет о своем флоте, и что этот флот может ему помочь получить хорошие условия мира»³.

Угроза самому существованию Швеции, слухи о могущественном русском флоте, готовом высадить у Стокгольма крупные силы, — все это очень занимало умы в Англии в эти первые времена только что воцарившейся в стране ганноверской династии. Первый король этой династии Георг I был в то же время ганноверским курфюрстом. Ганновер был под ударом и с русской и со шведской сторон, причем с русской стороны больше, чем со шведской. Ганноверские интересы в тот момент рассматривались в британском парламенте вовсе не как исключительно династические дела нового короля. Напротив, и деловой мир лондонского Сити, и вигистская аристократия, и вигистская часть сельского дворянства (джентри) видели в ганноверских владениях нового короля некоторый придаток политической силы Англии. Пока шла бесконечная война между Швецией и Россией, в Англии не были уверены ни в том, что Швеция не будет завоевана (или, по крайней мере, что русский флот и армия не овладеют Стокгольмом), ни что Ганновер уцелеет.

Чем ближе дело шло к открытию навигации, тем более необходимым казалось лорду Таунсенду послать военный флот в Финский и Ботнический заливы и этим, во-первых, оградить шведские берега от русского десанта, во-вторых, оказать давление на царя в смысле ускорения заключения мира со Швецией и, в-третьих, наконец, поддержать просьбу британских купцов о восстановлении торговли через Архангельск (против чего боролся царь, желавший направить торговлю через Балтийское море в Петербург). Но ничего из этих проектов не вышло. Едва только к концу марта 1715 г. Петр получил верные известия о посылаемой в балтийские воды английской эскадры, как он велел держать наготове все галеры и полугалеры, какие были приготовлены в Петербурге для отправки при первом же открытии навигации в Або. Джордж Мекензи и теперь, в начале апреля, столь же категорически, как и в январе, предвещает своего начальника, что упрозой от русских ровно ничего не добьешься. Он даже рискует слегка поиронизировать над своим увлекающимся начальником, который полагает, что можно будет потребовать у Петра заключения перемирия со шведами: «Если галеры царя уже окажутся в Ботническом заливе, то мы можем потребовать перемирия, но царь уверен, что мы не можем заставить его согласиться на перемирие, так как он (царь — *Е. Т.*) знает, что он в состоянии производить по всему побережью (Швеции — *Е. Т.*) вторжения, в то время, как мы ни в малейшей степени не будем в состоянии спасти Швецию нашими крупными кораблями». Вообще же знающие люди не советуют английским военным судам заходить восточнее Ревеля. Наконец, и относительно окончательного подтверждения указа царя о сохранении торговли в Архангельске, изданного было по просьбе англичан, тоже ничего ясного и окончательного достигнуто не было. Царь не подтвердил указа, а, напротив, старался повлиять на русских купцов, чтобы вызвать с их стороны просьбу отменить этот указ (и тем самым

окончательно передать почти всю заграничную торговлю Архангельска Петербургу)⁴.

Русский флот, таким образом, окончательно стал грозным стражем политической и экономической самостоятельности русской политики.

Беспокоились и французы, хотя их интересы не затрагивались так близко и резко, как английские, всеми теми изменениями, какие вносили в североευропейские дела появление русского флота на Балтийском море и завоевание Ингрии, Эстонии, Ливонии и Финляндии. Во всяком случае французы иногда даже делали вид, что колеблются в своей до сих пор последовательной «прошведской» и антирусской политике.

Петр очень и очень принял к сведению попытку английского кабинета помочь Карлу XII и крайне выразительно показал это Джорджу Мекензи при его прощальной аудиенции, когда с нарочитой резкостью долго отказывался принять отзывные грамоты посла на том основании, что они подписаны были еще королевой Анной, после того скончавшейся. Царь публично, в присутствии других иностранных представителей и русских сапожников, очень возвысив голос, крикнул, что если Мекензи решается ему дать «кредитивные» грамоты от покойной королевы Анны, то он, царь, даст Джорджу Мекензи «кредитивные» грамоты к своей матери, царице Наталье Кирилловне, которая тоже покойница. Весь этот скандал длился долго, и царь, «очень жестикулируя» («with differing gestures»), много раз повторял, что непременно снабдит Мекензи приветственным письмом для передачи покойной царице, своей матушке.

Все это уже не только оскорбляло Мекензи. По-видимому, прямой логический смысл царских слов начал, наконец, его несколько и беспокоить. «Поручение» к покойнице можно попытаться выполнить, очевидно, только самому превратившись предварительно в покойника. В течение всей этой неприятнейшей аудиенции, как доносил Мекензи, «его величество снова и снова, как припев к песне, повторял эти слова, что он хочет, чтобы я передал его приветствие его матери (подчеркнуто в подлиннике — *E. T.*) (he would desire me make his compliments to his mother)»⁵.

Все же Мекензи благополучно унес ноги с этой аудиенции и невредимым отправился не к Наталье Кирилловне, а к лорду Таунсенду в Лондон. Конечно, он понимал, что царский гнев вызван был не канцелярско-дипломатическими формальностями, а враждебными английскими интригами, которые, как догадывался Мекензи, отчасти приписывались царем самому британскому послу в Москве. А стали Петру известны эти происки Джорджа Мекензи из полученных царем писем из Лондона. Но это Мекензи в точности узнал несколько позже.

В период между Гангутом (1714 г.) и смертью Карла XII (1718 г.) бывали моменты, когда высадка в Швецию казалась

вполне исполнимой. Русский флот распоряжался на Балтийском море, как дома, особенно в те времена, когда изменчивая политика Англии снова, по тем или иным причинам, поворачивалась острием против Швеции. Так случилось, например, в 1716 г. Фаятазер и совершенно бездарный дипломат, король Карл XII, явившийся в конце 1714 г. в Швецию, умудрился в 1716 г. раздражить против себя англичан нелепым своим сближением с безнадежным претендентом на английский престол (из изгнанного революцией 1688 г. дома Стюартов) и рядом других бестактных и вреднейших для Швеции поступков. Георг I и его правительство стали делать вид, что они сочувствуют плану Петра о высадке в Швеции.

В 1716 г. Петр твердо решил высадить свои войска в Швеции и там продиктовать ей условия мира. Высадку решено было вместе с датчанами произвести на южный берег Швеции — в Скании. Одновременно, для отвлечения неприятельских сил от главного театра военных действий, Петр приказал Апраксину с галерным флотом и войсками высадиться в Швеции со стороны Ботнического залива.

Для выполнения намеченного плана Петр передвинул войска в Померанию, а морем в Росток пошла русская галерная эскадра, которая двинулась сюда из Либавы. Либавская эскадра сначала явилась в Данциг. Если в Данциге и происходили нередко неполадки между немцами и поляками, то в одном данцигское купечество было согласно: в неприязни к русским и в стремлении всякими правдами и неправдами вести контрабандную торговлю со Швецией. Появление русского флота мгновенно привело Данциг к полному повиновению. Из Ростка Петр лично повел свою эскадру в Копенгаген: датчане, как уже было указано, должны были участвовать в предполагаемой высадке. Ревельская эскадра 19 июля 1716 г. тоже явилась в Копенгаген. Сюда же, по спешному повелению Петра, подтянулись и корабли, построенные в Архангельске, а также купленные в Англии. Русская эскадра, находившаяся в Копенгагене, состояла из 22 вымпелов, в числе которых было 14 линейных кораблей. К русским кораблям присоединилась датская эскадра. Подоспели в Копенгаген одновременно и голландцы и англичане. Английский адмирал Норрис имел задание вместе с голландцами оправдать в ближайшие месяцы большую флотилию английских и голландских торговых судов от настойчивых нападений шведских каперов, да и королевских шведских фрегатов (ведь Англия все-таки формально числилась в Швеции неприятельской державой).

Четыре флота стояли рядом на копенгагенском рейде. Датский адмирал не желал подчиняться англичанину Норрису, а голландцы не желали подчиняться ни тому, ни другому. Решено было избрать верховным командиром всех четырех флотов русского царя, как единственного монарха, находившегося на месте.

Петр всегда с тех пор с гордостью вспоминал, как ему между

Копенгагелом и Борнгольмом в 1716 г. привелось командовать в качестве первого флагмана четырьмя первоклассными флотами: русским, английским, датским и голландским. В честь этого события даже была «выбита медаль, на одной стороне которой находилось изображение бюста государя, а на другой Нептун (бог моря — *Е. Т.*) на колеснице, с русским штандартом и тремя союзными флагами. На этой же стороне медали была подпись: *«Владычествует четверьмя. При Борнгольме»*»⁶.

Итак, сын «тишайшего» Алексея Михайловича, еще не столь давно лишь понаслышке знавший, что на свете есть море, ныне «командовал четверьмя флотами», а своим собственным флотом держал в страхе врагов и оказывал могущественное давление на все прибрежные страны Балтики. Россия наглядно для всех становилась в ряд великих европейских морских держав.

5 августа 1716 г. соединенный русско-английско-датско-голландский флот вышел из Копенгагена к Борнгольму под верховной командой Петра. Во флоте числилось свыше 70 линейных кораблей и фрегатов и несколько сот транспортов. Целью похода было защитить торговые суда от возможного нападения шведских кораблей.

Русская эскадра по качеству судов, силе артиллерии и общей боеспособности не уступала английской и бесспорно превосходила датскую и голландскую. Первый флагман — верховный командир всей этой великой соединенной армады «Петр Михайлов», мастерской амстердамской верфи, — шел впереди на своем превосходном корабле «Ингерманландия». Россия тут как бы символизировала все значение, какое она в такой невероятно короткий срок приобрела на Балтийском море.

8 августа соединенный флот прибыл к Борнгольму. Ввиду того, что, как донесла разведка, шведский флот находился в Карлскроне, было решено от Борнгольма в русские порты отправить торговые суда под охраной лишь 11 английских и голландских кораблей. 14 августа Петр спустил свой штандарт и с отрядом из четырех кораблей отправился в Копенгаген, где его присутствие было крайне необходимо, так как готовилась операция высадки десанта на шведские берега.

Высадка в Швеции в 1716 г. все же не состоялась. Хотя у союзников в общем было ириготовлено десантных войск 52 тысячи человек, но разведка убедила Петра в существовании очень сильных укреплений по всему берегу, где предположено было высадиться. Карл XII с не очень большой, но хорошо подготовленной и вооруженной армией ждал папшествия и готовил отчаянную оборону. Между союзниками к тому же существовали большие разногласия. Датский король, подстрекаемый против Петра ганноверским посланником Берисдорфом, стал опасаться за безопасность своей столицы, где находились русский флот и русские войска, и заботился только о скорейшем их удалении. При таких обстоятельствах Петр решил отказаться от десанта,

Со всех сторон английское правительство получало в 1716 г. достоверные сведения о быстром росте экономического и политического значения России на Балтийском море. Резюме этой недоступной нам переписки английских торговых и политических агентов, хранящейся в английских архивах, дает нашедший эти донесения и впервые о них сообщивший Чэнс в своей специальной монографии о Георге I в следующих словах: «В Англии ревность (*jealousy*) к могуществу Петра быстро возрастала, так как русское владычество на Балтике угрожало стать для британской торговли хуже, чем было шведское. С каждым днем становилось все более очевидным, что главной целью военных предприятий Петра было спешествовать экономическому развитию его новой (*sic!* — *E. T.*) империи. В 1716 г. Стэнгоп направил из Дании в Лондон длинный доклад о мерах, предпринимаемых в России для расширения русской торговли. В рапорте говорилось о ввозе (в Россию — *E. T.*) сотен французских и голландских мастеров и рабочих, о приготовлении руководств по всякого рода научным предметам, об организации регулярных караванов в Персию, Астрахань, Монголию и Китайскую Татарию, о соединении каналами Балтийского моря с Волгой и Белым морем». Стэнгоп писал далее, что русские, овладев Балтийским морем, заведут по-старому торговлю через Любек и другие германские порты «к ущербу для британской торговли». А эта русская торговля «воскресит соперничество старой Ганзы» (с Англией). Что же было делать? Начинать войну против России? Стэнгоп считал, что этого делать пока не следует, ибо русские владеют кораблестроительными материалами (*naval stores*) и без них Англии не обойтись. Зато статс-секретарь по иностранным делам виконт Чарлз Таунсенд был настроен менее миролюбиво. Если царь в самом деле намерен сделаться хозяином всего Балтийского моря, то нужно пустить в ход самые сильные меры, чтобы предотвратить это. Таунсенд видел в действиях Петра выполнение давно задуманного плана захвата Балтийского побережья, и хорошее доказательство тому — «мекленбургский брак» (Екатерины Ивановны с герцогом Мекленбург-Шверинским) ¹.

Весной 1716 г. Петр I выдал замуж свою племянницу царевну Екатерину Ивановну за герцога Карла-Леопольда Мекленбург-Шверинского. Этот брак получил в глазах британского кабинета громадное политическое значение потому, что русские войска стояли в Данциге, стояли в Мекленбурге и не собирались оттуда уходить. Были, казалось, все основания опасаться, что русские со временем утвердятся окончательно в Мекленбурге, как они фактически утвердились в Курляндии, посадив в Митаве в качестве герцогини Курляндской родную сестру мекленбургской Екатерины Ивановны — Анну Ивановну — и тоже заняв Курляндию своими войсками, а Ригу сделав одной из стоянок русских военных эскадр.

Сопоставляя все эти факты, английский кабинет усматривал, что все южное побережье Балтики от Петербурга до границ Дании оказывается во власти русского Балтийского флота и русских войск. Решено было начать поворачивать руль британской политики, пренебречь авантюристическими планами шведского короля Карла XII, носившегося некоторое время с нелепой идеей низвержения ганноверской династии в Англии и водворения там изгнанного дома Стюартов. И англичане остановились на мысли: отныне всячески препятствовать русской экспансии на Балтике. Но совсем сумасшедшая, антианглийская политика Карла XII отерочила все-таки действия, о которых уже думали и говорили (пока еще только между собой) министры Георга I. Упрямство Карла было равно его фантазерству и полной неумелости в области дипломатии, неизменно сводившей к нулю его былые военные успехи. Полтавский позор ничуть его не исправил. Его безумные фантазии о династических переменах в Англии, о шведской высадке в Англии, его решительное намерение напасть не только на датскую Норвегию, но со временем и на Копенгаген, — все это заставило англичан долго мириться и с пребыванием русских в Мекленбурге и Данциге и со многими другими неприятностями: нужно было спасать Данию от шведской угрозы.

Трудности, связанные и с непрекращавшейся войной, и с активными английскими интригами, и с ответственностью, которую возлагало на Россию присутствие ее сильного флота на Балтийском море, обступали Петра со всех сторон. А вместе с тем он не мог не видеть, что лесоторговцы плутуют, «ландрихтеры» воруют, корабельных мастеров мало, флотоводцев порядочных не очень много. Крюйс, провинившийся в 1714 г., осужденный и прощенный, опять допускается оплошности.

«С великим неудовольствием слышу, что ревельская эскадра так у вас неисправна, и осеннее удобное время пропущено: ежели впредь так поступать станете, можете живот свой потерять», — писал Петр вице-адмиралу Крюйсу 7 февраля 1716 г. из Риги². Такого рода любезности так и сыпались от Петра по адресу и адмиралов, и купцов, и мастеров. К сожалению, капитальное издание «Писем и бумаг» Петра не доведено до последних лет Северной войны, и приходится довольствоваться старыми и неполными сборниками, изданными еще в первой трети XIX в., потому что подлинники рассеяны в самых разнообразных местах и далеко не все, конечно, выявлены. Но и то, что у нас есть, поразительно интересно уже по изумительному разнообразию затрагиваемых Петром и его корреспондентами предметов, так или иначе касающихся флота и кораблестроения. Нужно было за всем следить, все решать самому — и в главном и в мелочах. Тут и колоссальной важности проблемы: напасть ли в данный момент на шведские берега или не нападать? И напасть лестно, и рисковать боязно. А рядом с такой

капитальной проблемой пужно решать и другие. Командиры — все больше иностранцы, и возни с ними не оберешься. Петр чем дальше, тем все меньше доверял иностранцам и стремился, где только было возможно, замепять их русскими. Очень уж часто слышатся жалобы на лень, отлынивание от службы, плутовство, пьянство приглашенных из-за границы моряков. Вот, например, англичанин Эдварде. Всем бы хорош, но запивает: «Капитан... Едвардет, Бахусовых регул зело держится, а командует кораблем великим»³. Так не убрать ли его с корабля? А капитан Дуглас все не прибыл в Финляндию: «силою принудьте!»⁴ Нанял Петр нового мастера корабельного дела и уже боится, что тот будет без дела шататься: «И когда тот мастер пришется, чтобы он без дела не был, и чтобы ладил не слишком плоскодонные суда строить...» А на карты, где должно означать мели и подводные камни в финских шхерах, не все нанесено, — надо дополнить, исправить, особенно там-то и там-то. А на рифах ставить вехи, а к будущему году сделать бакен. А «для осенних ночей» огням быть там-то и там-то. Князь Василий Долгорукий извещает 22 января 1718 г.: «По указу вашего величества книги надлежащие до морского искусства здесь переведены и отправил я их к вашему величеству с переводчиком Шидловским»⁵. Значит, нужно еще заняться проверкой качества перевода, дабы решить, достоин ли переводчик Шидловский награды или дубинки. На сей последний случай его и посылают к Петру вместе с его переводами. Но погрузиться в критику переводов надолго нельзя, целая тьма дел крупных и мелких требует царского внимания. Нужно «врубить» новую гавань в Ревеле, нужно выяснить, кто именно дочиста обокрал запасы с «Иегудила», а тут еще забота из далекой Казани, и тоже о флоте. Там идет работа, плоды которой должны сказаться в будущем, при Персидском походе, но о которой Петр заботится уже сейчас. Было велено выстроить в Казани 15 «тялок» (транспортных судов) и провести их в Каспийское море; для этого был прислан в Казань кораблестроитель Травин, который вдруг 18 апреля 1718 г. скончался, не вполне докончив работу: «онный мастер умре и доделать, государь, шести тялок некому». И неизбежный вопрос: «Что ваше царское величество укажете?», потому что сам Никита Кудрявцев не знает, где найти нового кораблестроителя⁶. А царю пужны мастера для пужд Балтийского флота, и он сам состоит в личной переписке с этими важными для него людьми: «Корабельному мастеру Скляеву. По получении сего, пол в верхней модель-каморе переплоти, и укрепя выгладь и черною краскою вымаж с маслом... Также из старых мачт, на которых сучья нет, сделай несколько правил, длиною фут по 60, а толщиною в полтора дюйма квадратно»⁷. Петр — в Брюсселе, он поглощен труднейшими дипломатическими комбинациями. Он едет в Париж для переговоров с регентом Франции Филиппом Орлеанским, от исхода которых зависит, пойдут ли шведы на мир немедленно или будут продолжать тянуть, упираться, торговаться.

Но царь не забывает и о мастеровых: «Роспись о мастеровых я получил на которую ответственую: мастер который шилы делает умеет ли прочие вещи делать? А особливо буравы, о том отпиши. Шлюпочный мастер ежели гораздо доброй и на воинские корабли делает, то пишись склонить за 200 фунтов в год... К тому ж чтоб он выучил наших двух человек. Кузнеца ежели нельзя дешевле, принимать и за ту цену, но чтоб не стар был, дабы хоть мало мог навикнуть языка нашего... И понеже сих мастеров много, того ради пиши дешевле, а именно: чтоб поменьше ста фунтов (стерлингов — *E. T.*) на год»⁸. Так писал Петр 5 апреля 1717 г. поручику Александру Апраксину, посланному в Англию. А спустя 12 дней, 17 апреля, царь, уже находясь во Франции, в Кале, пишет князю Мелшикову о том, куда послать нанятых еще в Гамбурге мастеров, и приказывает точно, какие паруса делать, а каких не делать: не надо делать таких парусов, какие «зело искусных матрозов требуют»⁹.

Вот где были особые трудности! Все есть: и лучшие в Европе мачтовые леса, и смола, и ченька, и парусный холст лучше английского, и уральское железо, и талантливый народ — всесторонне способный, храбрый, выносливый, как никакой другой. Но времени мало, недостаточно техников, мастеров, а льготных сроков на выучку историческая судьба не дает.

Чем больше центр тяжести Северной войны перемещался на море, тем ревностнее производились за границей агентами Петра поиски новых и новых корабельных мастеров и морских офицеров. Отсутствие подготовленного флотского командного состава жестоко чувствовалось. Еще не зная, кто именно прибудет из нанятых в Англии людей, Петр уже высчитывал, что им придется вручать не только отдельные корабли, но кое-кому и участь целых эскадр. «Нужду имеем мы в офицерах морских... которых потщитесь к весне на первых кораблях... прислать... Только смотрите, чтоб были дельные люди и не стары летами... Также, сверх числа, наймите из старых капитанов, которые бывали в боях на флагманских кораблях, двух или трех человек, которым мы дадим чин капитан-командера. Только в сем гораздо смотрите, чтоб были совершенно добрые и искусные, ибо на каждом положена будет эскадра, чтоб не потерять людей и кораблей», — так писал Петр своему послу Б. И. Куракину 1 ноября 1713 г.¹⁰ Но близилось время, когда можно было избавиться от этого наплыва иностранцев и заменить их во флоте русскими людьми.

Вопрос о флоте был и остался вплоть до конца Северной войны важнейшим фактором в достижении победы, вопросом русского государственного будущего. И Петру удалось в конце концов справиться со страшной трудностью. Гений Петра, его нечеловеческая энергия и не знавшая пределов работоспособность пришли на помощь зародившемуся в условиях жесточайшей борьбы русскому флоту.

Иностранцы с любопытством, часто очень беспокойным и недоброжелательным, по все более и более интенсивным, наблюдали за неслыханным размахом действий и за поразительными результатами, которых достиг русский народ в деле создания могущественного военно-морского флота. И они со все усиливавшимся беспокойством и досадой убеждались с каждым годом, во-первых, в том, что русские овладели искусством строить линейные корабли и фрегаты (не говоря уже о шнявах) ничуть не хуже иностранцев и могут уже смело без них обходиться, и, во-вторых, что русские проявляют большую творческую мысль в умении изобретать и строить быстро, оперативно суда именно того типа, какой требуется. Особенно поразительно в этом отношении было создание плоскодонного, специально приспособленного к условиям шведского и финского побережья «шхерного» флота.

Глава X

Все, что Петр хотел получить от Швеции, он с помощью своей армии и флота получил. Но ему нужен был мирный трактат, который окончательно утверждал бы за Россией ее приобретения. А мир не давался в руки. Шведы надеялись на Англию, надеялись на Францию. Петр решил попытаться нанести Швеции удар, которого она не ждала: оторвать от нее Францию. Он отправился в Париж.

Следует напомнить, каково было отношение французов к растущему могуществу русского флота. Французское правительство стремилось установить постоянные дипломатические и экономические связи с Россией, не переставая в то же время поддерживать шведов в их борьбе против русских.

Документально подтверждается, что французы с каждым годом все более и более убеждались в прочном и очень серьезном перемещении торговых и политических интересов России на Север, к берегам Балтийского моря. Регент Франции Филипп Орлеанский с начала своего правления учел это. «Монсеньер герцог Орлеанский хотел бы послать к царю человека, осведомленного в вопросах торговли на Балтийском море и который был бы достаточно умен, чтобы выполнять получаемые приказы как в отношении торговли, так и в других видах. Следовало бы, чтобы был человек верный, на которого можно было бы вполне положиться и который знал бы голландский язык, чтобы он мог лично вести переговоры с царем, говорящим на этом языке», — так писал приближенный регента д'Юксель в ведомство иностранных дел в Париже в начале февраля 1716 г.¹

Быстрое, непрерывное усиление русского флота на Балтийском море чрезвычайно привлекает внимание французского правительства. Французский представитель при Петре I Лави всюду собирает справки, сличает элементы своей информации и спешит доно-

сией в Париж об узанном: «Английский командир сказал нам, что он посетил двенадцать военных кораблей, которые здесь на верфях, и он пас уверял, что и в Англии нет лучших судов. Вот уже несколько лет, как царь нанял различных английских строителей, очень искусных, за большие деньги...»²

С интересом узнали во французском посольстве о том, какую сравнительную оценку дает русский царь флотам иностранных держав.

Царь разговорился (в ноябре 1717 г.) с тремя английскими корабельными мастерами, работавшими у него. «Должно заметить, — писал своему правительству Лави, — что так как господствующей страстью этого монарха является установление своего могущества на море, то он благоволит к этим господам, для него удовольствие проводить с ними целые часы у них в доме и доверительно с ними говорить о всякого рода делах, когда он может урвать минуту от своих дел. Когда речь зашла о морских силах европейских держав, он сказал, что морские силы Франции находятся в очень печальном состоянии, что французский король имеет множество судов, которые погибают в портах, и что теперь король не в состоянии даже снарядить и послать в море эскадру из 12 линейных судов».

Относительно Голландии царь сказал, что она очень обеднела из-за войны (против Франции), что она не в состоянии снарядить 4 военных корабля для конвоирования своих торговых судов в Архангельск и не могла даже присоединить свои суда к английской эскадре, посланной охранять английскую и голландскую торговлю в Балтийском море. Датский флот, по мнению царя, имеет несколько годных военных судов, но так как ловых датчане не строят, то вскоре их морские силы окажутся в жалком состоянии. Об английском флоте царь не сказал ни одного слова: говорить об этом предмете с английскими собеседниками он не захотел³.

«Царь уже не так доступен, как был прежде. Все дворы, по видимому, стараются снискать его дружеское расположение», — писал Лави в 1718 г.⁴ Зато для шкиперов, капитанов, корабельных строителей у Петра всегда находится время.

Французам приходилось уже считаться не только с возникновением русского флота на Севере, но и с возможностью его появления на Юге. В июле 1717 г. французский посол в Петербурге доносил в Париж: «Царь намеревался послать в Средиземное море несколько судов, нагруженных русскими продуктами, чтобы испытать, какие выгоды могла бы принести эта торговля его подданным. Один английский офицер (русской службы — *Е. Т.*), участник экспедиции, передавал мне, что государь посылает туда 2 военных судна, каждое в 50 пушек, и что после того, как они выгрузят свои товары в Венеции, они должны поступить на службу в помощь республике (Венецианской — *Е. Т.*) против Оттоманской Порты. Мне нетрудно поверить этой новости, так как я убежден, что царь,

который всегда внимательно относится к расширению торговли среди своих подданных, будет очень рад воспользоваться этим случаем, чтобы они могли ознакомиться с портами Средиземного моря и с боевыми приемами венецианцев»⁵.

Французский посол понимал, до какой степени серьезным является этот вопрос и для французской дипломатии и для французской экономики. Одно дело были доходившие до Франции слухи о двух азовских походах Петра, а совсем другое дело — слухи нынешние, 1717 г. Тогда, более чем 20 лет назад, «странная затея» молодого беспокойного царя — создавать из ничего какой-то флот в более чем тысячеверстном расстоянии от моря — особенно беспоконить не могла, и даже конечное завоевание Азова, не имевшее дальнейших последствий в Крыму и на Черном море, было быстро забыто еще задолго до несчастного Прутского договора.

Но теперь положение создалось иное. Русский царь оказался гениальнейшим из всех тогдашних монархов. За 20 с лишком лет он провел ряд смелых реформ, создал сильную армию и флот, добился блистательной Полтавской победы, превратившей Швецию во второстепенную державу, а прославленного шведского «Александра Македонского» — в скитающегося по турецким степям бесприютного беглеца. Маршал Франции граф де Тессе, встречавший и приветствовавший Петра в Кале во время поездки его в Париж в 1717 г. и имевший с Петром беседу, доносил герцогу Филиппу Орлеанскому 1 мая того же 1717 г. о словах, сказанных ему царем: «Положение Европы изменилось, Франция потеряла своих союзников в Германии, Швеция почти уничтожена и не может оказать вам никакой помощи... Я предлагаю Франции не только свой союз, но и мое могущество»⁶.

Вот каким тоном уже говорила Россия с наследниками «короля-солнца» (*le roi-soleil*) — Людовика XIV. Становилось ясным, что появилось новое, пока еще только восходящее светило, которое уже начинает оказывать своей грандиозной массой влияние на все европейские «притяжения» и «отталкивания».

Вице-адмирал Крюйс в разговоре с Лави не скрыл, что, так как султан не отдаст России без боя Азов и Крым, царь постарается овладеть ими силой. «Государь пришел к этому намерению уже давно в целях сделаться на Черном море таким же могущественным, каким он уже является на Балтийском море. Он постарается заставить турок дать ему свободный проход через Босфор и Дарданелльский пролив, чтобы вести свою торговлю в Средиземном море. Если бы он мог успеть в этом намерении, то наш народ (французский — *E. T.*) мог бы, через порты Тулона, Марселя и другие, производить в России через Азов выгоднейшую торговлю». Посол Лави проследил (в доказательство основательности своих слов), что из этой «отдаленной местности России» русские провансы идут в Архангельск, где их скупают англичане и голландцы. Из Архангельска таким путем часть этих товаров попадает в Ли-

ворно, а оттуда в Марсель, где они продаются «с выгодой»⁷. Ясно было, насколько эта выгода увеличится, когда французы будут получать южнорусские товары не через Архангельск и Ливорно и не из рук англичан и голландцев, а непосредственно в Азове, перевозя их оттуда в Марсель. Как много говорит историку этот документ! Ведь вся история франко-русских политических отношений в течение XVIII столетия, поскольку дело шло о Черном море, складывается из чередования двух главных течений: либо всеми способами поддерживать и защищать Турцию в ее борьбе против России, пока у турок есть какие-нибудь шансы на победу, либо, как только вооруженная борьба склонялась в сторону русской победы, — добиваться сближения с Россией, чтобы иметь надежду на коммерческое использование новых русских владений, отвоеванных у Турции. Эта смена установок имела место несколько раз. Пожалуй, заметнее всего она сказалась уже в конце XVIII в. после Кучук-Кайнарджийского мира, когда в министерстве Верженна французские торговые и политические круги очень заинтересовались возможностью использовать Херсон для сбыта французских товаров на юге России и в Крыму и когда прежняя непримиримо воинственная политика Шуазеля сменилась «миролюбивыми» тенденциями. Конечно, и воинственная и миролюбивая политика Франции на Леванте диктовалась лишь чисто тактическими соображениями, касавшимися французской торговли в странах, омываемых Черным морем, и в Архипелаге.

В петровскую эпоху мы видим то же самое: на турок надежда плоха, царь очень силен. Россия не сегодня-завтра опять завоюет Азов и, пожалуй, также и Крым; значит, надо пытаться частично договориться с Петром, но именно лишь частично, не идя на опасный союз с державой, желающей в конце концов прорваться в Средиземное море.

Путешествие царя во Францию в 1717 г. сильно обеспокоило англичан. Они боялись, что Петр, убедившись в том, что от Англии он не получит помощи в проектируемой им высадке в Швеции, круто повернет руль русской политики в сторону союза с Францией, а это окажется очень опасным для Австрии и не весьма безопасным для Англии. Ведь царь, владея над Россией и распоряжаясь, как хозяин, в Польше и почти на всем южном побережье Балтийского моря, держит в своих руках страны, из которых Англия и Голландия получают материалы, нужные для кораблестроения⁸. Из переговоров, которые вели англичане с русскими представителями во время путешествия царя во Францию, ничего не выходило: Петр твердо требовал от англичан помощи флотом в нападении на шведские берега. Джон Норрис и Витворт со смущением передавали лорду Сандерленду слова Шафировова: «Он (Шафировов — *E. T.*) говорит, что мы (англичане — *E. T.*) даем им много прекрасных слов (*many fair words*), но не предлагаем ничего реального или существенного»⁹.

Но не только англичане теперь, когда русский флот вырос в серьезную силу, боялись слишком большого преобладания России на Балтийском море. Очень и очень беспокоились также старые союзники Петра — голландцы. Они боялись не Карла XII, союзника Франции, да и не самой Франции, давно уже прекратившей посылку военных на безопасность Голландии, а страшались линейных кораблей, стоявших в Петербурге и в Ревеле, заходивших в Ригу и Даниг, боялись многочисленных галер и большой русской армии, готовой сесть на эти галеры.

Правительство Голландии мечтало о скорейшем мире. «Штаты (Голландия — *Е. Т.*) с каждым днем все более и более ревниво (*jealous*) относятся к увеличению могущества и к планам царя, и они обеспокоены продолжением северных смут, влияние которых они на себе очень тяжело чувствуют», — доносили из Гааги английские представители Витворт и Катоган лорду Саидерленду 13(24) сентября 1717 г.¹⁰

Поездка Петра во Францию, предпринятая с целью оторвать Францию от союза со Швецией и побудить ее к заключению союза с Россией, не привела к желанному результату, хотя с внешней стороны дело заключения договора между двумя державами и было доведено до благополучного конца. 13 августа 1717 г., уже не в Париже, а в Амстердаме, русские уполномоченные граф Головкин, барон Шафиров, князь Куракин, французский уполномоченный маркиз де Шагонейф и прусский уполномоченный барон фон Кингаузен подписали трактат, который, в сущности, никаких реальных обязательств ни на Францию, ни на Россию, ни на Пруссию не накладывал. Эти державы взаимно обязались «способствовать своими усилиями поддержанию общественного спокойствия, восстановленного Утрехтским и Баденским трактатами, а также теми трактатами, которые будут заключены при умиротворении Севера»¹¹. Так неопределенно формулировалась главная (вторая) статья договора в своей наиболее важной части.

Петру не удалось, таким образом, ни оторвать Францию от союза со Швецией, ни отклонить ее от намечавшегося сближения с Англией.

Да и не могло быть иначе. Регент Филипп Орлеанский смотрел на дело так, что Швеция уже выбыла из числа первоклассных держав и никакой помощи Франции оказать не может. Значит, Франции надо выбирать, на кого опереться: на Англию, флот которой являлся серьезной угрозой для всех французских берегов, или на Россию, флот которой силен только на Балтийском море. Притом сближение с Англией сулило сохранить и Швецию в качестве самостоятельной державы, поскольку Англия явно не желала допустить полного покорения Швеции сухопутными и морскими силами царя.

После заключения этого парочито бессодержательного договора Петру с каждым годом становилось все яснее, что и Франция, и

Англия, и более скрытно Пруссия делают все возможное, чтобы без прямого объявления войны повредить русским интересам на Балтийском море.

Петр уже давно, по крайней мере с 1716 г., понимал, что по мере того, как будет увеличиваться русский Балтийский флот, будет расти тайная и тем более опасная вражда Англии, числящейся все еще в «союзниках». Одной из явных причин, по которым он так торопился побудить сначала Карла XII, а потом (после смерти Карла XII в ноябре 1718 г.) аристократическую партию, правившую Швецией от имени Ульрики-Элеоноры, заключить мир, являлось именно постоянное беспокойство относительно намерений и происков англичан.

Глава XI

Тяготы бесперспективной разорительной войны заставили, наконец, стоковое правительство начать мирные переговоры. Это еще не было признанием русской победы и окончательным отказом шведов от южного берега Балтийского моря. Нет, прошло три с лишним года от начала переговоров на Аландских островах в мае 1718 г. до их завершения в Ништадте в августе 1721 г., пока Швеция примирилась, наконец, с тем, что ее великодержавие кончилось.

В мае 1718 г. на Аланде открылись переговоры о мире. Петр послал Остермана и Брюса, Карл XII — наиболее доверенные лица — барона Герца и графа Гиллембурга. Эти переговоры не привели к результату, так как уступить навсегда России весь южное побережье Балтийского моря шведский король не желал. Голландия, Дания и Англия не только не поддерживали мирные переговоры, но всячески желали их срыва. В Дании опасались, что Петр, заключив мир с Карлом XII, обяжется в виде компенсации за Ингрию, Ливонию, Эстонию, Выборг и Ригу помогать шведскому королю в захвате Норвегии. В Голландии боялись того, что русский флот перестанет церемониться с голландскими торговыми судами и что царь, не имея уже нужды в Голландии, начнет ей «диктовать законы» на море. Позиция Англии в отношении русско-шведских мирных переговоров была явно враждебна русским интересам. Англичане прозвали вступить в борьбу на стороне Швеции, чтобы заставить Петра отказаться от значительной части завоеванных территорий, но Петр оставался непоколебим. Он полагался на свой флот, и эта уверенность его не подвела.

При помощи флота Петр, демонстративно производя все новые и новые высадки на шведских берегах, старался принудить шведское правительство к заключению выгодного для России мира.

Именно в 1718—1721 гг. русский народ в полной мере пожал плоды своих громадных жертв и усилий по созданию могущественного флота. Если Полтава надломил шведское великодержавие,

то она вовсе еще не заставила Швецию признать невозможность сохранения былых прибалтийских владений. Двенадцать лет борьбы последовало за великой сухопутной победой. А с 1718 г., когда обнаружилось, что путешествие Петра во Францию не изменило по сути дела прежней политики французского правительства, направленной к поддержке Швеции, и когда начались периодические, враждебные для России визиты адмирала Норриса с сильным британским флотом в Балтийское море, в Швеции воспрянули духом. Дипломата Герца отправили на эшафот за одну только высказанную мысль, что следует уступить Петру хоть малую часть фактически уже завоеванных им земель.

Вот тут-то русский флот и сыграл серьезнейшую роль. Петр не испугался англичан с их открытой враждой, французов — с их тайным недоброжелательством, датчан и голландцев — с их неискренней поддержкой «союзной» России и секретными переговорами со Швецией. Он смог остаться хладнокровным в эти решающие годы, когда, казалось, были поставлены под вопрос результаты Полтавы, плоды тяжелой многолетней борьбы за конечную победу на море над шведами. У Петра был флот, любимое его создание; все надежды он возложил на флот, и флот эти надежды оправдал.

Русский флот невозбранно гулял на просторах Балтики от Копенгагена и устья Невы до Ревеля, до Риги, до Данцига, до Штеттина, до Копенгагена, до Гельсингфорса, до Аландских островов, наконец, до предместий Стокгольма. Дипломатия Петра делала уступки там, где интересы России не были прямо затронуты и где не Россия жертвовала. Петр потерпел присоединение Бремена и Вердена к ганноверскому курфюршеству, т. е. к владениям короля английского Георга I, он не противился присоединению части шведской Померании к Пруссии и части Шлезвига — к Дании, но из русских приобретений он не пожелал уступить и до конца войны не уступил решительно ничего сколько-нибудь существенного.

Ничто не могло отвлечь Петра от усиленной и ускоренной работы над дальнейшим укреплением флота. 15 июля 1718 г. был спущен на воду 90-пушечный корабль «Лесное» (в память победы над шведами в 1708 г.). Иностранцы отмечали, что в постройке нового корабля царь участвовал лично. Кроме «Лесного», в том же году были спущены на воду 70-пушечный корабль «Нентунус», прама «Олифант» и несколько галер.

16 июля 1718 г. русский флот вышел в плавание в таком могучем составе: 25 линейных кораблей, 3 фрегата и 2 бомбардирных судна. Личный состав этого флота насчитывал свыше 10 тысяч человек, число орудий — 1436¹. И это были далеко не все морские вооруженные силы, которыми в тот момент располагал Петр на Балтийском море. Множество галер, полугалер и транспортных судов всяких размеров было готово к перевозке десантов, подвозу боезапаса и провианта.

Время было напряженное, шли переговоры на Аландских островах. Шведы не хотели мириться со своими поражениями, требовали возвращения Выборга, Лифляндии и Эстонии. Русские уполномоченные держались твердо. И они и их противники знали о могучей русской морской силе, готовой в любой момент нанести удар по столице Швеции — Стокгольму.

Глава XII

Многое могло грозить русским интересам во время Аландских переговоров. По Европе ходили слухи о том, что за спиной Петра готовится дипломатическая сделка, смысл которой состоит в том, чтобы за известные услуги и уступки в пользу английского короля (он же курфюрст ганноверский) Георга I Англия вместе с Голландией потребовали от Петра возвращения шведам отвоеванных у них провинций. «Это может оказаться вероятным, — доносил французский представитель при Петре I своему правительству, — так как нельзя не признать, что англичане и голландцы ревниво относятся к нарождающемуся величию (*la grandeur naissante*) морских сил царя»¹.

Англию в течение всего 1718 г. заботило не столько «спокойствие империи» (т. е. конгломерата германских государств, объединившихся чисто словесно под лелемым названием «Священной Римской империи германской нации»), сколько присутствие русских войск в герцогстве Мекленбургском, в польском городе Данциге и на его территории, которая являлась «границей империи». В инструкции, данной королем Георгом в середине октября 1718 г. отъезжавшему в Петербург английскому представителю, адмиралу и командующему английским флотом на Балтийском море сэру Джону Норрису, говорилось, что если царь хочет хороших отношений с Англией, то он «без колебаний пососедействует исполнению наших (британского кабинета — *Е. Т.*) желаний и освободит герцогство Мекленбург, город и территорию Данцига и границы империи (германской — *Е. Т.*) от всех опасений, отведя свои войска из этих мест к своим собственным владениям»².

Самый факт посылки в Петербург в качестве полномочного посла командующего британскими морскими силами на Балтике уже был явной угрозой, тем более что Норрис получил приказание не задерживаться у «добротого брата» короля Георга в Петербурге и, передав требования царю, ехать обратно к своему флоту. Заменить же его должен был (уже действительно в качестве постоянного посла в России) Джеймс Джеффрис.

Норрис, однако, в конце концов и не поехал в Россию, а Джеффрис снял копию с его инструкции и направился в Петербург. Прибыл он туда после трудного и очень долгого зимнего путешествия вечером 1 января 1719 г. К этому моменту Петр особенно крепко утвердился на следующем. Подвинуть дело мира возможно

только одним путем: устранив Швецию совместным нападением флота и армии на ее берега. Но русский флот ждет присоединения к нему английской эскадры — вот это на все лады повторял Шафиров англичанам в течение всего 1718 г., и этим он встретил Джеффриса в январе 1719 г.³ А у англичанина был подготовлен ответ, решительно не удовлетворяющий Россию: да, конечно, очень важно поскорее установить мир и спокойствие на Севере, но зачем же думать о высадках и нападениях на Швецию, когда ведутся уже переговоры на Аландских островах между Россией и Швецией? Джеффрис с видом полной невинности говорил об аландских переговорах, из которых, как он знал, пока ничего не выходило, хотя уполномоченные обеих сторон сидели на Аланде уже несколько месяцев. Мало того, и Джеффрис и Шафиров хорошо знали о событии большой важности, происшедшем вечером 30 ноября 1718 г. в окнах под норвежской крепостью Фридрихсгал, которую осаждал шведский король. Случайная пуля пробила навывлет голову Карла XII. С его смертью рушились надежды (правда, крайне слабые), какие связывались в Европе с аландскими переговорами.

Когда при первом свидании Джеффриса с Шафировым оба собеседника делали вид, что им еще ничего точно не известно о смерти Карла XII и даже совсем ничего об этом событии не упоминалось, то все-таки Шафиров заявил Джеффрису, что на Аландских островах ни по одному вопросу не состоялось соглашения между русскими уполномоченными и бароном Герцем. Шафиров прибавил, что «этот барон ничего другого не делает, как только развлекает русских (*did nothing but amuse them*), всякий раз являясь с новыми предложениями». Но ведь Джеффрис узнал тотчас, что в Петербурге на самом деле признают смерть Карла фактом достоверным (*they seem here to be sure of*)⁴, а значит, партия, стоявшая за продолжение войны, неминуемо должна была взять верх. Арест барона Герца, процесс и казнь его были первой заботой аристократии, возведшей на шведский престол сестру Карла Ульрику-Элеонору.

Следовательно, перспектива ближайших событий выяснялась окончательно: Россия будет продолжать войну, чтобы принудить Швецию заключить мир на условиях, предложенных Петром. Англия будет всеми мерами мешать русскому флоту и армии и помогать Швеции.

«Я считаю необходимым предупредить ваше превосходительство, что от здешнего двора не на что надеяться... Русские министры только и говорят, что о силе и могуществе их государя, и они в самом деле думают, что его царское величество уже ни в ком не нуждается и может никого не бояться», — писал Джеффрис лорду Стэнгопу 12 (23) января 1719 г.⁵

Для Петра было ясно, что англичане вредили, вредят и будут вредить успеху аландских переговоров, если приемница Карла XII

Ульрика-Элеонора и ее окружение в самом деле захотят пойти на серьезные уступки в пользу России. Джеффрис сообщил, что царь даже и не скрывает своего раздражения против Англии по этому поводу. И за что? — скорбно вопрошает посол, — только за то, что Великобритания знает «обширные и опасные намерения царя» и не собирается им потворствовать.

Петр прямо говорил, что не чувствует никакого доверия к Англии, и решил добиваться своей цели собственными силами. Приготовления флота неустанно продолжались всю весну 1719 г., готовился поход против Швеции.

Английская дипломатия пришла в жестокое беспокойство. Становилось очевидным, что Швеция в своем истинном отчаянном положении пойдет на все уступки, чтобы спастись от страшного русского удара прямо в сердце страны. Этого как раз больше всего боялись англичане.

В изобретательной голове Джемса Джеффриса возникает любопытный план. Раньше, чем мы заставим говорить самого Джеффриса словами его архисекретнейшего донесения, напомним, что план принадлежит не какому-либо неофициальному полудипломату, полублазутчику, авантюристу и конфиденциальному исполнителю темных делишек, вроде позднейших агентов «Интеллидженс-сервис» Требич-Линкольна или пресловутого Лоуренса, но официальному представителю и чрезвычайному послу его королевского величества Георга I, короля Великобритании и Ирландии и защитника веры христианской. И вот что докладывает этому защитнику веры христианской его верный слуга, отчаявшийся в средствах сорвать алядские переговоры: «Петербург, 16(27) марта 1719 г. Царь и его министры так расположены к своему Алядскому конгрессу, что уже ничто не может отворотить их от продолжения этого конгресса. Мне сказали, что г. Остерман и г. Мардефельд посылаются на конгресс на этой неделе. Оба они уверены в успехе. Но если бы его величество (английский король — *Е. Т.*) признал нужным прервать эти переговоры, то я подумал о проекте, который в случае достоюликого его осуществления неминуемо прервет переговоры эффективно, по крайней мере на некоторое время. Нужно не что иное, как только послать один или два фрегата к месту конгресса и силой увести прочь шведского уполномоченного (and bring the swedish plenipotentiary away by force). Так как датчане состоят в открытой войне с Швецией... то, по моему мнению, датчане — именно те люди, которых наиболее удобно пустить в ход для исполнения этого дела». Джеффрис высчитывает, что для удачного результата это маленькое предприятие потребует не больше 600 «решительных людей». Предусмотрительный Джеффрис учитывает, что, похитив шведского уполномоченного, придется увозить его на английском корабле по Балтийскому морю, где господствует русский флот. Но он считает несложным делом справиться с этой опасностью: «Чтобы выполнить дело с большей безопасностью,

судно (на котором будет находиться схваченный шведский уполномоченный — *E. T.*)... может прикрыться русским морским флагом (the vessel employed for this service may make use of moscovite colour)». Исправность, предусмотрительность и оперативность Джеффриса не знают предела: он посылает при этом донесении на всякий случай описание русского флага «голубой эскадры», пользуясь которым можно было изготовить подложный флаг. А «прекрасный плап Аланда» тоже уже заблаговременно послан.

Воображение увлекает Джеффриса в еще более заманчивые дали. В самом деле: почему бы не похитить таким же способом еще и русских уполномоченных? Тогда-то уж совсем конец конгрессу! «Если его величество (король английский — *E. T.*) сочтет пужным прервать эти переговоры и еще более эффективно, то московские уполномоченные также могут быть увезены прочь и затем высажены на берег либо в Данциге, либо в Кенигсберге или Риге», а уж в дальнейшем можно будет «изобрести какое-нибудь извинение» («some excuse may be invented»). Перед шведами же даже и извиняться не стоит.

Джеффрис понимает, что предлагаемое им чисто разбойничье дело может все-таки возбудить какие-нибудь затруднения и сомнения со стороны лорда Стэнгопа и короля Георга I. И он подчеркивает, что в данном случае есть из-за чего руки марасть: «Вы не можете себе представить, какое разочарование вызовет это предприятие (в противниках — *E. T.*). Если его выполнить достоподобным образом (duely), оно подорвет все меры русских и в то же время даст случай его величеству (королю английскому — *E. T.*) заключить мир со Швецией, потому что пужно будет выбирать более безопасное место для конгресса и других уполномоченных перед тем, как они соберутся, и это займет большую часть лета»⁶. А там можно и шведов во многом успеть переубедить. Словом, нужно пойти решительно на все, вплоть до похищения уполномоченных и увоза их под чужим подложным флагом, лишь бы помешать русским заключить выгодный для них мир со шведами.

На выполнение бандитского плана посла его величества короля великобританского Джеффриса английское правительство пойти не отважилось.

Глава XIII

В английской политике в разные времена ее долгой истории не раз наступали такие моменты, когда уже становилось невозможным ограничиться выдвиганием против врага сил других государств и было необходимо решиться бросить все ведущееся дипломатическое предприятие и пустить в ход свои собственные вооруженные силы. Летом 1719 г. такой момент еще не наступил.

Швеция еле держалась, Дания, Голштиния, Данциг и Мекленбург были в жестоком беспокойстве, даже в Пруссии Фридрих-

Вильгельм I стал склоняться на уговоры и представления бывшего «друга» Петра голиштинского дипломата Бассевича. Все они устремляли свои взоры на Запад, к Зундам, все они ожидали на Балтийском море появления английского флота.

И хотя английский флот появился, но в 1719 г. он совершил только демонстрацию, частичную, слабую. Петр, правда, был раздражен и недоволен, но никакой растерянности (которую хотелось бы видеть в русском правительстве уже летом 1719 г. послу Джеффрису) не было. Петр отвечал на козни врагов рядом очень внушительных действий.

В мае 1719 г., после большой и во всех отношениях эффективной морской разведки, совершенной из Ревеля капитаном-командиром Фангофом, русскому военно-морскому командованию стало известно о выходе из порта Пиллау в море шведских военных кораблей. Для нападения на шведские корабли немедленно вышел из Ревеля в море капитан второго ранга Наум Сенявин с шестью линейными кораблями и одной шнявой. Утром 24 мая Сенявин настиг шведскую эскадру и начал бой, закончившийся полной победой русского флота. Были захвачены линейный 52-пушечный корабль «Вахмейстер», 35-пушечный фрегат «Карлскронваген», 12-пушечная бригантина «Бернгардус». В плен попали 11 шведских офицеров и 376 нижних чинов, а кроме того, шведы потеряли около 50 человек убитыми и 13 человек ранеными. Русские потери в людях были ничтожны, материальные повреждения также невелики.

Такая удача произвела очень сильное впечатление в Швеции. Впечатление это было усилено многочисленными пленениями шведских купеческих судов и приводом их в Петербург. Действия русского флота чрезвычайно беспокоили Швецию и усиливали растерянность в стране.

9 июня 1719 г. вице-адмирал Петр Алексеевич Михайлов, он же царь всероссийский, вышел с состоявшей под его личной командой эскадрой от Котлина в Ревель, а Апраксин пошел с галерами к Гапугу. У Петра было 12 линейных кораблей, 2 прама, 2 бомбардирских судна, несколько шняв и бригантин. Когда котлинская эскадра 19 июня соединилась в Ревеле со стоявшими там кораблями, то в распоряжении Петра оказался, кроме фрегата и бомбардирских судов, 21 линейный корабль, снабженный обильной артиллерией (1672 орудия) и с большим экипажем — 10 711 человек.

Этого было бы достаточно не только для сравнительно безопасного крейсирования по Финскому и Ботническому заливам, но и для прикрытия десанта. Ведь с 19 линейными кораблями, которыми в этот момент располагали шведы, слишком рискованно было бы предпринять что-либо на море против русской эскадры.

В конце июля 1719 г. английская эскадра вошла в Балтийское море. В Европе знали, что с отправкой этой эскадры у англичан

дело обстояло не очень ладно. В парламенте и вне парламента многие считали, что не из-за чего разрывать отношения с Россией, которая вовсе Англии не угрожает, и что в посылке британской эскадры в Балтийское море заинтересован больше всего лично король Георг I в качестве курфюрста ганноверского, потому что Ганновер (как и другие северогерманские государства) боялся усиления русского флота и жил под опасением внезапного появления русских кораблей и транспортов с войсками. Словом, полного единства настроений в Англии по этому вопросу не было, а потому адмиралу сэру Джону Норрису дали не очень многочисленную эскадру и снабдили его не очень решительными инструкциями.

Русскому командованию все-таки приходилось считаться с появлением эскадры Норриса у датских берегов. Но боязни, как уже сказано, Петр не обнаружил. Русский корабельный и галерный флоты соединились у Гапгута 26 июня и отсюда направились к Або, а затем к Аландским островам. 6 июля к о. Ламеланду прибыл громадный галерный флот в 232 вымпела, в числе которых были 132 большие галеры. Этот флот доставил 26 тысяч человек десантных войск. Там же появился 8 июля и линейный флот. Немедленно была предпринята разведка у самых берегов Швеции.

11 июля русские галеры под командованием Апраксина показались у Капельшера, приблизительно в 80 км от Стокгольма. Немедленно по всему берегу распространилась тревога. 12 июля Апраксин отправил генерал-майора Ласси с 21 галерой и 12 островскими лодками, на которые было посажено 3500 человек десантных войск, для действия на шведском берегу севернее Стокгольма, а сам Апраксин с остальным флотом двинулся на следующий день от Капельшера к Стокгольму и 15 июля занял остров, находящийся на пути от Капельшера к Стокгольму. 24 июля галерный флот подошел к Ничешингу, а 30 июля — к Нордчешингу. Десантные войска высаживались на шведские берега в течение всего похода Апраксина. Русские уничтожали металлургические заводы и мастерские. Город Нордчешинг сгорел до основания, но его сожгли не русские, а шведы — при отступлении. Около этого несчастного города было 12 эскадронов шведской конницы, но шведы не приняли боя и отошли. Русским досталось тут много меди и больше 300 готовых новых пушек.

Паника распространилась по стране. Правда, Петр велел Апраксину «людей не только не брать, но не грабить с них и личем не досаждать, но внушать, что мы воюем для того, что сенат их (шведский — *Е. Т.*) не склонен к миру»¹. Однако жители убежали поголовно, опустевшие города и поселки горели.

Шведское правительство знало, что русские гребные суда ходят недалеко от Стокгольма, и королева Ульрика-Элеонора обратилась к Петру с просьбой о возобновлении фактически пре-

ривальных мирных переговоров и о прекращении впредь до мира военных действий.

Абсолютное отсутствие шведского флота в течение всего этого страшного для Швеции месяца, непонятная пассивность сухопутных войск, даже и не пытавшихся защищать свою родину, — все это могло быть объяснено либо полной моральной прострацией государства и безнадежным истощением его сил в результате долговременных военных авантюр Карла XII, либо хитроумным стратегическим планом шведского командования, основанным на стремлении заманить русских в глубь страны и там их разгромить.

Англичанам, с большим беспокойством следившим за развитием событий, хотелось верить в это второе объяснение: «Царь, по моему крайнему разумению, во второй раз перешел через Рубикон», — писал Джеффрис 22 июля 1719 г. в Лондон, когда до него дошли достоверные сведения о высадке русских войск в Швеции. Под первым Рубиконом Петра Джеффрис понимает Прут 1711 г. «По-видимому, он (Петр — *Е. Т.*) поставил себя в необходимость или завоевать страну своего врага или потерять большую часть своей армии. Его величество (Петр — *Е. Т.*) уже имеет перед собой два примера фатальных последствий, которыми сопровождались неудачные попытки в далеких странах: один пример — в лице покойного шведского короля, который потерял свою армию в Полтавской битве, и другой пример — в своем собственном лице, когда на реке Пруте только мошенничество великого визиря спасло его от полной гибели»².

Но глубокомысленные исторические параллели Джемса Джеффриса и его пророчества оказались необоснованными.

Петр решил ограничиться достигнутыми успехами. Он вернул флот к Алаандским островам и затем в Ревель и к Котлину, намереваясь нанести окончательный удар по Швеции в кампанию следующего, 1720, года, а до той поры, во-первых, продолжать дипломатические переговоры, о возобновлении которых просила Ульрика-Элеонора, а во-вторых, готовиться к грядущим действиям флота.

Глава XIV

Окружение Ульрики-Элеоноры переживало большую тревогу, и шведские руководящие круги терзались сомнениями. Идти ли на уступки требованиям Петра, высказывавшимся его уполномоченными на аландских совещаниях? Или поверить грядущей помощи со стороны британского флота? Кампания 1719 г. не могла внушить шведам особенно радужных надежд: прибытие в Балтийское море Джона Норриса не предупредило русских высадок и опустошения побережья Швеции.

Несомненно, что и английский кабинет знал, что следует пред-

принять гораздо более существенные меры как в военной, так и в дипломатической области, чтобы предупредить заключение выгодного для России мира.

И вот конец 1719 г. принес неожиданное решение вопроса. Англия заключила не только мир, но и союз со Швецией, притом союз, всецело направленный против России. Началось с того, что в ноябре 1719 г. король Георг I в качестве курфюрста ганноверского заключил мир со Швецией, причем получил шведские владения (вернее, прежде числившиеся за Швецией) Бремен и Верден, уплатив при этом шведам миллион талеров. А спустя два с половиной месяца тот же Георг I в качестве короля английского подписал договор со Швецией о мире и союзе.

Такова была только увертюра к действиям «европейского концерта», как выражаются дипломаты.

Сразу же обнаружилось, до какой степени видимые «союзники» России успели к этому времени стать, в связи с усилением русского флота, ее врагами. Внезапное решение Англии приободрило всех этих «союзников», и они перестали стесняться. Первым за англичанами пошел прусский король Фридрих-Вильгельм I. Уплатив шведам 2 миллиона талеров, он получил Штеттин и часть Померании, которые тоже уже давно были, по сути дела, номинальным шведским владением. Но вступить со Швецией в союз Фридрих-Вильгельм все же побоялся. Почти одновременно и Дания подписала мир со Швецией. При этом шведы также уступили то, что уже фактически потеряли, т. е. Шлезвиг, но зато получили от датчан обещание вернуть им приморскую часть Померании, так называемую Нижнюю Померанию (Верхняя была отдана, как уже сказано, Пруссии).

В Стокгольме воспрянули духом, тем более что Австрия (император «Священной Римской империи германской нации») тоже обнаруживала очень враждебные настроения относительно России, требуя от Петра участия в «конгрессе» в Брауншвейге, чтобы заставить его подписать мир со Швецией на абсолютно неприемлемых для Петра условиях. Волновалась и Польша, осмелившаяся говорить об очищении Курляндии от русских войск и возвращении Курляндии в ленную зависимость от Польши.

«Проклятые обманщики!» — так выразился Петр в письме к Куракину, оценивая то, что происходило в политическом мире Европы весной 1720 г., и подсчитывая все новых и новых поднимавшихся против него врагов.

Но, попадаясь на внезапный благоприятный оборот дипломатических дел, шведское правительство все-таки просчиталось. Шведы не приняли во внимание ни натуры Петра, ни силы парода, которым Петр управлял.

«Неполезного мира не учиним!» — с этим твердым решением Петр начал весной 1720 г. предпоследнюю двадцатилетней войны. А миром «полезным» он считал закрепление за Росси-

ей навсегда завоеванных прибалтийских берегов, хотя бы для этого пришлось воевать еще новых 20 лет.

При существовании могучего Балтийского флота Петру не были опасны ни император «Священной Римской империи германской нации», у которого никаких сил на Балтике не было, ни Фридрих-Вильгельм I, боившийся царской мести за свой предательский мир со Швецией и крайне обрадованный тем, что Петр удовлетворился подписанием в Потсдаме (в феврале 1720 г.) договора о нейтралитете. У Фридриха-Вильгельма на Балтийском море тоже не было ничего, хотя бы отдаленно похожего на русские морские силы. Датский двор держал себя гораздо более независимо и был доволен миром со Швецией, но ведь и речи не могло быть об активной помощи Швеции со стороны датчан, поскольку шведы не скрывали своих намерений завладеть датской Норвегией и рано или поздно выгнать вон датчан с полуострова.

Одним словом, Англия, если бы она ввязалась в войну против России, могла рассчитывать на помощь только потрепанного, ослабевшего шведского флота.

Между тем, к большому раздражению англичан, строительство новых кораблей в России безостановочно продолжалось в 1719 и 1720 гг. на всех балтийских верфях. Всячески желая затормозить рост могущества русского флота, британский посол в Петербурге Джеймс Джеффрис посоветовал своему правительству отозвать из России английских корабельных мастеров. В апреле 1719 г. Джеффрис писал лорду Стэнгопу: «Я позволю себе, ваше сиятельство, обратить ваше внимание на другой разряд лиц, пользующийся большой милостью у царя. Завистники дают им особое насмешливое прозвище. Говорю о корабельных мастерах. Они, насколько могу судить, если долго останутся на службе царской, поставят царя хозяином Балтийского моря. Один из них недавно уверял меня, что, проживи царь еще года три, у него будет флот в сорок линейных кораблей, от семидесяти до девяноста пушек каждый, да двадцать фрегатов, от тридцати до сорока пушек каждый, построенных здесь и как нельзя лучше. Этих людей царь ласкает особенно милостиво: жалованье они получают большое, выплачивается оно аккуратно, они видятся с ним частным образом, их царь сажает за свой стол при самых многолюдных собраниях.

...Предоставляю вам, однако, судить — входит ли в интересы Великобритании быть зрительницей возрастающего могущества России, особенно на море — к тому же могущества, создаваемого руками английских подданных? Если позволите мне высказать свое мнение по этому поводу, скажу, что давно пора отозвать этих мастеров из царской службы. Здесь пять мастеров, кроме простых рабочих; все они британские подданные. Трое из мастеров признаются такими плотниками, что лучших и в Англии не найдется, а так как я не сомневаюсь, что все они верные подданные короля и расположены к его правительству, не сомневаюсь, что

они возвратятся домой, если им на родине предоставлено будет положение, сколько-нибудь вознаграждающее за то, что они потеряют здесь. Если в то же время издать строгий указ против всех английских подданных, которые не возвратятся, мастерам дан будет хороший повод оправдать свое поведение. Без такого указа им, ввиду всех милостей, которыми они осчастливы, трудно найти повод к отъезду, как бы они его ни искали. Надеюсь, вы извините мне смелость моих предложений; решаюсь на них единственно в уверенности, что они клонятся к выгоде Великобритании, и потому, что не знаю, какие бы еще пути могли быть найдены, чтобы воспрепятствовать утверждению царя на Балтийском море»¹. Конечно, Джеффрис очень преувеличивал значение английских кораблестроителей: русские мастера уже вышли на самостоятельную дорогу к этому времени.

В мае 1719 г. Джеффрис вновь настаивает перед своим правительством на необходимости отозвания английских корабельных мастеров из России. «Позволю себе еще раз обратить внимание ваше на сделанные мною предложения касательно английских корабельных мастеров, состоящих на царской службе,— писал он лорду Стэнгопу.— Со времени моего приезда они спустили один корабль в девяносто пушек, другой — в шестьдесят пушек — будет готов на днях; затем, десять кораблей стоит на верфях, все они линейные и большинство их должно быть готово в течение года. Кроме царя (у которого здесь своя верфь, как и у прочих мастеров) и пяти англичан, здесь есть еще один мастер-француз, голландцев же ни одного, так как царь не любит их систему постройки; следовательно, если мы своих мастеров отзовем домой, и будем наблюдать за тем, чтобы другие не являлись им на смену, постройка кораблей будет приостановлена; если же не принять этой или другой соответствующей меры против развития царского флота, нам придется раскаяться, хотя, быть может, уже и поздно. Еще недавно царь открыто в обществе высказал, что его флот и флот Великобритании — два лучших флота в мире. Если он теперь уже ставит свой флот выше флотов Франции и Голландии, отчего не предположить, что лет через десять он не признает свой флот равным нашему или даже лучше, чем наш? Короче — корабли строятся здесь не хуже, чем где бы то ни было в Европе, и царь принимает все возможные меры к тому, чтобы приучить своих подданных к морю, чтобы создать из них моряков»².

Прошли и парламентское постановление, и указ лордов юстиции, призывающий английских корабельных мастеров возвратиться на родину, а результата от этого не получилось. Английские мастера по-прежнему строили корабли, распивали с царем (угощаясь у него или угощая его у себя) английский джинн и русскую водку и не помышляли о том, чтобы бросить русскую службу. Вот как оправдывается Джеффрис перед начальством в безуспешности своих стараний: «Я смиренно прошу их превосходительства (лор-

дов юстиции — *Е. Т.*) принять в соображение трудности, которые я встречаю со стороны корабельных строителей. Эти люди привезли с собой сюда все, что имели, и им нечего терять в Великобритании, так как у них там нет ни земли, ни другой недвижимой собственности. Они явились в эту страну (Россию — *Е. Т.*) со своими семьями искать благосостояния и в некоторых отношениях нашли его, так как их заработная плата значительна: двое из них получают каждый ежегодно по 2000 рублей, а трое других по 800 рублей каждый, кроме случайных подарков и других выгод. Они пользуются таким почетом, на который нельзя было бы рассчитывать ни в какой другой стране, хотя бы они были знатными людьми, так как они окружены самым ласковым вниманием царя и, следовательно, всех высокопоставленных лиц государства. Они участвуют во всех царских развлечениях, а на празднествах сидят за его столом, в то время, когда знатнейшие люди принуждены ждать стоя. Коротко говоря, царь ничем не пренебрегает, лишь бы привлечь их к себе и чтобы побудить их оставаться на его службе всю жизнь».

У Джеффриса и его начальников было над чем сокрушаться. Если всего шесть лет назад царь имел только 17—18 линейных кораблей, из которых часть была куплена за границей, а часть выстроена в Архангельске, то в 1719 г. в Балтийском флоте насчитывалось, по сведениям Джеффриса, уже 27 или 28 линейных кораблей, из которых были построены в течение последних шести лет в Петербурге: «Гангут» (90-пушечный), «Лесное» (90-пушечный), «Александр» (78-пушечный), «Нептун» (70-пушечный), «Ревель» (70 пушечный), «Ингерманландия» (64-пушечный), «Москва» (64-пушечный), «Шлиссельбург» (64-пушечный), «Екатерина» (64-пушечный), «Виктория» (64-пушечный), «Полтава» (50-пушечный), фрегат «Илья» (32-пушечный), пинк «Александр» (20-пушечный). На верфях летом 1719 г. строилось еще 10 линейных кораблей и ожидалось, что к весне 1720 г. семь будут готовы к военным действиям. «Едва только спускается на воду один корабль, как уже другой строится на верфи», — горевал Джеффрис. Корабли строятся превосходно, не хуже, чем в любой европейской стране, материал Россия имеет прекрасный, корабельный лес так дешев, что русский корабль обходился на $\frac{2}{3}$ дешевле, чем корабль, выстроенный в Англии для английского флота. Все это удручало английское сердце. А к тому же русские моряки очень быстро обучались своему делу, и были все основания полагать, что со временем они станут так же хороши, как и русские солдаты. Джеффрис снова и снова повторяет просьбу: пообещать англичанам, находящимся на службе в России, хотя бы половину того, что они сейчас получают, если они вернутся в Англию. Иначе хуже будет, ибо то, что английские мастера обучают русских кораблестроительному искусству, «приносит Англии убытки ежегодно в двадцать раз больше, чем все расходы на них со стороны царя»³.

Ничего, однако, из всех этих происков не вышло. Самая кипучая работа шла летом, осенью, отчасти зимой 1719 г. и, наконец, весной 1720 г. на всех верфях. Продолжалась подготовка к нанесению окончательного удара Швеции. Джеффрису пришлось иметь по поводу посылки английского правительства отозвать из России корабельных мастеров очень неприятное объяснение с Шафировым. Шафиров резко и ядовито напал на англичан, говоря, что король и его министры делают все от них зависящее, чтобы досаждать царю и мешать России строить флот. При этом он подчеркнул, что все эти происки ни к чему не приведут, ибо, во-первых, английским мастерам так хорошо в России, что они не захотят бросить работу, а во-вторых, английские власти опоздали со своими мерами: русские уже научились и сами строить корабли. Тут же, пользуясь, так сказать, случаем занимательной беседы, Шафиров сообщил Джеффрису, что русским прекрасно известны интриги, которые ведутся против России в Берлине Витвортом (бывшим британским послом сначала в Москве, а потом в Гааге) и в Стокгольме голштинским дипломатом Бассевичем, тайно предлагающим Швеции вступить в оборонительный союз с Голштиной⁴.

Против кого будет направлен такой союз, говорить было незачем. Как и Дания, как и Мекленбург, как и Данциг, бывший на известных условиях в польском подданстве, Голштиния уже забыла о времени, когда она боялась Карла XII. Теперь русский флот, владыка Балтийского моря, паводил страх на прибрежные государства.

Словом, карты были выложены на стол. Если не английская, то русская сторона дала положению дел откровенную оценку: Англия — мнимый союзник и действительный противник России; Дания — тоже мнимый союзник и, может быть, завтра под влиянием англичан перейдет во враждебный стан; такова же позиция и Голштинии; Швеция колеблется, боится десанта, боится блокады и все-таки не решается признать двадцатилетнюю борьбу окончательно проигранной. А следовательно, не такое сейчас время, чтобы отпускать искусных корабельных мастеров с русских верфей и замедлять кораблестроение. Все это, по существу, Шафиров и высказал Джеффрису.

Балтийский флот продолжал безостановочно расти. Англичане определенно начинали бояться его и в секретной корреспонденции уже не скрывали этого.

Петра возмущало не только быстрое превращение Англии из союзной с Россией державы в опасного неприятеля, но и вызывающий тон, который усвоили себе английские дипломаты, а особенно флотоводы, в сношениях с русскими.

Царь просто приказал не принимать от англичан деловых бумаг, написанных слишком уж нагло. «Ныне на Алаид к нашим министрам прислали агличане посол (sic! — Е. Т.), который в

Швеции, и Норрис ко мне письма по обычаю их варварской гордости с угрозами (пишет — *Е. Т.*), с которых наши министры просили копии, и когда получили и вида такую мерзость не приняли», — сообщает царь князю Борису Куракину 20 сентября 1719 г. и прибавляет нечто уже по существу дела: «Того ради накрепко можешь обнадежить, что мы ни на какие их угрозы не посмотрим и неполезного миру не учиним, но, что бы ни было, будем продолжать войну, возлагая надежду на правосудца бога против таких проклятых обманщиков»⁵.

Петр был раздражен этой умышленной медлительностью шведского правительства, этим явным сговором с англичанами, этим ожиданием прихода большой английской эскадры и ее чаемым внезапным падением на русский флот.

Он решил пустить в ход самые крайние меры. «Я пошлю сорок тысяч вооруженных уполномоченных, которые подкрепят то, что говорится на Аланде», — так передавали слова Петра весной и летом 1719 г. Решено было напасть непосредственно на берега Швеции и военной экзекуцией побудить стокгольмское правительство ускорить подписание мира. 12 линейных судов и большой галерный флот собраны были к середине лета у Земланда (недалеко от Аландской группы островов). Царь предупредил королеву Ульрику-Элеонору о предстоящем и заявил, что как только глава эскадры, предназначенной к нападению на шведские берега, адмирал Апраксин получит от Остермана, отправляемого одновременно в Стокгольм, известие, что королева приняла условия мира, — военные действия прекратятся.

10 (21) июля и в ближайшие дни 1719 г. Апраксин произвел высадку русских войск в разных пунктах побережья. Шведы оказались бессильны предупредить высадку и защитить города и деревни. Были отчасти сожжены, отчасти разорены шесть городов, много больших деревень, железоделательных заводов, были подожжены на громадном пространстве густые леса. Полуголодная, обнищавшая, утратившая и прежнюю дисциплину, и бывшее чувство уверенности в себе шведская армия была к тому же раздроблена: часть ее должна была отбиваться от датчан на западе, т. е. на другом конце государства. Русские действовали совершенно свободно. В тех редких случаях, когда предвиделся поход сколько-нибудь значительного шведского отряда, высаженные войска спокойно садились на свои суда, и флот Апраксина доставлял их на другое место. В Стокгольме царил страшная паника, молили англичан о скорейшей помощи, но адмирал Норрис «спешил» весьма медленно, а когда пришел, то воздержался от сближения с русским флотом и вскоре ушел восвояси.

Прибрежные жители спасались бегством и лишь крайне редко оказывали сопротивление. Прямое нападение грозило уже непосредственно Стокгольму.

Королева просила Остермана передать Петру о ее желании возобновить мирные переговоры. Апраксину велено было приступить к свертыванию экспедиции, и русские войска покинули Швецию, согласно обещанию Петра.

И старые и новые шведские, немецкие, английские историки с большим чувством порицают «варварский» характер этой и следующих двух экспедиций, говоря о разорении имущества жителей, сожжении деревень, гордов, лесов и т. д. Но они не осмеливаются писать об убийстве людей, потому что русским войскам строго воспрещено было убивать. Эти суровые проповедники морали ни единым звуком не упоминают о том ужасающем, систематическом истреблении русского населения, безоружных крестьян и горожан; о тех беспощадных разбоях, которыми предавались шведские войска с полного благословения Карла XII и фельдмаршала Реншильда в 1708—1709 г., во время нашествия на Белоруссию и Украину.

Летом 1720 г. Петр считал полезным произвести вторую демонстрацию. Русский шхерный флот под прикрытием галер высадил в Вестерботнии, у г. Умеа, войска, которые сожгли город и вернулись вскоре обратно, в занятую русскими Финляндию. Но и это оказалось недостаточным, 17 мая 1721 г. русский флот показавшись у Гефле и начал затем высаживать отряды на берегу от Гефле до сожженной в предшествующем году Умеа. Опять в Балтийском море, как и в 1719 г., как и в 1720 г., крейсировал Норрис и опять никакой помощи шведам оказать не решился.

Изверившись в английской помощи, поняв, конечно, что британский кабинет шутит с ним плохую шутку и что подстрекает Швецию к совсем уже бессмысленному, ужасающему по своим последствиям, продолжению безнадежно проигранной на суше и на море войны, шведское правительство пошло на все требования Петра.

Но, еще раньше чем был подписан мир, Петр решил издать давно жданный флотом Морской устав.

Глава XV

В своем указе от 13 января 1720 г. по поводу издания Морского устава Петр написал: «Всякий potentat, который едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет. А который и флот имеет, обе руки имеет».

Когда же и было Петру окончательно удостовериться в истинности этого положения, как не в те решающие последние годы Северной войны, когда русский флот все чаще и чаще стал высаживать десанты на шведских берегах и не позволил британскому адмиралу, приходившему в Балтийское море с эскадрой, подать помощь погибающей Швеции? Когда же и было, как не в этот момент, особенно почувствовать колоссальное значение «второй руки», видя, что даже страшнейший удар, нанесенный под Полта-

вой «первой рукой», не лишил шведов возможности еще одиннадцать лет упорствовать и продолжать борьбу?

Поистине огромно было влияние русского Балтийского флота на исход Северной войны. Самый факт существования новых и уже значительных морских вооруженных сил круто менял традиционную картину русско-шведского спора. Но ведь этот флот не стоял на месте, он непрерывно вел боевые действия. Флот помог армии завоевать Финляндию, он победил шведов у Гангута и Эзеля, уничтожил много металлургических заводов на берегах Швеции, и можно было ждать, что он произведет громадную высадку около Стокгольма.

Англичан уже не удивляло, а раздражало и пугало новое поведение Петра, новый язык русской дипломатии при объяснениях с ними.

Когда адмирал Норрис в 1720 г. снова вошел в Балтийское море, Петр послал ему формальный вопрос (хотя Норрис еще находился только у датских берегов): зачем он появился, не затем ли, чтобы вредить русским интересам? И Норрис смиренно ответил, что у него нет никаких инструкций такого рода.

Читая документы, относящиеся к очень раздраженным перекорам между английским правительством и Петром в последние годы перед Ништадтским миром, исследователь просто не может подавить чувство удивления, хотя бы даже он, приступая к этим документам, отлично знал основную фактическую ткань этого периода. Нужно, в самом деле, вчитаться в тяжеловесную, многословную (типичную в этом отношении для начала и середины XVIII в.) корреспонденцию, которую вел с английской стороны Стэнгоп и подписывал Георг I, а с русской стороны вели Веселовский, Шафиров и другие, а вдохновлял и подписывал Петр, чтобы постигнуть всю невероятную перемену, которую пережила Россия за немногие годы и благодаря которой русский царь мог теперь диктовать свою волю Дании, Бранденбургу, Голландии, всем прибрежным державам Балтики и готовился принять капитуляцию Швеции.

Взросшие вес и значимость русского флота определились наличием не только многочисленных и сильных линейных кораблей, но и огромного количества разных гребных судов, которые готовы были по первому мановению Петра перебросить его грозные полки в Данию, в Швецию, в Кольберг.

Но Петр не бравировал. Напротив, он решил быть очень осторожным с англичанами, которые все-таки могли России навредить, пока мир со Швецией не был подписан.

В рукописном сборнике писем Петра к Апраксину мы находим письмо (от 31 марта 1720 г.), в котором говорится по поводу инструкции адмирала об осмотре иностранных судов, останавливаемых на море русским флотом: «...написано, что все корабли иностранные кроме галапских и французских осматривать, а об

аглинских неуномянуто и когда их будут осматривать, то более причин подадут переругнями к ссоре, чего министры их ищут, что весьма оставит надобно. Так кажется, что ныне лучше не брать кроме Швеции...» Царь знал, что англичане будут придираться, и он не хотел дать им никаких к тому поводов, а почему — это он объясняет Апраксину дальше: «дабы сие лето посмотреть, куды обратятца дела, понеже часем быть в Европе великим переменам»¹.

27 июля 1720 г. князь Голицын напал у о. Гренгам на шведскую эскадру. Шведы защищались очень храбро и настойчиво, но были разбиты. Русские захватили 4 фрегата и взяли в плен 407 человек. У шведов было убито 103 человека, у русских убито 82 человека и ранено 246 человек. Шведская артиллерия на этот раз действовала искусно и вывела из строя много русских галер, но все-таки лишь бегство спасло шведскую эскадру от полного уничтожения. Петра больше всего восхищало, что под Гренгамом русский флот доказал, что он может топить и брать в плен шведские суда, невзирая на присутствие в Балтийском море могущественной английской эскадры Норриса. А ведь Норрис пришел в 1720 г. с 18 линейными кораблями, 3 фрегатами и другими судами. Говоря о беспрепятственном разорении шведских берегов русским флотом и о Гренгамской победе, царь с пропией по адресу англичан писал Меншикову: «Правда не малая виктория может причесться, а наипаче, что при очах английских, которые равно шведов обороняли, как их земли, так и флот»².

«При очах английских»... Английским очам предстояло увидеть в 1721 г. еще более печальное зрелище: полное крушение всей их политики на Балтийском море, упорно проводившейся в течение последних лет Северной войны.

Глава XVI

В апреле 1721 г. в финляндском городе Ништадте возобновились мирные переговоры между Россией и Швецией. От имени шведского короля Фридриха, вступившего на престол в 1720 г., после отречения Ульрики-Элеоноры, в Ништадте действовали граф Иоганн Лилиенштед и Отто Рейнгольд Стремфельд, а от имени царя — граф Я. Брюс и А. Остерман. Но еще раньше, чем уполномоченные съехались в Ништадт, король шведский просил французского посла в Стокгольме Кампредона съездить в Петербург и позондировать почву: нельзя ли что-нибудь выторговать у царя? Поездка Кампредона не увенчалась успехом. Петр не уступал ни Выборга, ни Кексгольма, а также ничего решительно из своих эстонских и ливонских завоеваний (об Ингрии и Карелии Кампредон, конечно, и речи не заводил).

Когда в Ништадте открылись официальные переговоры, то сразу же сказались стремление Фридриха и его уполномоченных затянуть эти переговоры. Повторялись неоднократные попытки убе-

дить Остермана и Брюса, что следует заключить пока мир временный, предварительный, а уж потом с божией помощью и окончательный. Но Петр знал, что Фридрих надеется не столько на божью, сколько на английскую помощь, и остался непреклонным. Шведы упорствовали, и пришлось пустить в ход реальную угрозу, чтобы поколотить с проволочками. Петр решил произвести новое нападение на стокгольмские шхеры галерным флотом (171 галера и 4 бригаантины) под прикрытием линейных кораблей. Однако появление в конце апреля 1721 г. Норриса с эскадрой в составе 29 кораблей и последовавшее вскоре присоединение к Норрису шведского флота (11 кораблей, 3 фрегата и брандер) заставили все же Петра отказаться от прямого и непосредственного нападения на стокгольмские шхеры. Зато в другом месте (между городами Гефле и Питео) высадка войск под начальством генерал-лейтенанта Ласси была в середине мая 1721 г. произведена. Шведы были разбиты, а береговые селения разорены, 13 заводов («железных», из них один оружейный) сожжены дотла. Сожжено было также более 40 торговых судов, а кроме того, забрана некоторая военная добыча. Снова паника охватила страну.

В Англии очень и очень хорошо знали о громадном русском флоте, который находился весной 1721 г. у Котлина и в Ревеле и состоял из 27 линейных кораблей, 12 фрегатов и шняв, 3 бомбардирских кораблей, имевших в общей сложности 2128 орудий и 16 120 человек команд.

Дать по своей инициативе бой Норрису Петр не решался, предпочитая выжидать, но и Норрис тоже не решался вступить в сражение с русским флотом, и это окончательно определило судьбу Швеции, ускорив заключение тяжелого для нее мира.

30 августа 1721 г. мирный договор между Россией и Швецией был, наконец, подписан. По договору, шведский король уступал «за себя и своих потомков и наследников швейского престола и королевство Швейское его царскому величеству и его потомкам и наследникам Российского государства в совершенное непрекословное вечное владение и собственность в сей войне, чрез его царского величества оружие от короны швейской завосванные провинции: Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию и часть Карелии с дистриктом Выборгского лена, который ниже сего в артикуле разграничения означен и описан с городами и крепостями: Ригою, Дюнаминдом, Пернавою, Ревелем, Дерптом, Нарвою, Выборгом, Кексгольмом, и всеми прочими к помянутым провинциям подлежащими городами, крепостями, гаванями, местами, дистриктами, берегами с островами: Эзель, Даго и Меном и всеми другими от Курляндской границы по Лифляндским, Эстляндским и Ингерманландским берегам и на стороне оста от Ревеля в форватере к Выборгу на стороне зюйда и оста лежащими островами со всеми так на сих островах, как в вышеупомянутых провинциях, городах и местах обретающимися жителями и поселениями...»¹

К мирному договору был прибавлен «артикул сенаратный», по которому Россия соглашалась уплатить Швеции в четыре срока в течение ближайших двух лет 2 млн. ефимков, в «артикуле», конечно, не упоминалось, что на эту уступку шведскому самолюбию Петр пошел как бы в виде частичной уплаты за потери Шведией Лифляндии, Эстляндии, Ингерманландии и Выборгского округа, чтобы дело имело вид «добровольной» сделки.

Английский кабинет отдавал себе отчет в понесенном им тяжком дипломатическом поражении. Годами англичане делали все возможное, чтобы отсрочить заключение русско-шведского мира и воспрепятствовать окончательному закреплению России на берегах Балтики. Но теперь, в 1721 г., дальнейшая отсрочка могла лишь вконец погубить Швецию, и министр лорд Таупсенд принужден был 27 июля инструктировать адмирала Норриса: пусть «шведы скорее подчинятся каким угодно условиям, чем продолжать войну, которая может кончиться не чем иным, как полной гибелью шведского короля и королевства (the king and kingdom of Sweden's entire destruction)».

Таким образом, не только Швеция расписалась в Ништадте в своей конечной псудаче. Главнейший представитель крайне враждебной в те годы к России английской политики, король Георг I тоже «потерпел ужасное поражение» («suffered dire defeat»), как принужден с прискорбием признать относительно результатов Ништадтского мира для Великобритании новейший английский историк Чэпс, посвятивший политике Георга I в Северной войне большую специальную монографию².

В Петербурге, на Неве, на Котлине, в завоеванных городах Балтийского побережья пили празднества в ознаменование победы. «...Генерал-адмирал, все флагманы и министры просили государя, во знак всех понесенных его величеством в сей войне трудов, принять чин адмирала Красного флага, что государь с удовольствием и принял», — читаем в собранном в конце XVIII столетия сборнике преданий и рассказов о Петре I³. В счастливейшие дни своей жизни, когда был подписан победоносный мир со Шведией после двадцатилетней опасной и кровопролитной войны, Петр отметил принятием этого военно-морского чина ту огромную роль в победе России, которую сыграл созданный им флот.

Глава XVII

И после заключения Ништадтского мира в России продолжалось кораблестроение. Балтийский флот получал новые и новые пополнения. Корабли ходили в плавания, исправно проводилось обучение экипажей. Иностранцы, приглядывавшиеся к русскому флоту, удивлялись качествам русских кораблей. Флот, как пишет Берхгольц, ссмотривавший его 5 октября 1723 г., «состоял из двадцати с лишком линейных кораблей, которые все, за исключе-

нием двух или трех, никак не старше 8 и 9 лет. Офицеры уверяли, что они так превосходно сделаны, как нигде в свете, и что такого корабля, как «Екатерина» (на котором в нынешнем году летом плавал император), если рассматривать его со стороны устройства и красоты, даже нет ни в Англии, ни в других государствах»¹.

Еще в предпоследний год войны вышел знаменитый петровский морской регламент, по правилам которого в течение ряда поколений жил русский флот. На титульном его листе было написано: «Книга устав морской о всем что касается доброму управлению в бытность флота на море. Напечатанся повелением царского величества в Санкт-петербургской типографии, лета господня 1720, апреля в 13 день». Печатался он ровно четыре месяца.

Тексту регламента предшествует «Предисловие к доброхотному читателю» и указ от 13 января того же 1720 г. Указ очень характерен: «Учinia устав воинской сухопутной,— говорится в указе,— ныне с помощью божиею пристунаем к морскому, которое також прежде сего начинаемо было. А именно при блаженной и вечиодостойной памяти его величества государя отца нашего, для мореплавания на Каспийском море. Но тогда, чего ради тому не исполнится, и на нас сие бремя, воля вышего правителя возложить изволила. Оное оставляем непостижимым судьбам его. И понеже сие дело необходимо нужное есть государству (по оной присловице: что всякой потентат, которой едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет. В которой и флот имеет, обе руки имеет) того ради сей воинской морской устав учиняли, дабы всякой знал свою должность, и неведением никто не отговаривался. Которое выбрано из пяти морских регламентов, и к тому довольную часть прибавили что потребно. Еже все чрез собственный наш труд учинено и совершено в Санкт-Петербурге, 1720 году, генваря в 13 день».

Великолепный фолиант, напечатанный крупным шрифтом на плотной бумаге, представляет собой свод законоположений, регулирующих жизнь на корабле и на суше, поскольку деятельность служебных лиц на суше относится к морскому делу. Много внимания посвящено правилам, относящимся к поведению служащих на корабле людей во время боя. Устав грозит суровыми наказаниями ослушникам. Он очень точен и дает в ряде случаев самые детальные инструкции.

На Балтийском море постепенно водворилось спокойствие. Торговые сношения приходили в норму.

Завоевательных целей, направленных против Швеции, у Петра после Ништадтского мира не было. Это доказывается не только тем, что, имея полную возможность отодвинуть далеко к северу границы русских владений в Финляндии, Петр этого и не думал делать, но также тем, что большой и сильный русский флот, которого очень страшился шведский король и его приближенные, старательно избегал каких-либо поозлозновений на неприкосновенность бере-

гов и территориальных вод Швеции. Финский залив, правда, фактически находился в руках России, но залив Ботнический со своими Аландскими и другими островами, шхерами, водами считался владениями шведской короны, суверенные права которой Петр после 1721 г. старался особенно щепетильно соблюдать.

К началу октября 1723 г. были заложены обширнейшие укрепления, которые предназначались для того, чтобы сделать о. Котлини неприступным. Тогда же последовало и переименование крепости в Кронштадт. Вот что пишет Берхгольц, присутствовавший при церемонии 7 октября 1723 г.: «Новое укрепление, как говорят, будет состоять из многих бастионов, которые назначено протянуть во всю длину острова, от верхнего конца берега до нижнего, для защиты всего города и гавани со стороны Карелии; им же будет заключаться и большой новый канал, идущий из гавани внутрь острова и служащий для удобнейшего проведения больших кораблей, нуждающихся в починке, к докам, которые устроены с одной его стороны. Когда окончилась первоначальная закладка, сопровождавшаяся 21 пушечным выстрелом с форта Кронслота (Кроншлота — *Е. Т.*), не только новое укрепление, но и самый город получил название Кронштадта, тогда как прежде этот город назывался только или по имени форта Кронслота или по имени острова, на котором находится (Котлина — *Е. Т.*)»².

Блестящие победы России в Северной войне, наличие первоклассной армии и мощного флота начинали создавать вокруг России ореол непобедимости в глазах не только ее очень немногих друзей, но и многочисленных врагов. Сирил Уич (*Wich*), английский резидент в Гамбурге, доносил в мае 1721 г. о настроениях прибалтийских государств: «Люди до такой степени убеждены в великом могуществе царя, что его боятся повсюду»³.

Французский посол Кампредон, характеризуя положение России в последние полтора-два года жизни Петра, писал королю Людовику XV о царе: «Он выполнял обязанности барабанщика и плотника и постепенно, переходя из чина в чин, дошел до звания генерала и адмирала, соблюдая во всякой должности с самой крайней точностью повиновение и субординацию по отношению к высшим начальникам и дисциплине... Таким образом, с непостижимым трудом и терпением ему удалось образовать хороших сухопутных и морских офицеров, превосходных солдат, более чем стотысячную регулярную армию, флот из 60 кораблей, из которых 20 — линейные, причем ежегодно он увеличивает свой флот ста пятьюдесятью галерами. Уже видели, как с этими судами он пересекал Балтийское море и был способен в очень короткое время перевезти значительную армию во владения своих соседей. Я говорю: в очень короткое время, так как непостижимо, с какой быстротой тут исполняются подобные намерения»⁴.

Кампредон, как и другие иностранные наблюдатели, именно наличие большого военного флота придаст решающее значение в

укреплении громадного влияния России на дела Европы вообще и Северной Германии, Дании, Голландии в частности. Кампредон отмечал, что в Петре проявился «великолепный гений, подкрепляемый зрелыми размышлениями ясного проницательного рассудка, чудодейственной памятью и храбростью», и что в то же время «он одарен необычайной осторожностью» (*d'une prudence consommée*). Все эти качества сделали Петра «величайшим обладателем земель во всей Европе и самым могущественным государем Севера». Итак, «Россия, едва известная некогда по имени, теперь сделалась предметом внимания большинства держав Европы, которые ищут ее дружбы, или боясь ее враждебного отношения к их интересам или надеясь на выгоды от союза с ней»⁵.

У царя, по сведениям того же прекрасно информированного посла Кампредона, имеется в распоряжении минимально 115—118 тысяч регулярных войск, не считая казаков, киргизов, калмыков и т. д., а также могущественный военный флот. «При первой лишь демонстрации со стороны его (Петра — *E. T.*) флота, при первом движении его войск ни Швеция, ни Дания, ни Пруссия, ни Польша не посмеют пошевелиться (*branler*)», — пишет посол Кампредон в Париж 9 января 1724 г. и прибавляет, что хорошо бы расширить торговлю с Россией, потому что царь — «единственный монарх на Севере, который в состоянии заставить уважать свой флаг»⁶.

Когда в конце 1723 г. скончался регент Франции Филипп Орлеанский, то граф де Морвиль, временно управлявший ведомством иностранных дел, спешит уведомить посла в Петербурге, что смерть регента несколько не меняет намерения Франции вступить в тесный союз с царем (*former d'étroites liaisons avec le czar*). Из Франции приезжает для торговых переговоров Дешаррье, и переговоры завершаются успехом. Уезжая, Дешаррье увозит с собой посылаемых Петром во Францию двух молодых кораблестроителей для усовершенствования в корабельном деле. Этот Дешаррье изучал некоторые производства в России и пришел к заключению, что, например, «и пушечный и ружейный порох в России гораздо лучшего качества, чем французский». Мало того, так как во Франции признано было необходимым спешно увеличить королевский военный флот, то, по совету Кампредона, французское правительство хотело купить у России линейный 92-пушечный корабль, но цена (92 тысячи рублей, или 713 тысяч ливров) показалась слишком высокой⁷. Самая мысль, что Франция, старая морская держава, желает покупать линейные корабли у России, могла бы еще, например, в 1715 г. показаться фантастической.

Повелитель большого флота и большой армии, Петр I мог могущественно влиять на все прибалтийские государства, даже не прибегая к явным дипломатическим угрозам.

Поглядим, что делалось в Северной Европе, например, в июне и июле 1723 г. Шведский король в тревоге («его положение печаль-

но»), датский король трепещет и обращается к Англии с просьбами о защите. В Мекленбурге теряют голову, не знают, как побудить «Священную Римскую империю» вступить в случае нужды. Данигские купцы тоже боятся русской высадки. Из-за чего же происходит переполох? Правда, сильно говорят о желании царя обеспечить за голштинским герцогом шведское престолонаследие. Но в общем никто в точности не знает намерений России, и именно поэтому все прибалтийские государства и волнуются. Объяснение чрезвычайно просто: в Петербурге, у Котлина и в Ревеле стоит в полном снаряжении не менее 22 линейных кораблей, 8 фрегатов, немало брандеров и бомбардирских кораблей и 70 галер. А на берегу готовы около 17 тысяч солдат, «не считая тех, которые обыкновенно уже находятся на судах»⁸, — сообщает своему королю французский посол в Петербурге Кампредон в июне 1723 г. И это происходит в такой момент, когда еще не окончена большая, далекая, нелегкая война с Персией и когда Турция, обеспокоенная русскими успехами на Каспийском море, собирается грозить всерьез своим наступлением.

Следя беспокойным взором за движениями Балтийского флота, иностранные дипломаты принуждены были убедиться, что в России создан флот и на далеком Каспийском море, и он не только возник там внезапно, «из ничего», но даже умудряется брать города.

Вот приходит весть о взятии города Баку — «лучшего порта на всем побережье между Шемахой и Гиляном». Царь в большой радости показывает послам планы города, рассказывает о бомбардировании его, и французский посол доносит королю о значении этого завоевания, о громадном обилии драгоценной нефти (*le bitume, qu'on appelle oleum petrae*) и о самом диковинном деле: «Что наиболее замечательно в этом завоевании, — это то обстоятельство, что флот, совершивший это предприятие, был выстроен в нынешнем же (1723 — *E. T.*) году»⁹.

Глава XVIII

В 1723 г. Петр решил доставить в Петербург «дедушку русского флота» — ботик, на котором он в молодости катался на реке Яузе, и приказал устроить ему торжественную встречу. По этому случаю ботик был заранее исправлен и привезен из Москвы в Шлиссельбург. 30 мая Петр лично привел ботик в Петербург. Здесь его торжественно встречали суда неевского флота и все «знатные особы». Вот что доносили французскому королю Кампредон, лично наблюдавший эти торжества.

«Государь, давая вашему величеству отчет о разных учреждениях, созданных царем для поддержки и увеличения своего могущества, я имел честь заметить, что по своим склонностям наибольшее внимание и заботы (*ses soins les plus attentifs*) он отдавал своему флоту. Ничто не доказывает лучше эту истину, чем то, что

этот государь только что сделал, чтобы почтить память предмета, послужившего начальным поводом к созданию флота. Восемьдесят лет тому назад дед его царского величества выписал из Англии через Архангельск в Москву маленькое судно или, лучше сказать, модель военного судна размерами очень малой шлюпки, которую он назвал «Св. Николай», довольно грубой постройки, согласно обычаям того времени. Можно предполагать, что намерение царя Михаила Федоровича заключалось в том, чтобы выстроить несколько судов по этой модели. Но исполнение этого было предназначено ныне царствующему монарху, который в своей юности, прослышав о судне «Св. Николай», сохранившемся в арсенале, пожелал его видеть. Найдя его почти вовсе изъеденного червями, он велел обить его снаружи медью. Как только он получил свободу действовать по своей воле, он велел выстроить большое судно на Переяславском озере, куда он отправлялся кататься всякий раз, когда имел для этого досуг. Это и было началом проявления охоты государя к флоту. Он уже довел свой флот до большого совершенства и, чтобы почтить память «Св. Николая», велел доставить его из Москвы и поместить в Кропшоте (sic! — *Е. Т.*), как зачатателя флота. Как только царь узнал о прибытии этого судна в Шлиссельбург, куда попадают водою из Ладожского озера и который отстоит на четыре лье от Петербурга, он отправился туда с десятью галерами. Он приказал флотилии буеров и барж ждать его у Невского монастыря, куда он хотел прибыть 9 числа (июня нов. ст. 1723 г. — *Е. Т.*), накануне своего дня рождения... Меня предупредили, что я доставлю царю удовольствие, если поздравлю его с этим праздником, и я отправился в монастырь к его прибытию. Флотилия из ста буеров, яхт... была выстроена в боевой порядок на реке. На них были флаги всех должностных лиц флота, а на возвышении над портом установили одиннадцать чугунных пушек. Как только появился царь со своими десятью галерами и несколькими яхтами, передняя яхта приветствовала адмиральский флаг семью выстрелами, другие сделали то же самое, за исключением той, которая вела на буксире «Св. Николая» под императорским штандартом. Эта яхта ответила салютом после того, как все другие ей салютовали, а артиллерия из монастыря салютовала, когда царь велел становиться на якорь. Министры и другие придворные вельможки, следовавшие за государем, пошли в монастырь, пока царь переодевался. Узнав о времени, когда царь сойдет со своей яхты, я имел честь его приветствовать и поздравить его с великой и прекрасной семьей, которую породил маленький «Св. Николай». Я заметил, что этот комплимент очень понравился царю. Он взял меня за руку, показал мне лично особенности конструкции этого судна и рассказал мне некоторые подробности, которые я имел честь изложить выше.

Празднества продолжались и на другой день, когда флотилия стала на реке, напротив сената. Гремели залпы артиллерии из кре-

пости, не прерывались и ружейные салюты 2500 чел. солдат на берегу. Кошчились торжества колоссальным пиршеством и во дворе, и на реке, и на улицах «Петербурга-городка»¹.

7 августа ботик был доставлен к Котлину, а 11 августа там были по этому случаю устроены торжества. Как доносил Кампиредон королю, «царь повелел торжественно доставить указанное судно (ботик — *Е. Т.*) из Петербурга в Кроншлот в сопровождении 120 яхт, или бусров, на которых находились его министры и служащие как гражданские, так и военные. «Св. Николай» вступил в Кроншлот при громе салютов в три тысячи пушечных выстрелов. Его спустили на воду и обвели вокруг всего флота, причем царь правил рулем, генерал-адмирал Апраксин и адмирал Крюйс гребли, а кн. Меншиков, занимающий пост адмирала синего флага, исполнял должность генерал-адмирала при салютовании. Торжество закончилось большим пиром в палатке, на берегу моря»².

К этому описанию торжеств в честь ботика следует добавить еще показания Нартова:

«...Когда по возвращении в гавань произведен был залп, то государь, выходя из ботика к встречающей его императрице и ко всем министрам и флотским адмиралам, сказал: «Смотрите, как дедушку (так называл он ботик) впучаты веселят и поздравляют! От него при помощи божеской флот на юге и севере, страх неприятелям, польза и оборона государству!» Во время стола, когда шили здоровье ботика, то Петр Великий говорил: «Здравствуй, дедушка! Потомки твои по рекам и морям плавают и чудеса творят; время покажет, явятся ли они и пред Стамбулом»³.

Глава XIX

В те три с половиной года, которые еще оставалось жить Петру после Ништадтского мира, несмотря на ежедневную административную и дипломатическую работу, очень возросшую в пропорции с увеличившимися размерами государства и грандиозно усилившимся удельным его весом в мировой политике, мысль царя все настойчивее продолжала работать в одном определенном направлении. Не новым, а очень старым было это направление петровской мысли. Это была идея широкого развития экономических связей России и на Западе и на Востоке, потому что без создания и укрепления новой широкой экономической базы Русское государство никак не могло превратиться в великую европейскую державу.

На Западе выход в море был найден. Прямая экономическая связь с Европой была создана, и мысль Петра обращается к Востоку. Персия, обширный восточный торговый караван-сарай, прямой при этом путь к волшебным богатствам Индии, приковывает к себе прежде всего внимание царя. Об Индии он думал, со-

ставляя в свое время инструкцию Бекевич-Черкасскому; об Индии шла речь и тогда, когда Петр хотел было отправить в 1723 г. вице-адмирала Вильстера к о. Мадагаскару. Об открытии северного пути в Индию делалась мечта и тогда, когда за 35 дней до смерти Петр подписал повеление об отравлении капитана первого ранга Витуса Беринга на край Азии.

Снаряжая в 1716 г. разведывательную экспедицию князя Черкасского в Хиву, Петр написал на его имя указ. В указе этом мы находим любопытный пункт (7-й), относящийся к купцу («купчине»), которого царь повелевает (не называя его и представляя выбор начальнику экспедиции) взять с собой. «Также просить у него (хана хивинского — *Е. Т.*) судов, и на них отпустить купчину по Амударье реке в Индию, наказав, чтобы изъехал ее, пока суда могут идти, и оттоль бы ехал в Индию, примечая реки и озера и описывая водяной и сухой путь, а особливо водяной к Индии тою или другими реками, и возвратиться из Индии тем же путем, или ежели услышит в Индии еще лучший путь к Каспийскому морю, то оным возвратиться и описать»¹. Не довольствуясь этим Петр приказал отрядить из этой же экспедиции в Индию морского офицера поручика Кожина, который под видом торгового человека («под образом купчины») должен был «разведать о пряных зельях и о других товарах» и для того «прислать ему Кожину двух человек добрых людей из купчества, и чтоб опые были не стары»².

Конечно, это не были лживо приписываемые впоследствии (вплоть до наших дней) Петру английскими, французскими и немецкими памфлетистами проекты «завоевания» Индии. Петр хотел только, чтобы Россия поскорее нагнала упущенное, чтобы ей тоже довелось принять участие в торговле с великим Индостаном, которая уже с XVI в. обогащала Португалию и Испанию, с XVII в. — Португалию, Голландию и Англию, а со второй половины XVII столетия — еще и Францию. Речь шла о торговле, а не о покорении далекой колоссальной страны с ее пестрым и огромным населением.

Но что касается Персии, то речь шла отнюдь не только о посылке туда разведывательной экспедиции, которая могла бы помочь ориентироваться в дальнейших шагах к установлению прямых сношений с Индией. Персия сама по себе, а не только как возможная транзитная территория, была необычайно важна для русской торговли. Имело значение и то обстоятельство, что Персии грозило постоянно турецкое нашествие, а допустить завоевание ее турками Петр ни в коем случае не хотел, потому что это создало бы прямую опасность уже и для всего Астраханского края, последний же и так не был достаточно обеспечен при близком соседстве восточных кавказских племен, вассалов Персии.

Нечего удивляться, что если мечты о русской торговле заносили Петра к Чукотскому носу и, как увидим дальше, даже на

Мадагаскар (о нем почти ничего у нас тогда не знали), то гораздо более сильно овладела им в эти годы мысль о Каспийском море и о Персии, которые сами по себе могли представить большой экономический интерес для России и через которые гораздо короче путь до Индии, чем если идти туда морем из Петербурга.

Идея Персидского похода 1722—1723 гг. была с самого начала вполне ясна соратникам и соратникам Петра. Достигнув с блестящим успехом своей цели на Балтике, Петр устремил взгляд на Каспийское море. Экономические интересы России были безусловно могучим стимулом и при Азовских походах, и при ведении труднейшей борьбы за побережье Балтийского моря, и при попытках понутило утвердить свое влияние в Мекленбурге. Теперь, после Ништадтского мира, царя с особенной силой охватило стремление установить и укрепить русские торговые связи даже с самыми отдаленными странами земли.

Уже в феврале 1722 г., т. е. через пять с небольшим месяцев после подписания Ништадтского мира, начались приготовления к походу в Персию. Войскам, предварительно сосредоточенным в поволжских городах (в Волочке, Твери, Угличе и Ярославле), приказано было построить 200 островских лодок и 45 ластовых судов. К концу мая все суда были построены и собраны в Нижнем-Новгороде. К этому времени в Нижний-Новгород прибыли и войска (в том числе два гвардейских полка), предназначенные для Персидского похода. Со 2 июня начали выступать из Нижнего-Новгорода в Астрахань суда с войсками (каждая островская лодка приняла до 40 человек). В первой половине июля все суда и войска прибыли в Астрахань.

Большое восстание на восточных границах Персии крайне затрудняло для шаха сколько-нибудь серьезную организацию обороны. Имея сведения об этом, Петр, собственно, и решился объявить поход. Восстание давало ему разом две выгоды: во-первых, оно парализовало часть сил шаха, а во-вторых, облегчало царю возможность мотивировать свое предприятие желанием помочь «дружественному» тегераскому властителю в его борьбе против мятежных подданных.

Еще из Астрахани 6 июня 1722 г. Петр обратился к персам и татарам с воззванием (на персидском и татарском языках). Царь возвещал, что идет помогать «нашему верному приятелю и соседу», «зпатнейшему шаху персидскому» против бунтовщиков, которые «и наших российских людей, по силе трактатов и старому обыкновению для торгов туда приехавших, безвинно и немилосердно порубили, и их пожитки и товары на четыре миллиона рублей похитили, и таким образом противу трактатов и всеобщего покоя нашему государству вред причинили»³.

В этом воззвании царь торжественно обещал населению всяческую охрану от грабежей и насилий со стороны русских войск. Крайне важно отметить, что обещание Петра не осталось пустым

звуком, и легкость завоевания всей прибрежной полосы, с Дербентом включительно, отчасти объясняется дисциплинированным поведением русских войск. Это явилось очень благоприятным фактом и в дальнейшем, т. е. в 1723 г.

15 июля суда с войсками начали выходить из Астрахани. Главным начальником похода был назначен генерал-адмирал Апраксин, 27 июля флотилия вошла в Аграханский залив. Здесь войска были высажены на берег. 5 августа войска двинулись к Дербенту, а уже 23 августа власти Дербента поднесли Петру серебряные ключи от города. Вся область Ширван была покорена, покорился и властитель Тарху шамхал и другие вассалы Персии.

Дальше уже можно было начать готовиться к походу на Баку. Было ясно, что и впредь большого сопротивления встретить не придется. Но губительная жара, болезни косили русские войска; с питанием тоже было плохо; все надежды возлагались на небольшую флотилию, подвозившую провиант.

И тут-то Петра ждал большой удар: буря уничтожила 12 транспортов, привозивших из Астрахани в Дербент хлеб, а 17 других судов (тоже груженных провиантом, которым должны были быть обеспечены войска на походе от Дербента к Баку) были уничтожены около о. Чечня во время шторма.

Петр увидел, что поход на Баку из-за отсутствия продовольствия невозможен. Пришлось возвратиться в Астрахань.

Судя по всему, поход русских сухопутных и морских сил произвел неизгладимое впечатление на население прикаспийских владений Персии. Характерно, что в народных преданиях, записанных впоследствии на местных языках (татарском, армянском) и частично переведенных впоследствии на русский язык, Петр всегда рисуется не как грозный завоеватель, а как милостивый покровитель. Для примера приведу выдержку из одного рукописного (на русском языке) позднейшего переводного сборника, где вперемешку собраны исторические известия об армянском народе и предания, которым, однако, неведомый автор сборника придает значение исторического документа. Цитируемое место снабжено датой (1138 г.), вовсе не соответствующей, по обычному магометанскому исчислению эры, тому году, когда происходил поход Петра. Но в документах как армянских, так и персидских, происходящих из персидских владений, эра высчитывалась не так, как в других магометанских государствах, а на основании особых календарных правил и условностей. Вот эта запись:

«В 1138 году Геджры повелитель России и Казани, Петр I, да успокоит бог душу его, с победоносным войском, переправясь через Терек и Койсу, вступил во владение Дербента. Жители оного вышли навстречу сего могущественного царя с ключами города и были осчастливлены ласковым словом его.

Когда он подъезжал к Кирхлярским воротам, случилось землетрясение; природа, как заметил сам государь, хотела сделать

ему торжественный прием, поколебав стены перед его могуществом. Во время пребывания его в Дербенте некоторые офицеры его войска принесли ему жалобу, что жители не продают им хлеба; добродушный царь, желая лично удостовериться в справедливости их жалобы, взял с собою переводчика и двух солдат и отправился в первую попавшуюся улицу, Мемень Куче, вошел в один двор и застал хозяйку, раскладывавшую только что испеченные чуреки.

Государь попросил ее продать им 4 чурека, предлагая за них цену, какую она сама назначит, но хозяйка отвечала, что без позволения мужа она не может продать им хлеба, потому что годичный запас их оказывается недостаточным для продовольствия собственного их семейства; сказав это, она разломилла один чурек на 4 части и подала по куску каждому из них, решительно отказавшись от платы, которую ей предлагали. Император, довольный добротой этой женщины, наградил мужа ее и повелел каждому бедному семейству выдать по 2 четверти муки и по 20 аршин холста, что и было немедленно исполнено. Развалившиеся места стены Дербента были возобновлены по его же приказанию. Наконец, назначив правителем города Имам Кули Бека Курпи и оставив часть своих войск в Нарын-Дж-Кале, Петр I возвратился в Россию»⁴.

В 1723 г. поход был повторен. Основной целью похода было занятие Баку и, тем самым, прочное обеспечение завоевания прибрежной полосы, начатое взятием Дербента.

В Астрахани указом Петра от 4 ноября 1722 г. был основан военный порт и начата постройка большой верфи. Сюда выписывались мастера, свозился лес. Зима не прошла даром: войдя в дружеские сношения с просившими помощи против восстания властями провинции Гилянъ, Петр в ноябре 1722 г. отправил флотилию и войска к главному городу гилянской провинции Решту. Начальствовал экспедицией капитан-лейтенант Соймонов, любимец Петра. Двумя батальонами, посаженными на суда, командовал полковник Шипов. Отправляя этот малый отряд в Решт, Петр и произнес свои знаменитые слова в ответ Шипову, который утверждал, что двух батальонов ему мало: «Донской казак Разин с пятьюстами казаков персов не боялся, а у тебя два батальона регулярного войска!» После трудного плавания при зимних штормах Соймонов пришел в Энзелийский залив и стал на якорь недалеко от Решта. Сначала казалось, что до сражений дело не дойдет, потому что ведь сам шах Гуссейн и его власти в Реште просили Петра о помощи и впустили Шипова с его батальонами. Но как раз в это время Гуссейн был низвергнут с престола, а новые власти не только не подумали заключить мир, но и грозили запереть русскую эскадру и сжечь ее.

Соймонов, оставив часть эскадры с артиллерией, чтобы поддерживать пехоту Шипова, в марте 1723 г. отправился, по приказу царя, выбирать на реке Куре место для будущего города, из которо-

го Петр мечтал со временем создать торговый центр Восточного Закавказья. Персы пытались напасть на отряд Шипова, стоявший в Реште, и истребить его, но их попытки кончались всякий раз полным поражением.

Между тем посевала и новая каспийская флотилия, строящаяся в Астрахани, Казани и Нижнем-Новгороде. К лету 1723 г. у Петра на Каспийском море было уже 73 судна, конечно, наскоро и не очень хорошо выстроенных, но выполнявших с полнейшим успехом то дело, для которого они с такой лихорадочной поспешностью создавались. Они перевезли под Баку десант, производили артиллерийский обстрел Баку и снабжали регулярно боезапасом и провиантом войска, которые и вынудили Баку к сдаче.

4 июля 1723 г. русские корабли пришли на бакинский рейд, а спустя две с половиной недели начали высадку десанта. Затем, ввиду отказа впустить русские войска в город, суда стали на шпринг и начали бомбардировку одновременно с сухопутной артиллерией. С 21 по 25 июля персы либо отвечали огнем, который никакого вреда русским судам и войскам не причинил, либо пробовали производить вылазки, неизменно отбивавшиеся.

Генерал-майор Михаил Афанасьевич Матюшкин, которому Петр вверил главное командование экспедицией, послал сказать властям в Баку, что если дело дойдет до штурма, то он сожжет Баку и никто из жителей не спасется.

26 июля 1723 г. городские власти изъявили покорность и сдали Баку. Вслед за тем был подписан и мир с Персией. Победа была полная.

Итак, в Персидском походе 1722—1723 гг. русский военно-морской флот производил высадку десантов, принимал активное боевое участие в захвате Дербента, Решты и Баку, снабжал сухопутные войска подкреплениями, боезапасом и продовольствием, вел разведку.

Таково было последнее боевое участие морских вооруженных сил в русских достижениях за годы царствования Петра.

В персидском предприятии Петра было дерзание, была инициатива, была готовность к риску, свойственные смелым пионерам с широким горизонтом, пролагающим новые, трудные пути. Даже и сравнивать нельзя трудную дипломатическую обстановку, при которой царь пошел на Дербент и Баку, с дипломатической обстановкой, которой воспользовалась и наступление которой отчасти своими действиями ускорила Екатерина II, когда она решилась повторить попытку Петра.

Еще очень сильная Турция, только недавно одержавшая победу над Петром I при Пруте, затем Франция, очень активно поддерживавшая Турцию во всем, что касалось борьбы Порты против России, наконец, Англия первого короля ганноверской династии, враждебная Франции во всем, кроме тех случаев, когда нужно было выступать против России в защиту Турции,— вот с какими

могучими силами должен был считаться Петр I в 1722—1723 гг. И хотя царю пришлось отказаться в пользу Турции от таких городов и территорий, как Грузия, Армения, Ганджа, Шемаха, Нахичевань, но Дербент, Баку, Ленкорань и прилегающая к ним часть побережья остались за Россией.

Глава XX

Персидский поход только отерочил на некоторое время, но несколько не уничтожил план Петра, касавшийся разведок северного пути в Америку и сношений с Японией, или, короче говоря, — экспедиций к берегам Америки и Японии. Здесь царь продолжал русскую традицию, уже имевшую за собой давность.

Русские отважные «землепроходцы» XVII в., вроде Дежнева или хотя бы Хабарова и Ивана Нагибы, ходивших до устья Амура, уже добирались до берегов Тихого океана. Снаряжая Беринга, Петр продолжал эту старую русско-сибирскую традицию разведок на крайнем Северо-Востоке, и уже много русскими было сделано еще до Беринга.

Мы здесь ограничимся лишь кратким перечнем русских открытий на Тихом океане в петровский период. В 1697—1699 гг. В. Атласов первый побывал на Камчатке. Он уже узнал и о Курильских островах и доставил в Москву в 1701 г. японца Денбея, взятого им на Камчатке с разбитого японского судна. Денбей дал некоторые сведения о Японии¹. В 1702 г. якутский служилый человек Михайло Наседкин сообщил первые сведения об островах, которые впоследствии были названы Командорскими². В 1711 г. служилый человек Петр Попов и промышленник Егор Толбин ходили к «Анадырскому носу» и узнали, что между Азией и Америкой существует пролив, что в этом проливе есть острова и что русские раньше проходили этот пролив на судах³. В 1711 и 1713 гг. Иван Козыревский дважды ходил «в малых судах» на Курильские острова... «и подал де всему, за своею рукою, и тем островам чертеж, даже и до Матманского острова»⁴. В 1713 г. казаки Семен Анабара, Иван Быков и другие открыли Шантарские острова⁵. В 1716 г. был открыт морской путь из Охотска на Камчатку.

В 1719 г. Петр предписал поручику Ивану Евреинову и геодезисту Федору Лужину выяснить, граничит ли Азия с Америкой. В инструкции Петра от 2 января 1719 г., данной Евреинову и Лужину, было сказано: «Ехать вам до Тобольска, и от Тобольска, взяв провожатых, ехать до Камчатки и далее куда вам указано, и описать тамошние места: сошлася ль Америка с Азиею, что надлежит zelo тщательно сделать, не только зюйд и норд, но и ост и вест, и все на карте исправно поставить»⁶.

Евреинов и Лужин отправились морем из Охотска на Камчатку и здесь зазимовали. Весной они вышли на судне в море и, следуя Курильской грядой, дошли до пятого или шестого острова.

Во время бури судно лишилось всех якорей, что вынудило Евреинова и Лужина вернуться к берегам Камчатки, а затем в Охотск.

Евреинов и Лужин возложенную на них задачу не решили, о чем Евреинов и доложил Петру, явившись к нему в весьма хлопотливый момент — в 1722 г., когда Петр был поглощен своими персидскими делами.

Окончив персидские дела, Петр, за три недели до смерти, призывает капитана первого ранга Витуса Беринга, на которого он возложил решение так давно интересовавшей его проблемы. Это был его личный выбор, и удачнее выбор этот нельзя было сделать, что ярко подтвердилось, когда Петр уже давно лежал в могиле.

6 января 1725 г. Петр подписал следующую инструкцию Берингу:

«1. Надлежит в Камчатке, или в другом том месте, сделать один или два бота с палубами.

2. На оных ботах, возле земли, которая идет на порд, и по чаянию (понеже оной конца не знают), кажется, что та земля часть Америки.

3. И для того искать где она сошлась с Америкою и чтобы доехать до какого города европейских владений, или ежели увидит какой корабль европейский, проведать от него как оной юст (берег) называют и взять на письме, и самым побывать на берегу, и взять подлинную ведомость, и поставя на карту, приезжать сюды»⁷.

24 января 1725 г. экспедиция Беринга двинулась из Петербурга. Но уже 8 февраля 1725 г., доехав только до Вологды, Беринг узнал, что Петр скончался. История знаменитой экспедиции выходит уже из хронологических рамок моей работы⁸.

Петр после Персидского похода ничуть не переставал интересоваться и вопросом о прямых морских торговых сношениях своей империи с Индией. Напротив, ведь именно Персидский поход и показал, что преодолеть «сухопутный океан», отделяющий Баку от Индии, очень трудно, а значит, нужно начать поиски по морю. Дело дошло до того, что в конце 1723 г., прослышав о Мадагаскаре и о том, будто властелин мадагаскарский заводит какие-то сношения с некоторыми европейскими державами, царь немедленно приказывает снарядить для похода к Мадагаскару 2 фрегата и укомплектовать их экипаж «лучшими людьми». А сам садится и пишет 9 ноября 1723 г.: «Высокопочтенному королю и владельцу славного острова Мадагаскарского наше поздравление» и просит его благосклонно принять посылаемого «для некоторых дел» вице-адмирала Вильстера «с некоторыми офицерами». «Некоторые дела» заключались в том, чтобы этого предполагаемого короля и владельца побудить завести торговлю с Россией. Никакого «короля» на Мадагаскаре не было, а были флибустьеры, морские разбойники, грабившие западное побережье Мадагаскара, от которых

население (мадагаскарские племена) спасалось внутрь острова. Там княжили мелкие туземные князьки. И «сношения» (с Англией, со Швецией и с Францией) пробовали заводить именно пираты (флибустьеры), в частности, посаженный в конце концов в английскую тюрьму авантюрист и пират Морган, а вовсе не «король и владетель», которого и на свете не было.

Возглавившему экспедицию на Мадагаскар вице-адмиралу Вильстеру Петр дал следующую инструкцию, из которой мы приведем наиболее характерные пункты, указывающие, насколько секретно должно было вестись все дело:

«1) Ехать тебе сюда до Рогорвика и тамо на один из фрегатов «Амстердам Галес» или «Декронде-Ливде» и идти с обоими в назначенный вам вояж.

2) Будучи в вояже, от всех церемоний (как в здешнем море, так и в большем) удаляться под видом торговых кораблей, и лучше вымпела не иметь; а ежели где необходимая нужда того требует, а именно, яко например в Зунде и при прочих тому подобных местах, то проходить под флагом воинским и вымпелом капитанским и именем своего капитана, а своего по рангу вашего флага, во оном будучи вояже, как туда, так и над возвращающемуся отнюдь не употреблять; а когда в показанное место прибудете, то свой вам флаг иметь позволяется.

3) Прошед Зунд, править свой курс кругом Шкоции (Шотландии — *Е. Т.*) и Ирландии, а каналом отнюдь не ходить, дабы не дать никому подозрения.

4) Будучи в вояже, никуда в гавани не входить, разве, что паче чаяния, какое несчастье постигнет, от чего боже сохрани, то войти (но и тщиться сколько возможно в таком случае свободных гаваней входить) и, исправя нужнее, паки в вояж вступать немедленно.

5) Когда в назначенное вам место с помощью божиею прибудете, имея свой флаг, объявить о себе владеющему королю, что вы имеете от нас к нему комиссию посольства, и верную нашу грамоту при сем приложенную ему подайте.

6) А потом всяким образом тщитесь, чтоб оного короля склонить к езде в Россию.

7) Когда пройдете Зунд, тогда вам сию инструкцию объявить капитану Мясному (командиру фрегата «Амстердам Галей» — *Е. Т.*) и капитан-поручику Киселеву (помощник вице-адмирала Вильстера — *Е. Т.*); а как до показанного вам места дойдете, то комиссию свою исполнить и трактат заключить купно с вышеупомянутыми Мясным и Киселевым».

На экспедицию царь ассигновал «три тысячи червонных золотых для всяких приключającychся нужд, без чего обойтись будет невозможно». Кроме того, Вильстеру давалось провианта на восемь месяцев, «ибо более того уместить не можно», пива — на два месяца, «а на прочие месяцы мукою и солодом на квас».

Петр надеялся, что мадагаскарский «король» соблазнится предлагаемым ему «воинством», и особым пунктом инструкции указывалось Вильстеру, как поступить, если сам «король» поедет в Россию, и как — если поедут «только посланные от него»⁹. Кончалась инструкция выражением царского доверия Вильстеру, «как честному и высокоповеренному флагману, и чтоб сие всего содержано было в вашем добром секрете»¹⁰. Инструкция была подписана Петром в Петербурге 5 декабря 1723 г.

Экспедиция не удалась. Фрегаты в последние дни декабря вышли из Ревеля, пошли в Рогервик (Балтийский порт), приняли там на борт вице-адмирала Вильстера, но затем, по выходе в море, были повреждены штормом и вернулись 31 декабря 1723 г. в Ревель для исправления. Повреждения оказались настолько серьезными, что уж 10 января 1724 г. Вильстер просил царя дать ему вместо них корабль «Принц Евгений» и фрегат «Крюйсер». Царь согласился дать новые корабли. Неизвестно, выходил ли Вильстер вторично в море. Никаких данных для ответа на этот вопрос нет. Во всяком случае если и выходил (что очень мало вероятно), то ясно, что и этот выход был совершенно неудачен.

Окончательно Петр отказался от намерения посылать экспедицию на Мадагаскар тогда же, в конце зимы 1724 г. Нам повезло найти в неисчерпаемой сокровищнице Центрального Государственного Архива Военно-Морского Флота один документ, не только не изданный, но никогда и не упоминавшийся в исторической литературе. Документ этот бросает свет на причину внезапного отказа царя от предприятия, для которого он только что согласился выделить новые суда. Петр не любил отказываться от раз им решенного дела только из-за временной случайной неудачи в начале предприятия. Но документ, который мы имеем в виду, может объяснить решение царя вполне удовлетворительно.

В документе идет речь об Ульрихе, стоявшем в свое время во главе шведской экспедиции, отправленной на Мадагаскар.

3 февраля 1724 г. в Ревель прибыл из Швеции генерал-адъютант и командор Ульрих, который рассказал, что он «года два тому назад был назначен командором над пятью шведскими кораблями», которые он и повел в экспедицию на Мадагаскар. При этом из довольно путаного допесения, посланного из Ревеля в Петербург Апраксину, явствует, что в этой шведской экспедиции принимали участие некий «человек, именуемый Морганом, который назывался губернатором» (Мадагаскара), и еще другой человек — Ситлер, который именовался капитаном. Ясно, что это были делегаты от флибустьеров, прибывшие в Швецию искать покровительства, которого они не нашли в те годы в Англии. В Ревеле заинтересовались этим делом, зная, что царь носит с мыслью о русской экспедиции на Мадагаскар. Но шведский генерал-адъютант Ульрих проявил большую конспиративность, заявив, что «только частной персоне» ничего сказать о Мадагаскаре не желает, а

ежели бы он мог в Санкт-Петербурге его императорскому величеству низжайше свой поклон принести, то он обо всем императору Петру мог донести и «хотел объявить письменно, в каком намерении оная экспедиция была отправлена и какой причины ради она в действие не произведена». Этот шведский генерал-адъютант и командор (так его рекомендует его родственник из Ревеля) — «эстляндской породы», а посему «он его величеству не противник»¹¹.

По-видимому, рассказ Ульриха о его неудаче и был одной из причин (если не главной), склонивших Петра отказаться от отправки экспедиции на Мадагаскар.

В том же объемистом томе Центрального Государственного Архива Военно-Морского Флота, куда влетены совсем темные бумаги, относящиеся к несостоявшейся мадагаскарской экспедиции, мы находим документальные доказательства, свидетельствующие, что Петр в 1723 г. уже начал собирать справки о китоловном промысле у берегов далекой Гренландии¹².

Глава XXI

От тропиков до стран вечного льда летала не знавшая покоя мысль Петра, от северного предполярья до известных тогда пределов южных широт устремлялся его взор, выискивая, куда направить созданные судна на поиски новых материальных благ для русской торговли. Петр торопился, бросался от одного проекта к другому. Жестоко одолевала его болезнь, которую все труднее становилось игнорировать. Он не сдавался, нитяная работа продолжалась своим чередом.

Смерти Петр не боялся, во всяком случае ни делом, ни словом ни разу не обнаружил страха перед ней. Когда адмирал Крюйс в 1713 г. посоветовал Петру не идти в опасный поход от Котлина в Ревель ввиду возможного паличия в Финском заливе превосходящего по силе шведского флота и представил ему (в письменном виде) ряд примеров гибели людей на море, то Петр раздраженно ответил Крюйсу (тоже письменно), приводя примеры того, как люди и без всякого участия в морском бою легко погибают. Крюйс ему пишет, что там-то взорвался и потонул корабль со всеми людьми, а Петр отвечает: «Ивана Ивановича Бутурлина палаты задавили». Крюйс указывает, что шведский корабль «Три короны» порохом подорвало. А Петр на это отвечает: «Околыпичей Засекин свиным ухом подавился». Крюйс приводит изречение адмирала Тромпа, который говорил: «Щастие и нещастие в баталии многожды состоит в одной пулке», — Петр отвечает: «Боятца пулки — не итти в солдаты; или кому деньги дороже чести, тот оставь службу»¹. Так полемизировал царь, отстаивая любимую свою стихию от преувеличенных и несправедливых, по его мнению, «нареканий».

Петр был болен уже давно. И не зная покоя деятельность, и тревожения, и неистовые, безудержные излишества, которым он предавался без всякой меры, подточили его здоровье. Мучительные припадки каменной болезни, осложняемые болями другого происхождения, временами имели место еще в 1723 г., а в 1724 г. страдания стали интенсивны и возвращались уже без больших промежутков. При этих условиях и произошло событие, нанесшее окончательный удар. Петр, уже больной, провел несколько дней в холодную осень 1724 г. то на яхте, то на берегу озера Ильмень, то в старой Ладоге, где осматривал постройку Ладожского канала. Наконец, 5 ноября он вернулся в Петербург, но с яхты не сошел, а велел немедленно, не дав себе отдохнуть от большого и трудного путешествия, идти на Лахту, откуда хотел отправиться в Сестрорецк, чтобы осмотреть оружейные мастерские, которыми всегда живо интересовался.

Тут-то, близ Лахты, в темный, сильно ветренный поздний вечер с царской яхты заметили бот с солдатами и матросами, который сел на мель. Петр тотчас велел идти к боту, чтобы снять его с мели. Но это намерение оказалось неосуществимым — яхта имела очень глубокую осадку и не могла, не рискуя сама сесть на эту же мель, добраться до бота.

Убедившись в этом, Петр пошел на шлюпку, но шлюпка тоже была остановлена мелью. Тогда царь неожиданно прыгнул со шлюпки и, погрузившись по пояс в воду, зашагал к боту. За ним пошли другие. Все находившиеся на боте были спасены. Но пребывание в ледяной воде отозвалось на страдавшем болезнями и без того уже надломленном организме Петра. Некоторое время Петр перемогался. Положение, однако, вскоре стало совершенно безнадежным. 28 января 1725 г. он скончался в бессознательном состоянии, наступившем задолго до смерти.

Великая держава, одна из самых могущественных на море и безусловно самая могущественная на суше, — вот чем было Русское государство в системе других стран к моменту смерти Петра.

Флот, который при Петре начал свое славное существование, временами был опорой России при последующей борьбе с явными и тайными врагами, которые самыми разнообразными средствами пытались в различные времена покунуться на ее самостоятельность и на ее интересы. Однако далеко не всегда за последние почти 200 лет, вплоть до крушения монархии, государственная власть в достаточной мере обнаруживала понимание всего значения флота для поддержки русской политики.

Неисчислимы были тяжкие труды и громадные жертвы, которые принес русский народ при создании могущественного военно-го флота.

С русской закрепощенной массы в самом деле «драли три шкуры» для создания и укрепления мощи государства помещиков и купцов, причем в области внешней политики народ оказался побе-

доносным в борьбе за возвращение стародавних, захваченных шведами приморских земель, гнетуще необходимых для дальнейшего экономического развития страны. И дееспособность государства в этой борьбе в очень значительной степени была обусловлена именно созданием русской морской мощи, которой и в помине не было до Петра.

Поколение русских моряков, русских кораблестроителей, русских флотоводцев, вышедших из недр русского народа, создало эту морскую мощь. С легкой руки иностранцев, писавших о петровском времени (немцев, французов, шведов, англичан), часто преувеличивалась безмерно роль иностранной науки и техники в создании петровского флота. Мы теперь можем считать вполне выясненным, что уже в первые годы войны Петр сознательно (и вполне успешно) стремился к возможно скорейшей замене иностранцев, служивших во флоте и на верфях, русскими людьми. А главные командные посты он и в начале своего правления старался отдавать только русским людям.

После Ништадтского мира, в 1722—1723 гг., он крайне поощрял выход в отставку иностранцев, служивших во флоте. За очень немногими, единичными исключениями он полного доверия к ним никогда не чувствовал. «Сии плуты», — так честил он их в гневные минуты. Русские флотоводцы — Петр, Апраксин, кн. Голицын, Наум Сенявин и т. д. — одержали первые в русской истории блестящие морские победы, русские моряки владычествовали к концу Северной войны в Ботническом и Финском заливах, нещадно били врага у его берегов, подводя близко к Стокгольму созданный гениальной новаторской мыслью Петра шхерный флот, которого тогда не знали вовсе ни шведы, ни голландцы, ни англичане, ни датчане, ни французы. От юного русского флота трижды уходил, не отваживаясь сразиться с ним, британский адмирал Норрис, русские верфи выпускали суда, по единодушным отзывам знатоков-очевидцев, не уступавшие ни в чем лучшим кораблям старых морских держав вроде Англии.

5 апреля 1722 г. адмиралтейству повелено было открыть школы обучения морскому делу. Но принимать в эти учебные заведения дозволялось лишь русских подданных: Петр торопился поскорее избавиться совсем от иностранного элемента во флоте.

Только при Советской власти была окончательно изжита многовековая отсталость России в экономическом, техническом и культурном отношении. И только при Советской власти исчезла рознь между интересами широких народных масс и интересами государства, та рознь, которая существовала и при феодально-дворянской монархии, и при дворянско-буржуазном строе, при постепенном прощипывании и расширении в России капиталистических отношений в XIX и в первые годы XX в.

Советский строй дал флоту великие блага, которых флот до тех пор не имел: благо материальное — высокий уровень технического оснащения и благо моральное — вдохновляющую уверенность, что флот служит всему трудящемуся народу, а не эксплуататорским классам.

С первого дня существования Советской власти флот с честью служил революции и народу в его борьбе с внутренними и с внешними врагами. И в наши дни моряки Балтийского, Черного, Белого, Баренцова морей, Ледовитого и Тихого океанов продолжают высоко держать славное боевое знамя. В Великой Отечественной войне наш флот в боевом содружестве с Советской Армией украсил себя подвиги бессмертными, неувядаемыми лаврами в победоносной борьбе против фашистской Германии и империалистической Японии, отстояв честь и свободу советского народа. Созданный революцией, Советский Флот успел за 30 лет своего существования создать свои собственные героические традиции, уже успевшие прославить его!

1946 г.

ПОСЛЕ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА

•

Вот и окончился Нюрнбергский процесс. Когда выйдут в свет томы его стенограмм (они уже готовятся к печати)*, внимательное, детальное, научное изучение их позволит систематически подвести итог всем основным выводам из этого материала, из этих сухих, деловитых, юридически уточненных процессуальных документов и протоколов «за номером».

Припомним и свои впечатления и отзывы мировой прессы в том порядке, в каком они откладывались с начала процесса в общественном сознании. Многие, очень многие мы знали уже и раньше. Я говорю в данном случае именно о советской, а вовсе не о всей мировой общественности. Я прекрасно помню статью в «Таймсе» после «походки» первых концлагерей английскими и американскими войсками в самой Германии, в Бельзене, Дахау и других местах и освидетельствования трупов замученных людей и опросов немногих уцелевших. Вот слова «Таймса»: «Да, мы должны теперь извиниться перед русскими, мы все время думали, что они преувеличивают».

И все-таки, хотя советская общественность хорошо знала о Майданеках и Освенцимах, хотя, в частности, лично мы, имевшие высокую честь состоять членами Чрезвычайной Государственной Комиссии с первого дня ее основания, и считались и заслушали достаточно от непосредственных правдивых свидетелей обо всем, что фашистские злодеи творили над безоружным населением нашей Родины, но не доставало кое-каких уточнений, которые мог дать лишь Нюрнбергский процесс.

Только что мы упомянули, что пришлось менять критерии и привыкать к иным масштабам. Все классические, так сказать, оставшиеся в людской памяти уголовные злодеяния показались какими-то ничтожными происшествиями. Что такое описанный Тургеневым Тропман, убивший шестерых детей, когда фашисты убили 12 миллионов человек мирных жителей, ничем перед ними

* См. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сб. материалов в 7 томах. Под общ. ред. Р. А. Руденко. Т. 1—7. М., Госиздат, 1957—1961.— *Ред.*

(по их же собственным словам) не провинившихся? Сколько было детей в числе этих 12 миллионов? Статистика имеет какие-то методы предположительных вычислений. Во всяком случае убитых детей было не 6 человек... Что такое Ландрю, который сжег в печке 14 убитых им женщин, в сравнении с теми, кто, для ускорения, не успев убить, бросал в газовые печи живых людей, и не 14 человек, и не 14 тысяч, и даже не 140 тысяч, а много больше? Конечно, мы и до Нюрнберга знали, что гитлеровской шайке удалось приготовить грандиозную, небывалую по своей многочисленности, разбойничью банду, буквально на все готовую и давным-давно забывшую о совести, о жалости, о простом стыде. Это мы очень хорошо знали. И я уже не удивился, когда, присутствуя на одном из процессов военных преступников в Ленинграде в 1945 г., наблюдал и слушал подсудимых. Председатель суда говорит лейтенанту: «Вы утверждаете, что вы убили в этот день 37 колхозников, встреченных вами в пути, но ведь в вашем показании на предварительном следствии вы признали сами, что убили тогда 79 человек?» Лейтенант морщит лоб, на секунду задумывается и с любезной улыбкой отвечает: «Ах, простите, это вы, очевидно, посчитали также и тех, которых я убил на обратном пути? Совершенно верно, я совсем забыл». Он, с невольной добродушной усмешкой над собственной рассеянностью, извинился с полной готовностью так, как если бы ему сказали: «Вы выкурили десяток папирос, как же вы говорите, будто выкурили только пять штук?» Я сидел в первом ряду в зале, в пяти шагах от скамьи подсудимых, и не спускал глаз с лейтенанта. Ничего особенно зверского в его лице не было, хотя по содеянному им лично он был равен нескольким трюманам и ландрю вместе взятым: обыкновенная, туповатая, фашистская офицерская физиономия. Нет, это был гитлеровец, один из миллионов орудий разбоя и грабежа, с блестящим успехом изготовленных за 12 лет фашистской бандой, провозгласившей торжественно и официально в речах и в плакатах устами Геринга: «Я ставлю ставку на негодяя», и устами Гитлера: «Пусть каждый немецкий юноша будет ловок, быстр и жесток, как молодой пес». Но вовсе не эти неслыханные масштабы злодеяний могли удивить в Нюрнбергском процессе. Мы отвыкли уже за время войны удивляться по такому поводу. И привыкли к новым масштабам и к установленным немецкими фашистами новым, недостижимым мировым рекордам уголовных преступлений.

Удивление, которое внушил Нюрнбергский процесс с первых же месяцев, когда стала разворачиваться эта чудовищная панорама, было внушено некоторым особым характером тех фактов, о которых можно было догадываться, в которых даже должно было не сомневаться, по которым только в Нюрнберге предстали во всей психологической и исторической значимости. Ни газеты, ни показания очевидцев, ни громадный и бесспорный документальный, строго обследованный и засвидетельствованный с соблюдением

суровейших юридических форм материал нашей Чрезвычайной Государственной Комиссии, ничто не могло дать картины того, что творилось в недрах, в самой затаенной глубине этой чудовищной, сложнейшей преступной организации, никогда еще в таком виде и в таких размерах на свете не существовавшей. И никакие частичные процессы военных преступников, пойманных с поличным и судившихся у нас на местах их преступлений, тоже не могли, по существу дела, дать картины того, как работал скрытый от людских взоров центр этой преступной ассоциации. Только Нюрнбергский процесс мог выполнить и выполнил эту необходимейшую функцию.

И когда стала одна часть этого чудовищного механизма за другой постепенно вскрываться на процессе 22 злодеев, которых одного за другим изловили и засадили на скамью подсудимых, тогда только с особой силой обнаружилась перед лицом всего человечества смертельная опасность, грозившая цивилизации и устроенная Советским Союзом и его армией. Слаженность, исправность, бесперебойная и непрерывная деятельность этого сложного механизма, созданного для уловления, удушения, порабощения целых народов,— все это было в самом деле разработанным в деталях гигантским заговором, против которого долго оказывался бессильным «земной шар на пять шестых», как выразился, говоря по поводу Сталинграда вскоре после сдачи остатков Армии Паулюса, один американский радиокомментатор. *Тогда* в Америке еще все это помнили и часто восторгались героическим населением именно той «шестой части» земли, которая и спасла остальную землю... Забывчивость папала на американских радиокомментаторов лишь попозже.

Нюрнбергский процесс выяснил полностью и еще многое, до него остававшееся не вполне понятным. Он дал прямой ответ на вопрос, казавшийся загадочным: чем объясняется не только абсолютное презрение гитлеровской верховодящей шайки и ее сателлитов ко всяким статутам международного права, не только чудовищные злодеяния, совершаемые без малейшей необходимости, но и прямая похвальба этими зверствами? Чем объясняется, что трусливый румынский вор Антопеску, что взяточник и платный агент гестапо Пьер Лаваль, что Тисо, Михайлович, Филлов, Рюти, Таннер и прочие квислинги всегда обнаруживали такой нарочитый, вызывающий, громогласно собой любующийся цинизм? Ответ дан: русского реванша не будет, потому что русских не будет. Югославского реванша не будет, потому что Югославии не будет. «Практически война уже окончена», — сказал Гитлер 11 ноября 1941 г. венгерскому министру. Почему маститый французский порнограф (и академик) Абель Эрман, раздавая в 1942 г. на торжественном собрании в Сорбонне награды французским «добровольцам», проданным Лавалем Гитлеру по сходной цене и сражавшимся против Советского Союза, воскликнул: «Только в крепком

единении с великим германским фюрером найдет Франция покой и благосостояние»? Ведь более рабешной и трусливой, откровенно эгоистической и своекорыстной душошкой, чем Абель Эрман, почти невозможно было пайти даже в растленном обществе лавлевской Франции. Откуда же такая храбрость, такая прыть, такое молодецкое сжигание за собой всех кораблей, такая полная готовность к действиям и словам, после которых возврата уже нет? Да все оттуда же. Все 22 подсудимых не скрывали, что они были на сто процентов уверены в полной победе и в том, что ни малейшей неприятности за все, что они творят, не последует. «Убивайте! Это я убиваю, а не вы, моя ответственность!» — вопил от всего своего жирного чрева Геринг. И он просил, чтобы все его слова, изречения, приказания, похвалы, порицания непременно заносились на пленку. Чтобы ничто не пропало для восхищенного потомства! Когда Риббентроп давал знать Японии, что немцы и японцы вскоре встретятся на Сибирской железной дороге, то, конечно, ему очень хотелось, чтобы эти исторические слова не были забыты, после того как самый факт совершится. «Сегодня ты меня снимаешь у Эйфелевой башни, — воскликнул Геринг своему фотографу, — а завтра снимешь меня в Букингэмском дворце, а послезавтра около небоскребов в Нью-Йорке!» Весь свет победим, не только там какую-нибудь Европу! А победителей, как известно, не судят!

На пюрибергской скамье подсудимых сидели именно те люди, которые не только крепко поверили Людендорфу, открывшему им великую тайну грядущей победы, но и решили, что сам Людендорф не идет до конца, до всех логических выводов из своего счастливого открытия о «тотальной войне». Война 1914—1918 г. проиграна потому, что она не была тотальной. Хотите выиграть следующую войну? Ведите ее так, как должно вести тотальные войны. Но гитлеровская банда считала, что пужно не *воевать* с населением враждебных держав в тылу, но *истреблять* его, и не только в видах достижения победы, но и затем, чтобы вконец, навсегда обескровить чужой народ, чтобы эта новая война была *последней*, чтобы пересмотра, реванша уже никогда больше быть не могло. Генерал Штюльпнагель, «наместник» Гитлера во Франции, двойник Геринга, Кальтенбруннера и Кейтеля, сказал еще в 1942 г. крылатое слово: «Мы не можем проиграть эту войну, даже если бы стратегически мы были бы побеждены, потому что мы уже во время оккупации неприятельских земель истребили столько населения, что эти народы уже никогда не поднимутся». Эту фразу он произнес не во Франции, а на территории Советского Союза.

Вывод был очень простой: какое там международное право! Какое «общественное мнение»? Перед кем победоносному фашисту стесняться? Перед немногими уцелевшими рабами, трепещущими за свою жизнь, случайно уцелевшими в качестве «рабочего инвентаря»? Русские? Русских никаких не будет, а будут «восточные рабочие».

После рассмотрения преступлений 22 обвиняемых суд перешел к вопросу (и вынес бы решение) о преступности, о криминальной природе самих *организаций*, посредством которых гитлеровская шайка творила свои дела. Это было важно и принципиально и в узкоюридическом отношении: в случае признания организаций преступными, самый факт принадлежности к ним объявлялся преступлением и участник мог быть подвергнут наказанию за одно лишь участие в них. И вот, крошили одна за другой речи четырех прокуроров, после которых была воочию доказана *преступность*: гестапо, всех отрядов охраны (СД), всех отрядов безопасности (СС), отрядов СА, командования армией и флотом и, наконец, гитлеровского правительства в целом. Да, быть министром в гитлеровском «кабинете» в самом деле значило обнаружить глубочайший разврат души, полное отсутствие чего бы то ни было похожего на честь, на мораль, на нравственное сознание.

Очень жаль, конечно, что суд не сделал прямого вывода из этих доказанных фактов и не включил гитлеровское правительство, генеральный штаб и организацию СД в список преступных организаций. Не только полная готовность к самым страшным злодеяниям, но и неперемное, активное участие в них вполне гарантировались и неопровержимо доказывались самым пребыванием в кабинете, управлявшем Германией при Гитлере. Все это мог выявить и выявить и доказал только Нюрнбергский, «центральный» процесс. Но этого мало. Были признаны и судебно удостоверены такие факты, которые без подобной авторитетной санкции могли бы все-таки показаться не исторической действительностью, а фантастической страницей из приключенческого романа. Разве кто-нибудь знал, что в немецком штабе решено было передеть своих солдат и пограничников в польские мундиры, перестрелять их, тут же перестрелять еще нескольких своих солдат в немецких мундирах, а затем заснять при иностранных корреспондентах всю эту картину побоища для доказательства, что поляки перешли границу и начали первые бой против Германии? Разве кто-нибудь из самых ярых ненавистников гитлеровского режима когда-нибудь рисовал себе картину деловой сдачи (со всеми приемами аккуратнейшей бухгалтерии) в государственный банк Германии для хранения в правительственных сейфах — женских кос, отрезанных у убитых (и предназначенных к продаже парикмахерам), колец, серег, вырванных из ушей, золотых пломб из зубной полости, похищенных у убитых и замученных в концлагерях? Не только никогда ни одно государство этого не делало, но подобных обвинений никто ни на одно государство никогда и не возводил, просто потому, что подобное как-то и присниться не могло. Даже и гитлеровских правителей вплоть до Нюрнбергского процесса в этой деловой сдаче и приемке в государственном банке женских кос и выломанных челюстей никто не обвинял.

Но деятельность министерства финансов и государственного банка по части сначала хранения («первоначального накопления»), а потом по части «отоваривания» кос и зубов и широкая постановка министерством промышленности выделки портфелей и других полезных вещей из содранной в концлагерях человеческой кожи — все это не могло затмить раскрывшейся на процессе во всю ширь активности третьего министерства из состава гитлеровского правительства: министерства иностранных дел. Здесь система провокаций, приемы нападения внезапных и тем более беспощадных, организация террористических «устранений» неудобных лиц из дипломатии или администрации чужих государств, методы клеветы, бесстыжей лжи, фальсифицированных покушений — все это торжествовало невозвратно. Цель была ясна и (перед Сталиным) высказывалась вполне откровенно и определенно: господство Германии над старым светом — от Владивостока до Ламанша, потом от Ламанша до Ирландии, а после покорения Англии можно подумать и о заатлантических небоскребах. Геринг, как выше упомянуто, думал о «небоскребах» вполне определенно еще в 1940 г. И Риббентроп с лживыми посулами, с очередным, заготовленным наперед клятвенным преступлением и лжесвидетельством, с подлогами в портфеле, с угрозами и ласками на языке, разезжающий по столицам, и фон Папен, бросающий под себя самого хлопнушки «бомбы», и гнуснейший палач, грязный мерзавец Гиммлер, с ног до головы залитый кровью ни в чем и ни перед кем не повинных людей, прибегающий к дружеским услугам любезного шведского графа Бернадота для начала мирных переговоров с англичанами и американцами, — «все промелькнули перед нами, все побывали тут»...

Не было на памяти человечества более омерзительной и более опасной моральной чумы, чем фашизм, и нельзя было положить на него более позорное, более неизгладимое клеймо, чем это сделал Нюрнбергский процесс.

На заключительной стадии процесса рассматривалась преступная роль и уголовная ответственность уже не 22 подсудимых, а тех государственных организаций, посредством которых они совершали агрессии, проводили их до конца, разлагали всю общественность в странах противников, создавая там, на местах, пятые колонны, мучили, убивали, пытали, удушали в газовых камерах. И эта заключительная стадия процесса была, пожалуй, наиболее поучительной.

Ведь следует лишь вдуматься в то, о чем не говорили ни лорд Лауренс, ни обвинители, потому что не их задача была об этом распространяться во время судебного разбирательства. Но об этой черте, о которой сейчас будет идти речь, настойчиво и с привкусом некоторого довольно наглого вызова всякими путями пытались неоднократно напоминать защитники. Сформулировать эту черту можно так: да, совершенно верно, гитлеровцы не только поставили на

свою службу уже существовавшие в Германии до них учреждения, вроде министерства иностранных дел и всех других министерств, что было вполне естественно, раз им удалось захватить бесконтрольную верховную власть над страной, но они создали целый ряд других сложных организаций с совершенно нескрываемой целью подготовить захват и ограбление остальной Европы. Как же это стало возможным, когда одного окрика со стороны Англии и Франции было бы достаточно (это теперь *категорически* признают немцы самых различных партий), чтобы не только в 1933, но даже и в 1935 и в 1936 гг. обуздать разбойничью банду, открыто, весело, с песнями, с нюрнбергскими факельцугами, с бубнами и литаврами готовившую нападение и точившую нож? Почему позволено было создать огромное отделение нацистской партии (со всеми функциями государственной власти), с признанной, гласно заявленной целью пасаждать несуществующий бретонский «кельтский» сепаратизм во французской Бретани и Нормандии, поощрять фламандский сепаратизм в Бельгии, словацкий — в Чехословакии? Почему гестапо могло беспрепятственно и заведомо безнаказанно снарядить и отправить усташей на убийство Луи Барту и короля югославского Александра в октябре 1934 г. в Марселе? Ведь и для создания и полного развития этих обширных учреждений и для абсолютно беспрепятственной их деятельности нужно *время*, и это *время* щедро было дапо гитлеровской шайке. Защитники Геринга, Риббентропа, фон Папена в своих бесконечно длинных речах ставили в разной форме и по разным поводам вопрос, который можно сформулировать так: почему гитлеровцев судят за то, что им всецело разрешали делать шесть лет подряд, с 1933 по 1939 г.? Почему, например, «нас» (защитники солидаризировались с подсудимыми) корят за гибель Испанской республики, когда эта республика была, очевидно, вредна для Европы, ибо если б она не была вредна, то лорд Плимут, председатель «Комитета по невмешательству», не позволил бы нам, немцам, вмешаться в испанские дела, а убеленный сединами, заслуженный вождь французских социалистов, он же (тогда) первый министр Франции, г. Блюм, вероятно, разрешил бы законному правительству Испанской республики ввоз уже закупленного и оплаченного сполна оружия из Франции? Не так ли? — назойливо приставали защитники. Тени Невиля Чемберлена, лорда Плимута, Лавая, Даладе и бесчисленных им подобных постоянно реяли в зале суда, когда защитники называли их имена — а они их называли часто, — имена как покойников, так и благополучно сейчас еще здравствующих попустителей и укрывателей нюрнбергских подсудимых. Что защитительные речи были почти сплошь сами по себе гнуснейшими фашистскими агитационно-митинговыми выступлениями, презренными попытками оправдать деяния фашистских злодеев, — об этом много говорить не приходится, но что если бы не попустители и укрыватели, то «подзащитные» изверги

не могли бы без всяких, сколько-нибудь достойных внимания усилий скрутить так быстро по рукам и ногам почти всю Европу, — это после Нюрнбергского процесса выявилось в таком немалом ярком свете, как никогда раньше.

Что ответит история на вопрос о попустителях и укрывателях, — это можно легко предугадать. А что отвечают еще уцелевшие бывшие тайные и явные сообщники, это мы уже знаем. Некоторые (вроде Пьера Дюбуа, усердного лавалевского публициста из «Пти паризьен»), бия себя покайнно в перси, скорбно зывают: «Какис мы были слепые! Как мы ничего не видели!» Другие, понахальнее, вроде Даладье, так прямо и похваляються: да, совершенно верно, он позволил вывозить пушки с заводов Шпейдер — Крезе в Амстердам. Но ведь он не знал, что они оттуда пойдут в Германию, он думал, что их повезут в Эстонию, Латвию и Литву, чтобы дать, как его газета писала, этим «маленьким форнистам европейской культуры» возможность выступить в нужный момент против «большевиков». Наиболее хладнокровные (хотя и не менее враждебные Советскому Союзу) вроде Гендерсона, британского посла в Германии в 1938 г., т. е. в годы мюнхенской позорнейшей отдачи Чехословакии Гитлеру, махнули рукой и не очень пробовали даже оправдываться, после того как Красная Армия вошла в Берлин и когда весь позор и вся непроходимая глупость политики Чемберлена стали вполне очевидными даже для слепых.

Не мог же старый дипломат, в самом деле, повторить оправдание одного из свиты лорда Лэсселя, побывавшего в 1937 г. с миссией у Гитлера. Когда этого молодого секретаря укоряли и стыдили потом в Англии, что ему пришлось пожать руку Гитлеру, то он ответил: «Но, ведь, я сейчас же после этого около пяти минут мыл руки глицериновым мылом». Вероятно, Даладье позавидовал этому молодому англичанину, человеку маленькому, подчиненному, которому незачем было искать слишком затейливых выходов из затруднительного положения.

По ассоциации мыслей, которую читатель поймет без малейшего труда, перейдем от бывлых покровителей гитлеризма к одному, очень обратившему на себя всеобщее внимание факту, отмечавшемуся очень настойчиво и в американской и в английской прессе: в течение этого долгого Нюрнбергского процесса всякий раз, когда на международных конференциях, сначала в Лондоне, потом в Нью-Йорке, потом опять в Лондоне, потом в Париже, обострялась полемика и явно портились настроения участников конференций и обострялись их разногласия, немедленно это отражалось на поведении нюрнбергских подсудимых и особенно их защитников. Тон становился развязнее, аргументация нахальнее, протесты против мнимых нарушений прав защиты чаще и придрочивее... Чтобы воспрянуть духом, этим покрытым кровью злодеям и их достойным юридическим соратникам по судебной борьбе

достаточно было, по-видимому, хоть беглого слуха, хоть отдаленного намека на раздор между победителями.

Эти характерные настроения необычайно отчетливо бросались в глаза присутствовавшим на процессе. Однако в 1946 г. надежды погасли. Подсудимые должны были понять, что не для них взойдет заря... Во всяком случае, не для них лично...

На суде раздавался голос обвинителя Руденко, говорившего от имени 7 миллионов павших в СССР жертв фашистской агрессии. Оттого и голос его звучал так громко, и не сутяжническим разглагольствованиям защитников гитлеровцев и гитлеризма было его заглушить.

Кара злодеям, восседавшим на скамье подсудимых, была неизбежна. Но мировое правосудие еще пока не исполнило, к сожалению, самой существенной своей задачи. В Греции, в Испании и кое-где еще местные кальтенбруннеры пытаются и убивают тех, кого пытали и убивали нюрнбергские подсудимые в Германии и в покоренных ими странах, новые риббентропы и фон Папены занимаются не менее ретиво организацией «пограничных инцидентов» и подготовкой новых войн, и местные геббельсы, и не только «местные», красноречиво предупреждают ежедневно своих слушателей и читателей о коммунистической опасности. И покровители у них те же приблизительно, какие были у их немецких образчиков и первоучителей, начиная с 1933 г.

А все-таки разоблачения Нюрнбергского процесса — известный шаг к грядущему, неизбежному, хотя, может быть, и не близкому искоренению фашистского чудовища там, где оно еще уцелело.

Сказать, что нюрнбергский приговор полностью удовлетворил всех, кто следил за ходом этого неслыханного по своей грандиозности судебного разбирательства, к сожалению, все-таки нельзя. Необъяснимое, кажущееся просто невероятным оправдание черного злодея, фашистского сверхпровокатора фон Папена, который гораздо более реально участвовал в подготовке агрессивных войн, чем добрая половина его «коллег» по скамье подсудимых, оправдание Шахта, так «рентабельно» поставившего в имперском банке дело организации оптового склада золотых и серебряных вещей, содранных с замученных в концлагерях жертв, оправдание Фриче, которого называли в Германии «вторым Геббельсом», — все это, конечно, мешает полноте чувства морального удовлетворения.

Но, при всем том, должно приветствовать и то, что сделано нюрнбергским судом.

Агрессивная война признана тягчайшим из всех уголовных преступлений, так что, по сути дела, отныне преступными должны считаться и все прямо указывающие на подготовку к ней действия: и клеветническая, разжигающая международную вражду пропаганда, и захваты «баз» и плацдармов на чужих островных и материковых территориях, и навязывание слабым чужим народам путем прямого военного вмешательства ненавистных этим народам

фашистских агрессивных диктатур и опереточных королей... Наивно было бы думать, конечно, что уроки Нюрнбергского процесса сразу окажут реальное воздействие на нынешних и будущих поджигателей войны и что они прекратят делать свое черное дело. Но, во всяком случае, процесс и приговор сделали немало для просветления сознания широчайших народных масс во всем мире и для внушения им отвращения к тем провокаторам новой резни, кто стремится повести народы на убой во имя новых захватов, во имя гнусных расчетов личного и группового обогащения, во имя беспрепятственной дальнейшей эксплуатации трудящихся.

Звезда, 1946, № 9, стр. 166—170.

ПО ПОВОДУ РЕЧИ ЧЕРЧИЛЛЯ

5 марта Черчилль произнес в Фултоне, в штате Миссури, большую политическую речь. Этой речью не перестает уже несколько дней подряд заниматься мировая пресса, и, конечно, значение этого выступления недооценивать нельзя. Черчилль — слишком видная фигура современной истории, и притом вовсе он не отошел от дел: только он теперь предпочитает действовать под псевдонимом лейбористского правительства.

Правда, под этим псевдонимом он действует без прежней тонкости, ловкости, часто грубовато. Но по существу — именно так, как можно было ожидать, если бы Черчилль был налицо. Да и так ли уж важна манера? Дипломатия — не балет, и существенно не то, кто как танцует: элегантно или косолапо, а важнее — от какой печки он танцует. А печка, как известно, при Бевине осталась прежняя: возбуждение против Советского Союза подозрений, разжигание тревог по поводу мнимых «агрессий» Советского Союза, организация враждебных блоков, подбадривание враждебных нам соседей на нашей южной границе, где создается в самом деле тупик — и нехороший тупик.

Речь Черчилля построена так: Советский Союз — с одной стороны, а Соединенные Штаты и Британия — с другой, имеют совсем разные, непримиримые идеологии. Советский Союз подчинил Восточную Европу, его могущество угрожает свободе, посетительницей которой является англо-саксонская раса, а посему этой расе должно объединиться в мощном военном усилии и «остановить» силой советскую «экспансию» и пропаганду.

Противопоставляя «Восточной Европе» те счастливые страны, которые пользуются отеческим управлением британского правительства, Черчилль восклицает: «Таковы основы свободы, которые должны иметь место у каждого очага!»

Мы бы не сказали, что очень уж уютны и «свободны» сейчас * очаги в Калькутте, Бомбее, Дели, Александрии, Каире, т. е. там, где живут под английской властью не несколько десятков миллионов, а несколько сот миллионов людей. Вполне удовлетворяют м-ра Черчилля также та свобода и истинная обеспеченность личности, которые царят у испанского «очага». Для осуждения испанского гангстера у Черчилля в его вдохновенном гимне свободе не нашлось ни единого слова порицания. Да и как мог бы он говорить о Франко, которого навязали несчастному испанскому народу Гитлер, Муссолини, лорд Шлимут и который продолжает пытаться в своих застенках тысячи несчастных людей только потому, что его твердой рукой поддержал Черчилль. Мы теперь документально знаем, что сам Франко считал безусловно неизбежным свое немедленное устранение в случае победы «свободолюбивых» держав.

«Наш долг... не заключается в насильственном вмешательстве во внутренние дела стран, которых мы не покорили во время войны», — сказал Черчилль. Но ведь, например, Грецию вы не покорили, однако в Греции пустили же в ход и автоматы, и даже морскую артиллерию! Вы оправдывали тогда свое вооруженное, насильническое вмешательство тем, что Греция — важная для Британии средиземноморская позиция, где вам должно поэтому утвердить любой ценой своих людей. Греки никак не могли взять этого в толк. Им все казалось, что они не британская позиция, а греческая нация. Что же оставалось с ними делать при такой их досадной непонятливости, как не начать палить в них с миноносцев ядрами? «Необходимо, чтобы постоянство мысли, неуклонность цели и великая простота решений руководили и направляли народы, говорящие на английском языке», — поучает в своей фултонской речи оратор. Что верно, то верно! Греки испытали на себе эту «великую простоту» и «неуклонность» черчиллевских решений. Уж что может быть проще неуклонной стрельбы ядрами по демонстрантам (особенно безоружным)!

«Никто не может подсчитать то, что называется неопределимой суммой человеческих страданий», — сказал, между прочим, Черчилль. Теперь, поглощенный кипучей агитацией, Черчилль, конечно, не имеет уже ни времени, ни охоты вспоминать о «сумме страданий» русского народа, спасшего своими страданиями Европу, — но в свое время эта проблема английского премьера интересовала, хотя он в те времена еще не был «частным человеком» (как оп отреккомендовался своим фултонским слушателям) и располагал тогда гораздо меньшим досугом для философских размышлений и обобщений, чем теперь.

Вообще же все эти рассуждения увенчиваются изъявлением удовольствия Черчилля по поводу отрадного положения всех верноподданных его величества, живущих, как известно, под

* В 1946 г. — Ред.

сенью принципов «Великой хартии вольностей», habeas corpus'a и прочих незабываемых скрижалей права и закона. Все эти идеальные принципы осуществлены, заметьте, во всех владениях Англии. Так, не моргнув глазом, и заявил оратор: «Во всех странах Британской империи».

Конечно, все это говорится больше лишь для изящного и благочестивого вступления к настоящему делу. Этот благочестивый вид особенно обязателен, когда нужно прикрыть действия и намерения, не заключающие в себе ничего высокоморального и «богобоязненного».

Как известно, Диккенс говорит о созданном им бессмертном типе лицемера, о набожном мистере Пиксниффе, что тот ел с таким аппетитом, «как будто кормил своего голодного ближнего»: такой у него в это самое время был благочестивый вид.

Кого же именно вознамерился съесть наш маститый оратор? Это тем интереснее, что, как сейчас увидим, дело прямо нас касается.

Поэтому оставим в стороне все эти цветы морального красноречия и обратимся к тому, что составляет главный смысл, центральную идею всей речи Черчилля, цель всей его поездки в Америку, интерес всей его деятельности после войны и отставки.

Мировая пресса — и враждебная нам и дружественная — уже успела ответить на этот вопрос, абсолютно ничего загадочного не представляющий собой. Черчилль призывает Соединенные Штаты заключить, не теряя ни минуты времени, теснейшее военное соглашение с Великобританией в противовес Советскому Союзу.

Уже успели (в Америке, но не в Англии) отметить и то, что Черчилль в этой будущей борьбе, разжечь которую он из всех сил стремится, явственно отводит первое место Америке, но не Англии. Что касается Англии, то, по-видимому, Черчилль скромно довольствуется для своей страны ролью, так сказать, инициатора. Он прямо этого не говорит, но вывод, который можно сделать из его слов, именно таков: все греховные действия, в которых он укоряет Советский Союз, нарушают интересы только Англии, а вовсе не Америки. Следовательно, в идеале дело должно ему рисоваться так: Советский Союз где-нибудь непременно обидит Англию, а тогда горячо любимые британцами заатлантические братья вспыхнут негодованием и бросятся на выручку. Кровные узы, связывающие Англию с Северной Америкой, несомненны, и любовь англичан к близким кровным родственникам, да еще вдобавок таким богатым, кажется Черчиллю вполне естественной. Но так как он прежде всего человек традиций (его одна шведская газета даже назвала человеком традиций не XIX, а XVIII столетия), то странно, что ему не пришло в голову, что русско-американские отношения — это тоже своего рода старая традиция! Да еще такая, о которой и американская и русская историческая наука давно уже имеет вполне определенное мнение, прочно основанное на фактах.

Традиция англо-американская начинается с восьмилетней яростной вооруженной борьбы, в которой англичане делали абсолютно все, от них зависящее, чтобы закрепить свое господство над своими американскими колонистами. Эта традиция продолжается новой войной, когда англичане увенчали свою ничем, кроме алчности, не вызванную агрессию сожжением вражеской столицы, т. е. города Вашингтона. Затем та же «неуклонность цели и постоянство мысли», которыми Черчилль так восхищается в одном месте своей речи, говоря о своих соотечественниках, побудили уже в середине XIX столетия лорда Пальмерстона занять крайне враждебную, провоцирующую позицию против правительства Соединенных Штатов, направившего все усилия, чтобы спасти от распада государство. Официальная Англия всеми силами поддерживала сепаратизм южных рабовладельцев в их реакционном бунте против Линкольна, освободителя негров. Таким образом, в «традиции» англо-американских отношений всякое бывало...

Но в нашей русско-американской традиции ничего подобного никогда не было. Отношения между Россией и Америкой были неизменно дружественными, — и если взять хотя бы те же опасные для Соединенных Штатов годы междоусобной войны, то Россия оказалась *единственной* из всех великих держав, занявшей резко отрицательную позицию против Пальмерстона, против Наполеона III, которые поддерживали южных рабовладельцев в их яростной вооруженной борьбе.

И еще недавно кто-то из потомков адмирала Фокса, ездившего с торжественным благодарственным визитом в Россию в 1867 г., вспоминал об этом в американской печати. Прием американской эскадры в России остался в семейных воспоминаниях участников визита.

Эта традиция неизменной политической дружбы между правительствами была не единственным моральным звеном в отношениях русского народа с Америкой. Русскую классическую литературу, нашего Льва Толстого, нашего Достоевского, нашего Чехова, высоко ценят теперь в Америке, но ведь задолго до того времени, как их стали читать в Бостоне, Нью-Йорке, в Сан-Франциско, гениального Эдгара По уже читали и изучали в Петербурге, в Саратове, в Иркутске. Живопись, музыка, скульптура России, научные и технические достижения Америки всегда встречали в дружественной стране взаимно живейший отклик.

Конечно, реакция в Соединенных Штатах долгое время, вплоть до 1933 г., препятствовала установлению нормальных дипломатических отношений с Советским Союзом. Реакционным кругам в Соединенных Штатах удавалось в свое время и еще кое-что сделать: удалось, например, побудить правительство участвовать в поддержке интервенции против молодой Советской республики; было и так, что президент Гувер в сентябре 1931 г. дал знать Япо-

нии, что «если японская экспансия распространится на север от Маньчжурии, то правительство Соединенных Штатов ничего против иметь не будет». Однако прогрессивные силы одержали верх над реакцией, и вот уже много лет русско-американские отношения стали снова приобретать свой традиционный, дружественный характер.

Последняя мировая война, общая борьба против подлого и жестокого врага еще больше сблизили нас.

Что же Черчилль считает достаточно сильным, убедительным аргументом, чтобы приглашать так настойчиво (ведь он не с Фултона начал свою пропаганду) американских граждан растоптать эту стародавнюю традицию, эти культурные и политические связи и обратиться к русскому народу и всем народам Советского Союза с ультиматумами и с угрозами «повейшим видом однотипного оружия»?

Что такое вся эта фултонская речь? Это — типичная агитация времён 1918 г., это — мечтания о том, что русскую революцию и советский строй можно, если хорошенько понатужиться, свести с лица земли одним молодецким налетом. Может быть, Черчилль припомнит, что вышло тогда из этих сладостных мечтаний? Неужели ему кажется заманчивым повторение этих авантюр?

Аргументация в речи Черчилля есть в паличии, и представлена она с тем жаром, который после кончины доктора Геббельса уже никем доселе не был достигнут. Да и то Геббельс возвышался до этого градуса лишь изредка, например в феврале 1943 г., после Сталинграда, выступая в Берлине в цирке Буша в наиболее разученных номерах своего репертуара.

И не только своим темпераментом фултонская речь воскрешает это воспоминание. Главное отличие, чисто внешнее и второстепенное, лишь в том, что бывшие берлинские заклинания о борьбе против Советского Союза были обращены одновременно к обеим англосаксонским державам, а нынешние фултонские увещания — только к Америке, потому что, по явному убеждению оратора, Англию уже нечего пропагандировать, там дело будто бы уже сделано и в открытую дверь ломиться незачем.

Содержание же фултонской одушевленной проповеди таково. Русские насаждают коммунизм в значительной части Азии и Европы. Они-то и угрожают мирному процветанию Британской империи и всем этим счастливым и свободным очагам, о которых сказано выше. Они препятствуют истинной свободе выборов на Балканском полуострове, так что истинная свобода выборов осталась только в Греции.

Итак, по мнению Черчилля, Советский Союз мешает балканской истинной демократии. Затем — Советский Союз загородил «железной завесой» всю Восточную Европу, и — никто не знает, что там делается. То ли дело, если бы в Польше царил истинный демократ Рачкевич или Сосняковский! А в Югославии Михайлович!

А в Румынии Радеску! А в Финляндии Таннер! Тогда бы все было ясно видно, как на ладони.

Конечно, бывает необходимо иногда и в своих зонах прибегнуть к «железному занавесу», невзирая даже на «Великую хартию вольностей». Например, если совсем неуместно соседи любопытствуют: нельзя ли поглядеть, какие немецкие батальоны подкармливаются в английской зоне в Германии? Нельзя ли послать туда комиссию? Или если нельзя послать туда, то, может быть, можно ее послать в Индонезию, чтобы узнать, почему индонезийцев уже перебито 40 тысяч человек, а они все еще противятся с пулеметами и гранатами в руках установлению у себя «свободного и безопасного очага»? Или если и туда нельзя, то, может быть, хоть позволят посмотреть вблизи на армию Андерса?.. Нет, — железный занавес и тут мигом опустится перед любопытствующими, да, может быть, еще при этом по голове пеловко стукнет (как недавно случилось при посещении армии Андерса с одним из таких нежелательных посетителей).

Кроме «Восточной Европы» и «железного занавеса», есть и еще причины, почему Соединенным Штатам постоянно рекомендуется аргументировать «новейшим одготипным оружием» в отношениях с Советским Союзом. Во-первых, Советский Союз распространяет коммунистические идеи. Правда, ни одного конкретного факта Черчилль не приводит и не может привести, но это неважно. Ему мерещится, что если Советский Союз и не распространяет свои идеи явно, то хочет распространять тайно. Во-вторых, он угрожает соседям. Поэтому нужно с ним держаться не примирительной тактики, но «твердой», ибо «русские уважают только силу».

Мы уже знаем не мало откликов мировой прессы на речь Черчилля. Что это резкий, вполне откровенный, умышленно провокационный вызов Советскому Союзу, что подобный вызов, если бы он имел успех, круто изменил бы к худшему и без того напряженное положение, — с этим согласны все. Расходятся лишь в квалификации этой зрело обдуманной провокации. Одни похваливают за решительность, другие порицают за несвоевременность. Третьи явно недовольны тем, что Черчилль так уж беззаветно верит в согласие Соединенных Штатов поддержать новыми подпорками сильно пошатнувшийся престиж Британской империи и тушить все эти негаснущие в разных концах ее пожары, возникающие сегодня в Египте, завтра — в Индии, послезавтра — еще где-то.

Некоторых публицистов, успевших пока высказаться о речи Черчилля, смутило и привело в полное недоумение настойчивое указание на то, что нужно поскорее учинить этот пропагандируемый общий англо-саксонский вызов Советскому Союзу, пока есть еще кое-что «монопольное», «повейшее оружие» (Черчилль очень хочет верить и убедить слушателей, что оно еще пока «монополь-

но»). Очень уж этому воистественному «частному человеку» не терпится, и он, учитывая, что его аудитория любит и знает Библию, впадает в топ ветхозаветного пророка (в стиле не то Иеремии, не то Даниила): «Могут вернуться темные века, может вернуться каменный век! Берегитесь, говорю я вам, может быть, времени мало!»

Если верить старику Бернарду Шоу, то Черчилль непременно опоздает, и тут не помогут никакие призывы, хотя бы он был пророком посильнее Иеремии и псалмопевцем слаще царя Давида. Смысл лаконичного заявления Бернарда Шоу можно было бы, кажется, изложить более распространено следующим образом: так как Англия раньше чем лет через пять воевать все равно не сможет, то красноречие м-ра Черчилля не должно слишком волновать умы.

Мы думаем, что прежде всего Англия и не хочет воевать. Англия сегодняшняя — это не страна Черчилля и даже не тех дипломатов, которые по неопытности полагают, что если стучать не жалая кулака, по столу, то это может очень помочь в дипломатических конфликтах. А если Англия, народная, демократическая, интеллигентная Англия, не желает, чтобы ее ввергли в основанные выдуманых страхов, пугая ее глупейшими фантомами, в новую катастрофу, то едва ли Америка, которая отстоит подальше Англии от этих фантомов, испугается пророческих восклицаний м-ра Черчилля...

Советский Союз, спасая себя и спасая континент и Англию, пролил потоки крови и испытал такие леденящие душу ужасы, которые и не спились даже наиболее пострадавшим частям Западной Европы. Говорю это потому, что по своему положению знаю ту документацию, которую полностью обыкновенные газетные читатели не знают (особенно живущие не ближе Фултона). Повторения 1941 г. мы не допустим и даже самых скромных подготовок к нападению на наши границы мы тоже не потерпим.

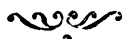
Мы хорошо знаем: во-первых, что Советский Союз не гонится за «всемирным владычеством», в чем его укоряет Черчилль, конечно, не веря сам в этот курьезный вздор; но мы знаем и то, что Советский Союз твердо решил обезопасить все свои границы, и, во-вторых, что в стремлении к этой законнейшей и необходимой цели он не поддается ни на какие угрозы, ни на какие ухищрения, ни на какое бряцание новейшим однотипным или разнотипным оружием, а будет идти своей дорогой, не сворачивая в стороны, не покушаясь на чужие интересы и не уступая своим.

Сегодня в нескольких английских газетах проскользнули опасные и неверные слова: «Русский народ уважает силу, покажем ему, что мы сильны».

Нет, до сих пор те, кто пытался «показать силу» русскому народу, всегда, без исключения, проигрывали на этом предприятии. Русский народ ничто не могло никогда так раздражить, как

попытка запугать его. Черчилль знает лучше многих, что Гитлер похоронил себя и «третью империю» именно на такой попытке. Зачем же Фултонский оратор зовет два великих англо-саксонских народа на эту роковую дорогу?

Известия, 1946, 12 марта, № 61.

9 МАЯ

Мы, современники, должны отойти на некоторое расстояние от 9 мая 1945 г., чтобы вполне уразуметь все безмерное всемирно-историческое значение этой даты. Уже и сейчас, через год, мы как-то больше останавливаемся мыслью на этом общем историческом смысле нашей победы, чем тогда, когда гремели последние салюты, когда поверженный враг валялся в прахе под ногами Красной Армии, когда мы не успевали следить за непрерывными, ежедневно сменявшимися друг друга гигантскими событиями.

Даже недружественные нам органы европейской и американской прессы неоднократно высказывали убеждение, что если бы не вмешательство Красной Армии и, мало того, если бы Красная Армия, изгнав врага с территории Советского Союза, остановилась на нашей государственной границе, то война в самом лучшем случае закончилась бы на Западе вничью. В лучшем случае! Мы знаем, что появление у немцев в конце войны ракетизирующих подразделов вдохнуло в них надежду получить передышку. Знаем и то, что английские реакционные круги ещё весной 1945 г. выбивались из сил, доказывая, что необходимо мириться, чтобы спасти Лондон от конечного разрушения. Это говорилось тогда, когда до пяти шестых германских вооруженных сил продолжало находиться на Восточном фронте и когда гитлеровская банда выдвинула лозунг: «Повторение 1918 г. не будет допущено!»

Да, повторение 1918 г. не было на этот раз допущено, — и не было допущено именно Красной Армией. «Когда Красная Армия подошла к Одере, я понял, что война проиграна нами», — сказал на Нюрнбергском процессе Геринг. По-своему гитлеровский бандит был прав: при целостности германской территории на Востоке поражение Германии на Западе не привело бы ее к настоящему разгрому, и германские империалисты благополучно начали бы усиленную подготовку к третьей мировой войне.

Но Советский Союз не допустил этого. Крушение гитлеровской империи стало фактом колоссального исторического значения.

9 мая 1945 г. окончился кошмар, висевший над Россией и Европой 75 лет. Долгий период непрерывного шантажа и угроз закончился двумя неслыханными по кровопролитию и зверствам мировыми войнами. С какой беспощадной логикой развивался этот процесс!

Бисмарку удалось с необычайной ловкостью и быстротой воспользоваться губительными ошибками французской и русской дипломатии. С полнейшим успехом он совершил, в сущности, подмен идеи объединения Германии опруссачением Германии, о котором так хорошо и так точно выразился Герцен: «Бисмарк пошел сколачивать империю пруссов», несмотря на то, что половина германского народа ненавидела «пруссов», не хотела объединиться вокруг Пруссии и с оружием в руках в 1866 г. сражалась против нее.

Непоправимые ошибки Наполеона III и Александра II, так сердечно приветствовавшего внезапное создание смертельной угрозы для России на ее западной границе знаменитой телеграммой Вильгельму I: «Браво, дядя молодец!» — все эти губительные промахи царской, французской и английской дипломатии сорвали внутреннюю борьбу в недрах самой Германии против захватнической Пруссии, против ее нагло-бесцеремонных аннексий германских областей. На кого же этим малым германским областям было опереться? Конечно, примириться с этим прусским наглым обманом, с этим превращением идеи объединения Германии в план опруссачения Германии пришлось, несмотря ни на что. Бургомистр города Франкфурта покончил с собой, не желая пережить присоединения его города к Пруссии. Но только подобными протестами и приходилось ограничиваться.

Итак, дело было сделано. Маленькая Пруссия сделалась большой Пруссией и стала с тех пор именоваться «Германской империей». Дальнейшие грабежи и захваты уже можно было совершать отныне в широком европейском масштабе.

С этого момента нападение германского империализма на соседей сделалось неизбежным, и вопрос мог отныне идти лишь о сроках. Говорилось и писалось следующее: «Мы, немцы, опоздали, мы объединились только теперь, в 1871 г. Нам нужно приступить к переделу мира!»

К мечтам о колониях, начиная с 900-х годов, немецкая империалистическая пропаганда стала прибавлять и другое: «У нас, немцев, в самой Европе «смешные границы». Наше будущее не только в колониях, но прежде всего на необъятном Востоке, который несправедливая история отдала неполноценным славянским племенам. Зачем же нам было объединяться, зачем было создавать первую в мире сухопутную армию и второй в мире флот, если мы всё колеблемся, если мы всё не решаемся начать наше главное дело: приступить к германскому пересмотру великой исторической несправедливости!»

Первая попытка «германского пересмотра» не удалась, и уже нельзя было, как бывало до 1914 г., с неизменным успехом пускать в ход угрозы нападением, нельзя было шантажными методами заставлять Францию уступать огромные территории в Конго, теми же методами принуждать Россию подписывать невыгодные для

нее торговые договоры с Германией, вроде того, который был подписан по настоянию канцлера Бюлова в Нордернее в 1904 г. Уже не стало флота, не стало армии...

И вот внезапно совершилось нежданное «чудо»! Все появилось, все вернулось вдруг: и армия, и вооружение, и долгосрочные кредиты, и Версальский договор полетел под стол, и вчерашние победители отдали немцам на съедение без тени борьбы Австрию и Чехословакию и стали наперерыв подбадривать и поощрять Германию... К чему именно поощрять? Да к новой попытке «германского пересмотра исторической несправедливости» на Востоке, к исправлению огнем и мечом «смешных границ» Германии за счет социалистического Советского Союза.

Что же удивительного, если вторая мировая война получила с самого начала и вплоть до последних дней такой невиданный в истории характер? Ведь германские империалисты отчетливо сознавали, что уже теперь ставится последняя карта, что второго такого случая можно очень, очень долго не дожидаться. Значит следует уже ни в чем себя не стеснять. Можно говорить все и можно делать тоже все: «Русского реванша не будет, потому что русских не будет!» Можно осуществлять истребление целых народов, можно еще за год до войны разрабатывать подробно, в чисто деловом, канцелярском порядке планирование истребления 30 миллионов русских и всех поляков. Генерал фон Штюльпнагель, «наместник» Гитлера во Франции, высказался в печати еще в 1942 г. так: «Мы, немцы, не можем ни в коем случае проиграть эту войну, потому что если мы даже и потерпели бы стратегическое поражение, все равно мы успеем истребить физически такое количество неприятельского населения, что враги уже никогда не оправятся и численно не сравняются с нами!»

С большим размахом началось новое предприятие! И все бы так гладко и гармонично шло и дальше и все эти афоризмы и глубоко продуманные «государственные» соображения оправдались бы, если бы не советский народ, если бы не Красная Армия.

Дело сорвалось, — уже после того, как было наговорено и написано незабываемое, было сделано чудовищно-неоправдываемое, были показаны все карты, были обнажены все корни.

Советский офицер, с которым разговорился 60-летний немецкий бюргер, спрашивает своего собеседника: «Почему же ваши войска продолжали так неистово зверствовать даже и тогда, когда они уже видели, что война проиграна?» И он получает в ответ: «Мы знали, что уже все равно нам никогда не простят того, что мы сделали, значит мы уже ничего не могли ни проиграть, ни выиграть!»

Но это немцы говорили, уже когда Германия лежала во прахе, а началась и велась эта война именно под знаком полной уверенности, что проигрыш невозможен и что поэтому следует сделать эту войну последней войной. «Все имущество и вся земля,

которые вы найдете между Неманом и Владивостоком, — ваши, — говорили немецким солдатам. — Русские, которые не окажутся под землей, должны стать все без исключения, с женами и детьми, вашим сельскохозяйственным инвентарем!» С этим лозунгом гитлеровская орда вступила в наши пределы. Фашисты не могли, конечно, не понимать, во что обойдется им поражение при подобной их откровенности. И они сожгли свои корабли. Это была борьба в самом деле не за жизнь, а за смерть, до такой степени, как буквально никогда в истории не случалось. И вот спор решился. Советский народ ниспроверг и растоптал презренных извергов.

Какую же надежду завещала разбойничья гитлеровская банда при последнем издыхании своим сторонникам?

23 апреля 1945 г. 22 тысячи орудий и минометов и несколько тысяч самолетов громят Берлин. В самом глубоком подвале здания имперской канцелярии завтракают. За столом сидят: Гитлер, Ева Браун, Кейтель, фон Дениц, адъютант Гитлера майор Гергезль. Фюрер очень удручен: «Германия погибла», — заявляет он. Но вот с верхних этажей подземелья спускается к завтраку Геббельс. Он ходил на разведку. Ходить на разведку означало в те дни для обитателей нижнего этажа вскарабкаться на несколько этажей выше и послушать, о чем говорят санитары, приносящие раненых из разрушаемой имперской канцелярии. Геббельс возвещает собравшимся радостную весть: уже начались столкновения между русскими и американцами. Ура! Спасение не за горами!

Гергезль, которому спустя 48 часов удалось как-то убежать из подвала, рассказал (уже находясь в английском плену), что Гитлер тогда скептически отнесся к надеждам Геббельса.

Последыши Геббельса и Гитлера, их явные и тайные сторонники в Германии и вне Германии и в настоящее время, спустя год, полны тех же надежд, какие выражал Геббельс за своим последним завтраком.

До сих пор все упования международной реакции, все смиренномудрые молитвы благочестивого Ватикана, все устремления разнообразных тайных антагонистов и открытых врагов Советского государства направляются неизменно к одной мысли и все они не сводят глаз с одного мерцающего еще пока вдали огонька... Скорей бы этот огонек произвел желанный для них всех третий мировой пожар, скорей бы мечта Геббельса исполнилась! Как побудить тех, кто досадно медлит, ковать железо, пока горячо!?

Несокрушимой твердыней стоит великий, спасший человеческую цивилизацию Советский Союз. И мы не отступим. Да и не в традициях нашей страны отступать ни перед старым, ни перед новым оружием, ни перед старым шантажом, ни перед новыми провокациями. Мы никому не грозим, никому не показываем кулак и не стучим им по столу. Да ведь нам вовсе нет и надобности стучать кулаком, ибо и без того все знают, что он у нас находится в совершенно нормальном состоянии.

Первую годовщину 9 мая, одного из величайших дней нашей истории, мы встречаем не только с гордостью за прошлое, но и с уверенностью в будущем, с сознанием, что с каждым годом мы будем становиться все сильнее, зорко охраняя плоды нашей бессмертной победы от всяких посягательств.

Красная звезда, 1946, 8 мая, № 109.

3 СЕНТЯБРЯ

Сегодня советский народ празднует годовщину победы над Японией.

Япония вовсе не была сателлитом Германии. И, однако, если исключить Испанию Франко, то, пожалуй, нигде на земном шаре перед войной не проявлялось такого убежденного, усердного и торопливого стремления показать делом и словом свою преданность идее гитлеровского «нового порядка», как именно правящими классами Японии.

Довоенная Япония — империалистическая страна с многочисленным, зверски эксплуатируемым, полунищенствующим пролетариатом. Для нее было характерно быстро растущее стачечное движение: 1200 стачек с кровавыми столкновениями в 1929 г., 1825 стачек того же типа в 1930 г., 2456 — в 1931 г. Монополистический капитализм в Японии теснейшим образом переплетался с имевшими огромное распространение элементами феодализма.

Это особенно ухудшало положение трудящихся — рабочего класса, крестьянства. Японское крестьянство стонало под двойным ярмом — жесточайших феодальных повинностей и хищнического капиталистического гнета. Недовольство народных масс Японии существующими порядками росло и принимало все более острый характер. Это, в свою очередь, вызывало тревогу правящих классов Японии — капиталистов и помещиков — и ставило перед ними вопрос: как быть дальше?

Ответ был дан еще до того момента, когда Гитлер пришел к власти в Германии. Уже с середины 20-х годов в Японии, в особенности среди морских и сухопутных офицеров, широко распространялись и с восхищением воспринимались «откровения» Геббельса, Гесса, Карла Гаусгофера, такие лозунги, как «Долой парламент!», «Индивидуальное устранение слабодушных министров и радикальных газетных редакторов и сотрудников!», «Индивидуальная ликвидация коммунистических рабочих вожakov на фабриках!» и т. д. Дело сильно облегчалось существованием старого фетиша: вера в «божественную природу» императорской власти крайне помогла фашизму в Японии. Первая, вполне успешная для него проба сил была японским фашизмом проведена в 1932 г.—

и именно под такими демагогическими лозунгами: «Долой парламентских дельцов и предающих родину, трусящих перед иностранными державами министров!», «Все, как один человек, на защиту священной власти сына солнца, во имя святого культа предков!»

Неорганизованность и низкий уровень политической сознательности масс, вполне заслуженная непопулярность продажного японского парламента, суеверные пережитки, связанные с особой монарха, сыграли здесь свою роль. Проба сил фашизма состояла в том, что стали применяться террористические акты, и они остались вполне безнаказанными, по точному образчику того, что соответственно происходило в Германии еще до гитлеровского периода — при Эберте, Шейдемане, Брюнинге и т. д. С этого началось.

15 мая 1932 г. состоялась уже широко поставленная репетиция: группами офицеров в полной военной и военно-морской форме были одновременно брошены бомбы в дома хранителя печати Макино, адмирала Судзуки и еще в некоторые здания. Убийств и переранив очень много лиц, офицеры спокойно пошли затем в 6-м часу вечера гулять по главным улицам Токио. Около 20 из них ворвалось во время прогулки в дом первого министра Инукаи. Перебив охранявшую его полицию и войдя в кабинет, они убили и его. Проба сил удалась. Больше тысячи офицеров открыто заявили, что они перебьют всех, кто будет противиться установлению во всей полноте неограниченной, священной власти императора и «истинных слуг» его.

Фашизм, восторжествовавший окончательно в Германии, спустя несколько месяцев, в январе 1933 г., и превративший Гитлера в диктатора Германии, сделался с той поры полным владыкой и в Японии. Этого добились истинные хозяева Японии — магнаты капитала, хозяева промышленных монополий, банковские короли, владельцы помещичьих латифундий и т. д. Они устранили «слабое» правительство и установили режим фашистской диктатуры, который по германскому образцу должен был им обеспечить беспощадное кровавое подавление малейшего недовольства народных масс. И если уже с самого начала гитлеризм стал образчиком для подражания во внутренней политике японского правительства, то еще несравненно сильнее оказалось здесь влияние внешнеполитической доктрины гитлеризма. В 1934 г. бывший японский министр Такака заявил: «Если доблестный вождь Германии находится, что немцам негде жить на их все же широкой территории, то что же сказать о нас?»

Когда вскоре после убийства Инукаи офицеры сделали военным министром генерала Араки, Усида превратился из управляющего Маньчжурской железной дорогой в министра иностранных дел, а воинствующий фашист Сайто стал первым министром, то и слепому было ясно, куда идет Япония. С каким упорством прославлялось в Японии все, что делали гитлеровцы, придя

к власти, особенно в области внешней политики! Луп Барту мешает? Король Югославии мешает? Пристрелить того и другого! Австрийские канцлеры не хотят присоединения к Германии? Перестрелять их! Договоры мешают? В сорную корзину их! Чемберлену дано обещание удовольствоваться Судетами и не трогать дальше Чехословакию? «А кто же виноват, что он так глуп и поверил?» Эта классическая фраза из неопровергнутого интервью Гесса с южноамериканским корреспондентом была немедленно перепечатана в Японии и произвела в милитаристских кругах отчаянное, бодрящее впечатление.

Словом, все шлюзы были открыты, все стеснения и церемонии были отброшены. Успех, неизменный успех гитлеровской паглотки просто околдовал, загнипотизировал японских правителей. Все дозволено, не позволено лишь одно — пропустить момент. Германии все стало так чудесно удаваться, как только «доблестный фюрер» научил ее, что совесть есть «отвратительный, разлагающий предрассудок».

В Японии цитировали очень часто, еще до войны, знаменитые разоблачения раскравшегося фашиста Раушнинга о беседах с Гитлером, но цитировали высказывания фюрера вовсе не с порицанием, а с восхищением: «Когда ваш противник с вами договаривается, то вы должны всегда оставлять его под впечатлением, что все улажено, когда на самом деле ничего не улажено!»

Была готова доктрина: японская «геополитика» была столько же закончена проста и понятна, как и германская: «Захватывай и грабь чужую землю!» Была готова и мораль: «Все для удачного ограбления противников».

Но кто главные противники? Тут, как мы теперь знаем, в императорском совете возникли разногласия и получилась некоторая неувязка. Скрещивались различные планы, и все началось в действительности совсем не так, как об этом долго мечталось в окружении Хирохито.

Дело в том, что еще с 1938 г., уже когда установка была взята совершенно определенно на войну (и именно на согласованную с Гитлером войну), решено было под прямым влиянием Араки и не только подавляющего большинства генералитета, но и офицерства выступить против России. Здесь впервые сказалось абсурдное, просто загадочное заблуждение, которому вконец суждено было впоследствии погубить и Германию и Японию. Не в том была странность, что японская военщина преувеличила свои силы и считала Россию не подготовленной к обороне. Подобные просчеты нередко встречались в истории войн. Непонятным является другое. Как могли выкрики истерического кретина, несущиеся из Нюрнберга и Берхтесгадена, как могли лживые, курьезнейшие нелепости геббельсовской пропаганды до такой степени обують этих обыкновенно более трезвых дальневосточных хищников? Как они пришли к убеждению, что Россия не в состоянии выдержать ни одного

сильного удара, что вообще и государством-то ее считать уже нельзя (как официально учил об этом главный гитлеровский «государствовед» Бокгоф)? Ведь даже такой мошенник, проходимец и авантюрист, как Муссолини, предостерегал берлинского партнера против этих «увлечений».

Конечно, основная беда бандитов из Токио, как и бандитов из Берлина, заключалась в полном, глубочайшем непонимании того, какой великой мощью обладает Советское государство, рожденное Октябрьской Социалистической революцией. Когда японская официальная пресса, а затем и их правители вдруг ни с того ни с сего предложили нам «продать» Владивосток, или когда Сигэмицу явился в Москве в Наркоминдел и заявил, что русские должны отойти от Хасана не потому, что у японцев есть права на него, а просто потому, что Японии так хочется, — то эти выходки, которые теперь, в 1946 г., вероятно, самим уцелевшим провокаторам представляются курьезными проделками психопатов, тогда японцам казались естественными, ловкими, молодецкими подражаниями фюреру из Берхтесгадена.

Но еще загадочнее другое. Под Хасаном японцы потерпели серьезное поражение. Под Халхин-Голом разгром японских частей был еще позорнее. И хотя многих все эти факты образумили, хотя после 1939 г. снова стали отчасти возвышать свои голоса те японские деятели из императорского совета, кто стоял за сохранение до поры до времени мира с СССР, но все-таки «антикоминтерновский пакт» держался крепко, всячески пропагандировался и прославлялся в Японии. Хасан и Халхин-Гол были признаны досадными случайностями, которые не должны повториться.

Мы теперь знаем, что последние годы перед войной и первые годы войны были в Японии посвящены деловым сношениям с белогвардейскими организациями, с разбойничьей бандой Семенова, выработке планов захвата Советского Дальнего Востока и Сибири и окончательному оформлению обширной разработанной программы «справедливого» (без обиды для немецкого союзника) раздела СССР. Но решено было не сразу, т. е. не 22 июня 1941 г., приступить за дело, а пообждать, тем более что и ждать-то приходилось недолго: только до 15 сентября или 15 октября, или уж, на худой конец, до 1 декабря того же 1941 г., т. е. до «немишюемого» взятия Москвы немцами...

Будущим, отдаленным от нашей эпохи историкам покажется, вероятно, загадочнее всего именно несокрушимая прочность этой засевшей в голову не только германской, но и японской военщины идеи о том, что Советский Союз не только будет разгромлен, но и навсегда кончится самостоятельное существование народов, его составляющих.

Ведь министр Танака не шутил, а самым серьезным образом полемизировал с берлинским союзником и огорчался по поводу жадности немцев, которые упорно настаивают, что все земли

Советского Союза на запад от Урала должны остаться навсегда в руках Германии, а все земли на восток от Уральского хребта пойдут Японии.

В некоторые органы прессы (например, «Джапан таймс») неоднократно пропикали отголоски этих сетований Танака и его сторонников. В самом деле, какая некрасивая жадность! — заявляла пресса Танака, — ведь восточный берег Волги на ее нижнем течении от Сталинграда до Каспийского моря географически, геологически, этнографически и есть истинный рубеж Азии, значит здесь, а не на Урале, должны быть границы между Германией и Японией, — не так ли?

Но немцы держались твердо и ни за что не уступали «своей» Волги! Риббентроп уже стал даже поговаривать, что немцы и японцы должны встретиться и пожать друг другу победоносные длани где-то на Сибирской железной дороге. Сталиция пока не уточнялась. Танака считал эту германскую претензию на часть Сибири уже явным покушением на японские права!

Так начинались некоторые трудности по разделу добычи, но что самая добыча уже у них в руках, — в этом хищники впервые стали несколько сомневаться только после зимы 1942 г. Теперь, когда сговорившиеся и уже даже несколько обижавшиеся друг на друга союзники лежат во прахе, проиграв в азартной, авантюристической игре не только свое настоящее, но и свое будущее, — этот вопрос о причинах такой непоколебимой, прямо маньякальной уверенности в близком полном исчезновении СССР и в своей обеспеченной победе приобретает не только исторический, но и живой политический интерес.

Ведь японская военщина и гитлеровская банда в Германии в какой-то мере понимали, например, Англию, Америку, понимали еще другие державы, но понять Советский Союз они оказались абсолютно бессильны. Герцен говорил по одному поводу, что реакционеры той или иной абсолютистской страны еще могут понять английских правящих либералов вроде Гладстона, «по сочувствию маленьких науков к большому тарантулу», но, например, понять инсurreкционного вождя Гарибальди они никак не в состоянии. Нечто подобное, но в несравненно большей степени, имело место и тут. Бессилие уразуметь, что социализм, советский строй создали могучее государство, что отказ от националистического великодержавного преследования малых народностей, создает, а не уничтожает в стране реальное единство населяющих ее народов; закоренелая, абсолютно ложная мысль о том, что с исчезновением эксплуататоров в России якобы испарился патриотизм, тогда как он, наоборот, достиг невиданной силы, — вот что погубило берлинских учителей и восторженных токийских учеников.

Это непонимание именно и порождает роковую по своим последствиям уверенность в мнимой советской слабости и в собственных преимуществах. Враги СССР очень хорошо знали всегда,

почему они ненавидят наш Советский Союз, но почему он оказался так неслыханно силен, они не только никогда не понимали, но самый факт его могущества не захотели признать и учесть даже после Хасана и Халхин-Гола. Понадобился Сталинград и потребовалось затем истребление или пленение, после краткой, но жесточайшей борьбы, всей японской прекрасно вооруженной армии в Маньчжурии летом 1945 г. нашими героическими войсками, чтобы в Японии окончательно поняли роковую ошибочность расчетов министра Танака... Это не значит, что ошибка понята везде и что она всюду учитывается по достоинству и во всей своей логической полноте.

Ошибки и просчеты — вещь живучая, это и доказывать не приходится. Вся мировая история это иллюстрирует с полной убедительностью. Часто бывало так, что требовалась не одна гекатомба жертв, чтобы покончить с укоренившимся заблуждением.

Мы читаем нынешнюю мировую прессу и буквально на каждом шагу слышим старые лозунги и возгласы, встречаем старых, хорошо приглядевшихся знакомцев, хотя, конечно, переодетых в другой костюм. Тут и могучая, высокопоставленная, истинно религиозная раса, которую всеблаготворец, давно ей протектирующий, снабдил очень кстати новым оружием для «руководства» всем человечеством. Тут и совсем недавнее заявление из очень близких к правящим сферам и к бирже на Уолстрите кругов о том, что англосаксы отныне «должны вести борьбу против СССР с агрессивных позиций». Тут, наконец, правда, лишь пока в очень туманной форме, новая, кажущаяся ее авторам крайне удачной мысль: нельзя ли-де как-нибудь на вспомогательных ролях использовать для будущих «строгих мер» тех же немцев и японцев, ошибка которых состояла не в том идеале, который они ставили своей конечной целью, а в том только, что они неловко и не считав сил взялись за дело.

Правда, из официальных лиц, из дипломатов, находящихся на службе, ни одного, кто подобные суждения прямо высказывал бы, мы не найдем. Но достаточно и того, что подобные вещи пишутся, печатаются, читаются...

Отрадно в годовщину дня, когда был провозглашен победоносный конец войны, низвергнувший в пропасть две хищнические державы, думать, что у нашего великого Советского государства друзей на земле все-таки гораздо больше, чем врагов, и что эти друзья искренне, без всякой задней мысли, радуются, чувствуя вместе с нами день нашей общей победы. Далеко не всюду наши друзья стоят у государственного руля, но все же голос их достаточно внушителен, чтобы крайне затруднять происки, интриги, провокации тех, кто, может быть, не прочь был бы идти по следам только что раздавленных хищников.

Красная звезда, 1946. 3 сентября,
№ 208.

ОБ ИЗУЧЕНИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОЙ ДИПЛОМАТИИ В XVIII—XX ВВ.

Одним из значительных достижений советской исторической науки — с политической точки зрения — я считаю рост интереса советских историков к вопросам внешнеполитическим. Именно этой категории исторических проблем было посвящено большинство моих работ за 30 лет Советской власти. Важность изучения истории международных отношений я за последние годы неустанно пропагандировал. Это и побуждает меня в сборнике, посвященном 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции, остановиться исключительно на этой группе моих исследований.

Мне давно казалось, еще в первые годы после окончания университета (я многократно говорил об этом и с кафедры и в печати), что у нас историческая наука в общем крайне мало и, можно сказать, неохотно и небрежно разрабатывала историю внешней политики и дипломатии Русского государства. Если оставить в стороне одно славное исключение — Сергея Михайловича Соловьева, — то нельзя назвать буквально ни одного крупного историка России, который серьезно и подолгу останавливался бы на этом важном, сложном и очень мало, в сущности, изученном вопросе. Ни Ключевский, ни Платонов, ни Бестужев-Рюмин, ни Лаппо-Данилевский почти ничего в этом отношении не дали в своих больших курсах и ценных общих трудах. Монографическая литература тоже была очень мала и далеко не всегда стояла на высоте современных научных требований. Были и счастливые исключения, но они лишь подтверждали правило.

В процессе своей работы я все ближе подходил к истории внешней политики России и ее дипломатических и экономических сношений с Европой. Перед самой революцией, в конце 1916 г., вышел второй том (первый вышел в 1913 г.) моего большого исследования «Континентальная блокада», причем особая глава в этой работе посвящена отношениям России и Франции при Наполеоне, а в обоих томах экономика теснейшим образом увязывается с политикой и дипломатией начала XIX в. Первая мировая война и последующие события уже сами по себе обострили внимание к вопросам международной политики и в прошлом и в настоящем. К этому прибавилось еще одно в высшей степени важное обстоятельство, которое сыграло очень большую роль в направлении моих научных занятий в первые же годы революции.

Советская власть буквально с первых дней своего существования поставила своей целью не только сберечь сокровища государственных архивов в обеих столицах и в провинции, но и радикально преобразовать их организацию и управление. Впрочем, слово «реорганизовать» здесь не совсем точно: Советской власти тут приходилось в очень и очень многом не преобразовывать, а создавать на пустом месте. В 1918 г. я был назначен управляющим эконо-

помощниками архивами Центрархива в Петрограде и принял непосредственное участие в первоначальном проведении этой широкой реформы в жизнь.

Наиболее непосредственно меня — не как работника Центрархива, а как исследователя — коснулось то, что прямо относилось к области все более и более захватывающих меня интересов выявления и анализа документов, касающихся истории русских дипломатических отношений и тесно связанной с ними военной истории России. Уже в 1924—1929 гг., при ежегодных и длительных (по 5 месяцев) командировках во Францию, кончая свои исследования по социально-экономической истории Франции, я одновременно много работал — не только в Национальном архиве, но и в Архиве Министерства иностранных дел в Париже — над двумя сериями документальных фондов, прямо относящихся к России. Это были: «Correspondance» — переписка послов с министерством и «Mémoires et documents» — колоссальная драгоценная коллекция разнообразнейших рукописей, скопленных в министерстве в особенном изобилии именно в те исторические периоды, когда Франция почему-либо начинала уделять более пристальное, чем всегда, внимание русским делам.

Между тем выявление и архивная систематизация бумаг бывшего русского Министерства иностранных дел быстро прогрессировали, и архивы Москвы и Ленинграда дали обильную жатву тем, кто начал ими интересоваться. Обнаружилось, что наши архивные сокровища не только полностью сохранены, но еще и приумножены и что Советская власть решительно все сберегла даже в первые бурные годы.

Я помню, как мне пришлось (в 20-х годах) водить по ленинградским архивам приехавшего в СССР замечательного ученого, архивоведа и историка, директора Национального архива в Париже, проф. Ланглуа, и как он изумился при виде великолепного зала архивов Спюода. «Как? — воскликнул он. — Неужели у вас сохранились церковные архивы?» А когда я ответил утвердительно, то Ланглуа с убеждением сказал: «Ваша революция была умнее нашей!» — и повторял это на все лады: «*Votre révolution a été plus intelligente que la notre! Votre révolution avait plus d'esprit que la notre!*» Он имел в виду, что в 1789—1794 гг. очень много церковных архивов во Франции было сожжено. Он мог бы повторить тот же комплимент и по поводу бережного охранения Советской властью архивов Министерства иностранных дел: во Франции они сохранились после революции с большими «лакунами», чем у нас. Документы по истории внешнеполитических отношений России от древних времен до наших дней были распределены после Октябрьской революции по архивохранилищам: Архив древних актов и Архив внешней политики России (в Москве) и Центральный Государственный Исторический архив (в Ленинграде). Все они хранятся в образцовом порядке и вполне доступны для ученых

исследователей. Много сокровищ я находил также в рукописных коллекциях Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Моя личная исследовательская работа в этой области сосредоточилась на периоде XVIII—XIX вв., причем я старался останавливаться на таких участках этого периода, которые казались мне либо недостаточно, либо неправильно освещенными и разработанными. А всякому исследователю известно, что существование даже и очень обильной историографии вопроса несколько не является ручательством исчерпывающей научной разработки его. Архивная документация, выявленная, систематизированная, ставшая широко доступной после революции, очень сильно помогла работе.

Много труда положил я на двухтомное исследование о Крымской войне. Здесь я остановился преимущественно на дипломатической истории этого великого столкновения. Наши документы дали возможность по-новому и более детально осветить ряд проблем, например, о вступлении Австрии во враждебную России коалицию, о той сложной, роковой и вполне удавшейся прусским и австрийским дипломатам интриге, которая безнадежно расорила Николая I с Наполеоном III, о роли Паскевича в уходе русских войск из Молдавии и Валахии, о предыстории парижских мирных переговоров и о тайной антианглийской политике Наполеона III, о неожиданной существенной помощи, которую он оказал в этой связи А. Ф. Орлову весной (февраль и март) 1856 г., и т. д. Оказалось, что и военная история Крымской войны разработана не настолько полно, чтобы историк, даже посвятивший свое внимание лишь дипломатической стороне дела, мог вполне спокойно положиться на то, что сделано в области истории военных событий. Для примера приведу хотя бы поразительную русскую победу (когда был отбит общий штурм Севастополя) 6 (18) июня 1855 г., или взятие Карса. В старой историографии часто умудрялись из «любезности» к Н. Н. Муравьеву *даже не упоминать имени истинного победителя*, казачьего генерала Якова Петровича Бакланова. Западноевропейская историография Крымской войны, прямо скажу, тоже мало помогла мне, и сплошь да рядом я обнаруживал в ней плохую осведомленность или пристрастие, или нежелание критически вдуматься в материал. Приведу и тут, наудачу, лишь один пример. Сидит в Константинополе в 1853 г. английский посол, лорд Стратфорд Редклиф, заклятый враг России, и изо всех сил толкает гурок к объявлению войны. Но донесения свои министру Кларендону он пишет в таком духе, что, *читая их и веря им, пришлось бы сказать: да, вот истинно миролюбивый дипломат!* Это именно и говорят английские историки, во главе с таким ученым, как новейший автор (недавно скончавшийся) Гарольд Темперлей. Но ведь точно известно, что английская служебная традиция и дипломатия, прочно установленная при Пальмерстоне, повелевает британским послам писать так свои официальные донесения, чтобы потом, в

нужный момент, можно было их напечатать в виде «Белой книги» в поучение современникам и потомству. Конечно, оттого все английские «Белые книги» неизменно проникнуты голубиной невинностью, христианской кротостью и миролюбием. А по десяткам совсем других, менее официальных «каналов» Стратфорд Редклиф наисекретнейше сообщал в Лондон то, что он делал на самом деле. В процессе этой работы мне не раз приходилось восстанавливать в подобных случаях «права факта», т. е. истину.

В «Крымской войне» я остановился на вопросе о той дипломатической борьбе, которая привела к окончательному соглашению Австрии с Англией и Наполеоном III 2 декабря 1854 г. Документы, которые привлечены мною к анализу этого события, имевшего такие громадные последствия, не только никогда до сих пор не были использованы, но даже и не были известны. Вообще я старался восполнить ту зияющую пустоту в историографии Крымской войны, которую приходится констатировать касательно истинной роли Австрии, Пруссии и всего Германского союза. Отчасти тайная, отчасти открытая вражда немецких держав к России имела громадное значение для исхода титанической борьбы, в особенности в заключительном ее фазисе.

Другая моя работа — «Европа в эпоху империализма» — относится к периоду с 1871 по 1919 г. и почти вся посвящена фактам и деятелям дипломатии и дипломатической борьбе за время от Франкфуртского до Версальского мира. Я старался выявить еще тогда, когда писал эту книгу, за 14 лет до нападения на нас гитлеровской банды, корни и методы немецкой империалистической политики и решающую роль и ответственность Германии в возникновении первой мировой войны. Я всегда считал очень вредным заблужденным внушаемую немецкими фальсификаторами истории мысль о германской «невинности» в системе долгих провокаций, приведших к взрыву войны 1914 г.

Вскоре после этой работы я выпустил в свет книгу, в которой хотел собрать в сжатом виде результаты моих архивных работ по экономической и политической истории наполеоновского периода. Здесь также меня занимала прежде всего дипломатическая сторона дела. Моя книга «Наполеон» была переведена на английский, французский, немецкий, румынский, венгерский, болгарский, сербский, армянский, грузинский языки и вызвала очень большую критическую литературу. К этой работе, в которой большое внимание уделено России, примыкает также переведенная на многие иностранные языки книга «Нашествие Наполеона на Россию». Эта книга вышла в свет еще за три года до нападения на нас гитлеровской орды, а на английский язык была переведена в 1942 г., что и дало повод прочитавшему ее английскому министру Даф-Куперу заявить в одной из своих парламентских речей (в 1943 г.), что если кто желает заранее узнать, каков будет конец гитлеровской авантюры, пусть прочтет книгу «Нашествие Наполеона на Россию».

В этой книге я также с особым вниманием останавливаюсь на дипломатии и на таких моментах, как конфликт Кутузова с сэром Робертом Вильсоном, представителем Англии в ставке великого русского полководца. Вильсон боялся, что Кутузов удовлетворится изгнанием Наполеона из России и не пожелает идти дальше и освободить Европу, а Кутузов заявлял Вильсону и Александру I, что в полном уничтожении Наполеона заинтересована не Россия, но Англия. Тематически обе мои работы («Наполеон» и «Нашествие Наполеона на Россию») тесно связаны между собой. В первой я старался установить грань между концом французской войны в защиту революционной страны от монархической интервенции и началом долгой серии кровавых империалистических войн Наполеона, кончившихся сначала порабощением почти всего континента Западной Европы, а потом совершенно неизбежным нападением агрессора на Россию. Во второй работе, посвященной 1812 г., я останавливаюсь на том, почему континентальная блокада, фатально ставшая единственным реальным средством борьбы Наполеона с Англией, неизбежно должна была, даже и помимо других, крайне существенных причин, привести к жесточайшему конфликту с Россией.

Специально заинтересовавшись весьма мало освещенным вопросом о русской дипломатической и общеполитической деятельности в Средиземном море, я предпринял систематическое исследование этой темы. Результаты своей работы в этой области я печатал в журнале «Морской сборник», а потом они выходили отдельными книгами. К числу таких исследований относятся: «Чесменская экспедиция (1770—1775)», «Экспедиция адмирала Ушакова в Средиземное море (1798—1800)» и, наконец, подготовленная к печати работа «Экспедиция адмирала Сенявина в Средиземное море (1805—1807)».

В этих исследованиях, также в значительной мере основанных на неизданной документации (больше всего — из Государственного архива Военно-Морского Флота, из Архива древних актов, Архива внешней политики России и рукописного отделения Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина), я выясняю стародавние стремления России осуществлять свои права на свободное плавание в Средиземном море, характерную упорную военную борьбу против турок и дипломатический антагонизм между Англией и Россией, а также Францией и Россией на этом море. Россия никогда не соглашалась признать Средиземное море ни английским «озером», ни французским. Тяготение греков и балканских славян к России также связано с этими тремя первыми походами русских морских сил и военными подвигами наших моряков. На основании переписки Нельсона с Ушаковым и с английскими морскими начальниками выясняется вся двойственность действий британской политики, целью которой был захват в прочное английское владение всех Ионических островов. Нельсон не скрывал своей большой

досады по поводу того, что Ушаков предупредил его планы, взяв втурмом крепость на Корфу и упрочив русское завоевание. Греки Ионических островов, которым Ушаков даровал широкое самоуправление, в течение ряда поколений вспоминали о нем с большой любовью и уважением.

Мои исследования об этих трех экспедициях (две работы уже вышли в свет) будут вскоре дополнены книгой под общим названием «Русские на Средиземном море в XVIII и в начале XIX века».

Эти три исследования касаются больше всего именно дипломатических отношений России, связанных с русскими военными действиями в Средиземном море, т. е. такой проблемы, которой ни у нас, ни в европейской науке почти никто и не касался. Писавшие об этих экспедициях историки интересовались главным образом лишь военно-морскими операциями. Между тем дипломатическая деятельность в первой экспедиции Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского, во второй — адмирала Ушакова и в третьей — адмирала Сенявина имела очень серьезное общее значение в истории внешней политики России в XVIII и в первые годы XIX в., в частности, в истории славяно-русских и греко-русских отношений. Старая традиция дружественных отношений балканских славян и греков в их борьбе против турецких насильников и угнетателей восходит именно к временам этих трех экспедиций.

В настоящее время я занят большой работой под общим названием «Внешняя политика России при Екатерине II». Эта работа будет продолжена анализом событий при Павле и Александре и рассчитана на ближайшие годы. Пока из этой работы готовы к печати глава, характеризующая Екатерину II и ее ближайших сотрудников как дипломатов, и три главы о русской дипломатии в годы трех разделов Польши. Подготавливаются к печати главы о походе Валерьяна Зубова против Персии, о вооруженном нейтралитете.

В работе о Екатерине мне также пришлось привлечь новый материал и очень критически пересмотреть старые установки, получившие права гражданства в исторической литературе. Я выясняю роковые для Польши условия, толкнувшие Екатерину на раздел территории Польши, чему она долго противилась. Говорю также о блестящей дипломатической победе Екатерины над Вильямом Пяттым Младшим; опровергаю пуценную из Германии легенду о «влиятельности» Фридриха II на русскую дипломатию.

Привлеченные мной к исследованию архивные материалы позволили внести значительную поправку к традиционному взгляду на отношение Екатерины II к французской революции. Конечно, не может быть ни малейшего сомнения, что императрица с присущим ей дипломатическим талантом широчайше использовала ту свободу рук, которую дала ей война Австрии, Пруссии, Швеции, Англии против революционной Франции. Но этот правильный, традиционный взгляд не дает все-таки полного представления о

том, как на самом деле обстояло дело: Екатерина очень опасалась влияния революции в самой России и, судя по ряду признаний, только потому не вмешивалась непосредственно в вооруженную интервенцию против Франции, что долго надеялась на конечную победу монархических интервентов и торопилась использовать свободу рук для своих планов на Кавказе, в Персии и т. д. Но она одушевлена была по отношению к революции теми же чувствами, как и позднейшие «жандармы Европы» и интервенты.

Работа над первыми русскими экспедициями в Средиземном море заставила меня обратиться к мало освещенному, но значительному по существу вопросу о начале русского флота и о его роли во внешней политике его создателя — Петра I. В вышедшем в 1946 г. моем небольшом исследовании я разрабатываю этот специальный вопрос. Я выясняю долгую и упорную работу английских дипломатов, направленную к срыву русско-шведских мирных переговоров, и прихожу к тому выводу, что лишь создание сильного флота Петром принудило Швецию согласиться на мир спустя 12 лет после Полтавы.

Мне пришлось заниматься историей дипломатии также в моей специальной работе «Приемы буржуазной дипломатии», помещенной в третьем томе коллективного труда «История дипломатии», вышедшего под редакцией В. П. Потемкина. Наконец, вскоре выйдет в свет печатающаяся в Издательстве Академии наук моя работа о Талейране. Основом ее послужила вышедшая несколько лет назад моя книга об этом деятеле, но нынешнее издание ее, почти вдвое превосходящее размерами первое и дающее ряд новых глав, особенно имеющих отношение к России, является пересмотром и в значительной степени опровержением взглядов на Талейрана современной западноевропейской и американской историографии, превозносящей в ряде трудов именно теперь, в последние 20—25 лет, французского дипломата «выше облака ходячего», как его никогда не превозносили раньше, даже в середине XIX в. Я считал, что советская историческая наука должна дать отпор этому антинаучному течению, — и наша архивная документация (не известная вовсе или очень мало и из третьих рук известная западным исследователям) послужила мне и тут большую службу.

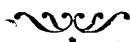
В своем университетском преподавании — и в лекциях и в семинарах — я старался заинтересовать моих слушателей вопросами истории внешней политики России и других стран и могу с большим чувством удовлетворения отметить, что некоторые мои слушатели и лица, работавшие под моим руководством, уже дали ряд серьезных трудов, отчасти появившихся в печати, отчасти ждущих опубликования.

Большинство этих работ либо уже удостоено ученых степеней, либо вскоре будет защищаться на диспутах. Живой интерес молодых ученых, с которыми я связан, к истории русской внешней политики и дипломатии несомненен.

Мои товарищи по Ленинградскому и Московскому университетам и по Институту истории Академии наук как в Москве, так и в Ленинграде, профессора русской и всеобщей истории могли бы на основании своего опыта подтвердить и очень пополнить мои наблюдения.

Работы ученой молодежи, и напечатанные, и ждущие выхода из печати, не мало вносят и нового материала и самостоятельного исследовательского труда. Никогда в прежнее время не было такого стремления к изучению внешней политики и дипломатии, этой прежде заброшенной у нас и забытой области истории, как в настоящее время.

В кн.: Академия наук СССР.
Юбилейный сборник, посвященный
тридцатилетию Великой Октябрьской
социалистической революции. Ч. 2.
М.—Л., 1947, стр. 667—675.

РУССКАЯ ВОЙНА, 1854. БАЛТИЙСКОЕ И ЧЕРНОЕ МОРЯ

Официальная корреспонденция под ред. Д. Боннер-Смита и капитана А. Дюар. Лондон, 1943. 434 стр. (Публикации Общества издания документов морской истории. Т. 83)

RUSSIAN WAR. 1854. BALTIC AND BLEACK SEA

Official correspondence. Ed. by D. Bonner-Smith and captain A. C. Dewar. London, 1943. 434 p. (Publications of the Navy records Society. Vol. 83).

Лежащий перед нами 83-й том публикации Общества издания документов морской истории Великобритании разделяется на две части: первая посвящена документам, относящимся к балтийской экспедиции адмирала Чарльза Нешира в 1854 г., а другая — переписка между адмиралтейством и вице-адмиралом сэром Джемсом Дондасом, командовавшим британскими морскими силами на Черном море (точнее, на Средиземном) до конца 1854 г.

Обе части, бесспорно, представляют известный интерес для истории Крымской войны.

Интересной исторической фигурой был Чарльз Нешир, которым мне пришлось уже заниматься в соответствующей главе I тома моей «Крымской войны». Этот «вождь несчастливый» был сломлен на своем жизненном пути и полной безрезультатностью экспедиции, которую он возглавил, и несправедливостью адмиралтейства, которое сделало из него козла отпущения за собственные промахи и предательским по отношению к нему поведением Пальмерстона, который отступился от Нешира и не поддержал его, когда его выгнали со службы без предупреждения.

Непир мужественно и долго защищал свою честь от полчища могущественных служебных врагов. Не говоря уже о том, что ему даны были для трудной экспедиции явно недостаточные силы и что он не в состоянии был приступить к главной операции — общему нападению на Кронштадт, — но у него не оказалось даже возможности атаковать и северную, незащищенную сторону этой морской крепости. В позднейшем разговоре Непира с великим князем Константином Николаевичем последний выразил удивление по этому поводу. «Но когда я, — пишет Непир, — сказал ему, что у меня не было средств сделать это, что у меня не было ни канонерских лодок, ни судов с мортирами и с конгревовыми ракетами, то он перестал удивляться». Дело в том, что знаменитое «закидывание шапками» противника практиковалось в годы Крымской войны не только хвастливыми шовинистами у нас, в России, но точь-в-точь то же явление наблюдалось среди подобных элементов и в Англии, и Непир честно предупреждал свое начальство: «Об экипажах (русских — *Е. Т.*) пишут, что они превосходны в стрельбе и маневре и что офицеры и команды долго жили вместе. Таким флотом пренебрегать нельзя».

К этим и другим аналогичным показаниям источников, использованных мною в «Крымской войне», разбираемый том прибавляет некоторые подтверждающие свидетельства. Эти новые свидетельства окончательно удостоверяют, что морская защита России вовсе не была так безнадежно слаба, как долго было принято думать (и как гласала напропалую патриотическая лондонская пресса в это самое время). Вот что писал Непир лордам адмиралтейства, будучи около Ханге 20 мая 1854 г.: «Милорды могут положиться, что я войду в верхнюю (восточную) часть (Финского) залива, когда смогу. Но я должен оставить достаточные силы перед Свеаборгом, где есть (у русских — *Е. Т.*) восемь или девять линейных кораблей, а затем я должен буду иметь достаточно сил, чтобы считаться с двадцатью линейными кораблями, кроме фрегатов и паровых судов в Кронштадте. Как это мне сделать, имея двадцать линейных судов, причем некоторые из них совсем не готовы вступить в бой, — я в самом деле не знаю». Подойдя к Кронштадту в начале июля, Непир категорически заявляет лордам адмиралтейства, что крепость неприступна. Батареи крепости так сильны, а подход к берегу так труден, что «какая бы то ни была атака против Кронштадта при наших (английских — *Е. Т.*) средствах кажется мне совершенно невозможной, и я думаю, что единственное средство нападения на Кронштадт — сделать это большой армией, которую должно высадить на берегу и начать должно с Петербурга» (1 июля 1854 г.). Но мы знаем, что у англичан не было никакой возможности, а у французов никакого желания высаживать «большую армию» около Петербурга и начинать операцию против столицы и морской крепости. Конечный политический провал балтийской экспедиции был с этого момента совершившимся фактом. Да и вообще

с Финским заливом дело обстояло плохо. 22 сентября Непир произвел разведку близ Ревеля. Но, во-первых, нападение на Ревель было бы совсем бессмысленно, а во-вторых, как пишет Непир, «если бы тут и была цель, то нападение (на Ревель — *Е. Т.*) с моря я считаю очень опасным».

Как известно, овладение Бомарзундом, не представлявшим в эту войну сколько-нибудь серьезного значения, не имело никаких решительных последствий, кроме рекламной победоносной шумихи боначартовской прессы в Париже и пальмерстоновской прессы в Лондоне. В сущности взяты были два укрепленных дома с флигелем на пустынном островке и маленький русский гарнизон, причем с целью увеличить число пленных к ним были причислены также все финские прачки, работавшие в казарме. Но вот что делает из этого адмирал Непир, которому вообще было неловко, так как главную роль в этом очень скромном подвиге сыграли все-таки не англичане, а французы: «Невозможно созерцать крепость и начальные гигантские работы, не почувствовав убеждения, что Бомарзунду предназначалось затмить Свеаборг и Ревель и сделаться главной стоянкой русского флота, командующего над Финским и Ботническим заливами и держащим Швецию в совершенном подчинении».

Так красноречивые британские адмиралы писали историю Крымской войны специально для лордов адмиралтейства (донесение № 30-с, стр. 98). Немало документов относится к истории опалы Чарльза Непира после возвращения его в Англию и последовавшей тогда его внезапной отставки.

Вторая часть тома занята корреспонденцией вице-адмирала сэра Джемса Дондаса с лордами адмиралтейства, относящейся к действиям британского флота на Черном море в 1854 г.

Здесь, так же как и в первой части, публикуемые впервые документы, не давая никаких капитальных, переворачивающих прежние представления новых фактов, до сих пор неизвестных, вносят все же некоторые очень характерные черты, которыми исследователь непременно воспользуется. Совершенно определенно выясняется, что в те самые дни, когда Нахимов и Корнилов высаживали людей и орудия с кораблей на сушу, англичане делали то же самое: Дондас высаживал существенную часть своей артиллерии и своих матросов в помощь осаждающим. Первая бомбардировка 5 (17) октября (где погиб Корнилов) не привела к желанному для союзников результату: затевавшийся общий штурм Севастополя, для которого и был открыт этот долгий и страшный огонь, так и не мог состояться, и редакторы публикуемых документов, Боннер-Смят и капитан Деуор, вполне согласно с исторической истиной, делают вывод: «Бомбардировка сделала мало, и общий штурм, который имелось в виду поддержать, провалился».

Это признание, в столь категорической форме говорящее о провале в ночь 5 (17) октября 1854 г., как о тяжелой для союзников неудаче, в английской историографии обыкновенно не встречается.

Уже и это не могло понравиться лордам адмиралтейства. Но сердиться на флот и на Дондаса не приходилось. А было другое обстоятельство, за которое лорды уже предъявили претензию лично Дондасу. Уже 25 октября наступило, а он все еще не мог установить блокаду русских портов. «За вычетом устьев Дуная до сих пор еще не установлена блокада на Черном море. Одесса открыта. Керчь открыта, весь берег от Севастополя до входа в Азовское море остался непо тревоженным и вне наблюдений союзнических крейсеров», — пишет адмиралтейство Дондасу 25 октября 1854 г.

Конечно, Дондас ничуть не хуже лордов адмиралтейства сообщает, что, не взяв Керчи, нельзя установить постоянной блокады. Но вот как ее возьмешь? «Я всегда вполне понимал ценность Азовского моря для неприятеля, и что это (блокада — *Е. Т.*) может быть достигнуто только, если овладеть Керчью. Несколько недель тому назад я требовал посадки на суда для этой крепости двух тысяч человек, но милорды ведь осведомлены, что от болезней и вследствие сражения под Альмой наши войска понесли большие потери, а французский адмирал, когда он обратился за помощью к своему генералу (главнокомандующему сухопутной армией Канроберу — *Е. Т.*), получил ответ, что тот не может послать ни одного человека», — сообщает Дондас в Лондон. И не только Керчь мешает блокаде и ею трудно овладеть: в Анапе и Суджаке стоят русские гарнизоны в 8 или 10 тысяч человек, «так что без военной силы ему, Дондасу, невозможно действовать».

Да и вообще дело с русскими затягивается, и морская и сухопутная артиллерия на них не очень действует. «Осадные батареи продолжают свой огонь, но враг оказывается решительным и неутомимым в сопротивлении, и непрерывно работает над восстановлением своей обороны и воздвигает земляные укрепления особенно на северном берегу бухты», — сообщает Дондас 28 октября 1854 г.

Не называя Тотлебена, адмирал Дондас выражает очень высокое мнение о нем, донося 6 декабря 1854 г. лордам адмиралтейства: «Зная морские укрепления Севастополя и господствующие над ними земляные работы, я никогда не считал, что нападение на них с кораблей может сопровождаться успешными результатами». Дондас очень настойчиво неоднократно возвращается к мысли о безуспешности действий флота непосредственно против севастопольских укреплений. Мало того, флот от этих действий терпит больше, чем неприятель, а между тем от силы и исправного состояния флота зависит владычество на Черном море, а поэтому и участь всей осаждающей армии. «Совершить преждевременное нападение на грозные и хорошо выстроенные морские укрепления Севастополя значило бы рисковать большой дееспособностью флота», — доносит Дондас 27 октября и в виде иллюстрации своей мысли приводит все тот же пример первой бомбардировки 5(17) октября: «Недавнее дело комбинированных флотов 17-го числа представляет обильные доказательства вреда, который наносится кораблям,

когда они противостоят батареям, укрепленным камнями и землей и извергающим раскаленные докрасна ядра и бомбы».

Во второй части разбираемого сборника документов, так же как и в первой, относящейся к балтийской кампании, много места занято, конечно, рутинной, служебной перепиской, откуда далеко не все понадобится исследователю, но и она интересна порой, как всякий документ, пропитанный чуть ли не осязаемой исторической реальностью.

Вопросы истории, 1947. № 4,
стр. 129—130.

СССР — МИРОВАЯ ДЕРЖАВА

В свете событий, свидетелями которых были наши поколения, Великая Октябрьская социалистическая революция представляется грандиознейшим из всемирно-исторических переворотов, пережитых человечеством за много веков. Теперь, когда Советская держава на глазах всего света спасла Европу и Азию от цепей угрожавшего им чудовищного, мерзостного фашистского порабощения, теперь, когда уже не только в Европе и Азии, но и на всех географических широтах земного шара Советский Союз является главной поддержкой и главной надеждой всех, кто решился дать отпор вновь поднявшему свою голову мировому фашизму и реакционной агрессии, — в высшей степени поучительно вспомнить первые времена кончающегося ныне 30-летнего периода и сопоставить его с переживаемым моментом.

Редко, когда до такой степени ярко сказывалось полное умственное и моральное измельчание, безнадежная посредственность, темное непроходимое невежество и абсолютное отсутствие сколько-нибудь широкого кругозора среди руководящих деятелей буржуазной дипломатии, как в те дни, когда наша революция начала свое победное шествие, когда родилась и начала крестить Советская власть. Мы не говорим о том, что стремление поскорее удушить Советский Союз было главенствующим их чувством, — удивительного в этом ничего нет: ожидать симпатий со стороны капиталистического мира и его официальных представителей к возникавшему социалистическому строю было бы наивно. Но полнейшее непонимание врагом размеров и самой сущности Октябрьской победы — вот что представляется в самом деле диковинным. Вспоминаются цинично-насмешливые слова шведского дипломата XVII столетия Акселя Оксеншерны, отправлявшего своего сына к главным европейским правительствам и желавшего приободрить пробовавшего молодого человека: «Разве ты не знаешь, сынок, как мало ума бывает достаточно, чтобы править миром?»

Версальские победители неопровержимо доказали, что Западная Европа не весьма изменилась в этом отношении со времен шведского кашцлера.

Наши враги рассуждали: да, конечно, задуть Советский Союз нужно, но ведь не так и трудно! Стоит ли даже изучать его, стоит ли присматриваться? Не слишком ли много чести для «большевиков», даже чтобы грамотно их называть? (В Версальском договоре Советская власть *нигде* не называется Советской властью, а всегда именуется забавно-безграмотно: «максималисты».) «Четырнадцать держав идут против Москвы!» — ликовал Уинстон Черчилль. «Зачем вам четырнадцать? Мы и одни справимся, — откликнулся Людендорф. — Дайте нам только немножко свободы действий». Даже, пожалуй, и хорошо, продолжали они свои рассуждения, что на один коротенький миг — о, это, ведь, не надолго! — в России водворились «максималисты»; например, бельгийский министр де Брокевилль даже юмористически похваливал Советскую власть за то, что она не потребовала своей доли в германской добыче.

Итак, удушить революцию казалось им легко. Вопрос шел только о том, чтобы не дать конкурентам слишком обильно поживиться при этой предстоящей «совсем нетрудной» и прибыльной операции удушения и оккупации Советской страны. С каким восторгом приветствовала парижская биржа поход «польского паладина» Пилсудского на Киев! И с каким благодарным волнением восхваляли президента Мильерана, пославшего генерала Вейгана в срочном порядке спасать этого паладина, когда он, развивая предельную скорость, уносил ноги из Киева!

Но время шло, и с каждым годом становилось яснее, что советский строй пустил глубокие корни среди народов, населяющих необъятную территорию, и что все попытки покончить с ним возбуждением ли гражданской войны, или внезапным налетом из-за той либо иной границы, или даже комбинацией обоих приемов — проваливаются самым постыдным образом и, что удивительнее всего, проваливаются очень быстро.

Наступил в Европе и Америке второй период — время некоторого, так сказать, раздумья, время похмелья после быстро миновавшего опьянения радужными надеждами. Кто-то стал высказывать предположение о возможности мирного сожительства, о выгодах экономического использования богатств советской территории, о концессиях... Но все-таки мысль о скоротечности, об эфемерности существования советского строя продолжала упорно держаться у наших врагов. Настроения были двойственные. С одной стороны, приходилось мириться с «досадой и неожиданной затяжкой ликвидации советского строя» и стараться все же, по мере сил, не дать конкурентам извлечь экономические выгоды из этой «затяжки»: в Англии, во Франции, в Америке договор в Рапалло был встречен с большим раздражением, а к последовавшему убийству Вальтера

Ратенау отнеслись крайне спокойно и даже не без некоторого чувства облегчения. А с другой стороны, капиталистический мир совершенно правильно, со своей точки зрения, оценивал опасную сторону упрочения социалистического строя в шестой части земли для самых основ классового общества, основанного на эксплуатации чужого труда. Поэтому в минувший период, нами рассматриваемый, попытки войти с Советским Союзом в деловые сношения чередовались время от времени с внезапными наглыми вылазками, с прямыми провокациями — то с обдуманными злодейскими убийствами наших дипломатических представителей, то с оскорбительными выходками, вроде нарушения дипломатической неприкосновенности помещений советских посольств, и т. д. Все это была «проба сил»: хотелось удостовериться, готов ли Советский Союз к вооруженному отпору или не готов.

Возникновение гитлеровской «третьей империи» приветствовалось в американской, английской, французской прессе именно потому, что вся установка внешней политики фашистской банды диктовалась нисколько не скрываемой программой нападения на Советский Союз. Отныне казалось возможным кое-где поставить «пробу сил» уже гораздо серьезнее, чем до той поры. Хасан, Халхин-Гол явились прямым, хоть и абсолютно неожиданным результатом такой «пробы сил» — неожиданным, конечно, для инициаторов этих агрессий. Но даже эти два кровавых, позорных поражения японской военщины не разубедили американских и европейских империалистов в рискованности и неисполнимости их мечтаний. Существование гитлеровской банды вознаграждало явных и тайных врагов Союза за все разочарования, надежда продолжала рисовать замалчиваемые дали. «К счастью, г. Гитлер начал думать об Украине», — с восторгом писали публицисты французской «министерской» газеты «Тан» 24 декабря 1938 года, приберегши эту весть для сочельника, чтобы порадовать к празднику своих читателей.

Наступила мировая война с ее «увертюрой» — войной советско-финской. Франция состоит в войне с гитлеровской Германией, идет та самая (так и оставшаяся в истории под этим названием) «странная война» («drôle de guerre»), «странность» коей заключается в том, что господин Даладь сначала засадил в тюрьму тысячи и тысячи коммунистов, а затем нашел способ гарантировать Гитлеру, что немцы могут вполне спокойно разгромить Польшу, не боясь ли одного выстрела «на Рейне». Другая «странность» «странной войны» заключалась в том, что Даладь громогласно заявил (в начале зимы 1940 г.), что он собирается отправить 75 тысяч пехоты и артиллерии на помощь Финляндии против Советского Союза. Это все вытворяя доблестный премьер за 4 месяца до полной капитуляции Франции после 3-недельных слабых попыток остановить немецкое вторжение. «Советский Союз не есть держава, с которой стоит считаться», — возражала пресса г-на Даладь на робкие

напоминания оппозиции о необходимости все же sobлюсти известные приличия, подумать о будущих франко-русских отношениях.

И вот происходит вторжение несметных разбойничьих орд на территорию нашего Отечества.

После всего только-что сказанного нет ничего удивительного в том, что первые «удачи» немцев на нашем фронте были приняты реакционерами как предвестие окончательного, бесповоротного поражения Советского Союза.

Даже все неистовые злодеяния фашистской орды, все издевательства над безоружным населением, все генеральские приказы об истреблении русских исторических памятников были поняты наиболее читаемыми, широко распространенными органами европейской и американской прессы как прямое и вполне убедительное подтверждение знаменитого афоризма Геббельса: «русского реванша не будет, потому что русских не будет!»

И вдруг, как-будто постепенно стала спадать пелена с глаз изумленного человечества, как-будто последовательно, в ускоряющемся темпе стал рассеиваться туман и начали все явственнее выступать очертания гигантских событий. Переход от создававшейся 24 года подряд злобно-клеветнической и прочно осевшей в умах легенды, переход от диких фашистских выдумок к освоению и признанию поражающей действительности начался на волоколамских путях, продолжался у Сталинграда, под Курской дугой, после Корсуня-Шевченковского и закончился у развалин имперской канцелярии, где испустила свой дух презренная гадина — гитлеризм.

Раньше, чем мы будем говорить о том, какую роль сыграла и продолжает играть великая советская победа в современной истории, раньше, чем мы коснемся безмерного значения Советского Союза как мировой державы для настоящего и грядущего прогресса всего человечества, мы должны остановиться на мгновение, чтобы более конкретно охарактеризовать то совсем небывалое, то поражающее ум и чувство, то невероятное, что отмечали в 1943, 1944, 1945 гг. неоднократно не только друзья, но и противники наши.

Определить это впечатление, которое углубляется и усиливается, чем больше мы думаем о происшедшем и чем больше мы отдаляемся от него во времени, можно так: случилось нечто такое, чего не могли предвидеть, даже в совершенстве зная всемирную историю, в частности, прошлое нашего Отечества, и даже изучив во всех деталях международные отношения за последнюю четверть века, люди, не понимавшие природы нашего социалистического государства. Конечно, мы, советские граждане, знали очень хорошо (и знали давно) то, чего не хотели видеть и отказывались правильно понимать наши противники. Мы знали, что глубокий социальный переворот, созданный Октябрьской революцией, вовсе не ослабил, а поразительно умножил силы национальной самозащиты, и что именно этим, а вовсе не сцеплением «случайностей», были

обусловлены в свое время замечательные победы над контрреволюцией и всеми интервенциями. Мы учли также такие события, как победы под Хасалом и у Халхин-Гола по достоинству, несравненно более правильно, чем это было сделано на Западе — в Европе и Америке. Впрочем, японцы в данном случае обнаружили гораздо больше реализма в своем военно-политическом мышлении, чем англичане, американцы и немцы. Правда, именно японцы были особенно хорошо «поставлены», если только позволительно в данном случае так выразиться, чтобы оценить силу русских ударов. Они так хорошо учли свой опыт, что даже не рискнули напасть на Советский Союз в 1941 г.

Но уж зато в Европе и Америке, где в 1941 г. гадали (вплоть до разгрома немцев в декабре), на сколько месяцев — на два или на три — хватит советского сопротивления, неслыханные победы Советского Союза произвели поистине потрясающее действие. Спешу оговориться: Это ведь только для читающего обывателя английская, американская и французская реакционная пресса разглаживает о том, что помощь англо-саков оказалась «решающей» действии на победу. Мы же задолго до разоблачений Эллиота Рузвельта и до других признаний и свидетельств знали, что материальная помощь союзников лишь в небольшой части восполнила то, что было пужно Советской Армии и что дала ей советская промышленность и советская земля. Мы давно знали, что запоздалая высадка на Ламанше летом 1944 г. последовала не столько для помощи нам, сколько для того, чтобы мы не увлеклись слишком быстрым наступлением к Западу, преследуя отступающих немцев. Публицисты посерьезнее, вроде нашего противника Уолтера Липмана, явно понимали это довольно хорошо, хотя и не считали «удобным» слишком ясно об этом говорить.

И грандиозный в своем величии исторический факт выросал перед глазами изумленного человечества до своих реальных размеров.

Страна, пережившая сначала тяжкую, сопряженную с громадными жертвами, первую мировую войну, совершившая колоссальную революционную ломку и создавшая совсем новый общественный строй и государственный аппарат в обстановке упорной борьбы против внутренних и внешних врагов, — подвергается новому нападению со стороны озверевших немецко-фашистских полчищ.

И эта страна, где социалистический строй возникал в процессе упорной и решительной борьбы, где новое победоносно выдержало борьбу со старым и теперь еще продолжает ликвидировать пережитки этого старого, страна, железной рукой выкорчевавшая всякую возможность возникновения «пятой колонны», сделала то, что оказалось не под силу решительно никакому государству и никакому соединению государств ни до периода гитлеровщины, ни во время развязанной немецким фашизмом второй мировой войны. Сломан был хребет немецко-фашистского зверя, повержена пазема

была «милитаристская «империя», терроризировавшая долгие десятилетия Европу. «Промышленность на колесах», — иронически по-вторяли во французских газетах лавалевские приспешники, говоря о переброске наших гигантских заводов на Урал. И эта «промышленность на колесах» повергла в прах всю «оседлую» промышленность Европейского континента, в три суточных смены работавшую все годы войны на Гитлера и его бандитскую орду.

Это было «пово». Но ведь и Октябрьская революция была «нова». И советская стратегия оказалась настолько «новой», что когда она появилась, то за ненадобностью полетели в печку не только у нас, но и в Европе и в той же Америке все глубокомысленные творения Гельмута Мольтке, графа фон Шлиффена и прочих «непобедимых» стратегов!

А «новее» всего оказалось то, что затем явилось прямым следствием великой победы.

Советская Армия, освобождая одну за другой страны Европы от коричневой чумы, в то же время разбивала столетиями ковавшиеся оковы: перед ее победным натиском спешили унести ноги вчерашние владыки — и доблестные потомки феодалов, и магнаты промышленности, и стародавние бароны майоратных поместий, и новоявленные «бароны доменной трубы», как их называл Бебель (*die Schlottbaronen*).

На знамени победившей великой мировой державы — Советского Союза — были начертаны лозунги социального и политического освобождения. И точно так же, как в военной истории человечества никакие Канны, никакие Седаны не давали возможности предугадать, что такое будет Сталинград, что такое будет Корсунь-Шевченковский или чем будет взятие Берлина, — так же точно в истории не было примера, когда победитель думал не о добыче и не о мести, а о том, чтобы освободить вражеский народ от сосущих его пиявок, от многовекового социального гнета, от ярма и эксплуатации, от страшной духовной отравы.

Разве будет когда-нибудь в истории забыто все, что было сделано, например, в ост-эльбской Германии, едва туда вошли наши победоносные полки? Ост-эльбское юнкерство на протяжении всей истории Пруссии и Германии считалось самым непоколебимым оплотом не только германской, но и мировой реакции. У представителей революционной мысли и носителей революционных настроений в Европе, как бы далеко ни расходились они в оценке политического положения, как бы по-разному ни подходили они к проблеме ближайших и более отдаленных целей, к проблеме тактики и стратегии революционной борьбы, — касательно воззрений на немецкое крупное землевладение у них ни малейших разногласий не было.

И Марксу, и Энгельсу, и Герцену, и Бакунину, и более поздним поколениям — Бебеля и Карла Либкнехта — ост-эльбское юнкерство всегда казалось такой язвой, такой прочной оградой реакции,

сокрушить которую возможно будет только в день полного, окончательного торжества демократической революции. И что же? На другой день после прихода Советской Армии к Эльбе, как ветром развеивается дым, была развеяна по воздуху, испарилась без остатка, провалилась в преисподнюю эта твердыня.

Это было лишь начало. Это явилось как бы символом, прообразом последствий выступления Советского Союза как мировой державы в послевоенное время.

И теперь, оглядываясь на прошедшие два с половиной года, мы видим совершенно отчетливо, как бесконечно велика и благотворна эта пышущая роль Советской мировой державы.

Советский Союз является единственным могучим оплотом мирового прогресса и самым надежным прибежищем и поддержкой всех свободолюбивых народов Европы, которым англо-американская реакция осмеливается беспрестанно самым наглым образом грозить возбуждением у них смуты и гражданской войны и насильственным, по образцу Греции, водворением у них «истинных» демократов в стиле Цалдариса, Зерваса, Маниу, Бура-Комаровского и как они еще там называются. Ведь все меттерниховские реакционные интервенции были детской игрой сравнительно с открытым наглым захватом Афин англо-американскими вооруженными силами и насильственным водворением ненавистной грекам фашистской монархии. «Доктрина Трумэна» была бы совсем похожа на «доктрину» Меттерниха, если бы только Меттерних в своем Шпильберге выкручивал политическим арестантам руки и ноги и подвергал их таким пыткам, как это теперь делают трумэновские цалдарисы и зервасы. Но он этого не делал. Только в этой детали вся разница.

Перед лицом греческих ужасов народы Восточной Европы, славянские и неславянские, все теснее сближаются, все сердечнее и крепче стремятся связать себя с *единственной* великой державой, самое существование которой предохраняет их от злой участи греков или испанцев, или индонезийцев.

А как смотрят на мощь Советской великой державы народы вневропейские, которые рвутся из оков, которые уже вырываются из западни или вырвались, но страшатся, что западня снова захлопнется за ними, как относятся к нашему Союзу, например, корейцы или индонезийцы, или индийцы, или египтяне, — это очень хорошо известно всем на свете, в том числе и нашим уважаемым партиерам, заседающим в Совете безопасности, на конференциях Организации Объединенных Наций и в других аналогичных международных учреждениях.

Но мировое значение Советского Союза не ограничивается сказанным. Великая социалистическая держава является в самом деле палладиумом, ограждающим не только демократию и самостоятельность ряда слабых или средних по силе держав, но также охраняющим международный мир. И эта задача — не из легких.

Америка, Азия, Европа живут в нездоровой и опасной атмосфере следующих одна за другой и становящихся все откровеннее и дерзновеннее провокаций и искусственно возбуждаемых инцидентов.

Обладателями золотых мешков овладела соблазнительная иллюзия непобедимости, им кажется, что силушка по жилушкам у них переливается, их обуял дух неистового национального самонадеяния и хвастовства, и они мечут промы и молнии (пока лишь словесные) в гранитную стену, свокоино высящуюся перед ними, в единственное серьезное препятствие, по их (открыто высказываемому) мнению, которое осталось сокрушить.

Но в своей агрессивной политике, с которой так последовательно борется Советский Союз, наши противники натолкнулись на два препятствия. Во-первых, на тернистом пути хищнической погони за добычей происходят неминуемые размолвки и ссоры между конкурентами, препятствующие формированию коалиции против СССР, а вне коалиции, по их наблюдениям, никак не справиться с мировой Советской державой даже в плане чисто дипломатической борьбы. Для образчика достаточно обратить внимание на то, например, как внезапно во Франции спохватились, что если англосаксы совсем урвут в свою пользу Рур, так ведь можно пожаловаться Советскому Союзу, тогда как до сих пор те же французы хранили гробовое молчание о бесспорном праве СССР участвовать в разрешении вопроса о Руре.

Второе препятствие, затрудняющее наших противников, еще несравненно важнее первого, и обусловлено оно именно тем, что Советский Союз — не только мировая держава, но именно социалистическая мировая держава. Поднять народные массы на новое побоище, на заведомо захватническую агрессивную войну против Советского Союза во имя более беспрепятственного и максимального продуктивного набивания и без того уже туго набитых бумажников князей биржи и королей нефти и стали — дело, по нынешним временам, весьма нелегкое. Во всяком случае пресса гг. Ванденберга, Даллеса, Тафта, Гувера и пр., усердно занятая разжиганием воинственных страстей, совершенно логично, со своей точки зрения, не престаёт восторгаться драконовским антирабочим законодательством нынешнего правительства и конгресса Соединенных Штатов Америки: именно в многомиллионной рабочей среде есть все основания предполагать наиболее упорную оппозицию против слишком уж откровенной подготовки нападения на СССР. Благой пример гитлеровцев, начавших с полного свирепого удушения рабочего движения в Германии, с полной ликвидации всех завоеваний, всех достижений рабочего класса, стоит перед глазами неофашистов, лавры нацистов не дают спать их заатлантическим ученикам и последователям...

В эту осень мы празднуем два юбилея — 800 лет со времени возникновения столицы великого государства и 30 лет со времени

превращения этого государства в социалистическую державу. Сколько возмущающих сопоставлений, сколько мыслей повелительно вторгаются в наше сознание, когда мы думаем об этих так счастливо совпавших юбилейных датах!

Бывали уже в 11-вековой истории нашей страны моменты, когда грозная сила русской державы оказывала могущественное влияние на судьбы Европы. Были поколения, которые признавали, вместе с Байроном, что солнце, освещавшее Москву, когда на нее смотрел с Поклошной горы Наполеон, было «солнцем заката» дерзновенного завоевателя и что пламя московского пожара растопило венец Наполеона и освободило Европу. Были, с другой стороны, долгие годы, целые десятилетия, когда мощью России по своему произволу распоряжались деспоты, державшие великий народ в оковах рабства и пользовавшиеся силами и международным престижем необъятного государства для поддержки чужой неволи, чужого деспотизма, для выполнения жандармских функций.

Великая социалистическая революция не только удесятерила былую мощь Русского государства и поборола его отсталость, но и поставила эту новую, гигантски возросшую силу на службу социального, политического, культурного прогресса всего человечества. Невроятны, почти необозримы ни в пространстве, ни во времени последствия этого радикальнейшего переворота для всех международных отношений и в настоящем и в будущем.

«Спилось ли нам когда-нибудь, Самба, что мы доживем до плавления русского броненосца под красным флагом?» — с восторгом воскликнул Жорес, встретившись с публицистом газеты «Юманите» Марселем Самба в день, когда пришли первые вести о «Потемкине».

Жоресу не пришлось дожидаться времени, когда красные знамена осенили беспредельные просторы первой в истории социалистической державы. Его убил подосланный Шарлем Моррасом монархист Вилэн, с триумфом потом оправданный. И если сам Шарль Моррас теперь сидит в тюрьме, то исключительно потому, что советское красное знамя оказалось в Берлине, на Эльбе, за Эльбой...

Против этого красного знамени куют оковы люди, протитупирующие самое имя социалиста, все инициаторы и деятельные сотрудники хлопотливо сооружаемого «западного блока», все эти правые лейбористы, все эти леоны блюмы, все эти курты шумахеры.

Всемирная история пошла по такому пути, что Советская мировая держава явилась сейчас главной опорой демократии, обороняющейся от самозванцев, называющих себя демократами и желающих демократию утопить, и вместе с тем главной опорой социализма в борьбе против смертельных его врагов, перерядившихся для тактических целей в социалистические одеяния.

Борьба за сохранение мира между народами и за социальный прогресс человечества — вот что ассоциируется теперь на всем

земном шаре с представлением о московском древнем и новом Кремле и о величайшей мировой державе, сердцем и мозгом которой Кремль является.

Вестник Академии наук СССР,
1947, № 11, стр. 56—63.

МОСКВА И ЗАЩИТА РОДИНЫ

В середине XII столетия, когда впервые упоминается Москва, князь, «володевший» этой землей, должен был постоянно оборонять свои владения от половцев, вступать в договорные отношения с племенем берендеев, и все внешнеполитические «успехи» возникающего городка долго сводились к тому, чтобы уберечь себя от нападений соседних племен (с юга — от половцев, с севера — от финнов) и спастись от пожаров, от увода жителей в плен и т. д. Ни одна столица мира не переживала такого трудного раннего «детства», — и могучий дух, упорное, почти безграничное терпение вырабатывала эта жестокая борьба за национальное существование в населении города и окрестной страны.

Чем-то граничащим с историческим чудом представляется, что государственного ума, организаторских способностей, упорства в преследовании поставленной цели, выносливости в труде и в перепесении голода и холода, храбрости в обороне и нападении хватило у Москвы настолько, чтобы нанести уже в XIV в. страшное Куликовское поражение великой Монгольской державе, а еще спустя 100 лет окончательно освободить русский народ от татарского ига.

Это было началом служения Москвы делу безопасности и величия России.

Оборону приходилось вести долгую, трудную, на несколько фронтов.

Немцы, поляки, литовцы, феодально-католическая Европа с Запада, сильные татарские государства с Юга и Востока нападали чаще сепаратно, а изредка и комбинированно. «Крестовые походы» против Москвы стали затеваться, едва только стала объединяться вокруг нее Россия.

Столетиями Москве приходилось быть боевым сторожевым постом русского народа и глядеть на Запад, и на Юг, и на Восток, следить за происками Ватикана, упорно бравшего на себя роль объединяющего центра всякой враждебной России западной коалиции, и за передвижениями могущественных татарских орд в Крыму и на Волге. «Никто Москве столько зла не сотворил, как хан Крымский, да папа римский», — это московское древнее присловье оправдывалось из поколения в поколение. «Крестовые походы» на Москву были, конечно, лишь агитационным средством, удобным для сколачивания пужных алчным соседям антирусских агрессивных союзов, а римский первосвященник всегда был очень дееспособным

агентом этих коалиций, и тут уж разбирать ему не приходилось: мусульмане тоже очень и очень могли пригодиться.

Как торжествовал и во Христе духом возвеселился папа Павел V, когда Сигизмунд III с Жолкевским уже подступили в годовину московского лихолетия в ноябре 1612 г. под Волоколамск («Волок Ламский»), а крымские татары начали громить южные пределы государства! Эти ликования были почти так же велики и казались столь же обоснованными, как надежды, выразившиеся в статьях ватиканского органа «Оссерваторе романо», когда спустя 329 лет, в 1941 г., тоже в ноябре, немцы подступали к тому же Волоколамску, а из Крыма как раз стали доноситься в Европу отрадные для новых крестоносцев слухи, сочиняемые и раздуваемые геббельсовской агентурой. Но — увы! И Сигизмунд отступил от Волоколамска в 1612 г., и немцы отступили от Волоколамска в 1941 г., — и оба раза Москва уцелела. А сколько других «крестовых походов» затевалось в промежутке между 1612 и 1941 гг.!

Москва не переставала быть магнитом, постоянно манящим и неизменно губившим шедших на Россию агрессоров.

Иногда Москва подвергалась атаке в лоб, враг шел по прямой или, точнее, по кратчайшей из возможных для похода линий, иногда обходным путем, а порой комбинировал, т. е., претерпев неудачу на кратчайшем пути, прибегал к обходному движению.

Куда направлялся Карл XII, король шведский, устремясь на юг? Зачем ему понадобилось брать роковой для него «зал Полтавы», делать этот далекий опаснейший маневр, на котором ему и суждено было разбить свою победную головушку? Мы это знаем вполне точно: шведский король нисколько и не скрывал своего конечного плана не только от Левенгаупта, но и от генералов по-проще и чином поскромнее. Карл шел через Украину на Москву, и шел обходным движением, чтобы, заворачивая из Украины к северо-востоку, ударить на Москву и подписать мир в Кремле.

Но не удаются неприятелю эти глубокие обходы Москвы, и обрываются они обыкновенно именно там, где намечается хитрый поворот: то один раз в Полтаве, то — другой раз в Сталинграде...

«Мой брат Карл хочет быть Александром, но он не найдет во мне Дария!» — сказал Петр. Карл XII не оказался Александром Македонским, но Петр Великий оказался Петром Великим, и на попытке одолеть Москву навсегда рухнуло шведское великодержавие.

Враг погиб далеко от русской столицы. Москва, при всей «старозаветности» многих своих представителей, все прощала Петру за его победы, отбросившие прочь врага. Коренной, истый москвич, пламенный патриот, самый «крепкий» из всех петровских дипломатов, человек, которому Москва верила нутром, безошибочным инстинктом, гораздо больше, чем его товарищам по службе, — А. А. Матвеев очень помогал Петру разбираться в кознях и лукавых «подвохах» его союзников — англичан, которых он всех и ме-

рил по Джону Черчиллю, «мужу неописанных хитростей», «язвящему Россию своим скорпионоповским хвостом». И, увлекаясь обобщениями, сердитый москвич Андрей Артамонович называл англичан «народом христопенавистным и капальского злочесия исполненным».

Петр знал хорошо, что именно во всем, касающемся охраны государственных интересов России от чужеземцев, он может на москвичей и на «дух московский» положиться.

Весь XVIII век прошел без попыток со стороны внешнего врага непосредственно угрожать старой столице.

Но близилось для Москвы и России время грозных испытаний, вознесших русский народ на высоту славы всеевропейской, если еще не всемирной: слава всемирная таилась еще пока в грядущем, она должна была озарить Россию своим ослепительным сиянием не в XIX, а в XX столетии.

Мы знаем, что Наполеон думал о Москве, как о конечной стратегической и политической цели похода на Россию, чуть ли не с того момента, когда вообще вплотную стал обдумывать свой план вторжения, т. е. с января 1811 г. О России вообще, о Москве в частности, у французского императора были сведения из двух источников: из той обиходной французской литературы, которой довольствовались средние французские читатели, и из донесений многочисленных и разнообразных шпионов обоого пола и самых различных общественных положений, которых он содержал в России. О громадной роли Москвы в русской истории он в общих чертах был осведомлен вполне правильно. Он знал и высказывал также, что Москва — главный центр внутренней торговли, что там находится богатое купечество, «буржуазия», которая в качестве таковой не может не находиться в оппозиции к дворянству и особенно к аристократии, «боярству». Некоторые из донесений этих тайных соглядатаев сохранились. Ясно, что они безмерно преувеличивали политическое значение той клубной «фронды», тех ворчливых выходов против петербургских властей, которые были характерны для грибоедовской Москвы («И об правительстве иной раз так толкуют, что если б кто подслушал их... беда!»). Эти-то удалившиеся на покой в Москву, недовольные критикой старые вельможи и подали Наполеону неосновательную надежду на «раздор» между древней и новой столицами. Но самое главное в роковом для завоевателя заблуждении, конечно, заключалось не в этом, а в предположении, что занятие священного города сломит дух русского народа и заставит Александра согласиться на мир. Наполеон любил уточнять свои планы, намечать уже наперед географические пункты, к которым должны быть приурочены основные его действия. «Здесь я разобью австрийцев», — сказал он зимой 1800 г., ткнув пальцем в кружок на карте Италии, обозначенный словом «Маренго». Это было еще в Париже, во дворце, задолго до начала военных действий. «Я заключу мир в Москве», — повторял он в

1812 г. все чаще, по мере того как война затягивалась. Но кампания 1812 г. не похожа была на ту, которая окончилась разгромом австрийцев под Маренго.

Когда Наполеон двигался за продолжавшей после Царева Займища свое отступление русской армией, то ему представлялось, что судьба, испытывавшая два с половиной месяца его терпение, сразу приготовила для него теперь полное вознаграждение: ведь он сначала мечтал о быстром окончании войны одним страшным ударом вроде Аустерлица или Иены, или Фридланда, а если русские будут уклоняться от решающего боя, — то что же, он возьмет Москву, и уж тогда все равно русские покорятся. И вот он теснит арьергард Коновницына, не сегодня-завтра «опрокинет» его на Кутузова, заставит русского полководца, наконец, принять бой и разгромит его. И где разгромит? У самых ворот Москвы, куда и войдет с триумфом.

Таковы были нескрывавшиеся настроения завоевателя после Шевардина, когда ему донесли, что Кутузов остановился...

Москва невидимо присутствовала в Бородинском сражении. От Кутузова и Баграциона до последнего обозного солдата — все знали, чья участь решается в смертельной схватке. Участь Москвы... Московское ополчение, так своевременно подошедшее к Кутузову, в течение всего кровавого дня подавало пример героического самоотвержения. Но, впрочем, все остальные части кутузовской армии вовсе не нуждались в том, чтобы им подавали пример. Наполеон видел на своем веку бесчисленные сражения; он помнил и такие неслыханные по кровопролитию побоища, как Прейсиш-Эйлау и Ваграм до Бородина, как Лейпциг и Ватерлоо после Бородина. И он говорил с полным убеждением уже в самом конце своей жизни, что страшнее Бородина не видал ничего, не столько по количеству бойцов, сколько по неслыханной ярости их и упорству.

Побоище окончилось стратегически тем, что Наполеон не достиг своей основной цели, не разгромил русской армии, даже не заставил ее первой покинуть место боя, напротив, первым отступил от этого места; а морально — победа была уже бесспорно одержана русскими, и эта моральная победа должна была с каждым днем после 7 сентября постепенно, но неуклонно все вырастать и вырастать в своем значении.

Ярость ненависти к вторгнувшемуся захватчику и возрастающая уверенность в своих силах стали особенно проявляться в русском народе, именно после так давно и горячо желанного и нужного завоевателя занятия Москвы. Уход всего населения из столицы, немедленно вслед за тем вспыхнувший пожар, вырвавший полностью всю добычу из рук только что овладевшего ею врага, — все это было не только крупным поворотом в истории войны 1812 г.: это было поворотом во всей долгой кровавой эпохее наполеоновской всевропейской империи.

Молча глядя на оглушительно воющий, раздуваемый вихрем

пожар великого города, превративший Москву в беспредельное море пламени, Наполеон знал уже, что победить Россию не удалось. Но он не знал еще, что в этом пожаре сгорает его всеевропейское владычество, рушится здание, которое он воздвигал железом и кровью долгие годы, что предрешено его будущее: «Завтра — Москва, вспыхивающая, как факел! Завтра — Ватерлоо! Завтра — Святая Елена! Завтра — могила!» — восклицал впоследствии, обращаясь к тени Наполеона, Виктор Гюго.

Французский поэт был прав. Москва решила участь Наполеона и судьбу Европы. Магнит, притягивавший в XVII в. поляков, в XVIII в. — шведов, в XIX в. — Наполеона, в XX в. — разбойничьи гитлеровские полчища, погубил по очереди их всех, одних раньше, других позже.

Но как грандиозно увеличились все масштабы и как осложнились все последствия последней по времени и грандиознейшей из всех русских побед над агрессорами шедшими на Москву!

Пример Наполеона стоял — мы теперь это знаем точно — перед глазами немецкого штаба, когда гитлеровская банда готовила свое нападение на Советский Союз. Его неудача объяснялась самым успокоительным и оптимистическим образом: оказывается, покойник был в основном совершенно прав, и, конечно, Витебск — Смоленск — Можайск — Москва — совершенно верная «трасса». И политико-стратегическая цель поставлена безукоризненно, потому что, кто возьмет Москву, тот возьмет Россию. Ошибка Наполеона заключалась лишь в том, что он опередил свой век. Не имея танков и механизированной армии, не имея авиации и всех чудес артиллерии, нельзя предпринимать такое дело, как покорение России. Итак, вперед к наполеоновской цели — Москве, наполеоновской дорогой — на Смоленск, но с немецкими средствами середины XX в., а не начала XIX в.

До сих пор мы помним и никогда не забудем приближения фашистской орды к Москве. Решалось нечто иное, не то, что лежало на весах в 1812 г.

В 1812 г. Наполеон, на вершине могущества, накануне вторжения не решался грозить даже отторжением Литвы, отторжением Балтийского побережья, и когда ему доложили, что его «союзник» Фридрих-Вильгельм III просит, не будет ли такая милость от его императорского величества, не даст ли он Пруссии за верную службу Курляндию, то Наполеон, по преданию, расхохотался и сказал даже с некоторым удивлением: «Однако, какой подлец прусский король!» и ничего ему все-таки не обещал. Наполеон желал лишь достигнуть большего подчинения своей воле внешней политики России, — и даже, заносясь мечтами в Индию, он мыслил себе завоевание и делаж этой страны в союзе с Россией.

В 1941 г. разбойничья фашистская банда провозгласила с первого дня: «Вся земля и все имущество всех русских граждан между Неманом и Владивостоком принадлежит немцам». А в 1942 г.

Риббентроп обсуждал с японцами вопрос о дележе России: все от Немана до меридиана города Омска принадлежит Германии; все от Омска до Тихого Океана — Японии. Как видим, немцы стали в 1942 г. несколько щедрее к японцам... Гибель полная, беспросветная, физическое истребление, обращение в вечное рабство всех советских граждан, уцелевших от массовых избиений, — вот была официально провозглашенная программа.

Эта программа должна была начать проводиться систематически на другой же день после «взятия» Москвы. Презренная, трусливая гадина во всю войну прятаясь в берхтесгаденском и других убежищах, уже приготовилась, въехав в Кремль, провозгласить окончательное торжество «нового порядка», т. е. повального грабежа всей Европы, всей России, а если повезет, то и других частей земли, — в пользу берлинско-рейнско-вестфальской бандитской шайки, — и полного уничтожения государственной самостоятельности всех покоренных территорий.

Вот с чем шло немецко-фашистское зверье. Под Москвой фашистская орда получила первый страшный сокрушающий удар. Первый, но не последний.

Москва начала, Сталинград продолжил, Курская дуга была уже «началом конца», у развалин берлинской имперской канцелярии был конец.

Советский Союз освободил Европу, освободил человечество, и столица социалистической державы сейчас живет в ореоле немскнущей всемирной славы.

В свое время много сделала Москва со своими Радищевыми, Новиковыми, Герценами, Белинскими, Грановскими, со своими героями-революционерами восстания 1905 г. для освобождения России. Громаден ее вклад в историю мировой литературы, искусства, науки, общей культуры. А теперь, после победы над фашистским чудовищем, лучезарное будущее лежит перед советской столицей, где сосредоточиваются мозг и энергия, дающие творческие толчки работе народов нашего Союза на благо всего человечества.

В современном мире Москва играет роль главной по имеющимся в ее распоряжении ресурсам опоры всемирного социального прогресса.

Славянские и неславянские державы, освобожденные Советской Армией от немецко-фашистского ярма и твердо решившие сопротивляться всякой попытке наложить на них какое-либо новое ярмо, возлагают свои надежды на Москву. А те народы, которые борются против иноземного угнетения, ждут от Москвы всякой моральной поддержки, всякой защиты на международных конференциях. Ни одна столица какой бы то ни было «великой» державы не занимает в нынешнем моральном сознании человечества такое высокое место, как былой поселок, выросший 800 лет тому назад среди дремучих лесов, на берегу реки, имя которой теперь так справедливо прославлено.

Известия, 1947, 6 сентября, № 210.

БОРЬБА ЗА МИР И ДЕМОКРАТИЮ

Мировая реакция, руководимая заправилами бирж и трестов, пыталась и пытается восстановить свои утерянные во время и после второй мировой войны позиции. Но завоевания социализма и демократии слишком велики, и силы прогресса не поддаются запугиванию. Они дают все новые и новые жестокие уроки врагу.

Могучая твердыня социального прогресса — Советский Союз и растущая и крепнущая семья государств, установивших у себя режим народной демократии, — вот каков твердый оплот свободлюбивых народов всего мира, непоколебимо решившихся словом и делом дать чувствительный урок всякому наглому нападению на принцип их национального суверенитета.

Славная деятельность наших дипломатических представителей на конференциях Объединенных Наций в течение истекшего года вызвала восторженный резонанс и в Европе, и в Индии, и в Индонезии, и в Кореи, и в борющемся против режима коррупции Китае, и в далекой угнетаемой Юго-Западной Африке.

Минувший год является временем окончательного выяснения позиций как воинствующей мировой реакции, так и тех прогрессивных сил, которые твердо решились не только не уступать без боя своих позиций воскрепаемому из пепла и одновременно в разных местах дающему о себе знать фашистскому чудовищу, но и не отказать ему в жестоком уроке.

В самом конце 1946 г. в Америке произошло событие, которое в необычайной степени обострило реакционную агрессию как во внутренней, так и во внешней политике Соединенных Штатов. Ноябрьские выборы в конгресс дали победу той руководящей группе республиканской партии, которая возглавляется Вагденбергом, Гувером, Даллесом, Дьюи и другими главарями экспансионистов. В Соединенных Штатах Америки была взята линия на самую жестокую, непримиримую борьбу против организаций рабочего класса внутри государства и на установление системы самых наглых провокаций по адресу Советского Союза и демократических стран Восточной Европы.

Борьба внутренняя развернулась под флагом «спасения страны от коммунизма». Антирабочее законодательство Тафта — Хартли, создание своеобразной, никогда в Америке еще не существовавшей инквизиции: «комиссии для расследования антиамериканской деятельности», знаменитые циркуляры об удалении со службы лиц, «подозреваемых» сослуживцами в «тайном» сочувствии Советскому Союзу, — все это было вполне логичной и последовательной точкой зрения американских экспансионистов, взявших определенный курс на разжигание воинственных страстей во всем мире.

«Вы мешаете нам вести борьбу против угрожающего Америке тоталитаризма», — восклицал весной 1946 г. предшественник Мар-

шалла Бирпе, объясняясь с забастовочным комитетом железнодорожников. В 1947 г. решено было «прочно обеспечить свой социальный тыл», как выразилась одна чикагская газета, приветствуя беспрепятственное прохождение закона Тафта — Хартли через все инстанции. Обеспечив тыл, не замедлили начать атаку. 12 марта 1947 г. последовало пресловутое обещание г. Трумэна всей американской грудью защитить истинных «демократов» Цалдариса и Зерваса от натиска темных «тоталитарных» сил, а заодно уж и Турцию от ее «опасного» соседа.

Начавшаяся столь эффективно, с бубнами и литаврами, полоса провокаций, направленных против Советского Союза, получившая почему-то курьезнейшее название «доктрины», продолжалась до начала лета. Только провал американских требований на Московской конференции и решительный отпор, который дала Венгрия всяким попыткам превратить ее в «Грецию номер второй» несколько охладили оптимистическое упование на эффективность политики прямых угроз.

На смену метода запугиваний пришел метод посулов. На смену увлекающегося собственным красноречием любителя выступил военный дипломат, для которого дипломатия в полном смысле слова является «продолжением войны другими средствами». Представители европейской реакции приняли «план Маршалла», как давно ждавший заатлантический благовест, зовущий к объединению и натиску против неприятеля. «Бьют в барабан для сбора всех частей» («On bat la générale»), — с восторгом писала вновь ожившая лавалевская пресса во Франции. Газеты «Монд», «Об», «Ороп» не скрывали своих восторженных упований. Им вторили в Италии органы, поддерживающие г. де Гаспери, а в Испании генерал Франко, не колеблясь, заявил, что отныне он обещает Маршаллу полное содействие в деле спасения Европы от коммунизма. В Англии Уинстон Черчилль и его приверженцы с полной готовностью признали, что для будущей черчиллевской «пан-Европы» «план Маршалла» создает солидную экономическую базу.

И замечательное дело: когда с несомненностью выяснилось, что чисто материальная «помощь» Соединенных Штатов Европе даже в самом лучшем случае окажется ничтожной сравнительно с первоначальными обещаниями и ожиданиями, то оказалось, что не столько важна была непосредственная экономическая «помощь», сколько именно этот «сбор всех частей», этот призывный клич к сплочению и консолидации всех враждебных демократии сил.

Проявились поспешность, усердие, соревнование, которыми просто нахвалиться не могли американские инициаторы всего предприятия. Именно на почве этого соревнования, когда конкуренты, отталкивая друг друга и теснясь к руке дающего, непрерывно убеждали его, чтобы он не изволил беспокоиться и что

работа будет выполнена исправно, на совесть, именно в атмосфере беспокойства и страха не угодить заатлантическому благодетелю, и могли произойти в нынешнем году происшествия, абсолютно немыслимые еще в 1946 г. Ведь в целом ряде и американских и французских буржуазных газет в течение августа, сентября, октября, ноября постоянно встречались прозрачные намеки на то, что генерал де Голль может в самом деле возглавить поход (пока только дипломатический) против Советского Союза, и что никому другому это не удастся. Это заставило растерявшихся правителей «Четвертой республики» поторопиться.

Что же было делать горемычному г. Жоржу Бидо? Надо понять и войти в его положение! От него требовался «решительный жест», требовалось сжечь свои корабли, т. е. поторопиться предложить для осуществления дипломатического скандала, по возможности более пахального, кричащего и провокаторского. От этого зависело не только определение денежной квоты Франции при распределении уже отпущенных долларов, но, что гораздо важнее, от скорейшей организации дипломатической ссоры с Советским Союзом зависели и дальнейшие великие и богатые милости. Нужно было окончательно убедить государственный департамент, что можно обойтись и без де Голля и что усердия скромного г. Бидо с избытком хватит. Ничего не поделасшь! Пришлось посылать 2 тысячи человек с тремя танками, чтобы взять в плен трех советских ребятшек.

Но, конечно, одно из главных дел (если не самое главное), связанных с внешним «боевым» сезоном американской воинствующей реакции, является постепенное превращение англо-американской зоны в западногерманское государство. Мы не знаем, много ли перепадет американских долларов тем 16 странам, правители которых официально заявили Маршаллу, что им хотелось бы получить деньги на *любых* условиях. Но в чем уже сейчас не может быть ни малейшего сомнения, это в том, что наиболее крупная сумма будет получена именно той страной, которая официально вовсе в этом списке не значится, т. е. «Визонией».

Если кипучая деятельность гоенод Трумэна, Маршалла и большинства депутатов и сенаторов в обеих палатах конгресса и привела к некоторой консолидации мировой реакции, то напрасны потуги ее главарей изобразить дело таким образом, что это и есть главный политический итог минувшего года.

Дело в том, что свободолюбивые люди и истинно демократические партии в одних странах — в качестве выразителей истинных чаяний народов, в других странах — в качестве ответственных народных правителей вовсе не довольствовались в истекшем году активной обороной от покушений обнаглевшей реакции, но и вели решительное наступление.

В Соединенных Штатах закон Тафта — Хартли вовсе не разбил силы рабочего класса, но вызвал активное возмущение и от-

пор в миллионах рабочих. Возникло движение, связанное с выступлениями Уоллеса, превратившееся в короткий срок в настоящую политическую силу.

В Европе тоже американская биржа и ее политические прислужники испытали в этом году ряд поражений. Так, старательно подготовленный зарубежной реакцией переворот в Венгрии провалился и привел к результатам, диаметрально противоположным тем, которые имелись в виду организаторами, вдохновителями и их агентами вроде Надь Ференца и Ковач Бела. Связи всех стран Восточной Европы, как славянских, так и неславянских, с великим Советским Союзом оставались неразрывно крепкими. Ряд выгодных и равноправных для обеих сторон торговых договоров этих стран с Советским Союзом еще больше укрепил прочную базу, на которой всегда зиждились отношения этих освобожденных от гитлеровского ига стран со своим освободителем. А непреклонная, беспощадная борьба против подрывающей основы национального суверенитета иностранной агентуры в славянских и неславянских странах Восточной Европы не ограничивалась лишь судебной карой виновным, но разрывалась во всю ширь, выражаясь в укреплении социальной и экономической базы независимости и создании крепких дружественных союзов между демократическими государствами Восточной Европы.

Старания американских экспансионистов, имевшие целью всеми возможными способами покончить с партизанским движением в Греции, увенчались самым неожиданным для них результатом: созданием в Свободной Греции народно-демократического правительства. Стачечное движение, мобилизовавшее около двух с половиной миллионов рабочих, показало, что во Франции есть могучие резервы борцов за интересы и права рабочего класса, которых не удастся никакому Шуману подавить и никакому Леоу Блюму сбить с толку и развратить. В Италии правительство де Гаспери, преданно служащее Уолл-стриту за долларовую «помощь», принуждено лавировать и каждым зигзагом своей колеблющейся политики обнаруживает сомнения, растерянность и нерешительность. И даже недовольные окрики заатлантических хозяев не могли помешать росту и консолидации миллионных масс итальянского народа, борющегося за демократию и независимость.

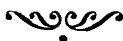
Понятно, не такие итоги минувшего года рисовались собирателям сил мировой реакции, когда 12 марта было возвещено о рождении заатлантической «доктрины».

Мощь СССР, как экономическая, так и политическая, продолжает оставаться главной опорой и главной надеждой всех, кто не желает надеть на себя ярмо американских экспансионистов,— в Германии ли, в Корее ли, в Китае и где бы то ни было на земном

шаре, где народы ведут тяжкую борьбу за свою честь и свою независимость.

Борьба между двумя мировоззрениями и двумя системами, борьба идейная, борьба дипломатическая будет, конечно, продолжаться. Но итоги 1947 г., принесшего еще большую консолидацию сил мировой демократии, не предвещают ничего утешительного темным силам реакции, собираемым под знамена Уолл-стри-та. Народы не хотят служить богу войны и злата. А борьба за мир и борьба за демократию теперь, по существу, стали понятиями равнозначными!

Известия, 1948, 1 января, № 1.

КОНЕЦ БАЛКАНСКОЙ «ПОРОХОВОЙ БОЧКИ»

К началу 1948 г. на Балканах завершился процесс сплочения крепкими экономическими и политическими узами всех, кроме несчастной Греции, балканских государств в своеобразную, никогда там не существовавшую семью дружественных держав.

Совершилось событие громадного исторического значения. С давних пор Балканы являлись местом, где зарождались жестокие международные конфликты, и, конечно, прежде всего страдали от этого балканские народы, бывшие лишь пешками в дипломатической игре.

Боровшиеся за власть и влияние европейские державы сажали то в Сербию, то в Болгарию, то в Албанию марионеточных царьков, и те иногда подолгу удерживались на своих опереточных тронах только потому, что силою и рядом нарушение этого очень неустойчивого равновесия на Балканах грозило катастрофическими последствиями.

Когда Бисмарк спросили, как этот ничтожный Фердинанд Кобургский так долго царствует в Болгарии, хотя его вовсе не желает признавать Россия и не весьма расположены признавать другие державы, то канцлер дал по-своему исчерпывающий ответ: «Фердинанд Кобургский — блоха, но усевшаяся на Балканах, т. е. на таком месте Европы, которое той неудобно чесать».

Этим же можно было с одинаковым правом объяснить и продолжительность правления другого Фердинанда — румынского, и Милана сербского, и иных. Европейские державы сажали своих ставленников и иногда подолгу их там охраняли, зорко следя при этом друг за другом. А когда, за множеством дел, их внимание ослабевало или отвлекалось и охраняющая десница отдалялась, тогда посаженные царьки подвергались немедленной ликвидации, отправляясь то в изгнание, как Александр Баттенбергский или

Милан, то на тот свет, как сын Милана — Александр. Корней в народной симпатии эти искатели приключений не имели никаких, и превратности судьбы, их постигавшие, мало кого в их стране интересовали, кроме приближенных, временщиков и прихлебательей. Даже буржуазия и помещики, заинтересованные в иностранной помощи, в своем большинстве очень мало кручинились при всех таких дворцовых переворотах, внезапных отъездах одних и еще более внезапных въездах других своих «монархов». Их интересы были непосредственно связаны с Венной, Петербургом, Берлином, Лондоном и Парижем.

Наибольший простор великим державам предоставлялся, конечно, именно в области внешней политики балканских стран. Да и какая вообще могла быть своя собственная внешняя политика у Болгарии или Сербии, или Румынии? У них политика менялась не то что по годам, но иногда по месяцам, в зависимости от того, ставленник какой именно великой державы в данный момент сидел в Министерстве иностранных дел. Большие возможности европейские дирижеры балканского дипломатического концерта черпали в нескончаемых пограничных столкновениях и территориальных спорах. На этой почве им удавалось не только страливать, но и доводить до братоубийственной войны Сербию с Болгарией, Болгарию с Румынией.

Большое ликование при австрийском дворе возникло весной 1914 г., когда Австрии и Германии удалось посадить на престол Албании немецкого князька Вильгельма Вида: появилась новая выигрышная карта в борьбе германизма против западных славян. Албанцы в глаза никогда не видели этого немца, которого пригласила на албанский престол от имени албанского народа торжественная делегация из пяти лиц, из коих, впрочем, один оказался маклером из города Львова, судившимся за торговлю живым товаром и никогда даже проездом не бывавшим в Албании. Вильгельм Вид принял приглашение немедленно...

Так «благополучно» шли дела до того, как пробил час освобождения балканских народов. Уже революционные события после первой мировой войны избавили их от Австрии и Германии, но все же одновременно балканские народы не были освобождены от посаженных Австрией и Германией «монархов». И когда гитлеровская банда овладела властью в Германии, то она нашла в полной исправности этих немецких и австрийских ставленников, временно оставшихся без хозяев после низвержения с престола Гогенцоллернов и Габсбургов.

В сентябре 1938 г. Даладьё и Чемберлен предали и продали Чехословакию, а с ней фактически и всю Европу нацистским бандам. Наступили черные дни для балканских стран. Грянула новая война под ясным, абсолютно нескрываемым фашистским лозунгом: немцам нужна земля славян, а сами славяне должны быть уничтожены, поскольку они не все могут пригодиться для

земледельческих работ на немецких завоевателей. Не пужны и румыны. Не пужны и греки. Нужны их земля, а не они!

Но в борьбу вступили героические югославские партизаны, а затем пришла Красная Армия, на ополоумевшее фашистское зверье была надета смирительная рубашка. Впервые население Югославии, Болгарии, Албании, Румынии, Чехословакии обрело право и возможность вздохнуть полной грудью, получило власть над своей родной землей, очистило свои страны от гнили и мусора, накопившихся после всех баттенбергов, кобургов, румынских гогенцоллернов, вильгельмов видов, двух вечно дравшихся между собой сербских династий, от всей той гангрены, с которой они не могли справиться при своем полуосвобождении в 1918 г.

Социальный переворот, происшедший в этих странах, железной метлой вымел все, что мешало экономическому прогрессу и демократии во внутренних отношениях и тесному союзу с Россией — освободительницей в отношениях внешних. А все неслыханные по наглости, небывалые в истории дипломатии по откровенному нахальству интервентов попытки разрушить дружбу славянских стран с Советским Союзом приводили в 1945—1947 гг. и будут приводить, если они станут повторяться, лишь к еще более тесному сближению Югославии, Болгарии, Албании, Румынии, Венгрии и Чехословакии с великой Советской державой.

Дело не только в том, что Советский Союз и эти страны связаны общностью экономических интересов (что столь очевидно зафиксировано в идеально равноправных торговых договорах 1946—1947 гг.), не только в общности исторических воспоминаний и культурных традиций. Наконец, дело даже и не в стоящем неотступно перед умственным взором балканских стран факте освобождения этих народов Советской Армией от полной гибели в когтях фашистских двуногих скотов. Славянские и неславянские страны видят собственными глазами близкий и жуткий пример того, что с ними сделали бы, в случае удачи своих планов, атлантические благодетели, которые подкупами, наглыми нотами и еще более наглыми демонстрациями, угрозами, интригами и заговорами пытаются вот уже скоро три года вбить клин между балканскими народами и Советским Союзом. Этот пример — Греция.

Господин Черчилль произнес навсегда памятную фразу в конце 1944 г. в ответ на робкий вопрос какого-то лейбориста по поводу расстрела греческих демократов английскими орудиями: «Греция есть британская средиземноморская позиция». Оттого-то теперь англо-саксонские агенты и палачи греческого и негреческого происхождения и рубят так усердно головы греческим патриотам. А греки никак не могут понять глубокомысленного афоризма г. Черчилля и им все продолжает казаться, будто только Греция для Черчилля, Бевина, Эттли, Трумэна, Маршалла — «средизем-

номорская позиция», а для них она — любимая родина, терпящая от насильников горькую участь.

Что же удивительно, если все остальные страны Балканского полуострова не желают стать «балканскими позициями» Соединенных Штатов и именно поэтому крепко держатся за дружбу с Советской державой?

Оттого-то все они с самого начала и разгадали безошибочно, что «план Маршалла» приведет к ликвидации их самостоятельности, к воскрешению для них всех германской угрозы в «Бизонии». Оттого-то они после появления на свет марионеточной «франкфуртской конституции» особенно твердо повторяют, что для них всех Одер и Нейссе — не только польская граница, но и общеславянская граница, и албанская граница, и венгерская граница, и румынская граница, и что если нью-йоркская биржа даже и обзаведется на западе Германии новой Грецией, то на Балканах это ей никак не удастся, как не удавалось до сих пор.

Империалисты, управляющие Соединенными Штатами и подерживающее их (в меру своих слабейших сил) английское лейбористское правительство делали буквально все от них зависевшее, чтобы дипломатически «разбить восточный блок», как выражаются их руководящие органы. Были пущены в ход и посулы, и угрозы, и самое наглое вмешательство во внутренние дела, и организация и финансирование заговоров, и откровенно мошенническое присвоение дунайских торговых судов, и таковой же отказ в выдаче переданного на временное сохранение золота.

Все эти разнообразные «мероприятия», авторы которых не щадили ни своих долларов, ни репутации представляемых ими держав и притом проявляли максимум традиционной англо-саксонской настойчивости, все эти неустанные усилия отнюдь не остались безрезультатными: они весьма ускорили процесс расширения и углубления политической дружбы и установления тесных экономических связей между странами Восточной Европы, а также между этими странами и Советским Союзом.

Не только обилие и непрерывность империалистических провокаций, но и неслыханная в истории мировой дипломатии их нарочитая, демонстративная грубость не могли не вызвать этого естественного отпора. Было ясно, что дело идет о полном подчинении требованиям Уолл-стрита и его прислужников, т. е. о превращении держав Восточной Европы, славянских и неславянских, в нечто вроде горемычных «бапановых республик», которые ведь тоже сначала долго штурмовались наглыми потами, запросами, ультиматумами, демонстрациями, угрозами присылки морской пехоты прежде чем дойти «до жизни такой», научиться безропотно отдавать новым хозяевам из Нью-Йорка и свое сырье и свои голоса на международных конференциях... С Восточной Европой дело пошло, однако, совсем иначе. Коса нашла на камень, и на дипломатическую агрессию ответом были укрепление коллективной дипло-

матической обороны, готовность к борьбе и решимость дать, если понадобится, суровый и решительный отпор всякому посягательству, направленному против национального суверенитета и территориальной целостности любой из этих восточноевропейских стран.

Создание этих крепких и дружественных политических и экономических связей, содействовавших сплочению сил Восточной Европы, стало возможным только после проведения в странах новой демократии обширных социальных реформ.

Аграрное и промышленное законодательство 1945—1948 гг. подорвало в этих странах политическую силу именно тех классов, на которые рассчитывали как заатлантические, так и местные авторы всех неудавшихся переворотов последних трех лет. Пока крупное землевладение и частная собственность на фабрики и заводы существовали невосбранно и могли оказывать свое влияние на политику, до тех пор нелепо было думать, что эта политика могла не инспирироваться прямо страной немалых финансовых возможностей, биржей, в распоряжении которой весьма значительная часть золотого запаса Нового и Старого света.

Еще более нелепо было бы совсем по-маниловски мечтать, что те заправилы политической жизни, в прямых интересах которых было поддерживать среди балканских стран междоусобную борьбу, внезапно превратятся в убежденных проповедников братолюбия. Ведь очень характерно, что и до сих пор те, кто рассчитывал реставрировать старые социально-экономические порядки на Балканах, очень большую ставку в своих конспиративных планах делали именно на воскрешение старой национальной вражды между Югославией и Болгарией, между Румынией и Венгрией. Даже полный провал аналогичных расчетов на антирусскую пропаганду в Польше долго не обескураживал этих людей, желавших остановить ход истории.

Установление прочного мира, дружбы и согласия на Балканах кладет конец этим преступным мечтаньям.

Наряду с глубокими, коренными, бесповоротными социально-экономическими переменами, необычайно сблизившими восточноевропейские страны, новый строй, утвердившийся там, отличается еще одной особенностью, дающей ему прочность и силу: отсутствием какой бы то ни было расовой или вероисповедной дискриминации. Вопрос о национальных меньшинствах разрешен, и всякие попытки сделать из него орудие подрывной работы оказываются ничтожно слабыми и быстро ликвидируются и в Словакии, и в Румынии, и в Венгрии за отсутствием питательной среды. На Балканах и на Дунае никак не вырастишь настоящего, «оперативного» Ку-Клукс-Клана! Это растение на восточноевропейской почве теперь уже не прививается, сколько ни тратить долларов на социальные оралжерси... Очень характерно выступление не раскрывшего своего имени автора большой статьи, помещенной летом 1947 г.,

после венгерских событий, помнится, в «Чикаго трибюн»: он советовал махнуть рукой на балканские и придунайские страны и устремить все внимание на «Бизонию», где, по его мнению, будет несравненно легче вести борьбу против «тоталитаризма» (читай: демократии) и на которую, по крайней мере, не попусту будешь деньги бросать.

Превращение Балкан из вечного очага раздоров в семью дружественных и миролюбивых народных республик, бесповоротно решивших совместными силами охранять свою полную свободу, независимость и свой национальный суверенитет от всяких покушений — таково одно из казавшихся раньше невыслымыми политических чудес наших дней. Советский Союз смотрит на эту благотворную эволюцию, укрепляющую международный мир, с чувством поистинного удовлетворения.

Литературная газета, 1948, 24 января, № 7.

ЛЕТОПИСИ РУССКОЙ СЛАВЫ

Почти одновременно вышли в свет сборники документов и материалов, посвященные Румянцеву, Суворову и Кутузову¹. Подготовители сборников обнаружили несомненные знания, вкус и умение при выборе документов из архивных фондов и большое внимание к читателю. Сборники составлены из наиболее значительных в научном отношении материалов, снабжены подробными специальными словарями, хронологическими именными указателями, библиографией вопроса и т. д.

Яркая индивидуальность трех замечательных русских вождей, выдвинутых XVIII в., давно привлекала внимание историков, но до сих пор далеко не все черты их исторической деятельности могут считаться вполне выясненными. Особенно это замечание относится к Румянцеву. Документы, теперь опубликованные, дают много для понимания Румянцева и как полководца и как дипломата, притом дипломата выдающегося, решительно превосходившего современных ему профессионалов. Самый характер и обстановка дипломатической службы Румянцева требовали особых усилий, исключительной находчивости, самостоятельности и гражданского мужества. Так было в Семилетнюю войну, когда в чине генерал-поручика Румянцев вошел в Восточную Пруссию, занял Тильзит, взял Кольберг, бил пруссаков при Кунерсдорфе; так было и в Русско-турецкую войну 1768—1774 гг. Его длительные, труднейшие переговоры с турками могли быть сорваны тайными и явными происками Франции, Австрии, Пруссии, Польши и упорным противодействием верхов магометанского духовенства.

Румянцев не только превозмог эти препятствия, но Кучук-Кайнарджийский мир был от начала до конца дипломатической его победой.

Публикуемые в сборнике документы включают реляции Румянцева о сокрушительных ударах, нанесенных им турецкой и татарской (крымской) армиям под Ларгой и Кагулом в июле 1770 г., и важнейшие выписки из «Журнала военных действий» его армии. Эти документы еще раз и наиболее внушительно показывают, что удар под Кагулом имел уничтожающее действие, после которого турецкая армия не могла уже оправиться до конца войны. После Кагула турки тщетно пытались оттянуть признание своих поражений, прибегали к дипломатическим уверткам, хлопотали о созыве международного конгресса, о временном перемирии. Румянцев докопчил этот разгром ультиматумом верховному визирю от 28 июня (9 июля) 1774 г. «О конгрессе, а еще менее о перемирии, — писал он, — я не могу и не хочу слышать. Ваше сиятельство знаете нашу последнюю волю...»

Румянцев-дипломат завершил то, что сделали Румянцев-генерал и его солдаты на полях кровавых битв: Турция капитулировала. Черноморское побережье перешло в русские руки, так же как и часть Закавказья.

Еще более яркую эпопею подвигов и побед развертывает длинный свиток документов о не прекращавшейся боевой службе Суворова. От 23 октября 1742 г., начала службы 12-летнего «мушкетера» Семеновского полка, до 6 мая 1800 г., когда герой и генералисимус русской армии, покрывший ее славою, закрыл свои орлиные глаза, — рассказывает посвященный ему сборник. Часть опубликованных здесь документов была уже известна, но многие из них появляются впервые. Здесь мы найдем документы, в которых Суворов с нескрываемым пренебрежением пишет о Мурье (Дюмурье), как тот после разгрома под Ландскроной, «не дождавшись еще карьерной атаки, отклонялся по французскому и сделал антрешат (антраша — *Е. Т.*), в Бялу на границу», реляции Суворова надутому, накрахмаленному немцу фон Веймарну, его слова о том, что «русские прусских всегда бивали» и уж если кому что «перепимать», то не русским у немцев... «Я лучше прусского покойного великого короля, я, милостью божиею, баталий не проигрывал», — писал Суворов, имея в виду Фридриха II.

Могучий, несокрушимый дух Суворова вечно стремился к трудам, но непременно потруднее, к опасностям, но непременно поопаснее. Без жестоких боевых трудов, без борьбы Суворов не чувствовал, что живет полной жизнью. Он не выносил даже и кратких передышек в этой непрестанной борьбе. Дали ему как-то отпуск в два месяца, — и уже он горько вздыхает: «Боже!.. Теперь я унываю в праздной жизни, свойственной тем низким душам, которые живут только для себя... Уже мрачность изо-

бражается на челе моем; в будущем предвижу еще более скорби. Трудлюбивая душа должна всегда заниматься своим ремеслом».

Необычайно важны и интересны все документы, относящиеся к взятию Измаила. Суворовская диспозиция — образец точности и ясности. Приложенная к документам карта превосходна, она делает эту диспозицию наглядной, осязаемой. В краткой заметке нет возможности сколько-нибудь полно не только проанализировать, но даже перечислить все публикуемые документы. Очень характерен мотивированный выговор Суворова австрийскому генералу Розенбергу, не выполнившему прямого приказа русского главнокомандующего; глубокий интерес представляют документы, предшествующие переходу Суворова через Чертов мост, интересно гневное письмо Суворова русскому посланнику в Вене Колычеву об австрийском министре Тугуте. «Какое несмыслие и неблагодарность Тугута!» — восклицает Суворов. Он предлагает: «Будьте тверды, не заразитесь воздухом свиного гнезда...» В ныне публикуемых документах Суворов просит русских дипломатов разоблачить Тугута, обнажить его «несмыслие и предательство» и все его «глупости, измены и двуличия».

Третий сборник, в котором также немало новых материалов, посвящен Кутузову. Значение этого сборника тем более очевидно, что он должен помочь дальнейшему изучению жизни и деятельности великого полководца и первоклассного дипломата.

Важнейшее значение среди публикуемых здесь материалов имеют относящиеся к 1813 г. 23 документа о решающей роли России в освобождении Пруссии и всей Германии от наполеоновского ига. Каждой своей строкой эти документы говорят о том, как нагло лгала *всегда* (как потом и при Гитлере!) немецкая историография, когда речь заходила об освобождении Германии в 1813 г. Пробуют это делать и в нынешней «Бизонии», замалчивая в «денацифицированных» книжках решающую роль русской армии.

Публикуемые документы со всей неопровержимой очевидностью восстанавливают умышленно попираемую историческую истину. Есть еще охотники за рубежом вести так называемый «научный» спор о самостоятельности русской стратегии и тактики. Не говоря уже о последующем, скажем только, что не Румянцев учился у Фридриха II, а бил Фридриха под Кунерсдорфом так, что вся прусская армия частью легла на месте, частью разбежалась, а сам король еле унес ноги. Суворов жестоко бил даже талантливейших последователей новой для Франции послереволюционной школы — Макдональда, Жубера, Моро. Говорил же последний потом: «Я ставлю Суворова наряду с Наполеоном». И только случай помешал гиганту русского военного искусства встретиться с Наполеоном: Бонапарт завоевывал Египет в тот самый год, когда Суворов явился с русской армией в Италию.

«Я почитаю божеским наказанием, — сказал Суворов еще в 1797 г., — что до сей поры ни разу не встретился с Бонапартом».

Но то, что не удалось Румянцеву и Суворову, привелось в 1812 г. Кутузову. С тех пор и навсегда закатилась звезда французского императора. Любителям «научных» споров не мешало бы помнить об этом так же, как некоторым историкам из «Бизопии» о более свежих примерах, ибо не всегда «короткая память» способствует научной истине.

При всем положительном достоинстве этих сборников необходимо все же отметить и ряд существенных в них недостатков. Прежде всего хочется сказать, что сборник о Кутузове, к сожалению, не дает необходимых материалов о нем как дипломате. Надо ли говорить, какое это ущущение. Мы до сих пор еще не имеем, например, исследования, которое дало бы нам обстоятельно нарисованный, научно убедительный и законченный образ великого фельдмаршала как дипломата. Всякое документальное свидетельство о Кутузове-дипломате имело бы, таким образом, неоценимое значение.

Послужные списки Румянцева («формуляры») очень скупы и кратки. Особенно досадно, что сборник не восполняет пробела о жизни и деятельности Румянцева в такое пятилетие, как 1789—1794 гг.

Сборник, посвященный Суворову, дающий немало нового и ценного об итальянской кампании, грешит теми же недостатками, что и все прежние публикации, — ровно ничего нет в нем о сношениях Суворова с Ушаковым. Известно же, что Ушаков не только одновременно с Суворовым воевал против французов в 1798—1799 гг., но и организационно был связан с ним. Документы эти есть, и следовало их обязательно опубликовать. Не освещает сборник период деятельности Суворова в Крыму, обеих Кабардах, на севере Кавказа (1779—1787 гг.).

В целом же эти сборники — нужное, ценное издание.

Известия, 1948, 12 февраля, № 35.

АНГЛИЙСКИЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ О НАЧАЛЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Известие о готовящемся новом издании книги кембриджского профессора Гарольда Темперлея «Англия и Ближний Восток. Крым»¹ и выход в свет в конце 1947 г. уже отмеченной в «Вопросах истории» работы Гендерсона «Дипломатия Крымской войны и другие исторические опыты»² дают повод остановиться на вопросе о том, как новейшая английская историография освещает

(или, на мой взгляд, затемняет) начальную стадию дипломатической подготовки великого столкновения середины XIX столетия.

В предлагаемой краткой заметке рассмотрим лишь немногие из тех извращений исторической истины, которые мы находим у названных английских историков, затронувших эту тему. После них, насколько известно, никто в Англии об этом предмете не писал.

Что Николай I был непосредственным инициатором дипломатических заявлений и действий, поведших к возникновению войны с Турцией, не может быть, конечно, сомнений. Царизм начал — и он же проиграл эту войну, обнаружив свою несостоятельность и в дипломатической области и в организации военной обороны государства, страдавшего от технической отсталости и от общих последствий долгого господства дворянско-феодального крепостнического строя. Однако война была грабительской не только со стороны царской России. Турецкое правительство шло на развязывание войны, преследуя агрессивные реваншистские цели — возвращение северного побережья Черного моря, Кубани, Крыма и т. д. Война была грабительской с обеих сторон.

Но были ли дипломатические, а потом и военные выступления Англии и Франции продиктованы, как упорно до сих пор пишут публицисты и историки этих стран, одним лишь желанием защитить Турцию от нападения со стороны России? На это должно дать категорически отрицательный ответ. Обе западные державы имели в виду отстоять Турцию исключительно затем, чтобы с предельной щедростью вознаградить себя (за турецкий счет) за эту услугу; обе стремились захватить в свои руки и экономику и государственные финансы страны (что им полностью и удалось в результате войны), обе деятельно между собой конкурировали и враждовали после Крымской войны, взаимно старались обогнать друг друга на путях систематического обирания турецкой державы. У обеих западных держав были еще и другие разнохарактерные цели, и на жестокий промах русской дипломатии и Пальмерстон и Наполеон III посмотрели, как на счастливый, неповторимый случай выступить вместе против общего врага. «Не выпускать Россию из войны», изо всех сил бороться против всяких запоздалых попыток русского правительства, когда оно уже сознало всю опасность начатого дела, к отказу от своих первоначальных планов, непременно продолжать и продолжать войну, расширяя ее географический театр, — вот что стало лозунгом западных союзников. И именно тогда, когда русские ушли из Молдавии и Валахии и уже речи не могло быть об угрозе существованию или целостности Турции, союзники решили напасть на Одессу, на Севастополь, на Свеаборг и Крошштадт, на Козлу, на Соловки и на Петропавловск Камчатский, а британский кабинет уже строил и разрабатывал планы отторжения от России Крыма, Бессарабии, Кавказа, Финляндии, прибалтийских провинций,

Польши и Литвы. Вдохновитель этих планов, воспетый русской песенкой «воевода» Пальмерстон, удержку не знал в своем завоевательном пылу, «разделяя Русь на карте указательным перстом», тем более что проектируемые им походы на Польшу и во все другие намеченные места должны были, по его предначертаниям, совершить французские, а не английские сухопутные войска.

Тем-то и дорог Пальмерстон новейшему историку Гендерсону, что «Пальмерстон был хорошим англичанином, работающим для национальных целей... Его национализм был не принципом, а страстью, со всем тем хорошим и дурным, что происходит от страсти»³.

С лета 1854 г. прямое нападение с моря и с суши на русскую государственную территорию морскими и сухопутными силами союзников, когда уже ни одного русского солдата не оставалось в Молдавии и Валахии, явилось со стороны Англии и Франции началом выполнения новой, широко задуманной пальмерстонской агрессии. Завоевание Крыма должно было явиться лишь первым шагом, и когда 2 декабря 1854 г. Австрия уже и формально стала на сторону союзников, английские мечтания начали приобретать довольно реальную форму.

Война, начатая царизмом, покрыла новой славой русское имя благодаря воинскому искусству и беззаветной храбрости Нахимова, Корнилова, Истомина, Васильчикова, Хрулева, Тотлебена и тех 16 тыс. моряков, от которых осталось 800 человек к концу осады, и десятков тысяч погибших армейских солдат. За тяжкие перед народом преступления и убийственную политику царизма пришлось расплачиваться потоками крови самоотверженных русских героев на Малаховом кургане, у Камчатского люнета, на Федюхиных высотах.

Останавливаясь на этой бессмертной эпопее русской обороны, иностранные историки предпочитают при этом не очень распространяться о провалившихся истинно грабительских планах Пальмерстона, австрийского министра иностранных дел фон Буоля и др. Тут они крайне лаконичны.

Но взгляды в приеме английских историков, пишущих именно о первоначальной стадии дипломатической подготовки Крымской войны, которой больше всего интересуются названные нами два английских профессора.

В этой первоначальной стадии, конечно, внимание должно сосредоточиться на двух капитальной важности моментах: на переговорах 1844 и переговорах 1853 гг. Напомним фактическую ткань и связь событий.

31 мая 1844 г. Николай высадился в Вульвиче, а 9 июня покинул Англию. Его основной целью в продолжение всего этого взволновавшего Европу визита было, как мы это твердо теперь знаем на основании бесспорных источников, позондировать почву по вопросу, как отнесется английское правительство к возможному в

более или менее близком будущем проекту частичного или общего раздела турецких владений. Англию царь считал неизбежной участницей дела и интересовался выяснением размера английских аппетитов при заключении подобной сделки, хотя он предвидел, что предприятие не обойдется без вмешательства Австрии и Франции.

Захватнический характер этих планов Николая нелепо было бы отрицать. Но не менее нелепо настаивать, как это принято в английской литературе, на благороднейшем поведении британского правительства в 1844 г., не пожелавшего, по свойственному ему общеизвестному «бескорыстию», отказаться от традиционной «защиты» Турции.

На самом деле в эти июньские дни в Виндзоре происходило следующее. Николай говорил с тремя руководящими деятелями Англии того времени: первым министром Робертом Пилем, министром иностранных дел лордом Эбердином и главнокомандующим армией герцогом Веллингтоном. И формально и фактически центральной фигурой, единственным ответственным лицом являлся Роберт Пиль. Но мы совершенно напрасно стали бы искать у Темперлея, у Гендерсона или в изданиях документов (вроде новейшего «Foundations of British foreign policy», 1938, издатели — Темперлей и Пенсон) хотя бы малейшего указания именно на переговоры между Николаем и Робертом Пилем. Этот пропуск несколько загадочен: мы знаем из свидетельства друга и воспитателя Альберта («принц-супруг» королевы Виктории) барона Штокмара, тогда же говорившего непосредственно со всеми действующими лицами, что Роберт Пиль не только выслушал с большим участием и интересом царские проекты насчет Турции, но и поспешил вернуть необычайно существенное замечание. Прикрывая свои намерения обычным дипломатическим фиговым листом, царь говорил: «Я не хочу и вершка Турции, но и не позволю также, чтобы другой получил хоть вершок ее». А Роберт Пиль, не моргнув глазом, подхватывал: «Англия относительно Востока находится в таком же положении. В одном лишь пункте английская политика несколько изменилась: относительно Египта. Англия не могла бы допустить существования там слишком могущественного правительства, такого правительства, которое могло бы закрыть перед Англией торговые пути, отказать в пропуске английским транспор-там».

При переводе с дипломатического языка на общечеловеческий эти слова имеют вполне точный смысл. Пиль как бы говорит Николаю: мы с вами одинаково ревностно, разумеется, оба печемся о неприкосновенности Турции, но если уж так случится, что сам аллах отступится от правоверных и придется Османскую империю делить, то имейте в виду, что Египет должен достаться Англии и никому другому, это уже как там хотите!

Конечно, и новейшие и более старые английские историки очень тщательно пропускают слова Пиля, указывающие, что бри-

танский премьер вполне по-деловому обсуждал с царем вопрос о разделе турецкой добычи. Но и беседы Николая с Эбердином, министром иностранных дел, не оставляют сомнения в том, что соблазнительные предложения царя выслушивались англичанами в тот момент без всякого признака добродетельного негодования. Тут уж у нас имеются такие бесспорные документальные доказательства, которые, пожалуй, можно замалчивать, но пельзя и пытаться опровергать. Я их тут не привожу, потому что говорю об этом обстоятельно в I томе моей «Крымской войны»⁴.

Но тут с английской стороны пускается в ход другой прием. Оказывается, что хотя разговоры царя с Эбердином были изложены в особом меморандуме, пересланном затем графом Нессельроде в английское министерство иностранных дел официальным дипломатическим путем, и хотя Эбердин принужден был в ответной, очень не скоро посланной ноте признать «точность изложения» (the accuracy of statement) этих переговоров о Турции, по все это ничего не значит! Почему? Потому что, оказывается, у царя с англичанами были просто «частные беседы», и меморандум об этих беседах тоже является документом «совершенно персональным», как выражается Гендерсон. Мало того: хотя первый министр Пиль и министр иностранных дел Эбердин долго советовались с царем и русским канцлером Нессельроде и беседы затем протоколировались, но (цитируем эту невероятную фразу Гендерсона в точности) «британский кабинет ничего не знал об этом», а посему все, что было сделано в эти чреватые далекими последствиями июньские дни 1844 г., «не имело значения» («it had no validity»).

Этот прием юридического крючкотворства со стороны английского автора нельзя даже назвать иезуитизмом: до такой степени тут все вполне откровенно основано лишь на игре слов. Премьер и его министр ведут переговоры, но «кабинет» (т. е. они же!) «ничего не знает об этом»... абсолютно «ничего» не слыхивал: Роберт Пиль и Эбердин коварно все утаили от... Роберта Пила и Эбердина!

Итак, по утверждению английских историков, английское правительство в 1844 г. было, значит, совершенно чуждо предосудительных намерений царя? Оно якобы заботилось лишь об одном: о процветании, благе и неприкосновенности Турции. Правда, и у Темперлея, и у Гендерсона, и у более старых историков, их предшественников, получается некоторая неувязка: английское правительство было до такой степени невинно, что оно не только отказалось делить Турцию и отстаивало ее от Николая, а даже «ничего не знало» о его намерениях. Но от каких же покушений царя оно могло отстаивать турок, если оно ничего не знало об этих покушениях? Вот что выходит иногда от избыточного изобилия аргументов: они начинают побивать друг друга!

Мы говорим тут лишь о явных умолчаниях и извращениях, имеющих целью представить дело об июньских переговорах не так, как оно было в действительности, а в совершенно ложном свете. В Виндзоре в 1844 г. беседа шла не между хищником, готовым броситься на Турцию, и ее бескорыстными защитниками, но между двумя державами, которые хотели бы сговориться о разделе будущей добычи, однако несколько друг другу не доверяли и только поэтому еще колебались. Но с точки зрения общей критики научного произведения, разве можно так писать о переговорах 1844 г., как пишут Темперлей и Гендерсон? Разве можно не упомянуть ни единым звуком о том, в каком положении были внутренние дела Англии в момент приезда Николая? У обоих этих новейших историков не сказано ни слова о жестоком обострении борьбы торгово-промышленной буржуазии против землевладельцев за отмену хлебных законов и ни слова о чартизме, о том, как Веллингтон, Эбердин, Пиль были встревожены и чартистским движением и раздором среди владельческих классов, все усиливавшимися под влиянием фритредерской агитации Кобдена.

Мало того: если беспокойное положение внутри государства заставляло таких закоренелых реакционеров, живших идеями и традициями Священного союза, как герцог Веллингтон, приветствовать сближение и дружбу буржуазной Англии с могущественным «жандармом Европы», то приезд Николая был необычайно кстати также ввиду внешнеполитической ситуации Англии. Английскому правительству, под покровом либерализма проводившему не менее реакционную жандармскую политику в международных политических взаимоотношениях со слабыми народами, необходимо было основательно прощупать смысл внешней политики Николая I на Ближнем Востоке. Общеизвестно, что английские экспансионистские планы в Турции шли гораздо дальше тогдашних политических устремлений царской России, но об этом английские историки предпочитают умалчивать, а если и говорят, то далеко не ясным языком. Темперлей передает (так, между прочим, в трех строках) разговор Эбердина с русским послом Бруниновым, когда Эбердин «в тоне шутки» сказал, что он ждет со стороны Нессельроде предложения оборонительного и наступательного союза с Россией, и спустя некоторое время прибавил: «Нет, нет, не думайте, что я шучу. Это может стать серьезным делом. Ей-богу, это не шутка». Темперлей приводит (правда, отважно перевирая в своем английском переводе) эту сказанную по-французски фразу Эбердина и думает, что достаточно дать в примечании (стр. 254) одну строку в пояснение заявления Эбердина, что Англии может понадобиться русская армия: «Намек на тогдашние натянутые отношения с Францией». Неискушенному читателю никак по этим бессодержательным словам не догадаться, что французы тогда бомбардировали Танжер, что английская пресса раздраженно говорила о французской угрозе Гибралтару, что французы

укрепляли свои антианглийские позиции в Египте и в Сирии и т. д. Вся эта реальная внутривосточная и внешнеполитическая обстановка, при которой велись русско-английские переговоры в 1844 г., обойдена глубоким молчанием. Она не пужна английским историкам потому именно, что она очень существенно объясняет и подтверждает готовность английского правительства в 1844 г. идти навстречу царю в его предположениях и предложениях касательно Турции. Русская дружба казалась Эбердину и Пилю очень полезной, чтобы дать Франции нужную остротку. И англичане поэтому вовсе не удерживали, а скорее поощряли царя к продолжению опасного пути, на который он вступил.

Таков был первый акт дипломатической подготовки Крымской войны. Прошло 9 лет после виландорфских переговоров 1844 г., и наступил второй акт, начавшийся 9 января 1853 г. навеки памятным разговором Николая с сэром Гамильтоном Сеймуром и окончившийся 4 января 1854 г. прохождением англо-французского соединенного флота через Босфор в Черное море.

Здесь мы встречаемся с решительной попыткой новейшей английской историографии подкрепить и подтвердить традиционную версию, которая со времен первых историков Крымской войны, начиная с Кинглека, как возникла, так никогда и не менялась в английской науке и публицистике. Но никогда эта версия не облекалась так старательно в наукообразное одеяние. И никогда у старых английских историков, вроде того же Кинглека, эта версия не имела такой явственной политической заостренности и откровенной тенденциозности, как в нынешней историографии.

Фактическая канва дипломатических событий 1853 г., детально изложенная мною в первом томе «Крымской войны» (стр. 107—341), никогда не удоставалась со стороны английских историков сколько-нибудь внимательного рассмотрения, и они отчасти умышленно игнорируют даже вполне доступные им документы, а отчасти и понятия не имеют о всех сокровищах наших советских архивов.

В книге Темперлея событиям 1853 г. посвящено 84 страницы (301—385), в книге Гендерсона — 9 страниц (5—14). Да и зачем им было углубляться в документацию, раз все так ясно, так ловко целиком укладывается в predetermined схему и ведет к predetermined результату? Воззрение, канонизированное в английской литературе, сводится к следующим тезисам, относительно которых в Англии не спорят даже те авторы, которые расходятся во мнениях по другим пунктам: Николай 9 января 1853 г. на рауте у великой княгини Елены Павловны и в следующих затем беседах предложил британскому послу при петербургском дворе сэру Гамильтону Сеймуру передать в Лондон о желании царя сговориться с англичанами насчет занятия определенных турецких терри-

торий, в случае если Турция окажется под угрозой близкого распада и разрушения. Английское министерство решительно отказалось по тем же благороднейшим (разумеется!) мотивам, по которым не пошло на исполнение царских желаний в 1844 г. Тогда Николай послал Меншикова в Константинополь с несполнимыми для турок требованиями, и здесь, несмотря на энергичные миролюбивые усилия гумашного британского посла в турецкой столице лорда Стрэтфорда-Рэдклифа, который делал все зависящее, чтобы помирить турок с русскими, Меншиков довел дело до разрыва своей нетерпимостью и неуступчивостью. Затем — опять-таки без всякого вмешательства и подстрекательства англичан — турки объявили русским войну. А дальше уже заговорили пушки, вступила в свои права логика войны. Нахимов истребил в Синопской бухте 18 ноября 1853 г. турецкую эскадру, и в ответ на это, 4 января 1854 г., англичане и французы, «чтобы спасти Турцию от гибели», принуждены были ввести свои военные суда в Черное море, — и объявление войны России со стороны Франции и Англии стало уже неизбежным. Такова господствующая в английской историографии схема.

В этой схеме дипломатической истории 1853 г. нужно резко отделить два потока событий: один, связанный с беседой царя и Гамильтона Сеймура 9 января 1853 г., другой, связанный с прибытием в Константинополь двух чрезвычайных и полномочных послов — русского князя А. С. Меншикова (28 февраля 1853 г.) и британского лорда (виконта) Стрэтфорда-Рэдклифа (5 апреля 1853 г.).

Что касается событий, связанных с роковым разговором 9 января 1853 г., то здесь инициатива царя в дипломатических действиях, которые были направлены к разделу турецкой территории, не может быть оспариваема. Но, конечно, вовсе не эта аксиома, против которой никто и не спорит, является грубой, недопустимой исторической фальсификацией, вопиющим насилием над очевидными фактами, извращением исторической правды.

Безобразной ложью является утверждение, будто провал миссии Меншикова был обусловлен только неуступчивостью Меншикова, которая сделала бесплодными все усилия «миролюбца» и неутомимого «миротворца» лорда Стрэтфорда-Рэдклифа, стремившегося якобы урезонить турок и побудить их к уступкам русским требованиям. Кричащая правда, которую даже целые вороха фальсификации не могут заглушить и подавить, заключается в том, что именно английский посол изо всех сил и очень оперативно боролся против мирного исхода переговоров Меншикова с турками, именно он последовательно и успешно срывал все попытки и визири и Меншикова прийти к какому бы то ни было приемлемому соглашению, и этим он вполне последовательно и естественно увенчал здание всей своей личной долгой карьеры всегда без исключения еще с конца 20-х годов XIX в. строившейся

на разжигании вражды к России в английском правительстве и обществе, а также в турецких правящих кругах.

Говорить то, что с особенным чувством и азартом утверждает Темперлей (который идет по пути извращения истины гораздо дальше всех своих предшественников в данном случае), доказывать, что Стрэтфорд-Рэдклиф не только не разжигал пожар, а тушил его, — значит, в самом деле называть черное белым, а белое — черным и глядеть на вещи через какую-то камер-обскуру, показывающую наблюдаемые предметы верхним концом к низу.

Прежде всего следует признать крайне стилизованными даже (те количественно очень немногие) документы, которые как Темперлей, так и другие историки, писавшие об этом прежде, вроде американца Порьера Вернона («New lights on the origins of the Crimean war» в «Journal of modern history», 1931), кладут в основу изложения. Очень многие английские послы часто — а Стрэтфорд-Рэдклиф почти всегда — писали свои официальные служебные донесения лондонскому начальству именно так, чтобы их можно было в любой момент опубликовать в виде «Белой книги», белоснежная невинность которой и должна убедить всех и каждого в вечном, нерушимом миролюбии и голубиной кротости и чистоте намерений британской политики. Непорочное зачатие этих невинных «Белых книг» именно и происходит в укромных помещениях английских посольств. А уж как давать настоящий отчет о своих действиях, как всерьез осведомлять свое правительство и через какие каналы пересылать в Лондон то, что нужно, — об этом никаким Темперлеям никогда никто в Форейн-Оффисе не рассказывал и ничего не показывал.

Помнится, что покойный, очень «засекреченный» дипломатический агент Форейн-Оффиса Лауренс, уже в отставке, разговаривавшись как-то на досуге с корреспондентами, отозвался с большим юмором об этой дипломатической кухне, на которой сам считался одним из тонких поваров.

Можно перебрать все «Белые книги», изданные испокон века английским правительством, и не встретит там ни нечистых помыслов, ни каких-либо низменных стремлений или алчных вожделений, — одно сплошное джентльменство и в мыслях, и в чувствах, и в целях, и в методике действий.

Понять все, что творил в Константинополе Стрэтфорд-Рэдклиф, этот энергичный и талантливый помощник Пальмерстона в деле разжигания ненависти турок против России, можно, только пользуясь русскими, французскими, позднейшими (скудными) турецкими, даже, пожалуй, австрийскими документами, но никак не ограничиваясь служебными донесениями Стрэтфорда, рассчитанными на дезориентацию европейского общественного мнения.

Когда пробил урочный час, летом 1853 г., министр иностранных дел Кларендон и опубликовал эти донесения для доказательства поразительного по миролюбию поведения Стрэтфорда в Кон-

стантинополе. И ведь все современники прекрасно знали роль этого злостного, неутомимого поджигателя войны, но кембриджские профессора истории не желают в середине XX в. видеть то, что с отчаянием наблюдали и прекрасно понимали в 1853 г. несчастные турки, которых британский посол ловко втравливал в войну!

Извращение Гарольдом Темперлеем фактов, касающихся роковой агитации Стрэтфорда-Рэдклифа весной 1853 г., начинается с того, что кембриджский историк даже не желает признать весьма знаменательного непритворного «ужаса», с которым отнеслось население турецкой столицы к прибытию Стрэтфорда. Этот «ужас» («the awe») турецкого народа признавал уже первый по времени старый историк Крымской войны Кинглек и объяснял его весьма натурально и правдиво: турки знали, что прибытие Стрэтфорда, этого давнишнего ярого антирусского агитатора и поджигателя войны, означает исчезновение всякой надежды на мирное улажнение дела. Нет! Темперлей полагает, что, напротив, Стрэтфорд хотел мира. Конечно, читателю ни слова не говорится о том, что Стрэтфорд был послан именно по настоянию Пальмерстона, который хоть и был в кабинете Эбердина министром внутренних дел, но заправлял всеми иностранными делами. Кларендон был лишь пешкой в его руках.

Но главная ложь, с первой строки до последней отравляющая и обесценивающая все, что говорит Темперлей о событиях 1853 г., заключается в старательном умолчании о той «двойной бухгалтерии», которая так исправно и успешно действовала в 1853 г. в английской правительственной машине: премьер Эбердин «миролюбив», но что же делать, если он не может никак справиться с воинственным Пальмерстоном. Темперлею, впрочем, и незачем было бы много на этом останавливаться: ведь у него и Пальмерстон тоже очень «миролюбив» и Стрэтфорд-Рэдклиф — ангел, принесший в Константинополь оливковую ветвь мира. Если и был воинственный человек в Константинополе — это лишь один Меншиков.

Нужно сказать, что хотя безответственный, лишенный дипломатического чутья Меншиков, подобно своему повелителю, совсем не понимал, в какое опасное положение попала Россия ввиду явной вражды к ней двух морских западных держав, и преувеличивал русские шансы на дипломатическую победу, уверив себя, что Англия и Франция не выступят, и хотя он поэтому делал одну грубую ошибку за другой, но были моменты, когда, казалось, в самом деле решительно открывался путь к миру. И вот тут-то всегда вмешивался очень оперативно Стрэтфорд. Зная, что его патрон лорд Пальмерстон еще не сломил сопротивления кое-кого из членов кабинета, не желавших ускоренного приближения войны, Стрэтфорд-Рэдклиф нускал в ход буквально все, вплоть до преднамеренного преступного искажения документов, исходивших

от России. Когда Меншиков передал великому визирю ноту, в которой требовалось для России право «делать представления» (турецкому правительству) по поводу дел православной церкви, то Стрэтфорд, пересылая копию этой ноты в Лондон, произвел прямой подлог: вместо «делать представления» он вписал в русскую ноту слова, которых вовсе там не было и быть не могло: «давать приказы». Вышло, что Россия просто, одним росчерком пера, уничтожает суверенитет Турции. Получив эту бумагу, Пальмерстон, конечно, стал усиленно гнать кабинет к войне, и английской прессе была сообщена лживая, подделанная Стрэтфордом версия мнимых русских требований. Обо всем этом и других тому подобных решающих эпизодах нет ни звука не только у Темперлея, но и ни у кого из английских историков.

Меншиков и стоявший за ним царь, получив удовлетворение от турок только по поводу «святых мест», конечно, на этом не успокоились, потому что продолжали ошибочно надеяться на одиночество Турции в происходившей борьбе. Меншиков потребовал формулировки, которая давала бы России право вмешаться во все дела православной церкви в Турции. Стрэтфорд повел двойную игру в это время: он убеждал Меншикова, что англичане никак не намерены помогать туркам, а в то же время сообщил секретно (в тайной аудиенции) султану, что английская средиземная эскадра стоит наготове и явится, если Константинополю будет грозить опасность и что уступить русским требованиям не следует.

Вечером 14 мая Решид-паша вдвоем со Стрэтфордом написали ноту, которая на другой день и была передана Решидом Меншикову. В ноте содержался отказ. Цель англичанина была блестящим образом достигнута: 21 мая 1853 г. Меншиков со всем составом посольства покинул Константинополь.

Таким образом, если первый шаг к войне был сделан Николаем, начавшим с Англией 9 января 1853 г. переговоры о разделе Турции, то второй крупный шаг к войне был сделан при переговорах Решида-паши с царским посланцем Меншиковым, при самом деятельном соучастии и подстрекательстве британского посла Стрэтфорда-Рэдклифа, всецело забравшего в свои руки султана Решида. В этом не имеет никакого основания усомниться ни один добросовестный историк, считающийся с бесспорными документами. Однако Темперлей не только не желает это признать, но все время как бы демонстративно стремится доказать, будто верит в благородные усилия поджигателя войны Стрэтфорда «спасти» мир. Историк Темперлей до такой степени надеется на то, что его умиления и искажения скроют от читателя истинную роль Стрэтфорда, что имеет наивность (или цинизм) приводить слова Стрэтфорда, этого богобоязненного провокатора кровопролития, из письма к жене его от 23 января 1853 г., писанного Стрэтфордом, следовательно, через две с половиной недели после входа соединенных эскадр западных держав в Черное море: «Я благодарю бога, что

мне выпало на долю передать последнее мирное предложение такого содержания, чтобы оно удовлетворяло и наше правительство и было бы приемлемо для Европы». Набожный Стрэтфорд, сделав все решительно от него зависящее, чтобы ускорить военный взрыв, благодарит своего создателя за то, что так хорошо ему удалось поработать на пользу... мира. И кембриджский профессор Темперлей, не уступающий в благочестии и любви к правде своему герою, пресерьезно заключает этой молитвенной концовкой свое повествование о благородстве и миролюбии английских министров и послов, обнаруженных ими (всеми без исключения) в роковой год, когда предreshалось долгое кровопролитие...

Чтение этих новейших образчиков британской литературы о Крымской войне полезно в двух отношениях: во-первых, они дают пример того, как не следует писать историю начала этого великого столкновения середины XIX в., и, во-вторых, они лишний раз напоминают советским научным работникам о повелительном их долге перед наукой и Родиной бороться против отравленного оружия исторических фальсификаций, умолчаний и извращений, которые так часто под всевозможными прикритиями и по самым разнохарактерным поводам пускаются в ход из лагеря противников при изображении русского прошлого и настоящего.

Вопросы истории, 1949, № 3,
стр. 119—125.

ДНЕВНИК МИЛЮТИНА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК *

Историк похода Суворова в Италию, военный министр (с 1861 г. по май 1881 г.) Д. А. Милютин оставил после себя воспоминания и дневник. Воспоминания, к сожалению, до сих пор остаются неизданными, дневник же, охватывающий 1873—1899 гг., теперь издается, и первые два тома лежат перед нами.

Те, кто имел случай заглянуть в рукописи воспоминаний Д. А. Милютина, хранящиеся в рукописном отделе Ленинской библиотеки, вероятно, согласятся, что, с точки зрения чисто литературной, воспоминания написаны более живо и занимательно, чем слишком сухой, деловитый «Дневник», носящий местами характер сжатых, конспективных заметок, поясняющих те или иные мероприятия военного министерства и обрисовывающих борьбу ведомств, в которой приходилось принимать участие Д. А. Милютину при долговременном пребывании его на одном из самых важных государственных постов старой России. Зато научная, позна-

* М и л ю т и н Д. А. Дневник. Т. I—II. М., 1947—1949. 2 т. (Гос. ордена Ленина Библиотека СССР имени В. И. Ленина. Отдел рукописей). Т. I. 1947. 254 стр.; Т. II. 1949. 290 стр.

вательная ценность «Дневника» для всякого занимающегося историей России в последние десятилетия XIX в., разумеется, гораздо выше. В «Дневник» вносились записи, хотя явно предназначенные для печати, но, во всяком случае, под первым впечатлением описываемых событий. Д. А. Милютин многое в «Дневнике» утаивал (в чем откровенно и неоднократно сознается), но едва ли лгал и сознательно извращал то, что видел.

Как известно, Д. А. Милютин считался «либералом», и когда он вместе с Лорис-Меликовым ушел в отставку в 1881 г., после того, как Александр III неожиданно для всех (кроме Победоносцева) издал свой пресловутый манифест о незыблемости самодержавия, то эта репутация за Милютиным упрочилась окончательно. «Милютин ваш не патриот, а просто карбонарий ярый!» — кричит кто-то в Некрасовских «Юбилеях и триумфаторах». Справедливость требует сказать, что эта репутация сильно преувеличена. Д. А. Милютин был лично честным человеком. Преувеличивать размеры и принципиальную высоту этой «честности», однако, не следует. С царем он не спорил и карьеру свою, долгую и блестящую, очень хлил и лелеял. Редакция «Дневника» склопна, заметим, это забывать и очень преувеличивать «прогрессивность» взглядов Милютина. Не только от передовых деятелей того времени, но даже от очень «умеренных» тогдашних либералов он был очень далек, еще дальше даже, чем его брат, Н. А. Милютин. У него, например, не хватало мужества высказаться о палаческой деятельности М. Н. Муравьева так, как высказался А. А. Суворов, тогдашний петербургский генерал-губернатор. Задуматься над тем, что представляет собой самодержавие, которому он служил всю жизнь, ему никогда, вплоть до времен Лорис-Меликова, и в голову не приходило. Когда вокруг него воровали и брали взятки очень уж неприкрыто (как, например, это делал царский брат Константин), то это возмущало Милютина до глубины души. Но что его ближайшие сотрудники делали сплошь и рядом то же самое, правда, ловко «окапываясь» и прикрываясь, — это от него ускользало.

Редакция «Дневника», снабдившая это издание предисловием и прекрасным указателем имен, регистрирует, между прочим, два имени: генерал-майора Аничкова и генерал-лейтенанта Д. С. Мордвинова, но больше ни звука о них не говорит. А ведь это были ближайшие сотрудники Милютина, очень влиятельные и известные всему Петербургу люди. Первый состоял чиновником особых поручений при военном министре Милютине, второй — начальником канцелярии военного министра. Жаль, что редакция «Дневника» не вспомнила здесь стихи Некрасова, которые невольно приходят в голову: «Военный пир — военный спор... Не знаю, кто тут триумфатор? Аничков — вор! Мордвинов — вор! кричит зарвавшийся оратор». В чем дело? Может быть, Некрасов, не бросавший никогда на ветер таких слов, повторил на сей раз ложный слух? А может быть, слух и не был ложным? Редакция, бесспорно, немало

сделавшая для пояснения темных мест «Дневника», могла бы сделать еще больше. Например, упомянутые Милютинным на стр. 87 вскользь слова: «...жалкая история Квитницкого» — комментируются на стр. 232 совершенно недостаточно, несколькими строчками, где сказано всего лишь о «травле» Квитницкого офицерами и о кровавой расправе, учиненной Квитницким над предполагаемым «клеветником» Хлебниковым. И читателю невдомек: почему офицеры (в том числе и сын Милютина) «травлили» Квитницкого и почему лично безукоризненный Милютин не мог спасти своего сына от опалы? И почему царь принял сторону Квитницкого? Что бы стоило редакции ознакомиться с этим громчайшим процессом, с речами крупных адвокатов, выступавших по этому делу, столь важному для понимания порядков службы в тогдашней армии? А ведь это очень помогло бы и при характеристике самого Милютина. Газеты 1873 г. были полны фактическим материалом, относящимся к этому процессу. Но вообще хотелось бы, чтобы при издании следующего тома «Дневника» редакция дала более разностороннее освещение и анализ политической физиономии Милютина и особенно его деятельности и воззрений последних лет и установила бы для этого более точный и строгий критерий, чем сделано в предисловии к I тому.

На стр. 193 и 195 Милютин до странности мало, бегло и невразумительно, мимоходом упоминает, что Бисмарк «намеревается снова разгромить Францию» и что «опасения войны, кажется, рассеялись». В значительной степени приписывают этот оборот свиданию нашего императора с германским. А ведь речь идет о большой политической тревоге 1875 г., когда на самом деле Германия чуть не напала на Францию, когда французская армия уже готовилась отступить за Луару и когда только активное вмешательство Горчакова предотвратило войну. Милютин явно не понял грозного и вполне реального (теперь это полностью доказано) характера бисмарковских угроз в 1875 г. Ни слова не говорит об этом и редакция. Между тем игнорирование такого события весьма характерно для Милютина, в котором чиновник, очень осторожно и ловко делающий бюрократическую карьеру (причем он дослужился, сидя в кабинете, до фельдмаршала), решительно преобладал над государственным человеком. На стр. 186 (I тома) приводится текст части русской ноты с изложением упомянутого события и тоже без малейших комментариев как со стороны Милютина, так и со стороны редакции. На стр. 188 читаем: «Крайне прискорбно и грустно, что дух спекуляции и жажда наживы до такой степени обуяли всех не только государственных людей, но даже членов царской фамилии. Об этом говорят громко в публике... Скандальные эти сиплетни окончательно колеблют прежнее благоговение к царскому дому». Тут следовало бы непременно дать комментарии с указанием конкретных фактов (взятки при продаже Аляски американцам; «деятельность» сестры княгини Долгоруковой, второй жены Александр

ра II; продажу железнодорожных концессий французу Колльишь-ону и т. д. — без конца). Тогда общий конечный вывод, даваемый Милютинным в нескольких глухих строках, звучал бы гораздо громче и исторически значительнее.

На стр. 46 и на многих других страницах II тома Милютин обнаруживает вреднейшее для русских интересов непонимание истинной роли и прямых целей Бисмарка, деятельно толкавшего в 1876—1877 гг. Россию на немедленную войну с Турцией. Это непонимание было свойственно и самому царю и почти всем российским саповникам, кроме разве Валуева и очень немногих других. Фальшивый карьерист, переметная сума, Валуев оказался, как это подтверждено теперь документально, все же проникательнее морально стойкого Милютина, который не понял, что умный Бисмарк так же страстно жаждал разжечь русско-турецкую войну, как впоследствии глупый и бездарный Вильгельм II жаждал разжечь войну русско-японскую. Даже у Вильгельма хватило ума, чтобы понять всю выгоду для Германии всякой войны, удаляющую Россию от Немана и Вислы. И тут редакция (т. II, стр. 49) не дает правильного анализа воззрений Милютина, который не любил немцев почти так же, как славянофил Иван Аксаков, и так же, как Иван Аксаков, хоть и без такого азарта, втраививал, со своей стороны, Россию в войну, не догадываясь, до какой степени это было тогда желательнее Бисмарку. Милютин мельком говорит о «союзе» трех императоров — русского, австрийского и германского — и ни разу не осмеливается признать этот «союз» прекрасно удавшимся Бисмарку трюком и обманом, прямо направленным против интересов России. Об этом очень стоило бы сказать в комментариях.

Но, несмотря на этот недостаток (слишком скупые комментарии), безусловно, следует признать большой заслугой редакции, что она прекрасно напечатала этот очень трудный текст и что она дала много ценного во введении и в примечаниях, хотя это и далеко не все, что нужно было дать. Редактором проделана серьезная текстологическая работа.

Без этого «Дневника», когда его издание будет доведено до конца, не обойдется ни один историк России второй половины XIX столетия. Перед нами развертывается темная, безотрадная картина не только начавшегося, но уже далеко зашедшего процесса загнивания и разложения дворянского самодержавия. Что только не проходит перед глазами читателя? Тут прежде всего разгул своекорыстия, прикрытого или вовсе никак не прикрытого хищничества, о котором автор «Дневника» говорит лишь бегло, случайно, часто намеками или полунамеками, отчего картина получается еще внушительнее. Ворует крупная бюрократия, ворует аристократия, почти все питаются от казенного лирога. Но лица, являющиеся членами династии, имеют при этих операциях преимущество полной безнаказанности. Захотел Константин Николаевич, царский брат, утащить у казны для себя лично целый завод — и утащил.

Захотела сестра царской морганатической супруги княгини Долгоруковой открыть правильно организованную, с секретариатом и канцелярией, торговлю концессиями на железные дороги — и открыла. На нее Милютин лишь намекает, не называя, по мы о ней знаем и от барона Дельвига и от других мемуаристов. Захотел великий князь Николай Николаевич получить несколько миллионов «для заграничных расходов» — и получил, хотя министр финансов Рейтерн отказал ему наотрез. Сила солону ломит. И Рейтерн знает, что тут речь идет о воровстве, но что же ему было делать, если даже столь же честный Милютин, тоже, конечно, это знающий, с прискорбием принужден был таким вещам содействовать. «По приказанию государя я лично ездил к министру финансов и передал ему положительное повеление об отпуске трех миллионов золотом, однако ж Рейтерн и на этот раз попробовал отказать и прислал государю записку о невозможности исполнения его повеления. Государь настоял, чтобы отпущено было хотя два миллиона» (т. II, стр. 152).

Были и такие способы подобной «самопомощи», когда лицам, в коих «царская струилась кровь», как писал о своих и о себе в стихах великий князь Константин Константинович («К. Р.»), представлялось более простым и быстрым обойтись без всяких задержек и без докучных пререканий с Рейтерном. Вот что читаем в «Дневнике» в записи от 17 апреля 1874 г.: «Между прочим, на днях государь был глубоко огорчен неожиданным, почти невероятным открытием вора среди самой семьи царской! Случались не раз пропажи и в кабинете императрицы и в Мраморном дворце; строго было приказано полиции разыскать украденные вещи, и что же открылось? Похитителем их был великий князь Николай Константинович! Я не поверил бы такому чудовищному открытию, если б слышал не от самого Трепова». Царь плакал от огорчения по этому поводу, но уже месяц спустя «о Николае Константиновиче как-то перестали говорить» (запись от 15 мая, т. I, стр. 157), а еще через два месяца (запись от 15 июля 1874 г.) царь уже понемножку сам заговорил с Милютиным о том, нельзя ли неловкого, увлекшегося молодого человека вернуть как-нибудь на службу? «Как же вводить снова вора и негодяя во все права особ императорской фамилии?» — возмущенно восклицает Милютин (т. I, стр. 212). Но — увы! — перед царем он этого не воскликнул и лишь с «Дневником» поделился своими чувствами (как и в большинстве других аналогичных случаев).

Полны захватывающего интереса многочисленные записи в «Дневнике» о русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Следует заметить, что при бесспорном уме и широком образовании Д. А. Милютин не весьма много смыслил в делах внешней политики. В своем «Дневнике» он со снисходительной улыбкой похлопывает по плечу канцлера А. М. Горчакова, даже и не подозревая, что близкие его сердцу славянофилы, друг его Юрий Самарин (тогда уже

умерший) или благополучно здравствовавший Иван Аксаков — такие дети по дипломатическому разумению сравнительно с князем Александром Михайловичем. Горчаков давно раскусил Бисмарка, за что Бисмарк так бешепо его и возненавидел и так клеветал на него, и всегда его порочил. Горчаков знал правящую среду царской России, ее бездарность умственную и растление нравственное не хуже Милютина, но он делал из этого более правильный вывод, что нельзя торопиться с войной, имея к тому же за спиной таких «сердечных друзей», как Бисмарк и Франц-Иосиф.

Когда уже развивались военные действия, когда широкой рекой текла русская кровь под Плевной и Шипкой, Милютин мог убедиться, во что обошлось России верховное командование абсолютно ничего не смыслившего в военном деле великого князя Николая Николаевича (того самого, которому дали два миллиона вместо трех), во что обошлось все устройство интендантства, воровавшего так, что оно побило все рекорды и даже затмило, как это ни трудно было, свои собственные достославные традиции времен Крымской войны. Но Горчаков предвидел не только то, чего не предвидел Милютин в области ведения войны. Старый проницательный русский дипломат предвидел и все последствия доверия к «честному маклеру» Бисмарку, и трудность победоносной борьбы против наглого шантажа британского премьера Биконсфильда, и многое, многое другое, о чем Милютин не догадывался, хотя и писал с беспокойством о близости английского флота к Константинополю.

Библиотеке имени В. И. Ленина советская общественность и наука будут очень благодарны за скорейший выпуск следующих томов этого, во многом незаменимого, так зрело продуманного, подготовленного и удачно начатого издания. Сделанные выше замечания продиктованы желанием, чтобы это капитальное издание стало еще более пригодным для научного использования и еще более доходчивым для широкой читательской массы. «Дневник», когда он будет полностью опубликован, даст много нового, надежного, нелицеприятного, правдивого материала для правильной оценки истинных свойств правящего аппарата романовской монархии в последние времена перед неизбежной революционной развязкой, приближавшейся с каждым десятилетием. Но считаем желательным, чтобы редакция учла сделанные выше по ее адресу наши замечания.

Великая социалистическая революция очистила эти авгиевы стойла, своими тлетворными миазмами заражавшие всю народную жизнь. Милютин, умереннейший из умеренных «постепеновцев», не додумавшийся ни до какой панацеи от всех зол, кроме кургуzych и оципаных лорисмеликовских совещательных собраний при фактическом сохранении неограниченной монархии, производит своим «Дневником» сильное впечатление именно потому, что, очень долго находясь в самом центре правительственной машины,

он на каждом шагу с чувством, близким к отчаянию, убеждался, что с верховою шайкой (он так и называет П. А. Шувалова, Дмитрия Толстого и компанию «шайкой») ровно ничего поделаться нельзя, что эта клика, всемогущая при дворе, ничуть не желает считаться даже с его, милютинскими, скромнейшими требованиями и не допускает ничего, кроме неограниченного произвола и столь же неограниченного хищничества.

Вопросы истории, 1949, № 10,
стр. 107—110.

ВЕЛИКОЕ, СВЯТОЕ ДЕЛО

Всемирный конгресс сторонников мира в Париже — внушительный ответ мировой демократической общественности на тот пагальный вызов всему миролюбивому и свободолюбивому человечеству, каким является откровенный до цинизма и агрессивный по своей сущности и даже по высшей форме Североатлантический договор.

Парижский конгресс скажет Уолл-стриту и государственному департаменту, биржевикам-генералам и биржевикам-министрам, открыто готовящим новую бойню, что даже если бы им и удалось развязать преступную войну, то страны народной демократии и Советский Союз не будут одиноки: на их стороне будут народы Европы и Америки, будут их лучшие люди, будет совесть человечества.

На англо-американском языке существует необыкновенно характерное выражение: «купить лучшие мозги» («to buy the best brains»). Когда покойный Форд 40 лет назад вздумал дать исключительный размах своему предприятию, он хвалился, что «закупил наилучшие мозги» — инженеров, конструкторов и механиков, — какие только были на рынке умственного труда. Но уже сейчас Всемирный конгресс сторонников мира, собирающийся в Париже, показывает ясно, что ни самому г. Ачесону не удалось закупить «наилучшие мозги» его страны для идейной поддержки Североатлантического договора, ни г. Шуману во Франции, ни г. Сфорца в Италии, ни г. Ланге в Норвегии, ни г. Бенину в Англии не удалось выполнить соответствующее поручение государственного департамента в их странах.

Да если бы даже Ачесону и его европейским приказчикам посчастливилось «приобрести» несколько человек с крушыми именами, которые взяли бы на себя функцию обливать грязью Парижский конгресс и утверждать, сохраняя серьезный вид, что Североатлантический договор создан для целей самообороны, то из этого тоже никаких стоящих результатов для успеха реакционной пропаганды

не получилось бы. Много ли пользы принесла гитлеровщине поддержка Кнута Гамсуна? Навсегда безнадежно опозорив свое имя, исключив себя из общества порядочных людей и в своей стране и во всем мире, старик остался живым образчиком того, что происходит даже с упрочившейся репутацией, если тот, кто ее ранее заработал, вдруг начинает служить гнусному делу палачей и пасильников. Нет, «лучшие мозги» не покупаются и не продаются так, как лучшая турбина, или лучшая мясорубка, или лучшее самопишущее перо, или всякий иной товар...

Парижский конгресс говорит простым людям Нью-Йорка, Парижа, Лондона: посмотрите, что за вашей спиной готовят ваши эксплуататоры и о чем говорят их газетные лакеи! Полюбуйтесь, как эти господа, только что проливавшие крокодиловы слезы по поводу зверств гитлеровской орды, громогласно заявляют, что они пустят в ход снаряды, которые истребят сотни тысяч мирного безоружного населения, стариков, женщин и детей, и что именно на это наиболее гнусное, наиболее варварское, наиболее бесстыжее массовое истребление они возлагают главную, если не единственную свою надежду!

Если бы эти сознательные усилия разжечь мировой пожар во имя своекорыстных целей, если бы этот мерзостный шантаж атомной бомбой, которым усердно занимаются именно теперь достойные преемники и наследники клилически помешавшегося на ненависти к Советскому Союзу Форрестола, не получили отпора, то в самом деле можно было бы отчаяться в человеческой цивилизации.

К счастью, это не так. Уже самая подготовка к Всемирному конгрессу сторонников мира показала, как велики и могучи силы демократического лагеря, ведущего борьбу за прочный мир. Сотни миллионов людей от всей души желают Всемирному конгрессу самого полного успеха в его благородных усилиях.

Новое время, 1949, № 17, стр. 9—10.

ВЕЛИКИЙ СЫН РОССИИ

Народ, который на приказ Петра учиться ответил через 100 лет гигантским явлением Пушкина, — великий народ, говорил Герцен. Национальное величие Пушкина, его громадное значение не только в истории русской литературы, но и в истории русского народа давно признали вслед за Белинским все русские мыслители, скольконибудь глубоко вдумывавшиеся в это в самом деле «гигантское явление Пушкина».

Начиная жизнь, Пушкин в ученической тетрадке написал четыре стиха «Про себя» и, конечно, только *для себя*:

Великим быть желаю,
Люблю России честь,
Я много обещаю —
Исполню ли? Бог весть!

Честь России, благо России 18-летний юноша понимал так, как его друзья, будущие декабристы. Он «желает быть великим» и «любит честь» родины и посвятит свой чудесный дар, который уже начал в себе ощущать, возвеличению и прославлению России. В этом коротеньком четверостишии и предчувствие, блистательно оправдавшееся, и программа, гениально выполненная.

В чувстве всегдашней сердечной близости, волнующей любви Пушкина к своей стране, к своему народу, помимо сыпového инстинкта, была глубокая сознательность.

Это сознание кровной близости было пробуждено в 11-летнем мальчике появлением на политическом горизонте мрачных туч, сначала дававших о себе знать далекими, зловещими зарницами, а потом все более и более близкими молниями и раскатами грома.

Тогда гроза двенадцатого года
Еще спала. Еще Наполеон
Не испытал великого народа —
Еще грозил и колебался он.

Гениальный русский ребенок пробуждался к сознательной жизни именно в эти годы, между Тильзитом и нашествием на Россию, о которых впоследствии старший друг Пушкина П. А. Вяземский вспоминал, как об очень тяжелом времени полном неуверенности в завтрашнем дне, когда «движущаяся праница» наполеоновской империи, вследствие постоянных, внезапных, ничем, кроме произвола завоевателя, не мотивированных территориальных захватов, последовательно и неуклонно приближалась к русским пределам.

И вот, наконец, долго ожидавшаяся гроза грянула: Наполеон пошел на Москву...

Лицейст младшего класса рвался в бой, но детей на войну не брали...

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас...

Постоянно поэт возвращается к этим воспоминаниям, к «священной памяти двенадцатого года», и больше всего его всегда при этом волнует и радует, что именно гнев, «остервенение народа», могучая сила русского патриотизма дали победу. У врагов были и громадные силы, и вел эти силы талантливый полководец,

и поэтому «спор» был «неравен», Россия казалась слабее, но несокрушимая твердость духа, проявленная ею, спасла все:

..Шли ж племена,
Бедой России угрожая;
Не вся ль Европа тут была?
А чья звезда ее вела!..

В смятении бежала Европа прочь, и померкла звезда завоевателя:

Но стали ж мы пятою твердой...
И равен был неравный спор.

Непереносна для Пушкина всегда была мысль о временном торжестве Наполеона, о Тильзите: «Исчезни краткий наш позор!» — восклицал он и был счастлив, что «обидный звук» Тильзита был заглушен громом великих русских побед, сбросивших в бездну гордого предводителя европейских полчищ.

Пушкина всегда возмущала вечная грубая неблагодарность Европы относительно России, которая ведь еще задолго до времен Наполеона спасла западные народы от другого порабощения: «России определено было высокое предназначение. Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу порабощенную Русь и возвратились на стены своего востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной... Россией...» Но Европа в отношении к России была столь же невежественна, как и неблагодарна.

Вопрос о роли России, о могущественном воздействии ее на судьбы Европы был для Пушкина решен навсегда, так же как вопрос о моральных силах русского народа, который предпочел жесткость свою старую великолепную столицу, но не покорился.

Европа гибла; сон могильный
Носился над ее главой.

Но пришла Россия, низвергла в бездну «колосса», который «ступил на грудь» Европы.

Таков был никогда не менявшийся от детских лет вплоть до смерти взгляд Пушкина на события конца наполеоновской эпохи. Как гордился он своим родным городом, вспоминая Наполеона, гневно ждущего у Дорогомилловской заставы московских ключей.

Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою.
Не праздник, не приемный дар,
Она готовила пожар
Нетерпеливому герою.

Двенадцатый год был для Пушкина современностью в начале его жизни и уже стал историей к ее концу. Но и все русское

историческое прошлое неотразимо приковывало к себе его взоры и еще в лице он мечтал живописать «славу нашей старины». Его художественные творения обличают удивительное проникновение в душу русских исторических деятелей и в самый смысл событий.

Еще в юности, на заре творчества, привлекают его первые сказания русских летописи и русских былин, богатыри киевского цикла, Владимир Красное Солнышко; он пишет «Руслана и Людмилу», он дарит нам такой перл, как «Песнь о вещем Олеге». И перед нами воскресает борьба русского народа против хищников-соседей, против неразумных хозар, которых нужно наказать за их буйный набег, и победоносный русский поход за море, до врат Цареграда, и поверья о чудесниках-волхвах, которым открыто будущее, и пиры на тризне по покойнике, и вся древняя Русь с ее пробуждающейся силой и начинающейся славой.

При этом с отроческих лет поэтический взор его останавливается с особенно живым чувством на тех временах, когда России приходилось отстаивать себя от покушений на ее достоинство, честь, самостоятельность. Лихолетье начала XVII в. породило в нем мысль, так вдохновенно им осуществленную, — написать трагедию о Годунове. Если взглянуть в ткань пушкинского создания, то сразу же выступают те черты, которые так характерны для его всегдашнего отношения к России: для Пушкина Россия — нечто любимое, родное и вместе с тем величавое, и эта величавость несколько не мешает ощущению сердечной близости. Даже старый летописец монах Пимен «смирный, величавый», потому что человек, пишущий историю России, сам становится величавым, как бы заражается величием своего отечества.

А в сцене боя под Новгородом-Северским с какой ненавистью русские люди издеваются над французскими и немецкими наемниками, вмешавшимися в русскую междоусобную брань! Русские чувствуют, что для чужаков-наемников участь России, благо России, слава России — пустой звук, и Пушкин влагает в уста русских воинов слова гнева и презрения.

Носители грозного народного протеста, цельные, мощные характеры вождей восставших масс всегда привлекали поэтическое внимание Пушкина. Судя по уцелевшим отрывкам, он собирался писать о Степане Разине. А Пугачева он сделал главным героем своей «Калитанской дочки», которая будет жить в веках столько же, сколько будет жить русский язык.

Ведя рассказ от имени среднего, немудрящего дворянина времен пугачевского восстания Петра Андреевича Гринёва, Пушкин, естественно, вкладывает в уста этого екатерининского офицера те отзывы и оценки, которые такому лицу были свойственны (слова о «русском бунте», о «злодеях» и т. п.), и вместе с тем неизъяснимым чудом художественного творчества поэт умудрился под подозрительным взором Николая, шефа жандармов Бенкендорфа, официальных цензоров, неофициальных доносчиков, доброволь-

ных журнальных шпионов Булгариных дать не только совсем живой (как он его понимал), но и располагающий образ народно-го грозного мстителя и борца.

Этот самый Гринев против воли любит Пугачева, и его начинает любить и тогдашний пушкинский читатель, даже такой, который почти ничего о замечательном крестьянском и казачьем вожде, кроме злобной ругани, никогда и не слыхивал. Мало того: Пугачев является в ряде сцен не только широкой русской натурой, великодушным львом, с которым его и сравнивает Пушкин (в эпиграфе к XI главе), — он, предводитель восстания, и могущественен и силен, как лев. Он «потрясает государством», он опаснейший враг Екатерины, и вовсе не звучат пустой похвалой слова Пугачева Гриневу: «Как ты думаешь: прусский король мог ли бы со мною погаться?» А на вопрос Гринева, как думает сам Пугачев, «управился ли бы ты с Фридрихом?», Пугачев довольно резонно отвечает: «С Федор Федоровичем? А как же нет? С вашими енералами ведь я же управляюсь; а оти его бивали. Доселе оружие мое было счастливо». Пугачев по-своему совершенно прав: русские «енералы», завоевав Берлин и всю Восточную Пруссию и довели «непобедимого» Фридриха II до мысли о самоубийстве, но с Пугачевым, за которым стояло русское восставшее крестьянство, они же долго не могли решительно ничего поделать. А ведь Пугачев и лично участвовал, как мы знаем, в боях Семилетней войны и был очевидцем того, как русские войска жестоко «бивали» немцев с их «Федором Федоровичем» во главе.

И этот разговор как-то еще более возвеличивает образ пушкинского Пугачева, и нас уже несколько потом не удивляет «странное чувство», «отравляющее» личные радости Гринева, когда он думает о казни, ожидающей Пугачева. Гринева «тревожит» жалость к уже схваченному предводителю: «Емеля, Емеля! — думал я с досадою; — зачем не наткнулся ты на штык или не подвернулся под картечь? Лучше ничего не мог бы ты придумать. Что прикажете делать?» И Гринев как бы извиняется перед дворянскими читателями за свое «странное чувство», объясняя его мотивами личной благодарности. Однако мы ясно видим, что не только Гриневу, но и самому Пушкину очень досадно, что удалой вождь кончил свое бурное поприще в руках палача.

В стихотворении «Моя родословная» Пушкин с гордостью вспоминает и своего пращура, который воевал за Русь под начальством Александра Невского, и другого предка, выгонявшего чужестранцев из Кремля под водительством Минина:

Мой предок Рача мышцей бранной
Святому Невскому служил...
Водились Пушкины с царями;
Из них был славен не один,
Когда тягася с поляками
Нижегородский мещанин.

И Пушкин отказывается от своего аристократического происхождения и хочет назвать себя мещанином, потому что аристократами считаются при современном ему николаевском дворе потомки придворных блюдолизов. Его дед «не пел с придворными дьячками», «не ваксил царских сапогов»,

И не был беглым он солдатом
Австрийских пудренных дружин;
Так мне ли быть аристократом?
Я, слава богу, мещанин.

С теплым чувством вспоминал он и своего прадеда с материнской стороны Ганлибала, «арапа», который попал в руки Петра, славного шкипера, «кем наша дрыгнулась земля, кто придал мощно бег державный рулю родного корабля».

Петр I особенно дорог Пушкину потому, что «не презирал страны родной: он знал ее предназначенье».

Вдохновенная песнь Полтавы, где бессмертными, поразительными по красоте и мощи стихами воспевается великая русская победа над жестоким и наглым захватчиком, вылилась из глубины души нашего гения. Вслед за подвигом Полтавы он обращается к другому подвигу русского народа при Петре: к основанию новой столицы, навсегда закрепившему «на зло падменному соседу» возвращенные Петром в русское обладание стародавние русские земли по Неве и Балтийскому побережью. Петербург поэт любил не только за его красоту, но и за то, что этот сторожевой великан поставлен был ограждать драгоценное русское достоинство. Пушкин восклицал:

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия.

Пушкин знал, чего стоило русскому народу отвоевание моря.

Озарен ли честью новой
Русский штык иль русский флаг?
Побежден ли швед суровый?
Мира ль просит грозный враг?

Прав был Белинский, который считал «Пир Петра Первого» гимном в честь реформатора, так много сделавшего для укрепления России перед лицом тайно или открыто враждебных ей западноевропейских государств. Этот вдохновенный гимн создан великим поэтом за несколько месяцев до смерти, так же, как всего за три с половиной месяца до смерти, и как раз в торжественный для Пушкина лицейский день (19 октября 1836 г.) написано им замечательное письмо П. Я. Чаадаеву, с которым поэт решительно разошелся в воззрениях на русскую историю. Пушкин горячо протестует против совсем безнадежного взгляда Чаадаева на русскую историю и действительность.

Следует сказать тут кстати, что Пушкину решительно не по душе были увлечения крайних «западников», беспощадно поносивших Россию, но упорно закрывавших глаза на безобразия, существовавшие за границей.

Пушкин был непримиримым врагом крепостничества и николаевщины, но его явно раздражало, когда иностранные писатели или порой русские люди, справедливо пападая на русские порядки, старательно затушевывали вопиющие несправедливости и злоупотребления, существующие в социальном быту Европы и Америки. Почему англичане молчат о своих несчастных рабочих? Почему американцы помалкивают о неграх? — спрашивает Пушкин. Злоупотреблений везде много. «Прочтите жалобы английских фабричных работников: волосы встанут дыбом от ужаса; сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений! какое холодное варварство, с одной стороны, с другой, какая страшная бедность!» — говорит один участник вымышленного разговора у Пушкина. Наш поэт отмечает ужасы безработицы, порождаемой в Англии введением машинного производства: «...посмотрите, что делается там при изобретении повой машины, избавляющей вдруг от каторжной работы тысяч пять или шесть народу и лишаящей их последнего средства к пропитанию...»

Не меньшее негодование вызывали у Пушкина и порядки в Соединенных Штатах Америки. «Уважение к сему новому народу... сильно поколебалось. С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую — подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству...; большинство, нагло притесняющее общество; рабство негров посреди образованности и свободы; родословные гонения в народе, не имеющем дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющих робость и подобострастие...» Пушкин говорит также о бесчеловечии американского конгресса к индейским туземным племенам, истребляемым всеми способами, и т. д. Эти заметки об Англии и Америке явно продиктованы желанием Пушкина показать, что иностранные критики темных сторон русской жизни не должны замалчивать и лицемерно отрицать отталкивающие и мрачные особенности собственного социального и политического быта.

Вот почему появившееся в 1836 г. в журнале «Телескоп» знаменитого «филосовского письма» Чаадаева глубоко взволновало Пушкина. Чаадаев был одним из самых любимых и уважаемых друзей поэта, и в отрицательном отношении к режиму Николая I они в общем не расходились. Но Чаадаев не видел ничего значительного, ценного в русской истории и не ждал от России решительно ничего в будущем. Пушкин написал Чаадаеву большое письмо, в котором протестовал против этих глубоко ошибочных, порочных воззрений.

Пушкин прежде всего указывает на громадное значение, на яркость и внутреннюю силу событий русской истории, на мощное, незабываемое впечатление, которое остается при изучении характеров русских исторических героев. Войны Олега и Святослава полны достопамятных подвигов... «Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству..., оба Ивана... (Пушкин имеет в виду Ивана III и Ивана IV — *Е. Т.*), — как, неужели все это не история, а лишь бледный и полузабытый сон? А Петр Великий, который один — целая всемирная история!»

Пушкин понимает, что эти резкие, отрицательные выходки относительно прошлого и настоящего России продиктованы Чаадаеву его ненавистью к Николаю I и к николаевщине, и он соглашается с критическим, отрицательным отношением к общественно-политическим условиям того времени, но ставить Россию ниже какой-либо другой страны не желает: «...клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков...»

Великий русский поэт был всю жизнь великим русским патриотом, и это письмо к Чаадаеву явилось как бы его завещанием: оно было криком, вырвавшимся из души. Через три с половиной месяца Пушкин, затравленный презренной придворной кликой, пал от пули гнусного проходимца, французского реакционного эмигранта Дантеса...

Советский народ чествует в лице Пушкина не только гиганта мировой поэзии, начавшего собой плеяду гениальных писателей, которые обеспечили за русским народом неоспоримое первое место в истории мирового художественного творчества. Мы видим в нем великого борца за честь и славу русского имени, одного из самых могучих провозвестников и выразителей народного самосознания, мы чтим в нем гордость русского народа.

И советские люди, воздвигающие здание нового общества, чувствуют свое кровное родство с Пушкининым, учившим своим примером, как нужно любить, беречь, оборонять от всяких вражеских нападений и покушений материальные и духовные силы своей родины.

Огонек, 1949, № 23, стр. 10—11.

НОВОЕ О ЛЕРМОНТОВЕ *

Современник Пушкина П. Л. Яковлев в своем рукописном журнале записал замечательные слова, сказанные Пушкиным: «Поэты — сверхкомплектные жители света». В николаевской

* «Литературное наследство». № 45—46. М. Ю. Лермонтов. Т. II. М., Изд. АН СССР, 1948. 806 стр.

России в короткий срок (на протяжении четырех лет) были без особых хлопот и неприятных осложнений один за другим ликвидированы два «сверхкомплектных» поэта: сначала Пушкин, а затем Лермонтов.

Что Пушкин пал жертвой планомерно подготовленных и проведенных действий, которые не могли не окончиться его убийством, — давно установленный и непререкаемый факт истории русской литературы и русского общества. Что царь и вся придворная аристократическая челядь, затравившая Пушкина, избавились в пасмурный февральский день 1837 г. от беспокойного и, возможно, в будущем опасного противника и что к выстрелу Дантеса в петербургском большом свете отнеслись с большим удовлетворением — это также давно перестало быть тайной.

Иначе обстояло дело с кончиной Лермонтова. Здесь следы, ведущие от желаний и настроений к действиям, от умысла к осуществлению, были гораздо менее заметны; меньше сохранилось свидетельских показаний, нет прямых документов злодейского замысла вроде анонимных писем.

Знали, как не терпит Лермонтова Николай I, передавали о злобном распоряжении царя не представлять Лермонтова к наградам, ходили слухи, что царская дочь Мария Николаевна ненавидит поэта и даже заказывает придворным блюдолизам, вроде графа Сологуба, писать на него пасквили. Были уверены, что двор радовался смерти Лермонтова, и упорно приписывали великому князю Михаилу восклицание при получении известия о смерти сосланного поэта: «Собаке — собачья смерть». Но все-таки радоваться результатам преступления — еще не значит совершить преступление. Чтобы доказать преднамеренный характер убийства Лермонтова, требовалась более конкретная аргументация.

Второй лермонтовский том «Литературного наследства» содержит обширные новые материалы, которые помогают решить загадку смерти Лермонтова. Самая постановка рокового вопроса приобретает новую, своеобразную окраску. Оказывается, что все необходимое для скорейшей ликвидации Лермонтова, как «сверхкомплектного жителя» на белом свете, сделало не только русское царское, но и французское королевское правительство, причем оба действовали через прямых и законнейших своих представителей: шефа жандармов Бенкендорфа и чрезвычайного и полномочного посла Франции барона де Баранта.

Статья Эммы Герштейн, написанная совместно с И. Андропиковым, «Дуэль Лермонтова с Барантом» полна захватывающего интереса. Статья дает богатую документацию, хотя, конечно, далеко не полную. Но и того, что мы теперь узнали, достаточно для некоторых выводов.

Лермонтов ссорится с сыном французского посла молодым де Барантом, и между ними происходит дуэль, причем Лермонтов стреляет в воздух, а Баранту, несмотря на все старания, не удается попасть в противника и убить его. Уже сидя на гауптвахте, Лермонтов дает такую характеристику всей этой иностранной «золотой» молодежи, которой так весело жилось в николаевском Петербурге: «Я ненавижу этих искателей приключений, эти Дантесы и де Баранты заносчивые сукины дети». Лермонтов неспроста сопоставил эти имена...

Посол де Барант хорошо знал имя Лермонтова еще до того, как его сын Эрнест так неудачно промахнулся, стреляя в нашего поэта. Нашлись добрые люди из той же самой придворно-аристократической среды, организовавшей убийство Пушкина, которые довели до сведения посла, что Лермонтов в своих стихах «На смерть поэта» ругает будто бы французов и Францию, и посол уже справлялся через первого секретаря французского посольства: «Правда ли, что Лермонтов в известной строфе своей бранит французов вообще или только одного убийцу Пушкина?» Уже современникам была ясна прямая связь между этим недовольством, возникшим во французском посольстве по поводу стихов на смерть Пушкина, и вторичной ссылкой Лермонтова. Но дело было еще сложнее. В городе пошли слухи и о дуэли, и о том, что Лермонтов ничуть не стесняется в своих отзывах о молодом Баранте. В разговоре с Белинским во время своего заключения Лермонтов характеризовал Баранта, как «салонного Хлестакова».

Но не дремали «свободы, гения и славы палачи», «жакною толпой» стоявшие у трона. Вмешалась снова, и на этот раз столь же оперативно, маститая салонная интриганка, жена канцлера Российской империи графиня Нессельроде, у которой еще не совсем высохла на руках кровь Пушкина: «Со вчерашнего дня я в тревоге за Баранта, которого люблю; у сына его месяц назад была дуэль с гусарским офицером... Государь сказал моему мужу, что офицера будут судить».

Вскоре молодой Барант выехал в Париж. Тем не менее его семья испытывала тревогу: ведь Лермонтов, узнав, что его противник уезжает, пообещал ему, что как только сможет, «продолжит дуэль за границей». Да и посол Барант хотел вернуть сына в Петербург. А для этого уж тем более следовало убрать Лермонтова подальше, например, на самую опасную крайнюю линию самого угрожаемого из флангов кавказской армии, другими словами, на последнюю станцию перед путешествием туда, откуда не возвращаются...

Энергично хлопотали и супруги Баранты, и их надежный друг графиня Нессельроде, и канцлер граф Нессельроде, и Бенкендорф, который не дал никакого движения письму Лермонтова, где опровергалась подлейшая клевета «салонного Хлестакова» Эрнеста де

Баранта. Посол де Барант ликовал по поводу ссылки (без выслуги!) Лермонтова в Тенгинский полк. Посол знал, что это значит, но лицемерно писал об этом «блестящем» результате своих хлопот и усилий: «Эрнест может возвратиться. Лермонтов вчера должен был уехать... Я хотел бы большей снисходительности,— Кавказ меня огорчает, но с таким человеком нельзя было бы полагаться ни на что». Это лицемерие человека, знающего, что Лермонтова именно по его, де Баранта, просьбам, жалобам, прошениям отправляют почти на верную смерть, и «жалеющего» о тяжком наказании, производит особенно омерзительное впечатление.

С самого начала дела было совершенно ясно, что Николай не мог не воспользоваться удобным случаем для того, чтобы поставить Лермонтова в наиболее опасные условия. Опираясь на полное содействие Бенкендорфа, военного суда и военного министра Чернышева, на горячее сочувствие супругов Нессельроде, сердечную благодарность супругов Барантов, Николай быстро исправил досадный промах плохого стрелка Эрнеста де Баранта. То ли дело был меткий Дантес! Недаром царь с таким удовольствием встретился и катался с Дантесом верхом по улицам Берлина в 1850 г.

Николаевская Россия, убившая Пушкина, расправилась с его прямым наследником. Подробности этого злодеяния становятся все более очевидными благодаря усилиям советских ученых, деятельно восстанавливающих многочисленные «белые пятна», которыми еще недавно пестрела биография Лермонтова.

К работе Э. Герштейн примыкает статья И. Боричевского «Пушкин и Лермонтов в борьбе с придворной аристократией». Привлекая множество новых материалов (в частности, неопубликованный дневник А. И. Тургенева), автор раскрывает картину напряженной политической борьбы, жертвами которой явились Пушкин и Лермонтов. В центре исследования И. Боричевского — «Моя родословная» Пушкина и лермонтовские стихи, написанные на смерть поэта. Сопоставляя и тщательно анализируя обе вещи, автор приходит к интереснейшим выводам. Он устанавливает, что в строках «Моей родословной» —

И не был беглым он солдатом
Австрийских пудренных дружин

Пушкин имел в виду канцлера графа Нессельроде, ловкого авантюриста, когда-то служившего в австрийской армии, а затем пригретого в николаевском Петербурге. Из салона Нессельроде тянулись нити гнусных интриг, которыми был опутан Пушкин. Здесь ненавидели поэта, и об этом знал Лермонтов. Именно новую придворную знать и ее виднейшего представителя графа Нессельроде он имел в виду, когда смело обличал «надменных потомков»

«известной подлостью прославленных отцов». Это они пятою рабскою попирали «обломки... обиженных родов». О них же говорил и Пушкин, когда противопоставлял новой знати — «родов дряхлеющих обломки». Таким образом, Лермонтов сознательно опирался в своих стихах на «Мою родословную», как бы продолжая ее замысел, усиливая ее мотивы.

Знаменательно, что, характеризуя Дантеса, Лермонтов прибег к такому сравнению: «...подобно сотне беглецов». Снова перед нами возникает образ «беглого солдата» из «Моей родословной». Конечно, Лермонтов сравнивает убийцу Пушкина с чужеземцами, подобными Нессельроде, которые являлись в Россию «на ловлю счастья и чинов», а в душе презирали свое новое отечество. Не случайно, что именно Нессельроде усердно оказывал покровительство французскому легитимисту Дантесу, а позднее он же всячески поддерживал Баранта. И не вина этого последнего, что не ему, а Мартынову удалось покончить с поэтом.

Мы ничуть не преувеличим, если скажем, что мимо этих новых лермонтовских материалов, опубликованных в «Литературном наследстве», не пройдет ни один вдумчивый читатель. Они обогащают новыми данными науку о Лермонтове, помогают опровергнуть многие неверные представления и лживые легенды о великом поэте, созданные старым либерально-буржуазным литературоведением. Таковы, например, легенды о мнимом одиночестве Лермонтова, о его трагической замкнутости. Только теперь мы по-настоящему узнаем тех людей, с которыми общался поэт в разные периоды своей жизни: это была среда передовой русской интеллигенции 30-х годов.

Благодаря работе Н. Бродского выясняется подлинный облик Святослава Раевского, ближайшего друга Лермонтова, поплатившегося свободой за активное распространение стихов на смерть Пушкина (он был сослан в Олонецкую губернию). До сих пор оставалось неизвестным, что Раевский был литератором и выступал в печати. Он интересовался учением Фурье и разделял идеи утопического социализма; именно этим объясняются строки письма, в котором Лермонтов называет своего друга «экономо-политическим мечтателем».

Столь же интересны и значительны новые данные, собранные исследователями о докторе Майере (изображенном в «Герое нашего времени» под именем доктора Вернера), об А. И. Тургеневе, А. А. Столыпине, художнике Г. Гагарине и других лицах, составлявших общественно-политическую среду, в которой враждовал Лермонтов.

Непонятны только и совершенно неправильны пастойчивые попытки В. Мануйлова «реабилитировать» журналиста А. Краевского и подвергнуть сомнению его хорошо известную политическую репутацию беспринципного дельца, эксплуатировавшего Белинского, а позднее ставшего на позиции, откровенно враж-

дебные по отношению к передовой журналистике 60-х годов, руководимой Чернышевским и Добролюбовым.

Мы далеко не исчерпали всех материалов лермонтовского сборника.

В целом же надо признать, что редакция «Литературного наследия» проделала большую работу и много сделала для изучения жизни и творчества одного из величайших русских национальных поэтов. Читатель закрывает книгу, и долго еще стоит перед его глазами прекрасный образ Лермонтова, могучая поэзия которого, по словам Герцена, заставила «вздрогнуть» многих и многих в России. Гневом и презрением наполняется сердце читателя к палачам «свободы, гения и славы» и их иностранным друзьям и прихлебателям, погубившим двух великих русских поэтов.

Литературная газета, 1949. 26 марта. № 25.

В БОРЬБЕ ЗА МИР

С первого дня существования Советского государства печать Советского Союза является активным борцом за мир, против империалистической реакции. Она несет в миллионные народные массы земного шара благородные принципы внешней политики советского правительства.

Сегодня раньше всего вспоминается период, охватывающий годы между окончанием гражданской войны в СССР и второй мировой войной, годы, в которые вражеская тактика включала в себя «тихую сапу» и мины замедленного действия и подготовку новых прямых нападений на СССР.

В этот период громко звучал голос советской печати, систематически разоблачавшей происки империалистических провокаторов. Вся советская печать, в частности «Известия», в это время освещала такие события, о которых буржуазная пресса Европы и Америки предпочитала хранить глубочайшую тайну.

Сколько раздражения, например, во французской и английской прессе в самом конце 20-х и в начале 30-х годов вызвали разоблачения советской печатью подготовки под начальством генерала Вейгана армии «особого назначения» для нападения на суше и в особенности с воздуха на Баку и его нефтяные источники!

Точно так же наша печать в этот период — между двумя войнами — очень успешно и доказательно, неустанно разоблачала одну за другой все попытки правительства Макдональда, а затем консервативных кабинетов Болдуина и Невилля Чемберлена в

Англии, печальной памяти полковника Бека в Польше, «военной партии» в Японии, которые путем организации систематических провокаций против советских дипломатических и торговых представителей стремились обострить отношения Западной Европы с Советским Союзом.

Большое волнение также вызвали во Франции опубликованные в «Известиях» корреспонденции, неопровержимо доказывающие, что злодейское убийство Луи Барту подосланными Гитлером югославскими реакционерами искусственно замалчивается французской реакционной печатью и что никакого серьезного следствия по этому гнусному преступлению вестись не будет, потому что старший, тогда еще не разоблаченный предатель Петен всячески этому противится.

Мы приводим тут лишь первые пришедшие на память примеры. А сколько их было...

Но вот наступает вторая мировая война, Гитлеровская Германия вероломно и злодейски нападает на СССР. Правдивые рассказы советских военных корреспондентов о героической борьбе Вооруженных Сил Советского Союза жадно ловятся во всех уголках земли. Советская печать ярко отражает уверенность советского народа в победе, описывает бесчисленные подвиги советских людей на фронте и в тылу. Она показывает миру истинное лицо гитлеровских разбойников и палачей. Сарказм советских газет обрушивается на хвастовство Геббельса и его подручных как в Германии, так и в других странах.

Не успел еще умолкнуть под Берлином и в Берлине грохот советских орудий, вконец уничтоживших фашистское гнездо, как началась уже в империалистической печати Европы и Америки деятельная «работа» по исторической и публицистической фальсификации. Советские газеты, в первых рядах которых выступают «Правда» и «Известия», убедительно разоблачают фальсификаторов, отстаивая решающую роль Советского Союза в разгроме врага.

Но фальсификация истории — это было лишь началом с новой силой развернувшейся после окончания войны антисоветской кампании Уолл-стрита, Сити, парижской биржи и всей руководимой ими реакционной печати. Основной смысл этой кампании был со всей откровенной полнотой раскрыт в пресловутой речи Уинстона Черчилля в Фултоне 5 марта 1946 г. Черчилль призывал к немедленному объединению обеих англо-саксонских держав и к ускорению открытия военных действий против Советского Союза, «пока еще не поздно».

Постоянные читатели газеты «Известия» с удовлетворением могут вспомнить, что со страниц этой газеты сразу же был дан решительный отпор Черчиллю на совершенно ничем не прикрытое поджигательство новой мировой войны. Но речь Черчилля была лишь, так сказать, увертюрой. Уже давно готовившийся

оркестр принялся разыгрывать ту какофонию, которую он до сей поры не прекращает исполнять с полным усердием.

Бряцание сабель, трубные звуки, заливающийся барабан — что только не доносилось до нас из стана биржевых вояк и газетных забияк Нью-Йорка, Лондона, Парижа... Всех их больше всего выводили из терпения и ставили в тупик то спокойствие и та уверенность, с которыми советская общественность и газеты всегда относились ко всему этому шантажу. Огромно было влияние такой позиции советской печати на настроения широчайших общественных кругов трудящихся народных масс в Европе и Америке.

Что же давало и дает такую могучую моральную силу работе нашей прессы и, в частности, чествуемой сегодня газеты?

Именно то, что вся эта работа проникнута одной великой идеей: неустанной активной борьбой за мир, что она опирается на все растущие силы мирового демократического лагеря, возглавляемого Советским Союзом. Непримируемость советской печати направляется не только против растленной проповеди массовых избитых целых народов, которые не желают стать рабами нью-йоркских биржевиков, но и против гнуснейшего лицемерия, «истинных демократов» типа Леона Блюма, Курта Шумахера, лидеров Американской федерации труда и т. п.

Борьба советской прессы, в том числе «Известий», за мир вызывает самое горячее сочувствие простых людей всего земного шара, потому что голос Советского Союза по телеграфу, по телефону, по радио доносился и доносится до них и в самые горькие и трудные минуты борьбы, укреплял и укрепляет их уверенность в будущей победе идей международного мира и социальной справедливости.

Известия, 1949, 9 июля, № 160.

2 ОКТЯБРЯ 1949 г.

День мира мы встречаем с особым подъемом, с повышенным чувством уверенности в конечной победе идеи международного сотрудничества над черными замыслами поджигателей войны. Борьба за мир проходит под знаком наступления сил демократии. Западние политики, наконец, почувяли и вынуждены были осознать то, о чем говорили сторонники мира уже вскоре после вопиющей шумихи, вызванной пресловутой фултонской речью Черчилля 5 марта 1946 г.: народные массы по обе стороны Атлантического океана обнаружили самым недвусмысленным образом, что они войны не желают и что воевать не будут, если даже их реакционные правители и решатся погнать их на убой.

Один за другим шли конгрессы мира, созывались конференции мира, пирилось влияние пропаганды мира. Мы с большим удовольствием замечали, до какой степени серьезную тревогу внушает это движение в пользу мира представителям монополистического капитала и энтузиастам атомной дипломатии, мечтающим об организации нового мирового побоища. Мы это чувствовали и на конгрессе во Вроцлаве, и на конгрессе в Париже, и на конференции в Москве. Империалистическая пресса злобствовала и негодовала, констатируя рост, силу и популярность движения народов за мир. Во Франции «караваны мира», т. е. мирные демонстрации, возникавшие стихийно по всей стране весной 1949 г., вызвали у властей настроение, близкое к панике, хотя дело шло лишь о грандиозном выражении сочувствия тогда заседавшему в Париже конгрессу сторонников мира. На колоссальных митингах, собиравшихся в Соединенных Штатах, главной темой речей были декларации о полной недопустимости пропаганды вооруженной борьбы против Советского Союза и стран народной демократии, и чем резче и решительнее были эти заявления, тем более грандиозен был их успех у бесчисленных слушателей.

Громадные влиятельнейшие ассоциации, вроде больших национальных объединений профессиональных союзов, обширнейшие общественные группы, вроде комитетов международного женского движения, организации ученых, писателей, деятелей искусств спешили выразить всеми способами свое полное сочувствие идее борьбы за мир, овладевающей массами во всесветлом масштабе.

Во Франции во всех средних и высших школах проводился «День мира», и такое же движение, вовлекавшее подрастающее поколение в борьбу за мир, охватывало постепенно и другие страны.

Конечно, Советский Союз занял ведущее место в этой широко развернувшейся всепародной борьбе. Это его место предугазано всей более чем 30-летней его историей.

Вся внешняя политика великой социалистической державы — это политика борьбы за мир.

Эта роль Советского Союза была попята и оценена народными массами и таких стран, как Соединенные Штаты. Достаточно вспомнить, что в самый острый момент борьбы за пост президента Трумэн, желая приобрести больше голосов, внезапно заявил о своем желании послать своего «личного друга» и председателя верховного суда США Винсона в Москву. Трумэн явно рассчитывал, что уже одно лишь намерение послать в Россию уполномоченное лицо для переговоров будет означать в глазах очень многих избирателей мирную программу.

Каждая экскурсия западноевропейских или американских техников, ученых, писателей, музыкантов, художников в Советский Союз была новым и новым успехом Советского государства в борь-

бе за мир. Первый вопрос, которым в 1948 и особенно в 1949 г. встречали этих западных экскурсантов при возвращении на родину, был один и тот же: правда ли, что Советский Союз одушевлен воинственными намерениями? Говорят ли «простые люди» в Москве о желательности войны? Ответ получался один и тот же. Вопросы просто изумляли фантазерству и лживости империалистической прессы, возводящей вполне сознательно небыллицы на Советское государство с прямой целью сеять тревогу и усиливать воинственные провокации, направленные против России и русских.

Успехи в борьбе за сохранение мира особенно сказались в 1949 г., который принес два потрясающих события: превращение Китая в Народную Республику и констатирование перед лицом всего света провала расчетов США на атомную монополию. Первое событие означало, что треть Азии объединена силами демократии и что там прочно гарантирован мир. Второе событие положило решительно и бесповоротно предел дальнейшей политике шантажа американской военщины.

Казалось бы, что при подобных обстоятельствах внешняя политика советской дипломатии могла бы как-нибудь измениться, если бы в советском последовательном отстаивании мира была какая-либо неискренность. Вспомним, например, как мгновенно изменилась в сторону воинственных выходов вся внешняя политика США в августе 1945 г., тотчас после того, как им показалось, что за ними надолго (на 20 лет!) упрочена монополия атомной бомбы. Но *первым словом* наших представителей, раздавшимся после сообщения ТАСС от 25 сентября, было повторение предложения немедленно воспретить пользоваться в военных целях атомной энергией.

Советский Союз сообщением ТАСС от 25 сентября сказал свое слово с поразительной силой, блеском, внушительностью и еще раз показал свою благородную роль в долгой уже летописи советской борьбы за мир.

Сообщение ТАСС не только оповещает об успехах советской науки, но и дает ясное представление о том, что эти успехи в Советском Союзе уже используются для удовлетворения потребностей и целей громадного хозяйственного и культурного строительства.

Все миролюбивые народы (а какие же народы не миролюбивы в настоящее время?) ясно видят, что вопреки той лжи и клевете, которая пускается в ход с целью враждебно настроить их против Советского государства, новые технические и научные достижения, попадая в руки социалистической державы, перестают быть страшилищем для человечества, а становятся для него благодеянием.

Такова великая мирная «пропаганда действием», которую без лишних слов вел и ведет Советский Союз.

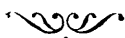
Борцам против поджигателей войны предстоит проявить еще долгие и энергичные усилия для достижения конечных результатов и установления прочного и демократического мира на земле. Им придется преодолеть еще немало сопротивления со стороны малочисленных, но еще сильных реакционных слоев, выступающих на защиту своих узкокорыстных интересов.

Но уже и сейчас результаты борьбы, вполне осязательно подающиеся учету, внушают надежды самые оптимистические.

Наступление борцов за мир, обозначившееся явственно в 1948—1949 г., будет продолжаться и усиливаться.

И упомянутые события, происшедшие как раз накануне 2 октября, способны еще более усилить этот законный оптимизм.

Известия, 1949, 2 октября, № 233.

ТРЕЗВЫЙ ГОЛОС АМЕРИКАНСКОГО ПУБЛИЦИСТА *

Это — полезная книга для всех, интересующихся историей «холодной войны», которую ведет англо-американский блок против СССР и стран народной демократии.

Но мы считаем необходимым пачать с указания на отрицательные стороны этого пухлого издания.

Во-первых, совершенно несогласно с традициями советских издательств давать книгам сенсационные названия. Дело в том, что в переводе книга озаглавлена: «Неизбежна ли гибель Америки?» Автор же назвал свою книгу гораздо скромнее: «Должны ли мы погибнуть?» («Must we perish?»). Он имел в виду, как явствует из всего содержания книги, гибель миллионов людей, уничтожение богатств, разрушение городов — словом, все то, что грозит не только Америке, но и всему человечеству, втягиваемому империалистами США в третью мировую войну. Названию же книги в русском издании придан зачем-то совсем другой смысл, ничуть не отвечающий мысли автора. И меньше всего на свете именно мы смешиваем неизбежную гибель владычества монополистического капитализма с «гибелью Америки».

Во-вторых, серьезным недостатком издания является то, что нельзя книгу, написанную до 25 сентября 1949 г., издавать в 1950 г., ограничиваясь несколькими совсем беглыми строками во вступительной статье В. Бережкова о последствиях сообщения ТАСС относительно атомного оружия, которым располагает СССР. Ведь даже в самых азартно-империалистических органах США,

* Мейер Г. Д. Неизбежна ли гибель Америки? Пер. с англ. И. Довгалева и Е. Романовой. Ред. Д. Жантеева и И. Тихомирова. М., Изд. иностр. лит-ры, 1950, 212 стр.

вроде «Нью-Йорк таймс» или «Чикаго трибюн», неоднократно приходилось и приходится читать утверждения, что после сообщения ТАСС от 25 сентября 1949 г. произошли очень большие сдвиги в настроении буквально всех классов американского общества в вопросе о возможностях и сроках будущего военного столкновения. Одних (вроде Гарримана, Гувера, Брэдли, Мэтьюса и др.) охватила истерия, и они предаются злобному кликушеству, призывая наверстать время, «угущенное» после фултонской речи Черчилля 5 марта 1946 г. Другие, подобно Уолтеру Липпману, напротив, находят, что торопиться теперь уже бесполезно и нужно ждать более благоприятной конъюнктуры.

И все же за книгой Мейера следует признать не только историческое значение. Многое в ней звучит и сейчас достаточно злободневно. Автор рассказывает о второй мировой войне, о подвигах и интригах американских империалистов против Советского Союза до и после начала войны, о том, какие ковы против социалистической державы готовили именно в те страшные годы, когда проливалась русская кровь для спасения человечества от гитлеровского владычества.

Вторая половина книги посвящена организации Уолл-стритом и его прислужниками — Трумэном, Маршаллом, Ачесоном и пр. кампании провокаций и поджигательства новой войны.

Книга написана добросовестно, со знанием дела, и хотя не блещет ни новизной, ни какой-либо оригинальностью или глубиной мысли, но является правдивым и содержательным отчетом о недавнем прошлом американской агрессивной внешней политики. Это — полезное напоминание и предостережение всем тем, кто не понимает, что против угрозы третьего мирового побоища нужно активно и неустанно бороться. Но таких людей становится все меньше. Народы мира с каждым днем все теснее сплачиваются для решительной борьбы с поджигателями новой войны. Растет количество подписей под Стокгольмским Воззванием. Люди доброй воли сумеют схватить за руку зарвавшихся империалистов, мечтающих о том, чтобы превратить в золото кровь народов.

Некоторые страницы книги обличают известную отчужденность американского автора от европейских условий и событий. На стр. 34 читаем: «Погибло много либеральных и прогрессивных деятелей: Ратенау, Эрцбергер, Роза Люксембург, Карл Либкнехт и другие». Разве можно ставить рядом столь разнородные имена? Если Ратенау и Эрцбергера с натяжкой можно считать либеральными деятелями, то это название прямо-таки оскорбительно для памяти выдающихся революционеров, какими были Роза Люксембург и Карл Либкнехт. Там, где речь идет об отношении США к нападению Японии на Китай в 1931 г., не сказано самого главного: президент Гувер своевременно распорядился дать знать Японии, что если японские войска направятся из Маньчжурии «на север», то Америка против этого не будет возражать.

В другом месте автор сообщает, что «антифашисты, протестовавшие против возвращения рурской промышленности нацистским картелям, были брошены в тюрьму». Но ни здесь, ни вообще на всем протяжении книги нет ни слова о «рурском статуте», отдающем Рур со всей его добывающей и обрабатывающей промышленности в руки комиссии из 15 человек, в которой 12 голов принадлежат США, Англии, Франции и Бенилюксу, а 3 голова — немцам, назначаемым тремя «державами-победительницами». Это умолчание о рурском статуте тоже говорит о некоторой устарелости разбираемой книги. Об этом же свидетельствует и то, что автор серьезно обсуждает желание Англии столкнуть Советский Союз с Соединенными Штатами, чтобы обессилить их обоих. Эта мысль действительно могла быть в свое время у кое-кого из английских деятелей. Но сейчас в империалистических кругах Англии преобладает одна забота: всецело поддерживать антисоветскую политику государственного департамента США.

Определенно положительной и ценной стороной книги Мейсера является осведомленность автора в закулисной деятельности магнатов Уолл-стрита и американских дипломатов, тесно связанных с биржевиками.

Автор доказательно характеризует все ускоряющийся процесс разложения и загнивания капиталистической системы в Америке, Европе и в других частях мира. В воспом. психозе, который организуют правящие круги США, он справедливо видит стремление отвлечь внимание народных масс от внутреннего кризиса.

«Антисоветские блоки, — пишет Мейер, — сколачиваемые сейчас для подготовки новой войны, также базируются на иллюзии. Дело в том, что американский империализм не может рассчитывать на каких-либо постоянных союзников. Малочисленные, разложившиеся и циничные правящие классы Западной Европы, которые согласны стать вассалами Уолл-стрита — за определенную цену, — не смогли бы противостоять испытаниям войны».

Один из основных выводов, к которым привел автора анализ фактов, собранных в его книге, сформулирован так: «По существу американский народ так же миролюбив, как и народ Советского Союза. Но одним миролюбием мы не добьемся мира... Лишь единое, организованное и активное сопротивление народных масс может теперь сдержать попытки монополистов ввергнуть Соединенные Штаты в самоубийственную войну».

Книга Мейсера найдет у нас своего читателя. Она может быть широко использована советскими людьми, стремящимися пополнить свои знания в области истории последнего десятилетия.

Новый мир, 1950, № 12,
стр. 265—266.

9 МАЯ

Чем больше времени проходит после победы Советского Союза, тем яснее выступают перед нами ее грандиозные контуры, ее величие и значимость. С полной уверенностью мы говорим, что теперь, по прошествии пяти лет, мы гораздо ярче осознаем громадность этого события, чем в первые дни после капитуляции гитлеровской Германии. Прежде всего теперь мы яснее видим, от какой поистине чудовищной опасности русский народ, во главе всех народов Советского Союза, Советские Вооруженные силы, руководство нашей большевистской партии спасли человечество.

Мерзостное фашистское чудовище было в прах повержено в мае 1945 г. Но сейчас поклонники Гитлера пытаются вновь возродить фашизм.

Тлетворные бактерии фашистской чумы нашли для себя наиболее питательную среду за океаном. Старый враг человечества — фашизм — возрождается сейчас в несколько ином облики. Но как изменилась вся обстановка борьбы в сравнении с тем, что мы наблюдали, когда гитлеровский фашизм выступал в свой поход для завоевания мирового владычества!

Когда в 1941 г. немецко-фашистские орды вторглись в пределы нашей страны, то кое-кому за рубежом два факта казались совершенно неопровержимыми. Во-первых, вся промышленность континентальной Европы, либо завоеванная гитлеровской пайкой, либо добровольно ей подчинившаяся, работает на гитлеровскую армию. Во-вторых, Советская Армия вследствие захвата врагом наиболее важных промышленных районов страны якобы не в состоянии будет сколько-нибудь продолжительное время выдерживать борьбу.

«Русская промышленность в настоящее время вся посажена на колеса. Она уехала из Москвы и Ленинграда и не доехала до Урала», — в потугах на юмор писала зимой 1941—1942 гг. гитлеровская газета «Фелькишер беобахтер», развлекая и подбадривая этим юмором замерзающие немецкие части, отброшенные от Москвы. «Русская армия перестала существовать, и русские только из упрямства не хотят признать этого очевидного факта: за гибелью их промышленности, естественно, должна была последовать и гибель армии», — повторяла на все лады гитлеровская пресса Германии и лавалевская пресса Франции.

Перенесемся мыслью от 1942 г. к апрелю 1945 г. В имперской канцелярии Берлина, где в самом глубоком из погребов мечется, как отравленная крыса, ополоумевший от страха фюрер, собрались приближенные генералы и офицеры. Идут громкие взволнованные споры. И вдруг все умолкло. Мертвая тишина. Наблюдатель, офицер Болът, поглядел и увидел бледные, как полотно, лица окружающих. До них донеслись издали грозные звуки, которых никогда не забудут, по словам Болъта, те, кто воевал в России: это уральские танки вступали в Берлин.

И разве только возвращение «промышленности на колесах» никак не предвидели ни наши враги, ни некоторые «друзья»? А предвидели ли они, что пограничники Серебрянникова выдержат в первые дни войны натиск десяти против одного? А разве не были неожиданностью для Европы и Америки все эти ставшие ежедневным явлением великие подвиги наших героев: капитана Гастелло, Зои Космодемьянской, 18-летних комсомольцев, закрывающих своим телом амбразуры немецких дотов и подползающих с гранатами под немецкий бронепоезд? А разве ожидали наши враги, что Сталинград станет поворотным пунктом второй мировой войны?

Весьма интересный факт солидарно отметил французский генерал Пети, и сформулировать его вкратце можно так: за всю войну англо-американцы не отважились вступить в большие сражения с сухопутными армиями противника, кроме тех случаев, когда на их стороне бывало совсем уже подавляющее численное и материальное превосходство. Так делалось до самого конца войны. И вовсе не случайно, что в декабре 1944 г. генерал фон Рундштедт прорвал Западный фронт и Черчилль принужден был обратиться с настоятельнейшей просьбой о спасении англо-американских армий к И. В. Сталину. Не забудем также, что и в буржуазной английской прессе было признано, что только великие русские победы в марте и апреле 1945 г. спасли Лондон от продолжения страшных бомбардировок снарядами «Фау-2». И для наших тогдашних союзников, и для немцев было ясно одно: с фашистской армией абсолютно никто, кроме Советской Армии, не способен справиться.

Те, кто следит сколько-нибудь систематически за американской прессой, постоянно встречают совершенно откровенные и настойчивые высказывания о том, будто война, которую готовят империалисты США, будет решена бомбами и самолетами. Печать, поддерживающая грандиозное движение в пользу мира, многократно подчеркивала, что широчайшее рекламирование публицистами Уолл-стрита военного значения атомного оружия объясняется прежде всего непреодолимым страхом, с которым поджигатели войны в Америке и Европе относятся к перспективе создания массовых армий. Это одна из причин, почему современные фашиствующие империалисты, не меньше битых гитлеровцев ненавидящие Советский Союз, значительно осторожнее в своих прогнозах.

Великая победа Советского Союза в 1945 г. переломила хребет фашистскому зверю настолько непоправимо, что его можно лечить, подкармливать, гальванизировать, снабжать его самыми усовершенствованными костылями и подпорками, но вернуть ему былую уверенность в своих силах уже никак не удастся.

Если мы попробуем в немногих словах ответить себе на вопрос, какова наиболее характерная черта в истории классовой борьбы и общественного развития во всем мире в период после Версаль-

ского мира, то мы должны будем сказать: такой чертой явилась не только жестокая борьба капиталистического класса против социального прогресса, но и надежды эксплуататоров на то, что гибель капитализма можно предотвратить, что «его же царствию не будет конца».

Поджигатели войны и сейчас говорят и будут говорить хвастливые слова, будут делать вид, что еще можно отменить приговор истории, но прежнего внутреннего убеждения в долговременном и благополучном существовании эксплуататорского строя, безмятежной, успокоительной веры в победу над рабами европейскими и рабами колониальными уже не будет.

Победа Советского Союза в 1945 г. внесла коренное изменение в соотношение сил лагеря империализма и лагеря демократии и социализма. Советский Союз, спасший человечество от фашистского варварства, главный победитель в самой грандиозной из когда-либо происходивших войн, не переставал за эти пять лет идти от успеха к успеху. Авторитет великой страны социализма, борца за мир и безопасность народов, признан всеми народами.

Грандиозные успехи нашего внутреннего строительства, а также такие замечательные победы антиимпериалистического лагеря, как образование государств народной демократии, как возникновение Китайской Народной Республики, как создание Германской Демократической Республики, говорят сами за себя. И все это стало возможным в результате великого подвига наших героических Вооруженных Сил, закрепивших 9 мая 1945 г. свою бессмертную победу.

Неисчислимы последствия великой победы Советского Союза для мирового социального прогресса. Остановимся лишь на немногих примерах, с особой яркостью и убедительностью доказывающих это.

Освобождение немецкого народа от тисков реакции началось в последние месяцы войны. Когда Советская Армия в своем победном шествии гнала перед собой гитлеровские полчища от Вислы к Одере, от Одера к Эльбе, то ведь с каждым ее шагом перед ней падала основная твердыня вековой реакции, казавшаяся когда-то несокрушимой. «Ост-эльбские юнкера», крупное землевладение на территории от Эльбы вплоть до русской границы, крепко державшиеся здесь пережитки стародавних дворянско-феодальных отношений, поставленных всецело на службу новой, капиталистической эксплуатации, — вот что делало именно эту «к востоку от Эльбы» лежащую Германию таким ненавистным оплотом политического и социального гнета в глазах Маркса, Энгельса, в глазах целых поколений европейской революционной общественности.

И Советская Армия низвергла в прах это гнусное чудовище, с которым немецкий народ, к своему несчастью, не мог справиться ни в революцию 1848 г., ни в революцию 1918 г. Но это было лишь началом великого дела. Аграрное законодательство закрепи-

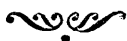
ло и расширило начатый процесс. В 1945—1949 гг. был сделан громадный шаг по пути социального освобождения трудящихся уже не только в деревне, но и в городе. В октябре 1949 г. немецкий народ создал Германскую Демократическую Республику, обеспечив себя одновременно как от возвращения власти юнкеров и капиталистов, так и от превращения своей территории в плацдарм для подготовки нападения на СССР, над чем так долго и так упорно трудились все чертили обеих англо-саксонских держав.

А какое гигантское значение для усиления антиимпериалистического лагеря имеет другое последствие советской победы? Сокрушительной победе китайского народа над воровской шайкой Чан Кай-ши самым прямым и самым существенным образом помогли крушение немецкого и японского фашизма и то горячее сочувствие, которое живо ощущали мужественные борцы, сражавшиеся против наемников Уолл-стрита, пытавшихся во что бы то ни стало сохранить в стране режим гнили и разложения, пужный для окончательной запродажи китайского народа воротилам американских монополий. А за освобождением китайского народа светлые дали грядущей свободы открылись и перед другими народами Восточной Азии, ведущими самоотверженную борьбу против колониальных эксплуататоров...

Разгром немецкого и японского фашизма предстает сейчас во всей своей исторической колоссальной значимости.

Мы помним о зловлих врагах социального прогресса, ищущих уже невозможного для них реванша, и мы знаем, что свободолюбивые и миролюбивые люди на земном шаре всем сердцем и всеми помыслами сочувствуют нам в нашей борьбе за мир, против судорожных усилий империалистической реакции установить свое мировое господство. Мы спокойны за свои собственные как воздушные, так морские и сухопутные границы. Пятая годовщина 9 мая еще более усиливает в нас чувство этого гордого спокойствия за нашу великую Родину, с судьбами которой навсегда связано будущее мирового социального и культурного прогресса.

Красная звезда, 1950, 9 мая, № 109.

МЕСТО УЧЕНОГО — В РЯДАХ БОРЦОВ ЗА МИР

Письмо академика Евг. Тарле академикам, профессорам,
научным работникам, преподавателям Парижского, Норвежского,
Алжирского университетов

Друзья, соратники по науке! В свое время вы оказали мне честь, почтив своим избранием и тем самым приобщив меня к своим древним и прославленным учреждениям. Сегодня, в ответствен-

нейший час, когда решается судьба мира, я обращаюсь к вам, мои соратники по науке.

Мы присутствуем при самом глубоком моральном кризисе, какой только приходилось переживать за последние десятилетия при рецидиве варварства, борьба с которым — важнейший долг культурного человечества. Совершенно правы были одинокие, к сожалению, не поддержанные и быстро заглушенные голоса людей, которые в начале августа 1945 г. с негодовавшим справедливо утверждали, что истребление американской атомной бомбой тысяч женщин и детей в заведомо не имевшей никакого военного значения Хиросиме по существу еще подлее мерзких гитлеровских злодеяний. Но самым гнусным во всей обстановке этого преступления было каннибальское ликование, каким оно было встречено тогда же в империалистических кругах Америки и Англии. Эти круги взяли именно с тех пор твердую установку на шантаж атомной бомбой. Миллионы людей видели, как представители империалистических государств со спокойствием духа и бесстыжими лбами дружно объявили, что будут вести отныне «тотальную дипломатию», которая должна, по их расчетам и упованиям, привести к тотальной войне и к тотальному разрушению неприятельской страны и к массовому уничтожению населения новым «тотальным» оружием. Самым новым во всей этой наглой свистопляске является то, что ее инициаторы и режиссеры — Трумэн, Ачесон, Даллес, Барух — и все их сподвижники ни в малейшей степени не считают себя опозоренными своими словами и деяниями и своей пропагандой, которая истинно чудовищным своим характером превзошла все, что когда-либо вышло из уст и из-под пера Гейббельса, Гиммлера, Гитлера.

Еще более характерно их поведение сейчас. Терпя в Корее, на которую они обрушили свою агрессию, поражения, они вымещают на безоружном населении глубокого тыла, на женщинах, детях и стариках позор своих неудач, разрушая воздушными палетами города, деревни и грозя повторением хиросимских ужасов.

На старинных пушках чеканили надпись: «Последний аргумент царей». Нынешние воротилы бирж и трестов, управляющие США, совершенно откровенно считают, что атомная бомба должна оказаться «последним аргументом», который должен покончить, потошить в крови и ужасах, сжечь в пожарах сопротивление свободных и миролюбивых народов, не желающих подчиниться воле американских гангстеров.

Немудрено, что в США и в такой образцовой американской колонии, как, например, Западная Германия, уже фактически действуют некоторые из неписаных террористических «законов об оскорблении величества» атомной бомбы: разгоняются митинги, созванные для коллективного подписания протеста против использования атомной бомбы, выгоняются вон со службы, как с государственной, так и частной, лица, подписавшие Сток-

гольмское Воззвание. Наконец, зверски избивают в кровь полицейскими кулаками людей, собирающих эти подписи, как были избиты несколько дней назад немецкие профессора в американском секторе Берлина.

К счастью, все-таки не вся Западная Европа находится в такой истинно рабской зависимости от Уолл-стрита и государственного департамента, как усиленно восхваляемая аденауэрская вотчина. И нам хочется верить, что доблестный пример великого французского ученого Жолио-Кюри и поддержавших его людей увлечет многих в ученых кругах Франции, Англии, Италии, скандинавских стран. Дело тут идет вовсе не о политической демонстрации. Люди, подписывающие Стокгольмское Воззвание, могут быть представителями самых различных политических партий. Среди подписавших — представители всех церквей, и рядом лица, не принадлежащие ни к какому вероисповеданию. Все они объединяются одной идеей, одним чувством, одним примером. Все они находят, что через пять лет после того, как русской кровью и кровью других народов были погашены гитлеровские газовые печи, нельзя дозволить, чтобы десятки, а может быть, и сотни тысяч людей сжигались живьем в городах, превращенных атомным взрывом в сплошную гигантскую газовую печь.

Нельзя допустить, чтобы будущие поколения имели право думать, что двуногие звери, замыслившие это неслыханное злодеяние, сумели всех запугать, всех завербовать, всех купить, всем зажать рот.

Наше общее дело ученых — не только отмежеваться от людей, прямым путем идущих к развязыванию мировой атомной войны, но и заклеймить позором замысливающих это чудовищное покушение империалистического фашизма на человечество и его культуру.

Я имею честь носить звание почетного доктора наук Парижской Сорбонны, Норвежского университета в Осло, Алжирского университета, избравшего меня в 1944 г., в то время, когда он был единственным французским университетом, не захваченным фашистами, и когда рядом с французской кровью широким потоком во имя освобождения Франции лилась русская кровь.

Поэтому мне особенно хочется верить, что светлые традиции представителей свободной французской науки приведут их под славные знамена борьбы за мир, что Норвежский университет и Норвежская академия, мужественно боровшиеся против Квислинга, поддержат протест против атомного варварства и солидаризируются с уже заявившими свое мнение близкими нам университетами стран народной демократии.

Обращаясь с этим призывом прежде всего непосредственно к своим друзьям в этих западноевропейских университетах, я удивляюсь не только своей душевной потребности, но и выражаю самую живую надежду всего советского ученого мира, что европейская ученая общественность в лице славных своих

представителей поднимет свой высокоавторитетный голос против деградации науки, которой навязывают роль палача, против чисто разбойничьего нападения на самые элементарные правила, выработанные человеческой культурой, против цинической, не знающей удержки людоедской проповеди заатлантических золотых тузов и их прислужников и прихлебателей, клеветов и сателлитов, щеголяющих своим полным презрением ко всему тому, что не есть кулак и бумажник и что поэтому не котируется на Уолл-стрите.

Шлю сердечный привет и надеюсь встретиться со своими коллегам на поприще общей борьбы за мир и братство народов.

Правда, 1950, 27 июля, № 208.

БЛАГОЧЕСТИВЫЕ ИЗЛИЯНИЯ И ЧЕРНЫЕ ДЕЛА

После своего свидания с Макартуром на острове Уэйк Трумэн произнес по своему обыкновению многословную речь. В ней нет ни одной фразы, которая не была бы маскировкой, и ни одного абзаца, который не был бы лицемерным. Но не этим отличаются ораторские выступления президента Соединенных Штатов от упрежлений в красноречии его соратников. С таким же безмятежным челом, как и Трумэн, они ежедневно говорят и пишут точь-в-точь то же самое, что он говорил до Сан-Франциско, говорил в Сан-Франциско и будет говорить после Сан-Франциско. Отличительной его чертой является довольно противная симуляция задушевности, простодушия и благодушия, которую считают абсолютно ценужной деловитые хищники типа Гувера, Дьюи, Макартира. Эти последние знают твердо, что если им нужен вольфрам и уран и 30 миллионов новых колониальных рабов и если нельзя до всего этого дорваться иначе, как разрывая на части женщины и детей в глубоком тылу обороняющейся от них страны, то значит и нужно их рвать на части без лишних церемоний.

Трумэн тоже это знает так же твердо, как они. Но послушаем, как он излагает эту основную мысль своей «доктрины» в её нынешнем окончательном обличье. Варварскую агрессию империалистов США и ее пособников он называет «результатом твердого стремления поддерживать мир и свободу». Он знает не менее точно, что открытая, беззаконная американская интервенция в Корее, на Тайване, как и срыв демилитаризации Западной Германии, встречали и будут встречать понятное противодействие всех миролюбивых народов и прежде всего Советского Союза.

Трумэн это знает, но предпочитает злобно клеветать на Советский Союз и извращать факты. Он утверждает, например, что США в своей «политике создания миролюбивого мира» встречали «по-

стоянную оппозицию со стороны Советского Союза». Оратору, тщетно пытающемуся изобразить себя сторонником мира, отлично известно, однако, что не кто иной, как правящая империалистическая верхушка Соединенных Штатов целые годы проливает кровь народов Азии, бесцеремонно вмешивается в их внутренние дела. А посему нужна более осторожная система извращений. Оказывается, что хотя Советский Союз ни с кем не воюет и никуда не вторгается, с точки зрения Трумэна, именно страна социализма «составляет постоянную угрозу всеобщему миру». Далее он разъясняет, что США усиливают гонку вооружений, так как «не имеют другого выбора». После чего, скромно потупив глаза, уверяет: «Мы не являемся милитаристской нацией»... и добавляет, что необходимо «ответить на силу силой».

Призыв к силе и надежда (крайне пелепая) на успех политики запугивания — вот начало и конец трумэновской мудрости. Политика силы, гонки вооружений, открытой агрессии — вот о чем печется Уолл-стрит с его трестами и его слугами, сидящими в Белом доме и в государственном департаменте, вот о чем думают в редакциях бесчисленных фабрик народного одурманивания, как назвал однажды реакционные газеты покойный Рузвельт. Да кто же будет давать три четверти государственного бюджета, десятки миллиардов долларов на вооружение, если налогоплательщики, т. е. весь народ, поймут, как их беззастенчиво стригут, как их водят за нос? Трумэн не стесняется в самых высокопарных выражениях хвалиться «демократическими инструментами» США, «свободой» профессиональных союзов, против которых его правительство применяет антирабочий закон Тафта — Хартли. Он хвалится жизненным уровнем трудящихся, который неуклонно снижается в результате милитаризации. Именно, чтобы обмануть народ, изобретаются дутые, выдуманные «инциденты», разжигается воспная истерия.

Форрестол, покойный министр обороны, которого так демонстративно оплакивал Трумэн, даже себя самого свел с ума, упражняясь в этом запугивании. Как известно, ночью 2 апреля 1949 г. министр выбежал на улицу в одной рубашке и завопил, что русские уже вторглись на территорию Соединенных Штатов. Трумэн до этого еще не дошел и довольствуется пока лишь словами: «Мы должны увеличивать мощь наших вооруженных сил — армии, флота и авиации. Мы должны использовать все больше наших ресурсов для военных целей и все меньше для гражданского потребления. Все это создаст трудности и потребует множества жертв». С не меньшим жаром, чем покойный Форрестол, призывал Трумэн в Сан-Франциско к обороне от армий Советского Союза, покушающихся якобы на американский «свободный образ жизни»...

Из литературных типов г. Гарри Трумэн больше всего походит на диккенсовского Пекснифа. Манера у них одна: чередование политики лисьего хвоста с политикой волчьего зуба. Только что

Трумэн издавал львиный крик и грозил обоими кулаками. Но послушаем теперь, как умирливо в конце речи заывает он простых людей Азии в лагерь поджигателей будущего мирового побоища: «Наши солдаты сражаются в настоящее время в Азии для того, чтобы помочь обеспечению свободы и независимости... Мы полагаем, что имеем много общего с народами Дальнего Востока. И более старая цивилизация может многому научить нас».

И в самом деле гг. Трумэна и Лчесона эти страны очень многому еще научат!

В своей речи от 24 октября, произнесенной на заседании Генеральной Ассамблеи в связи с 5-й годовщиной ООН, Трумэн позволил себе заявить, что американская агрессия в Корее «значительно укрепила дело мира». Президент США утверждает, следовательно, что чудовищные зверства американцев и их лисышмановских подручных в Корее, уничтожение городов и сел, расстрелы матерей и грудных детей, рвы смерти — все это служит... целям ООН. По мнению президента, очевидно, ООН призвана применять силу именно в подобном направлении.

Пространные, медоточивые рассуждения о мире и справедливости, о высоких целях ООН Трумэн перемежает с оправданием как американской агрессии в Корее, так и усилий США, направленных на расшатывание и подрыв ООН.

Мы исчерпали в основном содержание двух последних речей Трумэна. Краткие выдержки никак не могут передать смеси елейного ханжества с отвратительной похвальбой трумэновского красноречия. Благочестивые излияния и черные дела — таковы характерные и отталкивающие черты современной политики американского империализма.

Труд, 1950, 26 октября, № 255.

ПРЕДИСЛОВИЕ

[к книге: Ланн Е. Гвардия Мак Кумгала. М., 1951]

В наше время агрессивная политика Англии под руководством окончательно ставшей на почву грабительского империализма лейбористской партии является одной из основных черт современного международного положения и повелительно диктует полное, рабское подчинение Англии Соседиленным Штатам в их борьбе против СССР и стран народной демократии, и потому для советского читателя весьма полезно ознакомиться с одной из мало освещенных, но красноречивых страниц истории о героической борьбе ирландского народа против английских насильников и грабителей.

Длившаяся долгими столетиями, периодически обострявшаяся непримиримая борьба ирландцев против англичан, поработивших их и захвативших их землю, всегда привлекала к себе взоры основоположников революционного марксизма, видевших в ирландской социально-экономической и политической истории обильный арсенал фактов, ярко иллюстрирующих главные положения их теории и исторической философии. Именно глубокий марксистский анализ расчистил почву для правильного понимания природы национально-освободительной борьбы против колониального угнетения вообще и ирландской борьбы против англичан в частности.

Роман Е. Ланна дает в беллетристической форме картину революционного движения в Ирландии в один из моментов его обострения. В романе характеризуется то радикальное течение, которое породило фенианство. Это течение должно резко отличаться от движения аграрных террористов — риббопменов, практике которых фенихи противопоставили идею всеобщего восстания против английского владычества и свое революционное лицо обнаружили с достаточной ясностью в непримиримой борьбе с группировавшейся вокруг газеты «Нация» партией буржуазных националистов, которая в 60-х годах была верна римской церкви, а впоследствии выродилась в реакционно-клерикальное буржуазное большинство, поддерживавшее в XX в. де Валеру и его присных. И программа и методы фенихов, представителей мелкобуржуазного революционно-освободительного национального движения, далеки от нас и могут быть вполне и всесторонне поняты лишь в историческом аспекте.

К началу 60-х годов прошлого века Ирландия еще не оправилась от последствий великого голода 1847 г. Бегство из Ирландии во время и после голода сотен тысяч людей, имевших хотя бы малейшую возможность уехать из страны, обезлюдило Ирландию. В этот «черный год» — так называют ирландцы 1847 г. — погибло от голода более миллиона человек и столько же покинуло страну в течение двух ближайших лет. Насколько истощены были беглецы, можно судить хотя бы по тому, что на судне «Эвон» из 552 пассажиров умерло по пути в Америку 236, на судне «Виргиниус» из 476 умерло 267 и т. д. Сотни тысяч людей бежали от нищеты, грозившей им голодной смертью. И бегство это продолжалось в течение следующих десятилетий. Таким образом, из 8 миллионов жителей, населявших страну в 1841 г., осталось к 90-м годам 4 с половиной миллиона. Ирландия была единственной страной в Европе, где население вымирало и эмигрировало в таких масштабах.

Истощенная, обескровленная после «черного года» страна, тем не менее, не получила никакой помощи от английского правительства. По-прежнему английская аристократия смотрела на Ирландию, как на источник получения самой высокой земельной

ренты. На Ирландию распространялись земельные законы, дававшие право землевладельцу изгнать в любой момент коттера — крестьянина-арендатора — с земли, если представлялась возможность использовать ее более выгодно. А такая возможность представлялась: лендлорду было выгодно превратить пахотную землю в пастбище для разведения скота на экспорт. Именно эту систему — непрерывное изгнание коттера с земли после голода 1847 г. с целью всемерного расширения пастбищ — имел в виду Маркс в 1867 г., называя ее «теперешнюю системой, которая хочет вытеснить ирландцев при помощи овец, свиней и быков!»¹ И потому-то английские лендлорды спокойно взирали на убыль населения, на безвыходную нищету и смертность ирландского крестьянства, самую высокую в Европе. Ирландское арендное право оставалось неизменным — можно было изгнать коттера, не заплатив ему ни пени. Только в северных графствах Ирландии, в Ульстере, где с давних пор селились главным образом англичане, имел силу обычай: в случае расторжения арендного договора арендатору или субарендатору возмещались затраты на осушку болот, на возведение стросней и другие улучшения.

«Черный год» совпал с годом смерти О'Коннела, агитатора и демагога, буржуазного вождя движения за отмену унии Ирландии с Англией. Еще до его смерти группа молодых политиков восстала против его католицизма и узкого национализма и основала в конце 1842 г. свою газету «Нация», в которой противопоставила О'Коннелу политическую идею объединения ирландских католиков и протестантов в единую нацию. Во главе группы, названной «Молодая Ирландия», были Чарльз Гаван Даффи, поэт Томас Дэвис и Джон Диллон. Газета сплотила вокруг нового течения много литераторов и молодых патриотов, для которых заветы О'Коннела о возможности договориться с Англией были неприемлемы. Среди лиц, примкнувших к «Молодой Ирландии», были два человека — Смес О'Брайн и Джон Митчел, с именами которых связывается судьба новой партии. В первое время «Молодая Ирландия» не порывала с О'Коннелом и критиковала его в «Нации» осторожно: заслуги О'Коннела в сплочении ирландских сквайров, молодой буржуазии и националистски настроенной буржуазной интеллигенции вокруг лозунга «католической эмансипации» заставляли новую партию воздерживаться от разрыва с коннелитами. Но скоро этот разрыв произошел: поводом явился призыв Смиса О'Брайна в 1846 г. к ирландским членам парламента отказаться от борьбы в английском парламенте и вернуться в Ирландию, после чего О'Коннел потребовал от «молодых ирландцев» безусловного подчинения его программе. Лидеры новой партии отказались, и в начале «черного года» «Молодая Ирландия» решительно порвала с О'Коннелом, который умер в том же году, завещав похоронить себя в Дублине, а сердце отправить в Рим — как символ его преданности римской церкви.

Февральская революция во Франции вдохнула решимость в лидеров «Молодой Ирландии». Джем Митчел, потрясенный ужасами «черного года», открыто призывал к восстанию. И для него, как и для Смиса О'Брайна, была очевидна безнадежность вооруженного выступления против Англии после великого голода 1847 г., но это не останавливало Джона Митчела и его друзей — и в первую очередь Джемса Лалора — в пропаганде восстания. Митчел и его друзья были свидетелями неслыханной нищеты народа, у которого — в этом они были уверены — оставался один только выход: предпочесть смерть в бою медленной смерти от голода.

За эти призывы к восстанию, развиваемые в еженедельной газете «Объединенные ирландцы», Митчел поплатился очень скоро. В конце марта 1848 г. он был арестован властями и присужден к 15 годам каторжных работ на Вандименовой Земле, что равносильно было смертной казни. Не могло быть сомнений, что вслед за арестом Митчела последуют аресты и других лидеров «Молодой Ирландии», и в этих условиях более сдержанная позиция газеты «Нация» не могла защитить партию, и вожаки ее подхватили лозунги Митчела. Когда был отдан приказ об аресте Смиса О'Брайна, Мигера и других, они находились на юге. Ирландские коттеры были так измучены страшным голодом «черного года», что все их мысли были направлены на новый урожай, и на призыв к восстанию откликнулось несколько сот крестьян, а в городах, у тех, кто примкнул бы к восстанию, не было оружия. У деревни Баллингари произошло столкновение неорганизованных восставших коттеров с отрядом регулярных войск, кончившееся, как и следовало ожидать, очень быстро: Смис О'Брайн, Мигер, Мак Манус и другие были захвачены и присуждены к смертной казни, замененной пожизненными каторжными работами за океаном; другим удалось скрыться.

Годы, последовавшие за ликвидацией «Молодой Ирландии», были тяжелыми для нищей, голодной страны. Возникшая в 1850 г. «Лига прав земельных арендаторов» пыталась агитацией склонить Лондон к изменению условий земельной аренды, но старания Лиги были не более успешны, чем все попытки предшествующих организаций, которые вели конституционную борьбу в защиту бесправного ирландского коттера, и невозможность легальными средствами провести аппаратную реформу толкала большое количество отчаявшихся патриотов в ряды «Союза риббопменов».

«Союз риббопменов» не являлся партией, это было католическое тайное общество аграрного террора, всеми средствами мстящее ирландским лендлордам, а заодно и тем английским фермерам-переселенцам, которые всеялись землевладельцами на освобождаемые ирландскими коттерами участки. После распада «Молодой Ирландии» немало рядовых членов партии вошло в «Союз риббопменов», деятельность которых усилилась в 50-х годах.

К началу 60-х годов политическая активность Ирландии проявлялась в двух направлениях: с одной стороны, развертывали свою деятельность риббонмены, а с другой — действовали депутаты в лондонском парламенте, опиравшиеся на партию Александра Салливана, О'Донохью и Джона Диллона, бывшего участника «Молодой Ирландии», с годами ставшего куда более умеренным. Партия называлась «конституционной», или «национальной», ее органом стала возобновленная газета «Нация», и представляла она интересы националистски настроенной молодой ирландской буржуазии, сугубо буржуазной интеллигенции и среднего ирландского чиновничества, позволявшего себе слегка пофродировать, без риска потерять должность. Радикальная мелкобуржуазная интеллигенция и наиболее передовые группы пролетариата, тяготевшие раньше к «Молодой Ирландии», политически не были объединены. Слабый в ту пору ирландский пролетариат воспитывался традиционными в страхе перед революционными выступлениями. В этом отношении ирландские трэд-юнионы были еще более законопослушны, чем их английские собратья, и потому ни о какой организованной связи ирландских рабочих с Международным товариществом рабочих, основанным Марксом в 1864 г., не могло быть и речи, как нельзя было и думать о том, что руководители трэд-юнионов поведут хотя бы нерешительную борьбу с влиянием католического клира на ирландский пролетариат.

Это влияние было велико и в основной массе ирландского народа — в крестьянстве — и в других социальных слоях. Такая роль католического клира в Ирландии, крайне затрудняющая деятельность революционных партий, находит объяснение в исторических условиях: в течение трех столетий, начиная с Генриха VIII, англичане усматривали в католическом священнике прежде всего политического врага, который отвращал души своей паствы от фактически подчиненного королевской власти англиканства, а стало быть, вооружал свою паству против английского владычества. Преследования англичанами католического клира на протяжении этих столетий превратили для ирландского народа представителя римской церкви в жертву несправедливых гонений.

Но в 60-х годах XIX в. католический священник был по существу союзником английской власти если не открытым, то, во всяком случае, не менее ревностным, чем англиканский. Он защищал все экономические мероприятия английского правительства, он был непримиримым врагом освободительной борьбы эксплуатируемых классов ирландского народа, который, по традиции, считал его «жертвой» английского правительства, он всеми силами боролся против революционных средств сопротивления ирландцев политическому и экономическому господству Англии. Поэтому и О'Коннел получил от клира полную поддержку, а Митчел был объявлен церковью преступником; а когда «Молодая Ирландия» была разбита, клир всеми мерами вытравлял из сознания своей паствы

опасные мысли, посеянные революцией 1848 г., и в содружестве с партией «националистов» Александра Салливана и О'Доннеллю церковные вожаки укрепили свое влияние не только среди крестьянства, но и в среде буржуазной интеллигенции. С этим укрепившимся влиянием пришлось бы считаться каждой политической организации, которая в борьбе за национальную независимость отказалась бы от политически бесплодных выступлений риббонменов в графствах Ирландии и от легальной борьбы ирландских депутатов в английском парламенте.

В роли такой организации на политической сцене Ирландии в начале 60-х годов выступило Революционное братство фениев. Этой эпохе фенианства, совсем не освещенной в нашей исторической литературе и очень мало отраженной в западной историографии, посвящен роман Ланна.

Для художника, не пожелавшего в историческом романе безудержно фантазировать, призываясь правом на вымысел в художественном произведении (в большинстве случаев такая безудержная фантазия обнаруживает лишь незнакомство с историческим материалом и отсутствие исторического чутья), вторая фаза фенианства, начиная с 1866 г., не могла быть развернута в романе. Историография фенианства не дает данных об участниках вторжения фениев в Канаду в 1866 г. и выступлений 1867 г. в Ирландии и в Англии. После удара, нанесенного фением английским правительством в 1865 г., братство ушло в глубокое подполье у себя на родине, и в распоряжении историка нет документов, которые позволили бы романисту нарисовать образы исторических лиц, участвовавших в фенианском движении второй фазы.

Роман Ланна относится к первой фазе фенианства и вводит читателя в педра ирландской революционной организации, освещает психологию многочисленных и различных по типу революционеров и верно передает всю атмосферу этой трагической борьбы начала 60-х годов.

Автор уделяет много внимания психологической разработке образов своих героев. Вместе с тем ему удастся познакомить читателя со всеми основными этапами ирландской истории, и благодаря этому его роман с исторической точки зрения не ограничен рамками первой половины 60-х годов прошлого века.

Читатель романа Ланна постоянно будет вспоминать то высказывание Маркса, которое явно вдохновляло автора на всем протяжении его труда: «Англичане не знают, что, начиная с 1864 г., экономическое содержание, а потому и политическая цель английского господства в Ирландии вступили в совершенно новую фазу, и именно потому фенианизм характеризуется социалистической тенденцией (в отрицательном смысле, т. е. направленной против присвоения soil² и как lower orders movement³)»⁴.

Е. Ланн дает четкий анализ классового характера фенианства, и его роман, ничуть не модернизировав истории, несколько не навяз-

зывая фениям не свойственной им пролетарско-революционной программы, превосходно объясняет читателю, почему Маркс и Генсовет I Интернационала с таким горячим сочувствием относились к феианству и его поддерживали. Маркс считал феианство революционным фактором огромного значения. Вот что мы читаем, например (и это лишь образчик многих высказываний того же рода), в обращении Генсовета от 1 января 1870 г.: «Итак, позиция Международного Товарищества в ирландском вопросе совершенно ясна. Его главная задача — ускорить социальную революцию в Англии. Для этой цели необходимо нанести решающий удар в Ирландии»⁵. Освобождение Ирландии Генсовет считал *«предварительным условием освобождения английского рабочего класса»*⁶.

Нисколько не отступая от воззрений Генсовета, Ланн дает правильное освещение сущности экономической борьбы в Ирландии, как борьбы за землю. Очень метко и исторически правдиво рассказано у Ланна и о холодном приеме Бьюфи лондонскими трэд-юнионистами (стр. 148 романа). Достаточно вспомнить слова обращения того же марксовского Генсовета: «Наоборот, во всех *крупных промышленных центрах Англии* существует глубокий антагонизм между английским и ирландским пролетарием. Средний английский рабочий ненавидит ирландского как конкурента, который понижает заработную плату и *standard of life*⁷. Он питает к нему национальную и религиозную антипатию»⁸. Даже в деталях мы видим полное осознание писателем исторических положений Маркса по ирландскому вопросу. Например: образ Стивенса, прекрасно нарисованный Ланном, очень хорошо объясняет некоторую скептическую сдержанность в отношении Маркса к Стивенсу. Ланн дает как раз те черты мелкобуржуазного характера в личности Стивенса, которые, несомненно, имел в виду Маркс в письме к Энгельсу⁹.

Можно было бы привести еще немало доказательств того, что роман Ланна является художественной иллюстрацией ко всей исторической документации эпохи и к высказываниям Маркса и Энгельса. Ланн доводит судьбу главных своих героев до последственной тюрьмы и в эпизоде сжато и правдиво рисует ужасы английской каторги, на которые были обречены феии английским правительством консерваторов Дерби и Дизраэли, а также либералом Гладстоном, пришедшим им на смену в 1868 г.

Очень осведомленная, основанная на обстоятельном и широком изучении научной исторической литературы, книга Е. Ланна, на наш взгляд, является ценной и нужной популяризацией совсем мало известных у нас страниц истории середины XIX столетия. Английская историография и популярная литература не любят вспоминать о феиях, а когда вспоминают, то не скрывают своего сочувствия не столько к ним, сколько к тем, кто их вешал.

Советский читатель совсем по-иному, конечно, подойдет к трагическим страницам ирландской истории, которые воскрешает автор романа «Гвардия Мак Кумгала».

В кн.: Ланн Е. Гвардия Мак Кумгала. М., 1951, стр. 3—10.

ЗА ЧТЕНИЕМ ЖУРНАЛА «СТОРОННИКИ МИРА» *

Журнал продолжает давать живую, разнообразную, интересную хронику всемирного движения сторонников мира.

По мере возрастания военной опасности быстро растет и энергия людей самых разнообразных убеждений, социальных положений, религиозных воззрений. Эти люди сходятся в одном: в решительном желании дать отпор империалистам, торгующим человеческой кровью во имя обнаженно своекорыстных интересов.

Поджигатели войны перешли уже к открытым действиям. Возмущение, вызванное у всех честных людей бесчеловечными бомбардировками мирных корейских городов и деревень, истреблением корейских женщин и детей, способствовало громадному успеху в сборе подписей под Стокгольмским Воззванием. Стремясь к установлению мирового господства, американские поджигатели войны выступают против запрещения атомного оружия. Дело в том, что все надежды империалистов США на успехи в любой войне, которую им удастся спровоцировать в будущем, основываются именно на применении орудий массового истребления, на терроризации тыла, на «тотальной войне», о которой хвастливо говорят Лчесон, Брэдли и их достойные сообщники.

Правда, кое-кто из них иногда вспоминает Сталинград. Например, совсем недавно в своих речах и статьях Курт Шумахер и его заместитель Карл Шмит высказывались самым решительным образом против «канцлера» Аденауэра, пообещавшего их общим американским хозяевам создать немецкую армию для будущей агрессии против Советского Союза. «Немецкая молодежь еще не оправилась от Сталинграда!» — заявили они.

Однако из этого лицемерного, демагогического выступления, рассчитанного на популярность среди немецких трудящихся масс, совсем не следует делать вывода об антивоенных настроениях Шу-

* Журнал «Сторонники мира», №№ 10—19, 1950. Директор Жан Лаффит. Главный редактор Клод Морган. Издание Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира. Выходит два раза в месяц на немецком, английском, китайском, испанском, французском, венгерском, румынском и русском языках. Редактор издания на русском языке П. А. Вишняков.

махера. Эти црождённые политикапы и провокаторы — и Шумахер, и Шмит — состоят на американской службе. Они остаются ревностными прислужниками генерала Макклоя, командующего американскими оккупационными войсками в Германии, и втихомолку играют на руку своим заокеанским хозяевам. Это с очевидностью доказывает полное негодования «открытое письмо» Иоганнеса Бехера, вице-президента Академии искусств Германии, опубликованное в журнале «Сторонники мира» и направленное против Шумахера.

Бехер напоминает о предшественниках господина Шумахера, очень много и пылко говоривших в том же стиле, что и Шумахер. «В нашем злосчастном прошлом,— пишет он,— немало было разговоров о всяких грандиозных вещах. Теперь же от грандиозных замыслов у нас остались лишь горы щебня да опромные опустошения». Господа шумахеры отлично знают, что война нужна только Трумэну, Ачесону, Даллесу и другим представителям биржевых и крупнопромышленных интересов в Америке, но что большинство немцев пламенно желает лишь одного: мира! Но это писколько господ шумахеров не останавливает.

Европейские союзники Соединенных Штатов не только в Германии, но и во Франции и в Англии, также страшатся мысли о запрещении атомной бомбы, в которой они видят чуть ли не единственное оружие для затеваемого ими третьего мирового побоища. Прежде они шрикидывались совершенно равнодушными к успехам сбора подписей под Стокгольмским Воззванием, к успехам конференций сторонников мира и к другим манифестациям этого рода. Но не надолго хватило их мнимого равнодушия: теперь они открыто прибегают к самому грубому полицейскому насилию, к резиновым дубинкам, которыми они избивают до полусмерти мирных манифестантов, к самым кровавадым призывам и науськиваниям, вплоть до паглого воздушного нападения, подвергшего смертельной опасности жизнь Тореза, летевшего на самолете из Франции в СССР для лечения.

Приказчики и маклеры Уолл-стрита стараются изо всех сил. Президент США настойчиво повторяет, что именно он и никто другой отдал приказ о первом применении атомной бомбы. Немудрено, что американские интервенты, следуя этому доблестному примеру, творят в Корее ежедневно и ежечасно злодеяния, до которых, кроме гитлеровцев, никто еще никогда и нигде не доходил.

Первый богач, он же «спекулянт номер первый в Японии» (как его там все называют) Макартур заявил 31 июля 1950 г. в городе Тайбэй, столице острова Тайван, что он «твердо решил в точности выполнить приказ президента Трумэна об охране Чан Кай-ши от люкушения со стороны Китая». Разоблачая это пахальное заявление, журнал «Сторонники мира» одновременно регистрирует длинный ряд официальных сообщений, говорящих самым красноречивым языком о намерениях этих господ продолжать свой неслыхан-

ный разбой не только в Корее, но и в других странах Азии и Европы.

Журнал «Сторонники мира» с большим вниманием и интересом следит за одним любопытным феноменом в пропаганде поджигателей войны. Они не перестают пускать в ход курьезнейшие выдумки, одна другой неправдоподобнее, с целью успокоить тех, кого они гонят на убой. Последней их вздорной фантазией является бессмыслица о каких-то «карманных атомных бомбах», которые якобы будут розданы американским солдатам и обезопасят этих доблестных защитников «христианской цивилизации». Очередное смехотворное американо-газетное вранье!

Журнал приводит любопытные данные об успехе Стокгольмского Воззвания в тех странах, правительства которых в той или иной степени «маршаллизованы». Грандиозный, поистине общенациональный характер принял сбор подписей под Воззванием в Италии. Для этого сбора образовано не более и не менее как 17 тысяч департаментских и муниципальных комитетов, не считая комитетов на фабриках, в мастерских и торговых предприятиях.

Размах движения сторонников мира усиливается с каждым днем, охватывая все более широкие слои населения, в том числе и церковные круги. Журнал отмечает заметно усилившийся протест всех христианских церквей против войны и шапталных американских запугиваний.

Даже из среды служителей церкви в Западной Германии раздался решительный протест против канцлера Аденауэра, продающего теперь американцам своих соотечественников в качестве пушечного мяса для грядущей войны. Этот протест облечен был в своеобразную форму. Пастор Нимойер, глава протестантской церкви в Гессен-Ганау, в прямом обращении к Аденауэру предложил ему произвести общие выборы в боннский парламент, поставив перед избирателями единственный вопрос: согласны ли они с планом включения Западной Германии в систему милитаризованных стран или не согласны? Другими словами: согласны ли они на ремилитаризацию Западной Германии, которую требует Ачесон и на которую уже вполне согласился Аденауэр? Но господин «канцлер», как и следовало ожидать, уклонился от положительного ответа на это предложение, так как хорошо понимал, каковы будут результаты предлагаемого опроса.

Еще в апреле 1950 г. совет английских церквей всецело присоединился к принятой в Женеве в феврале декларации Всемирного совета церквей, в которой «выражается протест против положения, создавшегося в связи с угрозой водородной бомбы, и настоятельно предлагается всем правительствам немедленно вступить в переговоры для установления контроля над атомной энергией». Специальное выступление в Нью-Йорке епископа Джона Уоллса перед комитетом представителей различных церквей было посвящено

заявлению Трумэна о водородной бомбе. Уоллис заявил: «Публично выраженное намерение изготовить водородную бомбу можно считать самым пагубным политическим решением, которое обойдется нам очень дорого». Комитет экстренно командировал четырех наиболее видных представителей церкви, чтобы передать это мнение правительству.

Но Трумэн руководствуется не столько мнениями епископов, сколько мнениями дельцов Уолл-стрита, которые прямо заинтересованы в создании паники, а не в ее устранении. Показательно, что уже с лета 1950 г. в США ведется деятельная правительственная пропаганда, имеющая целью превратить американскую школу в филиал казармы. Генерал Эйзенхауэр, Коналт, президент Гарвардского университета, и Янсен, главный инспектор штата Нью-Йорк, выпустили воззвание в виде брошюры. В ней говорится: «Так как война фактически уже неизбежна, то она требует новой ориентации всего американского народа, а не только нескольких его правителей, которые стоят во главе управления и которые уже психологически приспособились к этому новому положению».

Все три автора этой брошюры, посящая характерное название «Американское воспитание и напряженность международных отношений», приветствуют «благие» последствия войны. «Война,— пишут они,— даст людям направление к определенной цели, даст ясно очерченный путь, даст ощущение участия в коллективных усилиях...»

Последние выпуски журнала «Сторонники мира» говорят о том, что народы пришли к следующему твердому заключению: Организация Объединенных Наций идет на поводу у империалистов США; у Ачесона имеются послушные и рабски исполнительные орудия при осуществлении самых глупых, самых разбойничьих замыслов Уолл-стрита в лице Трюгве Ли и других предавших ему чиновников Лейк-Саксенса.

Но именно это сознание и заставляет всех искренних борцов за мир, чувствующих свою ответственность перед человечеством, удесятерить свою энергию.

Громадный моральный успех Второго конгресса сторонников мира в Варшаве показал, что подаром Эттли с Бевином не решились допустить представителей миролюбивых народов на английскую почву в Шеффилд. Решительный тон всех выступлений на конгрессе показал могучую волю народов к продолжению и усилению борьбы против шайки Уолл-стрита, борьбы за мир.

Новый мир, 1951, № 1, стр. 262—264.

МИЛЮТИН Д. А. Дневник. Т. III. 1878—1880. М., 1950.
323 стр. (Гос. ордена Ленина библиотека СССР имени
В. И. Ленина. Отдел рукописей)

Третий том «Дневника» Д. А. Милютина начинается 2 января 1878 г. и кончается 31 декабря 1880 г. В записях этого тома отражена прежде всего дипломатическая борьба, предшествовавшая Сан-Стефанскому миру, и затем откровенная вражда Англии и Австро-Венгрии к России; отражены также злостные интриги Бисмарка, сначала тайные, а после Берлинского конгресса довольно открытые и бесцеремонные.

В записях «Дневника» за 1879—1880 гг. хорошо обрисовано и то обострение отношений между Александром II и его дядей, Вильгельмом I, которое повело к весьма неприятной и внушавшей опасения переписке между ними в августе 1879 г. и к слухам о возможной войне. Милютин опасался Германии и не верил ни единому слову Бисмарка, но всеми силами старался избежать столкновения, считая, что в тот момент война была бы бедствием для России. На последних страницах III тома уже бегло отражается усиленный интерес царской дипломатии к среднеазиатским делам, к вопросу о Закаспийском округе, об Ахтал-Текинской экспедиции Скобелева в 1880 г.

Субъективная правдивость Милютина в его дневнике не подлежит сомнению, и это качество сказывается в содержании III тома не меньше, чем в содержании предшествующих двух томов. Милютин многого не понимал, ошибался, подчинялся, вольно и неволью, велениям своих классовых и служебных личных интересов, многое несправедливо или узко расценивал, проявляя кругозор царского чиновника, но старался быть искренним в этом, «для себя» писанном дневнике. Он преувеличивает слабость Горчакова, доживавшего свой век. Горчаков вовсе не был таким расслабленным старцем, развалиной, каким рисует его Милютин, который всегда терпеть не мог канцлера и явно слишком верил наговорам и клевете Павла Шувалова. Но переметную суму Валусва, ничтожного Черевина Милютин понимал хорошо. Конечно, без труда постиг он и друга Черевина — нехитрого цесаревича (будущего Александра III). Впрочем о Романовых Милютин и говорит деликатно и еще более деликатно помалкивает.

Много места в этом томе занимают придворная сутолока и непрерывно вязавшаяся сеть бюрократических и царедворческих интриг. Обеды, парады, приезды, отъезды, переезды из Ливадии в Петербург, из Петербурга в Москву, в Царское Село, появление новой, морганатической супруги царя — княгини Юрьевской, — вся однообразная по существу при кажущемся разнообразии сюета придворного муравейника мелькает перед глазами, не удерживая внимания читателя и временами утомляя его. Но и без III тома, как и без первых двух, историк данного периода не

обойдется никак. Издательство и редакция делают свое нужное дело очень толково и добросовестно. Жаль только, что редакции и в III томе скушится на примечания, хотя здесь этот недостаток уже менее заметен, чем в первых двух томах.

Записи Милютина очень живо рисуют происшедшую в первые полгода (1878 г.) смену радостных, победоносных настроений правительства и буржуазно-дворянского общества, царивших еще в январе 1878 г., разочарованием, растерянностью, раздражением, когда пришлось пойти на уступки Австрии и Англии и убедиться в том, что не воевавшая Австрия получила ряд славянских территорий на западе Балканского полуострова, не воевавшая Англия получила Кипр, а Россия за все тяжкие жертвы не получила почти ничего. Эти чувства растерянности и раздражения еще усилились, когда в 1879 г. (см. запись от 26 июля) обнаружилось, что «все более и более проявляется общее во всей Европе враждебное нам настроение. Во всех комиссиях наши делегаты не находят поддержки ни в ком».

Разочарование и недовольство все возрастали. Судебные процессы, разоблачавшие чудовищное интендантское хищничество и крупнокапиталистическое воровство разных «товариществ» и отдельных военных поставщиков, увеличивали нервность и раздражение. Это сказывалось и в крупном и в мелочах. В «Дневнике» Милютина отражено, например, убийственное, подавляющее впечатление, которое произвела весной 1880 г. знаменитая верещагинская выставка батальных картин на темы только что окончившейся русско-турецкой войны: замерзающий, занесенный снегом часовой («На Шипке все спокойше»); валяющиеся трупы русских солдат близ ставки Александра II («Царские именны») (эта надпись была снята полицией) и т. д. Военный министр понимает, конечно, революционизирующее влияние этой выставки и недоволен Верещагиным (см. стр. 235). Милютин хорошо знает, но ни единым словом не упоминает о том, сколько негодования возбудила в русском обществе, например, кровавая «третья Плевна» (30 августа 1877 г.), когда ничтожный, бездарный главнокомандующий Николай Николаевич пожелал подождать взятие Плевны к именинам царя, но вместо победы получилось тяжелое поражение. Милютин все это знает, но ничего не говорит. В революционной песне того времени об этом говорится: «Именинный пирог из начинки людской брат готовит державному брату». Не так-то просто было дело с картиной Верещагина. Жаль, что в примечаниях читатель в данном случае никаких этих пояснений не находит. А они были бы тут очень кстати.

Беспокойно и раздражало не только воспоминание о только что минувшем Берлинском конгрессе, но и тревога насчет будущего. Интриги Андраши в Австрии, замыслы Биконсфильда в Англии, происки насквозь фальшивого, враждебного и лживого (под маской мнимого прямодушия) Бисмарка — все это внушало русской

дипломатии серьезные опасения. Дело дошло до очень неприятных объяснений царя с германским императором. Впервые история знаменитого письма Александра II от 3 августа 1879 г. раскрывается тут перед историком полно и правдиво.

Нам кажется, что редакция «Дневника» Д. А. Милютинна исма-ло греха на душу берет, заявляя, что это письмо Александра II к Вильгельму I написано «в чрезвычайно дружественном тоне» (стр. 294). Бисмарк утверждал и тогда и впоследствии, что со вре-мен Наполеона I никто, обращаясь к Гогенцоллернам, таких писем не писал. Письмо было направлено вовсе не против одного толь-ко Бисмарка, но и лично против Вильгельма I, с полнейшего одоб-рения которого в германской политике взят был в 1879 г. открыто враждебный курс против России. Вильгельм I был настолько встревожен письмом царя, что поспешил повидаться с ним лично в Александрове в том же августе 1879 г.

Милютин хорошо понимал в тот момент, каким опасным врагом России является Бисмарк, но заблуждался, видя во всем «козник ки. Бисмарка, опутавшие престарелого императора» (стр. 161). Вспомним, что сплошь и рядом Вильгельм I относился еще враж-дебнее к России, чем Бисмарк: например, так было еще в годы Крымской войны, когда Вильгельм был наследником, а Бис-марк — прусским делегатом во Франкфурте. Но все это замазыва-лось и приглаживалось мнимыми сердечными отношениями дяди к племяннику. На сей раз перепуганный дядя мигом заключил с Австрией союз против России: так сильно на него подействовало «чрезвычайно дружественное» письмо племянника¹.

И Бисмарк и Вильгельм I считали Милютинна «немцефобом». Поэтому германский император поспешил в Александрове, во-пер-вых, дать Милютину высший орден Черного Орла, а во-вторых, почти час вел с ним беседу с глазу на глаз. Эта беседа напечатана в немецких документах уже в несколько искаженном виде, и Ми-лютин говорит об этих искажениях тут же. Здесь Милютин впер-вые излагает беседу с Вильгельмом I в точной версии. Милютин открыто укорял Германию во враждебной политике и в том, что фактически она поддерживает во всем врагов России — Англию и Австрию, — которые подстрекают против России Турцию. «Объяснения его (Вильгельма — *Е. Т.*) похожи были на извине-ния; по словам его, Германия, имея постоянно перед собой угрозу со стороны Франции, не может явно разорвать ни с Австрией, ни с Англией, а потому вынуждена сохранять нейтральное положение и действовать весьма осторожно. На это я (Милютин — *Е. Т.*) позволил себе возразить, что подобная пассивная политика не достойна Германии, которая ныне довольно могуществен-на и довольно высоко стоит в мнении целой Европы, чтобы одним своим голосом, не обнажая меча, не допустить общеевро-пейской коалиции против векового своего друга и союзника» (стр. 160).

Вильгельм I и новый кавалер Черного Орла расстались с истинно дипломатическим «дружелюбием», так что ровно через месяц Бисмарк пригласил русского посла в Берлине Сабурова и «излил перед ним все обвинения и упреки, которыми старается высказать, будто само русское правительство подало повод к охлаждению между Германией и Россией. Некоторые из этих упреков были просто пелены: например, будто массы нашей кавалерии сосредоточены на германской границе, угрожают Восточной Пруссии быть отрезанною от остальной части государства; при этом ссылался на мои объяснения в Александрове, приписывая мне слова, которых я вовсе не говорил» (стр. 166—167).

Такова была истинная, не прикрашенная ложью, — в чем изощрялись впоследствии почти все немецкие историки, писавшие о Бисмарке, — атмосфера отношений между Германией и Россией после Берлинского конгресса. И все это происходило, невзирая на архисекретную конвенцию, заключенную Александром II и Вильгельмом I еще в 1873 г., согласно которой они обязывались помогать друг другу в случае войны. Другая, подобная же, хотя и менее точная, более расплывчатая, конвенция была тогда же заключена Александром II и Францем-Иосифом. Россия и Австрия обязывались «сообщаться о совместных действиях» в случае кризиса. Знали об этих документах: в Германии только Вильгельм I, Бисмарк и Мольтке, а в России — Александр II, наследник, канцлер Горчаков и Милютин. Оба документа, мирно лежа в своих запечатанных конвертах, успели, как видим, уже в 1877 г. воспринять характер «ключков бумаги».

Но не только Ближнего Востока касаются записи Милютина в III томе. Ни один историк, интересующийся распространением русского владычества — на Кавказе ли, в Средней ли Азии, — не вправе пройти мимо записи Милютина от 11 февраля 1880 г. о совещании по Закаспийскому краю: «Прочли прежде всего записку гр. Гейдена, в которой выставлены все невыгоды и бесплодность наших действий в этом крае и в заключение предлагалось не только ничего там не предпринимать, но даже совсем очистить Закаспийский край. С таким мнением никто, конечно, из участвовавших в совещании не согласился. Напротив того, многие убедительно доказывали, что всякий шаг назад в Азии был бы гибельным, что даже остановиться нельзя без больших опасений в будущем, ввиду предприимчивости и наступательной политики Англии» (стр. 218).

Английские агенты рыскали по Средней Азии, лихорадочно выискивая нового Шамиля, который решил бы на то, чего не в состоянии был сделать в годы Крымской войны злейший враг России Шамиль на Кавказе². Шамиль при всем своем горячем желании не отважился на это, не понадеявшись на реальную помощь Англии, Франции и Турции: усилить наступательные действия против России. Губительность «совета» Гейдена «очистить Зака-

спийский край» объяснялась лишь полным непониманием всей политической обстановки в Европе.

На февральских совещаниях 1880 г. генерал Обручев «очень дельно и рельефно выставил необходимость серьезных мер в Азии ввиду агрессивной политики англичан».

Появившаяся кстати в Англии и всюду перепечатанная статья бывшего посла в Персии Раулинсона с угрозами и клеветой по адресу России привела Милютина в крайнее негодование: «Нахальство и цинизм старого руководителя английской политики в Азии переходит все границы» (стр. 230). В докладе царю, после чего и было принято окончательное решение начать ахал-текинскую экспедицию, Милютин пишет о «наступательной против нас политике, которая с каждым годом получает все обширнейшее развитие».

Если бы некоторые историки, восторгавшиеся хищническими набегами Шамиля на мирные аулы, видевшие в нем некоего доблестного руководителя «народной войны», не обнаруживали близорукости или иной раз просто незнания фактов, то они поняли бы, как часто все эти мнимо доблестные «руководители освободительной борьбы» против России — будь то на Кавказе, в Туркестане, Хиве, Бухаре — были лишь марионетками в многоопытных руках Пальмерстона, а позже — Лауренса или Элвер-паши.

В немногих, скупых, к сожалению, в этом томе записях Милютина живо и правдиво отражаются прощательность и осведомленность некоторых (далеко не всех) русских деятелей, хорошо понимавших, что Лондон и Константинополь стоят за спиной тех, с кем русскому солдату приходится вести борьбу на Среднем Востоке, как ему приходилось вести несколько раньше (до 1859 г.) борьбу в горах Дагестана против Шамиля и мюридизма.

Милютин — военный министр, Милютин — военный писатель, автор серьезной истории итальянского похода Суворова, наконец, Милютин — дипломат — это одно, а Милютин, реагирующий на события революционной борьбы последних лет царствования Александра II, — это нечто совсем другое. Впечатление такое, как будто умного, серьезного, вдумчивого человека, строго ответственного за каждое свое слово — даже если оно вписывается в интимный дневник, — подменили какой-то совсем иной индивидуальностью. Конечно, ничего нет удивительного, что министр, всю жизнь служивший самодержавному строю, относится враждебно к революционному движению и что дворянин, помещик, осыпанный царскими милостями сановник-бюрократ смотрит как на заклятых врагов на тех, кто желает освободить русский народ от его угнетателей, т. е. именно от самодержавной монархии, которой весь свой век «верой и правдой» служил Милютин. Но что является в дан-

ном случае любопытным, — это глубокое, безнадежное непонимание, не только нежелание, но абсолютная неспособность вдуматься в происхождение и смысл развертывавшихся перед его глазами явлений.

На глазах у Милютин растет не по дням, а по часам революционное возбуждение в стране. Но он, стоя в самом центре правительственного механизма, доверенный друг царя, обнаруживает полное непонимание происходящего, ничем не отличаясь от самого серого, самого темного, самого безнадежно тупого «благополучного россиянина», едко осмеянного Салтыковым-Щедринным.

Вот что пишет Милютин о покушении Веры Засулич на Третьякова: «Приехав (24 января) утром во дворец к докладу, я узнал о случившемся за четверть часа пред тем происшествии с генералом Третьяковым. В обычный час приема просителей какая-то стриженная девица, одна из так называемых «ингилисток», выстрелила в Третьякова из револьвера и панесла ему серьезную рану в бок. Генерал Мезенцов приехал доложить государю, что поступок этот объясняют мстостью за какого-то студента Боголюбова, которого Третьяков высек еще в прошлое лето, когда тот содержался в тюрьме» (стр. 18). Вот и все об этом маленьком «происшествии».

Однако «происшествие», случившееся с маститым полицейским башибузукком, осложняется, принимает неприятные размеры, становится хлопотным. 2 апреля (1878 г.) автор дневника снова принужден вспомнить о совсем забытом «происшествии»: «Вчера и сегодня в городе нет другого разговора, как только о скандале, случившемся в пятницу по окончании судебного процесса г-жи Засулич, выстрелившей в ген. Третьякова и ранившей его. К общему удивлению, суд оправдал, а, вследствие этого, собравшаяся на улице толпа произвела демонстрацию в честь преступницы и ее защитника. Уличный беспорядок кончился несколькими выстрелами из толпы, которая после того разбежалась, а на месте остались убитый молодой человек и раненая девушка. Сама преступница, освобожденная уже судом, скрылась. Такой странный конец дела подал повод к самым нелепым толкам. Вся публика разделилась на два лагеря: весьма многие, даже большинство и в том числе многие дамы высшего общества и сановники, пришли в восторг от оправдательного решения суда; другие же скорбели о подобном направлении общественного мнения» (стр. 41).

Ну, а в каком же «лагере» сам Милютин. Он выражает с глубокомысленным видом мнение, что, с одной стороны, если кто стреляет в градоначальника, то это поступок незаконный и не следует его оправдывать; а, с другой стороны, если «административные власти» проявляют «произвол и самоуправство», то это также нежелательно... Мнение, как видим, не весьма оригинальное и яркое, но зато по-чиловничьи осторожное. И дальше Милютин на совещании, собранном (по приказу царя) по поводу оправдания Веры Засулич,

провел реакционное решение об изъятии дел о политических преступлениях из ведения суда присяжных. Но даже в этом интимном, для себя писанном дневнике подумать о зловещем для царя и его правительства смысле и выстрела и оправдания Засулич военный министр так и не «удосужился».

Борьба обостряется, и в Одессе 24 июля военный суд приговаривает главного подсудимого Ковальского, обвиняемого в вооруженном сопротивлении при аресте, к смертной казни. Происходит демонстрация, и полиция действует «непростительно вяло и неразумно». Подумать только, сокрушается Милютин: никакого арестовали на месте, и «только в ночь и на другой день начались аресты». И царь обнаруживает «большое неудовольствие», как и сам его верный министр. Государь приказывает казнить Ковальского немедленно. Казнь происходит 2 августа 1878 г., а ровно через два дня в Петербурге среди бела дня убивают кинжалом шефа жандармов Мезенцова. Милютин уповает, что это убийство произведет «еще более тяжелое впечатление, чем недавнее покушение на Трепова». Военный министр недоумевает: ведь Мезенцов «вел дела довольно гуманно» (о казни Ковальского 2 августа Милютин уже успел за два дня, к 4 августа, забыть), а главное, шеф жандармов «не имел личных столкновений с преступниками». Если бы тут не выразилось неизвиняемое никаким политическим невежеством нежелание отнестись хотя бы с тенью справедливости и понимания к борьбе против царских башкибузук, то можно было бы лишь улыбнуться «объяснению» убийства Мезенцова, даваемому Милутиным: «Убийство подобного человека не может быть иначе объяснено, как сатанинским планом тайного общества навести террор на всю администрацию» (стр. 85). И это пишет в своем интимном дневнике человек, который считался вовсе не глупым в своей среде. Чего же было ждать от всей этой верхушки, правившей Россией?!

И дальше: «Тяжелое чувство испытываешь в этой атмосфере, как бы пропитанной миазмами тайных замыслов и преступных попыток подпольной шайки невидимых врагов общества, посягающих не только на пышные государственные порядки, но на весь общественный и даже семейный строй» (стр. 87). Вообще еще не выяснено, не действуют ли тут «органы внешней, интернациональной организации».

Словом, в понимании внутреннего смысла революционных событий незаметно особой разницы между «прогрессивным» министром и странницей Феклушей, видевшей людей с песьими головами, если не допустить, что Милютин пытается тут одурачить себя самого, прикидываясь глупее, чем он был на самом деле.

События идут своим чередом. 13 марта стреляют в Дрентельна, 2 апреля 1879 г. Александр Соловьев стреляет в царя. Полицейский террор усиливается. Россию отдают в бесконтрольную власть

экстренно назначенным генерал-губернаторам; аресты и казни, высылки и казни, вооруженные сопротивления и казни...

Милютин начинают одолевать сомнения. Он еще не осознал вполне, до каких пошлостей, прямых гнусностей и инсинуаций докатился в своих записках по поводу «происшествия» с Треповым и других «происшествий» того же порядка. Но ему уже не по себе. Все-таки Милютин не Адлерберг, не Мезенцов, не Потапов, не Победоносцев, не Петр Шувалов, не Павел Шувалов, не Дмитрий Толстой, не Валуев. Понемногу, полегоньку, с опаской и с оглядкой Милютин начинает вдумываться в смысл событий кровавой борьбы, и его начинает посещать и мучить тот «незванный гость, докучный собеседник, заимодавец грубый», о котором говорит пушкинский скупой рыцарь. «Нельзя не признать,— пишет он,— что все наше государственное устройство требует коренной реформы снизу доверху». И не потому ли «при всей чудовищности проповедуемых ими принципов» революционеры «находят благоприятствующую почву в массе недовольных существующим порядком вещей»? А если так, то не виновато ли «высшее правительство, которое запугано дерзкими проявлениями социалистической пропаганды за последние годы и думает только об охранительных полицейских мерах, вместо того чтобы действовать против самого корня зла»? Коротче: «Правительство устраивает карантинное оцепление, не предпринимая ничего для самого лечения болезни».

От этого невеселого вывода для такого человека, как Милютин, было недалеко уже до «пораженческих» настроений. И они отчетливо звучат в его дневнике: «Я убежден, что теперешние люди не в силах не только разрешить предстоящую задачу, но даже и понять ее» (стр. 140).

А события на фронте внутренней войны принимали все более угрожающий характер. 5 февраля 1880 г. Степан Халтурин произвел взрыв в Зимнем дворце в 6 час. 20 мин. вечера. Царь спасся, но пострадал караул, треснула стена столовой, вылетели стекла из дворцовых окон. Впечатление было подавляющее. Царь немедленно собрал совещание, но не такое, как обыкновенно созывал после каждого покушения, а совсем небывалое. Были экстренно вызваны все генерал-губернаторы.

Растерянность, страх, ожесточение овладели многими в непосредственном царском окружении. Адлерберг намекнул на необходимость «заставлять» допрашиваемых говорить. «Государь прервал его, спросив с неудовольствием: каким же образом заставлять? Разве пыткой? Мне говорили, что слово пытка было действительно не только на уме некоторых господ, но даже на языке. И кто же первый имел смелость произнести это страшное слово? Принц Петр Ольденбургский!» (стр. 215). Говорили о многом: и об ответственности домохозяев за образ мыслей квартирантов, и о «строгом обыске *всех* живущих в столице» и т. п.

Решение царя 9 февраля 1880 г. о вручении «диктаторских» полномочий Лорис-Меликову было совершенно неожиданным для членов совещания. Вот точные слова Милютинина: «Валуев, Маков, Набоков и Дрентельн были, видимо, поражены, услышав это решение, но Валуев нашелся и не пошел в карман за словом. С обычной своей важностью, расстановкой и густым басом он произнес следующую фразу: хотя вчера я выражал свое мнение против меры, ныне решенной вашим величеством, но теперь, узнав, что выбор председателя выпадает на такое лицо, как гр. Лорис-Меликов, я вполне сочувствую такому решению» (стр. 217). Лестью и поддакиваниями придворные полонии, окружавшие царя, далеко превосходили старого царедворца, угождавшего Гамлету, принцу датскому.

Год с небольшим продолжалась «диктатура» Лорис-Меликова. Мы знаем из других источников, что Милютин тесно сблизился с Лорис-Меликовым, и впоследствии, после «утверждения самодержавия», 29 апреля 1881 г., когда «диктатор» ушел со своего поста, вместе с ним ушел и Милютин, навсегда добровольно покинув службу. Но в записях III тома нет пока ничего о начале этой политической дружбы Милютинина с «диктатором». Подождем появления IV тома, который, вероятно, превзойдет уже вышедшие три части своей исторической значимостью.

Нужно пожелать, чтобы Государственная библиотека имени В. И. Ленина ускорила окончание своего важного научного предприятия. И еще пожелаем значительно большей щедрости и обстоятельности примечаний. Личный указатель довольно полон. Но в указании о Тотлебене не упомянуто о его печальной памяти репрессивной деятельности в Одессе. О Молодецком не сказано, что «Народная воля» его дезавуировала, и совсем неверно указывается, будто он был членом партии «Народная воля». Об Орсини не сказано именно того, что в данном случае было единственно важным для пояснения текста: что его именем назывались особого типа разрывные снаряды, впервые брошенные, как известно, Орсини и его товарищами в Наполеона III (14 января 1858 г.). О Кравчинском (Степняке) сообщается все, кроме самого главного, — что он убил Мезенцова. Вставки и разночтения печатаются с соблюдением всех научных требований: в подстрочных примечаниях, но тем же шрифтом, как текст.

Вопросы истории, 1951, № 2,
стр. 119—123.

МИЛЮТИН Д. А. Дневник. Т. IV. 1881—1882. Редакция
и примечания П. А. Зайончковского. М., 1950. 201 стр. (Гос.
ордена Ленина библиотека СССР имени В. И. Ленина.
Отдел рукописей)

Довольно скоро после III тома «Дневника» Д. А. Милютина, с которым мы ознакомили читателей журнала «Вопросы истории» (см. № 2 за 1951 г.), вышел и IV том этого важного и хорошо выполненного редакцией издания. К сожалению, издательство решило сделать этот том «заключительным», доведя издание до момента выхода Д. А. Милютина в отставку в 1881 г. и переезда его на постоянное жительство в крымское имение. Мотивировка, которая объясняет эту чрезмерную экономность издательства, отнюдь не кажется нам убедительной. Находясь в Крыму, Милютин знал о многом, что происходило в Петербурге, о многом размышлял, и, конечно, его «Дневник» и за последующие годы вовсе не ограничивается «хроникальными записями семейного характера, не представляющими интереса даже для узкого круга специалистов-историков». Хочется возразить издательству: об этом вы уж предоставили бы лучше судить «узкому кругу» историков, одна из основных функций которых именно и заключается в обязанности допрашивать документ, вникать в него, каким бы малоинтересным он ни казался на первый взгляд. Даже и те скудные выдержки из скрытого от читателей материала, которые даны в предисловии от редактора, показывают, что дело здесь не ограничивается записями семейного характера. Ведь не мог же Милютин ни с того, ни с сего (*ex abrupto*) вставить в чисто семейные записи такую, например, правда, не слишком глубокомысленную, но подытоживающую характеристику первых лет крутой реакции Александра III. «Если я называю настоящее наше положение безотрадным,— пишет Милютин 31 декабря 1883 г.,— то отнюдь не потому, что мне, как старику, «мило» прошедшее. Напротив того, я говорю: читайте историю прошлых времен, чтобы оценить настоящее и утешиться насчет будущего... Смотри с этой точки зрения, исторической, или, пожалуй, философической, я отношу переживаемую нами эпоху именно к тем историческим моментам, когда в развитии народа и государства происходит почему-либо задержка, остановка. Явление это не может и не должно приводить нас, современников, в отчаяние насчет будущего; перемена нескольких личностей во главе правления, близорукость и заблуждения руководителей государства могут произвести такую задержку, но не в силах остановить или своротить с пути исторического движения» (стр. 5).

Тупая, беспросветная реакция заставила Милютина, хоть и с очень большим опозданием, признать, что уже задолго до 1881 г. и до Александра III самодержавное правительство вело страну в тупик и трясины. Вот как он отзывался об отце и предшествен-

нике Александра III на самодержавном престоле: «Он (Александр II — *Е. Т.*) сам имел в вопросах политических крайне узкую точку зрения, ему чужды были общие указания истории и законы развития человечества, несмотря на свое образование... он был пропитан предрассудками и недоверием ко всякому серьезному прогрессу» (стр. 4).

Отойдя от дел, Милютин, наконец, уразумел то, о чем либо не догадывался, хотя это просто невероятно для умного и широко образованного человека, либо что не решался высказать даже перед собой, в интимном дневнике, а именно, что сам царь Александр Николаевич был наиболее сильным врагом своих собственных реформ, начиная с того определенного момента, когда он увидел, что логическое развитие реформаторской деятельности неизбежно ведет к ограничению царского абсолютизма в той или иной мере, т. е. к тому, что Салтыков-Щедрин иронически назвал «увенчаньем здания».

К этим печальным итоговым размышлениям о характере катастрофически оборвавшегося царствования читателя вполне естественно подводят напечатанные в IV томе записи, начинающиеся 2 января 1881 г. и кончающиеся 27 декабря 1882 г.

Милютин, личный друг царя, военный министр, человек, близкий к «диктатору» Лорис-Меликову, в первые два месяца 1881 г. занимал такое влиятельное положение, какого он не занимал за всю свою жизнь, а в марте и в апреле 1881 г. Милютин ближе всех наблюдал и больше всех сапожников переживал падение диктатуры и, наконец, полное торжество победоносцевского государственного переворота» 29 апреля 1881 г., навсегда положившего конец политической деятельности Лорис-Меликова и Милютина.

Все это делает записи Милютина за первые четыре месяца 1881 г. крайне интересными. И без Милютина мы хорошо знаем день за днем, иногда чуть ли не час за часом, историю этого критического для самодержавия периода, и все-таки голос наблюдательного и хорошо осведомленного Милютина дает новое и важное.

Начать с того, что перед нами свидетель, не очень похожий на других мемуаристов того же времени и того же круга. Переписка и данные, идущие, например, от Победоносцева, живы в самой основе своей. Узок был кругозор этого озлобленного и насмерть перепуганного реакционера, за всю жизнь не высказавшего ни единой мысли, которая хоть на вершок возвышалась бы над шаблонными идеалами полицейского гнета и гонения всякой умственной свободы. Все его показания имеют явной и исключительной целью изобразить ловко проведенную против Лорис-Меликова интригу как стремление к «великому спасению» России от грозившей ей гибели. Другой очевидец и свидетель — П. А. Валуев, — конечно, умнее Победоносцева, но его дневник, явно рассчитанный на «потомство», хоть и дает гораздо больше, чем письма и бумаги Победоносцева, пронизан глубочайшей фальши-

востью, ставшей в полном смысле слова второй натурой П. А. Валуева. Он ведь на веки веков остался тем же самым, каким был в 1859, 1860, 1861 гг., когда делал карьеру еще при Николае Милютине и когда в то же время при секретных, «законспирированных», свиданиях предавал Николая Милютину и Ланского реакционерам, князю Паскевичу (сыну фельдмаршала) и графу Шувалову. Третий очевидец — Григорий Перетц — честнее, примодушнее Валуева, но это всего только аккуратный чиновник, не Молчалин, не казнокрад, не интриган, однако ничем, кроме этих почтенных и скромных качеств, не блещущий. В этом обществе властных, задающих топ людей, говорящих о судьбах России, в обществе Лорис-Меликова, Дмитрия Милютину, Константина Николаевича, того же Валуева, Перетц, конечно, чувствует себя не в своей тарелке, и читатель видит, до какой степени Григорий Перетц после каждого своего свидания с сильными мира сего рад-раदेशенек, что вот и на этот раз «пронесло» благополучно и что он вернулся домой без повреждений. Где уж там наблюдать за этими вершителями судеб и размышлять о них! Не до жиру, быть бы живу!..

Дневник Милютину, конечно, должен быть поставлен, при всей краткости и суммарности изложения, при всей шаткости, растерянности и разброде мыслей автора после 1 марта, на первое место среди идущих от правящих кругов источников, с которыми обязан будет так или иначе считаться каждый исследователь, изучающий закат Лорис-Меликова и первые месяцы нового царствования, «*novum regnum*», как озаглавив по-латыни Победоносцев заметки о первых временах своей губительной деятельности при Александре III.

Если IV том дневника Милютину ценен во всем, что он дает для истории внутренней политики начала 1881 г., то он незаменим для характеристики политики внешней. Отсутствие, а затем болезнь престарелого канцлера А. М. Горчакова, нежелание Лорис-Меликова отрываться от поглощавших все его внимание вопросов внутренней политики привели к тому, что влияние Д. А. Милютину на международные отношения России, уже с давних пор (точнее, с 1876 г.) очень существенное, сделалось преобладающим. Дневник Милютину отражает некоторое его опасение за безопасность русских границ в январе 1881 г.: «Пруссаки уже настроили громадные крепости и густую сеть железных путей; теперь австрийцы припились также за работы. Кроме Кракова, мы будем иметь под носом обширный укрепленный лагерь в Перемышле. Несмотря на скудость финансовых средств Австро-Венгрии, делегации в последней своей сессии не пожалели многих миллионов на военные сооружения, явно направленные против России» (стр. 11). Милютину мало верил в реальность готовившегося нового «дружественного» австро-германо-русского договора. И все-таки он явственно поддавался соблазну на сей раз поверить

Бисмарку, его доброжелательству и неслыханным любезностям: слишком уж старался Бисмарк замаскировать истинные свои плапы. Зная наперед, что ни Франц-Иосиф, ни руководящие австрийские дипломаты ни за что не согласятся на включение в договор таких статей, которые давали бы России надежду на упрочение ее влияния на Балканах и особенно на обеспечение ей доступа к Босфору, Бисмарк с жаром убеждал русского посла в Берлине Сабурова в том, что он изо всех сил старается победить «упорство» Австрии, которую, как мы теперь знаем, он же сам и подбивал к сопротивлению. Бисмарку вполне удалось обмануть и Сабурова, и товарища министра иностранных дел Гирса, и даже самого Милютину, судя по первым записям в «Дневнике» (стр. 19—21). Но Бисмарк несколько переиграл, преувеличив наивность Милютина. Тот учуил нечто недоброе в слишком уж большой «щедрости» Бисмарка, подбивавшего русских к рискованным и опасным шагам: «Я объяснил Гирсу... что решение вопроса о Константинополе в таком смысле, как намекал Бисмарк, было бы неосуществимой мечтой, оно не было бы допущено ни Англией, ни другими морскими державами» (стр. 25). Провокация Бисмарка, затеянная с прямой целью обострить отношения России с Австрией и Англией, на этот раз не удалась. Милютин тотчас же стал проводить «продолжительные совещания... по укреплениям в западном нашем пограничном пространстве» (стр. 21). Прошли проекты укрепления в Дубно, в Киеве, в Варшавском и Виленском округах. Два одновременно происходивших события несколько стесняли и озабочивали в это время Александра II и военного министра: пограничные разногласия с Китаем и несколько затнувшаяся ахал-текинская экспедиция Скобелева.

Но вот 14 января (1881 г.) пришла телеграмма, извещавшая о полной победе Скобелева и взятии укреплений Геок-Тепе. Конечно, последовали два визита к Милютину со стороны английского посла Джефферина с «добродушными» объяснениями (или, точнее, требованием объяснений) по поводу этих русских успехов в Средней Азии. Немудрено, что среди этих подозрительно-«дружественных» переговоров с Бисмарком и Австрией и «добродушных» объяснений с англичанами по поводу занятия всего Ахал-Теке Милютин с явным чувством некоторого облегчения отмечает благополучное окончание (31 января) «долгих и мелочных споров с Цзеном» (стр. 21), представителем Китайской империи, долго сидевшим в Петербурге.

Грянуло 1 марта. Для характеристики паники, охватившей двор, стоит отметить, что Валуев уже 3 марта подал новому царю через Лорис-Меликова в письменном виде совет озаботиться тотчас же назначением регентства на случай, если царя убьют. Прочитав это, Александр III, не увидевший Константина Николаевича, сказал, что «пером Валуева водил, без сомнения, дядя Костя».

Милютин делает некоторые интересные уточнения, рассказывая о знаменитом совещании 8 марта, где принимали участие, кроме совета министров, еще два сановника: граф Сергей Григорьевич Строганов и Эдуард Трофимович Баранов и три великих князя: Константин, Михаил и Владимир. Председатель (царь Александр II) предложил Лорис-Меликову сообщить собранию о том, что утром 1 марта, за несколько часов до покушения, Александр II подписал составленное Лорис-Меликовым заключение секретной комиссии о созыве представителей земств для обсуждения «обширной программы новых законодательных вопросов». Милютину и другим казалось, что созванное 8 марта совещание — лишь простая формальность, так как это, уже утвержденное утром 1 марта «заключение» было выработано и полностью одобрено при прямом участии тогдашнего наследника, ставшего в тот же день царем. «Однакож вышло совсем иное, совершенно неожиданное для многих из нас» (стр. 33). Первым заговорил граф С. Г. Строганов, давно превратившийся из просвещенного «покровителя» Грановского, Сергея Соловьева, отчасти Герцена, в самого истового реакционера. Герцен некогда (в 40-х годах) похваливал его за то, что он имеет на многое правильный взгляд, несмотря на такие сидящие на его глазах «два бельма», как генерал-адъютантские аксельбанты и громадное богатство, но эти «бельма» с тех пор его уже давным-давно осилили. Строганов заявил, что предложение Лорис-Меликова о созыве земских представителей — это «революция, конституция и всякие беды» (стр. 33). Царь выслушал его «с заметным сочувствием» и предоставил слово Валуеву, затем Макову и «тупоумному Посьету» (министру путей сообщения) и, наконец, Милютину. Милютин выразил мнение, что Россия и Европа ждут этого мероприятия и что «оставить это ожидание неудовлетворенным гораздо опаснее, чем предложенный призыв к совету земских людей» (стр. 33). Решительные возражения Строганова, «тупоумного Посьета» и вскоре грандиозно проворовавшегося Макова ясно показывали, что им уже было известно мнение царя. Затем выступил «с длинной иезуитской речью» Победоносцев, который не только с деланным пафосом негодования отверг проект созыва земцев, но «осмелился назвать великие реформы императора Александра II преступною ошибкой» (стр. 35). Царь не сказал ни да, ни нет и велел обсудить дело еще раз в новом совещании, в котором предложил председательствовать графу Строганову. Дело было, собственно, уже вполне ясно. Однако Милютин еще долго не догадывался. Типичный умереннейший «постепеновец», не шедший пока ни на шаг дальше проекта об этих «совещаниях» с земцами, Милютин явно смотрел на проект Лорис-Меликова прежде всего как на противоядие против революции и поспешил привлечь к делу борьбы против русского революционного движения немецких сановников, которых он всегда боялся и терпеть не

мог. Но нужда скачет, нужда пляшет, нужда песенки пост. На похороны Александра II приехал крошпринц германский Фридрих, и военный министр, не теряя золотого времени, этим воспользовался: «Утром отправился я в полной форме и в ленте Черного Орла к последнему принцу германскому... и я имел довольно длинную аудиенцию. Предметом разговора были почти исключительно последние несчастные события. Я старался навести речь на необходимость каких-либо общеевропейских мер в борьбе с разрушительными, доходящими до зверства, учениями социалистов и нигилистов. Никакое правительство не в силах справиться у себя с подпольными злодеями, пока они имеют безопасное убежище в Швейцарии, Париже и Лондоне, откуда исходит главное направление всех злодейских замыслов и доставляются денежные средства. В этой борьбе заинтересованы все государства, а не одна Россия. Наследный принц соглашался во всем» (стр. 38—39). И уж такой припадок красноречия (нисколько не уступавший пафосу Победоносцева) попал на «либерала» Милютину в этой беседе с крошпринцем, что он совсем забыл, очевидно, десятки раз повторявшиеся злорадные фразы бисмарковской прессы, что русское правительство «со своими нигилистами» еще должно будет сильно подумать, раньше чем решиться на энергичную политику против Германии.

Но на этом торном пути охранительного усердия Милютину, конечно, совсем не под силу было угнаться за Победоносцевым или Строгановым, и при взятом царем политическом курсе Милютин стал уже царю совсем не нужен. Если в марте и апреле 1881 г. Александр III еще несколько колебался, то только потому, что не знал пока в точности, насколько ослаблена арестами «Народная воля». Но едва только царь приободрился, песенка Лорис-Меликова и Милютина была спета. «Кроме Желябова и Перовской, были, несомненно, многие другие, не менее виновные и даже имеющие гораздо более важное значение в революционной деятельности. И все они на свободе, остаются неизвестными, продолжают действовать в самом Петербурге. Они издеваются над полицией!» (стр. 48) — с ужасом восклицает Милютин 26 марта. Он никак не хочет понять, что его-то самого вместе с Лорис-Меликовым и со всеми этими земскими проектами только потому и не отправляют в архив и на покой, что царь еще не переловил революционеров и сидит поэтому в «бесте»: «В Гатчине поражает приезжего вид дворца и парка, оцепленных несколькими рядами часовых, с добавлением привезенных из Петербурга полицейских чinov, конных разъездов, секретных агентов и проч. и проч. Дворец представляет вид тюрьмы... Вообще, аресты продолжают в большом числе. Во всех классах населения необыкновенно пятацуют, нервное настроение. Все чего-то ожидают» (стр. 51). Но чем усиленнее убеждал царя Лорис-Меликов, что революционная партия «вовсе не многочисленна и не богата денежными средствами» (стр. 54), тем более энер-

гично и успешно велся Победоносцевым и всей реакционной группой под коф под самого Лорис-Меликова, Милютин, Абазу и других министров-«либералов». Уже во второй половине апреля все было готово для нанесения им внезапного удара, и Александр III обнаружил при этом недюжинные природные способности к интриге, систематическому обману и коварным подвохам. «Прямодушный Саша», как его величали при дворе, когда он был еще юношей, очень ловко и долго лгал и Лорис-Меликову и Милютину, пока это находил целесообразным, и они до последнего момента были убеждены, что царь, несмотря на все тревожные для них симптомы, отчасти им обоим доверяет. Чтобы отвлечь их внимание в сторону, царь до поры до времени занимал Милютин всякими пустяками: «Сегодня же (25 апреля — *Е. Т.*) утром получил я от государя собственноручную записку с приказанием объявить, что дозволено носить бороды распространяется на всех военных без всяких изъятий» (стр. 60). А спустя четыре дня после распоряжения о бородах, неожиданно для Лорис-Меликова и Милютина, появился пресловутый манифест 29 апреля 1881 г. о неизбежности самодержавия, составленный за спиной совета министров Победоносцевым. Немедленно Лорис-Меликов, Милютин и Абаза вышли в отставку.

Милютин навсегда удалился от дел и покинул столицу, хотя при дворе подумывали сделать его наместником Кавказа.

Часть IV тома, которая посвящена первому периоду крымского отшельничества Милютин, дает немало интересных фактов и заставляет снова пожалеть, что издание не будет продолжено.

Редакция так же добросовестно и со всей научной серьезностью выполнила и в этом томе, как и в первых, свою ответственную задачу. Точны и примечания и личный указатель. В примечаниях, может быть, стоило бы дать больше пояснений там, где Милютин бегло касается литературы и писателей. Например, на стр. 113 Милютин пишет о том, что должна появиться в «Отечественных записках» статья Салтыкова-Щедрина о «Священной дружине» из «золотой молодежи», имеющей целью «тайными путями оберегать особу государя». Следовало бы привести уж ксати и предполагавшееся название этой статьи великого сатирика: «Клуб взволнованных лоботрясов». В двух местах «Дневника» упоминается о памятных демонстративно грандиозных похоронах Достоевского и мельком говорится о необычайно большом шуме, ими вызванном; тут уместно было бы пояснить, что в правительственных кругах тогда были несколько озадачены такими неслыханными почестями, воздаваемыми автору «Записок из мертвого дома», бывшему политическому каторжнику, приговоренному к смертной казни; были раздражены бродившими слухами, будто студенчество, шедшее за гробом, несло или собиралось нести арестантские кандалы Достоевского; были смущены несметными толпами провожавших и т. д. Говорится в «Дневнике» о русских газетах, о французских журна-

лах. Следовало бы в примечаниях хоть в двух строках дать характеристику их политической физиономии. Есть описки, но несущественные (на стр. 64: «Domon» вместо «Daumont» и т. п.).

IV том «Дневника» Милютина войдет, как и первые три, в «железный фонд» русской мемуарной литературы. Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина заслуживает благодарности за инициативу и успешное осуществление этого серьезного научного начинания.

Вопросы истории, 1951, август,
№ 8, стр. 126—129.

НЕДАВНЕЕ *

В долгой истории борьбы империалистических держав против Советского государства был период, когда обстоятельства сложились так, что Советский Союз внезапно превратился из ненавистного им врага, подлежащего уничтожению, в главного союзника в опаснейшей борьбе против гитлеровских полчищ.

Будучи объединены с Советским Союзом в антигитлеровской коалиции, западные державы не оставляли своих антисоветских планов. Реакционные круги Соединенных Штатов и Англии втайне продолжали строить свои расчеты на ослабление Советского Союза, на его обескровление в результате изнурительной войны. Поэтому после разгрома гитлеровской Германии и возобновились почти немедленно под верховным водительством Белого дома и государственного департамента и при дружном содействии Англии и Франции усилия, направленные против великой социалистической державы, а также и против состоящих с ней в союзе стран народной демократии. Основная программа, составленная еще в 1917 г., при первых же известиях об Октябрьской революции, осталась у наших противников та же, какой была: авантюристический расчет на уничтожение Советской власти. Эта бредовая программа постепенно объединила западных победителей с некоторыми побежденными. Сфорца поручился — правда, несколько поторопившись — за Италию; микадо Хирохито со своими чумными блохами и отравленными крысами протянул дружескую длань Макартуру; Аденауэр с Шумахером и Гудерманом с полной готовностью откликнулись на призывы Уинстона Черчилля и других вербовщиков, сколачивающих рать для «крестового похода против коммунизма».

Мудрено ли, что даже в течение упомянутого выше краткого промежутка от 1941 до 1945 г. обе воюющие друг с другом группы

* Mourin M. Les tentatives de paix dans la seconde guerre mondiale (1939—1945). P., Payot, 1949. 224 p.

капиталистических держав чувствовали некое взаимное «влечение, род педуга»? Известно ведь, что западные державы не только не спешили помочь Советской Армии уничтожить гитлеровщину, но делали все, чтобы отдалить момент разгрома фашизма. Отсюда и те факты, описывать и регистрировать которые взялся французский историк Максим Мурэн в книге «Мирные попытки во второй мировой войне 1939—1945 годов».

В своем изложении автор придерживается хронологического принципа. Первые три главы — это изложение событий 1939 и 1940 гг., когда попытки сговора между Гитлсром и западными державами привели к «странной войне», к гибели Польши и крушению Франции и когда все буржуазные государства континентальной Европы оказались в подчинении у германских фашистов. Затем Мурэн переходит к попытке фашистской шайки договориться с Англией перед нападением на Советский Союз. В пятой главе рассказана авантюра с полетом Рудольфа Гесса в Англию. Последние пять глав описывают упорные попытки гитлеровцев сговориться с западными союзниками за спиной Советского Союза и полный провал этих попыток, обусловленный решимостью советского народа покончить с фашистской чумой и вымести прочь гитлеровскую нечисть.

Мурэн дает сводку если не всех, то наиболее точно установленных гитлеровских попыток во время второй мировой войны войти в секретный контакт с западными союзниками и заключить с ними мир за счет Советской России. Мурэн не скрывает, что эти попытки воспринимались представителями западных союзников весьма благосклонно. Да и самое возникновение таких попыток может быть объяснимо лишь наличием предшествовавших переговоров.

Что касается отношения автора к описываемым им фактам, то хотя он изо всех сил стремится принять вид полного нелицеприятия, это не весьма ему удается: стремление оправдать действия западных держав столь же очевидно, как и недружелюбие к Советскому Союзу.

Но политическая физиономия и позиция г-на Мурэна сами по себе не представляют для нас особого интереса. Гораздо любопытнее те факты, о которых он пишет. Эти факты не весьма новы для нас, но, сведенные воедино и снабженные некоторыми уточнениями, они представляют несомненный интерес, особенно в свете текущих международных событий.

Следует сказать, что до вступления Советского Союза в войну союзники твердо и непоколебимо решили вообще не воевать, а предоставить Гитлеру съесть живьем Польшу и направить гитлеровскую агрессию против Советского Союза; они не сделали ни единого выстрела и ни единой попытки обеспокоить немцев на их границе. Это была «странная война» (*«drôle de guerre»*), а не война всерьез. Муссолини еще перед войной заявил своему министру Ччано, что если Англия и Франция *в самом деле* нападут на Гер-

манию в ответ на гитлеровскую атаку против Польши, то Италии придется постараться «с достоинством отделиться от Германии». Но осторожному дуче не пришлось беспокоиться: ни Англия, ни Франция и пальцем о палец не ударили, чтобы как-нибудь затруднить Гитлеру его дела.

Французские политики устами Деа заявляли, что не желают «умирать за Данциг». Вскоре оказалось, что они и за Париж умирать не собираются. Но вот гитлеровская банда решает вопрос о нападении на Советскую Россию. И 10 мая 1941 г. Гитлер отправляет Рудольфа Гесса, чтобы узнать, нельзя ли купить нейтралитет Англии перед вторжением на территорию Советского Союза. Всю степень пренебрежения к Англии и уверенности в ее слабости и нежелании серьезно воевать лучше всего выявляет скромность тех подачек, которые гитлеровская шайка устами Рудольфа Гесса предложила Англии за ее нейтралитет: Германия «предоставит Англии свободу рук в границах Британской империи!» Но и это с тем условием, что Германия получит обратно все свои колонии (стр. 103). Другими словами, Гитлер обещал Англии ее не завоевывать. И только.

Когда впоследствии Иден сообщил об этих тайных переговорах палате общин, то палата разразилась смехом. Но это они хохотали в 1944—1945 гг., уже после Сталинграда. А в мае 1941 г. чиновник, посланный Черчиллем к арестованному Гессу, выслушал гитлеровского эмиссара без всякого смеха и удовольствовался лишь тем, что пытался уточнить, согласна ли Германия напасть на Россию и в Азии (стр. 104).

Через шесть недель после этих переговоров последовало вторжение на территорию Советского Союза.

В Советском Союзе знали, что в Соединенных Штатах противники Рузвельта решительно выступавшие и против материальной помощи советским армиям и против участия в антигитлеровской коалиции, находятся в оживленных сношениях с гитлеровским агентом Штальфортом. Штальфорт в своих попытках воспрепятствовать участию Америки в войне пользовался поддержкой Муссолини. Шахт и фон Папен пытались достигнуть того же результата путем тайных переговоров через Анкару.

Конечно, и для немцев и для тех кругов в Соединенных Штатах и в Англии, которые стремились поскорее взорвать антигитлеровскую коалицию, очень важно было помешать возникновению американо-японской войны и направить японскую агрессию против Советского Союза. Однако этому мешало то досадное обстоятельство, что Япония боялась ввязываться в войну против Советского Союза, даже когда нацистские полчища пахотились на Советской земле. Японский представитель в Москве Татекава доносил своему правительству о громадных ресурсах и прочном внутреннем положении Советского Союза. Япония предпочла осуществить нападение на Хири-Харбор.

Значительное внимание уделяет Мурэн участию в закулисных «мирных» интригах Ватикана. Правда, он прикидывается, будто не знает о подлинной роли святого престола, и старается выгородить Пия XII от обвинений в службе интересам немецкого фашизма.

Смертельный враг Советского Союза, папа Пий XII, конечно, делал все от него зависящее, чтобы разрушить антигитлеровскую коалицию. И в этих усилиях римский первосвященник мог рассчитывать вполне также на еретиков из англиканской церкви, вроде епископа Чичестерского д-ра Белла или влиятельных лютеранских пасторов Шенфельда и Бонгеффера. Эти представители духовенства Англии и гитлеровской Германии состряпали план такого содержания: Германия перестраивается «на основе права и справедливости»; Польшу и Чехословакию немцы восстанавливают; «образуется европейская федерация с участием Англии, образуется европейская армия и европейский избранный совет». Этот план был рассчитан на полную изоляцию и, конечно, поражение Советского Союза. План был сообщен Идену, но признан неудобоисполнимым.

Чем ярче становились советские военные успехи, тем более усердствовали в Англии и Соединенных Штатах приверженцы планов окопачия войны путем стовора с гитлеровцами. Разумеется, попытки такого стовора проводились в архисекретном порядке. Однако скрыть от истории многие факты происходивших осенью 1941 г. и в 1942—1943 гг. переговоров о сепаратном мире между представителями Соединенных Штатов и Англии, с одной стороны, и гитлеровской Германии — с другой, не удалось. Документально установлено, что в сентябре 1941 г. такие переговоры происходили в Лиссабоне между представлявшим Англию британским офицером Эйткеном, сыном лорда Бивербрука, и действовавшим по поручению гитлеровского министерства иностранных дел Густавом фон Кевером. В феврале 1943 г. сепаратные переговоры о мире происходили в Швейцарии — между уполномоченным правительства Соединенных Штатов Алленом Даллесом (братом Джона Фостера Даллеса) и гитлеровским представителем князем М. Гогенлоэ. Документы, свидетельствующие об этих переговорах, были впоследствии захвачены советскими войсками с гитлеровскими архивами в Германии и преданы гласности.

Мурэн знает о наличии таких документов; он упоминает в своей книге об опубликованной в феврале 1948 г. исторической справке Советского информационного бюро — «Фальсификаторы истории», в которой приводились выдержки из этих документов. Но, как и английские и американские фальсификаторы истории, французский историк Мурэн пытается отмахнуться от этих документов. Он заявляет, например, что Эйткен, дескать, не подтверждает своего участия в переговорах в Лиссабоне. Несостоятельность подобных доводов бросается в глаза. Впрочем, и на всем протяжении

книги Мурэн старается отклонять от официальных лиц Англии и Соединенных Штатов подозрения в непосредственных сношениях с гитлеровцами. Он как будто не понимает, что самая элементарная осторожность повелевала участникам этих переговоров аккуратно замечать все следы подобных действий.

Удар в спину Советского Союза, деятельно подготовлявшийся лэди Астор, лордом Галифаксом и другими, саботаж открытия второго фронта и интриги против советского союзника — все это прикрывается и затушевывается автором. Но вместе с тем он и сам приводит известные слова лондонской газеты «Католик геральд»: «Широкие круги общественного мнения, в том числе премьер-министр Черчилль, смотрят на наш союз с СССР как на неприятную необходимость».

Эти слова никогда не были опровергнуты Черчиллем, но и это не смущает Мурэна. Такие друзья гитлеровцев и враги Советского Союза, как бывший министр Сэмюэль Хор, имели цинизм пользоваться своими постоянными секретными сношениями с гитлеровцами, чтобы, ссылаясь на их слова, отравлять атмосферу в Англии провокационными слухами о мнимых намерениях России заключить с гитлеровцами мир. Ту же роль играл и Аллен Даллес в Америке.

Лейбористы во главе с их тогдашним лидером Бевином были в течение всей войны, а особенно с 1942—1943 гг., в деликатнейшем положении. Советский Союз они ненавидели не меньше, чем, например, Уинстон Черчилль. Волны этой ненависти переклестывали через борт, и лейбористские лидеры в качестве «оппозиции его величества» не только ни в малейшей степени не торопили правительство с открытием второго фронта, но им не всегда даже удавалось скрывать, что, по их глубокому убеждению, в затягивании войны на Востоке есть выгода.

Когда 19 сентября 1943 г. на Трафальгар-сквере в Лондоне состоялась грандиозный митинг под девизом «Открывайте скорее второй фронт! Кончайте войну!», то даже правительство Черчилля не так разгневалось на это «бестактное вмешательство», как лейбористское руководство.

Но ни «Дейли геральд», ни другие органы партии тогда не могли еще откровенно сказать, что для них победа, одержанная над Германией, не победа, если главным победителем окажется Советский Союз. Еще не пришло то время. Оно наступило лишь в мае 1945 г., когда появилась в шведском подголоске британской буржуазной печати — газете «Стокгольмс дагбладет» — скорбная статья, где в элегических тонах искреннего разочарования изъяснялось, что, мол, совсем, совсем не так «мы представляли себе победу». «Мы» думали, что эта победа «будет одержана истощенной, обескровленной Россией»...

В 1943, 1944 и особенно в 1945 г. г-да Бевин и Эттли выпуждены были делать радостное лицо, поздравляя советских героев.

Время откровенности для британской прессы и парламентской трибуны наступило несколько позже, чем для стокгольмской. В Америке это время наступило несколько раньше. После блестящих советских успехов между Орлом и Курском, Курском и Харьковом, у Корсуни-Шевченковского и т. д. в Нью-Йорке началась и быстро усилилась кампания за спасение гитлеровской Германии, кампания, организованная американскими немцами — мисс Бетти Саймон и доктором Гартманом, — под девизом: «За немедленный мир!» Консорциумы Херста, Паттерсона и Маккормика огромными своими средствами поддерживали эту кампанию. В свете дальнейших событий долго и тщательно маскируемое истинное отношение Черчилля и Бевина, Гувера и Ванденберга, их соратников и оруженосцев к успехам Советской Армии в последние два с половиной года войны от Сталинграда до взятия Берлина, выяснилось с предельной ясностью. Их желания не сбылись, ибо у героической Советской Армии хватило и сил и непреклонной решимости, чтобы растоптать фашистскую гадюку в самых недрах ее логова.

Чем больше вчитываешься в книгу Мурэна, тем яснее становится хитроумная затея автора и его издателя Пайо. Максим Мурэн написал, а Пайо издал книгу, имеющую целью не уличить Черчилля, Аллена Даллеса, Сэмюэля Хора, лорда Галифакса и других империалистических хищников, друзей и пособников нацизма, в их предательском отношении к Советскому Союзу, как союзнику во время войны против гитлеровской Германии и Японии, но, напротив, их обелить, дабы «не оскорбилась честь и не омрачилась красота» этих лиц.

Если Мурэн и признает чью-либо вину, так это лишь тех контр-агентов Гитлера, которые, как Джойс или Эмери, действовали столь уж нагло, что их невозможно было не принести в жертву общественному мнению, и которые были судимы и повешены. Тут уж Мурэн, видимо, рассуждает так: пужно быть поосмотрительнее, — туда им и дорога.

Книга Мурэна дает ключ к пониманию того, в каком духе пишется и будет впредь писаться фальсифицированная история взаимоотношений между союзными державами в годы второй мировой войны. В виде образчика приведем оценку этих отношений накануне высадки в Африке союзных войск (стр. 187). Мурэн пишет, что «скрытая проблема возможности распространения советского влияния не была решена. Соединенные Штаты не признавали присоединения к Советскому Союзу прибалтийских государств, а в Лондоне по-прежнему оказывали гостеприимство польскому правительству, которое не было признано Москвой и требовало для Польши границ 1938 г.»

Книжал за паухой против Советского Союза уже был! Но вытаскивать его считали преждевременным, ибо «в этой фазе войны предстояла очень рискованная высадка, которая могла удалиться

только в том случае, если бы Советский Союз связал наибольшую часть германских армий».

Мурэн оправдывает перед своим читателем Англию и Америку тем, что хотя они и лукавили и лгали на каждом шагу, обманывая Советский Союз, и готовили для него позор, но делали это в силу благоразумной необходимости, чтобы заставить обманываемого советского союзника проливать кровь для удачной операции...

Комментарии излишни. Такова своеобразная этика французского историка. С безмятежным челом, не колеблясь, он фальсифицирует историю там, где это представляется ему нужным в интересах очернения или замалчивания роли и мотивов Советского Союза во второй мировой войне. Достаточно полюбоваться тем, как этот позирующий в качестве благородно нелицеприятного Тацитта современный историк описывает (стр. 209) исторические события в Арденнах в декабре 1944 г. и январе 1945 г. О том, как в смятении бежали американские и английские войска, разгромленные Рундштедтом, — об этом автор пишет, но он «забывает» даже одним словом упомянуть о телеграмме Черчилля Сталину с мольбой о вырубке союзников из отчаянного положения, о блестящем, ускоренном наступлении советских армий, о благодарности Черчилля за спасение... Обо всем этом г-н Мурэн «забывает» сообщить. Более возмутительной фальсификации истории путем умышленных замалчиваний нельзя себе и представить. Ему ли претендовать на объективность?

Но, несмотря на эти свойства Мурэна, как буржуазного историка, данная им сводка фактов о попытках переговоров английских и американских лидеров с гитлеровцами о сепаратном мире небесполезна для всякого, кто пожелает вникнуть в суть лицемерных и злокозненных ухищрений западных политиков во время второй мировой войны.

Новое время, 1951, № 14,
стр. 24—28.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ — ВО ГЛАВЕ ПРОГРЕССИВНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

С гордостью за нашу великую Родину мы прочли Закон о защите мира, объявляющий тяжчайшим преступлением против человечества пропаганду войны, в какой бы форме эта пропаганда ни велась. Можно с полным основанием утверждать, что Закон о защите мира будет вписан золотыми буквами в славную историю борьбы сил прогресса, гуманности и цивилизации против черной реакции, которая до сих пор владеет полнотой государственной власти в странах капиталистического мира.

Всеми честными людьми, независимо от их убеждений — политических или религиозных, — поджигатели войны заклеены позором.

Все люди доброй воли знают, что в Америке, Англии, Западной Германии открыто поощряются магнатами капитала и их ставленниками те люди, которые в Советском Союзе подверглись бы суровой каре, как самые тяжкие уголовные преступники.

Мы счастливы, что наш великий Советский Союз стоит во главе лагеря мира.

Вечерняя Москва, 1951, 14 марта,
№ 61.

«ОТ ГИТЛЕРА ДО ТРУМЭНА»

Мир присутствует в настоящее время при любопытном и в высшей степени поучительном зрелище. Представители трех западных держав на совещании в Париже, несомненно, сознавая, что наиболее злободневным вопросом международной жизни является незаконно осуществляемая ими ремилитаризация Западной Германии, прибегают к самым затейливым уловкам и ухищрениям, чтобы говорить о чем угодно, только не об этом предмете.

Ремилитаризация Западной Германии пужна им именно потому, что она ведет в сторону войны, а не в сторону мира. «Нам угрожает мир», — давно уже этот клич провозглашается с полной откровенностью в империалистической печати Америки. Мир для них — угроза их нынешним сумасшедшим сверхприбылям. Вот они и увиливают от прямого ответа касательно двух вопросов: о ремилитаризации Западной Германии и об использовании атомного оружия. Да и как империалистам отказаться от этих двух средств, от которых, по глубокому убеждению, зависит весь успех подготовляемой ими агрессии?

Мы обращаем в связи с этим внимание читателя на вышедшую в Париже любопытную книгу, очень кстати появившуюся и многое объясняющую в происходящей дипломатической борьбе.

Книга прогрессивного французского публициста Жана Бомье названа «От Гитлера до Трумэна» *. Сравнение между этими двумя деятелями пришло в голову Жану Бомье не первому.

В 1947 г. в американских газетах появилось известие, что президент Трумэн с гордостью настаивает на своей личной инициативе и приоритете в отдаче приказа о сбрасывании атомной бомбы на Хиросиму. В связи с этим в демократической немецкой печати было высказано мнение, что эта похвальба в моральном

* Baumier J. De Hitler à Truman. P., Ed. sociales, 1950. 152 p.

смысле достойна самых мерзостных выходок Гитлера, Гиммлера и Геббельса.

Истребление 78 тысяч человек без малейшей военной цели казалось Трумэну отраднойшим фактом именно потому, что это неслыханное варварство было не столько одним из последних актов войны против Японии, сколько первым актом начавшейся холодной войны против Советского Союза.

Кроме этой способности идти без всякого личного риска на самые чудовищные злодеяния, кроме отсутствия малейших признаков чувства стыда, Трумэна сближает с Гитлером и свойственная обоим беспредельная ненависть к СССР. Полное невежество в области истории, характерное и для темного ефрейтора и для бывшего владельца галантерейной лавки, не дало им обоим возможности составить себе хоть отдаленное представление о «восточном враге».

24 июня 1941 г., т. е. через два дня после вторжения Гитлера на территорию Советского Союза, в «Нью-Йорк таймс» появилось следующее высказывание Гарри Трумэна, тогдашнего сенатора: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше».

Оказалось, однако, что эта утешительная для Трумэна альтернатива привела к совсем неожиданному результату, и Советский Союз разгромил гитлеровскую Германию. Тогда для Трумэна и его ближайшего дипломатического и военного окружения стал совершенно ясен их идеал: пустить в ход решительно все средства и возможности (начиная хотя бы с вооружения и патравливания на Советский Союз тех же пемцев), чтобы осуществить свою надежду, которая не осуществилась во время второй мировой войны.

Бомье напоминает о статье генерала Шассена, появившейся в «Рвью де ла дефанс насьональ» в ноябре 1949 г. В ней сформулированы основные идеи Трумэна и его военных советников.

«Война до сих пор была мало эффективным средством истребления людей. Если русские потеряют в молниеносной войне, возможность которой мы только что рассмотрели, 30 миллионов человек... у них после этого останется еще 150 миллионов жителей, и через десяток лет численность их населения достигнет прежнего уровня. Поэтому было чрезвычайно важно найти такой способ ведения войны, при котором можно было бы убивать людей, не разрушая зданий, но вместе с тем не давая возможности оставшимся в живых пользоваться ими. По-видимому, таким способом может явиться применение радиоактивных облаков. Конечно, в настоящее время этот метод еще не вполне разработан. И, что особенно важно, применение его обойдется очень дорого. Тем не менее этому вопросу уделяется усиленное внимание».

Особенно «усиленное внимание» уделяют этому, столь привле-

кательному для людоедов и поджигателей войны, вопросу адмирал Мэтьюс, генерал Брэдли, президент Трумэн, г-н Ачесон и другие руководящие деятели США.

Очень кстати в собранной Бомье документации приводятся отрывки из книги английского корреспондента Ральфа Паркера «Заговор против мира». Паркер наблюдал 9 мая 1945 г. из окна американского посольства в Москве ликование народных масс. Корреспондент, впрочем, наблюдал не только ликование советского народа, но и выраженные лица советника посольства США Джорджа Кеннана.

Отойдя от окна со странно недовольным и раздраженным выражением, Кеннан сказал злобно:

«Ликують... Они думают, что война кончилась. А она еще только начинается».

Кеннан и ему подобные разжигают антисоветскую кампанию, подготавливают новые военные авантюры.

Разбираемая книга убедительно иллюстрирует идею о том, что Трумэн является прямым преемником Гитлера. Книга подчеркивает, что американские империалисты в своем стремлении к мировому господству пользуются методами, применявшимися гитлеровской Германией.

Трумэн и его соратники пугаются в гитлеровских генералах, полковниках, офицерах и солдатах и усиленно привлекают их теперь на службу именно потому, что ценят гитлеровскую выучку и гитлеровские навыки в борьбе с «восточным врагом».

Конечно, в этом горячем пристрастии к гитлеровщине и ее традициям Трумэн вовсе не одинок. Бомье не случайно уделяет в книге место и матерому поджигателю войны, лидеру английских консерваторов Уинстону Черчиллю.

Когда в 1949 г. готовился процесс одного из самых чудовищных злодеев гитлеровской банды — фельдмаршала Манштейна, который, по собственному признанию, приказал уничтожить в тылу больше 75 тысяч безоружных советских граждан, в том числе женщин и детей, Уинстон Черчилль объявил в газетах, что он собирает денежные пожертвования для вознаграждения адвоката, который будет защищать Манштейна.

Мы помним также появившиеся во французской печати со ссылкой на прессу Соединенных Штатов сообщения о том, что в Белом доме решительно высказались в свое время против какого бы то ни было следствия о прикосновенности японского императора Хирохито к подготовке бактериологической войны. Причем наиболее интересной была мотивировка: ведь бактериологическая война готовится против русских. В чем же тогда, дескать, можно обвинять Хирохито?! Такова логика Трумэна, который, как известно, с живейшим интересом следит за успехами специального института в Массачусетсе, занятого подготовкой бактериологической войны.

Обильный фактический материал, сведенный в единое целое и умело сопоставленный и прокомментированный в книге Бомье, дает внушительную иллюстрацию к неопровержимому факту, который можно сформулировать так: решительно никогда в истории до Гитлера и до Трумэна не случилось так, чтобы инициаторы войны ставили своей громогласно провозглашаемой целью физическое истребление того народа, на который они собирались напасть. Гитлер делал это во имя захвата для немецкой «расы господ» советских земельных пространств. Трумэн и его сообщники ставят перед собой те же цели «интегральной», т. е. полной, ликвидации народов СССР. Уничтожение социалистической державы крайне желательно магнатам капитала Соединенных Штатов с точки зрения их классовых интересов как во внутренней, так и во внешней политике.

В книге «От Гитлера до Трумэна» автор, используя обширный документальный материал, вскрывает политику агрессии, осуществляемую американско-английскими империалистами и их пособниками в течение ряда лет. Основные этапы этой политики, направленной против Советского Союза, таковы: мюнхенское предательство, закулисные переговоры западных держав с гитлеровской Германией во время второй мировой войны, оттяжка открытия второго фронта, сколачивание после войны агрессивного Атлантического союза, перевооружение Западной Германии, американская интервенция в Корее.

Книга Бомье напоминает лишний раз об опасности, грозившей миру со стороны злодеев, которых только потому нельзя назвать «беспрецедентными», что у них все же был один предшественник — создатель «тысячелетнего царства», просуществовавшего 12 лет, который позорно окончил свои дни в глубочайшем погребении имперской канцелярии, отравившись крысиным ядом.

Может быть, ничто не дает такой яркой иллюстрации сознания рано или поздно грозящей капиталистическому строю полной гибели, как именно эти две поистине безумные и отчаянные программы действий воинствующих империалистов. «Доктрина Трумэна», как и «доктрина Гитлера», если и слегка отличаются одна от другой в политике внутренней, то в политике внешней, и именно в том, что касается отношений к Советскому Союзу, они схожи почти до тождества.

Морской министр США Мэтьюс провозгласил осенью 1950 г. необходимость начать «превентивную» войну против Советского Союза. Он мотивировал свое предложение тем, что это позволит ограничиться лишь сбрасыванием усовершенствованных бомб, избегая нежелательного «соприкосновения» между американскими и советскими войсками...

Поддержавшие Мэтьюса реакционные газеты указывали, что «воздушное оружие» может предупредить опасность перенесения «коммунистической заразы» в среду американских солдат,

которые сами по себе не вполне от этой заразы «иммунизированы».

Таким образом, «доктрина» Мэтьюса является в прямом смысле производной от доктрины Трумэна. Атомные бомбы, сколачиваемые Аденауэром, неогитлеровские дивизии — все, что угодно, лишь бы добиться истребления восточного врага, с которым так досадно не сумели справиться дивизии старогитлеровские...

«Стремление американских правящих кругов любыми средствами отравить международную атмосферу, сделать невозможным мирное содружество наций, наглядно показывает, — заявляет Бомье, — кто в действительности хочет войны и кто хочет мира».

Последняя глава книги названа «Мы хотим мира!» В ней автор говорит о том, какие трагические последствия для всех народов может повлечь за собой третья мировая война, и призывает обуздать агрессоров.

«Развалины Сеула или Пхеньяна, — пишет Бомье, — уже сейчас могут дать представление о том, какое страшное будущее готовит для человечества фактический преемник Гитлера — Трумэн и созданная им антикоммунистическая коалиция». Во всех странах мира, сказано в книге, люди доброй воли протестуют против войны, которую им хотят навязать. «Они отдадут все силы борьбе против этой угрозы, ибо они знают, что судьба всего человечества зависит в конечном итоге от них».

Закрывая книгу Бомье, читатель особенно живо чувствует значение всенародного мощного движения современности — движения сторонников мира. И мы, советские люди, с гордостью приветствуем наш Верховный Совет, заклеивший в историческом Законе о защите мира преступных поджигателей войны, которые мечтают о массовом истреблении целых народов. Этот Закон выражает непоколебимую волю советских людей и усиливает уверенность в том, что если народы возьмут дело сохранения мира в свои руки, то мир будет сохранен.

Труд, 1951, 18 марта, № 64.

ЗА КУЛИСАМИ МЮНХЕНСКОЙ СДЕЛКИ

Перед нами печатавшиеся с 25 января с. г. в финской газете «Хельсинкин Саномат» мемуары бывшего статс-секретаря министерства иностранных дел гитлеровской Германии Эрнста фон Вейцекера.

Ближайший соратник Риббентропа, Вейцекер напускает на себя тот особый тон, который характерен для мемуарной литературы гитлеровцев, уцелевших не только от нюрнбергской виселицы, но и сумевших разными хитроумными способами уйти и от

менее сурового наказания. Теперь эти военные преступники окончательно оправданы и снова расправляют свои сильно помятые крылышки. Они не только не стыдятся гнусностей, ими содеянных, но уже явственно смотрят на «подвиги», совершенные ими, как на заслугу, которая может рекомендовать их с самой выгодной стороны новым хозяевам из Вашингтона.

Разумеется, Вейцекер понимает, что даже при всем том, что новые хозяева свободны от каких бы то ни было моральных «предрассудков» и щепетильностей, все-таки необходимо считаться с некоторыми нормами внешней благопристойности. В силу этого признается необходимым для приличия хоть один-два раза мимоходом ругнуть либо Гитлера, либо Гимmlера или высказать порицание вкрасам Ильзы Кох, которая прославилась своим пристрастием к абажурам и перчаткам из кожи людей, замученных в Бухенвальде.

Насквозь живые мемуары Вейцекера написаны с откровенной до наивности целью: рекомендовать свою деловитость и дипломатическую пронизательность. В то же время автор стремится снять с себя всякую личную ответственность за все то, что он творил вместе с Гитлером и Риббентропом. Но есть, тем не менее, в мемуарах страницы, бесспорно интересные для историка и дающие материал, не только подтверждаемый другими бесспорными источниками, но и позволяющий внести некоторые ценные уточнения в то, что мы уже знаем.

Вейцекер не перестает внушать читателю, будто насквозь разгадал натуру мерзостного чудовища, которое управляло Германией целых 12 лет. К своим соотечественникам оннисходителен: нельзя же требовать от всех такой глубины и тонкости ума, которыми природа одарила его самого! Он свысока пишет: «Наивные в политических вопросах немцы пошли за Гитлером, совершенно не зная его». О, сам Вейцекер не таков! Служа у Гитлера, автор будто бы делал за его спиной свою собственную политику, направленную к спасению Германии от гитлеровских безумств и к сохранению мира (!). Не его вина, уверяет Вейцекер, если эта политика не удалась.

Самые интересные страницы мемуаров посвящены истории мюнхенского предательства, жертвой которого пала Чехословакия. Сговор в Мюнхене должен был, по замыслу не только Гитлера, но и империалистов США, Англии и Франции, привести также и к разгрому Советского Союза.

Читая описание мюнхенских событий, их подготовку и ближайшие последствия, ясно улавливаешь сквозь умышленную путаницу и горы лжи, навороченные Вейцекером, до какой степени цинизма и пагубного обмана дошли империалистические державы, успешно продавшие Гитлеру Чехословакию, но потерпевшие впоследствии горькую неудачу в своих антисоветских планах. Известно, что одна из главных причин мюнхенской политики

состояла в том, что реакционные империалистические элементы во всем мире, особенно в Англии, в США и Франции, возлагали особые надежды на Германию и Японию и в особенности на гитлеровскую Германию. Они смотрели на нее, во-первых, как на силу, наиболее способную нанести удар Советскому Союзу, и, во-вторых, как на силу, способную разгромить революционное рабочее и демократическое движение в самой Германии и во всех странах, являвшихся объектом гитлеровской агрессии.

Вейцекер притворяется, будто верит в горестное, угнетенное положение 3 миллионов судетских немцев, находившихся якобы под чешским «игмом». Но, конечно, несравненно гнуснее, что британский посол Гендерсон и глава английского кабинета Невиль Чемберлен также прикидывались, будто верят в справедливость мотивов намеченной Гитлером агрессии против Чехословакии. Известны ведь слова Чемберлена, что если Германия желает уничтожения Чехословакии, то он «не видит средств помешать этому». Таким образом, комедия, разыгранная Гендерсоном и Чемберленом еще с начала лета 1938 г., прямым путем вела к вторжению немцев в Судетскую область и к раздроблению Чехословацкого государства. Это было последовательным исполнением намерения уплатить Гитлеру авансом вознаграждение за будущий поход на Москву.

В Лондоне по собственной инициативе пришли к мысли послать в Чехословакию официально «в качестве независимого наблюдателя и посредника», а на самом деле — в роли маклера по продаже Чехословакии Гитлеру, лорда Ренсимена. «Миссия» Ренсимена прибыла в Прагу в начале августа. И, конечно, Вейцекер немедленно вошел в тайные сношения с Ренсименом. Глупейшая выдумка автора, будто он хотел путем использования своего мифического влияния на Англию «образумить Гитлера», не заслуживает, разумеется, ни малейшего внимания.

Но вот наступают сентябрьские дни. 14 сентября 1938 г. посол Англии Гендерсон спросил Вейцекера, читает ли мы в мемуарах, когда Чемберлен мог бы приехать к Гитлеру. Гендерсон угодливо при этом добавил, что английский премьер «готов приехать когда угодно». 15 сентября Чемберлен, поспешивший приехать к Гитлеру в Берхтесгаден, имел с ним разговор, после которого фюрер, «будучи в радостном настроении, хлопал в ладоши, словно после исключительно удачного представления. Он испытывал такое чувство, что ему удалось хитроумным путем загнать в угол английского премьера».

Из всей истории этих предварительных переговоров в Берхтесгадене, а затем спустя неделю в Годсберге, помимо воли сознательно и нагло лгущего Вейцекера, выясняется, что Чемберлен при полном сочувствии Франции и США не только продавал Чехословакию, но силе изо всех сил торопился (даже несравненно больше, чем сам Гитлер!) завершить благополучно эту сделку.

Реакционные круги Англии, США и Франции открыто предлагали принести в жертву Чехословакию ради, как они уверяли, «спасения» мира, на самом же деле ради направления германской агрессии на Восток. 26 сентября Гитлер заявил в берлинском Спортпаласе, что он уничтожит Чехословакию, если она не примет немедленно и безоговорочно его требования. Через день он объявил, что будет ждать от Чехословакии удовлетворительного ответа до 14 часов 28 сентября, после чего начнет вторжение. И тогда за спиной Чехословакии Чемберлен, Галифакс, Даладье и Бонне договорились о созыве в Мюнхене конференции премьер-министров Англии, Германии, Франции и Италии для «оформления передачи Судетской области Германии», а фактически для сколачивания антисоветского блока четырех держав.

Итак, начались позорные мюнхенские переговоры. Героями дня в Мюнхене были Чемберлен и Даладье, которых мюнхенская фашистская клика приветствовала на улице и где бы они ни появились овациями. В эти тяжелые для Чехословакии дни одно лишь Советское правительство занимало четкую, принципиальную позицию, соответствующую интересам всеобщего мира. Предложения Советского Союза о помощи Чехословакии были отвергнуты, так как они противоречили империалистической политике сговора с агрессором, политике, которая направлялась американскими, английскими и французскими монополистическими кругами против Советского Союза.

Вейцекер проговаривается, что основным мотивом, руководившим поступками Чемберлена, лорда Галифакса, Ренсимена, Гендерсона и других дипломатов, было твердое намерение не только окончательно кушнуть в ближайшем будущем Гитлера и толкнуть его на войну против России, но и обеспечить его тыл при этом столь желанном для империалистов всех мастей предприятии.

Яркий свет бросают эти соображения на позорную «страшную войну» (*«drôle de guerre»*), которую вел Даладье осенью и зимой 1939 г., когда наблюдалось абсолютное отсутствие каких бы то ни было военных действий Франции против Германии.

Надежды Чемберлена и Даладье были обмануты точно так же, как и надежды Гитлера. Еще 5 сентября 1941 г., т. е. через 74 дня после вторжения немцев, Риббентроп сказал, что уже к зиме не будет необходимости серьезно рассматривать Россию, как военную державу. Но прошел год с небольшим. В ноябре 1942 г. началась, а 2 февраля 1943 г. завершилась Сталинградская эпопея. Дымом развелись не только громкоглазно высказываемые надежды гитлеровской шайки, но также и тщательно скрываемые надежды «союзников» СССР, слишком поздно убедившихся, до какой степени они поторопились в 1938 и 1939 гг. так щедро уплатить авансом гитлеровской банде за ее несостоявшиеся военные «успехи» под Москвой, Ленинградом, на Волге и в других местах.

Так мюнхенская политика Англии, США и Франции кончилась провалом и для Германии и для тех, кто поощрял Гитлера на дальнейшую агрессию, приведшую ко второй мировой войне.

Вейцзекер говорит о планах и мечтах «высокого полета», возникших в имперской канцелярии во время второй мировой войны, например, о том дне, когда японская и немецкая военщина встретится в Сибири или, на худой конец, где-нибудь на берегах Персидского залива. Автор мемуаров забывает, однако, прибавить, что именно он и его патрон Риббентроп очень были заняты этой мыслью о полюбовном дележе России между Токио и Берлином.

В переживаемое нами время мемуары Эрнста Вейцзекера читаются местами с любопытством. Они дают возможность заглянуть в «тайники души» тех империалистических заправил, которые в момент, когда Гитлер обрушился на них, искали нашей дружбы для предстоявшей опасной борьбы.

Эти неприглядные «тайники» получили яркое выражение в следующем рассказанном Вейцзекером небезытересном эпизоде. 4 сентября 1939 г., после того как Англия и Франция объявили войну гитлеровской Германии, посол Англии вручил Вейцзекеру письмо, которое его «глубоко растрогало». Письмо это заканчивалось словами: «Бог да благословит Вас». Комментарии, как говорится, излишни.

Во многих местах своей книги Вейцзекер против собственной воли дает советскому читателю ценный материал для анализа того, как империалистические державы осуществляли политику сговора против ненавистой им страны социализма.

Мюнхенская политика продолжается и по сей день. Именно она лежит в основе ремилитаризации Западной Германии, в превращении ее в ядро агрессивных сил в Европе. В своей книге «Вторая мировая война», изданной в 1948 г., Черчилль усматривает одну из главных исторических и политических задач английского и американского империализма в поддержании всех реакционных и агрессивных элементов в Германии. Возрождение милитаристской империалистической Германии поставлено в порядок для американскими монополиями, замышляющими новый Мюнхен за счет народов Европы. Не приходится сомневаться в том, что народы, объединенные в мощном лагере мира, окажут достойный отпор всем появившимся мюнхенцам.

Труд, 1951, 17 апреля, № 89.

О ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Мысль моя не может примириться с теми в высшей степени напряженными отношениями, которые создались между двумя великими англо-саксонскими державами, с одной стороны, и Советским Союзом, с другой. Ни в прошлом, ни в настоящем нельзя найти решительно никаких оправданий для той в сущности весьма искусственно раздуваемой враждебности, которая отравляет сейчас международную атмосферу. Это относится равно и к англо-советским и к американо-советским отношениям. В данной статье я становлюсь лишь на англо-советских отношениях.

Стоит отметить, что за всю свою многовековую историю Англия воевала с Россией всего один раз — это была Крымская война. Да и то наиболее авторитетные английские историки уже давно совершенно справедливо заметили, что эта война была совсем не нужна. Конечно, в истории остались такие страницы англо-советских отношений, как интервенция — пресловутый черчиллевский «поход 14 государств» — против молодой Советской республики. Но эта затея кучки миллиардеров не была продиктована государственными интересами Англии, и английский народ был к ней решительно непричастен.

Остается фактом, что нет ни одной великой державы в Европе, с которой Россия воевала бы реже, чем с Англией, и ни одной, с которой Англия воевала бы реже, чем с Россией. Несравненно чаще обе державы либо входили между собой в тесное военно-дипломатическое соглашение и помогали друг другу в борьбе против общего врага, либо вели между собой политические переговоры, имевшие прямой целью заключение нужного им обоим союза. И даже в тех случаях, когда отношения между ними обострились до того, что, казалось, война между ними неизбежна, государственные люди Великобритании вовремя убеждались в неужности или в ничем не оправданном риске затевавшейся «пробы сил».

Один из замечательнейших политических лидеров Великобритании, Вильям Питт Старший (лорд Чатам), сделал дружбу с Россией одной из основ своей внешней политики. «I am a Russian» («Я русский»), — полушутя, полусерьезно говорил он о себе. И чем более тревоги и опасностей возникало вокруг Англии, тем решительнее британская политика следовала по пути, предуганному уже отточенным от активного участия в делах лордом Чатамом. Деятельность английской дипломатии не позволила французскому министру Шуазелю в 1769—1770 гг. осуществить свою угрозу и помешать русскому флоту обогнуть всю Европу, чтобы пройти к Чесме и потопить турецкий флот. После Чесмы английское правительство довольно настойчиво предлагало Екатерине II союз и выражало затем полную готовность отдать России остров Менорку с портом Магон на Средиземном море. Почему? Потому, что оно очень хорошо знало, как выгодны для

британской торговли и промышленности экономические связи с Россией и до какой степени вместе с тем нет решительно никаких поводов для вражды с великой российской державой.

И даже когда обстоятельства круто переменились и сын лорда Чатама — Вильям Питт Младший, обеспокоенный ростом русского могущества на Черном море, повел резко враждебную политику против России, то ему, всесильному в парламенте, пришлось на этот раз испытать первую крупную неудачу и отказаться от своих воинственных намерений. Конечно, главную роль сыграло тут не красноречие Фокса, бюст которого Екатерина II демонстративно водрузила в своем дворце между бюстами Демосфена и Цицерона, но два крайне существенных соображения: во-первых, решительное сопротивление влиятельных кругов британского купечества, делавших золотые дела в торговле с Россией, и, во-вторых, необходимость в скором времени считаться с французской опасностью: некогда было сводить счеты с Россией, а приходилось думать о наполеоновской Франции, собиравшейся высадить громадную армию для захвата Лондона.

Эпопея наполеоновских войн оставила в психике ряда английских поколений такой след, что спустя 40 лет после Ватерлоо старый генерал Раглан, потерявший в молодости руку в этом сражении, никак не мог привыкнуть во время Крымской кампании, когда он был командующим английской экспедиционной армией в Крыму, к тому, что неприятелем теперь являются русские, а французы уже стали теперь друзьями и союзниками. Старый Раглан очень злил французских командиров (Сент-Арно, Канробера, Пелисье) тем, что во время военных советов постоянно сбивался и вместо слова «неприятель» говорил по ошибке и по прежней памяти «французы».

Нет спору, внешняя политика Британской империи и царской России часто сталкивалась, и отношения между обеими державами в течение долгого периода — от Крымской войны до возникновения Антанты — часто обострялись, но все-таки процесс обострения дипломатических отношений никогда не переходил известной черты. Никогда, например, в этот период между Англией и Россией дело не доходило до таких критических моментов, до каких дошло между Англией и Францией во время так называемого «Фаподского инцидента» 1898 г. Всякий раз при очередном столкновении интересов у руля британского государственного корабля обнаруживались люди, вовремя умевшие повернуть этот руль в сторону от опасного водоворота.

Но вот на континенте Европы возникла уже не выдуманная, а вполне реальная опасность для целостности Британской империи. Неслыханно быстрое усиление Германской империи, лихорадочно, крутыми темпами проведенное создание второго на земном шаре по своей величине и силе военно-морского флота, безостановочное наступление германской торговли и промышленности на

все главные английские рынки сбыта, наконец, бурная папгерманская пропаганда, направлявшаяся прежде всего против Англии, — все это повелительно требовало от английской дипломатии решительного поворота в сторону России. Британский парламент, британское правительство и, по их поручению и полномочию, король Эдуард VII, а затем король Георг V произвели требовавшуюся, нигде юридически не оформленную, но совершенно реальную дипломатическую эволюцию: Англия стала уже в первую мировую войну союзницей России в борьбе против агрессии германского империализма.

Затем наступил новый период в истории русско-английских отношений, начавшийся Версальским миром и кончившийся взрывом второй мировой войны. Уже в самом начале этого периода обнаружился факт, логическое объяснение которого оказалось не под силу даже многим англичанам (например, левому крылу и части центра лейбористской партии) и который уж и подавно приводил в недоумение общественное мнение Советского Союза. Мы говорим о той враждебности официальной английской политики по отношению к нашему Отечеству, которая отравляла международную атмосферу сначала в промежуток между двумя войнами и продолжает отравлять в несравненно более опасной степени эту атмосферу в шестилетие, прошедшее после разгрома гитлеровской Германии. Заметим, что в стране и в народе эта враждебность не имела корней. На интервенцию против Советского государства англичане ответили выразительным движением: «Руки прочь от России».

После второй мировой войны эта враждебность стала еще менее объяснима, чем после первой мировой войны. Возникновение в пламени революции государственной власти совершенно нового типа и произведенный этой властью глубочайший социальный переворот — все это не могло не тревожить и не раздражать правящие круги капиталистического мира. С другой стороны, оказывал свое действие неправильный учет как целей, так и средств Советского правительства: этот неправильный учет усиливал вражду и вместе с тем поощрял кое-кого к дерзким попыткам нанести Советской России решительный удар. Самый удар казался не только необходимым, но и удобоисполнимым. Представлялось, что Советская Россия, только что выдержавшая тяжкую борьбу с Германией, разоренная, обескровленная, еще не вполне укрепившаяся (как убеждали англичан самые разнохарактерные враги Советской России), не выдержит дружного натиска капиталистических держав и рухнет без слишком большого сопротивления.

Но уже тогда люди, вдумывавшиеся в вопросы международной политики, ясно видели эту двойную ошибку. Во-первых, Советский Союз не помышлял ни о насильственном осуществлении мировой революции: ни о вооруженном нападении на соседние страны. Во-вторых, Советский Союз уже тогда был в состоя-

нити дать жестокий урок всякому агрессору. Во всяком случае наиболее загадочными были даже не эти ошибочные точки зрения, не эти национальные пристрастия и не верные перспективы, которые так прекрасно умел понимать английский мыслитель XVII в. Френсис Бэкон, но другая проблема: почему вообще необходимо подстрекать английский народ к вражде против России или к войне с Россией. Бряд ли будущие историки и прежде всего английские, когда утихнут нынешние политические разногласия и вызываемые ими страсти, смогут взять в толк такой факт: правительства Британии на протяжении многих лет находили мирный выход из постоянно возникавших у них очень серьезных раздоров с дипломатами царской России, из коих многие нередко не уступали англичанам в империалистических увлечениях. А ныне британское правительство демонстративно заявляет о готовности принять активнейшее участие в любом нападении на Советский Союз, которое вздумает предпринять заокеанская держава, когда она сочтет это своевременным и удобным. Почему консерваторы сэр Роберт Пиль, Дерби, Солсбери, спорившие с царской Россией из-за весьма серьезно затрагивавших обе стороны интересов, умели все же обуздывать свои воинственные страсти и воздерживались от произнесения таких неистовых, грубо вызывающих речей, которые подчас мы слышим в наши дни от лейбористских министров? Ведь Советский Союз не посягает ни на один дюйм территории не только Британской империи, не только владений ее союзников, но вообще ни на какие территории ни в Европе, ни в Азии, ни в любой другой части света.

Если можно было при всех спорах и несогласиях воздерживаться от прямой подготовки к войне в те времена, когда царская Россия в самом деле вела порой вызывающую политику, то почему нельзя взять курс на налаживание мирных отношений между обеими странами теперь, когда никакой — решительно никакой — опасности нападения на британские границы со стороны Советской державы не существует?

На этот основной вопрос категорически отказывались (и теперь отказываются) дать удовлетворительный ответ самые авторитетные органы английской печати. Политика вражды к Советской России привела Англию и Францию к неизбежному результату: ко второй мировой войне против германского империализма и к необходимости отстаивать свое существование от фашистских варваров. Столь же неизбежным стал и русско-английский союз 1942 г. Но вот теперь мы видим, что после войны и победы над Германией Англия возобновляет политику враждебности к Советской стране со всей силой. Нам, советской интеллигенции, советским ученым, в частности советским экономистам и историкам, это явление кажется ныне еще более лишенным теи политического смысла, чем то же явление в промежуток между двумя войнами.

В самом деле стоит только всерьез поставить перед собой простейший вопрос — есть ли хоть малое основание кому-либо, кроме оружейных фирм, желать кровавых столкновений между Советским Союзом, с одной стороны, и англо-саксонскими державами — с другой, чтобы получить ответ немедленный и неопровержимый.

Начнем с экономики. Россия и страны народной демократии в Восточной Европе и в Азии являются колоссальным, необъятным, совершенно ничем не заменимым рынком сырья и рынком сбыта. Свободное и нормальное развитие товарообмена с этим рынком на взаимно выгодных условиях пришлось бы огромное облегчение английской промышленности и торговле, переживающим большие затруднения. Ведь рынок одного только Советского Союза таков, что при всем развитии нашей индустрии места для английских товаров найдется вдоволь. Это отлично знают и атлантические конкуренты английских товаров. Это именно их пресса при всякой попытке Англии в истекшие после разгрома Германии годы расширить экономические отношения с Советским Союзом немедленно поднимала шум и начинала укорять Англию за то, что она прельщается материальными выгодами и изменяет делу борьбы «во имя спасения западной цивилизации».

Ширящееся движение за мир в самой Америке убедительно доказывает, что и там подрывается вера в правдивость этой пропаганды. Американские экономисты знают не хуже английских и не хуже советских, насколько нормальные экономические отношения между англосаксонскими странами, с одной стороны, и Советским Союзом и его европейскими и азиатскими друзьями, с другой стороны, будут способствовать устранению болезненного страха перед завтрашним днем, который ощущают простые люди, наблюдая подготовку к новому мировому побоищу.

Даже при очень большом напряжении мысли и при крайне богатом и изобретательном воображении трудно придумать, в чем и на каком пункте земного шара интересы Советского Союза и интересы Англии так сталкиваются, чтобы нельзя было при желании покончить со всеми обоюдными «опасностями» и недоразумениями. В пресловутом «железном занавесе» так мало «железа», что даже и сейчас, когда столько сделано, чтобы отравить недоверием советско-английские отношения, англичане ведут с нами выгодную для обеих стран торговлю. Эта торговля не удвоилась бы, а, вероятно, удесятерилась бы, если бы вздорные сказки о русской «опасности», о «коммунистическом завоевании земли» не препятствовали спокойному, открытому и добросовестному восприятию современного положения.

Мы считаем уверения, что война неизбежна, что кровавое столкновение неотвратимо, преступной ложью, отравляющей жизнь и сознание людей. Ничего этого нет! Есть только злая воля тех, кто возбуждает с нарочитой целью дипломатические конфлик-

ты и обогащается за счет идей о будущей войне, как о выходе из якобы непримиримых противоречий. Мнимая «непримиримость» этих противоречий заключается, с точки зрения таких противников англо-советского сближения, в самом факте существования Советского Союза. Заметим, что на подлинных явления жизни они не опираются и упорно закрывают глаза на очевидность. Очевидность заключается в том, что если когда-либо в новые времена истории существовало на земле «насыщенное государство», то это и есть Советский Союз в его нынешнем положении. «Насыщенным государством» Бисмарк называл такое государство, все потребности которого либо уже удовлетворены, либо могут быть удовлетворены в пределах исторического предвидения, без необходимости применять силу оружия.

Верят ли те, кто планирует разные пробные «мобилизации» и «эвакуации» Лондона, в то, что русские спят и видят, как бы им поскорее покончить с великой британской столицей? Мы чрезвычайно в этом сомневаемся. Мы понимаем, конечно, всю неодинаковость, всю разнохарактерность воспоминаний, какие в разных странах остались о второй мировой войне. И мы отдаем себе отчет в том, что не может вполне одинаково относиться к идее третьей мировой войны страна, для которой вторая мировая война была уничтожением 7 миллионов жизней ее граждан и сожжением более 1700 ее городов и деревень, и, например, другая страна, которой та же война принесла 53 миллиарда долларов чистого дохода. Но если и в Америке, на почве которой не ступала нога неприятеля, народные массы решительно не сочувствуют попыткам втянуть их в войну против Советского Союза, то что же сказать о населении Англии — страны, пережившей злодейские бомбардировки Ковентри или Лондона? Ведь речь идет о подготовке ничем решительно не вызываемого агрессивного набега на Советский Союз, а совсем не о защите Англии или «англо-саксонского образа жизни», как пытаются уверять те, кто не прочь развязать новую мировую войну. Уж давным-давно те, кто ответствен за политику Советского Союза, заявили и постоянно и настойчиво повторяли и повторяют, что внутренние дела всякого народа, большого или малого, советские люди считают неприкосновенными и так же мало собираются прямо или косвенно нападать на чужой образ жизни, как не позволят никому насильственно нарушить их собственный.

Мы меньше всего на свете думаем о нападении на англичан, или на американцев, или на кого бы то ни было из наших соседей. Мы ведем гигантское мирное строительство. Новые чудодейственные изобретения науки и техники нам необходимы для успешной борьбы не с другими державами, а с природой.

Тесное, выгодное для обеих сторон, экономическое взаимодействие, непреклонное решение и полная готовность разрешать любые недоразумения путем мирных переговоров, широкое и тесное

культурное сотрудничество — вот что должно, на наш взгляд, составить основу отношений между обеими англо-саксонскими державами, с одной стороны, и Советским Союзом — с другой.

Известия, 1951, 18 июля, № 166.

ФИЛОСОФЫ АТОМНОЙ БОМБЫ В РАЗДУМЬЕ И НА РАСПУТЬЕ

В Соединенных Штатах издается журнал «Бюллетень атомистических ученых. Журнал науки и общественных дел»*, самое существование и «распродажный», коммерческий успех которого необычайно характерен для нынешней Америки.

Содержание журнала представляет собой пеструю мешанину на первый взгляд самых разнохарактерных тем: тут и специальные технические статьи, и популярные очерки для малоподготовленного читателя, тут и химия, и физика (и атомная бомба), и «Этика ученых» (и атомная бомба), и «Корея должна быть вновь отстроена» (и атомная бомба), и «Культура, технология и видоизменения в населении» (и атомная бомба), и «Нечистая наука» (и атомная бомба), и т. д. Название статей в кавычках я привел в точности из последних книг журнала, а в скобках прибавил от себя те два слова, без которых совсем нельзя понять, ни зачем эти статьи написаны, ни зачем созданся и продается на рынке этот журнал.

Бомба и «общественные дела» («public affairs») (!) — вот лозунг, флаг на обложке, знамя этого журнала.

Этот орган был основан в 1945 г., сейчас же после варварского убийства населения Хиросимы; он рос по мере усиления холодной войны, раздуваемой правящими кругами США, дошел до апогея провокаций и мнимого «научного» бесстыжества в 1950 г., во время Форрестала — с его атомной луной — и Атлантического пакта. Ныне журнал из месяца в месяц стал, по-видимому, переживать нечто вроде назревающего в недрах редакции кризиса.

Задуман был этот журнал и все время издавался с явной целью вдолбить в головы американского и английского обывателя несколько «истин», которые под самыми разнообразными предлогами и без всяких предлогов назойливо повторялись из месяца в месяц. Формулировались эти мысли вплоть до 1949 г. так: 1) всеблагое провидение ниспослало в защиту «англо-американского образа жизни» атомную бомбу; 2) это оружие позволит в будущей войне обойтись без столкновений и миллионных армий на сухом пути, и

* Bulletin of the atomic scientists. A magazine for science and public affairs. 1951.

«наши парни» («our boys») не придут в соприкосновение с вооруженными силами; 3) все кончится войной в воздухе; четвертый афоризм выражается словами: время работает на Советский Союз, поэтому нужно спешить, чтобы не опоздать нанести удар.

Это была наглая и циничная пропаганда войны.

После 23 и 25 сентября 1949 г., когда внезапно рухнула вера в монопольное обладание США атомной бомбой, казенный оптимизм «Бюллетеня» стал понемногу сдавать. Правда, он поддерживался (и поддерживается) новыми и новыми рассуждениями о том, что якобы невозможно нагнать так далеко ушедшую вперед технику США и т. д., но тон уже не тот.

Когда пришел 1951 год, кризис в настроениях американских атомщиков стал сказываться в их журнале так отчетливо, как никогда еще с ними этого не случалось. Впрочем, здесь в «научном» ежемесячнике, они стеснены в выражениях своих настроений гораздо меньше, чем, скажем, в большой ежедневной политической печати.

Дело в том, что пришлось все-таки начать печатать долго замалчиваемые досадные сообщения о войне в Корее. И это сразу отразилось на всем, казалось бы, самом далеком от Кореи содержании статей специальных и неспециальных. Это и не могло быть иначе. Разве оказались неспровергнутыми все устои, на коих покоилось мирозерцание «Бюллетеня».

В № 7 за 1951 г. редакционная статья «Корея должна быть вновь отстроена» доказывает, что нужно подумать о мире в Корее.

Американским атомщикам никуда не уйти от великого движения за мир, охватившего земной шар, от голоса всех честных людей, единодушно осудивших злодейскую интервенцию в Корее, потребовавших запрещения атомного оружия, оскорбляющего совесть человечества.

Вопросы «этики» одолевают теперь атомистическую редакцию. В статье Кэтлин Ломдэль «Этические проблемы ученых» (1951, № 7, стр. 201—204) ставится вопрос: должен ли ученый помогать своему правительству в деле обороны страны? Оказывается, что если правительство, например, вроде Соединенных Штатов, то ученый по всем правилам «христианской этики» (так озаглавлен параграф, стр. 203) должен помогать, а если дело идет о правительстве СССР, тогда не должен. Вообще корейский тушик будит беспокойные мысли у редакции журнала поджигателей войны. В статье Е. К. А. «Планы и проспекты» читаем, как близко социальная «этика» соприкасается с политикой: «В Латинской Америке, Европе, Азии, Африке многие миллионы людей решили достигнуть более высокого жизненного уровня — не со временем, а именно теперь». Это — неодолимое движение.

А поэтому, правоучительно поясняет автор, следует подумать о бедняках, т. е. о населении земного шара, которое не видит лично для себя никакой пользы от накопления атомных бомб на «ба-

зах», созданных Пентагоном. Азия и Африка! Атомников-философов и их журнал оцепь озабочивают эти две части света. Одним из наиболее вредоносных (с точки зрения журнала) последствий крушения веры во всемогущество атомной бомбы является немаловажное обстоятельство, которое приходится учесть в современной американской политике: утрата надежд на закабаление американскими империалистами народов Востока. Главная «идея», перехваченная гг. Трумэнном и Ачесоном у Дьюи и у республиканской армии, заключалась в том, что постепенно, но неуклонно продолжающаяся ликвидация колониальных владений Британской империи и ее былых захватов должна сопровождаться водворением там нового прямого «наследника», т. е. Соединенных Штатов. Однако ничего подобного не произошло.

Неудача, постигшая американское вмешательство в Иране в пользу англичан, и несомненная, уже выяснившаяся летом 1951 г. другая неудача, англо-саксонского содружества в Египте и Судане, вызвали появление раздражительно написанной статьи Стюарта Олсона «Британцы и бомба» (1951, № 6). Автор констатирует утрату веры англичан в американскую стратегию. Вот его точные слова: «Факт тот, что британские авторы планов и военные вожди все более и более склонны бросать вызов основным концепциям, на которых покоится также базис англо-американского союза». Британская жестокая критика касается самой сердцевины дела: «Сердце (the heart) всего дела в том, что американская стратегия теперь всецело основана на бомбардировке атомными бомбами больших населенных центров, а Британские острова сами фатально подвержены опасности при такого рода атаке».

Философ атомного бомбометания Олсон подвергает критике предложение вступить в соглашение с Советским Союзом о том, чтобы ни в коем случае не пускать в ход атомные бомбы в населенных местах.

Атомный мыслитель Олсон заявляет по этому поводу: «К несчастью, самая натура атомной бомбы такова, что наиболее реальная от нее польза может быть именно в том случае, если ее бросить в гущу населенных городов. А бросать ее на уединенные посты и на движущиеся армии — бессмысленно и ничего не даст». Стоит ли в таком случае думать о мелочах и, например, дорожить каким-нибудь там Лондоном? Таковы откровения этого каннибала. Большая статья «Последствия Кореи» (автор — Рексфорд Тугвелл, 1951, № 5, май) написана под впечатлением безвыходной и безнадежной корейской войны. Установка атомных людоедов не изменилась, но и в их писаниях все больше проглядывает неуверенность в своих целях.

Мне попалась в руки сразу целая куча книжек этого журнала за 1951 г., и я, давно следящий за этим любопытным порождением философствующих атомщиков, сейчас же учуял нечто новое. Не так легко точно сформулировать, в чем перемена, если отойти от

слишком уж общего, отмеченного выше определения большей сдержанности, скептицизма, раздумья.

Разумеется, основная функция, за выполнение которой им платят деньги, осталась: клевета на СССР и страны народной демократии, непримиримая и ежеминутно прорывающаяся ненависть к ним, постоянная забота, чтобы читатель забыл о том, что он читает журнал палачей, стремящихся понемногу, полегоньку, педагогично воспитывать палаческие чувства в молодом поколении, — все это осталось без перемен.

Перемена состоит в том, что гораздо чаще стали проскальзывать замечания, имеющие целью подчеркнуть, что, «к сожалению», война решится не только воздушной, но и сухопутной вооруженной силой. И еще: мысль упомянутой статьи Тугвела повторяется в последних книгах журнала бегло, мимолетно, но настойчиво повторяется. Мысль эта крайне элементарна, но в «Бюллетене» она звучит смелым парадоксом. Заключается же эта мысль в том, что если бомбардировать города в тылу враждебной страны, то население не только не отойдет от своего правительства, но даже, напротив, особенно тесно и дружно сомкнется вокруг него. Авторы не могут не вспомнить пример дикостей (savagery) Гитлера в Советском Союзе, нисколько не приведших к желанной этому негодяю цели. Эти соображения стоят в прямом, кричащем противоречии со статьями (из которых я одну цитировал выше), настаивающими, что лишать атомные бомбы права бомбардировать населенные города — значит уменьшить шансы Соединенных Штатов на победу. Таких противоречий теперь в этом крайне показательном для американских поджигателей войны журнале не оберешься.

Это журнал не только агитирующий и открыто призывающий к агрессии, но и орган «воспитания» массы и особенно молодежи, орган, так сказать, «педагогический». Вот отчего так бросаются в глаза эти трещины в позиции журнала. Ведь уж какой там педагог, если он сам не уверен в собственных наставлениях! Только что разглагольствовал атомный погромщик, у которого никаких сомнений ни в чем не было, и вдруг рядом с ним появился какой-то робко умствующий и говорящий заплетающимся языком голевский философ Кифа Мокиевич. Оба одинаково вредны и гнусны, оба проповедают людоедскую мораль и идеологию, но второй потерял былую уверенность, характерную для атомщиков предшествующих годов.

Очевидно, времена подошли такие, которые порождают и вскармливают червя сомнения в самых твердолобых соратниках Даллеса и К°.

Нечего и говорить, что в этом журнале, рассчитанном на «воспитание» (т. е. на специфическое развращение) молодежи, ни единым словом не упоминается о движении в защиту мира, о борьбе против чудовищных орудий варварского массового истреб-

ления. Не может орган, основанный для обслуживания фабрикаторов оружия и на их деньги, вредить интересам своих хозяев. Если этот орган проявляет именно сейчас некоторое смущение, то исключительно под влиянием растущей неуверенности в своих силах, а вовсе не вследствие сомнений в том, допустимо ли это зверство, оскорбляющее совесть народов.

Великое движение народов за мир, единодушное стремление всего человечества пресечь людоедские замыслы атомщиков, требования всех простых людей мира запретить атомную бомбу, последовательное разоблачение сторожками мира всех преступных махинаций поджигателей войны, величайшая сила мирной политики СССР — подлинного оплота мира и дружбы между народами — вот что заставило людоедов из журнала американских атомщиков почувствовать неуверенность и сбавить тон.

Вопросы философии, 1952, № 1,
стр. 141—144.

ПОКУШЕНИЕ С НЕГОДНЫМИ СРЕДСТВАМИ

Подписанный в Бонне сепаратный договор наталкивается во Франции уже сейчас и, несомненно, в еще гораздо большей степени натолкнется в будущем (в частности, при передаче его парламенту для ратификации) на многочисленные мели. Общеизвестно, какое возмущение вызвала в массах французского народа весть о подписании этого договора Робером Шуманом. Рабочий класс, прогрессивные профсоюзы, вся демократическая общественность давно уже ведут упорную борьбу против восстановления немецко-фашистского вермахта, против того, чтобы французская молодежь была отдана на выучку и под команду гитлеровским генералам. Теперь, после подписания позорного боннского документа, эта борьба стала еще более решительной и непримиримой.

Против договора с боннскими реваншистами и связанной с ним американской затее создания так называемой «европейской армии» настроены во Франции не только массы трудящихся. В кругах средней и мелкой буржуазии, интересы которой находятся в противоречии с планами американских и германских монополий, также явственно растет раздражение и беспокойство. С этим не может вовсе не считаться и правительство Франции. Еще 24 мая корреспондент агентства Ассошиэйтед пресс Гровер Отмечал, какое тягостное впечатление произвело на Ачесона и Идена настойчивое требование Шумана об особых гарантиях против будущего западногерманского «союзника».

«Самая неотложная гарантия, которой хочет Франция, — писал Гровер, — предусматривает, что американские и английские

войска должны находиться в Европе с тем, чтобы Германия не пыталась выйти из состава объединенной армии и действовать самостоятельно».

В данном случае Шуман вынужден был проявить не свойственную ему настойчивость, чтобы попытаться мало-мальски смягчить недоверие к сепаратному договору хотя бы тех кругов буржуазии, которые поддерживают кабинет Пинея.

Как известно, Ачесон и Иден должны были, к полному своему неудовольствию, принять это условие в Париже *не после* подписания договора о создании «европейской армии», а *одновременно* с этой церемонией. Но ведь впереди предстоят гораздо более опасные «церемонии».

Французские буржуа, начиная с политиков, продолжая биржей и кончая широкой обывательской массой, буквально ни на грош не верят не только немецкому «наследственному врагу», но и американскому новоявленному «сердечному другу». Явно по наущению французского кабинета, или во всяком случае очень близких к нему кругов, в последние дни мая западную прессу облетело следующее удивительное сообщение: «Боннское соглашение состоит примерно из четырехсот страниц. Оно не было обнародовано, и члены французского кабинета никогда не видели его. Большинство из них не видело даже договора об армии («европейской» — *Е. Т.*). Они считают, что их торопят принять меры в отношении обоих соглашений только для того, чтобы улучшить на американской политической арене позиции некоторых сторонников оказания помощи европейским странам. Известное раздражение вызывают также беспорядки в Тунисе и Марокко, которые французы приписывают частично американцам».

Общий вывод из сказанного был сформулирован так: «Как в Париже, так и в Бонне не вполне ясно, что может произойти».

Мы попросим читателя вдуматься в то, что происходит на политической кухне, где поспешно изготавливается американо-франко-германское агрессивное военное соглашение против Советского Союза. Американские правящие круги требуют, чтобы обнищавшая Франция чуть ли не заложила жен и детей для создания достаточной ударной силы против Восточной Европы; с другой стороны, они же подготавливают почву, чтобы прибавить к своим загребущим рукам французские владения в Северной Африке, точно так же как и ближневосточные владения британских «кузенов». Американская империалистическая печать давным-давно, чуть ли не с 1945 г., уверяла, что владычество «белой расы» на всем севере Африки, от Атлантического океана до Суэца, будет во всяком случае прочно обеспечено. Если же представителями этой расы явятся там не французы, итальянцы и англичане, а более напористые и бесцеремонные американцы, то никакого, мол, ущерба эти частичные видоизменения, с точки зрения общих интересов «белой расы», не причинят...

На этот раз французское правительство, видимо, решило пойти способом высказать вслух свои сомнения и опасения если не до конца, то во всяком случае настолько, чтобы соблести внешние прилипания в глазах растерянного, испуганного, озлобленного и сбитого с толку французского обывателя. С этой целью корреспондент «Нью-Йорк геральд трибюн» Лауренс был приглашен, как он торжественно оповестил об этом 26 мая, на длительную «частную беседу» в Елисейский дворец, к президенту Франции Венсену Ориолю.

За этой «частной беседой» последовали и другие приглашения Лауренсу, со стороны других «высокопоставленных французских лидеров», которых он — одного за другим — и посетил (очевидно, в порядке их убывающей важности). Оказалось, что все они, во главе с президентом республики, «выразили беспокойство по поводу того, что Советскому Союзу дают возможность выступать перед народами в качестве поборника мира, в то время как западные союзники проводят негативную, а по временам пассивную политику». С обезоруживающей откровенностью «высокопоставленные лидеры» заявили, что «хотя конференции и переговоры с Советским Союзом могут не принести результатов, важно постоянно делать жесты и предпринимать мирные шаги, чтобы лишать коммунистов во Франции и в других странах... возможности возводить на союзников обвинения в том, что союзники готовятся скорее к агрессивной, чем к оборонительной войне».

Правителям Франции трудно было бы яснее признать, что американо-английский блок, в который они втянули Францию, не хочет и слышать о мире, саботирует переговоры с Советским Союзом и под фальшивым флагом «обороны» готовит агрессивную войну.

Прежде чем перейти к основным темам, из-за которых его экстренно пригласили в апартаменты Елисейского дворца и в другие парижские хоромы, американо-английский корреспондент подчеркивает «фактическое единодушие» высших французских лидеров. Взгляды их сводятся к тому, что страна обнищала, «уровень жизни среднего француза все еще слишком низок, так как увеличение заработной платы сводится на нет ростом стоимости жизни», в стране растет недовольство, умы и сердца французов исполнены боязни новой войны. Эта констатация, конечно, одобрена ссылками на то, что и недовольство и страх перед войной — исключительно дело рук коммунистов и «московской пропаганды, которая преувеличивает опасности, связанные с перевооружением Германии». Как будто опасность, которую создает для Франции появление близ ее границ армии западногерманских милитаристов, не очевидна здравомыслящим французам и еще может быть преувеличена «пропагандой»!

Но даже с такой приправой сообщение американо-английского корреспондента представляет бесспорный интерес. Ведь ясно, что в

данном случае «высокопоставленные и единодушные» собеседники Лауренса выражают свое собственное глубокое беспокойство в связи с умонастроениями французского народа, хотя и преподносят его так, будто озабочены лишь тем, чтобы отвратить неразумных французов от мысли о необходимости отказа от «атлантической» политики.

«По мнению французских руководителей, необходимо больше конференций с участием высокопоставленных русских представителей, даже если эти конференции и заводят в тупик».

Иными словами, французские правители через посредство специально приглашенного к главе государства американского публициста вынуждены довести до сведения Трумэна и Ачесона тот неприятный для атлантических политиков факт, что французский народ не верит в возможность сколько-нибудь эффективного мирного урегулирования в Европе без непосредственных переговоров с представителями Советского Союза. Более того, собеседники Лауренса вполне откровенно подтвердили ему, что французы придают очень мало веры басням о мнимой «русской угрозе Франции» и не питают опасений на этот счет.

Еще один весьма неприятный для Вашингтона вывод французские лидеры приберегли к самому концу беседы: «Несмотря на все гарантии, с мыслью о европейской оборонительной армии при участии в ней немецких частей трудно сжиться».

Уже вошло в поговорку глубокое историческое невежество американских империалистов, которое и позволяет им так легко и беспечно предаваться плетению самых противоестественных дипломатических узоров и скоростному сооружению политических карточных домиков. Но «средний француз» вступает в сознательную жизнь начиненным изрядной порцией антигерманских представлений. Он впитывает их вместе с обязательной школьной прозой Эрмана-Шатриана, со стихами Поля Деруледа, со статьями и рассказами Мориса Барреса. Что такое всеобщая воинская повинность, вкратце «объясняется» французским детям дошкольного возраста еще в иллюстрированных книжках: «Немец бьет мою маму, — я бегу ей на помощь!»

Подобная пропаганда зоологической ненависти находила благоприятную почву в значительной мере благодаря тому трагическому для французского народа обороту событий, который на протяжении долгих десятилетий приняло соперничество более мощного и хищного германского империализма с его французским конкурентом.

Но самым фактом существования подобных настроений во Франции абсолютно не считаться может только тот, кого история франко-германских отношений, да и всего континента вообще, интересуется, как прошлогодний снег, для кого были кровавые сражения европейских народов друг с другом — нечто вроде истории боксерских состязаний.

Немецкие милитаристы вторглись во Францию в 1914 г., разорили ее, убили и безнадежно искалечили полтора миллиона человек, были в конце концов разбиты, но быстро оправились и стали сильнее прежнего благодаря американской и английской помощи. Немецкие фашисты в 1940 г. опять вторглись во Францию; без борьбы, благодаря ловко организованной измене, овладели несчастной страной, мучили, грабили, позорили великую французскую нацию так, как никто никогда до того ее не унижал и не позорил. И вот теперь Трумэн и Ачесон всерьез полагают, что стоит заказать продажным газетным целлоперам паглые и глупейшие статьи о грядущей «русской опасности», и французы поверят, что их друзья — гитлеровские изверги, случайно уцелевшие от петли, а их враги — те, кто под Сталинградом и под Берлином разгромили гитлеровские полчища и этим спасли Францию и Европу!

Игнорируя всю историю Франции, ознаменовавшую только за последние 80 лет *трехкратным* вторжением немецких милитаристов на французскую территорию, американские биржевики и их ваппингтонские политические представители считают теперь возможным требовать, чтобы французы беспрекословно и даже с любезной улыбкой примирились с созданием на их границе многочисленной, до зубов вооруженной немецко-фашистской армии! Как будто что-нибудь меняется в существе этой армии и ее целях от того, что на нее наклеивается «европейский» ярлык.

А тут еще этот доходящий до гомерических размеров цинизм боннского правительства, которое в марте нынешнего года, в разгар подготовки соглашений о восстановлении вермахта, сочло уместным заблаговременно обнаружить истинную свою физиономию. Речь идет об ораторских упражнениях вполне официального лица — статс-секретаря министерства иностранных дел боннского кабинета Хальштейна, командированного Аденауэром в Соединенные Штаты. Находясь там, Хальштейн публично — перед представителями прессы — брякнул: «Ключевая цель объединения Европы заключается в воссоединении всех частей континента вплоть до Урала».

Смысл его заявления был абсолютно ясен, несмотря на тотчас же следовавшие пояснения, толкования, отрицания, смягчения. Дело дошло до запроса боннскому канцлеру, каковой канцлер фактически вполне одобрил своего заместителя по руководству министерством иностранных дел. В ответ на требования, чтобы распоясавшийся гитлеровец Хальштейн ушел в отставку, Аденауэр громогласно заявил, что боннские правители не могут отказаться от такой силы, какую представляет собой г-н Хальштейн.

Но чего же может ожидать Франция от такой «силы» в будущем, когда будет создана западногерманская армия, если уже сейчас Аденауэр на лету подхватывает даже самый паглый реваншистский призыв? С откровенно высказанной Хальштейном (и поддержанной Аденауэром) точки зрения, новый вермахт

создается вовсе не затем, чтобы оградить Францию от мифической «русской угрозы», а затем, чтобы завоевать Европу до Урала. А ведь Рейн гораздо ближе к Парижу, чем Урал. Это географическое соображение уже промелькнуло в западноевропейской прессе.

Что касается заокеанских «покровителей» западногерманского милитаризма, то они с самого начала не скрывали, что в Европе все свои надежды они возлагают не на французскую армию, а в первую очередь на вермахт, возрождаемый ими под командой гитлеровских генералов. Ради этого они многие месяцы возились с подготовкой объемистого, на 400 страниц, большого договора и со всей сложной маскировочной затеей создания «европейской армии».

Архиреакционный американский журнал «Ньюс уик» с раздражением пишет о французской армии: «Трудно себе представить, каким образом можно воссоздать боевой дух армии, в которой каждый третий или четвертый человек голосует за коммунистов...»

Вот что раздражает и беспокоит Риджуэя, перебившего пинс вепец и бармы Эйзенхауэра в качестве главы «европейской армии»! Миллионы французов все более отчетливо дают понять, что они решительно отказываются вести агрессивную войну против советского народа, хотя бы им ежедневно по двадцать раз твердили, что гитлеровцы не фашисты, а «европейская армия». Миллионы французов, чьи чувства национального достоинства уже сейчас грубо оскорбляют американские оккупанты, видят, что действительной угрозой независимости их родины является отнюдь не Советское государство, а американо-боннский альянс.

Правительство Франции обязалось выставить к концу 1952 г. 15 дивизий, а потом неожиданно взяло обратно свое обязательство, заявив, что выставит не 15, а всего 10 дивизий. По мнению большинства военных экспертов, как сообщает американская печать, создание даже этих 10 французских дивизий «окажется пустой мечтой, если... не будет положен копец зашедшей в тупик войне в Индокитае». Военные эксперты заявляют, что война в индокитайских джунглях, которая тянется уже более 6 лет, обойдется в 1952 г. Франции почти в одну треть всего ее военного бюджета, а печать приводит цифры: «Вьетнамские повстанцы убили около одной тысячи офицеров, составлявших три выпуска французской военной академии. В результате не хватает офицеров для обучения 300 тысяч повстанцев, ежегодно призываемых на военную службу... Нехватка офицеров проистекает также из-за отсутствия стимулов к избранию военной карьеры».

Самое главное, самое существенное и решающее, на что прозрачно намекали и все-таки не хотели сказать полным голосом Жауренсу президент Французской республики и другие высокопоставленные французские саповники, заключается не в недостат-

ке войск и офицеров, а в полном отсутствии возможности воспламенить армию духом веры в политическое руководство, в проводимый правящими кругами Франции американский курс. В кого верить? В сменяющих друг друга с калейдоскопической быстротой марионеток, повторяющих явно не свои собственные, но американские слова, будто для блага Франции необходимо сегодня убивать вьетнамцев, а завтра — в тесном союзе с появившимися боннскими «друзьями» и под командой американского генерала — идти в поход «на Урал»? Во имя каких целей французам рекомендуется проливать свою кровь в Европе и Азии? Во имя бесконтрольного хозяйничанья нью-йоркских золотых мешков? Ни веры, ни надежды, ни одушевления, ни уверенности в своей моральной правоте, ни одобрения цели и смысла преступно подготовляемого кровопролития — словом, ничего из того, что делает толпу вооруженных людей настоящей боеспособной армией, во французской части будущей «европейской армии» нет и не может быть.

По вашингтонской указке Пиней предпринимает сейчас отчаянные усилия, чтобы подавить народное сопротивление американскому курсу французской политики. Аресты Жака Дюкло, Андре Стиля, сотен других французских патриотов, массовые обыски, почные облавы, конфискации газет, дикие полицейские провокации, кровавые расстрелы и разгон демонстраций должны, по мысли реакции, расчистить почву для ратификации боннского договора, невзирая на вытекающие из этого факта последствия.

Но заставить такими мерами француззов поверить в «дружбу» боннских реваншистов, побудить французских юношей согласиться на «братство по оружию» со вчерашними палачами Франции, а французских офицеров стать под команду американских оккупантов и гитлеровских военных преступников — это затея, которая не может быть расценена иначе, как покушение с негодными средствами.

Новое время, 1952, № 25, стр. 9—12.

ВАТИКАНСКАЯ ИНДУЛЬГЕНЦИЯ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИМ ГРЕШНИКАМ

В последние годы в некоторых американских изданиях стали появляться статьи на «интересную» тему: в каких случаях христианская мораль воспрещает сбрасывать бомбы на гражданское население, а в каких, напротив, поощряет подобные действия. Одновременно возник вопрос о необходимости пересмотра и переиздания католического «Кодекса международной морали».

Глубоко поучительна судьба этого «Кодекса». Большая группа католических теологов, философов и юристов, как рисофорных,

так и в штатском одеянии, по инициативе любимца папы Пия XII примаса Бельгии кардинала ван Руй, коллективными усилиями создала в 1937 г. «Кодекс международной морали». Это издание пользовалось среди католических «князей церкви» признанием до конца второй мировой войны. В последующий же период «Кодекс» был признан устаревшим. В сентябре 1948 г. «Кодекс» был заново обработан, издан с новейшими комментариями и не раз переиздавался, все более и более «морально» совершенствуясь в целях наилучшего приспособления к нуждам, желаниям и потребностям современных апостолов империализма. Назначение «Кодекса» — снабдить идеологическим оружием наиболее реакционную часть католического духовенства, ибо миллионы верующих-католиков все активнее выступают против империалистической политики подготовки новой мировой войны и угнетения народов.

Нынешний, усовершенствованный «Кодекс международной морали» чрезвычайно наглядно и откровенно раскрывает активную роль католицизма в проведении политики империалистов. «Кодекс» направлен на окончательную ликвидацию тех пережитков этики, которые стесняют официальную военную пропаганду, лозунги которой звучат ныне на страницах американской печати с глубоко прямолинейной откровенностью: «Американская молодежь должна стать беспощадными и умелыми убийцами!» Или: «Государство израсходовало на тебя 30 тысяч долларов. Ты должен возместить этот расход, а возместить его можно убийством тех, на кого тебя направят!»

Против «предрассудков», мешающих неукоснительному выполнению этих благих советов, борется в Соединенных Штатах немало органов печати. Ежедневно и неустанно они твердят, что истребление гражданского населения атомными бомбами всегда окажется делом вполне богоугодным, если речь идет о бомбардировке стран «неамериканского и нехристианского образа жизни».

Подновленный «Кодекс международной морали» даст этой пропаганде атомной и, как увидим, бактериологической войны санкцию и благословение. «Кодекс» стремится облегчить совесть верующих, которые нередко проявляют досадную нерешительность и колебания при выполнении кое-каких заданий, диктуемых политикой биржевиков Уолл-стрита, дипломатов государственного департамента, генералов Пентагона и руководящих мужей Белого дома.

Как, например, быть с 20-летним юношей, которому надо внушить необходимость и целесообразность истребления бомбами женщин и детей, т. е. существ безоружных и не воюющих? Тут-то и приходит на помощь «Кодекс», доказывающий, что Ватикан отменяет старую христианскую мораль и вносит в нее современную поправку.

«Кодекс международной морали» отбрасывает как ненужный и даже вредный хлам не только то, что преподавалось в школе,

ло и то, что считалось аксиомами государственного и международного права и не подлежащей оспариванию истиной.

В этой связи немало было возни и затруднений у клерикально-империалистических «просветителей» с идеей национального суверенитета. Ведь все, кто сколько-нибудь вкусил от древа познания истории, прекрасно осведомлены, что признание права народа распорядиться своими судьбами является обязательным атрибутом государственного права всякой нации, претендующей на политическую самостоятельность. Сколько крови было пролито в Европе, Америке и во всем мире во имя независимости слабых народов, на которых сильно налагали или пытались наложить свое иго!

Отказаться от своей национальной чести и от своей истории, растоптать ногами свой суверенитет во имя будущего мирового побоища, затеваемого для пополнения карманов биржевиков и банковских воротил, европейские народы не хотят. За это их горько укоряют святые отцы, составившие новое издание «Кодекса международной морали». Оказывается, национальный суверенитет уже отжил свой век, а выросло теперь «наднациональное право», состоящее в том, что народы Европы «истинно христианской совестью» обязаны покорно и без лишних рассуждений подчиниться государственному департаменту.

Вот невероятные строки «Кодекса», которые должно привести в точности, потому что всякое изложение покажется грубой пародией: «Исходя из ложной концепции суверенитета государства, многие не признают иного ограничения автономии государства, кроме того, которое это государство соглашается наложить само на себя. Государство будто бы само, исходя из своих интересов, создает для себя свою норму справедливости и честности.

Христианская совесть всегда отвергает такую дерзкую претензию, которая заменяет право произволом и открывает дверь всякой тирании».

Христианская совесть, по мнению авторов «Кодекса», никак не может примириться с нынешней «дерзкой претензией» народов на сохранение суверенитета своих государств! Нет! Только отказ от национального суверенитета в пользу «наднациональной власти» может содействовать, как утверждает «Кодекс», «очень разумному и справедливому порядку, установленному самим богом для процветания народов и для счастья человечества».

Таким образом, «Кодекс международной морали» устанавливает, что отказ от национального суверенитета является велением божьим для людей с «христианской совестью» и не может подлежать никакой дискуссии.

Ссылка на личное участие господа бога в создании «наднациональной власти», осуществляемой правительством Соединенных Штатов, понадобилась авторам «Кодекса» ввиду необходимости опереться на совсем уже непререкаемый (и даже сверхъестест-

венный) авторитет, чтобы выйти из несколько затруднительного противоречия, в которое они попали. С одной стороны, им важно представить сооружаемую государственным департаментом «наднациональную власть» в качестве посетительницы высшей моральной силы на земле и дать ей первенство перед Организацией Объединенных Наций. Но, с другой стороны, сделать это нужно поосторожней, потому что ведь и Организация Объединенных Наций используется и может дальше пригодиться, и блок определенных стран в ООН служит Уолл-стриту верой и правдой. Ясно, что только веление «свыше» может тут все «утрясти», уладить и дать американской «наднациональной власти» предпочтение перед Организацией Объединенных Наций.

Почему же вообще ООН оказалась недостаточным для американских целей орудием? Да потому, что принцип единогласия великих держав, несмотря на все усилия Соединенных Штатов и их сателлитов, продолжает существовать в Уставе ООН и является досаднейшей для них помехой. К тому же в ООН громко раздается голос Советского Союза и некоторых демократических стран, что тоже является камнем преткновения для государственного департамента.

В этой связи характерна и та критика, которой святые отцы подвергают Организацию Объединенных Наций.

«Абсолютно несовместимо с идеальной концепцией международной власти, — пишут они, — чтобы каждая из великих держав имела право противопоставлять свое вето всем решениям Совета относительно того, что касается сохранения мира, приема членов...»

В свое время наш министр иностранных дел вскрыл мотивы, которыми руководствуются противники принципа вето.

«Принцип вето, — говорил он, — требует от всех великих держав внимания к их общим интересам и к интересам всеобщего мира, затрудняя создание узких блоков и группировок одних держав против других держав и тем более затрудняя возможность чьих-либо сделок с агрессором за спиной и против интересов миролюбивых стран».

Это как раз и не устраивает американских империалистов и их приспешников. Ничтоже сумняшеся, американско-английский блок объявил агрессорами корейский и китайский народы, отстаивающие свою независимость от покушений империалистов, а жестокую, кровавую войну против Кореи прикрыл флагом ООН. Конечно, князья католической церкви против того, чтобы Советский Союз разоблачал лицемерие и коварство агрессоров, чтобы он использовал право вето для действительной борьбы за мир, чтобы он не допускал сделок агрессивных сил за спиной свободолюбивых народов.

Известно также, что англо-американское большинство в Совете Безопасности все время пытается проводить одностороннюю

линию в вопросах приема новых членов в ООН: империалисты согласны принять в число Объединенных Наций государства, слепо подчиняющиеся американскому диктату; они упорно сопротивляются приему в ООН демократических стран, не желающих жить по американской указке. Право вето не допускает такой односторонности и дискриминации в вопросе о приеме новых членов в ООН. Поэтому авторы «Кодекса», стремясь поддержать своих американских покровителей, выступают против принципа единогласия великих держав.

Служить сильным и способствовать поддержанию их власти над слабыми — всегда было важнейшим призванием Ватикана. Авторы «Кодекса» считали своей первоочередной задачей полнейшую поддержку американской политики ликвидации национального суверенитета. Если решено было внести «маленькую» редакционную поправку в шестую заповедь и вместо «не убий» поставить «убий»; если пришлось от имени создателя торжественно поведать всем верующим, что «христианская совесть» повелевает отказываться от защиты независимости своего народа, то в данном случае Ватикан лишь следовал своей если не вполне почетной, то во всяком случае давней традиции. Заповеди тоже нуждаются в разъяснениях и ограничениях! Вообще убивать нельзя... Но тому, кто убил, например, протестанта Вильгельма Оранского, т. е. Балтазару Жерару, были даны полное отпущение грехов и солидная сумма из папского казначейства. Вильгельм Оранский боролся за национальный суверенитет Нидерландов и против тогдашней «наднациональной власти» испанского короля-тирана Филиппа II, успешно сжигавшего на кострах еретиков во всех своих владениях и пользовавшегося полной поддержкой Ватикана. Прошли века, но стратегия и даже тактика папской курьи остаются все теми же.

«Кодекс международной морали», созданный на потребу нынешних претендентов на мировое господство, не мог обойтись без высокого морального оправдания и обоснования колониальных грабежей. Здесь мы вступаем в область такой ничем не прикрытой, истинно каннибальской «философии», такого наглого издевательства над всеми верованиями и чувствами, способными сколько-нибудь сдерживать наиболее низменные инстинкты людей, до каких не доходили самые яростные, самые пестовые «богоборцы». Ныне Ватикан пытается доказать, что американские и иные монополии уполномочены самим небом огнемать у любого народа его национальное достоинство, если оно может пригодиться «другим, имеющим в этом настоятельную потребность». Впрочем, вот подлинные слова «Кодекса»: «Творец, различно распределяя блага этого мира, все же поставил их на службу всем людям. План providения должен быть почитаем, и различные человеческие группы не имеют права считать себя исключительными обладателями

выгод и богатств, находящихся на их территории... Государство нарушило бы божественный порядок, если бы оно претендовало управлять своим национальным достоянием, руководствуясь собственными мотивами..., оставляя свои естественные ресурсы неиспользованными или же отказываясь предоставить их в распоряжение других народов, которые имеют в них настоятельную потребность».

Таким образом, согласно «Кодексу», сам творец раз и навсегда воспрещает мешать империалистическим искателям чужого добра, если только они докажут, что имеют «настоятельную потребность» в совершении хищения. Если, например, американские монополии могут доказать, что они имеют потребность в чужом уране, вольфраме, нефти, руде, каучуке и других ценных видах сырья, то они имеют полное право, сославшись на веление творца, *отнять* у слабых народов всю территорию, производящую эти полезные ценности.

Вообще, заявляет «Кодекс», пора понять, что необходимо поспешить с организацией такой власти, которая способна покончить с «отсталым» земным шаром, потому что пока вселенная не попадет в лапы американских империалистов, до той поры истинному порядку на ней не бывать:

«Божественный план извращается, человечество теряет то, что ему принадлежит, когда вследствие неспособности, беспечности и лени отсталые народы воздерживаются от эксплуатации ресурсов, которые содержит их территория. До тех пор, пока не будет организована власть, на которую падет задача исправить этот беспорядок, любому государству, если только оно имеет волю и средства, дозволено взять на себя эту миссию и *отнять*, если в этом есть необходимость, у туземного суверенитета право, которое он оказывается неспособным осуществить в общих интересах всех наций».

Ничего более нахального в смысле вызова грабителя тем, кого он собирается ограбить, наемное перо империалистического пропагандиста не писало. Надо всеми, у кого нет возможности оказать вооруженный отпор заатлантическим гангстерам, висит угроза, что у них *отнимут силой* их добро, и католическая иерархия благословляет подобный разбой! На примере Кореи все мыслящее человечество видит, что эти, одобренные розовым маслом и спрыснутые святой водой, проповеди открытого насилия и грабежа не остаются на бумаге...

Ватиканским моралистам нельзя отказать, однако, в последовательности. Начав с похода на национальный суверенитет в области права, морали и политической власти, они логически приходят к тому, чтобы отнять у слаборазвитых стран суверенитет в области использования экономических ресурсов и естественных богатств. При этом мошеннически делается ссылка на «неспособность, беспечность и лень» отсталых народов. Авторы «Кодекса» обходят тот общеизвестный факт, что империализм всеми силами

препятствует индустриализации колоний, ибо это привело бы к их освобождению и ликвидировало бы их зависимость от метрополий. Именно господство империалистов поддерживает нищету и отсталость колониальных народов и мешает им развивать свою экономику. Мастера лезуитской казуистики *следствие* господства империалистов выдают за *причину*, которая якобы дает сильным «моральное право» отнимать у слабых их природные богатства, обрекая население колоний на голод и вымирание.

Авторы «Кодекса» сознательно закрывают глаза на те факты, которые свидетельствуют, что народы, сбросившие с себя ярмо империализма, быстро двигают вперед свою экономику и культуру, добиваются выдающихся успехов. Достаточно сослаться на Китай, освобожденный народ которого в течение трех с половиной лет добился замечательных результатов. И это после многих десятилетий застоя в условиях колониального режима, устоявшегося англо-американскими любителями чужого добра.

Но иезуиты римской курии изменили бы своей природе и своей традиции, если бы не попытались представить дело как уже происходящего, так и грядущего колониального грабежа в виде гуманной, цивилизаторской миссии: «Дикие и отсталые народы, жертвы порока, невежества и суеверия, для того чтобы переродиться, почти всегда имеют надобность в получении извне, т. е. от более цивилизованной нации, первого стимула, помощи, направления. И здесь — при отсутствии международной власти, должным образом организованной (т. е. той же «наднациональной» диктатуры государственного департамента — *E. T.*), на которой нормально (!) будет лежать эта цивилизаторская функция, всякая нация, которая этого хочет и может, имеет право, а иногда даже и обязанность, в меру своих сил взять под свою опеку некультурную народность, чтобы повести ее по пути прогресса и цивилизации».

Между тем неопровержимые факты свидетельствуют об обратном — о том, что колонизаторы делали и делают все от них зависящее, чтобы держать покоренные ими народы в нищете, голоде, темноте и невежестве. Плачевные для колониальных народов результаты такой «цивилизаторской деятельности» вынужден был признать и секретариат Организации Объединенных Наций в предварительном докладе «О мировом социальном положении», где отмечается, что в целом ряде колоний и бывших колоний население почти поголовно неграмотно. Так, например, в Британском Сомали неграмотно 99% населения, в Камеруне — 95%, на острове Мадагаскар — 90%, в Малайе — 62%, в Индии — 80% и т. д. Менее 10% детей коренного населения Марокко, Кении, Туниса и других африканских колоний имеет возможность посещать школу.

А ведь в этих странах «цивилизаторская функция» осуществляется колониальными державами десятки, а иногда и сотни лет!

И все же, как мы видим, «отсталые народы» отнюдь не идут «по пути прогресса и цивилизации». Наоборот! «Опека» цивилизованных хищников приводит некоторые из этих народов на грань полного вымирания.

Ну, а если «отсталые» народы как в самой Европе, так и в колониях окажутся до такой уж степени отсталыми и неблагодарными, что прогонят прочь наднациональных «цивилизаторов», что тогда? На этот случай предусмотрительное провидение из «Кодекса международной морали» предопределяет «право и возможность» принять особые меры: «Успехи науки и техники непрерывно предлагают воюющим все более мощные орудия смерти и разрушения: война в воздухе, подводная война, химическая война, война бактериологическая. Было бы нарасно оспаривать право государства в известной степени применить свое вооружение и методы войны к этим новым возможностям».

Ватиканские вероучители почувствовали все же, что тут они явно хватили через край. Проповедуя от лица «христианской совести» распространение сыпного тифа, холеры, чумы, они решили обстоятельнее обосновать свои благие советы: «Война стала национальной, тотальной, и почти все граждане по разным основаниям принимают в ней активное участие. Различие между сражающимися и несражающимися все более затушевывается, и гражданское население перестало быть «невиновным» (завычки в тексте — *Е. Т.*) в том смысле, как это понимали старые моралисты. Воюющие стороны, конечно, имеют право учесть эту эволюцию».

Нет сомнения, что широкие массы верующих-католиков и все, что есть честного в католическом духовенстве, отвергнут содержащуюся в «Кодексе» проповедь войны, массовых убийств, грабежа народов и лишения слаборазвитых стран их суверенитета и национального достоинства, проповедь атомной и бактериологической войны. Эта разбойничья проповедь не может не вызвать чувства гневного протеста у каждого честного человека — без различия национальности, профессии, политических и религиозных убеждений.

До такого морального растления, до такого мерзостного издевательства над честью, совестью и справедливостью, до какого дошли отцы католической церкви, писавшие, редактировавшие и благословившие «Кодекс международной морали», еще не доходило, насколько помнится, никто даже из обширной клики, непосредственно обслуживающей поджигателей войны. Дойти до таких пределов позора и бесстыдства никогда до сей поры не удавалось даже и Ватикану. А уж он ли не видал виды!

Новое время, 1953, № 14,
стр. 10—14.

ВОЗВРАТЯСЬ НА РОДИНУ...

Конгресс венгерских историков был организован Академией наук Венгрии, ее Институтом исторических наук и Историческим обществом. В работе конгресса участвовали Институт истории рабочего движения, Архивное управление и ряд других научных учреждений страны. Этот конгресс развернулся в крупное событие духовной жизни народов не только Венгрии, но и Восточной Европы, что было обусловлено общей дружной и плодотворной совместной работой венгерских историков и съехавшихся в Будапешт делегаций историков стран народной демократии и Советского Союза.

Мне хочется в немногих словах суммировать свои личные впечатления от всего пережитого в дни пребывания в Венгрии.

Прежде всего советскую делегацию поразило исключительное по внимательности, обдуманности всех деталей и, прямо скажу, сердечности гостеприимство, которое мы встречали буквально на каждом шагу. Самая трогательная любезность, предупредительная, заботливая благожелательность бросалась в глаза в течение всего нашего пребывания в венгерской столице.

Поделюсь одной мыслью, которая часто приходила нам, советским делегатам, в голову: в этом исключительном и теплом приеме чувствовалось нечто большее, чем обычные отношения устройств подобных научных «фестивалей» к приглашенным гостям. И уже с первых двух-трех дней для нас стало ясно, в чем дело. Представители столичной интеллигенции, с которыми приходилось общаться, не скрывали, что Советский Союз и советские люди для них, для поколения, пережившего освобождение от гитлеровщины, останутся до конца жизни овеянными впечатлениями исторической весны 1945 г., когда после эпических боев Советская Армия освободила Будапешт от фашистской гадины. Венгры постоянно возвращаются к этой теме, как если бы все это произошло не восемь лет, а скажем, восемь месяцев назад. Великолепный гигантский монумент на горе Геллерт в честь советских воинов, спасших Венгрию, является самым грандиозным и одним из самых любимых памятников столицы и страны.

Это особое отношение мы, советские делегаты (А. Панкратова, П. Третьяков и я), ощущали и на заседаниях конгресса, и по тому, как встречались наши выступления и сообщения, и по той щедрости, с которой в газетах Будапешта отводилось место рефератам о советских докладах. С напряженным вниманием был выслушан на заседании съезда большой доклад А. Панкратовой о международном значении русской революции 1905 г. Оживленный интерес вызвал он в печати. Да и остальные члены советской делегации не могут пожаловаться на недостаток внимания к своим выступлениям. Так было и на общих собраниях и на более узких, специальных заседаниях, где обсуждались вопросы марксистской

идеологии, вырабатывались принципы создания новых учебников для венгерских вузов, формулировались задачи исторической науки в Венгрии.

В венгерской прессе, внимательно следившей за выступлениями советских ученых, широко отмечались, например, два больших доклада, где выявлялись сближения между событиями венгерской и русской истории: 1) между революционным движением 1905 г. в России и отражением русских событий в Венгрии (этот доклад сделала А. Папкратова); 2) между грандиозным крестьянским восстанием против феодального гнета, происшедшим в Венгрии в 1514 г., и могучим движением Болотникова в России при Василии Шуйском в первые годы XVII столетия (сообщение об этом было сделано мною).

По мере своих сил советская делегация старалась отвечать на многочисленные и очень существенные принципиальные запросы, с которыми обращались к нам как венгерские, так и другие участники конгресса. Необходимо отметить, что одна из трудностей, с которыми приходится считаться внешним историкам Венгрии, заключается не только в ошибках и пороках идеологического и политического характера, свойственных старой венгерской историографии, но и просто в обилии, если можно так выразиться, «белых пятен» и серьезных пробелов в старой литературе.

Известно, что дворянство долгое время играло главенствующую роль в духовной культуре и политической жизни Венгрии. Оно неохотно и медленно уступало свое место буржуазии, так до конца и не соглашаясь начисто отказаться от своего былого положения, пока народная революция не вымела прочь оба эксплуататорских класса. И казалось, что венгерская историческая литература должна была бы изобиловать трудами по истории дворянского землевладения и крепостного права. Можно было, наконец, ожидать, что и буржуазные историки дадут обширный комментарий к истории проникновения элементов капиталистического развития, разрушивших в конце концов феодальный строй. Но в действительности оставленное дворянско-буржуазной исторической наукой наследство в социально-экономической области оказалось довольно скудным. В результате современным марксистским историкам приходится не только критиковать старую историографию, но и многое просто создавать заново на пустом месте.

Экономическая история Венгрии почти не изучена. В этом деле молодым историкам, несомненно, поможет великолепно организованный Государственный исторический архив Венгерской республики. В дни пребывания в Будапеште я смог лишь немногие часы поработать в этом архиве. При этом, разумеется, лишь по одной теме, специально меня интересовавшей в связи с подготовляемым мною исследованием о шведском нашествии на Россию. Речь идет о сношениях Петра Великого с вождем многолетнего восстания в Венгрии против Габсбургов Ференцем Ракоци.

Должен сказать, что мне не приходилось видеть в Европе лучше устроенного архива, чем будапештский, с его образцовой картошкой. Благодаря истинно дружеской помощи заведующего архивом историка тов. Перени мне удалось получить фотокопии таких документов, как собственноручно подписанные письма Петра I, письма Головкина и Шафирова, петровских дипломатов и т. п. Эта венгерская документация вместе с той, которая имеется в наших богатых советских хранилищах, позволила мне принять неожиданно полученное приглашение выступить с докладом на юбилее в связи с 250-летием освободительной борьбы, возглавлявшейся Ференцем Ракоци.

Это торжественное чествование одного из любимейших народных героев многовековой борьбы за национальную независимость счастливо совпало с нашим съездом. Оно состоялось 13 июня в одном из самых больших театров Будапешта. Доклад о политических и военных заслугах вождя венгерского национального движения Ференца Ракоци сделал генерал Нюгради Шандор.

После него слово предоставили мне. Мой доклад был полностью посвящен дипломатическим сношениям Ракоци с великими державами, в особенности с Петром I, который высоко ценил ум, талант и энергию венгерского патриота. На этом вечере наша делегация по специальному приглашению заняла места в президиуме на сцене театра, до отказа переполненного публикой.

Венгерские участники конгресса, а также представители стран народной демократии неоднократно подчеркивали значение приезда и деятельности советской делегации для дальнейшего сближения историков стран Восточной Европы. Это сближение важно в совместной борьбе за прогрессивную науку, против мнимонаучной фашиствующей публицистики, которая кое-где на западе Европы и в Америке заменяет собой бывшее научное творчество.

В докладах представителей стран народной демократии, в частности, в докладах венгерских и польских историков, нашел свое отражение большой интерес к русской историографии. Наше внимание привлекли, например, доклад академика Б. Фогароши об отношении Н. Г. Чернышевского к Венгрии и ее истории, доклад Э. Нидерхаузера «Герцен и Венгрия». Отметим также дельный, богатый фактами доклад Л. Элекеша «Союзники и враги венгерского народа в борьбе против турецких захватчиков» и доклад Д. Эмбера «Помощь, оказанная советской исторической наукой новой венгерской исторической науке». В этом докладе отмечены заслуги Б. Грекова и указывается на серьезную роль советских вузовских учебников с точки зрения интересов преподавания истории в Венгрии.

Конгресс проходил под лозунгом, сформулированным на II съезде Венгерской партии трудящихся, о том, что пришло время возродить животворные, прогрессивные традиции венгерской истории: согласно этим традициям, Венгрия была сильной и уважаемой

тогда, когда она связывала свою судьбу с делом международного прогресса.

Большое количество докладов на конгрессе было посвящено вопросам совместной борьбы против общих врагов венгерского народа и соседних с ним народов. Это, например, доклады о совместной борьбе народов Восточной Европы против турецких захватчиков, немецких феодалов, гитлеровских захватчиков. Ряд докладов был посвящен выяснению связей венгерского рабочего движения с румынским, чехословацким, польским, русским рабочим и революционным движением.

Мы покидали этот прелестный город с его шумной уличной жизнью, парадной и жизнерадостной толпой людей, доброжелательность которых к собеседникам светила в их глазах.

Мы увезли с собой теплое, душевное воспоминание о проведенных в Будапеште днях. И одним из самых последних зрительных впечатлений был уже упомянутый колоссальный, видный всей столице монумент на горе Геллерт, воздвигнутый, как на нем высечено, во славу «Освободителям — советским героям, от благодарного венгерского народа».

Литературная газета, 1953, 2 июля,
№ 78.

УРОКИ ИСТОРИИ

К сорокалетию со дня начала первой мировой войны

1 августа 1914 г. — дата начала периода самых бурных переворотов, какие только знала история. Сорок лет назад немецкие империалисты, выбрав наиболее удобный, с их точки зрения, момент, развязали первую мировую войну.

Когда посол вильгельмовской Германии Пурталес сообщил русскому министру иностранных дел Сазонову об объявлении войны, в Берлине царило почти всеобщее убеждение, что с противником будет покончено за «восемь или десять недель». Именно из этого срока исходил во всех деталях выработанный план начальника кайзеровского генерального штаба графа фон Шлиффена. Когда на одном из секретных заседаний высших саповников империи фон Гельферих заикнулся, что, может быть, следовало бы сделать запасы продовольствия на тот случай, если война продлится год, то заседавшие с ним коллеги ответили на это громким смехом.

Германские империалисты рассчитывали на молниеносную победу потому, что стояли во главе узкой, замкнутой военной группировки сильных держав: Австро-Венгрия и Италия входили вместе с Германией уже с 1882 г. в Тройственный союз. Чтобы

привлечь к союзу еще и Англию или хотя бы обеспечить за собой ее «дружественный нейтралитет», немецкий посол князь фон Лихновский уже в последнюю минуту, в июле 1914 г., пообещал сэру Эдуарду Грей «полюбовный» раздел французских колоний после победы над Францией, но было уже поздно... Грей тут же отказался, не поверив в конечный успех затеваемой немцами агрессии. Пришлось кайзеровской Германии удовольствоваться лишь союзом с Австро-Венгрией и Италией. В первый момент, сгоряча, ей показалось, что и этого хватит. Что же касается Англии, то она в расколотой на агрессивные военно-политические блоки Европе входила, как известно, вместе с Францией и Россией в Антанту. Не будем пересказывать в газетной статье историю этих двух противостоящих друг другу группировок — Тройственного союза и Антанты (Тройственного соглашения). Напомним лишь, что их возникновение тогда тоже прикрывали — и вполне официально — интересами «обороны».

Немецкий генштаб планировал «блицкриг». Не только «владельческие классы» Германии, но и верхушка тогдашней социал-демократии предвкушала богатые плоды скорой победы. Однако вооруженный конфликт между двумя агрессивными блоками в Европе разросся в мировую войну. Она продолжалась более четырех лет и охватила свыше тридцати государств с населением около миллиарда человек. Германский империализм потерпел в этой беспримерной схватке империалистических хищников тяжелое поражение.

Идеологи реванша тут же после войны предприняли немало попыток свалить всю вину за военный разгром на монархию, на династию Гогенцоллернов и служивший им бюрократический аппарат. Но кого, в конечном счете, могли обмануть фальсифицированные версии немецких историков и «мемуарные» показания очевидцев и участников событий — кайзеровских дипломатов и генералов? В Германии и далеко за ее пределами хорошо знали, что агрессивная немецкая буржуазия издавна громко роптала на «робость» кайзеровского правительства. Ни для кого не было тайной, что германские империалисты намечали широкую программу территориальных захватов, которая поддерживалась не только буржуазией, но и правыми кругами социал-демократических партий.

В первые годы существования так называемой Веймарской республики казалось, что о повторении безумства 1914 г. в близком будущем не может быть и речи. Германский империализм перестал быть опасным соперником для держав-победительниц. Однако вскоре он вновь воспрянул к жизни. Дело в том, что если «золотой дождь» американских займов и кредитов помог быстро стать на ноги русским магнатам, то внешняя политика США и западных держав расчищала в Европе путь к созданию новых замкнутых, враждующих между собой военных группировок. Германским империалистам отводилась при этом особая роль...

Еще не успели высохнуть чернила на перьях, которыми подписывался Версальский трактат, как уже и в Англии, и во Франции, и в США оформилась новая военно-политическая «платформа». Существо ее, вкратце, сводилось к следующему: Советская власть в России должна быть уничтожена, чего бы это ни стоило: вследствие ряда условий, диктуемых социально-экономическими, политическими и географическими обстоятельствами, это дело наиболее оперативно, быстро и четко может быть выполнено только Германией, сильной в экономическом и военном отношении. Вывод был ясен, и, как показывают заметки и письма Штреземана, изданные его вдовой, сам Штреземан без труда раскусил Аристида Бриана, так много говорившего с ним в Туари в 1926 г. о необходимости мира и дружбы между Францией и Германией, а на самом деле обещавшего эту дружбу, только если немцы догадаются, не теряя золотого времени, напасть на Советский Союз.

Приход к власти Гитлера приветствовался и французской буржуазией, и в Англии, и, что было еще важнее, в США, где всемогущая нью-йоркская биржа без колебаний ставила на своего немецкого фаворита. В 1933 г. во французском журнале «Ревю де де Монд» появилась статья под названием «Гитлер». В ней с похвалой указывалось, что ничего нет и не может быть «непечного» в этом деятеле. В американской газете «Нью-Йорк таймс» в 1934 г. писалось, что Гитлеру за то, что он так энергично поддерживает принцип частной собственности, должны простить некоторые увлечения, например, расправу без следствия и суда с теми, кого он считает нужным убрать. Близкий к букингемскому дворцу вельможа Лессель обменялся при проезде через Берлин сердечным рукопожатием с новоявленным «спасителем от большевизма», как называли Гитлера в прессе английских консерваторов.

И нью-йоркская, и лондонская, и парижская, и брюссельская биржи спешили помочь гитлеризму. Летом 1933 г. на экономической конференции в Лондоне гитлеровский делегат Гугенберг открыто заявил просьбу, чтобы Европа и США предоставили теперь же, среди бела дня, Советскую Украину гитлеровской Германии. В 1934 г. во Франции подосланными Гитлером наемными убийцами (устами) были убиты французский министр Луи Барту и ведший с французами переговоры Александр, югославский король, а французское правительство, по требованию предателя Петэпа, прекратило даже расследование этого двойного убийства. Словом, уже ничто не считалось в Европе запретным для Гитлера. Ему вперед все давалось, все прощалось, все обещалось, лишь бы направить его агрессивные устремления на Восток.

Даже сам Гитлер, при всей своей наглости, на первых порах иногда колебался, не вполне еще уверовав в свою полную безнаказанность. Мы теперь знаем, что, когда он, например, в явно и нахально вызывающее нарушение Версальского договора, занял демилитаризованную прирейнскую зону, он спавдил своих генералов

запечатанными конвертами, в которых находился приказ немедленно поворачивать обратно, если французы со своей стороны введут в эту прирейнскую полосу свои войска. Но он напрасно беспокоился: французское правительство и не думало протестовать! Гитлеровская Германия, все более и более повышая свои требования, могла наперед быть уверена, что отказа ей ни в чем не будет, что западные державы готовы вымостить ей дорогу на Восток уступками. И действительно, Чехословакию выдали Гитлеру на растерзание в Мюнхене без задержек. Обуздать агрессора можно было бы с помощью коллективных санкций, но западные державы отвергли советские предложения, все еще рассчитывая за чужой счет накормить до отвала хищного фашистского зверя.

Но политика поощрения агрессии обернулась, в конечном итоге, против ее инициаторов. После Польши гитлеровская Германия кинулась на Запад. И на этот раз, при всей оголтелости и авантюристичности гитлеровской шайки, на войну решились в Берлине лишь тогда, когда удалось склотить агрессивную замкнутую группировку под вывеской так называемого «антикоминтерновского пакта». «Ось Берлин — Рим» была незадолго до начала второй мировой войны без труда продолжена: «ось» дошла до Токио.

Так же, как и перед первой войной, существование замкнутой группировки агрессивных сил, союзных с милитаристской Германией, развязало новую мировую войну, охватившую страны с населением почти в 2 миллиарда человек. В ходе войны осуществились идеи коллективной безопасности, которые отстаивал Советский Союз еще в дни подготовки германским фашизмом чудовищной агрессии. СССР, США, Англии и другие присоединившиеся государства сплотились в антигитлеровской коалиции.

События второй мировой войны живы в памяти народов. Никогда не сотрутся на скрижалях всемирной истории золотые письма о подвиге советского народа и его славной Армии, разгромивших гитлеровские полчища и избавивших человечество от угрозы фашистского порабощения. После сокрушительного военно-политического разгрома гитлеровской Германии народы Европы надеялись, что германский милитаризм не сможет уже снова стать на ноги и угрожать миру и благополучию соседних стран. Однако американская политика создания замкнутых военных блоков в Европе, вроде Североатлантического союза и «европейского оборонительного сообщества», вновь вызывает к жизни силы агрессии и реванша в Западной Германии. Боинские реваншисты чувствуют себя доверенными лицами правящих кругов США. Они готовятся занять командные посты в «европейской армии» или стать во главе «национального» вермахта, о возрождении которого всерьез говорят в Вашингтоне и Лондоне. «Не будем сами себя обманывать. Американцы хотят получить эквивалент за свои миллиарды!» —

по-деловому рассуждал как-то вслух западногерманский листок «Ди штимме дер гемейнде». Кое-что об этом «эквиваленте» рассказал корреспондент английской «Дейли геральд» Деннис Мартин. «Если им дадут оружие,— писал он о боппских реваншистах,— которое мы так стремимся навязать им, они снова будут готовы распространить нацизм по всей Европе».

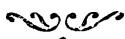
Будущие немецкие дивизии под началом гитлеровских генералов — этот «товар» высоко котируется на биржах монополий. Еще бы! В планируемых агрессивных походах этим дивизиям отводится роль ударной силы, какая отводилась в свое время гитлеровской армии. Агрессивные круги обеих англо-саксонских держав выразили лестную для западногерманских милитаристов уверенность, что возрождаемый вермахт будет самым ценным вкладом в «оборону» «свободного мира». Как тут не вспомнить фальшивые ссылки на «оборонительный» характер военных группировок в Европе 40 лет назад, в канун первой мировой войны, и позднее, перед началом второй мировой войны!

Возня с «европейским оборонительным сообществом» была затем и затеяна Соединенными Штатами, чтобы таким обманым путем хоть немного «закамуфлировать», как теперь часто выражаются дипломаты, восстановление реваншистской западногерманской армии и, во-вторых, замаскировать тот факт, что в предполагаемой «европейской армии» Италия не захочет сражаться против Советского Союза и стран народной демократии, а Франция, как выразилась одна левобуржуазная шведская газета, может быть, и будет сражаться, но пока не вполне ясно, на чьей стороне. Таким образом, верный и усердный исполнитель велений государственного департамента Аденауэр имеет все основания считать, что злополучное «европейское сообщество» его американские покровители сколачивают не только в собственных интересах, но и в интересах тех западногерманских реваншистов, которые всерьез помышляют о том, чтобы «переиграть игру», проигранную в свое время кайзером и Гитлером. Об этом Аденауэр прямо заявил недавно на совещании в Бонне. Через 2—3, максимум через 4 года, сказал он, «немцы смогут отвергнуть боннский и парижский договоры, как клочки бумаги, ставшие бесполезными». Но сперва, по словам боннского канцлера, «голос» федеральной республики, «будет услышан в европейском оборонительном сообществе».

Американская ставка на создание узких, замкнутых военных блоков в Европе ведет к расколу и новым войнам — этому учит исторический опыт 40 последних лет. Г-н Даллес что-то не собирается отказываться от политики «с позиции силы», которая уже принесла Вашингтону немало горьких разочарований и обманутых надежд. Но каждому здравомыслящему человеку ясно, что только страхом перед новыми провалами американских агрессивных планов в Европе продиктована поспешная реакция государственного департамента на советские предложения о созыве совещания всех

европейских государств по вопросу о системе коллективной безопасности. Ведь ясная, реальная, логическая программа, выдвинутая Советским Союзом, хоронит планы всевозможных, ведущих к войне, обособленных военных союзов и блоков в Европе. Можно, конечно, продолжать безнадежные попытки замолчать идею коллективной безопасности, но этот курс не избавит американскую политику от новых поражений. Все чаще в наше бурное, богатое событиями время излюбленная в Вашингтоне «позиция силы» выглядит позицией растерянности и бессилия, как это случилось совсем недавно в Женеве. Таковы мысли, которые на этот раз влечет за собой годовщина начала первой мировой войны.

Литературная газета, 1954, 31 июля,
№ 91.

ПОВОРОТНЫЙ ПУНКТ В ИСТОРИИ ЕВРОПЫ

Пять лет назад, 7 октября, в столице Германии — Берлине — на весь мир прозвучали исторические слова Манифеста Национального фронта демократической Германии, возвестившего об образовании Германской Демократической Республики.

Это событие явилось исторической вехой в жизни германского народа, значение которой трудно переоценить. Оно явилось поворотным пунктом в истории Европы. Впервые за многовековую историю германской нации было создано демократическое и миролюбивое германское государство. В результате всемирно-исторической победы советского народа, разгромившего на полях сражений Европы гитлеровский «райх», в результате коренных социальных и экономических преобразований с территории Восточной Германии железной метлой навеки были выметены промышленные бароны — повивальные бабки агрессии и кичливое прусское юнкерство. Тем самым из немецкой почвы на востоке Германии были вырваны ядовитые корни фашизма и милитаризма. Освежающая гроза, пронесшаяся над Восточной Германией, навсегда развеяла спертый казарменный дух Пруссии Гогенцоллернов и Германии Гитлера, и немецкие патриоты, вдохнувшие полной грудью свежий воздух свободы, приступили к закладке фундамента единой демократической и миролюбивой Германии.

В середине XVIII столетия прусский король Фридрих II, который в краткие промежутки между ведшимися им агрессивными войнами был не прочь побаловаться пером, написал «Политические грезы». Страшны были эти «грезы», больше смахивавшие на

бред манака, стремящегося во что бы то ни стало завоевать всю планету. История прусского милитаристского государства, прокладывавшего себе дорогу к этой цели огнем и мечом, показывает, что когда прусские короли, германские императоры и принцьявшие из их рук кровавую эстафету национал-социалисты начинали воплощать в жизнь эти «политические грезы», то в Европе вскипал пожар войны. Эти войны несли неисчислимые бедствия народам Европы — смерть, разрушения, голод.

Главный урок для немецкого народа из истории развития Германии состоит в том, что путь милитаризма, агрессии и войны, путь осуществления «политических грез» Фридриха II и его последователей означает для Германии путь национального самоубийства, путь национальной катастрофы.

Таким образом, история учит, что, нарушая мир и безопасность европейских стран, германский милитаризм выступал в роли мотылька самой немецкой нации.

Именно на этот путь вновь становятся ничему не научившиеся у истории боннские реваншисты, поощряемые и поддерживаемые Вашингтоном. Западногерманские города еще не очищены от развалин периода второй мировой войны, но там уже строятся казармы для нового вермахта. И, что еще более опасно, — хотя кое-где эти казармы пока не заселены ландскнехтами, но дух казармы уже пронизал всю Западную Германию. Германский штаб милитаристов, организатор агрессивных войн, с помощью американских «благотетелей» уже переселился из тюрем в дом № 105 по улице Аргеландер-штрассе в Бонне, где разместилось пресловутое «ведомство Бланка», едва замаскированное западногерманское военное министерство. Фон Хойзингер, фон Маптейфель, фон Шверин и многие другие генералы Гитлера заполняют дом № 105, который буржуазная пресса окрестила «западногерманским Пентагоном».

Дождь американских долларов оплодотворил германскую кузницу — Рур. Снова работают эссенские заводы Круппа, снова окутывают клубы дыма предприятия химического концерна «И. Г. Фарбениндустри». Круппи, Флик и другие некоронованные промышленные короли, в свое время поставившие у власти Гитлера, взяли в свои руки штурвал боннского корабля, поставив на этот раз штурманом отпетого реакционера, врага германского единства Конрада Аденауэра.

О чем свидетельствуют все эти факты? Они свидетельствуют о том, что силы международной реакции и боннские правители хотят увековечить раскол Германии, возродить немецкий милитаризм для осуществления своих агрессивных планов. Заговор агрессоров направлен одновременно и против германского народа, и против дела мира в Европе. Это своевременно разгадали народы, похоронившие убудочное «европейское оборонительное сообщество». Но провал «европейского оборонительного сообщества» не

охладил пыл агрессивных сил. В последние дни мы были свидетелями «дипломатии со скоростью 50 километров в час», как характеризовала одна парижская газета предпринятые западной дипломатией отчаянные попытки пайти новую форму для возрождения вермахта и включения Западной Германии в военную группировку западных держав.

Как известно, результатом этой «дипломатии со скоростью 50 километров в час» явился «заключительный акт» лондонского совещания девяти стран. Этот «заключительный акт» направлен к тому, чтобы развязать боннским реваншистам руки для сколачивания нового вермахта. Под нажимом государственного департамента США Западную Германию и Италию предусмотрено включить в Брюссельский военный пакт 1948 г., а боннскую Германию к тому же и в Североатлантический блок.

Вооружение Западной Германии и включение ее в Североатлантический пакт создали бы непреодолимую преграду для объединения Германии и сделали бы невозможным достижение соответствующей договоренности по германскому вопросу.

Но ныне проведение такой политики становится для Вашингтона и его партнеров делом все более затруднительным. Германский народ, наученный горьким опытом прошлого, усиливает сопротивление планам перевооружения Западной Германии. В авангарде этого растущего движения германского народа за единство страны и мир идет Германская Демократическая Республика. Она стала знаменосцем борьбы за мирное воссоединение Германии. Здесь родился призыв, который звучит ныне из уст миллионов немецких патриотов: «Немцы, за один стол!» Этот лозунг республика подкрепляет конкретными делами, направленными на создание единой миролюбивой Германии. На протяжении минувшего пятилетия свыше пятидесяти раз правительство ГДР, Народная палата, президент Вильгельм Пик выступали с официальными заявлениями, в которых была выражена готовность безотлагательно вступить в переговоры с правительством Западной Германии для того, чтобы договориться о выработке практических мер по объединению Германии, о подготовке и проведении свободных общегерманских выборов с целью создания демократического правительства для всей Германии, о расширении экономических и культурных связей между Восточной и Западной Германией, о принятии совместного заявления относительно недопущения ремилитаризации Западной Германии.

Отвергая протянутую ему руку с Востока, Бонн действует вопреки воле западногерманского населения, вопреки его страстному желанию воссоединиться со своими братьями на востоке Германии.

Германская Демократическая Республика окружена любовью и поддержкой всех миролюбивых сил.

Истинным другом германского народа в этот ответственный для него период истории является Советский Союз. Мы хорошо знаем, что германский вопрос неразрывно связан с проблемой общеевропейской безопасности. Из этого и исходит Советский Союз. Он считает своим долгом оказывать ГДР всестороннюю помощь и поддержку именно потому, что республика является оплотом миролюбивых сил всей Германии. Он последовательно борется за предотвращение возрождения германского милитаризма, за объединение Германии, за коллективную безопасность в Европе. Советские предложения предусматривают, что участниками общеевропейской системы коллективной безопасности могут стать как Западная, так и Восточная Германия, а после их объединения — единое германское государство. Эти предложения Советского правительства находят горячий отклик и поддержку в сердцах миллионов немцев как на востоке, так и на западе Германии. Не является ли это лучшим доказательством того, что советские предложения полностью отвечают национальным чаяниям и устремлениям немецкого народа!

Великий сын германского народа Гете мечтал увидеть в блеске силы дивной свободный край, свободный свой народ. За пять лет своего существования Германская Демократическая Республика делом доказала, что именно она является носителем лучших традиций германской нации, давшей миру Гете и Шиллера, Баха и Бетховена, Маркса и Энгельса, Бебеля и Тельмана, что именно она является знаменосцем в борьбе за то будущее, о котором мечтал великий поэт из Веймара.

Что касается Советского Союза, то он будет и впредь настойчиво добиваться, чтобы быстрее восторжествовало справедливое дело миролюбивых сил германского народа.

Известия, 1954, 6 октября, № 237.

ИСТОРИК-ПАТРИОТ

К числу самых выдающихся ученых, которых армянский народ дал нашей великой Родине, бесспорно относится Иосиф Абгарович Орбели. Он замечателен не только как крупнейший исследователь-археолог, историк искусства, автор глубоких анализов армянского эпоса, проявивший во всех этих разнообразнейших областях свежесть и оригинальность научного мышления, полную самостоятельность широкого и плодотворного ученого труда и обширность кругозора. Помимо всех этих качеств, Иосиф Абгарович с первых дней Великой Октябрьской революции обнаружил редкий в ученой

среде талант организатора и руководителя коллективной научной работы.

Задолго до того, как началась его славная, продолжающаяся много лет с таким блеском работа на ответственнейшем посту директора Эрмитажа, И. А. Орбели показал, до какой степени он умеет соединять силы научных работников и, ставя перед ними определенные, строго конкретные задания, направлять по намеченному руслу деятельность всего коллектива. А как нужны всегда и особенно в годы великих социальных сдвигов такие организаторы!

Научная работа Иосифа Абгаровича началась рано. Будучи еще студентом, он участвовал в раскопках города Ани, столицы древней Армении, производившихся его учителем академиком Н. Я. Марром. В этих замечательных раскопках студент Иосиф Орбели был правой рукой своего учителя и уже при своих первых шагах в науке проявил горячую любовь к музейному делу. Он заведовал Музеем древностей из раскопок Ани и составил каталог коллекций и путеводитель по городищу, напечатанный в 1910 г.

После окончания в 1911 г. Петербургского университета по классическому отделению историко-филологического факультета и по факультету восточных языков, И. А. Орбели со свойственной ему горячностью отдается научной деятельности. Во время своей командировки в Турцию он исследует археологические памятники древнего царства Урарту и средневековой Армении, изучает армянские наречия, составляет курдский словарь, записывает тексты и во всем этом добивается интересных результатов.

Научные труды Иосифа Абгаровича, посвященные памятникам армянской и грузинской культуры и культуры Ирана, а также работы по армянской эпиграфике и курдскому языку принесли ему славу выдающегося ученого и выдвинули его в первые ряды русских востоковедов.

Революция застала Иосифа Абгаровича в разгаре научной работы. Уже прошумела молва о его важных раскопках, об открытии в Ване стеллы с летописью урартского царя Сардура II, о своде анийских надписей, которыми он занимался с перерывами пять лет (с 1912 по 1917 г.). Многие знали также о его упорной и очень плодотворной работе по собиранию большого числа других древних армянских надписей. Интересовался ученый мир и тем искусством, с которым Орбели лично набирал сложнейшим эпиграфическим шрифтом свои анийские надписи, причем, кстати замечу, самый шрифт в академической типографии был исполнен по рисункам и под наблюдением молодого ученого. Все это было известно так же, как была известна его деятельная роль в анийских раскопках, давших первостепенные научные результаты.

Но только с 1918—1919 гг. узнали все Иосифа Абгаровича как исключительно талантливого ученого-организатора. Уже в октябре 1918 г. Народный Комиссариат просвещения утвердил Орбели,

ставшего только что профессором истории средневекового востока Лазаревского переднеазиатского института, членом правления, на которое возложено было дело преобразования этого замечательно-го рассадника ориенталистических студий в России. Он сыграл в деле этого преобразования руководящую роль, и здесь стало ясно, что он и впредь будет занимать ведущую роль там, где речь идет о реформировании старых научных учреждений и об их приспособлении к нуждам новой России, к учено-педагогическим требованиям общественности и Советского государства. Эти организаторские способности И. А. Орбели совмещались в нем с такой искренней преданностью революционному народу, что Советская власть со-здала все условия для того, чтобы как можно полнее использовать эту недюжинную, редкую силу.

Гораздо более сложную работу, тоже по преобразованию (и при-том самому радикальному) старого научного учреждения в новое, проникнутое иным духом и вдохновляемое новыми задачами и целями, проделал Иосиф Абгарович, когда в октябре 1918 г. вошел в состав Совета археологической комиссии, в тот момент, когда этот совет преобразовывался в Академию истории материальной культуры. И. А. Орбели способствовал тому, что эта академия, ГАИМК, как она стала сокращенно именоваться, сделалась средоточием большой научной деятельности по раскопкам и исследова-нию добываемых при этом обильных материалов. Еще не окончи-лась реформа в академии, как Иосиф Абгарович уже оказался необходимым на другом крайне ответственном посту: в феврале 1919 г. он — ученый секретарь коллегии по делам музеев, а спустя полгода, в начале августа 1919 г., также и член совета отдела древ-ностей Государственного Эрмитажа. С этого времени под руковод-ством И. А. Орбели сосредоточивается вся работа, ведущаяся в Эрмитаже по археологии и искусству Армении и Грузии, и эта же громадная область науки переходит под его руководство также в Академии материальной культуры. Вокруг И. А. Орбели начинает группироваться целая школа ученой молодежи, группа учеников, сотрудников, а потом и товарищей, с которыми он задумал и осу-ществил необычайно важную и крайне тяжелую, трудоемкую организаторскую работу. Под непосредственным руководством И. А. Орбели и при ближайшем участии академиков Н. Я. Марра и С. Ф. Ольденбурга в Эрмитаже был создан Отдел истории куль-туры и искусства Востока, явившийся первым новым отделом советского музея, в корне изменившим лицо старого Эрмитажа и выросшим в крупнейшее в мире собрание памятников культуры и искусства Востока.

Много поработал И. А. Орбели и по созданию полиграфиче-ской базы Академии наук и Академии материальной культуры, по реорганизации академической типографии. Он согласился взять на себя заведование этим большим и крайне важным учреждени-ем, сначала в качестве председателя комитета, а с ноября 1921 г. и

в качестве директора типографии, причем эту крайне сложную функцию он выполнял, отказавшись от какого бы то ни было вознаграждения. Тесными узами был связан И. А. Орбели с академической типографией — в ней он сам набрал свою замечательную книгу «Вопросы и решения вардапета Анании Ширакца». Он привлек к работе в типографии многих научных сотрудников, друзей и учеников.

С середины 1924 г. начинается деятельность Орбели в Эрмитаже в качестве помощника директора, и с тех пор на разных постах эта работа уже не прерывалась до июля 1934 г., когда он стал директором этого мирового музея. Здесь И. А. Орбели проводит громадную и очень сложную работу по превращению Эрмитажа в величайший музей истории культуры и искусства, энергично увеличивая собрания ранее существовавших отделов и создавая новые.

1 июня 1935 г. И. А. Орбели был избран действительным членом Академии наук СССР, а в 1943 г. — действительным членом Академии наук Армянской ССР, первым президентом которой он стал с 29 ноября 1943 г. Только необычайная загруженность работой побудила Иосифа Абгаровича в январе 1947 г. отказаться от этой почетной должности, которой он всегда так гордился. Его глубокий, любовный интерес к Армении, постоянное внимание к истории и культуре малого числом и великого своей духовной силой армянского народа сказались и в торжествах в Ереване в 1939 г. по поводу тысячелетия армянского эпоса «Давид Сасунский» и во многих других случаях. Поэзия закавказских народов всегда привлекала к себе И. А. Орбели. Его деятельное участие в организации празднования юбилея Руставели, его замечательные и глубиной содержания и блеском литературной формы доклады о Руставели («Эпоха Руставели»), доклад на торжественном заседании Академии наук «Герои Руставели и народ», доклад на торжественном заседании Эрмитажа «Руставели и его поэмы», на торжественном заседании соединенных институтов Академии наук в Ленинграде произвели глубокое впечатление на слушателей. Превосходный ученый и оратор, Орбели давно уже стал любимцем студенческой массы Ленинградского университета и других учебных заведений, где он преподавал. И. А. Орбели постоянно с присущей ему энергией принимал самое живое и близкое участие в организации и проведении культурных празднеств народов нашего Союза. Мы его видели и директором Пушкинской выставки в Ленинграде, и одним из организаторов празднования 800-летнего юбилея великого азербайджанского поэта Низами, и 500-летия основоположника узбекской литературы Навои.

В разносторонней научной деятельности И. А. Орбели много внимания уделялось археологической работе, для которой он всегда умел находить время. Следует отметить интереснейшие результаты раскопок И. А. в Амбердском замке XI в. на высотах горы Арагац в Армении, давшие ценный материал для изучения

культуры средневековой Армении. За выдающиеся работы в области истории кавказской архитектуры И. А. Орбели был избран действительным членом Академии архитектуры СССР.

Грянула война. С первых же дней И. А. ведет труднейшую и ответственнейшую работу по эвакуации музейных сокровищ Эрмитажа. Он лично руководит и упаковкой музейных ценностей, и погрузкой их в вагоны, и переноской в безопасные места оставшихся в Ленинграде коллекций. Орбели в дни войны превратил Эрмитаж в хранилище культурных ценностей всего Ленинграда.

В тяжелые дни блокады Иосиф Абгарович остался в осажденном городе и проводил большую общественно-агитационную работу, несмотря на труднейшие условия и свое расстроенное здоровье. Деятельность И. А. Орбели в дни блокадной зимы 1941/42 г. была в полном смысле слова патриотическим подвигом, за что он был награжден орденом Ленина.

Только в конце марта 1942 г., после завершения консервационных работ в Эрмитаже, И. А. Орбели был командирован Президиумом Ленинградского горисполкома в Армению, к месту своей работы в качестве председателя армянского филиала Академии наук СССР. В Армении он отдает всю свою кипучую энергию делу сплочения научных кадров Республики вокруг филиала Академии наук СССР, подготавливая тем самым создание Академии наук Армянской ССР.

Во время Отечественной войны И. А. Орбели постоянно выступал с докладами и лекциями в частях Красной Армии Ленинградского и Закавказского фронтов, иногда непосредственно перед их выступлением на фронт.

При первой возможности И. А. Орбели возвратился в Ленинград и приступил к руководству восстановительными работами Эрмитажа.

Вернулись и эшелоны с музейными сокровищами Эрмитажа, который через 22 дня снова сделал их доступными всему народу нашей страны.

Горячий патриотизм И. А. Орбели сказался в огромной работе по восстановлению разрушенных немецко-фашистскими варварами художественных сокровищ русского народа. Чрезвычайная государственная комиссия по моему предложению, поддержанному остальными членами комиссии, привлекла И. А. Орбели к активному участию в обследовании ленинградских пригородных дворцов и по установлению ущерба, нанесенного немецкими и финскими захватчиками. Всем памятна уничтожающая отповедь, которую дал И. А. Орбели циничной выходке наглеца — защитника гитлеровских злодеев во время нюрнбергского процесса. Такой же бандит в душе, как и его подзащитный, этот немецкий «юрнст»-гитлеровец попробовал доказывать, что фашистские бомбы лишь по ошибке летели на Эрмитаж. И. А. Орбели разбил эти лживые утверждения.

Немыслимо подвергать анализу в масштабе одной статьи 60 ученых трудов И. А. Орбели, которые доставили ему ученую славу и признание в Советском Союзе и далеко за его пределами в кругах археологов, историков искусства и исследователей эпоса восточных народов. В этой краткой заметке мы лишь ограничились самыми беглыми штрихами для характеристики деятельности этого замечательного ученого. Но даже и в самой сжатой статье нельзя не коснуться хоть в нескольких словах той черты И. А. Орбели как человека, которая так помогает ему в его разнообразной и труднейшей научно-административной деятельности. Это человек большого сердца, умеющий понимать людей и их нужды, умеющий отстаивать интересы своих сослуживцев и подчиненных и, главное, умеющий заинтересовать работающих с ним научными темами, которые он считает очередными и нужными. При его эмоциональном темпераменте ему, вероятно, случалось иной раз вспылить, но никогда я не слышал, чтобы он кого-нибудь обидел. Мы знаем, какой прекрасный товарищ — Иосиф Абгарович, и мы часто имели случаи убедиться в том, какой скромностью отличается этот в стольких отношениях выдающийся человек.

Почти вся деятельность Иосифа Абгаровича и уж во всяком случае весь расцвет этой деятельности принадлежит именно советскому периоду. Только советский строй дал и ему, как многим, многим другим, возможность развернуть на широком поприще свои силы, и И. А. Орбели принадлежит к тем, которые этой возможностью воспользовались в полной мере.

В кя.: Дружба. Статьи, воспоминания, очерки об армяно-русских культурных связях. Сост. А. Арзуманян. Ереван, 1956, стр. 241—248.

НАША ДИПЛОМАТИЯ

По-разному определяют буржуазные историки, теоретики и практики дипломатического искусства цель и методы дипломатии. Однако все их ученые определения, как бы разнообразны и цветисты они ни были, не могут скрыть того, что цели буржуазной дипломатии неизменно сводятся к двум основным: к маскировке истинных намерений и к симуляции намерений, которых на самом деле не существует.

Но в наши дни существует и иная дипломатия, советская дипломатия, принципы и методы которой основываются не на маскировке и симуляции, а на правде, искренности и честности в отношениях с другими странами. И задача ее заключается не в продолжении войны средствами дипломатии, не в подготовке горячей

войны путем разжигания холодной, а в диаметрально противоположном: в укреплении мира и безопасности народов.

Как небывалы и удивительны для «классической» дипломатии подобные методы и задачи, так небывала и сама история появления и развития советской дипломатии, составляющей органическую, неотъемлемую часть развития Великой Советской социалистической державы.

Начало: обнищавшая, обескровленная, обессиленная насквозь прогнившим царским строем, разворованная полчищами проходивцев и отданная на заклание вторгшемуся жестокому захватчику, страна находит в себе силы сбросить вековое иго.

Когда в эти дни первые сотрудники нового ведомства — Народного Комиссариата по иностранным делам — пришли в здание бывшего императорского министерства, они застали там только курьеров. Господа же чиновные дипломаты бежали, предварительно выкрадв шифры... Так было в области дипломатии, так было повсюду, во всех звеньях правительственного и хозяйственного аппарата. Но страна мощным революционным подъемом ответила исконным врагам, эксплуататорам и паразитам и с честью выдержала тотчас же начавшуюся почти трехлетнюю вооруженную борьбу против предательского нападения своих вчерашних союзников. В этот критический период страна эта считалась на Западе до такой степени погибшей, что, говоря старинным слогом, уже «оризах ее метали жребий». И, подражая Меттерниху, американец Буллит и его единомышленники старались доказать всем, кто хотел их слушать, что никакого русского государства уже давно нет, а Россия — не более как географическое понятие, прилагасное по традиции к некоторой части Европы и Азии. Таково было *начало*, закончившееся, как известно, изгнанием интервентов и победой Советского государства.

Через два десятилетия на Советскую страну обрушилось новое нашествие, еще более неистовое, зверское нашествие захватчиков, вполне откровенно объявивших своей прямой целью уничтожение не только государства, но и народа, из коего они хотели оставить лишь небольшую часть для выполнения функций рабочего скота.

Но после такого начала и такого продолжения страница всемирной истории пересворачивается, и перед нами перемена настолько разительная, настолько ни на что бывшее в истории не похожая, что и в Европе и в Америке (в том числе в пресловутом так называемом секторе изучения СССР в Гарвардском университете) часто эту перемену называют «чудесной» и прибавляют: «Свет переменился».

Вторая мировая война, в которой развязавшая ее гитлеровская банда поставила себе целью покончить с Советским государством, завершилась полной победой советского народа. В 1945 г. Советская Армия вышла на Эльбу, а Советский Союз оказался одной из наиболее могущественных держав земного шара.

Мы не будем сейчас входить в анализ основных причин, вызвавших на протяжении столь краткого исторического периода такие явления. Не будем напоминать о животворном влиянии социалистических идей и о замечательных достижениях руководимого Коммунистической партией Советского государства, удесятельных творческие силы раскрепощенных народных масс. Мы в этой краткой характеристике займемся только некоторыми внешнеполитическими результатами побед Советского государства и принципов его дипломатии.

Четкое представление о том, какова в настоящее время столь бесспорно выросшая роль Советского Союза в международных делах, каков удельный вес его дипломатии, мы получим, остановившись на развертывающихся перед нашими глазами современных событиях.

Как сложилась после окончания второй мировой войны мировая политическая обстановка?

В одном из руководящих органов печати американского империализма, «Нью-Йорк геральд трибюн», в 1946 г. было отмечено, что господствующим настроением даже среди самых осведомленных и авторитетных руководителей буржуазного общественного мнения было в первые послевоенные месяцы «взволнованное изумление». «Изумление» вызывалось полной неожиданностью для этих господ развязки войны, а «взволнованность» — весьма в данном случае понятная — сознанием тех потрясений, которые постигли в результате второй мировой войны капиталистический мир.

Прежде всего империалисты западных держав не ждали и не желали такого полного разгрома германского империализма. Вторых, слишком уж неожидан был и другой итог войны, заключавшийся в громадном росте международного веса и авторитета Советского Союза, в том, что он стал фактором решающего значения.

Уже на заключительном этапе войны произошли события, которые оказали памятное впечатление на руководящие круги европейских держав. В самом конце 1944 г. и в январе 1945 г. гитлеровская армия прорвала союзный фронт в Бельгии, явно угрожая Антверпену и создавая опасность выхода немецко-фашистских дивизий к морю вразрез англо-американского фронта. Перед лицом опасности Уинстон Черчилль телеграфировал настоятельную просьбу о помощи в Советскую Главную ставку. Просьба была уважена: советский фронт от Балтийского моря до Днестра двинулся вперед; гитлеровские ударные дивизии были в срочном порядке переброшены из Фландрии на советско-германский фронт, и Западный фронт был спасен. Таков был факт, который не очень любят вспоминать, но который ни в Англии, ни во Франции, ни в Бельгии все же не забывают.

Вечно будет жить в памяти народов победоносное освобождение советскими войсками Вены, Будапешта, Праги, Белграда,

взятие Берлина — вся бессмертная триумфальная эпопея советских побед, завершившаяся полным разгромом «третьего рейха»:

По хищнической логике империалистической политики государство, которое явило всему миру такую несокрушимую силу и вышло таким могучим из тягчайших испытаний, должно было бы реализовать плоды своей победы, своей возросшей мощи по тому старому рецепту, который цинично и откровенно выразил Геббельс, заявивший после первых гитлеровских захватов: «А теперь мы прежде всего поправим свои дела за чужой счет».

В полной противоположности привычным в истории мировых держав традициям Советская держава использовала свою мощь, свой авторитет, свою победу для того, чтобы создать основы прочного мира между народами, обуздать силы агрессии и войны, оказать поддержку здоровым демократическим силам во всей Европе, и не только в Европе. Если говорить об этих основных чертах, определивших после войны политику Советской державы, то лучшим примером может служить линия ее в германском вопросе. Здесь сочетались, во-первых, твердая решимость не допустить возрождения сил милитаризма и агрессии, не допустить, чтобы Германия вновь превратилась в очаг военной опасности для Европы и для всего мира, и, во-вторых, сознательное стойкое намерение не уничтожать поверженное германское государство, не стирать его с политической карты, не истязать и не грабить страну, а дать возможность немецкой нации возродить свое государство на новых, демократических, миролюбивых началах. В этом советская политика видела и видит путь к устранению угрозы возобновления германской агрессии, к обеспечению прочного мира в Европе.

У дипломатов западных держав линия советской политики вызвала удивление. Они не могли и не хотели понять, что Советское государство использует весь свой авторитет и всю свою мощь для того, чтобы проводить в жизнь те принципы мира и дружбы между народами, которые были торжественно провозглашены Великой Октябрьской социалистической революцией. Западная пропаганда объясняла призывы Советской страны к миру ее «слабостью». Но вскоре же версия о «слабости» потерпела явный крах, а советская политика мира осталась.

Мы знаем, что в прессе и в дипломатии той капиталистической державы, которая раньше других овладела секретами производства атомного оружия, т. е. Соединенных Штатов Америки, была сделана попытка объяснить эту «умеренность» советской дипломатии «страхом» перед «атомными репрессалиями». Но прошло немало времени, и перед всем миром обнаружилась полная фальшь и надуманность такого «объяснения»; выяснилось, что никакой американской монополии в области обладания новым грозным оружием не существует. Теперь широко известно, что великая социалистическая держава обладает *всеми* новыми видами оружия. Даже самые развязные империалистические задиры перестали

кричать об американской монополии в этой области. Однако и при такой ситуации именно Советский Союз неутомимо выдвигает все новые и новые предложения, проявляет все новую инициативу, чтобы добиться уменьшения международной напряженности, добиться укрепления мира.

Всем известно, какое огромное значение имели энергичные усилия советской дипломатии для достижения соглашения о прекращении кровопролития в Корее и для успеха Женевского совещания и восстановления мира в Индокитае. В борьбе за мир Советский Союз бросил на чашу весов свой громадный авторитет первой в истории человечества великой державы, политика которой устремлена не на завоевания, захваты и порабощение ближних и дальних соседей, а на установление добрососедских международных связей, на бескорыстную помощь другим странам, если только их политика так же миролюбива, так же направлена на мирное процветание народов, как и политика нашего государства.

Именно на этом замечательном принципе зиждется дружба стран демократического лагеря. Именно такая политика приводит к тому, что миллионы сердец простых людей во всех странах, в том числе в странах капитала, полны любви и доверия к могучему государству, начертывавшему на своих знаменах лозунги мира и дружбы между народами и неизменно осуществляющему эти высокие принципы.

За последние месяцы советская внешняя политика выдвинула ряд новых предложений, проявила новую инициативу по самым важным вопросам современных международных отношений. В то время как дипломатия западных держав выбивается из сил, чтобы «спасти Европу» при помощи восставления гитлеровского вермахта и увековечения раскола Германии, Советский Союз выдвинул действительную и мудрую альтернативу — систему коллективной безопасности в Европе, которая объединила бы все страны нашего старого континента, независимо от их общественного строя, в борьбе за обеспечение прочного мира.

Чего стоит по сравнению с этой великодушной, подлинно человеческой идеей проект нового «священного союза» реакции, поспешно выдвинутый вместо провалившегося «европейского оборонительного сообщества» и столь же поспешно окрещенный «западноевропейским союзом»!

Несмотря на кажущийся успех лондонских, а затем парижских соглашений о создании этой самоновейшей империалистической комбинации, она, судя по всем данным, ничуть не разгладила морщин заботы на хмуром челе западной дипломатии. «Перед нами по-прежнему стоит все собою затмевающий русский вопрос, т. е. вопрос всех вопросов, о котором мы заставляем себя не думать», — высказалась недавно одна бельгийская газета из числа поддерживающих авантюристические проекты «спасения Европы от несущей угрозы «советской агрессии» при помощи

вполне реально существующих волков западногерманского реваншизма.

Причина гибели порочных проектов в сущности своей весьма проста. Пресловутый «русский вопрос» заключается отнюдь не в сознательно выдуманной угрозе «советской агрессии». Ведь политика Советского Союза основывается не на волчьих законах капитализма, а на величественных, благородных принципах, провозглашенных Октябрьской революцией. Ведь первым внешнеполитическим актом Советской власти был Декрет о мире, а прямым и логическим продолжением его является вся внешняя политика Советского государства, вплоть до нынешнего предложения о создании системы коллективной безопасности в Европе и нынешних предложений по вопросу о сокращении вооружений и запрещении атомного, водородного и других видов оружия массового уничтожения.

Вот в этих предложениях, которые могут обеспечить народам Европы и всех других континентов прочный мир и избавить все человечество от гонки вооружений, а колоссальную силу освобожденной ядерной энергии превратить из смертоносной угрозы в благодеяние для людей, — в этом и заключается подлинный «русский вопрос»!

Оглядываясь на пройденный путь и создавая перед своим умственным взором картину современной международной обстановки, мы констатируем все усиливающееся моральное воздействие внешней политики Советского Союза. Ведь выход из темного, зловещего тупика, искусственно создаваемого политикой агрессивных западных кругов, указан именно Советской державой.

Те, кому несправедливы идеи мира и дружественного сотрудничества между народами, пытаются мешать благородным усилиям советской дипломатии. Но сотни миллионов людей доброй воли во всех концах нашей планеты горячо одобряют и поддерживают эти усилия, эту политику, направленную на создание коллективной безопасности и укрепление сотрудничества между всеми государствами.

Новое время, 1955, № 3, стр. 11—14.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ
РАБОТЫ

«НАПОЛЕОН» СТЕНДАЛЯ

Книга Стендаля о Наполеоне, превосходно переведенная на русский язык нашей известной переводчицей А. С. Кулишер, является одним из очень значительных и характерных трудов наполеоновской историографии. Вместе с тем эта работа очень важна и для понимания литературной манеры и писательской личности самого Стендаля, классика французской литературы, романы которого (именно в описаниях битв) оказали известное — и уже учтенное исследователями — влияние на Льва Толстого. Стендаль и в своем историческом труде является художником-реалистом. Его книга представляет собой не только плод изучения Наполеона и его эпохи и плод размышлений над накопленным материалом, но и продукт прямых наблюдений, потому что Стендаль — непосредственный участник многих знаменательнейших событий наполеоновской эпохи.

Конечно, он в глубине души восхищается гигантской фигурой императора больше, чем хочет это показать. И зная за собой это чувство непрестанного восторга, он стремится как бы наперед обеспечить себя от упреков в пристрастии. Для этого, с одной стороны, он приводит ряд аргументов и доказательств необычных свойств гения своего героя, и, с другой стороны, желает показать читателю, что он несколько не скрывает темных сторон, свойственных характеру Наполеона, и таких дел, которые вовсе не служат к его возвеличению. Иногда он даже преувеличивает и заходит слишком далеко в стремлении обнаружить свое беспристрастие. Так, он говорит, что Наполеон «был слишком изумительным полководцем, для того чтобы быть хорошим политиком и законодателем». Стендаль объясняет это тем, что «одному человеку не дано вмещать в себе все таланты». В данном случае Стендаль не прав: Наполеон был замечательным политиком и законодателем. Но Стендаль должен был бы прибавить, что дело успешно проведенного создания очень стройной и прочной законодательной системы было облегчено для Наполеона

тем, что уже успела сделать до него великая буржуазная революция.

Недостатком труда Стендаля вообще является стремление недооценивать то наследие, которое Наполеон получил от революции, и значение тех толчков и ударов, которые здание европейского феодализма успело получить при великом французском революционном перевороте. В это Стендаль не хотел углубляться.

Стендаль силен в своем живом, ярко образном рассказе о подвигах Наполеона. Кое-где (там, где официальные документы намеренно молчат и приходится довольствоваться слухами) Стендаль впадает в фактические ошибки. Например, он рассказывает о покушении Штона на Наполеона в 1809 г., следуя неверной, выдуманной версии. Книгопродавец Пальм был расстрелян не в 1809 г., а в 1805. Говоря о чисто хищническом, вопиющем поведении Наполеона в испанском вопросе, Стендаль как-то так строит изложение, что выходят виноватыми жертвы, ограбленные и лишенные свободы Наполеоном, а не сам Наполеон.

Но самый рассказ о перевороте, произведенном Наполеоном в Испании, удивительно интересен и ярок. Относительно России у Стендаля, при всем его критицизме и силе анализа, сказывается порой традиционное французское невежество: «Со времен Петра Великого Россия твердо верила, что в 1819 году, если только у нее хватит на это энергии, она будет владычицей Европы, и что единственной державой, способной ей противостоять, явится Америка».

Этот курьезный вздор взят, конечно, из известной фальсификации, выпущенной во Франции перед нашествием Наполеона (г. е. из мнимого «Завещания Петра Великого»). Стендаля не остановило даже то, что при Петре Великом «Америка» была лишь несколькими малонаселенными английскими колониями, разбросанными на побережье Атлантического океана. Стендаль оправдывает войну 1812 г., так как, по его мнению, Наполеон должен был воспользоваться последним шансом остановить непрерывно возрастающее могущество России. Это более чем сомнительное объяснение, конечно, ничего научно допустимого и доказуемого в себе не заключает. Но при рассказе о самом походе Стендаль дает немало очень интересных замечаний и передает очень запоминающиеся непосредственные впечатления.

«Дисциплина в армии распалась от грабежа, который поневоле пришлось разрешить солдатам в Москве, раз их не снабжали продовольствием», — говорит Стендаль, забывая прибавить, что русский крестьянин, сжигая все свои запасы продовольствия, вместо того, чтобы продать их французам, именно и заморил голодом наполеоновскую армию. Не поняв народной войны, Стендаль и пришел к совершенно ложному умозаключению, будто наполеоновская армия погибла в России только от климатических

условий и от упадка дисциплины. Русской народной войны он не понял.

Очень хороши последние главы книги, где говорится о последней, отчаянной борьбе Наполеона за свою империю. И здесь Стендаль очень хорошо разграничивает свою оценку великого полководческого искусства французского императора, которое проявилось с таким ярким блеском в кампании 1814 г., от правдивого и беспощадного осуждения деспотической внутренней политики, так сильно подорвавшей дух народа в эту трагическую минуту. Превосходно и с научно-исторической, и с художественной точки зрения рассказана история возвращения Наполеона с Эльбы, нового его воцарения и событий Ста дней.

Очень глубоко некоторые мысли Стендаля о герое, при дворе которого он все же прожил несколько лет: «Это человек, наделенный необычайными дарованиями и опаснейшим честолюбием, самый изумительный по своей даровитости человек, живший со времен Юлия Цезаря, которого он, думается нам, превзошел. Он скорее создан для того, чтобы стойко и величаво переносить несчастья, нежели для того, чтобы пребывать в благоденствии, не поддаваясь опьянению». Стендаль слишком снисходительно судит о бесчисленных, непрерывных войнах Наполеона, обнаруживая склонность считать их в основе оборонительными, а не наступательными, по первоначальному их мотиву.

Исключение он делает лишь для испанской войны, которую считает определенно агрессивной со стороны Наполеона. Конечно, таким же «исключением» является и война 1812 г., если даже признать, что в некоторых других больших войнах первоначальный агрессивный замысел неприятеля послужил Наполеону предлогом к быстрейшему развязыванию «предупредительной войны».

Эта яркая, содержательная книга будит мысль читателя, дает разнообразные и очень любопытные показания очевидца и соучастника событий, она написана пером классика французской литературы. Следует желать скорейшего появления ее перевода на русский язык¹.

1940 г.

БОРОДИНО 1812—1952

ПЕРЕД СРАЖЕНИЕМ

Бородинская битва навсегда осталась в памяти русского народа как один из великих его подвигов, а во всемирной истории — как одно из самых ярких и могучих наглядных выявлений гигантских нравственных и умственных сил, таящихся в России и с непреодолимой мощью подымающихся на агрессора и насильника, оскорбляющего русскую честь и покушающегося на целостность и неприкосновенность русского государства.

«Двенадцатый год был великою эпохой в жизни России. По своим следствиям, он был величайшим событием в истории России после царствования Петра Великого. Напряженная борьба па смерть с Наполеоном пробудила дремавшие силы России и заставила ее увидеть в себе силы и средства, которых она доколе сама в себе не подозревала»¹. Так судил знаменитый русский демократ и революционный мыслитель Белинский.

Вспомним только, каково было соотношение сил между наполеоновской всеевропейской империей и Россией в тот момент, когда Наполеон вторгся в русские пределы. Ведь в данном случае приходится считать не только те примерно 600 тысяч вооруженных людей, которых в разное время в 1812 г. Наполеон ввел в Россию, а также и то, что у него было в резерве. В резерве же у него были беспрекословно ему повиновавшиеся силы, стоявшие гарнизонами и в самой Франции, и в Италии, и в германских странах, прямо или если не формально, то фактически ему подчинявшихся (Рейнский союз, Вестфальское королевство его брата Жерома Бонапарта, Саксония — его союзника короля Фридриха-Августа, Бавария — другого его союзника и Польша — «Герцогство варшавское» и т. д.). Наконец, весной 1812 г. французскому императору удалось (без труда) заставить Австрию и тот обрубок территории, который он оставил по Тильзитскому миру Пруссии, вступить с ним в военный договор и обязать их

принять участие в готовящемся нападении на Россию. При этом Австрия и Пруссия и сами желали победы Наполеона и ждали от него «великих и богатых милостей», а прусский король, во имя спасения которого от Наполеона русским войскам пришлось в 1806—1807 гг. пролить столько крови, теперь низкопоклонно выпрашивал уже наперед у французского императора русскую Курляндию в случае победы. И войска Австрии и Пруссии принимали затем активное участие в нашествии.

Фактически вся континентальная Европа шла на Россию под водительством замечательнейшего западноевропейского полководца. «Не вся-ль Европа тут была? А чья звезда его вела?» — сказал об этом Пушкин. В «звезду» так долго непобедимого императора верила не только его «старая гвардия», завоевавшая под его начальством впервые Италию и Египет, а потом сокрушившая почти всю Европу, но и широкие слои европейского общества, со страхом следившие за счастливым насильником, за этим сказочным «царем Дадоном», который

«...двадцать целых лет
Не снимал с себя оружия,
Не слезал с коня ретивого,
Всюду пролетал с победою,
Мир крещеный потопил в крови,
Не падал и некрещеного».

Пушкин под Дадоном понимал тут именно Наполеона.

Мало кто верил, что непасытный завоеватель остановится, пока на континенте Европы существует хоть одна самостоятельная, независимая от его воли держава, — и еще меньше было на Западе тех людей, которые надеялись на то, что Россия устоит в «неравном споре». Материальное могущество наиболее развитых торгово-промышленных стран континента было также в полном распоряжении Наполеона. Мудрено ли, что Наполеон уже с конца 1810 г. неустанно готовился к нападению и изобретал один предлог за другим, чтобы сделать столкновение совершенно неизбежным. Придирки и провокации Наполеона были так искусственны, так наглы, так кричаще несправедливы, что в самой Франции не только в рабочем классе, но и в буржуазии и даже среди приближенных сановников и генералов, среди любимейших маршалов не могли уразуметь, зачем император так неуклонно стремится создать новую катастрофу, быть может, величайшую из всех, виновником которых он до той поры являлся. В разгаре войны, в Витебске, Наполеону пришлось выслушать от главного интенданта своей армии смелые слова: «Из-за чего ведется эта тяжелая и далская война? Не только ваши войска, государь, но мы сами тоже не понимаем ни целей, ни необходимости этой войны... Эта война не понятна французам, не популярна во Франции, не *народна*», — так заключил граф Дарю.

Вот с этого и нужно начать, когда мы хотим понять, почему Россия одолела всесплного врага, почему «равен был неравный спор». В России война стала с начала ее и понятной, и популярной, и *народной* в самом широком, всеобъемлющем смысле слова. Для русского народа сразу же стало святым долгом воевать против вторгшегося насильника и захватчика, которого наш великий фельдмаршал Кутузов уподобил варварскому вождю монголов Чингис-хану. Русские видели неприятельскую орду, опустошающую их страну уже в процессе ведущегося похода, и твердо знали, что если им не удастся отбросить прочь и избавиться от напавшей на них грабительской орды, то им грозит долгое и тяжелое ярмо под пятой иностранного завоевателя. Масса крестьянства очень правильно поняла, что Наполеон решительно не желает даже отдаленно касаться основ крепостного права, но стремится к угнетающей крестьян помещичьей кабале прибавить еще и другую кабалу, исходящую от иноземного захватчика, который без труда сговорится с царем и с помещиками в случае своей победы и сделает царя и помещиков своими, так сказать, управляющими и приказчиками, чтобы прочно держать крестьян в узде. Да и другие классы русского общества считали для себя гибельным грозившее им экономическое и политическое рабство.

Когда после гибели Смоленска армия Наполеона пошла на Москву уже прямым, безостановочным путем, тогда народное сознание подсказало, что приблизился самый критический момент, что без решительной, отчаянной схватки не обойтись и что во главе армии, которая до сих пор, правда, с героическим сопротивлением наносила врагу порой очень тяжелые удары, но все же принуждена была отступать, должен быть поставлен человек, которому верил бы весь народ, вся армия, потому что только он мог бы пойти на самый грозный риск и на самые неслыханно тяжелые жертвы, ничуть не колебля ни в народной массе, ни в возглавляемом им войске веру в полную необходимость приносимых жертв.

Этим человеком мог быть в тот момент только потерявший в боевых подвигах прежнее здоровье, уже не очень крепкий физически старик с выбитым глазом — Михаил Илларионович Кутузов.

Долгое отступление Барклая обескуражило в армии многих уже давно. После Смоленска ропот и раздражение стали сказываться с невиданной раньше резкостью.

Ермолов считал, еще не зная о состоявшемся 8 августа указе сенату о назначении Кутузова, что Россия находится в самом опасном положении. «Когда гибнет все, когда отечеству грозит не только гром, но и величайшая опасность, там нет ни боязни частной, ни выгод личных», — писал Ермолов Багратиону, умоляя его писать о смене Барклая де Толли. Он писал ему, как человеку, «постигающему ужасное положение», в котором находилась

родина. В гневе на отступление Барклая Багратион грозил, что сложит с себя командование 2-й армией. Ермолов умолял его подождать и намекал на давно носившиеся слухи о Кутузове: «Припсите ваше самолюбие в жертву погибающему отечеству нашему... Ожидайте, пока не назначат человека, какого требуют обстоятельства. В обстоятельствах, в которых мы находимся, я на коленях умоляю вас, ради бога, ради отечества, писать государю...»² Но такое положение решительно не могло дольше длиться; либо Багратион, либо Барклай, — один из них должен был уйти. «...А ты, мой милый, очень на меня напал и крепко ворчишь! — писал Багратион Ермолову. — Право не хорошо!.. Но что мне писать государю, сам не ведаю... Если написать мне прямо, чтобы дал обеими армиями мне командовать, тогда государь подумает, что я сего ищущу не по моим заслугам или талантам, но по единому тщеславию».

Назначение Кутузова главнокомандующим над «всеми армиями» явилось единственным выходом. И Барклай, и Багратион остались на своих местах: Барклай — командующим 1-й армией, Багратион — 2-й, с непосредственным их обоих подчинением верховному главнокомандующему Кутузову. Ликование народной массы выражалось прежде всего петербургским населением. «Народ теснился вокруг почтенного старца, прикасался его платья, умолял его: „Отец наш! Останови лютого врага; низложи змия“». Отъезд Кутузова в армию превратился в «величественное и умирительное шествие»³.

«Вождь спасенья!» — так назвал Кутузова Жуковский в своей «Бородинской годовщине». «Иди, спасай — ты встал и спас!» — так вспоминает Пушкин о том моменте, когда назначенный главнокомандующим Кутузов прибыл 19 августа 1812 г. в Царево-Займище к ожидавшей его армии и, при нескончаемых кликах восторга и пламенных изъявлениях преданности и любви, воспринял верховное главнокомандование.

Буквально с первых же дней своего верховного командования Кутузов не только решил дать неприятелю «генеральное сражение», но уже торопился, призывая командующих отдельными, бывшими «на отлете» от главной армии, армиями Чичагова, Торماسова и Витгенштейна, сообщить первым двум о своем намерении. О Кутузове в старой дворянско-буржуазной литературе (даже в тех случаях, когда его заслуг не преувеличивали умышленно) говорили, что под Бородином он «оказался» на высоте, — на самом же деле он обнаружил себя первоклассным стратегом задолго до Бородине в войнах, где он командовал, и ему и его армии удалось сделать и после Бородине то, что никому в Европе не удавалось сделать: своим зрело обдуманым и гениально подготовленным и осуществленным контрнаступлением разгромить Наполеона и нанести хищнической колоссальной империи вторгшегося захватчика непоправимый, смертельный удар. Таким обра-

зом, Бородино является не единственным подвигом Кутузова как стратега и тактика, а лишь одним, правда, имевшим исключительное, мировое значение в цепи великих достижений кутузовского полководческого искусства. И армия, которую повел Кутузов к Бородину, была достойна своего вождя. Сознание, что пришел час решительной борьбы за спасение родины от вторгшегося в ее пределы и ведущего истинно разбойничью войну врага, закошпейшее, справедливейшее чувство мести и отпора пассивнику, и убеждение, что пришел, наконец, час решающей боевой ошибки, которого так долго ждали, о котором с таким нетерпением мечтали во время долгого отступления от начала войны,— все это сделало то, что на военном языке называется «боевой моралью» войск, ставших перед Наполеоном силой несокрушимой. Вера русской армии в старого фельдмаршала, в его доблесть, в его высокие таланты, в его верность отечеству, сыном которого он явился,— та вера, которой не было у солдат к предшественнику Кутузова, одушевляла армию. Барклай, конечно, не был никогда «изменяшкой», как говорили тогда некоторые его враги,— но что поделаешь! Ничего даже отдаленно похожего на то чувство, которое, что называется, горами двигает, Барклай к себе никогда возбудить не мог. Да и никто из людей, из которых должно было найти преемника Барклаю, вообще не мог в этом равняться с Кутузовым.

В литературе о 1812 г. ставился вопрос о том, имел ли в виду Кутузов перед Бородинским сражением возможность оставления Москвы? На этот вопрос должно дать решительно отрицательный ответ. Ни малейших данных, которые давали бы право предполагать это, у нас нет. Ставится и другой вопрос: собирался ли Кутузов дать после Бородина другое сражение перед Москвой. Здесь есть указания, дающие право предполагать, что перед окончательным решением, состоявшимся на совете в Филях, Кутузов очень разносторонне обдумывал эту проблему. «Дай пульс, ты нездоров!» — сказал он Ермолову совсем незадолго до совета в Филях, когда Алексей Петрович высказал мысль, что придется отступить «за Москву». Есть и еще аналогичные высказывания Кутузова. Что Кутузов учитывал Бородино, как русскую победу, хоть и дорого доставшуюся, и что он в течение вечерних и ночных часов (до двенадцатого часа ночи с 26 на 27 августа) считал вполне для себя мыслимым возобновить утром битву, это мы знаем очень хорошо. То, что последовало во время марша к Москве, ничуть не могло поколебать убеждения Кутузова в возможности, при желании, принять новый (хотя и с неизбежным риском) бой. Но для русского полководца окончательно выяснилось, что время будет работать не на французов, а на русских, и кутузовская мысль, «что дело идет не о славах, выигранных только батальей, но вся цель... устремлена на истребление французской армии», в конце концов возобладали окончательно⁴. Даже «выигранная

баталия» перед воротами Москвы не в состоянии была бы никак решить ту задачу (полного истребления наполеоновской армии), которую в будущем могло решить (и решило!) предстоявшее предварительно хорошо подготовленное, непрерывное контр-наступление.

В допоселении от 21 августа Кутузов сообщает царю о двух важных новостях: во-первых, к нему подошел корпус Милорадовича и, во-вторых, он ждет на «завтра», т. е. на 22 августа (3 сентября) московское ополчение. Это доводило численность русских войск, поступавших в распоряжение Кутузова, к моменту предполагаемого сражения примерно до 120 тысяч человек. 22, 23 и 24 августа (3, 4 и 5 сентября) Кутузов в сопровождении большой свиты осматривал позиции русских и французских войск и распоряжался укреплением Шевардина и отдачей приказов о сражении у созданного Шевардинского редута, где он решил замедлить движение неприятеля к левому флангу. А 24 августа (5 сентября) продиктовал и подписал диспозицию к предстоящему бою. Все силы, подведенные к Бородину и непосредственно участвовавшие в бою, кроме резервов, делились на две армии: 1-ю под начальством Барклая де Толли и 2-ю под начальством Багратиона. Обоим этим главнокомандующим армиями [Кутузов] давал широкую самостоятельность: «Не в состоянии будучи находиться во время действий на всех пунктах, полагаюсь на известную опытность... главнокомандующих армиями и... предоставляю им делать соображения...». Выражая твердую надежду на «храбрость и неустранимость русских воинов», Кутузов говорил, что в случае «счастливого отпора» неприятелю возникнет необходимость дать и новые повеления для преследования его, которые и будут тогда своевременно даны.

Но тут же Кутузов внушительно напоминает Багратиону и Барклаю о глубокой серьезности начинающегося великого столкновения: «При сем случае излишним почитаю представить гг. главнокомандующим, что резервы должны быть сберегаемы сколь можно долее, ибо тот генерал, который сохранит еще резерв, не побежден. В случае наступательного во время действий движения, оное производить в колоннах к атаке, в каком случае стрельбою отойти не заниматься, но действовать быстро холодным ружьем (оружием — *Е. Т.*)». Есть и еще один пункт в этой диспозиции, который сообщается только двум «главнокомандующим» * для их сведения: «в случае неудачного дела» генерал Вистицкий сообщит, по каким дорогам придется тогда отступить. К счастью, этим пунктом не пришлось воспользоваться: не русские, а Наполеон отступил первый с Бородинского поля...

Диспозиция явно рассчитана была на то, что где бы Наполеон ни начал свою атаку, хотя бы в центре, главный его удар падает

* Командующим 1-й и 2-й армиями.— *Ред.*

на левый фланг, т. е. на части 2-й армии, подчиненной князю Багратиону. Для защиты левого крыла Багратиону даны были четыре корпуса пехоты и одна (27-я) пехотная дивизия и четыре кавалерийских корпуса. Центр (по диспозиции) защищается 6-м корпусом (генерала-от-кавалерии Дохтурова), правый фланг — 2-м и 4-м корпусами (Милорадовича). И левый и правый фланги, и центр снабжены были крупными резервами. Войска центра и правого фланга подчинены были Барклаю⁵.

Сверх обеих армий — 1-й (Барклая де Толли) и 2-й (Багратиона), над которыми Кутузов и должен был принять верховное командование с того момента, когда царь подписал 8 (20) августа 1812 г. указ сенату о назначении его главнокомандующим, у Кутузова вовсе не было в распоряжении других «западных армий», хотя он и был назначен главнокомандующим «всеми армиями нашими»⁶, т. е. также силами, бывшими под начальством Витгенштейна, Чичагова и Торماسова. Но от Витгенштейна оказалось невозможным что-либо отделить, так как он защищал дорогу в Петербург, и Кутузов не только ничего не получил от него, но еще должен был 23 августа (4 сентября) по «согласию», т. е. настоянию, военного министра отправить в помощь Витгенштейну восемь батальонов, стоявших в Твери, на которые он сам мог рассчитывать. Правда, к Кутузову уже подошел в это время корпус Милорадовича, и он ждал к 24 августа (5 сентября) еще московское ополчение, но вполне обученных и готовых к близкому бою солдат регулярных полков у Кутузова числилось пока всего около 103 тысяч человек. Восемь батальонов таких же прекрасно обученных регулярных войск пришлось неожиданно лишиться. Но ничего не поделаешь. И Кутузов, отправляя их в самый день начала шевардинского боя, с ударением подчеркивает в письме к Витгенштейну: «Я вам пишу сие во ста двадцати верстах от Москвы, где возложив упование мое на всевышнего и надежду на храбрость русских воинов, намерен я дать генеральное сражение коварному неприятелю. Главнокомандующий всеми Западными армиями генерал-от-инфантерии князь *Голенищев-Кутузов*»⁷. Чичагов на настоятельную просьбу немедленно послать ему в помощь свою армию ровно ничего не сделал и даже не ответил немедленно. Он мечтал о самостоятельных своих действиях на Вольни, в Литве и просто не обратил внимания на призыв Кутузова, так как чувствовал себя фаворитом царя. А Кутузов его убедительно просил, хотя формально имел право ему приказывать. Вот что он писал Чичагову, еще только приехав к армии: «Я, прибыв в армию, нашел неприятеля в сердце древней России так сказать под Москвою и настоящей мой предмет есть спасение Москвы самой, а потому и не имею лужды изъясниться о том, что сохранение некоторых отдаленных польских провинций ни в какое сравнение с спасением древней столицы Москвы и самых внутренних губерний не входит». Полного повиновения и сочув-

ствия Кутузов мог ожидать только от командующего 3-й из этих бывших «на отлете» от Кутузова «западных армий» Торماسова, благородного человека, патриота, сердечно любившего Кутузова [Кутузов писал ему:]

«Ваше высокопревосходительство согласиться со мной изволите, что в настоящие для России критические минуты, тогда как неприятель находится уже в сердце России, в предмет действий ваших не может более входить защищение и сохранение отдаленных наших польских провинций, но совокупные силы третьей армии и Дунайской должны обратиться на отвлечение сил неприятельских, устремленных против первой и второй армий»⁸. И Кутузов уже приказывает Тормасову иметь в виду действовать на правый фланг Наполеона, так как именно правое крыло неприятеля непосредственно угрожает левому флангу русской армии. Но и Тормасову не удалось выполнить это желание главнокомандующего. Его армию, согласно желанию Чичагова, Александр присоединил к Дунайской армии, и обе эти армии стали под командованием Чичагова. А лишенный командования Тормасов прибыл без армии к Кутузову и поступил лично в его распоряжение.

Итак, никакой помощи Кутузов от трех западных армий не получил. Рекрутов, приведенных Милорадовичем (14½ тысяч человек), и московских ополченцев Кутузов дождался. Письмо к Тормасову писано Кутузовым, как он сам заявляет, одновременно с его письмом к Чичагову. Он еще не знал тогда, что Александр лишил его своим распоряжением одновременно фактической помощи обеих армий: Тормасова и Чичагова. Конечно, ни рекрутов, ни ополченцев Кутузов и его штаб не могли вполне приравнять к регулярным войскам. Но грубо ошибается тот историк, который недооценивает боевого значения этих сил. Они уступали, конечно, регулярной армии в выучке, но не уступали никому в героизме и самоотверженности. Вспомним, что сказал об этих людях, полудетых, полуобутых, часто с пиками в руках вместо ружей, один из лучших маршалов и военных организаторов Наполеона — маршал Бессьер, и сказал это после того, как русские ополченцы и рекруты семь раз подряд выбивали французских гренадер из пылающего Малоярославца: «И против каких врагов мы сражаемся? Разве вы не видели, государь, вчерашнего поля битвы? Разве вы не заметили, с какой яростью русские рекруты, еле вооруженные, едва одеты шли там на смерть?» Этот «аттестат», данный врагом русским ополченцам и рекрутам 1812 г., не должен быть забыт: говоря эти слова, маршал Бессьер указывал хранившему мрачное молчание императору на поле, усеянное трупами французских гренадеров.

И ополченцы и рекруты, начавшие свою боевую карьеру под бородинским огнем, не обманули надежд Кутузова. Но царь и дворянство, повинувшись своим классовым побуждениям (прежде

всего чувству классового самосохранения), не дали Кутузову полностью использовать всенародное одушевление, охватившее Россию.

Конечно, героизм регулярной армии, а также ополченцев и партизан восполнил потерю, которую нанесли Кутузову указанные распоряжения царя и происки Чичагова. Но если бы главнокомандующему удалось получить вовремя обе армии, которые он призывал и на которые имел полное право рассчитывать, то положение Наполеона после Бородина стало бы прямо критическим.

Дальше мы отметим, с каким живым интересом Наполеон принялся расспрашивать в разгаре кровавой битвы вокруг батарей Раевского взятого в плен израненного генерала Лихачева, которого ему представили, — правда ли, что Бухарестский мир нарушен и что война Турции против России продолжается. Слухи эти (отчасти распространяемые агентами самого Наполеона) ходили в Европе довольно упорно. Зачем ему понадобилось в столь спешном порядке получить более достоверные сведения? Если турки не воюют, значит молдавская армия Торماسова и Дунайская армия Чичагова уже идут на помощь Кутузову, и так как неизвестно, где они сейчас находятся (разведка у Наполеона во время похода в 1812 г. была плоха), то они могут неожиданно явиться на поле боя, особенно, если Кутузов затянет боевые операции. А своим военным опытом Наполеон очень хорошо понимал, что это значит, когда две свежие армии, уже отдохнувшие, внезапно явятся с Дуная и Днестра и станут под начальство своего любимого вождя, который вел их к победам над турками. Ведь о поведении Александра и самого Чичагова относительно просьбы Кутузова о подкреплениях французы тогда еще решительно ничего не знали. Если Наполеон поверил ответу Лихачева, что никакой войны с турками уже нет, то простое благоразумие требовало немедленно после «успеха» на батарее Раевского поскорее копчаты сражение, отойти и выжидать.

Но Александр и его фаворит Чичагов избавили Наполеона от опасности, и у Кутузова оказался лишь тот резерв (довольно, впрочем, солидный), который был им выделен из его собственной армии, и был не меньше, если не больше, резервов Наполеона, считая даже с гвардией. А главное — изобилие снарядов и боеспособность артиллерии, так блестяще обнаруженная именно в вечерние часы, после отхода от батарей Раевского, делали положение Кутузова очень выигрышным.

Но царь и его сотрудники по управлению и ведению войны лишили Кутузова не только двух прямо ему подчиненных «западных армий», но и по мере сил старались сократить или обезоружить народ, живший в эти дни одной душевной жизнью с Кутузовым и готовый отдать жизнь за победу над ненавистным захватчиком.

Конечно, при своем громадном уме, при своем понимании натуры Александра и сановников, окружавших царя, Кутузов без труда догадался, почему у крепостных «поселян» чуть ли не с того самого момента, когда они начали активно обороняться от французских грабителей, велено было отобрать оружие, не давать им средств самозащиты, лишитъ этих средств. Мог ли он верить после этого, что ему дадут собрать ополчение в тех размерах, в каких народная масса готова была его дать. Будто мог после этого указа Кутузов удивляться тому, что случилось с крестьянами, желавшими помогать по мере сил регулярной армии, и о чем доносил кавалерийский ротмистр Нарышкин: «На основании ложных донесений и низкой клеветы, я получил приказание обезоружить крестьян и расстреливать (так текстуально — *Е. Т.*) тех, кто будет уличен в возмущении. Удивленный приказанием, столь не отвечающим великодушному... поведению крестьян, я отвсчал, что не могу обезоружить руки, которые сам вооружил, и которые служили к уничтожению врагов отечества, и называть мятежниками тех, которые жертвовали своею жизнью для защиты... своей независимости, жен и жилищ, но имя изменника принадлежит тем, кто в такую священную для России минуту осмелывается клеветать на самых ее усердных и верных защитников»⁹. Александр, министр полиции Балашев, гнусный злодей Аракчеев, истязавший крестьян в своем поместье в Грузии, — все они не решились вооружить крестьян, боясь, что те повернут оружие против помещиков.

Боялся этого и сверхпатриот Ростопчин, который еще в войну 1807 г. писал доклады об опасности распространения слухов об освобождении крестьян. Цену «патриотизма» Ростопчина, забрасывавшего Москву своими пошлыми, мнимо заливчатскими «афишами», Кутузов очень хорошо мог оценить, когда Ростопчин обманул его, не прислав и не организовав ополчение в тех размерах, как категорически это обещал, и даже не прислав вовремя паштетового инструмента. После низкой клеветы и наглой брани, которыми осыпал впоследствии Кутузова Ростопчин в доносах своих царю и в устных разговорах с теми, кто желал его слушать, Кутузов перестал принимать его и постарался вскоре от него отделаться.

Чтобы уже покончить с этим вопросом о вреде делу национальной обороны, принимаемом двором и крепостническими элементами дворянства, заметим, что патриотизм и ненависть к врагу, люто разбойничавшему на всем протяжении наступления, особенно от Смоленска, предупредили бы, несомненно, уже сами по себе все-российское общее восстание крестьянства против помещиков в 1812 г., даже если бы Наполеон в самом деле манил крестьян обещанием освобождения. Но ничего подобного не было. Зять австрийского императора, задушивший французскую революцию, ненавистник революционеров, истребивший безжалостно «якобин-

цев», Наполеон и не думал вызвать в России восстание вроде пугачевского. Он даже тотчас после своего возвращения в Париж (в декабре 1812 г.) хвалился в заседании сената, что спас русских помещиков от опасности, грозившей им со стороны крепостных. И действительно, в Белоруссии были случаи, когда помещики просили французов о присылке «экзекуций» для умирения некоторых крестьян, и французы всегда с полной готовностью исполняли эти просьбы.

Нет, крепостническое русское дворянство имело бы еще основание бояться бывшего «революционного» генерала, разрушавшего феодальный режим и освобождавшего крестьян в завоевываемой им Европе, но на Россию напал уже не тот молодой генерал Бонапарт, который 13 вандемьера 1795 г. расстрелял на парижских улицах пушечными залпами монархистов, восставших против республики, а государь «божьей милостью», вроде его тестя, австрийского императора. Он хвалился, что желает и может разговаривать о политике с царями, а не с простым народом, не с чернью. Маршал Сен-Сир, знавший, как круто изменились политические взгляды императора, пишет в своих воспоминаниях, что в Литве кое-где крестьяне зашевелились и стали выгонять своих помещиков из усадеб. Но «Наполеон, верный своей *новой* системе, стал защищать помещиков от их крестьян, вернул помещиков в их усадьбы, откуда они были изгнаны, и дал своих солдат для охраны от крепостных». Такова была «новая система» Наполеона после коронации и «мироомазания».

Русские крестьяне своим непогрешимым национальным чутьем разобрали, что Кутузов ведет их сражаться против чужеземного захватчика, разорителя страны, поджигателя и убийцы, пришедшего вовсе не для того, чтобы снять с них крепостные цепи, но чтобы еще наложить на них вдобавок новые тяжкие оковы национального порабощения под пятой завоевателя.

Настроение, дух армии, внутреннее сознание правоты, убеждение, что дерешься и отдаешь жизнь за правое дело, — все это было налицо в русских войсках, и все это заставляло забывать о летающей вокруг смерти и биться с изумительным, сказочным героизмом против паглого захватчика и жестокого насильника.

Но всех этих чувств и вдохновляющих бойца мыслей не было и не могло быть в армии Наполеона. Когда-то такие мысли и настроения были и во французской армии, когда под Жемаппом, под Вальми, под Флерюсом французский солдат защищал свою революционную родину против полчищ первой коалиции реакционных феодально-дворянских монархических держав континента, соединившихся с английскими торговцами, биржевиками, негроторговцами, чтобы задушить французскую республику и восстановить в покоренной Франции павший старый режим. Но давно окончились революционные войны, и на самом поле Бородинского сражения бывшие революционные военные гимны вспоминались во

французской армии лишь с характерной иронией, как нечто фальшивое, устарелое и уже никому не нужное¹⁰. Военный диктатор буржуазной Франции вел своих солдат на убой во имя непонятных им целей завоевания экономического верховенства, территориального расширения и укрепления всевропейского владычества. Их вел самодержавный монарх, задушивший французскую революцию и преследовавший всякое напоминание о ней. Солдатская преданность полководцу не могла заменить во французских частях наполеоновской армии былой революционный порыв. Об иноплеменниках, пригнанных Наполеоном в Россию (а они составляли большинство), и говорить нечего. Для них Наполеон был ипоземным завоевателем и притеснителем.

Очень немногие в Европе перед началом вторжения Наполеона в Россию верили в возможность для русских избежать полного и скорого поражения, и те, кто все-таки не отчаивался в России, возлагали свои надежды прежде всего на возможность подальше откладывать момент решительного сражения. В фонде Зимнего дворца, перешедшем теперь в Исторический архив*, находится характерное письмо швейцарского республиканца Лагарпа, воспитателя Александра I, к своему бывшему ученику: «...я надеюсь, государь, что Вы в состоянии противостоять грозе... Сделайте популярным (popularizez) Ваше дело, государь, и Вы найдете новых Пожарских, новых Сухоруких, если Вы сами не отречетесь от себя, если Вы найдете патриотических, энергичных и храбрых советников, истинных русских, девизом которых станет: *победить или погибнуть*»¹¹. Лагарп предвидит «первые успехи завоевателя и его неизбежную гибель», «...если Вы (Александр — Е. Т.), — пишет он, — приготовьте средства для продолжения войны, если Вы учли наперед возможность поражений в начале». Это письмо писано 22 февраля 1812 г., — не прошло семи месяцев, как Кутузов нанес Наполеону жесточайший удар. Предсказание неувидевшего Наполеона швейцарца Лагарпа, порабощенную родину которого могла спасти только будущая русская победа, — исполнилось, да еще с той оговоркой, что и предыдущие битвы (под Салтановкой, под Смоленском, под Валутиной горой, под Лубином) тоже вовсе нельзя было назвать «поражениями», о которых предположительно упоминается в письме Лагарпа. Кажалось, ученик Лагарпа, русский царь, мог бы подавно больше поверить донесению старого вождя, чем лживым бюллетеням французского штаба, трубившим о мнимой наполеоновской победе. Но нет! Придворные трутни и иностраинные карьеристы и проходимцы, делавшие свою военную карьеру в залах Зимнего дворца или группировавшиеся отчасти в самом штабе Кутузова вокруг английского военного «комиссара» Роберта Вильсона и вокруг Беннитсена, успели совершенно извра-

* В настоящее время этот фонд хранится в Центральном государственном архиве Октябрьской революции (ЦГАОР). — *Ред.*

тить в глазах Александра истинную картину Бородинского боя, и царь выразил неудовольствие старому фельдмаршалу, которого он не любил и не понимал никогда.

Но если Бородинское сражение не было сразу понято царем и многими угонявшими ему царедворцами, то оно понято было армией и русским народом, а прежде всего замечательным русским стратегом, словившим в этот день хребет наполеоновской армии,—самим Кутузовым.

Имеющиеся документы позволяют проследить если и не во всех желательных подробностях, то все же довольно характерные мгновения предбородинских дней. Вот что писал Кутузов царю о позиции при Бородине, на которой он окончательно остановился 21 августа (2 сентября): «Доношу вашему императорскому величеству, что позиция, в которой я остановился при деревне Бородине в 12 верстах впереди Можайска, одна из наилучших, какую только на плоских местах найти можно. Слабое место сей позиции, которое находится с левого фланга, постараюсь я исправить посредством искусства. Желательно, чтоб неприятель атаковал нас в сей позиции; в таком случае имею я большую надежду к победе; но ежели он, найдя мою позицию крепкою, маневрировать будет по дорогам, ведущим к Москве, тогда должен буду идти и стать позади Можайска, где все сии дороги сходятся. Касательно неприятеля, приметно уже несколько дней, что он стал чрезвычайно осторожен, и когда двигается вперед, то сие, так сказать, ощущую»¹².

Уже после составления диспозиции Кутузов, объезжая позицию, остановился на мысли создать особую сильную группировку, куда должен был войти почти весь 3-й пехотный корпус и более 11 тыс. ополченцев. Кутузов, очень бережно вообще относившийся к резервной артиллерии, решил при этом выделить из главного резерва артиллерии 60 орудий* и усилить ими артиллерию 3-го пехотного корпуса, что показывает, какое значение придавал он этой создаваемой им группировке, непредвиденной еще при составлении диспозиции.

Зачем же была эта группировка создана? Кутузов совершенно ясно и точно сообщил о том обоим главнокомандующим: Барклаю и Багратиону. Приказав расположить эти особо выделенные силы к югу от флешей, близ Утицы, у Старой Смоленской дороги в 1½ приблизительно километрах от правильно предполагаемого Кутузовым центра предстоящей борьбы за левый фланг, Кутузов замыслил сделать из нее «засаду», укрыв ее настолько, что французы о ней не могли знать. Эти силы, по мысли Кутузова, должны были внезапно явиться у флешей, когда уже атакующие французские соединения, истощаясь от своих повторных и мало успеш-

* В действительности с 3-м пехотным корпусом было отправлено только 18 орудий.— *Ред.*

ных нападений, начнут выдыхаться. Тогда неожиданное появление этого отряда, скрытого в «засаде», могло бы оказать решающее влияние и отбросить окончательно французов от флешей.

Но Кутузов не знал того, что вслед за ним русскую позицию положе объезжал и Беннингсен, который, ничего не поняв в замысле Кутузова, и именно поэтому несколько ему не сочувствуя, приказал вывести 3-й корпус из прикрытого кустарниками и отчасти лесом места, куда его поместил Кутузов, и поставил его так, что о внезапности нападения уже речи быть не могло. Но об этом будет сказано подробно в другом месте.

Недавно в общей характеристике Кутузова я отметил, что Кутузов, задолго до Наполеона, высказывал мысль об опасности, а часто и совершенной необходимости прибегать к обходным движениям, причем обходящий всегда должен помнить, что в то время как он обходит противника, тот сам может его обойти¹³. Кутузов предвидел опасность обхода своей позиции с юга, от Утицы по Старой Смоленской дороге. И, организуя скрытую от Наполеона «засаду» из войск Тучкова 1-го в кустарниках и лесу, он имел в виду не только внезапное нападение этих войск на французов, атакующих Багратионовы флешы, но и возможность вовремя парировать попытку французов, подкрепив Понятовского более или менее крупными силами, обойти русскую позицию. Но кутузовское руководство боем было таково, что после отбитых восьми одна за другой атак (а иные по две почти одновременно) на Багратионовы флешы для французов уже речи быть не могло ни о каких обходах с юга.

Помимо зоркости и заботы об охране русской армии от попыток неприятеля обойти ее, Кутузов проявил в Бородинском бою и другие характерные черты своего полководческого искусства: умение не только создавать резервы при выработке диспозиции к сражению, но и способность извлекать из них максимальную пользу в нужный момент. Он посылает подкрепление за подкреплением Багратиону, Коновницину, Дохтурову во время их борьбы за флешы и у Семеновского оврага, снимает Багговута с его 2-м корпусом с правого крыла армии и быстро перебрасывает его на помощь 3-му пехотному корпусу (Тучкова), отчаянно отбивающемуся от десятитысячного польского корпуса князя Понятовского, отправляет для нужной диверсии в атаку против тылов Наполеона конницу Уварова и Платова, подкрепляет силами резервных орудий русскую артиллерию. Барклай бросает (согласно общему повелению — отставать до последнего атакуемые пункты) стоявший в резерве 1-й армии корпус Остермана на помощь жестоко пострадавшим силам Раевского, на арену яркой борьбы за люнет являются один за другим лучшие полки гвардейской пехоты (полки Преображенский и Семеновский) и продолжают истребительную борьбу. Наконец, мощное участие резервной русской артиллерии

в многочасовой финальной канонаде французских позиций уже после отхода от люнета (батареи Раевского) было отчетливой русской артиллерийской победой, закончившей Бородинское сражение.

Особое искусство стратегического расчета проявил в данном случае Кутузов в том, что щедро, всегда вовремя давая помощь в бою, где нужно, он в то же время вовсе не истощил своих резервов и поэтому мог во все время своего флангового марша после сражения держать Наполеона и его маршалов на весьма почтительном расстоянии от своих главных сил. Так же, как, еще идя к Бородину, аррьергард русской армии под командой Коновницына давал острастку наступающим французским силам своими внезапными летучими нападениями, что даже весьма встревожило тогда самого Наполеона¹⁴, так подобную же острастку дал врагу после Бородина аррьергард русской армии, которым на этот раз командовал Платов, когда по приказу Кутузова он вошел 27 августа (8 сентября) в Можайск и, успешно отразив французов, ушел спокойно оттуда вечером, покинув город и его окрестности лишь согласно распоряжению главнокомандующего.

Наконец, кутузовская активная оборона так часто превращалась неожиданно для неприятеля и у флешей, и у Семеновского оврага, и на Курганной высоте, и в боях за Утицкий курган в местное прямое победоносное наступление (именно и стоившее неприятелю наибольших потерь), что это невольно заставляет вспомнить о том, как в ноябре 1805 г. Кутузов на Дунае, во время своего отступления от Инна, маголову разгромил одного из лучших наполеоновских маршалов — Мортье.

В Бородинском сражении доблестная русская армия оказалась вполне достойна своего любимого вождя, которого голос народа поставил во главе ее.

Набросаем краткую схему хода Бородинского сражения. Мы даем ее тут, чтобы читателю легче было разобраться в приводимых дальше фактах. Ошибочно было бы думать, будто смертоносная борьба развертывалась в строгой хронологической последовательности. Нет, и битва на левом фланге вовсе не кончилась, когда уже борьба в центре была в разгаре, и побоище вокруг люнета на Курганной высоте (батареи Раевского) уже окончилось, когда огромные русские батареи вокруг Горок продолжали еще от 4 до 9 часов вечера извергать бомбы и картечь, обстреливая французов, уже взявших батареи и занявших Курганную высоту; и уже после взятия батареи Раевского в вечерние часы русские батареи от Семеновского продолжали обстреливать французов, хотя французские историки считают, что русские полностью оставили Семеновское еще около полудня.

БОРОДИНСКОЕ СРАЖЕНИЕ

I

Борьба на левом крыле русской армии от начала боя до 12 часов дня

1. Борьба за Шевардинский редут.
2. Восемь атак на Багратионовы флеши и ранение Багратиона.
3. Отход Коновницына от флешей к Семеновскому и битва за Семеновский овраг и Семеновскую возвышенность. Часть русских вооруженных сил, перешедших под команду Дохтурова, удерживается до конца Бородинского сражения на этих Семеновских высотах, отойдя к лесу, и покидает их лишь затем, чтобы вечером, согласно приказу, присоединиться к «третьей позиции», т. е. занять свое место в новой линии русских войск, окончательно созданной уже после взятия французами люнета (батареи Раевского).
4. Борьба 3-го корпуса (Тучкова) на южном секторе левого фланга — у Старо-Смолянки (Старой Смоленской дороги). Смерть Тучкова в битвах за Утицкий курган против корпуса Понятовского.

II

Борьба в центре и на правом крыле позиции русской армии от 5 часов утра до кавалерийского нападения Уварова и Платова на тылы левого фланга французов

1. Нападение вице-короля Евгения Богарне на Бородино и взятие его.
2. Создание и превращение батареи Раевского в сильно укрепленный люнет.
3. Начало и быстрое усиление борьбы за батарею Раевского, происходящей одновременно с разгорающейся борьбой за Багратионовы флеши и, дальше, за Семеновское. Кутузов организует в момент жестокого обострения борьбы на обоих флангах замечательную по замыслу и удавшуюся по выполнению диверсию, посылая в тыл левого крыла французской армии кавалерийский корпус Уварова и казачью конницу Платова. Эта диверсия заставляет Наполеона отменить ряд уже сделанных им распоряжений и на левом фланге русской армии, и в центре. Он терлет несколько больше двух часов (от 12 часов пополудни до 2 часов), ослабляет

на обоих флангах атаку русских укреплений и дает возможность Кутузову подтянуть свежие силы к батарее Раевского и продолжить сопротивление ее защитников.

III

Конец борьбы в центре русской позиции и на правом фланге

1. Неслышанно кровопролитные бои вокруг люнета (батареи Раевского) возобновляются в 2 часа дня с утроенной силой. Люнет взят вскоре после 4 часов, но Бородинское сражение не окончено.

2. Начиная с 5—5½ часов пополудни и кончая временем сгущающейся темноты (около 9 часов вечера) русская армия, во-первых, успевает, согласно распоряжениям Кутузова, подтянуть разбросанные по Бородинскому полю сражавшиеся в течение всего дня части и к 6 часам сосредоточить их на новой линии обороны, тянувшейся с севера на юг, от Горок до леса восточнее Утицы, причем собранные корпуса составляют непрерывную оборонительную цепь вооруженных сил; эта линия, преграждавшая перед французами как Новую, так и Старую Смоленскую дорогу в Москву, непременно должна была быть прована Наполеоном, если бы он еще надеялся на успех, но он уже не мог этого сделать и даже не пытался за все эти вечерние часы атаковать новую русскую позицию. Еще более эта неудача была подчеркнута многочасовым жестоким обстрелом французов русской артиллерией, начавшимся вскоре после отхода русских от батареи Раевского и продолжавшимся вплоть до ухода французов первыми с поля битвы.

Преимущества русской артиллерии над французской как по меткости стрельбы, так и по изобилию снарядов в эти последние часы сражения сделали уход французских батарей определенно вынужденным. От замысленной было попытки Наполеона штурмовать Горки и привести к молчанию горевшие батареи императору и его штабу пришлось немедленно отказаться вследствие явной недостаточности боевых средств для этого предприятия.

Поражение французских вооруженных сил, в течение всего сражения действовавших наступательно, перед лицом могущественной, геройской, активнейшей русской обороны, характеризуются тем, что Наполеон не достиг основной своей цели — разгрома русской армии — и, потеряв почти половину своего войска, должен был первым уйти с поля битвы, а Кутузов сохранил после боя свободу действий и возможность спокойно совершить свой гениально осуществленный фланговый марш от Бородина к Москве — Красной Пахре — Тарутину.

Общий вывод. Бородино явилось великой стратегической, тактической и моральной победой русской армии и ее полководца, создавшей в дальнейшем возможность и успех перегруппировки и подготовки русской армии к сокрушительному кутузовскому контрастному наступлению, которое в конце разгромило и загубило войска агрессора, приведенные в Россию.

Наступила ночь на 26 августа (7 сентября) 1812 г. Кутузов не мог, конечно, не волноваться перед грозной сечей, в которой шла борьба за честь и политическую самостоятельность русского народа. Но он умел держать себя в руках, как никто, и сохранял полное наружное спокойствие.

Но совсем иначе вел себя Наполеон. Он почти не спал в эту ночь, постоянно вскакивая с постели и выходя из палатки, чтобы посмотреть, горят ли еще огни в русском расположении? Не ушел ли Кутузов? Этого ухода он боялся больше всего. Он был еще в тот момент во власти иллюзии, что если он «завтра» одержит победу, то «завтра» же и окончится война. «Верите ли вы в завтрашнюю победу, Рапи?» — спросил он вдруг дежурного генерала. «Без сомнения, ваше величество, но победа будет кровавая». Наполеон, говоря этой ночью со свитой, особенно преувеличивал цифру своих резервов и преуменьшал цифру своих будущих потерь: он потерял при Бородине не 20 тысяч, как он тогда предполагал, а больше 58 тысяч лучших своих войск.

Русские участники великой битвы с жадностью впоследствии расспрашивали лиц из окружения Наполеона, и вот что им было сказано: «...в Витебске, в Смоленске видели уже его утомленным, нерешительным, не узнавали прежнего Наполеона. Еще более изумились они, наблюдая его вечером, накануне Бородинской битвы. Он был то молчалив, задумчив, мрачен, неподвижен, то деятелен, говорлив, вспыльчив, садился на лошадь, мчался по лагерю и опять укрывался в свою палатку... всю ночь продолжалось болезненное волнение Наполеона. Около пяти часов утра в двадцатый раз велел он узнать, не уходят ли русские? Но русские не двигались с места. «Бодро поднялся Наполеон, воскликнув: „Ну, так они теперь у нас в руках! Пойдем! Отворим ворота Московские!“»¹⁵. Ему подали коня, и он помчался к Шевардину, уже занятому французами с ночи на 25 августа. Поглядев на восходящее солнце, он воскликнул: «Вот солнце Аустерлица!» И велел начать сражение.

Сражение началось нападением войск вице-короля Италии Евгения Богарне на деревню Бородино и взятием этой деревни. Но главный удар Наполеона направился не в центр, а на левый фланг русских сил, где последовал ряд кровопролитнейших атак на Багратионовы флеши, укрепления, сооруженные на Семеновской возвышенности. Целью Наполеона было напасть на левый

фланг русских (на 2-ю армию, бывшую под начальством Багратиона), одновременно напасть на более слабое и, как думал он и его штаб, неукрепленное правое крыло и центр, и затем сдавить и уничтожить в этих клещах русскую армию, поставить ее между двух огней — слева и справа.

Кутузов разгадал и разрушил эту программу действий.

Из 136 тысяч человек с небольшим той армии, которая в день Бородина находилась в распоряжении Наполеона, гвардия (20 тысяч человек) и еще некоторые части были оставлены им в резерве, а из остальной массы войск около 80—85 тысяч человек с 467 орудиями были предназначены для нанесения главного удара по русским войскам, защищавшим сначала левый фланг (Багратионовы флеши, деревню Семеновское и местность вокруг нее), затем в центре русского расположения Курганную высоту с сооруженной на ней батареей Раевского, превращенной, как сейчас увидим, в укрепленный «сомкнутый люнет».

Кроме этих 80—85 тысяч, предназначенных для главного удара, и кроме войск, оставленных в резерве, у Наполеона было в распоряжении еще около 40 тысяч человек с 88 орудиями, которые были им предназначены сначала для большой демонстрации, а потом для действия в центре и на правом фланге русских.

Но Кутузова эта демонстрация не обманула.

Укрепление левого фланга и сооружение редутов и посылка на помощь Багратиону новых и новых соединений показывали, что русское верховное командование, столько сделавшее с вечера 23-го и в течение всего 24 августа для обороны Шевардинского редута, с предрассветных часов 26 августа было готово встретить во всеоружии готовившуюся мощную атаку на флеши, куда отошли войска, покинувшие, согласно приказу, Шевардинский редут еще в ночь на 25 августа. А с другой стороны, разгадав демонстративный характер действий, готовившихся на правом фланге непосредственно против деревни Бородино, Кутузов, не поддавшийся обману и не отвлекший от сил левого фланга ни единого батальона, распорядился так, что первые успехи французов на правом фланге (взятие деревни Бородино) обошлись им несравненно дороже, чем он того ожидал. Русский главнокомандующий правильно предугадал, что его войска даже на этом второстепенном участке фронта, будучи тут численно слабее неприятеля, дадут жестокий отпор армии стоящего против них вице-короля Италии, пасынка Наполеона Евгения Богарне. И в конечном счете вышло, что, отдав на эту диверсию 40 тыс. человек, Наполеон сам лишил себя в первые часы боя серьезнейшей подмоги в решающие первые утренние часы «главного удара», направленного им на Багратионовы флеши. Жертвенный героизм русских войск в этот день превратил, однако, затеянную Наполеоном диверсию на русском правом фланге в предприятие не только бесполезное, но определенно вредное для дела самого агрессора.

Напомним вкратце, как тут разворачивались события. Вице-король Евгений Богарне начал в пятом часу атаку деревни Бородино, защищенной отрядом лейб-егерей. Атаку вице-король Евгений поручил дивизионному генералу Дельзону, который, разделив дивизию, одновременно напал на деревню Бородино с двух сторон.

Уже с 11 часов вечера 25 августа начались (точнее, продолжались ускоренным темпом) работы по укреплению батареи, установленной на Курганной высоте генералом Раевским, который в своем рапорте писал: «Видя по положению места, что неприятель поведет атаку на фланг наш, и что сия моя батарея будет ключом всей позиции, укрепил я оный курган редутом и усилил орудиями, сколько место позволяло». В половине пятого часа утра (26 августа) батарея уже превратилась в редут с прекрасно укрепленной горжей, или, как выразился сам Раевский, осмотрев произведенные за ночь работы, в «сомкнутый люнет». Зная, что весь предшествующий день (25 августа) Наполеон осматривал поле предстоящего сражения, Раевский сказал: «Император Наполеон видел днем простую, открытую батарею, а войска его найдут крепость...» Это был грозный «сомкнутый люнет», стоивший 26 августа неслыханных жертв неприятелю, и один из бородинских геросов, военный инженер генерал-лейтенант Богданов 2-й, правильно укоряет историка Модеста Богдановича в неосновательном повторении ложных утверждений иностранцев (преимущественно французских и немецких историков Бородинского сражения), будто укрепления Курганной высоты были плохи.

Первая армия (Баркляя де Толли) уже с 23 августа «стояла на избранной позиции по правую сторону реки Колочи и возводила свои укрепления»¹⁶. Правое, самое сильное крыло 1-й армии состояло из двух корпусов (2-го генерала Багговута и 4-го графа Остермана-Толстого). В центре 1-й армии стоял у деревни Горки корпус Дохтурова (6-й), а за Дохтуровым стояли 7-й корпус 2-й армии (корпус Раевского) и 8-й корпус (Бороздина); оба эти корпуса уже принадлежали не к 1-й армии (Баркляя), а к 2-й армии (Багратиона).

Кутузов создал для 1-й армии позицию, которая была прикрыта с фронта рекой Колочью и крутым ее правым берегом, и считалась неприступной. Левый фланг, занятый 2-й (багратионовской) армией, должен был выдержать главный напор наполеоновских сил.

Не все понимали в эти последние часы перед боем мысль главнокомандующего: «Многие из военных лиц того времени стояли против избранной нами позиции, но опытный вождь наш смотрел на дело иначе и лучше их был знаком с своим противником. Он хорошо знал его положение и причины постоянных стремлений: принудить нас во что бы то ни стало к битве, а потому и воспользовался» всеми теми условиями, которыми «вся первая армия

обеспечивалась от всякого покушения и тревоги, где ни один неприятельский снаряд не мог нанести ей значительного вреда, между тем как из ее липий он сам мог в каждый момент при ходе битвы подкреплять и освежать свои силы ее полками. Это была основная мысль нашего доблестного вождя — его тайна. Кутузов превосходно сообразил местность, на которой император Наполеон должен будет развешивать массы своих войск»¹⁷.

После Шевардина и после убийственных многочасовых, долгое время безуспешных нападений на флешы французы не имели ни малейшей возможности почти тотчас же предпринять атаку на центр и отчасти правый фланг, где в течение 23, 24, 25 и вплоть до рассвета 26 августа шла кипучая работа по укреплению позиций.

Близко наблюдавший и следивший за приготовлениями и распоряжениями Кутузова человек, больше всех из командного состава сделавший для подготовки предстоящего бессмертного боя у батареи Раевского, — военный инженер Богданов понимал, что Наполеон никак не достигнет своей цели и что «генеральной битвы» в точном смысле, т. е. сокрушающей одним ударом русскую армию, он, невзирая на все свои мечты, владевшие им неотступно от самого перехода через Неман, не даст, а истощит приготовительную ударную силу своей армии на пестрительных боях вокруг двух позиций, в двух отдельных укрепленных пунктах: сначала у флешей, а потом на Курганной высоте. «...Кутузов предоставил полную свободу императору, под условием сказанного, дать битву или, обходным движением своим по старой смоленской дороге, заставить нас без боя к отступлению, и тогда Наполеон не достигал своей цели: русская армия осталась бы по-прежнему невредимою. Расчет был верен...»¹⁸

Кутузов предвидел, вопреки мнению инженерного генерала Ферстера и некоторых других начальников, но, как показали последствия, вполне правильно значение возможной задержки французов у Шевардина. 23 августа вечером начали, по приказу главнокомандующего, строить Шевардинский редут. Работа была очень трудная. «Грунт кургана до того был тверд и щебенист, что к полуночи, при постоянном усилии рабочих, ров был углублен не более полфута, это обстоятельство вынудило насыпать бруствер и контр-эскарп пахотною землею, из расстояний от 8 до 10 саж.; для уравниения внутренней плоскости этого укрепления тоже требовалась значительная присыпка земли. Энергия работавших и, видимо, с наступлением утра, сближение неприятеля, ускоряли труд».

Тяжелая ночная работа уже к концу 1 часа в ночь с 23-го на 24-е была окончена. Русские рабочие-саперы вообще не знали в двенадцатом году, что означает усталость. В течение нескольких часов Кутузов лично наблюдал тут рабочих-сапер. Их приходилось не подгонять, а сдерживать. Настало утро, а к полудню уже

стал подходить отряд, назначенный для обороны только что оконченного укрепления. Тотчас же неприятель ожесточенно его атаковал. Весь день 24 августа шел отчаянный бой за овладение редутом. Потери русских не были для них неожиданными, ведь только что созданное укрепление и не предполагалось отстаивать любыми жертвами, — а французы были в недоумении. Адьютант за адъютантом подлетали на взмысленных конях к Наполеону, сообщая об усиливавшихся с каждым часом потерях. В полукилометре от Шевардина русские гренадеры встретили спешивший на помощь французам полк и почти полностью его истребили, взяв семь орудий.

Русская малочисленная тут артиллерия (три орудия в редуте и девять с правой его стороны) успешно прицельной стрельбой опустошала ряды неприятеля. Выполнив свое назначение, защитники Шевардина отошли ночью (с 24 на 25 августа) от редута к главным силам Багратиона, уже занимавшим позиции на Багратионовых флешах.

Уже в первых жесточайших боях за мешавший Наполеону сблизиться непосредственно с главными силами русской армии Шевардинский редут (23 и 24 августа — 4 и 5 сентября) русские войска показали, как они понимают кутузовскую активную оборону. У русских в шевардинском бою было почти в четыре раза меньше пехоты, чем у французов (меньше 8 тысяч против сначала 30, а потом, к концу второго дня, 35 тысяч, приблизительно, человек пехоты, считая подброшенные Наполеоном подкрепления). Конница Наполеона была почти в три раза сильнее, артиллерии у русских было уже в первый день в пять раз меньше, чем у Наполеона, а к концу это соотношение сил еще более изменилось в пользу французов.

И все-таки русские отошли только к вечеру 24 августа (5 сентября), когда Кутузов нашел ненужным уже тут давать генеральное сражение и решил оттянуть силы Багратиона, оборонявшего Шевардинский редут, несколько восточнее, где и решено было укрепить левый фланг. «Сколько взято русских пленных?» — настойчиво спрашивал Наполеон подъезжавших к нему от Шевардина адъютантов и 24 августа. «Русские в плен не сдаются, ваше величество», — получал он все тот же неизменный ответ. Явное волнение и раздражение императора были весьма понятны: Кутузов, выбравший эту позицию, Багратион, ее два дня со своим небольшим отрядом защищавший, русские солдаты, уставшие своими и французскими телами поле боя, — все это указывало Наполеону, чем будет предстоящий генеральный бой, если даже первый подступ к главным кутузовским силам дается с такими усилиями, с таким кровопролитием и без победы, потому что отход был ни в малейшей степени не вынужденным и все попытки нападения на отходящих были вполне успешно отбиваемы Багратионом.

Полтора суток отделяют отход Багратиона от Шевардина вечером 24 августа от рассвета дня 26 августа (7 сентября) 1812 г., когда начался великий Бородинский бой, и начался оп нападением громадных сил французской армии на созданные в короткий срок полевые укрепления на левом фланге русского боевого расположения, на те флеши, которые получили в истории название Багратионовых по имени героя, их защищавшего и на них кончившего в этот день свое славное поприще. Одновременно (даже несколько ранее) начался бой на правом фланге нападением на село Бородино.

Кутузов знал, кому поручить оборону того пункта, куда, по совершенно правильному его предвиденью, должен был последовать один из первых и наиболее решительных ударов Наполеона. Командовавший на левом фланге Багратион, герой Измаила, герой Шенграбена, задержавший в свое время, во исполнение приказа Кутузова, в ноябре 1805 г., с отрядом в 6—6½ тысяч человек, французов, у которых было в 4—4½ раза больше сил, отстаивал победоносно флеши от самых неистовых, повторных атак лучших наполеоновских маршалов. Стоит только вдуматься в повторные ответы Наполеона своим маршалам, подъезжавшим к императору лично и посылавшим к нему своих адъютантов с просьбой, даже, точнее сказать, с просьбами двинуть на флеши императорскую гвардию. Наполеон отвечал, что он не может рисковать своим главным резервом. Другими словами: борьба за флеши, овладение флешами, нападения на отходивших от флешей русских истребили такое чудовищное количество отборных французских войск, что и маршалы и еще больше отказавший им Наполеон явно увидели, до какой степени невыгодно вконец положить тут же, на одном только этом участке боевого фронта все лучшие силы, без которых нельзя будет целесообразно использовать конечную победу, даже если и удастся ее одержать. С рассвета почти до 11½ часов шедшие яростные атаки французов на флеши, не приводившие к результату, несмотря на все жертвы, сами по себе могли приводить врага в смущение, но смущало и то обстоятельство, что ведь и последнее дело на флешах, именно то, где получил свое (оказавшееся впоследствии смертельным) ранение Багратион, было грозным штыковым наступательным ударом. «Ходить в палаши», ходить в штыки, врукопашную, после всего пережитого в первые шесть часов боя, под огнем уже не двухсот, как в начале боя, а четырехсот французских орудий — все это уже само по себе обнаруживало, каким героическим духом движимы были в этот страшный и навеки славный день русские войска.

Первая большая атака Багратионовых флешей при самом деятельном участии артиллерии была открыта генералом Компаном в 6—6¼ часов утра, причем русские были поддержаны артиллерийским огнем гвардейских егерей, которые хоть были вытеснены

еще в пятом часу утра из деревни Бородино подавляюще превосходящими силами вице-короля Евгения, но, перейдя в полном порядке через р. Колочу, были тут усилены еще двумя егерскими полками и помогали своей артиллерией громить войска Компана и мешать им в атаке флешей. Компан был отброшен. Но, оправившись и получив подкрепление, Компан (в восьмом часу утра) снова послал в атаку бригаду своей дивизии, не участвовавшую в первой атаке и поэтому еще совсем не потрепанную. Но русские встретили эту вторую атаку таким усиленным огнем, что вскоре и эта бригада была расстроена и остановилась у леса. Тут тяжело раненного Компана унесли с поля сражения, а начальство над бригадой принял сам корпусной командир маршал Даву, примчавшийся на место. Ему удалось возобновить бой и ворваться в южную флешь после кровопролитного боя. Лошадь Даву была убита, сам маршал, контуженный и оглушенный, упал и был придавлен убитой под ним лошастью. И солдаты и командный состав в первый момент убеждены были, что маршал Даву, потерявший сознание, убит, и именно так немедленно было доложено Наполеону. Император приказал немедленно Мюрату стать во главе атакующих и снова штурмовать южную флешь, откуда французы были в это время выброшены русской контратакой. Маршалу Нею велепо было всеми силами поддерживать Мюрата, который вызвал к себе также корпус герцога д'Абрантеса (Жюно). К месту боя снажили еще и новые силы. Получив такие подкрепления, Мюрат (с согласия оправившегося от контузии маршала Даву) приказал снова идти в атаку. Эта третья атака была гораздо более яростной, чем все предыдущие. Следя с возвышенности за непрерывно притекающими к месту боя неприятельскими войсками, Багратион не терял ни минуты и стягивал к флешам буквально все силы, которыми располагал по праву как начальник 2-й армии, и даже те, которыми по праву вовсе не располагал. Прославившая себя 27-я дивизия Неверовского (т. е. то, что от нее осталось после Смоленска, и то, чем она была пополнена после Смоленска), а также гренадерская дивизия М. С. Воронцова были немедленно брошены в огонь.

К югу от атакуемой южной флешки, у деревни Утицы, стоял генерал Тучков 1-й со своим 3-м корпусом. Багратион приказал Тучкову, которому приказывать он не имел права, потому что Тучков подчинен был Барклаю, чтобы тот немедленно прислал ему на помощь дивизию Коновницына. Тучков послал. Но, конечно, этого было мало против громадной армии и притом лучших, отборных сил, брошенных на флешку Наполеоном.

У Тучкова 1-го, когда Кутузов распорядился поставить его на крайней южной оконечности левого фланга, были под командой следующие силы: 3-й пехотный корпус, 6 донских казачьих полков и 7 тысяч ополченцев. Но Тучков не по своей вине не мог оказать в тот момент Багратиону всей помощи, какую хотел бы.

Выше, где говорилось о распоряжениях Кутузова при объезде им расположения русских войск 25 августа (6 сентября), было уже отмечено, что Беннигсен самовольно (и даже не уведомив главнокомандующего) отменил приказ Кутузова о «засаде».

Яркий свет на всю эту историю бросают записки Щербинина вместе с некоторыми другими Материалами Военно-ученого архива главного штаба, изданными В. Харкевичем в 1900 г. Оказывается, что только в начале 1813 г., за два месяца до смерти, Кутузов узнал, как поступил с ним и с Тучковым 1-м граф Беннигсен, так усердно, заметим кстати, старавшийся очернить светлое имя Кутузова и при жизни и, особенно, после смерти великого фельдмаршала. Вот что поведал Щербинин. После осмотра бородинской позиции Кутузов возымел намерение поставить часть войска «скрытно от неприятеля» позади левого фланга. «Когда неприятель... употребит в дело последние резервы свои на левый фланг Багратиона, то я пущу ему скрытое войско во фланг и тыл», — таковы были точные слова Кутузова. Когда посланный Кутузовым инженерный капитан донес, что местность чрезвычайно благоприятствует этому плану, то 3-й корпус (Тучкова 1-го) и московское ополчение были поставлены Кутузовым в этой «засаде». Обезыжая позицию 25 августа (6 сентября), накануне битвы, Беннигсен вдруг отменил все сделанное по приказу Кутузова, да еще отменил «с досадой». И Тучков вышел из «засады» и выдвинул свой 3-й корпус к егерской бригаде, отделявшей левый фланг от утицкого леса. Щербинин, бывший при этом, убежден был, что Беннигсен совершает свой поступок с разрешения главнокомандующего. Но обнаружилось (к сожалению, слишком поздно), что Кутузов понятия не имел об этой неслыханной дерзости и самоуправстве Беннигсена.

Лишь в феврале 1813 г. в Калише, в главной квартире Кутузова, Щербинин в случайной беседе с Толем спросил Толя, почему Кутузов тогда переменял свой план относительно засады на левом фланге Бородинского лагеря. Щербинин рассказал все, и «изумленный» Толь сейчас же бросился к Кутузову, который и узнал тогда впервые обо всем. «Можно представить себе, — пишет Щербинин, — как во время Бородинского сражения Кутузов, полагавший Тучкова в скрытом месте, удивлен был известием, что Тучков сделался предметом и скорою жертвою первого натиска французов. На бедного Тучкова пало даже подозрение в главной квартире, что он не умел держаться». Его корпус сражался с 10-тысячным корпусом Конятовского, а сам он был убит наповал, и поэтому свалить на него все вины стало легко.

Вся вредоносность этого самоуправства Беннигсена выяснилась лишь впоследствии, когда из попавших в руки русских бумаг маршала Бертье выяснилось, что если бы Тучков со своим 3-м корпусом и ополчением явился, как рассчитывал Кутузов, к концу боя за Семеновское, «то появление этого скрытого отряда, по плану

Кутузова, во фланге и тылу неприятеля при окончании битвы было бы для неприятеля гибельно. И этому воспрепятствовало непростительное распоряжение Беннигсена»¹⁹. Щербинин, кроме того, увлекшись, настаивает, что корпус Тучкова и вообще, «поставленный Беннигсеном в невозможность сражаться по невыгодности местоположения сделался совершенно бесполезен». Щербинин тут выражается совсем неосновательно о «совершенной бесполезности»: своим отрядом в три с небольшим тысячи человек регулярных войск Тучков все-таки, во-первых, долго сдерживал 10-тысячный корпус Полятовского и вел героическую борьбу за Утицкий курган и, во-вторых, препятствовал неприятелю совершить обход русского левого крыла.

Беннигсен не только совершил самовольно, вопреки дисциплине, этот поступок, но даже не потрудился сообщить о нем ни Багратиону, ни самому Кутузову, которые, конечно, воспротивились бы, потому что это произвольное вторжение Беннигсена в план фельдмаршала, во-первых, лишало Багратиона шансов сильного и, главное, внезапного в нужный момент удара по атакующим флеша французам и, во-вторых, непоправимо сводило к нулю всю кутузовскую идею «засады». Сквозь туман лживых свидетельств и самовосхвалений этого ненавидевшего Кутузова интригана Беннигсена многие мемуаристы совсем не разглядели и даже не упоминают о его произвольном образе действий в данном случае.

Сваливать на Кутузова или на Толя, или на Тучкова какую-либо вину в том, что Багратион не получил вовремя полной помощи от 3-го корпуса, нет ни малейших оснований.

В своей книге «Бородино», изданной Обществом ревнителей военных знаний в 1912 г. («Бородино. По новым данным»), А. Геруа говорит, что Беннигсен действовал согласно с указанием *кроки* (схемы, имевшей руководящее значение), и поэтому якобы «формально» был прав (?), «хотя... и не согласно с намерением Кутузова», потому что Кутузов устроил «фланговую засаду», а не простой «фронтальный заслон». А. Геруа, однако, тут же пишет: «В своих мемуарах Беннигсен... старается оправдать открытое расположение засады желанием сделать из засады „демонстрацию“. Но это объяснение в сущности только неудачная попытка определения изменения боевого расположения, случившегося, якобы, преднамеренно». Все это правильно, как критика лживого самооправдания Беннигсена, но никак нельзя согласиться с выводом Геруа: «Раз так дурно были ориентированы главные руководители, нет ничего удивительного, что и исполнитель Тучков был осведомлен не лучше; и, если расположение засадного корпуса не удалось Толю, а исправить его не удалось Беннигсену, не приходится удивляться тому, что и Тучков не смог привести в исполнение тот план, в подробностях осуществления которого так дурно разбирались Толя, Беннигсен и сам Кутузов»²⁰. Но причем же

тут Кутузов? Кутузов отдаст крайне важное, точное распоряжение, это распоряжение самовольно, *без ведома главнокомандующего* отменяется и заменяется совершенно другим, вопреки протестам Тучкова. Весь план и *повеление* Кутузова сводятся к нулю к большому вреду для дела, и притом тайком, за спиной главнокомандующего.

Кутузов должен был учесть в этот предусмотренный им опаснейший момент борьбы у флешей факт отсутствия Тучкова с его 3-м корпусом, хотя причина этого отсутствия не могла, конечно, тогда быть ему известной. Во всяком случае, нужно было считаться с создавшейся обстановкой. Бой становился с минуты на минуту все ожесточенней. Оглушительный рев артиллерии заглушал голоса стоящих рядом друг с другом людей. По усиленной (повторной) просьбе Багратиона Кутузов приказал послать к флешам ему в подмогу три полка гвардии — Измайловский, Финляндский, Литовский, три кирасирских полка и гвардейскую конную артиллерию. Но не все они могли в полном составе подоспеть к флешам. Русские, не обращая никакого внимания на громящую их артиллерию, когда французы приблизились уже ко всем трем флешам (а не только к южной, первоначально намеченной), вступили в самый жестокий рукопашный бой. Командный состав принял полное участие в этих рукопашных схватках, которые сначала, во время этой третьей атаки, привели к занятию французами всех трех флешей, причем в разгаре боя Неверовский был ранен очень тяжело и с трудом вынесен его солдатами из боя, после того как его 27-я дивизия выдержала натиск, в котором она сражалась против окруживших было ее тройных французских сил. Еще больше пострадали гренадерские полки М. С. Воронцова, которые продолжали умирать, долго не уступая ни шагу, после того как их начальник и весь его штаб были либо перебиты, либо жестоко изранены в штыковом бою. Воронцова, раненого штыком, унесли замертво. Уже после истребления гренадер русские кирасиры бросились отбивать занятые флешы и штурмовым ударом выгнали засевших там французов, уничтожив в новой рукопашной схватке немногих французов, которым удалось остаться живыми из тех, кого кирасиры нашли во флешах.

Наполеон подтвердил свой приказ — во что бы то ни стало отбить флешы — и послал на помощь Мюрату и Нею одну из лучших дивизий, какими только располагал образцовый корпус Даву, — дивизию Фриана, очевидно, доверяя ей больше, чем первоначально посланной (и сейчас же возвращенной) им польской дивизии Клапареди. Бой возобновился с неслыханным ожесточением. Посылкой свежей отборной дивизии Фриана после страшных французских потерь в пятичасовой истребительной борьбе за флешы французский император показал явственно, что считает Багратионовы флешы центром великого побоища, от овладения которыми зависит исход борьбы. Русские подкрепления, по условиям мест-

ности, могли подходить медленнее, чем пришла к месту боя дивизия Фриана. Посылая Фриана, а затем и очень усиливая кавалерию, Наполеон уже был осведомлен, что та часть вызванных Багратионом подкреплений (именно дивизия Коновницына), которая спешно явилась на место боя, так как была сравнительно недалеко, сразу же повела штурм, отбивая флешы у французов, и выбила их в кровопролитном бою. Правда, приказ Наполеона был категоричен, и Ней снова овладел флешами, бросив новые, непрерывно подходившие к нему подкрепления, это произошло уже после прихода Фриана. Одновременно Наполеон приказал придвинуть ближе к флешам новые батареи. Не щадя снарядов, французская артиллерия громила поле боя, но и русская не молчала, насколько не уступая неприятелю ни в энергии огня, ни в меткости. Что русские артиллеристы в течение всего сражения стреляли, не только не уступая, но превосходя меткостью стрельбы французов, это призывали многие из командного состава неприятельской армии. Но для Кутузова защита флешей была лишь очень важным участком боевого фронта, а для Наполеона здесь было решение участи всей войны. Ему не терпелось превратить борьбу против левого русского фланга в генеральное сражение, каковым для Кутузова она вовсе не являлась. Бородино для русских вовсе не было и быть не могло в точном смысле слова «генеральной битвой», т. е. тем столкновением, которое решает участь войны и оканчивает войну. Русский главнокомандующий видел, что войска Багратиона делают нечто сверх сил человеческих, истребляя лучшие, отборные корпуса Наполеона, но класть здесь всю русскую армию Кутузов не хотел.

Ней и Даву решили в помощь фронтальным атакам пустить в ход большое обходное движение.

Очень ясный отчет о двух неудавшихся неприятелю попытках обхода русских войск в разгаре борьбы на левом фланге (во время непрерывных атак флешей) дает свидетельство Бутурлина, очевидца и участника обороны флешей. «В это время (после провала пятой атаки — *Е. Т.*) маршал Ней, видя, что атака флешей... не подвигается, решил обойти их и двинуть корпус Жюно в промежуток между левой частью позиции и войсками генерала Тучкова. Если бы неприятелю удалось прорваться с этой стороны, то дела приняла бы тем более худой оборот, что не только они обошли бы семеновские укрепления, но и генерал Тучков был бы отрезан от остальной армии...» К счастью, генерал-лейтенант Голицын опрокинул и загнал в лес колонны Жюно, и новые попытки французов были также совершенно подавлены русской конной артиллерией и атаками русских кирасир. Тут же был вконец разгромлен подчиненный маршалу Даву, герцогу Экмольскому, Вестфальский корпус: «Вестфальцы бросили сильные свои колонны в лес, который по своему положению — слева от (русских — *Е. Т.*) кирасир — давал возможность обойти кирасир с

фланга. Но пехотные полки — Брестский, Рязанский, Минский и Кременчугской 2-го корпуса — бросились на вестфальцев, *изрубили их в куски* (курсив Е. Т. — *ред.*) и овладели лесом».

Мы видим тут пример того, во что так часто обращалась «оборона» Кутузова в Бородинском бою!

Так кончилась первая попытка обхода русских сил перед флешами. А вот и вторая попытка, выявляющая всю глубину стратегической мысли главнокомандующего, предвидевшего опасность обхода левого крыла. Здесь борьба шла между 3-м корпусом Тучкова и почти в три раза превосходившим его по численности корпусом князя Полятовского. Полятовский задумал овладеть Утицким курганом. Этот пункт был важен тем более, что он командовал над всеми окрестностями и что неприятель если бы овладел им, то мог бы совершенно обойти левый фланг Тучкова, который был бы не в состоянии удержаться на Старой Смоленской дороге. Неприятельские колонны повели атаку с жаром, под защитой батареи в 40 орудий, которую Полятовский поставил справа от р. Утицы. Однако жестокий огонь русской батареи и ружейная стрельба гренадерских полков, Петербургского и Екатеринославского, не могли остановить их порыва. Курган был взят, и поляки (корпус Полятовского) продолжали свои движения и грозили обойти с фланга и с тыла русскую гренадерскую дивизию. Тогда генерал Тучков, чувствуя критический момент, решил собрать все свои силы, «чтобы отбить захваченный неприятелем пункт, и во главе Павловского полка остановил неприятеля и велел генералам Строганову и Олсуфьеву атаковать курган». Курган был штурмом взят обратно у неприятеля. «Неприятель, обескураженный испытанными потерями, отошел далеко от пушек, поставленных русскими на кургане»²¹. Тучков получил в этом бою смертельную рану. Получив подкрепления, Полятовский снова возобновил борьбу за Утицкий курган. Генерал Багровут, заменивший Тучкова, в конце концов отвел 3-й корпус и 2-й корпус, тоже бывший под его командованием, к верховьям ручья, стекающего с Семеновской возвышенности. Здесь он установил, как увидим дальше, связь с войсками 2-й армии, состоявшими под общим начальством Дохтурова, который привел их сюда после боев у Семеновского оврага.

Развязка — не войны и даже не борьбы за левый фланг, а только за флешу — приближалась.

Большое наступательное движение, затеянное Багратионом в двенадцатом часу утра, столкнулось с контратакой французов, — и в этом встречном бою ярая схватка шла с ежеминутными колебаниями. Картечный огонь усиливался. Это была уже пятая атака флешей.

И вдруг русские солдаты в разгаре боя заметили издали, что Багратион медленно падает с лошади. Ближние ряды уже знали более точно о происшедшем несчастье... Картечная пуля попала в

Багратиона и пробила берцовую кость. Этот момент и оказался переломным в борьбе за флешу, переломным, но не последним.

Послушаем очевидцев.

Офицер дивизии Неверовского Н. И. Андреев кратко и паглядно нарисовал картину того, что творилось на Багратионовых флешах в первые, утренние часы бородинского дня, когда Наполеон приказал королю Мюрату и маршалам Даву и Нею ударить на левый фланг русской армии совокушными силами. «С 25-го на 26-е в ночь, близко нас, у неприятеля пели песни, били барабаны, музыка гремела, и на рассвете увидели мы вырублен лес и против нас, где был лес, явилась огромная батарея. Липь только была заря, то зрелище открылось необыкновенное: стук (грохот — Е. Т.) орудий до того, что не слышно было до полудня ружейного выстрела, все сплошной огонь пушек. Говорят, что небо горело; но врид ли кто видел небо за беспрестанным дымом. Егеря наши мало были в деле, но дело везде было артиллерийское, с утра против Нея, Мюрата и Даву корпусов. *Паша дивизия была уничтожена* (курсив Е. Т.—ред.). Меня опять послали за порохом, и я, прозжая верхом, не мог не только по дороге, но и полем проехать от раненных и изувеченных людей и лошадей, бежавших в ужаснейшем виде. Ужасы сии я описывать не в силах; да и теперь вспомнить не могу ужаснейшего зрелища. А стук от орудий был таков, что за пять верст оглушало и сие было беспрерывно... Тут перо мое не может начертать всей картины... Я отослал ящики назад, а сам поехал вперед к деревне Семеновской, которая пылала в огне. На поле встретил я нашего майора Вурмина, у которого было *40 человек. Это был наш полк...* (курсив Е. Т.—ред.). Взойдя в лес мне встретилась картина ужаснейшая и невиданная. Пехота разных полков, кавалерия, снесившаяся без лошадей, артиллеристы без орудий. Всякий дрался, чем мог, кто тесаком, саблей, дубиной, кто кулаками. Боже, что за ужас! Мои егеря рассыпались по лесу и я их более не видал...» Начавшаяся на рассвете пушечная пальба даже в 10 часов утра продолжалась с неослабевающей силой. В 11 часов утра, когда Неверовский собрал свою дивизию, то оказалось, что от нее в живых осталось ... *семьсот человек*. И другие дивизии, оборонявшие Багратионовы флешы, были не в лучшем положении. «Мы видели, как Семеновский полк, несколько часов стоя на позиции, не сделав ни одного выстрела, был ядрами уничтожаем... Два кирасирские полка, Новороссийской и Малороссийской... пошли на неприятельскую батарею. Картина была великолепная! Кирасиры показали свою храбрость: как картечь их ни валила, но хотя половиною силы, они достигли цели и батарея была их. Но что за огонь они вытерпели, то был ад!.. Я видел, когда спяли незабвенного нашего князя Багратиона с лошади раненого в ногу и как он был терпелив и хладнокровен; слезал с коня в последний раз и поощрял солдат отомстить за себя... Не берег себя и по привычке был в сильном огне. Он не вынес

раны и вскоре умер... Скелеты полков нашей дивизии поступили к графу Милорадовичу в арьергард»²².

Гибель Багратиона совпала с тем моментом, когда Наполеон направил на атаку флешей уже почти в три раза больше орудий, чем до сих пор, уже не 150, а больше 400 пушек. Когда в Багратиона попал осколок ядра, раздробившего берцовую кость, — он, зная, как может смутить солдат ранение их любимца, пытался некоторое время скрыть свою рану, но кровь заливала его и лилась на землю. Он стал молча валиться с лошади. Его унесли. Левое крыло несколько подалось назад, но продолжало биться с прежним мужеством: жажда мести за погибающего раненого героя охватила солдат. Кирасир Адрианов, прислуживавший Багратиону во время битвы, подбежал к послышкам и крикнул: «Ваше сиятельство, вас везут лечить, во мне вам уже нет надобности!» Прокричав это, Адрианов, как передают очевидцы, «в виду тысяч, пустился, как стрела, мгновенно врезался в ряды неприятелей и, поразив многих, пал мертвым».

Еще далеко было до конца сражения, но какой-то непосредственный и верный инстинкт говорил русским участникам и наблюдателям борьбы за Багратионовы флешы, что французские потери на русском левом фланге и у деревни Семеновской решительно никакой «победой» в этом месте не могут быть возмещены. Вот что видел и слышал участник и правдивейший наблюдатель, военный инженер Богданов: «Трепетное чувство сильных впечатлений и вместе величественное начало центральной битвы представило поразительное зрелище. С двух батарей у деревни Горки, по всей линии 6 и 7 корпусов, до деревни Семеновской, поднялся беловатыми клубами дым от многочисленной артиллерии, и все это в момент слилось в один неумолкаемый гром с огнем левого фланга. Все вокруг нас покрылось, в полном смысле слова, облаками густого дыма; ничего нельзя было видеть. Общий непрерывный гул грома, вой и свист бесчисленных снарядов колебали воздух, земля дрожала. Трудно определить время нашего напряженного состояния, не знаю, что совершается около нас и за нами? Явление редкое, небывалое! До тысячи орудий с обеих сторон гремели, и более 150 тысяч воинов сражались на каком-нибудь четырехверстовом протяжении, считая от деревни Горок до Утицы. История народов и по настоящее время не вписывала еще новой страницы о битве, подобной при Бородине, по числу павших воинов. Но странное, изумительное и непонятное дело: на четырех верстах неумолкаемого грома, яростном наступлении с одной и героической защиты с другой стороны, вдруг, как бы по мановению условного знака какой-либо силы, все смолкло, слышны были лишь одни победные клики. Два полка нашей кавалерии в этот момент бурно мчались среди нестройной толпы бегущего неприятеля, нанося смерть и конечное поражение».

Пока шел бой за флешы и за Семеновское, еще невозможно было дать себе приблизительно отчет о чудовищных потерях не-

приятеля: «Маршал Даву, паступая на укрепления левого фланга у деревни Семеновской, был два раза отброшен с большими потерями к лесу; Ней спешит присоединить к нему свои войска, и оба маршала, пользуясь превосходством числа сил, поддерживаемые кавалерией и громом многочисленных пушек, три раза входили в промежуток укреплений, и солдаты их, падая под сосредоточенным жестоким картечным и ружейным огнем, умирали под русскими штыками. Твердость, укрепленная верой доблестных наших воинов, выдержала все три напора громадных сил неприятеля, который мужественно отбит подоспевшими к этому времени на подкрепление всего корпуса генерала Багговута, и каждый раз прогоняем был к лесу. Но и мы не остались без потери многих храбрых. Князь Багратион и генерал Тучков 1-й получили смертельные раны. Начальник артиллерии граф Кутайсов убит».

Русский участник боя и очень умный, проникательный и осторожный наблюдатель генерал-лейтенант Богданов вспоминает в своих рукописных заметках, как Наполеон боялся ночью перед Бородинским боем лишь одного: как бы русские не уклонились от сражения, и для него роковой просчет Наполеона был очевиден уже теперь, после первых же часов кровавой схватки: «Едва густые облака порохового дыма, тихо поднимаясь, открыли горизонт; какое ужасающее зрелище представилось глазам, вся площадь от укрепления до ручья Семеновского и реки Колочи была покрыта трупами врагов; на волчьих ямах лежали груды перемешанных людей и лошадей. Неприятель в общем наступлении понес, как видно, громадные потери своих сил. Вся местность пред деревнею Семеновскою, в кустарниках до леса, среди люнетов и далее влево от них, по свидетельству очевидцев, устлана была сплошь телами. Здесь видимо пробила последний час могуществу гордого притеснителя народов и указал начало его падения»²³.

Как глубоко правдиво и проникательно это суждение человека, лишь случайно уцелевшего среди ужасов Багратионовых флешей, Семеновского и Утицы! Он ясно понял уже тогда, на месте еще не кончившегося побоища, что после таких потерь у неприятеля быть победы не может никак, т. е. настоящей победы, той, за которой он гнался два с половиной месяца от Немана до Шевардина.

После гибели Багратиона в командование силами 2-й армии вступил Коновницын, который и отвел войска к деревне Семеновской. Французы заняли флеш и стали укрепляться в них. Коновницын мог бы возобновить борьбу, прося только нужных подкреплений. Но, как сказано, Кутузов не считал нужным удовлетворить явственное стремление неприятеля разыгрывать здесь «генеральную битву» и не только отказал Коновницыну, но и назначил вместо него командиром осиротевшей 2-й армии Александра Вюртембергского. Александр Вюртембергский поддержал просьбу Коновницына. Тогда Кутузов немедленно заменил и его и приказал Дохтурову принять командование над всеми силами тяжко

рапенного и унесенного с поля битвы Багратиона. Кутузов предвидел то, что упускали из вида многие, даже очень талантливые и доблестные генералы, вроде любимца Кутузова — Коновницына, которым гордилась русская армия («Коновницын, ратных честь!»). Старый главнокомандующий ожидал того, что и случилось: после овладения флешами Наполеон уже наметил новое направление главного удара или, точнее, усиление уже с утра происходивших атак на позиции центра русской армии.

Густая масса французских войск получила новое задание: овладеть Курганной высотой, разгромив стоящую там батарею Раевского и стоявшие около нее войска.

Вокруг Курганной высоты разыгрался второй основной акт великого столкновения, которое сначала наполеоновские бюллетени, а затем французские историки как старые, так и новые называют «Бородинской победой», но которое было на самом деле, со всякой сколько-нибудь беспристрастно взвешивающей события точки зрения, подвигом русских вооруженных сил, отнявших у Наполеона то, чем он всегда больше всего дорожил, — стратегическую инициативу, а у его армии былую мощь, которой она еще обладала в значительной степени перед Бородинским сражением, — мощь материальную и моральную. Первым актом наполеоновской трагедии, разыгравшейся на полях Бородина, была кровавая борьба за Багратионовы флешы и за Семеновское, вторым — борьба за Курганную высоту. Если французам (в том числе и последнему по времени из них Луи Мадлену) угодно называть победой событие, очень приблизившее французскую армию и французскую империю к пропасти, куда они и свалились, — пусть его так называют вопреки очевидности и здравому смыслу. Для русского народа и для русской истории, воссоздавшей его прошлое, Бородино навсегда останется великим торжеством могучего самоотверженного героизма русской армии, русского военного искусства и народного несокрушимого, гордого самосознания. Первым актом великой исторической трагедии, принесшей России такую немеркнущую славу, а начавшему на нее агрессору — в близком будущем такую страшную гибель, была борьба за флешы, вторым — бои на Курганной высоте. Дорого, неизмеримо дорого заплатили Наполеон и Франция за обладание в течение меньше чем одних суток этими двумя местами...

Войска после ранения Багратиона отведены были Коновницыным от флешей в полном боевом порядке.

Один из главных просчетов Наполеона в течение Бородинского сражения заключался в том, что он явно считал после исчезновения Багратиона и последовавшего отхода русских сил от флешей дело на левом фланге ликвидированным. А на самом деле оно только вступало в новый фазис.

Было уже около часа дня, когда русские возобновили у Семеновских высот бои «страшным громом артиллерии». С обеих

сторон гремело до 700 орудий. Вот показания непосредственного участника этого фазиса новой схватки на левом фланге: «Эта поражающая сцена представила новый пир смерти; трупы падали и покрывали прежние жертвы... Русские стройно и мужественно удерживали порядок и свои места; не раз редели колонны наступавших от картечь и пуль, а бесстрашные из них падали от русских штыков!.. Русские полки тоже много теряли своих храбрых, но за всем тем линии их были в грозном положении. Генерал Дохтуров, предводительствуя ими против громадных масс наступавшего неприятеля, исполнил с твердостью и достоинством возложенное на него доверие в столь важном деле; он являлся повсюду, где только была опасность, и войска мужественно удерживали свои места.— Под ним одна лошадь убита, другая ранена. Наполеон долго колебался затруднительным положением от неудавшихся покушений сломить наши линии...»²⁴. Мюрат, король неаполитанский, еще более усердно и неотступно, чем он это делал вместе с Даву и с маршалом Неем в утренние часы перед Багратионовыми флешами, умолял императора двинуть, наконец, гвардию. И Наполеон уже не отвергал эти просьбы с прежней решительностью и нетерпением, он раздумывал и колебался. Но вдруг примчались адъютанты, привезшие совсем неожиданную весть: русская конница появилась у расположения гвардейских полков и атаковала тылы французской армии! Наполеон снова — не в первый и не в последний раз — убедился, что его «перехитрил» тот противник, о котором Суворов говаривал: «Умен, умен! Хитер, хитер!» Не в «хитрости» было дело, а в том, что своим воинским гением, своим проницательным пониманием натуры врага Кутузов учуял, что происходит в эти минуты в уме противника, и решил, что настал момент для смелой и внезапной диверсии.

Одновременно с продолжающимся ожесточенным натиском французской кавалерии на Семеновское усилились атаки в центре русского расположения на батарею Раевского, которые начались еще в утренние часы по приказу вице-короля Евгения после того, как французы овладели Бородином, преодолев ожесточенное сопротивление незначительного отряда сгорей.

Стольких поистине несметных человеческих жертв стоило в бородинский день это укрепление на Курганной высоте, такую роль сыграла эта знаменитая в истории Бородинского сражения борьба за батарею Раевского, что очень стоит ознакомить читателя с некоторыми подробностями ее построения, которые дает в своей рукописи военный инженер, ее укрепивший, Богданов 2-й, впоследствии генерал-лейтенант. «В 11-м часу ночи (с 25 на 26 августа 1812 г.— *Е. Т.*) мне дано приказание ехать к генералу Раевскому. Я нашел его на батарее, построенной вследствие сделанного им распоряжения. Батарея была совершенно окончена и орудия стояли на местах». Богданов нашел, что она поставлена хорошо, так как «вся местность, лежавшая перед нею, защищалась сильным

перекрестным огнем» с открытой батареей в 60 орудий, поставленных у деревни Семеновской, и двумя батареями: с одной, поставленной у деревни Горки, и другой, принадлежавшей артиллерии 6-го корпуса. Могла сверх этого действовать и артиллерия 7-го корпуса, в помощь 60 орудиям от деревни Семеновской. Богданову понравилось, что батарея была, таким образом, издала защищена сильным перекрестным огнем. Но Раевскому этого было мало: «Генерал Раевский, — пишет Богданов, — принял меня следующими словами: батарею эту мы построили сами; начальник ваш, посещая меня, похвалил работу и расположение; но как открытая и ровная местность может быть атакована кавалериею, то советовал перед батареею, в расстоянии 50-ти сажен, раскинуть цепь волчьих ям; нами это сделано, теперь остается одно и самое важное: неприятель, при защите нами, может обойти нас и с тылу занять укрепление; нужно положить сильную ему в этом преграду. Осмотрите все и скажите мне, что и как сделать».

Осмотрев батарею, Богданов нашел, что она имела 19 орудий²⁵, протяжение ее кривой линии было до 60 сажен, ширина рва 3¹/₂ сажен, глубина у контрэскарпа до 1¹/₂ сажен. «Но чтобы дать ей более внутреннего помещения, необходимо требовалось, несмотря на краткость времени, дополнить к ней два фланга земляною насыпью бруствера со рвами, а горжу замкнуть двойным палисадом, с двумя просздами, с палисاديрованными в них притворами; лес и железо употребить от разобранных деревень». За работу взялись тотчас же, чтобы окончить ее к рассвету, когда ждали первого нападения на центр нашей позиции. Работали с предельной для сил человеческих энергией и неутомимостью. К 4¹/₂ часам утра задание было выполнено. Созданы фланги по 12¹/₂ саженей каждый (их было два), «был углублен в землю на полсажени» палисад (один высотой в 8 футов, другой в 6¹/₂ футов).

Осмотрев все сделанное за ночь Богдановым и данными ему для этих земляных работ людьми, Раевский распорядился еще об усилении прикрытия («внутреннего прикрытия») и сказал своим генералам: «Теперь, господа, мы будем спокойны; император Наполеон видел днем простую, открытую батарею, а войска его найдут крепость»²⁶. Когда Богданов оканчивал свою работу, превратившую открытую батарею в крепость (в сомкнутый люнет), то уже рассветало. Издали допелось до Богданова, Раевского и подъезжавших к ним Ермолова и генерала Ферстера: «Vive l'Empereur!» («Да здравствует император!»). Во французском лагере читался по ротам приказ Наполеона, в котором солдатам обещалась полная победа и благодатный отдых в Москве, ворота в которую откроет предстоящее сегодня торжество непобедимого императора...

И уже очень скоро после того, как батарея Раевского была готова и «внутреннее прикрытие» — около двух тысяч человек — было введено в укрепление, последовал ряд бурных атак со стороны

конницы неприятеля. Таким образом, одновременно надвинулась грозно обострившаяся опасность и на левом фланге — против Семеновского, и в центре — против люнета на Курганной высоте (батареи Раевского).

Здесь произошло событие, которое в своих последствиях спасло центральную батарею на Курганной высоте (батарею Раевского) от непосредственной и неотвратимой опасности, оттянуло на несколько часов копец борьбы за нее, ослабило также французские атаки на Семеновское, нанесло новые тяжкие удары французской армии, стоило ей новых жестоких потерь и в последствии довершило дело русской обороны и на левом фланге и в центре, расстроив и ослабив наполеоновские вооруженные силы и лишив Наполеона победы. Мы говорим о внезапном, поистине гениальном распоряжении Кутузова, последовавшем после первых же атак на центральную батарею, когда эти атаки становились (после занятия французами флешей) все грознее и ожесточеннее.

Вот как описывает эту творческую минуту русского стратега неотлучно в это время при нем находившийся адъютант его и историк Михайловский-Данилевский. Когда Кутузов был при Горках и, желая лучше обозреть местность, «взъехал на курган», на котором находилась батарея в три орудия, то «следствием сего личного обозрения были два, отданные Кутузовым приказания. 1) Милорадовичу с стоявшим на правом крыле 4-м пехотным корпусом, графа Остермана, и 2-м кавалерийским, Корфа, сблизиться к центру; 2) Платову, с казаками, и Уварову, с 1-м кавалерийским корпусом, переправиться вброд через Колочу... и атаковать левое крыло неприятеля. Сим движением князь Кутузов надеялся отвлечь внимание Наполеона и оттянуть часть сил его от нашего левого крыла». Приказание было немедленно передано, и казачья конница Платова (девять казачьих полков) и кавалерия Уварова помчались со своих позиций, направляясь к тылам левого крыла неприятельской армии. Этот кавалерийский рейд был совершенной неожиданностью и для Наполеона, и также почти для всего русского командного состава. Смятение на левом крыле французов сначала принимало уже характер возникавшей местами паники. Стремительность движения русской конницы, громовое казачье «ура!» и невозможность даже приблизительно сообразить, что произошло, — все это парализовало в течение нескольких мгновений всякое сопротивление. Наполеон заметил издали, что произошло нечто необъяснимое на левом фланге. Не получив сразу же сколько-нибудь толкового и вероподобного объяснения причины происшедшего смятения и не дождавшись возвращения Уварова и Платова, которые получили приказ Барклая и умчались из французского расположения так же стремительно, как полетели, Наполеон под первым впечатлением стрелой полетел к своему левому флангу, перед этим он отдал несколько важных распоряжений. В первых, он отменил уже данное им только что перед этим пове-

ление о новом нападении сил вице-короля на Курганную высоту; во-вторых, он, только что отдавший приказ, которого у него так долго и напрасно спросили маршалы еще во время сражения у Багратионовых флешей — о выступлении полков молодой гвардии в помощь кавалерии вице-короля и Мюрата, — отменил этот приказ и велел немедленно вернуть молодую гвардию в ее исходное положение. Это в высшей степени кстати облегчило положение русских, потому что, как свидетельствует адъютант Кутузова, «сила войск наших, при всем их мужестве, начинала истощаться». Ведь одновременно с атаками на батарею Раевского (в центре) продолжались яростные атаки французов (кирасир и конных гренадер) на войска левого фланга — остатки герейских дивизий Воронцова, Неверовского, принца Мекленбургского. Они продолжали после взятия флешей свою борьбу на позициях, куда отступили.

Когда Кутузов отдал свой спасительный приказ о смелой наступательной диверсии Уварова и Платова, он сам находился в смертельной опасности. Вот показание того, кто был с ним рядом. «Желая лично удостовериться в справедливости донесений, князь Кутузов въехал на пригорок, осылаемый обломками гранат, летавшими во все направления. На волоске была жизнь того, на ком лежала надежда России. Тщетно уговаривали его спуститься с пригорка, и когда никакие убеждения не действовали на Кутузова, адъютанты взяли его лошадь за узду и вывели его из-под выстрелов».

Кутузов, к счастью, уцелел от смертельной опасности и мог очень скоро заметить и учесть первые последствия своих распоряжений. Как раз перед нападением Уварова и Платова на тылы левого французского фланга Наполеон чувствовал себя уже до такой степени победителем, что решил, что на этот раз можно для ускорения победы послать молодую гвардию, и вдруг все переменялось: «В подкрепление кавалерийских атак Мюрата послал он молодую гвардию. Назначенная решить участь сражения, гвардия тронулась, но едва прошла небольшое расстояние, Наполеон неожиданно заметил на своем левом фланге появление русской конницы, отступление колонн вице-короля, беготню и тревогу в обозах и в тылу армии. Остановив молодую гвардию, Наполеон сам отправился к вице-королю, желая узнать о причине замечаемого у него смятения».

Уваров произвел два нападения на войска вице-короля и отошел по приказу, посланному Кутузовым, который был вполне доволен удавшейся демонстрацией. Сам Уваров так увлекся, что не послушался первого приказа, и Кутузов принужден был категорически повторить свой приказ. Со своей стороны казаки Платова перешли вброд через речку Войку и внесли большую сумятицу в тылу Наполеона, — и французские обозы в величайшем беспорядке обратились в бегство, и не сразу можно было их остановить и устроить. Об этом свидетельствуют уже не только русские участ-

ники дела, но и французы. Платов, выполнив свое поручение, вернулся вместе с Уваровым только по приказу.

Целых два часа потерял Наполеон из-за этой гениально задуманной и блестяще выполненной кутузовской диверсии, и эти два часа оказались потерей для французов невознаградимой. «Вдруг изменился вид дел», — по мнению лиц, бывших в этот момент в окружении Кутузова. Защитники батареи Раевского (центральной батареи) получили передышку, русское командование подтянуло подкрепления.

К центру расположения русской армии подошел корпус графа Остермана (с правого фланга). А с левого фланга Дохтуров привел то, что оставалось еще в живых от 2-й (бывшей багратионовской) армии, а также гвардейские полки Преображенский и Семеновский, которые были вытребованы еще Багратионом как подкрепление. Самым ответственным пунктом, на который был направлен разом с нескольких сторон жесточайший огонь, сделалась все та же «курганная», или «центральная», батарея Раевского, которая благодаря укреплениям превратилась, как сказано, в «сомкнутый люнет» — так определил ее строитель, генерал-лейтенант и главный инженер Богданов в уже цитированной его рукописи.

Батарею Раевского при возобновлении битвы на Курганной высоте после переполоха, вызванного нападением на тылы Наполеона со стороны Уварова и Платова, занял начальник 24-й дивизии Лихачев со своей пехотой. Отчаянно усилившиеся кавалерийские атаки французов все более сосредоточивались на дивизии Лихачева. Французы потеряли Монбрена, потеряли Коленкура, но уже не считались ни с какими потерями. «Неприятельская пехота взбиралась на вал со всех сторон; ее опрокидывали штыками в ров, наполнившийся трупами убитых; свежие колонны заступали место и с новою яростью лезли умирать; наши встречали их с равным ожесточением и сами падали вместе с врагами»²⁷. Таков рассказ Михайловского-Данилевского, адъютанта Кутузова в течение всего Бородинского боя.

Перебиты были почти все солдаты той части Лихачева, которая занимала батарею. Сам он весь в крови от нескольких тяжелых ран пал на землю, теряя сознание. Он был поднят и только потому не прикончен французским кирасиром, что был признан по мундиру за генерала. Его, израненного и облитого кровью, понесли перевязывать, а затем представили Наполеону, который тотчас же вернул ему шпагу.

Момент жесточайшей опасности для «большой батареи», как называл Наполеон все время батарею Раевского, наступил тогда, когда Наполеон приказал вице-королю Евгению отрядить для овладения ею три пехотные дивизии (в их числе образцовые дивизии Морана и Жерара) и кавалерийский корпус Груши. Но и этого Наполеону показалось мало, хотя уже этих сил, данных Евгению для нового штурма большой батареи, казалось бы, было

достаточно ввиду их подавляющего перевеса над силами защитников. Но Наполеон после ужасов, пережитых в утренние часы при атаках флешей, и после новых страшных потерь, испытанных уже французами только что, тут же на Курганной высоте, решил, что большая батарея должна быть атакована одновременно с двух сторон: с фронта, куда двинется вице-король, и с тыловой части батареи (на левом фланге защитников).

Для выполнения этого плана Мюрат, распорядившийся кавалерией, приказал генералу Коленкуру (брату обер-шталмейстера бывшего посла при русском дворе) и Монбрёну, начальнику 2-го кирасирского корпуса, опуститься с Семеновской возвышенности, промчаться по долине до батареи Раевского и с хода атаковать тыл ее. Но бурный натиск кирасир был почти тотчас же сломлен, атака отбита, и в разгаре боя пал сначала генерал Монбрён, а потом и генерал Коленкур. Не имела успеха в попытке вытеснить русских из люнета Раевского и другая конная часть (два французских карабинерных конных полка и бригада корпуса Латур-Мобура — саксонская бригада Тильмана). Русские отбили, таким образом, все атаки могущественной конницы неприятеля. Русский военный критик Липранди со справедливой иронией отмечает созданную трудолюбивыми стараниями французских и немецких историков извращенную картину конца боя за овладение батареей. Тильмана с его саксонцами русские отбросили убийственным огнем, и ни малейшего успеха ни немцы Тильмана (из корпуса Латур-Мобура), ни французы тут не имели. Даже такие сравнительно меньше фантазирующие немецкие историки, как Шнейдевинд, «хоть и не натягивают подвигов на своих брудеров», но все-таки лживо хвастают: «итог, ими же самими высказываемый, отличает их, им (немцам — *Е. Т.*) хочется показать, что, мы-де били русских лучше, нежели то делали тогдашние наши господа французы».

Против огня русской пехоты, поддержанной артиллерией, масшированная для атаки французская кавалерия ничего поделать не могла. Целая вереница ложных показаний иностранцев (на этот раз еще более немцев, чем французов), замалчивая героические контратаки русской конницы и пехоты, повторяет выдумки о сыгравшем третьестепенную роль Тильмане и саксонской бригаде. Не последнее место среди этих фальсификаторов истории Бородине занимает флигель-адъютант Александра I Вольцоген, фаворит царя, состоявший при Барклае де Толли, тот самый, о котором Лев Толстой, приведя *точные* сказанные этим пруссаком слова, говорит устами одного из героев своего бессмертного романа, что такие, как Вольцоген, отдали Наполеону всю Европу, а потом приехали в Россию, чтобы учить русских, как надо вести войну против Наполеона. Вольцоген тоже затушевывает тот безусловно точный факт, что батареей Раевского овладели после самого истребительного побоища три пехотных корпуса, отряженные, как вы-

ше было сказано, Наполеоном в распоряжение вице-короля Евгения Богарне. Этот Вольцоген, которого, кстати заметим, окружение Багратиона в начале войны подозревало в шпионстве, тоже стремился, «как немец „приплести“ Тильмана: нужно же было показать, что и мы-де пахали и торжествовали над русскими»²⁸.

Ряд показаний непосредственных участников боя свидетельствует, что не только раздражение, но и смущение и недоумение все более и более овладевали Наполеоном по мере того, как в каждой стадии Бородинского боя являлись перед ним новые и новые массы русских войск, яростно отбивавших его атаки. В разгаре боя на Курганной высоте Наполеону пришла в голову очень его беспокоившая мысль, что перед ним уже стоят свежие русские полки, подоспевшие на помощь Кутузову с Дуная. А он от самого начала вторжения в Россию тешил себя иллюзией, будто турки, по его же наущению, нарушат Бухарестский мир и возобновят войну против России. Вот характерное, со слов Лихачева, свидетельство Сергея Глишки: «Когда русская гвардия выдержала и отразила троекратные усилия конных французских гренадер и кирасиров, названных Наполеоном *железным войском*, и когда русская конница в свою очередь угрожала левому крылу его: тогда Наполеон громаду войск своих опрокинул на средину русских полков, стоявших на кургане... Гвардия двинулась ближе и к смерти и к пагубе врагов. Валовой напор устремляется на укрепление, где начальствовал генерал Лихачев... Отражен первый порыв. Гуще стесняет Наполеон ряды свои и яростнее нападает. По трупам наших его полков летят новые, укрепление захвачено. Лихачев, обрызганный кровью, текущую из ран... отбросив от себя жизнь, ворвался в ряды неприятельские на явную смерть. Он захвачен в плен и представлен Наполеону... Спрашивая Лихачева о войне русских с Турцией, он (Наполеон — *Е. Т.*) узнает, что война уже кончена и что полки русские, из пределов Турции, выступили в России»²⁹. Но никто из Молдавской армии не успел и не мог успеть принять участие в Бородинском сражении.

И русские, и французские очевидцы и соучастники борьбы, кившей у батареи Раевского, оставили незабываемые картины этой битвы. Именно об этой стадии Бородинского боя говорят показания русских солдат и офицеров, легшие в основу, например, истории Московского полка, которому суждено было, заметим кстати, сыграть такую почетную роль впоследствии в восстании декабристов. Вот что записано тут о Бородине и, в частности, о защите батареи Раевского: «Трудно себе представить ожесточение обеих сторон... Многие из сражавшихся побросали свое оружие, сцеплялись друг с другом, раздирали друг другу рты, душили одни других в тесных объятиях и вместе падали мертвыми. Артиллерия скакала по трупам, как по бревенчатой мостовой, втискивая трупы в землю, упитанную кровью. Многие батальоны так пере-

мешались между собой, что в общей свалке нельзя было различить неприятеля от своих. Изувеченные люди и лошади лежали группами, раненые брели к перевязочным пунктам, покуда могли, а выбившись из сил, падали, но не на землю, а на трупы павших раньше. Чугун и железо отказывались служить мщению людей; раскаленные пушки не могли выдерживать действия пороха и лопались с треском, поражая заряжавших их артиллеристов; ядра, с визгом ударяясь о землю, выбрасывали вверх кусты и взрывали поля, как пизгом. Пороховые ящики взлетали на воздух. Крики командиров и вопли отчаяния на десяти языках заглушались пальбой и барабанным боем. Более nežели из тысячи пушек с обеих сторон сверкало пламя и гремел оглушительный гром, от которого дрожала земля на несколько верст. Батареи и укрепления переходили из рук в руки. Ужасное зрелище представляло тогда поле битвы».

Несколько раз батарея Раевского и «горжа», к ней ведшая, переходили из рук в руки. Русская пехота штыками, русская артиллерия усиленным огнем отбрасывали и истребляли кирасир, улан, пехотинцев, которые взбирались на высоту, успевали переколоть защитников, но отбрасывались прочь подоспевшими подкреплениями. Страшное побоище окончилось взятием батарей, прямо покрытой на всех подступах густыми пластами трупов русских и французов.

Битва продолжалась после занятия неприятелем люнета (батарея Раевского) еще несколько часов как на левом фланге, где командовавший генерал Дохтуров успешно отразил ряд новых и новых атак и где Понятовскому с большими потерями удалось несколько потеснить Багговута, после чего Багговут отшвырнул Понятовского, нанеся ему потери, в центре и на правом фланге в последние часы боя (от взятия батареи Раевского до 7-го часа вечера) происходила артиллерийская перестрелка. Гора трупов покрывала Курганную высоту. В памяти очевидцев остались «табуны лошадей без всадников», которые, «разметав гривы, рыкали, бегали посреди мертвых и раненых, по полю разбросаны были подбитые орудия, остовы ящиков»³⁰.

Вечерело. Темнота усиливалась большой облачностью. Сражение окончилось. С поля неслись крики и стоны раненых, которым трудно было подать даже малую помощь. В первые часы наступавшей ночи обе армии оставались приблизительно на тех местах, на которых их застал конец сражения. Первыми отошли от поля умолкнувшей битвы французы. Перед уходом Наполеон отдал приказ своим войскам очистить Багратионовы флеши, Семеновское, деревню Бородино, Курганную высоту с ее разрушенным люнетом, батареей Раевского, где пали тысячи людей, где нашел смерть высокодаровитый пачальник русской артиллерии Кутайсов при удавшейся в разгаре боя попытке Ермолова вернуть временно отбитую французами батарею и где были убиты лучшие наполеонов-

ские генералы Монбрен, Коленкур, взят в плен исколотый штыками генерал Богами...

Утрюмый, раздраженный, молчаливый, в сопровождении небольшой свиты, не смевшей с ним говорить, проезжал Наполеон по тем местам Бородинского поля, где могло ступить копыто лошади [лишь] между валявшимися всюду трупами и стонавшими искалеченными и израненными людьми. Свита заметила, что русские гораздо меньше стонут, чем солдаты вторгшейся в Россию армии разноплеменных национальностей, и несравненно мужественнее переносят свои тяжкие мучения.

Кутузовский генералитет оказался на высоте в лице прежде всего главных начальников. Падают один за другим герои на флешах и на Семеновской возвышенности, и Кутузов сейчас же находит, кем их заменить. Уносят тяжело раненного Багратиона, и сейчас же является на его посту Дохтуров, а еще раньше прибытия Дохтурова Коновницын, и в этот совсем короткий промежуток времени своего высшего начальствования он успевает нанести тяжкий удар наполеоновским кирасирам. Вспоминает он о своих подвигах так. Еще до ранения Багратиона Коновницын стал перед Семеновскими высотами, уже взятыми неприятелем. «Я их рассудил взять. Моя дивизия за мною последовала, и я с нею очутился на высотах и занял прежние наши укрепления. При сем довольно счастливым происшествием получаю известие, что Багратион и его генерал-штаб (начальник штаба 2-й армии — *Е. Т.*) Сен-При ранены, коих уже понесли, и мне, как на сем пункте старшему, Багратионом оставлено главное начальство; для чего должен был я тотчас войти в новое начальство, ориентироваться во всем, что есть, до присылки генерала Дохтурова»³¹.

Но вот наступает момент, хорошо нам известный из других показаний. На Коновницына налетает массированная конница. «Видя стремление всей неприятельской кавалерии, от кося тучи пыли до небес столбом показывали мне ее ко мне приближение, я с Измайловским полком, устроив его шахматное каре, решился выждать всю неприятельскую кавалерию, которая в виде вихря на меня налетела. Такого рода были три неприятельские атаки и все безуспешные. Измайловские гренадеры, не расстраивая строя, бросились на гигантов, окованных латами, и свергали сих страшных всадников штыками». Кутузов имел полное основание полагаться на Багратиона, смертельно раненный Багратион — на Коновницына, Коновницын — на свою 3-ю пехотную дивизию, отбрасывавшую штыками отборные кирасирские части Наполеона... Измайловский и Литовский полки понесли страшные потери в этом штыковом бою, но и нанесли тяжкий урон дивизии Фриана, которая заняла в продолжение жестоких боев Семеновское и большой овраг его. И все-таки русские гвардейцы, измайловцы и

литовцы, до конца сражения не были выбиты полностью из Семеновского так же, как Финляндский гвардейский полк, а оставались, отступив повыше от оврага. В рукописи генерал-лейтенанта Богданова говорится следующее о событиях, происшедших на Семеновской возвышенности после взятия трех Багратионовых флешей (семеновских люнетов, как он их называет): «Люне́ты были уже заняты неприятелем, и войска наши отступили и устраивались на высотах по ручью Семеновскому, где все стремления французов сбить наши линии остались безуспешными до конца сражения»³². Это точное и категорическое показание активнейшего участника и очевидца имеет в данном случае решающее значение. Значит, и на левом фланге французам до самого конца битвы не удалось достигнуть окончательно своей цели, вопреки утверждениям французских источников.

После ранения Багратиона, после некоторого (незначительного) отступления под начальством Коновницына и затем прибытия вновь назначенного начальника войск левого крыла армии Дохтурова яростная борьба за флешу возобновилась, и одна за другой последовал ряд ожесточенных атак. И одновременно с продолжением с переменным успехом борьбы за флешу и за Семеновскую возвышенность усилились наступательные действия французов в центре. Первая большая атака на «сомкнутый люнет» (батарею Раевского) была блестяще отбита и стоила неприятелю громадных потерь еще до того, как атакующие приблизились к люнету: «...неприятель, выстроившись к атаке, должен был двигаться по ровной открытой площадке до 400-т саж. в густых массах; попасть под прицельный огонь с сомкнутого люнета и потом войти в сферу картечного огня более 200 пушек дело нелегкое. Трудно сохранить... хладнокровие, когда люди ложатся и умирают сотнями»³³. Это была первая отбитая попытка французов «с хода» взять люнет; первая — но не последняя.

Одно за другим Наполеон посылал вице-королю, по его настойчивым просьбам, значительные подкрепления. Но когда совершенно неожиданно для Наполеона, считавшего уже дело с флешами поконченным, вдруг уже после ранения Багратиона русские вновь выбили французов из флешей, были затем выбиты французами и снова почти тотчас же были со страшными потерями выбиты русскими, то император должен был отказаться от посылки против центра русской позиции больших кавалерийских масс, пока не удастся окончательно оттеснить русские войска от флешей и от ключевых пунктов на восточной части Семеновской возвышенности. Но когда флешу были, наконец, взяты снова, то Мюрат произвел бурное нападение массивной кавалерией. Легкая и часть тяжелой кавалерии были брошены на Семеновскую высоту и хотя не овладели ею окончательно, несмотря на большие потери, но двинулись дальше, к центру русской позиции, к Курганной высоте. Тут произошла жестокая схватка

в борьбе за батарею (точнее, «смятый люнет»), в который обращена была эта центральная батарея Курганной высоты.

Вот что читаем в позднейшем рапорте начальника правого фланга Барклай де Толли главнокомандующему Кутузову об одном из поразительных подвигов русских войск. Этот подвиг дал возможность спасти люнет (батарею Раевского или, как называет ее Барклай, «центральную батарею») от немедленного овладения неприятелем. Обстрел этого пункта французской артиллерией становился жесточе с минуты на минуту. Названную батарею Барклай считал «ключом всей нашей позиции». Вот что доносит он Кутузову: «Вскоре после овладения неприятелем всеми укреплениями левого фланга, сделал он под прикрытием сильнейшей канонады и перекрестного огня многочисленной его артиллерии, атаку на центральную батарею, прикрываемую 26-ю дивизиею. Ему удалось оную взять и опрокинуть вышесказанную дивизию, но начальник главного штаба 1-й армии, генерал-майор Ермолов с обыкновенной своей решительностью, взяв один только 3-й батальон Уфимского полка, остановил бегущих и толпою в образе колонны ударил в штыки. Неприятель защищался жестоко, батарея его делала страшное опустошение, но ничто не устояло. Вслед за означенным батальоном послал я еще один батальон, чтобы правее сей батареи зайти неприятелю во фланг, а на подкрепление им послал я Оренбургский драгунский полк еще правее, чтобы покрыть их правый фланг и врубиться в неприятельские колонны, кои следовали на подкрепление атакующих его войск. 3-й батальон Уфимского полка и 18-й егерский полк бросились против них прямо на батарею, 19-ый и 40-ой егерские полки по левую сторону оной и в четверть часа наказана дерзость неприятеля: батарея во власти нашей, вся высота и поле около оной покрыты телами неприятельскими. Бригадный генерал Бонами был один из неприятелей, снискавший пощадку, и неприятель преследован был гораздо далее батареи. Генерал-майор Ермолов удержал оную с малыми силами до прибытия 24 дивизии, которой я велел сменить расстроенную неприятельской атакой 26 дивизию, прежде сего защищавшую батарею, и поручил сей пост генерал-майору Лихачеву». Но опасность для центральной батареи (люнета Раевского) этим еще не была устранена, потому что одновременно шла громадная кавалерийская атака на 4-й корпус, которым Барклай прикрыл отчасти и батарею Раевского от перекрестного огня, который бил по ней и с правой стороны, где действовала неприятельская артиллерия, направленная против этой батареи, и с левой стороны, откуда защитников батареи громили орудия, утвердившиеся на позициях, занятых французами после отхода русских. Опустошения, произведенные этим перекрестным огнем в составе 4-го корпуса, были очень значительными, но дух солдат и офицеров оставался на прежней, всегдашней высоте. Вот как продолжает Барклай

свое донесение Кутузову, только что рассказав о подвиге Ермолова и его солдат: «Во время сего происшествия неприятельская конница, кирасиры и уланы, повели атаку на пехоту 4 корпуса, но сия храбрая пехота встретила онаю с удивительною твердостью, подпустила ее на 60 шагов, а потом открыла такой деятельный огонь, что неприятель совершенно был опрокинут и в большом расстройстве искал спасение свое в бегстве»³⁴. Это бегство сопровождалось огромными потерями для бегущих, потому что преследовать их было велено четырем русским полкам (двум гусарским и двум драгунским). Преследуемые французы бежали почти через все поле сражения, пока не спаслись под прикрытием своих резервов. Но четыре кавалерийских полка (два гусарских — Сумский и Мариупольский и два драгунских — Иркутский и Сибирский) прекратили преследование, только когда неприятельская конница с подкреплением из резервов снова перешла в атаку и напала на тылы 4-й и 11-й пехотной дивизии. Здесь ее встретил убийственный огонь пехоты («бесподобной пехоты», как пишет в своем донесении Кутузову Барклай де Толли). И русские снова прогнали неприятельскую конницу. Ермолов был тяжело ранен и должен был передать начальство над отбитой им батареей совсем больному начальнику 24-й дивизии Лихачеву. Последовал новый штурм батареи французской кавалерией, и снова был отбит. Наполеон решил повторить в самых обширных размерах атаку на люнет, чтобы любой ценой овладеть им. Это ему удалось, несмотря на неисчислимые жертвы, но Барклай утверждает, что французам помогла лишь случайность: Барклай послал за 1-й кирасирской дивизией, «которая однако же по несчастью, не знаю кем,— пишет он,— была отослана на левый фланг и адъютант мой не нашел онаю на том месте, где я предполагал ей быть. Он достиг л.-гв. Кавалерийский и Конный полк, которые на рысях поспешили ко мне; но неприятель успел между прочим совершить свое намерение; неприятельская конница врубилась в пехоту 24-й дивизии, которая поставлена была для прикрытия батареи на кургане, а с другой стороны сильные неприятельские колонны штурмовали сей курган и овладели оным». После чего [пишет далее Барклай] еще завязалась «жестокая кавалерийская битва, которая кончилась тем, что неприятельская конница к 5 часам совершенно была опрокинута и отступила вовсе из вида нашего, а войска наши удержали свои места, исключая кургана, который остался в руках неприятеля».

Почти 2 тысячи человек, составлявшие, по свидетельству Богданова (в его цитированной мной рукописи), «внутреннее прикрытие» люнета (батареи Раевского), отказались сдаться ворвавшимся французам и были там же переколоты и зарублены в последней отчаянной схватке, откуда, впрочем, ушла живой тоже лишь очень небольшая кучка атаковавших неприятелей.

Но вокруг взятого люнета кипел еще бой, и русская артиллерия, особенно многочисленная и превосходно стрелявшая с кургана на Горках, не ослабила, а, напротив, усилила свой огонь тотчас после взятия люнета. Гремели со стороны Семеновского также и батареи Дохтурова.

Горки были к этому времени так укреплены, как никогда за все сражение. Там уже образовалась новая линия войск, начиная от 6-го корпуса и остатков 2-й армии, отступивших после взятия флешей сначала под начальством Коновницына, а потом Дохтурова, из 4-го корпуса и 2-го и 3-го корпусов, приведенных Багвудом после оставления Утицкого кургана. Эта линия войск примыкала к Горецкому большому редуту, снабженному мощными и прекрасно действовавшими батареями. Эта линия была уже началом создания «третьей позиции» русской армии.

Наполеон был беспокоен и раздражен. У подножия кургана, где находилась артиллерия Горок, был лесок, который на глазах наблюдавших издали нескольких русских офицеров «вдруг запестрел толпой всадников... Между людьми сановитыми, на прекрасных лошадях, среди пестрых мундиров, блестящих богатыми эполетами, радужными цветами орденских лент и знаками отличия, отличался один без всякого знака. Он ехал на маленькой арабской лошадке, в серой шинели, в простой треугольной шляпе»³⁵. Это Наполеон со штабом и свитой подъехал к полю боя. Он намеревался отдать приказ штурмовать и взять курган Горок («горелки батареи»). «Оставя свиту за лесом», Наполеон подъехал ближе к Горецкому кургану, взяв с собой лишь Бертье, Дюрока, Бессьера и обер-штабмейстера Коленкура (брата только что перед этим убитого на батарее Раевского генерала Коленкура). Подъехал к императору и Мюрат. «Упрямо хотел он захватить курган Горецкий. „Где ж наши выгоды?“ — говорил угрюмо Наполеон. — „Я вижу победу, но не вижу выгоды!“». Ясно было всем, что необходимо как можно скорее заставить замолчать губительный огонь артиллерии Горок, но и Наполеону и его штабу стало не менее ясно, что сделать это нельзя без новых самых тяжелых потерь. Начальник штаба Бертье заговорил: «Войска наши утомлены до изнеможения... Одна надежда на гвардию! — Мы в 600 милях от Франции!.. Мы потеряли до 30-ти генералов. Чтоб атаковать курган (Горок. — *Е. Т.*), надобно жертвовать новыми войсками, ожидать новых потерь. И что ж будет, если захватим батарею? Получим в добычу еще одну горстку русских — и только. Нет, государь... наша цель Москва! Наша награда в Москве!»

Этот диспут пришлось круто прервать: «Не здесь, государь! Ваше место! Смотрите: русские нас заметили, на нас наводят пушки!»

Наполеон отъехал, отказавшись штурмовать Горки. Это было приблизительно в пятом часу пополудни. А спустя часа два (после

6 часов и позже) император отказался также от попытки прорыва новой позиции русских войск, устроенной Кутузовым в вечерние часы и закрывавшей перед ним обе дороги в Москву — одну северную, пролежавшую близ тех же Горок, и другую южную, проходившую близ Утицы. Во всяком случае Наполеон принужден был признать, что путем военной победы над русской армией ему войти в Москву не удастся.

Французские историки сплошь, даже те, которые соглашались признавать ошибки и просчеты Наполеона, очень подчеркивают такие «извиняющие» обстоятельства, как «пездоровье» императора, породившее именно в день Бородина его нерешительность, и т. д. О том, почему хилый, израненный и потерявший глаз в былых сражениях 67-летний старик, которому оставалось жить семь месяцев, должен считаться более здоровым и крепким, чем 43-летний император (чуть ли не во всех бюллетенях и письмах из России в Париж твердивший о своем вождеменном здравии), — это объясняется исключительно тем, что при Бородине Наполеон потерпел поражение, а Кутузов имел успех. Но почему распоряжения Наполеона объясняются его не существовавшей «нерешительностью»? Это по меньшей мере наивно и рассчитано на невежество читателей. Вот после взятия люнета Раевского он стоит перед Горками. Около него начальник его штаба маршал Бертье, король неаполитанский Мюрат, бывший его посол в Петербурге обер-штабмейстер Коленкур, храбрец маршал Бессьер. Что же, они тоже все вместе и порознь каждый внезапно заболели и стали такими же «нерешительными», как и сам Наполеон? А они единодушно, с жаром убеждали его, что штурмовать Горки невысказано. Нет, Наполеон и его штаб никогда до войны 1812 г. нерешительностью не страдали. Но между ранними утренними часами 7 сентября, когда они громко говорили о новом Аустерлице, и пятым часом пополудни, когда император и его свита отъехали прочь от Горок, или шестым и седьмым часом пополудни, когда перед ними стеной стала новая линия русских войск, «третья позиция», легло уже грозное, кровавое Бородино, страшнейшее из «пятидесяти сражений», которые за всю свою жизнь Наполеон дал и поминал впоследствии. И повторить борьбу за флешу или за батарею Раевского уже представлялось просто невозможным, — и никакая решительность и никакие 20 тысяч гвардейского резерва уже ничего тут коренным образом исправить не могли.

Так окончилась борьба за центральную батарею (люнет Раевского) на Курганной высоте.

Как ответить совершенно беспристрастно на вопрос, что дала Наполеону эта новая, еще превзошедшая бойню за Багратионовы флешу, страшная резня в центре русской армии? Ровно ничего:

удовольствие владеть батареей Раевского с четвертого часа пополудни 26 августа (7 сентября) до предрассветных часов 27 августа (8 сентября): «генералу-от-инфантерии Милорадовичу поручил я [писал Кутузов] перед рассветом снова занять курган, против центра лежащий, несколькими батальонами и артиллерией». Милорадович уже никого не нашел на батарее: французы покинули ее еще раньше, чем стала почто уходить вся наполеоновская армия. Вдумаемся хотя бы в этот факт: ведь Наполеон не торопился бы так, в виду своей армии, уходить поскорее и подальше, если бы у него была хоть тень надежды на возобновление Кутузовым сражения *на другой день* (а это предположение владело умами его штаба и им самим вечером 26 августа), — он ни за что не отказался бы от спешного приведения в порядок укрепления, стоявшего столько французской крови. Но он явно *не желал* возобновления битвы, зная, что немедленного нового Бородина его армия может не выдержать. И самые пылкие его бойцы, и «храбрый из храбрых» маршал Ней, как его справедливо назвал император, и лихой кавалерист Мюрат, король неаполитанский, и маршал Даву, герой громадных выигранных им битв при Ауэрштадте, при Эмюле, и не думали его отговаривать от скорейшего ухода с поля битвы. Они-то знали очень хорошо, что битва ими не выиграна, как велено было говорить, а проиграна, и что их солдаты, такие же испытанные в боях храбрецы, как и они сами, так мрачны не потому, что ложатся спать голодными (провиант и рационы водки, как везде у них было в эту кампанию, опоздали), а потому что русские разгромили их лучшие корпуса. Громкоголосый хор стонов и хрипа искалеченных и умирающих товарищей мешал их сну, несмотря на страшную усталость.

Генерал-майор граф Кутайсов, начальник артиллерии русской армии, был убит в борьбе за батарею Раевского, но его предсмертный приказ исполнялся в точности его артиллеристами, любившими и помнившими его геройскую роль еще со времени битвы под Прейсиш-Эйлау 8 февраля 1807 г.: «Подтвердить от меня во всех ротях, чтобы они с позиции не снимались, пока неприятель не сядет верхом на пушки. Сказать командирам и всем гг. офицерам, что, отважно держась на самом близком картечном выстреле, можно достигнуть того, чтобы неприятелю не уступить ни шагу позиции. Артиллерия должна жертвовать собою: пусть возьмут Вас с орудиями, но последний картечный выстрел выпустить в упор, и батарея, которая таким образом будет взята, нанесет неприятелю вред, вполне искупающий потерю орудий»³⁶.

Завет Кутайсова был исполнен в точности до победоносного для русской артиллерии конечного момента Бородинского сражения.

Дружная взаимопомощь всех трех родов оружия в Бородинском сражении сказывалась на каждом шагу на всех стадиях

борьбы за батарею Раевского. Вот типичная в этом смысле картина с натуры последних боев перед батареей Раевского. Французы шли колонной. «Колонна эта была похожа на непрерывный прилив и отлив моря,— писал Н. Любепков,— она то подавалась назад, то приближалась, в некоторые мгновения движения ее от действия нашей батареи были на одном месте, она колебалась, вдруг приблизилась. Эскадроны уланского полка бросились в атаку, но по малому числу людей не могли выдержать ее; колонна открыла убийственный батальный огонь, кавалерия наша была отбита и возвратилась. Граф Сиверс, бесстрашие которого в этот день было свыше всякого описания, видя, что не остается у нас более зарядов, приказал взять на передки, и прикрыл наше отступление егерями.

Мы сделали последний прощальный залп из целой батареи. Французы совершенно смешались, но опять строились почти пред батареей; тут Рязанский и Брестский полки грянули ура! и бросились на штыки. Здесь нет средств передать всего ожесточения, с которым наши солдаты бросались; это бой свирепых тигров, а не людей, и так как обе стороны решились лечь на месте, изломанные ружья не останавливали, бились прикладами, тесакими; рукопашный бой ужасен, убийство продолжалось с полчаса. Обе колонны ни с места, они возвышались, громоздились на мертвых телах. Малый последний резерв наш, с громовым ура! бросился к терзающимся колоннам, более никого уже не оставалось — и мрачная убийственная колонна французских гренадер опрокинута, рассеяна и истреблена; мало возвратилось и наших. Единоборство колонн похоже было на бойню, лафеты наши были прострелены, люди и лошади перебиты... мы все были окровавлены, одеяния наши изорваны... лица наши в пыли, законтелые пороховым дымом, уста засохли... Ночь провели на трупах и раненых...»³⁷

Тут приходится коснуться пресловутой легенды, которая в различных выражениях и словесных сочетаниях приписывается французскими историками (а за ними и историками других национальностей) Наполеону. Мы говорим о словах, сказанных Наполеоном в ответ маршалам, просившим у него, чтобы он дозволил дать гвардию: император будто бы ответил, что за сколько-то лье (цифра варьируется) от Франции он не может рисковать последним резервом. Тут сомнению подвергается не вопрос, а ответ, точнее: как должно объяснять эти слова Наполеона. Конечно, маршалы просили у императора гвардию или часть гвардии, видя, что они и у флешей и, позднее, у батареи Раевского не могут, неся огромные потери, справиться с русской отчаянной обороной. Наполеон едва ли мог сказать (если бы даже так думал) о гвардии, как о своем «последнем резерве», тем более, что в свое время он уже и решил пустить в дело в этом же Бородинском сражении молодую гвардию, причем этот приказ

никакого действия на военные события не оказал. А не дал он всей гвардии по той весьма удобопонятной причине, что Кутузов так умело и всесторонне обдуманно воспользовался преимуществами избранной местности и так удачна была тактика его обороны, что и гвардия уже не могла помочь одержать ту победу, какая была Наполеону нужна. Если бы он и дал всю гвардию, он, правда, мог бы рассчитывать скорее взять Багратионовы флеши и потеснить русские войска несколько раньше, чем это случилось в действительности. А дальше? Ведь, даже уложив на этом деле всю гвардию или хоть часть ее, разве мог Наполеон достигнуть того, что ему было единственно необходимо? То есть, разве мог бы он тотчас же после взятия флешей «с хода» бросить массивную пехоту и конницу от Семеновского на центр русской позиции, овладеть штурмом Курганной высотой и батареей Раевского (уже после ночных и предутренних часов работы превращенной в очень укрепленный «сомкнутый люнет», как ее называл один из ее строителей, военный инженер Богданов). Ничего подобного ни Наполеон, ни Евгений Богарне, ни Латур-Мобур, ни Мопбрен сделать уже не могли никак, ни с гвардией, ни без гвардии. Наполеон и маршал Бертье, с ним неотлучно бывший, это хорошо понимали. Но, конечно, авторами «патриотической легенды» и особенно маршалам очень хотелось изображать дело так, что, мол, русские уже совсем погибали, и если бы не растерянность и внезапно напавшая на Наполеона «перешительность», то блестящая победа была бы одержана. Если Наполеон, произнеси слова, которые ему приписывают, серьезно имел в виду, что вся его надежда на спасение его армии и, следовательно, спасение его мировой империи покоится только на неполных 20 тысячах гвардейских солдат, как на *последнем* резерве, то этим самым он вполне категорически признал бы себя уже совсем безнадежно побежденным. Если он (это ясно по многим признакам) и чувствовал, что события разворачиваются вовсе не так, как он о том мечтал, начиная атаку на позиции Багратиона, то уже после кровопролитного и неоднократного отбрасывания лучших французских корпусов прочь от флешей, он никогда не повторил бы слов о «солнце Аустерлица», якобы поднимающемся на Бородинском поле. Нет, вовсе не в гвардии было дело, и он знал, что, поскольку его основной целью был штурм русских позиций, разгром русской армии и обращение ее в паническое бегство, а целью Кутузова было победоносное отражение наполеоновских сил и сохранение русской армии в таком виде, что за нею оставалась бы возможность большей инициативы, которая за ней и была с того момента, когда русский полководец остановился на бородинских полях, — постольку Кутузов *уже* победил, а он, непобедимый завосватель, уже побежден. Что Бородино потребовало таких неслыханных жертв и что русские получили поэтому нужное время для восполнения этих потерь и перехода

затем в победоносное контрнаступление, — этого Наполеон тогда еще не знал. Но и того, что было перед глазами у него, когда его лошадь ступала по трупам перед заваленной ими батареей Раевского, к которой он подъезжал, этого было достаточно.

Тут вполне естественно коснуться и другого вопроса, тесно связанного с выдуманной легендой о том, будто русские были совсем разбиты, когда они отошли от Курганной высоты и люнета Раевского. Если бы это было так, то уж просто было бы непонятно, почему не русские прервали битву, а прервал ее именно сам Наполеон. Они отошли очень недалеко и, невзирая на потери и ужас пережитого, сохраняли и полный порядок, и дисциплину, и боеспособность, и по-прежнему были преисполнены гнева, мести и готовы были продолжать. Но Наполеон и все без исключения маршалы сочли за благо отказаться от мысли сейчас же после взятия люнета повести новую большую уничтожительную атаку против отошедших, однако очень скоро приостановивших свое отступление русских. Разве когда-либо в долгой военной карьере Наполеона случалось, чтобы он вдруг, по своему желанию и решению, прервал битву, которую всерьез считал бы выигранной? Ведь кто, как не он, неоднократно ставил на вид своим генералам, что победа, не довершенная преследованием разбитого врага, не есть победа, и что сам он выиграл имевшее неизгладимые последствия сражение под Маренго 14 июня 1800 г. только потому, что в те самые часы, когда Вена была уже иллюминирована по случаю прибытия курьера с известием об австрийской «победе», Бонапарт оставался на поле боя и, дождавшись подкрепления, вконец разгромил австрийцев.

Почти тотчас же после отхода от Курганной батареи и устроения русских сил на новом месте загрела русская артиллерия. Нужно заметить, что смерть Кутайсова, молодого, предприимчивого, храброго военачальника, которому Кутузов доверил распоряжение всей артиллерией, по свидетельству участников боя, не дала развернуться артиллерии во всю мощь. Но во всяком случае эти последние часы Бородинского сражения несколько не подтверждают свидетельств, безмерно пресувеличивающих значение смерти Кутайсова. Трудно представить себе более великолепный образец артиллерийского боя, чем действия русской артиллерии от занятия французами люнета на Курганной высоте (батареи Раевского) вплоть до девяти часов.

Французская артиллерия была вынуждена просить подмогу, и начальник императорского штаба князь Невшательский (маршал Бертье) принужден был дать значительную часть орудий из гвардейских резервов. Бертье сделал это очень неохотно. Правда, на этот раз Наполеон никаких слов о «последнем резерве» не говорил, а просто объяснил, зачем ему нужно сохранить резервы: чтобы пустить их в ход для «решительного сражения», которое, как заявил Наполеон, Кутузов даст французам под Москвой,

Граф Матье Дюма, генерал-интендант армии, вел этот разговор с императором именно уже вечером. Но так как русская артиллерия, ничуть не щадя снарядов, продолжала нещадно громить французские позиции, то волей-неволей приходилось отстреливаться. Мало того, стрельба с русских батарей становилась все оживленнее. Произошла при этой неутешительной для французов обстановке неприятная беседа между вице-королем Евгением и Бертье (Наполеон был уже далеко). Евгений решительно требовал новых и новых подкреплений из гвардейских артиллерийских запасов, а Бертье долго не давал, но все-таки вынужден был уступить.

Наполеоновские генералы, штабные офицеры, унтер-офицеры — люди, среди которых были побывавшие и в битве под пирамидами, и под Акрой, и под Маренго, и под Аустерлицем, и под Иеной, и в трехдневном побоище под Ваграмом, и в неслыханной по кровопролитию битве под Прейсиш-Эйлау, и под Фридрихсландом, утверждали, что глаза их не видели никогда ничего более ужасного, чем Бородинское сражение. Больше всего их поражало полнейшее презрение к смерти и неистовое ожесточение русских солдат. Это ожесточение несколько не уменьшилось после окончания кровопролития. «По свидетельству неприятеля, [писал Михайловский-Данилевский] наши плешные были ужасно раздражены и ожесточены; вместо требуемых от них ответов, они произносили ругательства. Раненые дрожали от гнева, бросали на французов презрительные взгляды, отказывались от перевязки ран». Казаки всю ночь рыскали вокруг Бородина, пока Наполеон (а они отваживались довольно близко реять около его шатра) не спялся и не отошел от долины побоища. Он отступил первый, и никакие извинения и измышления французских шовинистически настроенных историков этого факта ничем затушевать не могут. Еще меньше можно отвергнуть и другой, несравненно более важный факт: полную неудачу основного плана Наполеона, с которым он вступил 26 августа (7 сентября) в бой и во имя которого он положил в этот день половину своей армии.

Наполеон приказал перестать отстреливаться от русской артиллерии и ускорить одновременно отход своих частей с поля битвы не только потому, что признавал и бессмысленным, да и просто убыточным и небезопасным продолжать тратить снаряды против явно начинавшей брать верх русской дальнбойной артиллерии, но его под утро стали беспокоить и казацкие налеты на расположение французов. И он окончательно покинул роковое для него поле. Казаки перед рассветом уже реяли так близко к императорскому шатру, что пришлось, по особому приказу, поставить, в конце концов, около него специальную охрану из солдат старой гвардии. Заметим, что всего два раза за всю войну русским казакам удалось поставить под угрозу личную безопасность императора: ночью после Бородинского сражения, перед

удалением Наполеона с поля битвы, и второй раз после Малоярославца, когда внезапный казачий налет навел панику на окружение и император чуть-чуть не был взят в плен.

Маршал Бертье (князь Невшательский) был начальником императорского штаба и с самого начала вторжения в Россию не переставал считать этот акт величайшей ошибкой Наполеона. В Витебске, в Смоленске он настаивал на прекращении дальнейшего движения на восток. Он был, как мы знаем, вовсе не одинок: храбрец Мюрат, король неаполитанский, в Смоленске бросился на колени перед императором, умоляя его не идти на Москву. Но Бертье был наилучшим из всех наполеоновских сподвижников «знатоком карты» и лучше других мог оценить (и оценил) удачный для русских, но в высшей степени невыгодный с точки зрения французских интересов выбор Кутузовым местности для боя, так как закончить здесь битву конечным общим лихим налетом и быстрым разгромом русской армии оказывалось в этих условиях абсолютно невозможным. Мало того, зная в точности, что даже и выступление гвардии и резервов победы не даст, Бертье лучше, чем кто-либо, учитывал к концу дня, что с резервами не вполне благополучно, и что уже и в гвардии вовсе нет полных 20 тысяч человек, как в ней считали в начале боя. И Бертье, как и сам Наполеон, опасался (к вечеру бородинского дня), что русская армия вполне готова снова на каком-либо пункте между Можайском и Москвой дать новый бой, где уже придется без всяких лишних разговоров пустить в ход 17—18 тысяч гвардии и другие наличные резервы, кроме гвардии. Поэтому он и отказал вице-королю во всем, если не считать нескольких десятков пушек из резервов гвардейской артиллерии. Старые военные служаки, вроде Бертье или маршала Даву, и до Бородина и после Бородина, наблюдая действия русских войск, не скрывали своего любования порядком, исправностью, дисциплиной кутузовской армии. Даву не скрывал своего восхищения, наблюдая русские войска именно на походе после Бородина. Печальным оком смотрел Бертье и на конец Бородинского сражения и на продолжение родового наполеоновского предприятия...

Совсем другое настроение царило в лагере русских. Нет ни малейшего разногласия между всеми, кто наблюдал князя Кутузова в вечерние и первые ночные часы после конца битвы: он был полон радостного волнения, он держал себя так, как должен был держать себя человек, только что одержавший победу над опаснейшим противником, как должен был чувствовать себя полководец, спасший армию и спасший этим Россию. Такие настроения не поддельваются, да и в его окружении царили совершенно аналогичные. Лишь во второй момент наступило раздумье, заботы о ближайшем дне. Но и тогда сомнений в том, можно ли назвать русской победой то, что произошло в минувший день, не было.

Что же, разве старый полководец ошибался? Или ошибались его генералы? Или уцелевшие солдаты его армии? Нет, их правдивое чутье не обманывало их нисколько. Оно до такой степени их не обманывало, что Кутузов совершенно определенно говорил о возобновлении боя с утра следующего дня. Он поехал в деревню Татариново, где находился Барклай, и отдал ему устный приказ и тут же написал при Барклае и письменное повеление ему немедленно начать выполнять все нужное для возобновления сражения утром. Мало того: Кутузов желал возобновить бой именно на том месте, где он был прерван ночной темнотой и одновременно сказавшимся в обеих армиях утомлением: с подступов к Курганной высоте, т. е., другими словами, с занятой французами батареей Раевского, на которой с наступлением ночи уже не оказалось (после разведки) ни одного француза. Но вот, в 11 часов ночи, к Кутузову явился Дохтуров, который, восприняв от Коновницына командование остатками багратионовской армии, так и не двинулся до конца боя с Семеновских высот, как ему это и было приказано Кутузовым в момент его назначения. Как только Кутузову сообщили о приезде Дохтурова, он пошел к нему навстречу и громко воскликнул: «Поди ко мне, мой герой, и обними меня. Чем может государь вознаградить тебя?» Кутузов и Дохтуров ушли в другую комнату и остались наедине. Дохтуров подробно доложил о тяжелых потерях не только на левом крыле, но и в центре. И Кутузов тотчас после доклада Дохтурова отменил свое распоряжение о «завтрашнем» сражении и приказал дать знать Барклаю, уже начавшему работы при Горках по сооружению «сомкнутого редута» (или люнета) вроде того, в который обращена была так называемая батарея Раевского. После получения нового повеления Кутузова Барклай уже от себя приказал Милорадовичу прекратить начатые работы по восстановлению разрушенного и занятого французами люнета на Курганной высоте. Мы видим, что уже предприняты были Кутузовым очень серьезные меры к возобновлению боя. Неприятелю, если бы он вернулся, пришлось бы снова вести тяжкий бой у двух укрепленных позиций, но на этот раз не у флешей и на Курганной высоте, а у двух люнетов — у нового, сооруженного ночью Барклаем, согласно первому ночному повелению Кутузова, и у старого, разрушенного днем и теперь, ночью, спешно восстанавливаемого 4-м корпусом Милорадовича. Но второе повеление Кутузова сразу же прервало все эти работы и у Барклая, и у Милорадовича, совершаемые ночью среди неумолкаемых стонов и криков раненых и хрипа умирающих.

На громадном поле уже в первые ночные часы не оставалось ни одного вооруженного (и не раненого) неприятеля. Наполеон отступил, уведя свою армию прочь от долины кровавого побоища. Он не достиг ни одной из поставленных себе целей: 1) не уничтожил русской армии и 2) из-за ужасающих, неслыханных

потерь лишил себя возможности остаться на поле битвы, на новых позициях, для «завоевания» которых он положил в Бородинском сражении больше 58 тысяч человек, и поэтому явственно, на глазах своей испытанной в боях армии, своей ишюгда не расстававшейся с ним «старой гвардии» признал, что потоки французской крови были пролиты в этот день напрасно и что, очевидно, и для победоносного нападения на Кутузова, если он начнет отступать, сил уже не будет. Гвардейцы молчали, но маршалы и генералы роптали, хоть и за спиной повелителя. «Он забыл свое ремесло!» — говорили они, правда, исключительно в своем замкнутом генеральском кругу. В этом кругу они не досчитывались 49 товарищей. Лучшие генералы, вояки, служившие почти без отпусков при Наполеоне 18 лет, завоеватели Европы, пали мертвыми или умирали от ран, когда их увозили с кровавых долин и пригорков Бородина. «Табуны» лошадей без всадников, поразившие воображение Михайловского-Данилевского, который впервые и употребил это выражение, свидетельствовали о страшных потерях кавалерийских корпусов, так долго, многократно и настойчиво налетавших на люнет («ужасный редут», как его называли французы). Русская конница, оборонявшая этот люнет (батарею Раевского, по свидетельству самих французов, теряла здесь несравненно меньше. Так обстояло дело с кавалерией. Далее: русские орудия, загремевшие после оставления батареи Раевского и после трехчасовой канонады заставившие замолчать и покинуть Курганную высоту, свидетельствовали не только об изобилии снарядов и прекрасной выучке артиллеристов, но и об исправности и могучей силе массивированного [огня] русских орудий. Так обстояло дело с артиллерией. А о том, как обстояло дело с пехотой, свидетельствовала многочасовая истребительная борьба в горже люнета и в самом люнете. Во всех воспоминаниях французов, переживших дело 7 сентября, сказывается содрогание ужаса, когда они повествуют об участии пехотных частей, которым приказано было, не считаясь с потерями, взять люнет.

Таковы были последние, заключительные моменты Бородинского сражения: русский солдат наблюдал воочию *именно в последние часы* сражения, что 1) кавалерия, 2) артиллерия и 3) пехота были на высоте.

И когда русская армия затем узнала (и увидела), что французы ушли ночью и на рассвете *первые* с кровавого поля, то никакое позднейшее хвастовство французских бюллетеней и французских историков не могло ни в малой степени поколебать ее убеждения, что победа в этот день одержана русскими и никем другим.

И никакая ложь неприятеля, никакие усилия недругов и клеветников и ненавистников Кутузова, русских и иностранных, никакая система извращений и замалчиваний со стороны как иноземных историков, так и некоторых представителей старой,

буржуазной (и дворянской) школы не могли и не могут умалить великой заслуги русского солдата, русского командного состава и великого русского полководца в день Бородине.

Но главное, что потерял Наполеон в результате Бородинского сражения, это — стратегическую инициативу и возможность ее в эту войну вернуть. Если бы за два своих «успеха» Наполеон заплатил не такую ужасающую цену, какую он заплатил на самом деле, если бы он взял Багратионовы флеши и утвердился на них после первой, а не после седьмой (или, точнее, восьмой) атаки на них, причем флеши все время переходили из рук в руки и только в 11¹/₂ часов утра были окончательно покинуты Коновницким, или если бы вице-король Евгений овладел Курганной высотой и люнетом (батареей Раевского) непосредственно или хоть вскоре после того, как ему удалось овладеть деревней Бородино, утром, а не в 4¹/₄ часа вечера, то он не положил бы тут большую часть своих лучших войск, т. е. 58¹/₂ тысяч человек убитыми и ранеными, которых он оставил на Бородинском поле (из 136 тысяч, которые утром вступили в бой), — тогда и только тогда он мог бы хоть пытаться бороться за инициативу. В том-то и дело, что Бородино, даже с точки зрения некоторых французов (не лгущих в интересах создания легенды, а желающих дать себе трезвый отчет о положении, сложившемся после боя), оказалось безусловно *поражением французской армии в точном смысле слова*, но вовсе не «нерешительным сражением», как его так долго именовали; известные сказанные Наполеоном слова, что в Бородинском сражении французы показали себя достойными победы, а русские показали себя достойными называться непобедимыми, весьма ясно показывают, что и он считал Бородино своей неудачей. В самом деле: ведь первая часть этой фразы говорит о том, что французы при Бородине сражались с блестящей храбростью, исполнили свой боевой долг не хуже, чем в Италии, в Сирии, Египте, в Австрии, Пруссии, где они одерживали под его водительством громадные по своему историческому значению победы, создавшие его всеевропейское владычество, — и французская армия, по его мнению, была *достойна* и на этот раз одержать победу. Была *достойна*, но не одержала! Вторая часть этой фразы не только оправдыва его существу, но и подводит знаменательный в устах Наполеона итог великому Бородинскому сражению. Русские под Бородином оказались *непобедимыми*. Наполеон был не только очень строг, но и крайне скуп в оценке врагов, с которыми встречался за свою долгую боевую жизнь в трех частях света: в Европе, в Африке, в Азии и опять в Европе; он бился против многих наций. Но *непобедимыми* он назвал только русских и больше никого. В данном случае вражда политика, государст-

венного деятеля умолкла перед невольным восхищением полководца-стратега.

Переходим от Наполеона к Кутузову.

Прежде всего инициатива сражения принадлежала Кутузову, так же как он взял на свою ответственность и окончательный выбор позиции. И эта избранная позиция оказалась в самом деле, как выходило из донесения Кутузова царю, лучшей из возможных в тот момент для Кутузова, чтобы дать бой. Все распоряжения Кутузова отмечены и перед боем, и во время боя глубокой продуманностью. Он затевает бой у Шевардина и даст этим возможность продолжить и закончить или почти закончить укрепленные позиции у Багратионовых флешей на левом фланге и превратить к рассвету 26 августа (7 сентября) батарею Раевского в грозный «сомкнутый люнет». Кутузов прекрасно разгадывает мысль Наполеона, прямо рассчитанную на то, чтобы сбить русского главнокомандующего с толка: Кутузов, не оставляя укрепления центра и правого фланга и после жаркой схватки у деревни Бородино и взятия деревни вице-королем Евгением, даже усиливая оборону, — в то же время постоянно командирует посылать подкрепления на помощь Багратиону на левый фланг, еще до боя обильно снабженный войсками. Мало того: Тучков 1-й был поставлен им около Утицы («в засаде»), чтобы в нужный момент броситься на помощь к южной из трех флешей. Все это заставило Наполеона бороться в течение сражения и особенно до полудня разом на два фронта: на центральном фланге у центральной батареи (Раевского) и на левом фланге, где продолжалось сопротивленные атаки сначала у флешей, потом у Семеновской возвышенности. В этих кровопролитных боях сломлена была превосходная французская кавалерия. Читатель встретит в литературе о Бородинском сражении частое упоминание о том, что к концу войны 1812 г. плохо подкованные лошади «большой армии» Наполеона гибли тысячами, так как совсем не справлялись с покрытыми снегом обледенелыми зимними дорогами, где скользили и падали на каждом шагу. Здесь нужно сказать, что уже в начале и середине сентября, при чудесной летней погоде, где и в помине не было ни «мороза», ни «снега», ни «льда», в колоссальных кавалерийских боях у флешей, у Семеевского *, у Курганной высоты истреблен был цвет французской конницы. От рассвета дня 7 сентября до ночи того же дня, до сражения, кавалерия Наполеона — это одно, а *после* сражения — это нечто совсем другое. Конечно, бескормица, плохаяковка и вообще все последовавшие бедствия французской армии прикончили кавалерию при отступлении, где приходилось спешивать целые полки и бросать (как в четырехдневном бою под Красным) многоорудийные батареи на произвол судьбы за невозможностью организовать

* Главным образом у Семеевского оврага. — *Ред.*

копную тягу; невознагражденные потери в Бородинском сражении французской конницы, оказавшейся в общем к концу сражения несравненно слабее русской, покончили с кавалерией, как с одной из основных сил армии, на которые Наполеон впредь мог рассчитывать. Заметим, что и в разгаре боя Кутузов в решительный момент, когда ему нужно было поддержать и левый фланг и центр, поручил именно русским кавалеристам Уварова и коннице Платова совершить придуманную им диверсию на левом фланге неприятельской армии; ликвидирован был этот крупнейший кавалерийский рейд вовсе не французской кавалерией, а приказом Кутузова, прервавшего по своим общим тактическим соображениям завязавшийся бой. Припомним забываемое всеми французскими и недостаточно оцененное некоторыми русскими авторами очень существенное и очень характерное обстоятельство, что увлекшийся и прочно себя почувствовавший Уваров позволил себе не сразу выполнить приказ о возвращении, и главнокомандующий принужден был повторить свой приказ и настоять на его выполнении.

Выше я уже сказал о поставленном, по личному распоряжению Кутузова, на юге левого крыла русских войск, в кустарниках и лесу корпусе Тучкова 1-го, что не было предусмотрено ранее составленной и уже розданной по армии диспозицией, и если это не принесло всей ожидаемой пользы, то только по вине Беннигсена. Широта кругозора, свойственная великим полководцам, охватывала громадные растянувшиеся линии, и забота Кутузова о том, чтобы насколько возможно более русская армия была в состоянии с успехом выдерживать ожесточенные атаки на левом фланге и в центре, именно и породила посылку Уварова и Платова не к флешам и не в центр русского расположения (т. е. не к Курганной высоте), а на тылы левого наполеоновского фланга, где стояли резервы. Его распоряжение привело к тому, что смятение, причиненное внезапно и абсолютной неожиданностью кавалерийского нападения на этот далекий «тихий участок» французских линий, встревожило Наполеона, и он на целых два (точнее, на 2^{1/2}) часа приостановил атаку в центре и уменьшил наступление на левом фланге русской армии. А больше ничего в данный момент Кутузову и не требовалось от этой затейной и вовремя прерванной демонстрации.

Если большая битва приводит к такому результату, что полководец (в данном случае Наполеон) ставит себе известную общую цель, приносит неисчислимы жертвы для ее достижения, даже кладет около половины всех введенных им в битву своих вооруженных сил и не только не достигает этой цели, но принужден, не весьма задерживаясь, уйти с поля боя перед лицом стоящего в строю и готового к бою противника, то можно ли назвать такой результат боя поражением этого полководца? Кажалось бы, странно даже много спорить по этому поводу. Но ведь именно

В таком положении оказался Наполеон вечером 7 сентября 1812 г.

Но проверим реальность и обоснованность этого утверждения, анализируя результаты великой битвы для русского главнокомандующего.

Основной целью Кутузова было разгромить, возможно более ослабляя, армию Наполеона, в то же время сохраняя как можно полнее боеспособность и маневренные возможности русских войск, их численность и их высокий моральный дух. Разгрома армии Наполеона в Бородинском сражении Кутузов, правда, не достиг, но французы потерпели страшные потери, отступили, уклонились от продолжения боя, принуждены были, уже не рискуя возобновить бой, отдать без попытки к борьбе все занятые ими уже ключевые позиции на поле битвы и искать более или менее безопасной позиции вне сферы действия русской артиллерии. Кутузов сохранил свою тоже понесшую большие потери армию (около 42 тысяч человек против потерь Наполеона 58¹/₂ тысяч) в состоянии гораздо большей готовности к новому («на завтра») сражению, чем сохранил свою армию Наполеон*. Русский полководец сохранил за своей армией маневренную способность и сохранил инициативу. Другими словами: Кутузов очень успешно провел с пужными ему результатами ту оборонительную операцию, каковой с самого начала являлось для него и для его армии Бородинское сражение, а Наполеон проиграл совершенно безнадежно и неоспоримо тот наступательный бой, который он предпринял утром с определенной целью разгрома русских и от которого русская армия заставила его отказаться уже к 5 часам вечера, когда он, после взятия люнета, не посмел ни напасть на расположившуюся в нескольких сотнях шагов позади оставленного люнета русскую армию, ни даже пытаться привести к молчанию продолжавшие до полной темноты громить французскую позицию русские орудия. Французская артиллерия отстреливалась все более вяло и, наконец, смолкла и увезла свои пушки.

Так кончилась для Наполеона великая битва, которую он начинал, твердо надеясь превратить ее в новый Аустерлиц, в полный разгром русской армии. Неспроста он и помянул «солнце Аустерлица» еще рано утром, когда мчался на рассвете от Валуева к Шевардину.

Кутузовская артиллерия согнала прочь с Курганной высоты артиллерию Наполеона, кутузовская армия, при всех своих потерях, согнала армию французского императора (и его самого) ночью после битвы с Бородинского поля, даже не вступая в сра-

* После смерти Е. В. Тарле был опубликован т. IV сборника документов «М. И. Кутузов» (М., 1954—1955), где приведены ведомости потерь по 1-й и 2-й западным армиям и сводная ведомость по главной армии. По этим данным, русская армия потеряла 38,5 тысяч убитыми и ранеными (см. Указ. соч., т. IV, ч. I, стр. 210—218; ч. II, стр. 713).— *Ред.*

жение, но только своим грозным близким присутствием, только явной готовностью затеять утром новое сражение, — готовностью, которую французы учли, наблюдая спешную почную постройку люнета у Горок. Полная несокрушимость «третьей позиции» русской армии, которую стал создавать и укреплять Кутузов уже через час-полтора после оставления люнета (батареи Раевского), обуславливалась не только тем, что быстро, организованно, успешно борясь с утомлением после такого дня, собирались со всех сторон в назначенные места уцелевшие части кавалерии и пехоты, и даже не наличием значительных резервов, но сознанием одержанного успеха. Это сознание в вечерние часы было особенно живо и могуче в русской армии, на глазах которой именно к концу дня отступала сначала артиллерия, а потом и вся армия Наполеона. Пруссак Вольцоген, ловко делавший карьеру при русской армии, был послан Баркляем к Кутузову за распоряжениями. Нужно сказать, что Барклай обнаруживал в течение всего бородинского дня самое непоколебимое личное мужество и, как выше сказано, уже с вечера и ночью 26 августа стал на Горках строить новый люнет в ожидании боя. Но Вольцоген сделал свой собственный вывод и дал совершенно лживую оценку положения уже от своего собственного разума. Он заявил в самом пессимистическом духе о положении вещей. Кутузов хорошо изучил этот тип иностранных выходцев, для которых Россия была лишь местом, где легко получают чины и орден. Главнокомандующий с гневом, очень повысив голос, ответил: «Что касается до сражения, то ход его известен мне самому, как нельзя лучше. Неприятель отражен на всех пунктах; завтра погоним его из священной земли русской».

Настроение великого русского полководца и в эти часы обозначившегося стратегического поражения Наполеона вполне гармонировало, как и всегда, с настроением русской армии, которая уже к седьмому часу вечера стала стеной от Горок на севере, где она прикрывала дорогу на Москву, до леса к востоку от Утицы, где она прикрывала Старую Смоленскую дорогу в Москву. Такова была эта третья и последняя русская позиция Бородинского сражения. Это была не прямая, но ломанная в середине линия, начинавшаяся на севере 6-м корпусом, продолжавшаяся 4-м, затем 2-м и кончавшаяся на юге 3-м корпусом. Между 4-м и 2-м корпусами поместились разрозненные части, подошедшие от Семеновского. Эту длинную линию неприятель уже не пытался даже атаковать, а не то чтобы прорвать.

В Бородинском сражении русские потери были значительно меньше французских. У Наполеона погибла такая масса кавалерии, что с той поры она до конца войны никакой наступательной роли не играла и играть уже не могла (задолго до того момента

в отступлении от Москвы, когда она вообще перестала существовать). Его пехота также пострадала жестоко, и из 58^{1/2} тысяч убитых и раненых наполеоновской армии, павших при Бородине, больше всего погибло пехоты. А русская «бесподобная пехота» (как ее назвал Кутузов) всюду, где дело доходило до штыкового боя, одерживала верх. Наконец, как сказано, русская артиллерия пустила в ход в сражении меньше половины тех орудий, какими располагала (несколько более 300 из 654) *. И проигрыш Наполеоном Бородинского сражения нагляднее всего обозначился тем, что артиллерия первая из всех частей наполеоновской армии начала свое отступление с поля боя под долгим истребительным огнем русской артиллерии, начавшимся вскоре после занятия французами люнета (батареи Раевского) и окончившимся уходом французов с поля боя.

Все это так бросалось в глаза современникам, что помимо сознательно враждебных Кутузову донесений о сражении, Александр, двор, Петербург, высшее общество, значительная часть дворянства обнаружили те чувства, которые позволил себе выразить ненавидевший Кутузова царь не сейчас после Бородина, а тогда, когда после потери Москвы считал для себя возможным уже не лицемерить: «С 29 августа не имею я никаких донесений от вас. Между тем 1-го сентября получил я через Ярославль от московского главнокомандующего (Ростоцина — *Е. Т.*) печальное извещение, что вы решились с армиею оставить Москву. Вы сами можете вообразить действие, какое произвело сие известие, а молчание ваше усугубляет мое удивление. Я отправляю с сим генерала-адъютанта князя Волконского, дабы узнать от вас о положении армии и о побудивших вас причинах (причинах.— *Е. Т.*) к столь несчастной решимости». А графу П. А. Толстому царь писал об этой «непонятной решимости», что он не знает, «стыд ли России она принесет, или имеет предметом уловить врага в сети»³⁸. Так укорял Кутузова царь, сделавший все от него зависящее, чтобы уменьшить, а не усилить русскую армию, шедшую в бой...

После потери Москвы стал еще чаще повторяться многими недоуменный вопрос, почему же Кутузов, имея силы начать на другой день после 26 августа (7 сентября) новую битву, не начал ее, а предпочел в отмену первого своего распоряжения приказывать отступать.

Ответ на этот вопрос дали события, не только тесно связанные с Бородинским сражением, но и логически из него вытекающие: Тарутино, Малоярославец, четырехдневный разгром врага под Красным, Березина, бегство Наполеона из Сморгони и полная гибель его армии.

* По данным последних исследований, в сражении участвовала вся артиллерия.— *Ред.*

Бородино, нанесшее непоправимые удары и численной силе и материальным ресурсам наполеоновской армии, оказалось в ходе событий необходимой предпосылкой именно к славному навету, спасительному контрнаступлению Кутузова. И здесь ко всему уже раньше сказанному о тех преимуществах, которые оказались на стороне русской армии после битвы и которые оказали такую помощь ей и дальше, во время победоносного контрнаступления, должно отметить еще одно [обстоятельство], забывать которое значит не весьма много смыслить ни в замечательных русских достижениях в бородинский день, ни в окончательном, триумфальном успехе кутузовского наступления.

Сравним моральные результаты Бородинского сражения для солдат и офицеров армии Наполеона.

Мы уже говорили, что армия Наполеона по своим настроениям не походила и не могла походить на былые армии французской революции, когда те боролись за самое существование революционной родины. Но теперь обратим внимание на другое. Ведь наполеоновское войско состояло далеко не только из французов, а в очень значительной части именно из «двунадесяти язык», т. е. из людей самых разнообразных племен и народов, которых он силой пригнал к Неману.

Достаточно вспомнить, кого пригнал Наполеон в Россию, чтобы, даже если не знать в самом деле совершившихся фактов, можно было предвидеть, как поведут себя пригнанные в Россию иноземлячки в его армии при первой же крушительной неудаче. А ведь Бородино вовсе не было *первой* неудачей наступательного похода Наполеона. Раевский, Неверовский, Батраион заставили французского императора уже после неудачи его авангарда под Валутиной горой пригласить генерала Тучкова 3-го довести до сведения Александра I о том, что он готов заключить мир. И это было еще среди «успехов». Уже к Бородину армия подошла голодной, и отступившие с Бородинского поля французские офицеры запомнили эту первую ночь, как «ночь голода», хотя, казалось бы, у них только что пережитые часы битвы должны были ослабить или даже изгнать все другие воспоминания.

Disciplina в разноплеменной армии распалась была еще до Бородина, конечно, не в гвардии и не в кавалерийских корпусах Мюрата, не в образцовых пехотных полках Даву, Нея, вице-короля. Так это случилось далее — уже в Москве и во время отступления, но среди немцев (кроме саксонцев), среди пруссаков, среди голландцев, среди итальянцев распущенность, отсутствие повиновения, слабость и нарушавшие всякую дисциплину задержки в исполнении боевых приказов — все это проявлялось ежедневно и ежечасно. И чем больше начальство принуждено было молчаливым попустительством поощрять по существу грабеж, как единственное средство самоснабжения, так как обозы сначала занавдывали, а после Смоленска почти и не посылались

догонять быстро наступавшие полки, постольку о настоящей, прежней дисциплине уже и речи не было, поскольку речь идет об иноплеменных представителях покоренных или вассальных народов. Дисциплина почти исчезла во французской армии не в Москве, а задолго до Москвы. А уже в ноябре после битв под Красным французская армия (если не считать гвардии) напоминала сбивнувшуюся в кучу беспорядочную толпу.

Моральное состояние борющихся за спасение родины кутузовских войск и во время Бородинского сражения и после него представляло собой нечто совсем иное. Гнев на наглых грабителей, превращавших грабежами и поджогами все обитаемые дома по дороге от Витебска, а особенно от Смоленска в сплошное пожарище, ежечасное лицемерие всех неистовств — все это с каждым километром пути, проходимого отступающим русским войском, все более и более оскорбляло и раздражало зрелищем опустошаемой таким разбойничьим способом страны, и вместе с тем все более наглядно показывало, что единственным спасением родины является бой не на жизнь, а на смерть. Под Прейсиш-Эйлау 8 февраля 1807 г. русские сражались очень храбро, но того чувства, как в бородинский день, у них не было. Великая моральная победа над неприятелем и в день Бородина и в месяцы с начала подготовки к контрнаступлению, а потом при самом контрнаступлении была одержана русской армией, защищавшей родину, над немцами, итальянцами, над солдатами десятка других национальностей, которым приходилось проливать свою кровь за Наполеона, который отнял у них их родину. Не забудем, что Наполеон пригнал завоевывать Россию даже испанцев, страну которых он еще вовсе и не завоевал и братья которых в эти самые дни Бородина, Тарутипа, Малоярославца вели в Испании свирепейшую народную войну против него.

Моральный перевес Кутузова и его солдат над неприятелем, будь то природные французские солдаты, шедшие на эту войну, как на приключение, сулившее успех и обогащение, или иноплеменные данники покорившего их завоевателя, этот моральный перевес Кутузова и его солдат над захватчиком и его пестрым, согнанным со всех концов Европы полчищем был, может быть, одним из самых могучих из всех преимуществ, которые дала бородинская стратегическая и тактическая победа русской армии и русскому народу. Стратегический замысел Кутузова после Бородина был ясен: при испытанных русской армией потерях и более чем вероятных подходах подкреплений к Наполеону нужно спокойно отойти на очень небольшое расстояние и на очень краткое время, там пополнить и «устроить» новую армию из оставшихся частей той, которая уцелела после битвы, присоединить подкрепления и двинуться в наступление на врага. И Кутузов знал, что его армия смотрит на положение дел так, что ей предстоит пополниться и отдохнуть и после перерыва возобновить и докон-

чить свою победу. А для Наполеона, принимая во внимание его полководческую манеру и его интересы, конечно, надлежало (как и ждали многие) напасть на Кутузова снова либо вторично под Бородином, либо под Можайском, либо под Перхушковом, либо под Москвой, но непременно напасть, чтобы исправить бородинскую неудачу. Но он *не посмел* это сделать еще и потому, что его армия, после Бородина уменьшившаяся почти вполовину, уже не так верила себе и своему вождю, как верила до Бородина. А ведь вера в Наполеона, в его звезду, в его непобедимость, в предопределенную всегдашнюю его конечную удачу постепенно исчезала. И в этом было моральное поражение нашествия. Не Бородину, а двухмесячному контраступлению суждено было покончить с армией Наполеона, но именно после Бородина наполеоновской армией стали овладевать сомнения, страх поражений, сознание проигранной войны, чего не было до той поры... Едва войдя в Москву, Наполеон ведет разговоры о мире (для передачи царю) с Тютюминным, пишет письмо Александру и уже не скрывает от своей армии этих новых упизительных попыток, как он старательно скрывал от нее в Смоленске свои разговоры с Тучковым 3-м. Зачем уж стесняться теперь в Москве солдат, которые жаждут мира не меньше, а может быть, еще более страстно, чем их император?

Вот в чем сказалась прежде всего великая моральная победа русской армии и ее вождя у Бородина, так естественно дополнявшая их победу стратегическую и тактическую над неприятелем, которой постепенно и неуклонно с тех пор шел к своей гибели. Первыми вехами этой дороги к смерти были Тарутино и Малоярославец.

Но это уже выходит за рамки моего очерка.

После повторных атак на Багратионовы флеши, а затем на Семеновское, после боев вокруг люнета Раевского французская кавалерия, побывавшая при Бородине, могла считаться *«совершенно уничтоженной»*, по точным словам генерала Груши, начальника 3-го кавалерийского корпуса, в письме, писанном 16 октября 1812 г. жене из Москвы, перехваченном по пути французской полицией в Вильне и попавшем в руки министра иностранных дел герцога Бассано (Марэ).

Артиллерия пострадала меньше кавалерии, хотя к концу сражения уже явно не в силах была выдерживать сколько-нибудь с успехом состязание с русской артиллерией и ушла с поля боя к вечеру. Но судьба французской артиллерии тесно была связана с судьбой конницы: недостаток конной тяги стал ощущаться сейчас после Бородинского сражения очень жестоко.

Наконец, что касается нехоты, то о ее колоссальных потерях уже было сказано. И поэтому тут достаточно припомнить, во что обратилась наполеоновская армия после Бородина, чтобы незачем было слишком многоречиво объяснять, почему Кутузов не только

чувствовал себя победителем, но и *был* победителем на самом деле, почему на глазах Наполеона, который уже и подумать не мог об атаке, русский главнокомандующий совершенно спокойно, не боясь ни обходов, ни прямых нападений, совершил свой знаменитый фланговый марш. Русская армия, понесшая значительные потери, хоть и гораздо меньшие, чем французская, увела свою боеспособную конницу и увезла вполне исправно свою артиллерию, что с большим беспокойством отметил наблюдавший за этим отходом русской армии маршал Даву. Успех флангового марша Кутузова был *первым* по времени стратегическим русским военным успехом после Бородинской победы. Он не был последним!

Русский полководец, которому суждено было своим контр наступлением загубить неприятеля, шел готовить свою армию к предстоящим новым, окончательным победам. Его противник после своей бородинской неудачи подвигался навстречу новым, жутким, ужасающим поражениям.

И курьезно читать, как новейший французский историк Луи Мадлен диву дается, вопрошая себя, почему Наполеон «после этой трудной и дорого доставшейся победы был более мрачен, чем позже, после больших поражений». Хочется объяснить ему эту «загадку»: да потому, что Бородино было вовсе не «победой», а именно поражением Наполеона, который, как проницательный стратег, как опытейший полководец, наконец, как очевидец, видел и понимал результат Бородинского сражения гораздо лучше, чем его нынешний историк. Говорить во всеуслышание Наполеон мог что угодно, провозглашать победу в бюллетенях и в официальных статьях порабощенной им Европы: он мог беспресмысленно, но сам-то он явно сознавал, как страшно ухудшилось положение его армии после Бородина и почему ему приходится, едва войдя в Москву, немедленно начать выпрашивать согласие на мир, приглашать Туттолмина, приглашать Яковлева, писать Александру письма, на которые тот не отвечает, посылать к Кутузову маркиза Лористона с ласковым личным сопроводительным обращением, в котором просит господ бога охранять русского фельдмаршала («в своей святой и достойной милости»). Ему-то самому, одержавшему на бесчисленных полях битв столько настоящих побед, незачем было немедленно же после боя притвориться перед самим собой, будто Бородино было для него победой. Оттого-то он и был «мрачен». Это было, впрочем, лишь в первое время, попозже он оправился и уже нашел более политичным называть свое бородинское поражение — победой.

В Бородинском сражении Наполеон потерпел поражение прежде всего потому, что не достиг основной своей цели: не разгромил, не уничтожил, не обратил в бегство, не нанес кутузовской армии того сокрушающего удара, который уже не дал бы ей оправиться до конца кампании. А в данном случае, если бы

Наполеону удалось нанести кутузовской армии подобный удар, то уже более чем вероятно, что он совершил бы шаг, на который до Бородина он решился после Смоленска в разговоре с плешным генералом Тучковым 3-м или в Москве, посылая с Яковлевым письмо Александру: он попытался бы войти с царем тотчас в мирные переговоры. Мы знаем, что в этом смысле и среди командного состава и в солдатской массе наполеоновской армии еще до сражения мечтали, что после «генеральной битвы» война после «несомненной» победы Наполеона быстро приведет к миру.

Но даже в самом сжатом виде воскрешая перед собой главные черты Бородинского сражения, мы видим, что не только никакого сокрушающего общего удара Наполеон русской армии не нанес, но должен был покинуть довольно поспешно поле битвы, очистив ночью все взятые им ценой колоссальных жертв позиции.

Мало того, даже овладение этими позициями в разгаре сражения не может назваться стратегическим успехом Наполеона. Занятие флешей, частичное овладение Семеновской высотой, отход Коновинцына от флешей, борьба за Семеновское под водительством Дохтурова — все это все-таки не привело к полной ликвидации левого фланга, потому что, как велел Кутузов Дохтурову, назначая его на пост начальника левого фланга, — не очищать еще остававшейся в руках русских части Семеновской возвышенности, — так она и оставалась в руках Дохтурова до конца боя. И отчаянный бой против центра, сосредоточившийся вокруг Курганной высоты и особенно вокруг люнета (батареи Раевского), так и пришлось французам вести с 2 часов дня, еще не овладев окончательно Семеновским и не справившись с войском Дохтурова на левом фланге, потому что, уйдя от деревни Семеновское, русские остались в строю и боевой готовности за деревней.

Таков был «успех» французских атак в боях против 2-й (багратионовской) армии, стоивший громадных потерь лучшим кавалерийским и пехотным корпусам Наполеона.

Вторым «успехом» французоз из тех двух, которыми похваляются французские историки (но гораздо меньше — французские генералы, бывшие в деле), является овладение батареей Раевского. Здесь, в бою, где развернулись в громадных размерах кавалерийские массы, отборные части пехоты и действовала многочисленная, прекрасно снабженная артиллерия, — три громадные атаки за люнет, который переходил из рук в руки, стоили французской армии не менее страшных жертв, чем перед этим Багратионовы флешей, но конечное взятие люнета (центральной батареи, батареи Раевского) решительно никаких стратегических выгод французам не дало. Русские отопли от Курганной высоты на личтожное (с четверть километра) расстояние и сейчас же развернули мощный артиллерийский обстрел неприятеля, который почти умолк к 8 часам.

К сожалению, в рапорте Барклай де Толли Кутузову от 26 сентября 1812 г. конец составлен крайне неудовлетворительно и небрежно. Говоря о последних часах канонады, Барклай пишет: «Канонада продолжалась до самой ночи, но по большей части с нашей стороны и к немалому уропу неприятеля; а неприятельская артиллерия, будучи совершенно разбита, даже совсем умолкла к вечеру». А затем, без малейших переходов, Барклай ни с того, ни с сего вдруг переходит к егерским полкам, которые оставались на крайнем правом фланге, и затем к гениально задуманному Кутузовым и мастерски выполненному Уваровым и Платовым маневру — нападению на тылы левого фланга Наполеона: «1-й кавалерийский корпус Вашей светлостью был отряжен на левый берег Москвы-реки и действовал на оном обще с иррегулярными войсками под начальством генерала-от-кавалерии Платова». В этом виде и упомянутое в самом конце рапорта без всякой в этом месте связи с предыдущим и последующим это замечательное событие, спасшее в тот момент батарею Раевского в центре и облегчившее положение также на левом фланге, как-то почти совершенно пропадает для читателя, тем более что Барклай тут вместо Колочи по ошибке пишет о Москве-реке.

Но зато, обращаясь снова после этой ни к месту сделанной и небрежно сработанной вставки к событиям кончающегося дня и начинающегося вечера 26 августа (7 сентября), Барклай дает драгоценнейшее доказательство того факта, что Наполеон проиграл Бородинское сражение и отчетливо это сознавал: «После окончания сражения, заметив, что неприятель начал оттягивать свои войска от занятых им высот, приказал я занять следующую позицию: правый фланг 6-го корпуса примкнул к высоте у деревни Горки, на которой устроена была батарея из 10 батарейных орудий и на коей, сверх того, предполагалось устроить ночью сомкнутый редут. Левый фланг сего корпуса взял направление к тому пункту, где стоял правый фланг 4-го корпуса».

Другими словами: русские войска не только не отступили вечером с поля боя, но уже затеяли большие работы по превращению уже существовавшей на высоте у деревни Горки батареи в «сомкнутый люнет» вроде того, в который в прошедшую ночь (перед Бородином) главный инженер Богданов и его саперы превратили батарею Раевского. Это было в центре и на правом фланге. А в эти же часы начавшейся темноты Дохтуров на левом фланге собирал остатки пехоты 2-й армии, которая возвращалась теперь в те места, откуда ее выбили утром, и возвращалась под командой своего начальника Дохтурова, назначенного Кутузовым в преемники Багратиона. Образовалась прямая связь между 6-м корпусом, работавшим у деревни Горки, левым флангом 4-го корпуса, где стоял Дохтуров, и, наконец, 2-м и 3-м корпусами, которыми командовал Багровут, на южной части левого фланга, откуда он был после смертельного ранения Тучкова 1-го

и Багратиона потеснен Полятовским. Образовалась связанная линия войск от Горка, где командовал Барклай на севере, до леса близ Утицы на юге. Когда читаешь фразу донесения Барклая Кутузову, где он говорит о Багговуте то, что уже сказано тут и о Дохтурове, и о построении люнета на Горках, то представляется, что неслыханный пожар, бушевавший с утра и сжегший столько десятков тысяч жизней, мог в самом деле показаться случайно уцелевшим героям внезапно оборвавшимся сном: «...к вечеру Багговут занял опять все те места, которые им поутру заняты были».

Опять уже была налицо длинная линия нехотных войск с артиллерией, с возобновляемым уже новым (горьким) люнетом. Уже отдан был приказ Милорадовичу снова занять и Курганную высоту и разрушенную батарею. Но в 12 часов ночи прибыл приказ Кутузова, отменявший приготовления к завтрашнему бою. А к этому времени уже отдан был приказ Барклая о расположении позади линии корпусам кавалерии, а за кавалерией гвардейской пехотной дивизии и кирасирским дивизиям в качестве резерва.

Подведем итоги.

1. Нападение французов на русскую армию в ее *основной* позиции, несмотря на неслыханные потери, понесенные ими у флешей и на Семеновской возвышенности (особенно во время трех последних атак, 6-й, 7-й и 8-й), не привело в окончательном счете к прорыву русского фронта, и отступившие от Семеновского оврага русские вооруженные силы оставались на Семеновском под начальством Дохтурова до конца сражения.

2. Атаки в центре и на правом фланге, а также и на левом фланге на Семеновской возвышенности хоть и позволили французам ценою неознаградимых жертв овладеть люнетом на Курганной высоте (батарея Раевского), но тоже несколько не увеличились прорывом русского фронта: русские, отойдя приблизительно на полкилометра от взятого французами люнета, остановились позади в порядке и в боевой готовности.

3. Наконец, русскую армию в ее последней позиции, созданной Кутузовым около 6 часов вечера, Наполеон атаковать уже не решился, и она оставалась в боевой готовности вплоть до ухода французов под покровом почвы темноты с поля боя, после того как русская артиллерия заставила замолчать орудия неприятеля.

Отрицать при этих условиях победу кутузовской тактики над тактикой наполеоновской в Бородинском сражении значит не желать считаться с очевидностью.

Кутузов вводил от Бородина большие резервы, с которыми он мог бы возобновить бой. Но он решил окончательно, что выберет

срок и место нового боя там и тогда, когда найдет наиболее выгодным.

Вот что писал главнокомандующий Ростовчину 27 августа 1812 г.: «Сражение вчерашнего числа, с утра начавшееся в 4 часа и продолжавшееся до самой ночи, было кровопролитнейшее. Урон с обеих сторон велик, потеря неприятельская, судя по упорным его атакам на укрепленную нашу позицию должен наш весьма превосходить.— Войска сражались с невероятною храбростию; батареи переходили из рук в руки, и кончалось тем что неприятель нигде не выиграл ни на шаг земли со всеми превосходящими силами. Ваше сиятельство соглашась что после кровопролитнейшего и 15 часов продолжавшегося сражения наша и неприятельская (так — *Е. Т.*) не могли не расстроиться, и за потерю сей день сделанною позиция прежде занимаемая естественно стала обширнее и войскам невместная по тому когда дело идет не о славах выигранных только батальи, но вся цель, будучи устремлена на истребление французской армии,— (то — *Е. Т.*) почевав на месте сражения я взял намерение отступить 6-ть верст что будет за Можайском и собрав войски, освежа мою артиллерию и укрепив себя ополчением Московским в теплом уповании на помощь всеильного и на оказанную невероятную храбрость нашего войска увизжу что я могу предпринять противу неприятеля...»³⁹

Смысл письма совершенно ясен. Отступление необходимо для дальнейшей, единственно важной цели, а «вся цель» — это «истребление французской армии». Кутузов знает, что вчерашнее сражение — верный шаг по пути к этой цели. Предвидя, что люди, вроде того же Ростовчина, будут корить его за то, что он сделал, не пожелав немедленно возобновить бой, Кутузов явно подчеркивает, что важны не победоносные реляции, что «дело идет не о славах выигранных только батальи», а именно об этой будущей цели полного истребления врага, которую он себе поставил, когда принял по воле народа и армии пост вождя русских вооруженных сил. Когда он отправлял Ростовчину свое письмо, он уже начал отвод армии туда, где она должна была подготовиться к великому контрнаступлению, которому суждено было покончить войну истреблением врага.

Бородинское сражение не получило непосредственно достойной оценки и не встретило полного понимания ни в России, ни за границей. В России народ инстинктивно почувствовал, что Кутузов нанес жестокий удар неприятелю. Известие о Бородине вызвало большое ликование в Петербурге, на армию и ее вождя посылались поздравления и награды. Но отступление от Москвы изменило все. Царь, всегда не любивший Кутузова, а за ним весь двор и высшее общество, признали со слов врагов главно-

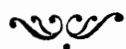
командующего (вроде Бенингсена, Вольдогена, Винцегероде и др.) Бородинского сражением. Лишь по мере того, как развертывалось победоносное контрнаступление, истинное значение великого сражения и его последствий стало признаваться сколько-нибудь справедливо.

О Западной Европе нечего и говорить. Живые бюллетени наполеоновского штаба произвели во Франции, в Польше, в Германии, Австрии, Италии то впечатление, на которое они были рассчитаны. В Англии, где понимали, что британские интересы находятся в игре и зависят от русских побед, тоже долго верили все-таки сначала хвастовству и лганью польской и французской прессы. Впоследствии западная историография, изучая Бородино даже не только по бюллетеням, но и по документам военных архивов, пролила некоторый свет на историю сражения, но все-таки в подавляющем большинстве случаев не отказалась от старой лжи и продолжала повторять, что Бородино было победой Наполеона. Для образчика того, как до сих пор оценивается Бородино, достаточно привести два новейших примера Мадлена, автора 15-томной «Истории консульства и империи», который, даже пользуясь кое-какими русскими источниками и слясь делать вид, будто сохраняет некоторое «беспристрастие» (когда говорит, например, о беззаветной храбрости и патриотизме русских войск), все-таки «нелепо негодует» на Кутузова, укоряя его за то, что русский фельдмаршал называет Бородинское сражение русской победой. А английский историк Томсон в вышедшей в 1952 г. книге «Наполеон Бонапарт» повторяет те же старые рассказы о Бородине⁴⁰.

Но для тех, кто в самом деле изучал Бородино, давно уже стало ясно, до какой степени эта победа русской армии и русского народа должна навеки остаться одним из величайших памятников русского патриотизма, русского героизма и полководческого искусства.

В наши дни, когда после позорного провала гнусной фашистской орды мы наблюдаем упорные старания англо-американского хищнического империализма какими угодно мерами воссоздать вновь такую же орду и вдохновить ее на новые злодеяния, особенно отрадно вспомнить о великом русском подвиге, нанесшем 140 лет тому назад тогдашнему претенденту на мировое владычество такой сокрушительный удар.

КОММЕНТАРИИ

РУССКИЙ ФЛОТ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПЕТРА I

Глава I

¹ Записка Петра I о начале кораблестроения в России в несколько измененном виде, сделанном Феофаном Прокоповичем, называлась: *Книга Устав морской о всем что касается доброму управлению в бытность флота на море. Предисловие к добродетельному читателю*. СПб., 1720, стр. 1—9. В первоначальном виде эта записка опубликована Н. Устряловым в его труде: *История царствования Петра Великого*, т. II. СПб., 1858, стр. 397—401.

² *Книга Устав морской*, стр. 7.

Глава II

¹ Федоров К. *Взятие русскими войсками и флотом Азова в 1696 г.*— *Морской сборник*, 1946, № 7, стр. 87—104. См. также Никольченко К. *Создание Азовского военного флота.*— *Морской сборник*, 1939, № 6, стр. 64—76.

² Предложение Боярской Думе, касающееся завоеванной крепости Азова (1696, октября 20).— *Письма и бумаги императора Петра Великого*, т. 1. СПб., 1887, стр. 113.

³ Там же, стр. 111.

⁴ *Книга Устав морской...*, стр. 8.

Глава IV

¹ *Собрание писем императора Петра I к разным лицам с ответами на оные*, ч. 1. СПб., 1829, стр. 8.

Глава V

¹ *Ch. Whitworth to the right honourable m. secretary Boyle. Moscow, 3/14 November 1708.*— *Сборник русского исторического общества*, т. 50. СПб., 1886, стр. 105.

² Там же, стр. 109—110.

³ Там же, стр. 80—83.

⁴ Там же, стр. 108.

⁵ Там же, стр. 120.

⁶ Шмурло К. П. В. *Постников. Несколько данных для его биографии*. Юрьев, 1894, стр. 64.

⁷ Там же, стр. 137.

⁸ *Audience de congé de monsieur de Baluze 29 Août 1704 à Varsovie.*— *Сборник русского исторического общества*, т. 34. СПб., 1881, стр. 35.

⁹ Там же, стр. 41—42.

¹⁰ *Ch. Whitworth to the right honourable m. secretary Boyle. Moscow, 6/17 July 1709.*— *Сборник русского исторического общества*, т. 50, стр. 194.

¹¹ *An impartial history of life and actions of Peter Alexwitz, the present czar of Moscow* etc. London, 1723, p. 126—127.

¹² *Extract of a letter from m-r Jefferies to m-r Whitworth. The moscovite camp by Polltawa, July 9-th O. S. 1709.*— *Сборник русского исторического общества*, т. 50, стр. 217.

¹³ *Mémoire sur une négociation à faire pour le service du Roi. 1710.*— *Сборник русского исторического общества*, т. 34, стр. 418.

¹⁴ Там же, стр. 418—420.

¹⁵ Там же, стр. 418.

¹⁶ *Архив кн. Ф. А. Куракина*, кн. IV. Саратов, 1893, стр. 27—28.

¹⁷ Там же, стр. 422.

¹⁸ Там же, стр. 422—423.

¹⁹ Там же, стр. 291.

²⁰ Там же, стр. 405—410.

²¹ *Rapport de Mr. Baluze au Roi. Varsovie, 11 Septembre 1711.*— *Сборник русского исторического общества*, т. 34, стр. 80.

²² «... all the swede's remonstrances on this occasion have hitherto served to disgust and provoke them». *Ch. Whitworth to the right honourable m. secretary S-t John. Viennс, 1/12 September 1711.*— *Сборник русского исторического общества*, т. 50, стр. 497—498.

Г л а в а VI

¹ *Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом.* Пер. с датского Ю. Н. Щербачева. М., 1899, стр. 179.

² Там же, стр. 176—177.

³ *M. Weisbrod to m. Nicholas Rowe, esq. Moscow, 6/17 September 1711.*— *Сборник русского исторического общества*, т. 50, стр. 502—504.

⁴ *Mr. de La Vie. A St. Pétersbourg, le 6(17) Mai 1717.*— *Сборник русского исторического общества*, т. 34, стр. 212—213.

⁵ Князь Б. И. Куракин — барону П. И. Шафирову. Гага, 9 (20) мая 1712 г.— *Архив кн. Ф. А. Куракина*, кн. II. СПб., 1891, стр. 371—372.

⁶ Князь Б. И. Куракин — кн. В. Л. Долгорукову. Гага, 24 мая (4 июня) 1712 г.— *Архив кн. Ф. А. Куракина*, кн. II, стр. 376.

⁷ Князь Б. И. Куракин — кн. В. Л. Долгорукову. Гага, 21 июня (2 июля) 1712 г.— *Архив кн. Ф. А. Куракина*, кн. II, стр. 385.

⁸ *M. secretary S-t John to the right honourable m. Ch. Whitworth. Whitehall, 30-th October 1711.*— *Сборник русского исторического общества*, т. 61, стр. 76.

⁹ Там же, стр. 78.

¹⁰ О подробностях замечательного взаимодействия сухопутных и морских сил во время всей этой кампании — см. О з а р о в с к и й Н. *Боевые операции в финских шерах в 1710—1714 гг.*— *Морской сборник*, 1940, № 1, стр. 15—40.

Г л а в а VII

¹ Веселаго Ф. *Очерк русской морской истории.* СПб., 1875, стр. 263.

² *Gustav-Adolfs skrifter.* Stockholm, 1861, s. 181.

³ П о в и н к о в Н. В. *Гангут.* М., Военмориздат, 1944, стр. 74.

⁴ Там же, стр. 75.

Г л а в а VIII

¹ Царь Петр Алексеевич — кн. Б. И. Куракину (29-го июля 1714 г. Дубликат).— *Архив кн. Ф. А. Куракина*, кн. II, стр. 101.

² *G. Mackenzie to the right honourable m. secretary Bromley, St. Peterburgh 1-st October 1714.*— *Сборник русского исторического общества*, т. 61, стр. 279.

³ Там же, стр. 315—316.

⁴ Там же, стр. 370—372.

⁵ Там же, стр. 372—379.

⁶ В е с е л а г о Ф. *Очерк русской морской истории*, стр. 189—190.

Г л а в а IX

¹ С h a n c e J. T. *George I and the Northern war*. London, 1909, p. 185—186.

² *Собрание писем императора Петра I к разным лицам с ответами на оныя*, ч. III. СПб., 1830, стр. 5.

³ Там же, ч. IV, стр. 100.

⁴ Там же, ч. III, стр. 98.

⁵ Там же, ч. IV, стр. 142.

⁶ Там же, стр. 154.

⁷ Там же, ч. III, стр. 286.

⁸ Там же, стр. 114—115.

⁹ Там же, стр. 115—116.

¹⁰ Царь Петр Алексеевич — кн. Б. И. Куракину (1 ноября 1713 г. Дубликат).— *Архив кн. Ф. А. Куракина*, кн. II, стр. 75.

Г л а в а X

¹ *Monseigneur d'Uxelles à M. Le Blanc. Paris, 9 Février 1716.*— *Сборник русского исторического общества*, т. 34, стр. 495.

² Там же, стр. 239.

³ Там же, стр. 263—264.

⁴ Там же, стр. 339.

⁵ Там же, стр. 232—233.

⁶ Там же, стр. 198.

⁷ Там же, стр. 233—234.

⁸ «... he is at present in possession of the countries from whence we have our naval stores». *John Norris and Ch. Whitworth to the right honourable earl of Sunderland. Amsterdam, the 10th August n. st. 1717.*— *Сборник русского исторического общества*, т. 61, стр. 407.

⁹ Там же, стр. 428.

¹⁰ Там же, стр. 440.

¹¹ *Négociations entre la France et le Czar de la Grande Russie Pierre I. 1715—1717.*— *Сборник русского исторического общества*, т. 34, стр. XXXVI—XXXVII.

Г л а в а XI

¹ *Материалы для истории русского флота*, ч. II. СПб., 1865, стр. 293—294.

Г л а в а XII

¹ *Le S. de La Vie à Monseigneur. St. Pétersbourg, 30 Septembre 1718.*— *Сборник русского исторического общества*, т. 34, стр. 376.

² Instructions for our trusty and wellbeloved sir John Norris, kn-t, our admiral and commander in chief of our fleet in the Baltic, whom we have appointed to go as our envoy extraordinary and plenipotentiary to our good brother the czar of Moscovy. Given at our court at Hampton — court the fourteenth day of October 1718, in the fifth year of our reign.— *Сборник русского исторического общества*, т. 61, стр. 449.

³ Там же, стр. 459—467.

⁴ Там же, стр. 462—463.

⁵ Там же, стр. 467—468.

⁶ Там же, стр. 506—509.

Глава XIII

- ¹ Веселаго Ф. *Очерк русской морской истории*, стр. 320.
- ² *James Jefferies to the right honourable m. secretary Craggs. Reval, July the 22nd O. s. 1719.*—*Сборник русского исторического общества*, т. 61, стр. 568—569.

Глава XIV

- ¹ *James Jefferies to the honourable lord Stanhope. St. Petersburg, April the 3rd O. s. 1719.*—*Сборник русского исторического общества*, т. 61, стр. 515—516.
- ² Там же, стр. 536—537.
- ³ Там же, стр. 561—567.
- ⁴ Там же, стр. 537—539.
- ⁵ *Архив князя Ф. А. Куракина*, кн. I. СПб., 1890, стр. 11.

Глава XV

- ¹ Государственная Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина. Рукописное отделение. *Сборник писем Петра I к генерал-адмиралу графу Апраксину*, fol., л. 495—496.
- ² Веселаго Ф. *Очерк русской морской истории*, стр. 340.

Глава XVI

- ¹ *Полное собрание законов Российской империи*. Т. VI. СПб., 1830, стр. 423.
- ² *Chance J. F. George I and the Northern war*, стр. 487.
- ³ *Дух Петра Великого, императора всероссийского, и соперника его Карла XII, короля шведского*. СПб., 1798, стр. 197.

Глава XVII

- ¹ *Дневник Ф. В. Берхгольца*, ч. III. М., 1903, стр. 159—160.
- ² Там же, стр. 161.
- ³ *Chance J. F. George I and the Northern war*, стр. 473.
- ⁴ *Lettre de M. de Campredon au roi. Moscou, le 13 Mars 1723.*—*Сборник русского исторического общества*, т. 49, стр. 310.
- ⁵ Там же, стр. 313—314.
- ⁶ *M. de Campredon au comte de Morville. Pétersbourg, le 9 Janvier 1724.*—*Сборник русского исторического общества*, т. 52. СПб., 1886, стр. 144—147.
- ⁷ Там же, стр. 157—158.
- ⁸ *Lettre de M. de Campredon au roi. St. Pétersbourg, le 5 Juillet 1723.*—*Сборник русского исторического общества*, т. 49, стр. 356—358.
- ⁹ Там же, стр. 384—385.

Глава XVIII

- ¹ Там же, стр. 345—350.
- ² Там же, стр. 370.
- ³ *Майков Л. Н. Рассказы Нартова о Петре Великом*. СПб., 1891, стр. 77.

Глава XIX

- ¹ *Полное собрание законов Российской империи*. Т. V. СПб., 1830, стр. 198.
- ² Там же.
- ³ *Голыков Н. И. Деяния Петра Великого*. 2 изд., т. IX. М., 1838, стр. 132—133.
- ⁴ Центральный Государственный архив Армянской ССР, ф. 25, д. 2526, л. 18—19.

Глава XX

¹ Оглоблин Н. *Две «сказки» Вл. Атласова об открытии Камчатки.*—*Чтения в об-ве истории и древностей российских при Московском университете*, 1891, кн. III, стр. 1—18.

² *Памятники Сибирской истории XVIII в.*, кн. II. СПб., 1885, стр. 502.

³ Там же, кн. I. СПб., 1882, стр. 457—459.

⁴ Там же, кн. I, стр. 462—463; кн. II, стр. 46.

⁵ Там же, кн. II, стр. 47—49.

⁶ *Полное собрание законов Российской империи*, т. V, стр. 607.

⁷ Веселаго Ф. *Очерк русской морской истории*, стр. 631—632.

⁸ Интересующиеся дальнейшими экспедициями Беринга могут прочесть вышедшую в конце 1946 г. книгу нашего известного географа академика Л. С. Берга *Открытие Камчатки и экспедиции Беринга*. Об открытиях русских сравни: А. В. Ефимов. *Из истории русских экспедиций на Тихом океане*. М., Воениздат, 1948. 344 стр.

⁹ Зейдель И. *Снаряжение первой дальней экспедиции в царствование Петра Великого в 1723 году.*—*Морской сборник*. 1867, № 9, стр. 79—80.

¹⁰ Там же.

¹¹ ЦГАВМФ, Канцелярия графа Апраксина, д. 230, л. 319—320.

¹² Там же, д. 224.

Глава XXI

¹ Бычков А. Ф. *Письма и бумаги Петра Великого, хранящиеся в Публичной библиотеке*. СПб., 1872, стр. 68—69.

ЛЕТОПИСИ РУССКОЙ СЛАВЫ

¹ *Фельдмаршал Румянцев. Сборник документов и материалов*. М., Госполитиздат, 1947. 408 стр.—*Генералиссимус Суворов. Сборник документов и материалов*. М., Госполитиздат, 1947. 363 стр.—*Фельдмаршал Кутузов. Сборник документов и материалов*. М., Госполитиздат, 1947. 331 стр. (Главное Архивное управление МВД СССР. Центральный Государственный военно-исторический архив).

АНГЛИЙСКИЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ О НАЧАЛЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

¹ Temperley H. *England and the Near East. Crimea*. London, 1947.

² Henderson G. B. *Crimean war diplomacy and other historical essays*. Glasgow, Jackson, 1947. 320 p.

³ Там же, стр. 204.

⁴ Тарле Е. *Крымская война*. 2 изд., т. I. М., 1944, стр. 77—80. (См. вост. изд., т. VIII.—Ред.)

Предисловие

[в книге: Ланн Е. *Гвардия Мак Кумгала*. М., 1951]

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. *Сочинения*, т. XXIII, стр. 480.

² Земли (англ.).

³ Движение низших классов (англ.).

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. *Сочинения*, т. XXIII, стр. 479—480.

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. *Сочинения*, 2 изд., т. 16, стр. 407.

⁶ Там же.

⁷ Уровень жизни (англ.).

⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. *Сочинения*, 2 изд., т. 16, стр. 406.

⁹ См. Маркс К. и Энгельс Ф. *Сочинения*, т. XXIII, стр. 389.

¹ Тут бы следовало привести решающее показание П. Шувалова, которому Бисмарк поведал: «Император Вильгельм послал письмо (царя — *Е. Т.*) Бисмарку на заключение. Кн. Бисмарк отозвался, что со стороны России это provocation (провокация — *Е. Т.*) и что ответ — Mobil machen (мобилизация — *Е. Т.*)». Впервые опубликовано в напечатанной в 1909 г. части «Дневника» П. А. Валуева, в записи 16 декабря 1882 г., в сборнике «О минувшем». СПб., 1909: «Граф П. А. Валуев в 1881—1884 годах», стр. 450.

² См. наст. том, стр. 8.— *Ред.*

«НАПОЛЕОН» СТЕНДАЛЯ

¹ Перевод был впоследствии опубликован. См. Стендаль. Жизнь Наполеона. Пер. А. С. Кулишер.— В кн.: Стендаль. Собр. соч., т. 14. М.—Л., 1950, стр. 3—163; то же.— В кн.: Стендаль. Собр. соч., т. 11. М., 1959, стр. 5—190.— *Ред.*

БОРОДИНО

¹ Белинский В. *Сочинения Александра Пушкина, статья четвертая*. В кн.: Белинский В. *Собрание сочинений в трех томах*, т. III. М., 1948, стр. 337—338.

² *Записки Алексея Петровича Ермолова*. Приложения. М., 1863, стр. 106—111. Письмо Ермолова Багратиону.

³ Письмо И. П. Оденалея к А. Я. Булгакову. С.-Петербург, августа 16-го 1812 г.— *Русская старина*, 1912, № 8, стр. 170.

⁴ Кутузов — Ростовичу. 27 августа [1812 г.]. № 71.— *Труды Московского отдела Русского военно-исторического общества*, т. II. Материалы по Отечественной войне. М., 1912, стр. 12—13. (В цит. изд. 1912 г.— неточность: «не о словах выигранных только баталий». Исправлено по кн.: М. И. Кутузов. *Сборник документов*, т. IV, ч. I. М., 1954, стр. 155.— *Ред.*)

⁵ *Фельдмаршал Кутузов. Сборник документов и материалов*. [М.], Госполитиздат, 1947, стр. 159, № 119. Диспозиция для 1 [-й] и 2[-й] Западных армий, расположенных при с[еле] Бородине.

⁶ Там же, стр. 151—152, № 111. Указ прав. сената А. И. Горчакову о назначении М. И. Кутузова главнокомандующим всеми армиями. 8(20) августа 1812 г.

⁷ Там же, стр. 158, № 118. Сообщение М. И. Кутузова генералу П. Х. Витгенштейну о посылке ему подкреплений. 23 августа (4 сентября) 1812 г.

⁸ Там же, стр. 154—155, № 115. Письмо М. И. Кутузова командующему 3-й Западной армией генералу А. П. Тормасову о плане совместных действий объединенных армий. 20 августа (1 сентября) 1812 г. дер[евня] Михайлово.

⁹ Харкевич В. *1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников*. Материалы Военно-ученого архива Главного штаба, вып. 2. Вильна, 1903, стр. 112.

¹⁰ «Полковые музыкы разыгрывали военные марши, напоминавшие... первые походы революции... когда дрались за свободу. Тут же эти звуки не одушевляли воинов, а некоторые старшие офицеры *посмеивались*, сравнивая обе эпохи», — так вспоминает о бородинском дне французский гвардейский полковой врач д-р Деллафлиз. (Деллафлиз. *Поход Наполеона в Россию в 1812 году*. М., Образование, б. г., стр. 32.— *Ред.*)

¹¹ ЦГАОР, ф. Зимнего дворца 728, оп. 1, д. 359, ч. III, л. 116—116 об. Лагарп — Александру I. 22 февраля 1812 г.

¹² *Фельдмаршал Кутузов*. Указ. изд., стр. 157, № 117. Донесение М. И. Кутузова Александру I о позиции при Бородине.

¹³ Тарле Е. В. *Михаил Илларионович Кутузов — полководец и дипломат*. — *Вопросы истории*, 1952, № 3, стр. 34—82 (см. наст. изд., т. VII, стр. 763—831.— *Ред.*).

¹⁴ N a p o l é o n I. *Correspondance*, t. XXIV. Paris, 1868, № 19176, p. 203—204. Napoléon — Bertin, prince de Neuchâtel et de Wagram. 3 septembre 1812.

¹⁵ ЦГАОР, ф. Зимнего дворца 728, д. 900, лл. 56 об.—57. Бородино. 113 войны 1812 года. Рассказ очевидца. Подпись: Воспный инженер генерал-лейтенант Богданов 2-й.

¹⁶ Там же, лл. 2, 9.

¹⁷ Там же, лл. 3 об., 4, 29 об.

¹⁸ Там же, лл. 4—4 об., 5 об.

¹⁹ Харкевич В. Указ. соч., вып. 1, стр. 15, 17—18.

²⁰ Геруа А. *Бородино (по новым данным)*. СПб., 1912, стр. 45—46.

²¹ Книга Бутурлина «Военная история русской кампании» вышла сначала на французском языке в Париже в 1824 г., а много лет спустя была издана на русском языке. Сохранилась неполная часть рукописи этого труда, сильно отличающаяся от печатного текста (Отделение рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде). См.: Vou tour lin. *Histoire militaire de la campagne de Russie en 1812*, t. 1. Paris, 1824, p. 333—336.

²² Из воспоминаний Н. И. Андреева.—*Русский архив*, 1879, № 10, стр. 191—193.

²³ ЦГАОР, ф. Зимнего дворца 728, оп. 1, д. 900, л. 11 об. Бородино, цит. рукопись.

²⁴ Там же, л. 19—19 об.

²⁵ Там же, л. 8—8 об.

²⁶ Там же.

²⁷ Михайловский-Данилевский. *Описание Отечественной войны 1812 года*, 3-е изд., ч. II. СПб., 1843, стр. 235—243.

²⁸ Липранди И. П. *Война 1812 года*. Замечания на книгу, «История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам...» М., 1869, стр. 60—65. (Книга Липранди посвящена очень жестокой критике трехтомной работы генерала М. Богдановича).

²⁹ Глипка С. *Записки о 1812 годе первого ратника Московского ополчения*. СПб., 1836, стр. 253—254.

³⁰ Михайловский-Данилевский. Указ. соч., стр. 242.

³¹ Харкевич В. Указ. соч., вып. 1, стр. 126.

³² ЦГАОР, ф. Зимнего дворца 728, оп. 1, д. 900, л. 41. Бородино, цит. рукопись.

³³ Там же, л. 34.

³⁴ Его светлости Главнокомандующему всех армий господину генерал-фельдмаршалу и кавалеру князю Голенищеву-Кутузову генерала Барклая де Толли рапорт. Калуга, сентября 26 дня 1812 года. *Отечественная война 1812 года*, т. XVIII. СПб., 1911, стр. 134—138.

³⁵ Глипка Ф. *Очерки Бородинского сражения*. (Воспоминания о 1812 годе), ч. II. М., 1839, стр. 94—95.

³⁶ Четков В. М., генерал-майор артиллерии. *Бородино.—Артиллерийский журнал*, 1942, № 4, стр. 35—42.

³⁷ Любенков Н. *Рассказ артиллериста о деле Бородинском*. СПб., 1837, стр. 48—52.

³⁸ *Фельдмаршал Кутузов*. Указ. изд., стр. 181—182, № 134. Рескрипт Александра I М. И. Кутузову 7 (19) сентября 1812 года; письмо Александра I к П. А. Толстому цитируется здесь по факсимиле, приложенному к кн.: Белокуров С. А. *Письмо императора Александра I графу П. А. Толстому по поводу оставления кн. Кутузовым Москвы (8 сентября 1812 г.)*. М., Изд. Общества истории и древностей российских при Московском университете, 1913.

³⁹ Кутузов — Ростопчину. 27 августа [1812 года], № 71.—*Труды Московского отдела русского военно-исторического общества*, т. II. Материалы по Отечественной войне. М., 1912, стр. 12—13. (См. примечание 4.—*Ред.*)

⁴⁰ Madelin L. *Histoire du Consulat et de l'Empire*, t. 12. Paris, Hachette, [1949], p. 499; Thompson J. M. *Napoleon Bonaparte, his rise and fall*. Oxford, Blackwell, [1952]. IX, 411 p.—*Ред.*

БИБЛИОГРАФИЯ ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ АКАДЕМИКА Е. В. ТАРЛЕ *

1896

Бегины и бегарды (реф. кн.: Robinson A. M. The end of the middle ages. Essays and questions in history. London, 1889).— «Новое слово», 1896, № 4, [январь], стр. 31—50.

Крестьяне в Венгрии до реформы Иосифа II.— «Русская мысль», 1896, № 7, стр. 18—36; № 8, стр. 1—17.

Проклятые вопросы и ученые ответы. (Рец. на кн.: Чичерин Б. Курс государственной науки, ч. 2. Социология. М., 1896).— «Новое время», 1896, № 8, [май], стр. 3—31.

1897

Начало скептического движения в Италии (реф. кн.: Owen J. The sceptics of the Italian Renaissance. London, 1893).— «Русская мысль», 1897, № 1, стр. 60—81.

Рец.: Карнович Е. Русские чиновники в былое и настоящее время. СПб., 1897.— «Новое слово», 1897, № 2, [ноябрь], стр. 88—90 (Новые книги).

1898

Дело Бабефа. Очерк из истории Франции. — «Мир божий», 1898, № 4, стр. 73—99; № 5, стр. 1—24.

Политический деятель старой Франции. (Исторический очерк). [Ройе-Коллар]. — «Мир божий», 1898, № 8, стр. 1—33; № 9, стр. 1—32.

Печерин Владимир Сергеевич (1807—1885).— Энци. слов. Брокгауз-Ефрон, п/т. 46. СПб., 1898, стб. 538—539.

1899

Чарльз Парнелль. (Страница из истории Англии и Ирландии).— «Мир божий», 1899, № 1, стр. 1—26; № 2, стр. 58—89; № 3, стр. 82—110.

Итальянский скептицизм в эпоху Возрождения. — «Начало», 1899, январь — февраль, стр. 139—154; апрель, стр. 197—220.

Ришелье (Арман Жан Дюплесси Richelieu (1585—1642).— Энци. слов. Брокгауз-Ефрон, п/т. 52. СПб., 1899, стб. 841—842.

Ромуальд (950—1027).— Энци. слов. Брокгауз-Ефрон, п/т. 53. СПб., 1899, стб. 86.

Рец.: Сеайль Г. Леонардо да Винчи как художник и ученый (1452—1519). Пер. с франц. СПб., 1898.— «Начало», 1899, январь — февраль, стр. 233—239 (Новые книги).

* Библиография составлена В. К. Иковым и Н. В. Ширяевой.

Рец.: Губер Ж. Иезуиты, их история, учение, организация и практическая деятельность в сфере общественной жизни, политики и религии. Пер. с 6-го изд. СПб., 1898.— Там же, стр. 240—242 (Новые книги).

Рец.: Гейгер Л. История немецкого гуманизма. Пер. с нем. под ред. и с предисл. Г. В. Форстена. СПб., 1899.— «Начало», 1899, апрель, стр. 159—161 (Новые книги).

Рец.: Ziegler Th. Die geistigen und socialen Strömungen des neunzehnten Jahrhunderts. Berlin, 1899.— «Начало», 1899, май, стр. 134—135 (Новые книги).

1900

Джулио Ванини (Из истории европейской культуры).— «Мир божий», 1900, № 5, стр. 1—29.

Умственная жизнь в Англии от эпохи Возрождения до XIX столетия.— «Мир божий», 1900, № 8, стр. 95—116; № 9, стр. 61—88.

Умственная жизнь европейского общества в новое время.— «Жизнь», 1900, № 8, стр. 60—79; № 10, стр. 90—113.

Саксы.— Энци. слов. Брокгауз-Ефрон, п/т. 56. СПб., 1900, стб. 107—108.

Сервет (Михайл-Мигуэль Servet или Serveto).— Энци. слов. Брокгауз-Ефрон, п/т. 58. СПб., 1900, стб. 627—628.

Сорбонна.— Энци. слов. Брокгауз-Ефрон, п/т. 60. СПб., 1900, стб. 896—897.

Сословная монархия и сословные представительные учреждения.— Там же, стб. 913—914.

Рец.: Грегоровиус Ф. История города Афин в средние века. От эпохи Юстиниана до турецкого завоевания. Пер. с нем. СПб., 1900.— «Мир божий», 1900, № 4, стр. 103—105 (Библиографический отдел).

Рец.: Лучицкий И. В. Крестьянское землевладение во Франции накануне революции. Киев, 1900.— «Мир божий», 1900, № 5, стр. 98—99. (Библиографический отдел).

Рец.: Gibbon E.. The decline and fall of the Roman empire. Ed. by J. V. Burg. Vol. 1—7. London, 1897—1900.— «Мир божий», 1900, № 10, стр. 98—100.

1901

Общественные воззрения Томаса Мора в связи с экономическим состоянием Англии его времени. СПб., 1901. VI, 225, 127 стр.

История Италии в средние века. СПб., 1901. 6, 197 стр. (История Европы по эпохам и странам в средние века и новое время. Под ред. Н. И. Кареева и И. В. Лучицкого).

История Италии в новое время. СПб., Брокгауз-Ефрон, 1901. 6, 190 стр. (История Европы по эпохам и странам в средние века и новое время. Под ред. Н. И. Кареева и И. В. Лучицкого).

Характеристика общественных движений в Европе XIX века.— «Вестник Европы», 1901, № 2, стр. 702—730; № 3, стр. 167—198.

Нищезащитство и его отношение к политическим и социальным теориям европейского общества.— «Вестник Европы», 1901, № 8, стр. 704—750.

Гамбетта и его место в истории Третьей французской республики.— «Мир божий», 1901, № 10, стр. 73—103; № 11, стр. 1—36.

Таймс (Times).— Энци. слов. Брокгауз-Ефрон, п/т. 64. СПб., 1901, стб. 488—489.

Талля (Taille).— Там же, стб. 536—537.

Темпль (сэр Уильям Temple (1628—1699)).— Там же, стб. 862—863.

Тильзитский мир.— Энци. слов. Брокгауз-Ефрон, п/т. 65. СПб., 1901, стб. 176—177.

Тренк (барон Франц Trenk (1711—1749)).— Энци. слов. Брокгауз-Ефрон, п/т. 66. СПб., 1901, стб. 762—763.

Тренк (барон Фридрих Тренк (1726—1794).— Там же, стб. 763.
Тридцать тиранов.— Там же, стб. 822.
Тропшауский (Тропшау-Лайбахский) конгресс.— Там же, стб. 897—898.

Рец.: Ризон У. Университетские и социальные поселения. Пер. с англ. под ред. Д. М. Петрушевского. СПб., 1901.— «Мир божий», 1901, № 9, стр. 93—96 (Библиографический отдел).

Рец.: Кареев Н. История Западной Европы в новое время. Т. 4. Первая треть XIX в. Изд. 2. СПб., 1901.— «Мир божий», 1901, № 11, стр. 93—94 (Библиографический отдел).

Рец.: Дживелегов А. К. Городская община в средние века. Некоторые новые теории о происхождении средневековых городов. М., 1901.— Там же, стр. 94—95 (Библиографический отдел).

Рец.: Фагэ Э. Деятнадцатый век. Литературные этюды. Пер. с 19-го франц. изд. под ред. П. Кончаловского. М., 1901.— «Мир божий», 1901, № 12, стр. 105—107 (Библиографический отдел).

Рец.: Карсев П. Учебная книга новой истории. Изд. 2. СПб., 1901.— Там же, стр. 107—109 (Библиографический отдел).

Рец.: Болотов А. Т. Петербург при Петре III. СПб., 1901.— Там же, стр. 109—110 (Библиографический отдел).

1902

Социология и историческое познание.— «Вестник Европы», 1902, № 10, стр. 429—474.

Английская годовщина 1827—1902. [К семидесятипятилетню со дня смерти Джорджа Каннинга].— «Мир божий», 1902, № 1, стр. 198—223.

К вопросу о границах исторического предвидения.— «Русское богатство», 1905, № 5, стр. 41—56 (Отд. 2).

Из истории обществоведения в России. [Социологические воззрения Н. К. Михайловского]. В кн.: Литературное дело. Сборник. СПб., 1902, стр. 34—53.

Тюрлюпены.— Энцикл. слов. Брокгауз-Ефрон, п/т. 67. СПб., 1902, стб. 350—351.

Фанариоты.— Энцикл. слов. Брокгауз-Ефрон, п/т. 69. СПб., 1902, стб. 290—291.

Фемгерихт.— Там же, стб. 449—450.

Фенин.— Там же, стб. 469—471.

Фербеллин.— Энцикл. слов. Брокгауз-Ефрон, п/т. 70. СПб., 1902, стб. 559.

Фердинанд II, римско-германский император (1578—1637).— Там же, стб. 569—570.

Фердинанд III, император Священной Римской империи (1608—1657). Там же, стб. 578—579.

Фердинанд I, император австрийский (1793—1875).— Там же, стб. 570.

Фердинанд V Католик, король Кастилии, Арагона, Сицилии и Неаполя (1452—1516).— Там же, стб. 571—573.

Фердинанд VII, испанский король (1784—1833).— Там же, стб. 573—574.

Фердинанд (IV Неаполитанский) I, король обеих Сицилий (1751—1825).— Там же, стб. 575—576.

Фердинанд II, король обеих Сицилий (1810—1859).— Там же, стб. 577—578.

Филанджиери (Гаэтано Filangieri (1752—1788).— Там же, стб. 733—734.

Филипп II, испанский король (1527—1598).— Там же, стб. 770—772.

Филипп IV Красивый (Philippe le Bel), французский король (1285—1314).— Там же, стб. 775—776.

Филипп-Эгалите (1747—1793).— Там же, стб. 780.

Флагелланты.— Энци. слов. Брокгауз-Ефрон, п/т. 71. СПб., 1902, стб. 94—96.

Франклин Вениамин (1706—1790).— Там же, стб. 468—471.

Франко-прусская, или Франко-германская война 1870—1871 гг. Происхождение войны.— Энци. слов. Брокгауз-Ефрон, п/т. 72. СПб., 1902, стб. 479—486.

Франциск II, последний король обеих Сицилий (1836—1894).— Там же, стб. 533—534.

Франц-Иосиф I, император австрийский.— Там же, стб. 677—678.

Фридрих I Барбаросса (ок. 1123—1190).— Там же, стб. 752—753.

Фридрих II Гогенштауфен (1194—1250).— Там же, стб. 753—755.

Фридрих II Великий как полководец.— Там же, стб. 771—772.

Рец.: Стасюлевич М. М. Философия истории в ее главнейших системах. Исторические очерки. Изд. 2. СПб., 1902.— «Мир божий», 1902, № 1, стр. 84—86 (Библиографический отдел).

Рец.: Сумароков П. Черты из жизни Екатерины II. СПб., 1901.— Там же, стр. 86—87 (Библиографический отдел).

Рец.: Гюйо М. Искусство с социологической точки зрения. СПб., 1901.— «Мир божий», № 2, стр. 97—101 (Библиографический отдел).

Рец.: Петрушевский Д. Восстание Уота Тайлера. Ч. 2. М., 1901.— «Мир божий», 1902, № 5, стр. 121—124 (Библиографический отдел).

Рец.: Стетсон Ш. Женщины и экономические отношения. Исследование экологических отношений между мужчинами и женщинами, как фактора в социальной эволюции. Пер. с англ. СПб., 1902.— Там же, стр. 135—137 (Библиографический отдел).

Рец.: Нибур Г. И. Рабство как система хозяйства. Этнологическое исследование. Пер. с англ. М., 1902.— «Мир божий», 1902, № 8, стр. 102 (Библиографический отдел).

Рец.: Карлейль Т. Sartor Resartus. Пер. с англ. М., 1902.— Там же, стр. 115—120.

Рец.: Брюнгес Г. И. Рёскин и Библия. К истории одной мысли. Пер. с франц. М., 1902.— «Мир божий», 1902, № 10, стр. 96—98 (Библиографический отдел).

1903

Очерки и характеристики из истории европейского общественного движения в XIX веке (Сборник статей). СПб., 1903. II, 367 стр.

Содержание: Предисловие, стр. I—II. Характеристика общественных движений в Европе XIX в., стр. 1—54. Чарльз Парнелль. (Страница из истории Англии и Ирландии), стр. 55—141. К вопросу о границах исторического предвидения, стр. 143—168. Дело Бабефа. Очерк из истории Франции, стр. 159—208. Английская годовщина 1827—1902 (К семидесятипятилетию со дня смерти Джорджа Каннинга), стр. 209—234. Политический деятель старой Франции (Исторический очерк), стр. 235—299. Гамбетта и его место в истории Третьей французской республики, стр. 301—367.

Лорд Арчибальд Розбери и современное состояние либеральной партии в Англии.— «Мир божий», 1903, № 1, стр. 57—83; № 2, стр. 80—105.

Политика и религиозная мысль на Западе (Исторический очерк).— «Мир божий», 1903, № 9, стр. 79—102; № 10, стр. 70—90.

Чем объясняется современный интерес к экономической истории.— «Вестник и библиотека самообразования», 1903, № 17, стб. 739—743.

Рец.: Мижув П. Г. История колониальной империи и колониальной политики Англии. СПб., 1902.— «Мир божий», 1903, № 1, стр. 74—75 (Библиографический отдел).

Рец.: Шумахер А. Император Александр II. Исторический очерк его жизни и царствования. Изд. 3. СПб., 1903.— «Мир божий», 1903, № 9, стр. 88—89 (Библиографический отдел).

Рец.: Вебер Л. Рост городов в XIX столетии. Пер. с англ. СПб., 1903.— Там же, стр. 98—101 (Библиографический отдел).

Рец.: Раевский А. А. Законодательство Наполеона III о печати. Томск, 1903.— «Мир божий», 1903, № 10, стр. 121—123 (Библиографический отдел).
Рец.: Гессен Ю. Евреи в масонстве. Опыт исторического исследования. СПб., 1903.— Там же, стр. 124—125 (Библиографический отдел).

1904

Ирландия от восстания 1798 года до аграрной реформы нынешнего министерства.— «Мир божий», 1904, № 1, стр. 1—27; № 2, стр. 235—257; № 3, стр. 203—223; № 5, стр. 170—196; № 7, стр. 129—155; № 8, стр. 94—126; № 9, стр. 222—241; № 10, стр. 178—193; № 12, стр. 105—125.

О Томасе Карлейле. В кн.: К свету. Научно-литературный сборник. СПб., 1904, стр. 438—447.

Рец.: Маршалль Э. История XIX века (1789—1899). Пер. с 19-го изд., под ред. А. С. Травецкого. СПб., 1904.— «Мир божий», 1904, № 5, стр. 98—100 (Библиографический отдел).

Рец.: Кеннингэм У. Рост английской промышленности и торговли. Ранний период и средние века. Пер. с 3-го англ. изд. М., 1904.— Там же, стр. 106—108 (Библиографический отдел).

Рец.: Монье Ф. Опыт литературной истории Италии XV века. Кватроченто. Пер. с франц. СПб., 1904.— «Мир божий», 1904, № 6, стр. 94—96 (Библиографический отдел).

Рец.: Пименова Э. Политические вожди современной Англии и Ирландии. СПб., 1904.— «Мир божий», 1904, № 12, стр. 148—149 (Библиографический отдел).

1905

Ирландия от восстания 1798 года до аграрной реформы нынешнего министерства, ч. 2.— «Мир божий», 1905, № 7, стр. 59—84; № 8, стр. 80—99; № 9, стр. 79—99.

Падение абсолютизма (Социологический очерк).— «Мир божий», 1905, № 12, стр. 1—26.

О Декларации прав человека и гражданина.— «Образование», 1905, № 4, стр. 309—319.

Из прошлого европейских университетов.— «Вестник и библиотека самообразования», 1905, № 12, стб. 356—360; № 13, стб. 396—402.

Норвегия и Швеция.— «Вестник и библиотека самообразования», 1905, № 25, стб. 786—792.

Иностранное обозрение.— «Вестник и библиотека самообразования», 1905, № 21, стб. 667—672; № 23, стб. 733—736; № 27, стб. 861—864; № 29, стб. 925—928; № 32, стб. 1021—1024; № 35, стб. 1117—1120.

Всеобщая подача голосов во Франции при Наполеоне III.— «Вестник и библиотека самообразования», 1905, № 31, стб. 985—987; № 32, стб. 1018—1022; № 33, стб. 1044—1049.

Отделение церкви от государства во Франции (Очерк по истории церкви во Франции).— «Вестник и библиотека самообразования», 1905, № 39, стб. 1227—1234; № 40, стб. 1255—1260.

Исторические вопросы.— «Право», 1905, № 37, стб. 3003—3007.

Рец.: Фюстель де Куланж Н. Д. История общественного строя древней Франции. Пер. под ред. проф. И. М. Гревса. Т. 2. СПб., 1904.— «Мир божий», 1905, № 2, стр. 52—54 (Библиографический отдел).

Рец.: Очерки по истории Германии в XIX веке. Т. I. Происхождение современной Германии. Пер. с нем. СПб., 1905.— «Мир божий», 1905, № 3, стр. 108—111 (Библиографический отдел).

Рец.: Таубе М. А. Христианство и международный мир. М., 1905.— «Мир божий», 1905, № 4, стр. 122—124 (Библиографический отдел).

Рец.: Дайси А. Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской конституции. Пер. дополн. по англ. изд. под ред. П. Г. Ви-

ноградова. М., 1905.— «Мир божий», 1905, № 5, стр. 140—142 (Библиографический отдел).

Рец.: Еллинек Г. Декларация прав человека и гражданина. Пер. с нем. под ред. А. Э. Вормса. М., 1905.— Там же, стр. 143—144 (Библиографический отдел).

Рец.: Загоскин Н. П. История Казанского университета за 100 лет его существования. 1804—1904. Т. 1—3. Казань, 1902—1903.— «Мир божий», 1905, № 6, стр. 83—87 (Библиографический отдел).

Рец.: Кареев Н. Общий взгляд на историю Западной Европы в первые две трети XIX века. СПб., 1905.— Там же, стр. 87—88 (Библиографический отдел).

Рец.: Беджот В. Государственный строй в Англии. Пер. под ред. Н. Никольского. М., 1905.— «Мир божий», 1905, № 10, стр. 102—105 (Библиографический отдел).

Рец.: Вандаль А. Возвышение Бонапарта. Происхождение брюмерского консульства. Пер. с 11-го франц. изд. СПб., [1905].— «Мир божий», 1905, № 11, стр. 94—96 (Библиографический отдел).

Рец.: Пантелеева С. В. Нидерланды и Бельгия. Очерки старого и нового. СПб., Пантелеев, 1905. 340 стр.— Там же, стр. 96—97. (Библиографический отдел).

1906

Падение абсолютизма в Западной Европе. Исторические очерки. Ч. I. СПб.— М., Вольф, [1906]. 207 стр.

История Италии в средние века. Изд. 2. СПб., Брокгауз-Ефрон, 1906. 6, 197 стр. («История Европы по эпохам и странам в средние века и новое время». Под ред. П. И. Кареева и И. В. Лучицкого).

Роль студенчества в революционном движении в Европе в 1848 г. СПб., «Свободный труд», 1906. 28 стр.

Падение абсолютизма.— «Мир божий», 1906, № 3, стр. 203—245; № 5, стр. 67—93; № 6, стр. 99—137.

Самодержавие Николая I и французское общественное мнение.— «Былое», 1906, № 9, стр. 42—42; № 10, стр. 138—159.

Рец.: Гюнсманс Л., Брукер Л. де и Бертран Л. 75 лет буржуазного господства 1830—1905. Пер. с франц. М., 1906.— «Книга», 1906, № 1, стр. 17—48.

Рец.: Гомулицкий В. Польская революция 1830—1831. Пер. с польск. СПб., 1906.— «Книга», 1906, № 3, стр. 11.

Рец.: Виппер Р. Ю. Новые горизонты в исторической науке.— «Современный мир», 1906, № 11.— «Книга», 1906, № 4, стр. 11.

Рец.: Шампльон Э. Франция накануне революции по наказам 1789 г. Пер. с франц. СПб., 1906.— «Книга», 1906, № 6, стр. 11—12.

Рец.: Вах М. Австрия в первую половину XIX в. Пер. с нем. Вып. I. 1906.— «Мир божий», 1906, № 3, стр. 104—106 (Библиографический отдел).

Рец.: Буркгардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. Пер. с 8-го нем. изд., перераб. Л. Гейгером. 2 т. СПб., 1906.— «Мир божий», 1906, № 6, стр. 77—79 (Библиографический отдел).

Рец.: Сорель А. Европа и французская революция. СПб., 1906. Т. 5. Бонапарт и Директория. Т. 6. Перемирие.— «Современный мир», 1906, № 11, стр. 84—85 (Критика и библиография).

1907

Рабочие национальных мануфактур во Франции в эпоху революции (1789—1799). По неизданным документам. СПб., «Общественная польза», 1907. 201 стр. (Записки историко-филологического факультета С.-Петербургского университета, ч. 86).

Падение абсолютизма в Западной Европе. Исторические очерки. Ч. 1. М., Вольф, 1907. 207 стр. («Свободное знание», собрание общедоступных очерков, статей и лекций русских ученых. Под ред. Э. Д. Гримма, Л. И. Петражицкого и др.).

М. А. Бакунин. В кн.: Галерея шлиссельбургских узников. Под ред. Н. Ф. Анненского, В. Я. Богучарского, В. И. Семевского и П. Ф. Якубовича. Ч. 1. СПб., 1907, стр. 56—71.

Рец.: Жорес Ж. История Французской революции. Т. 1. Учредительное собрание (1789—1791). Пер. с франц. СПб., [1907].— «Новая книга», 1907, № 14, стр. 11—12.

Рец.: Guillaume J. L'Internationale. Documents et souvenirs. (1864—1878). Т. 2. Paris, 1907.— «Былое», 1907, № 3, стр. 310—313.

Рец.: Зелинский Ф. Ф. Соперники христианства. СПб., 1907.— «Современный мир», 1907, № 3, стр. 51—52 (Критика и библиография).

Рец. перевода: Э. Шерэ. Падение старого режима (1787—1789). Пер. с франц. СПб., 1907. Т. 1 (вып. 1—2). 389 стр. Т. 2 (вып. 3—4). 401 стр.

1908

Всобщая история (Очерк развития философии истории). По лекциям проф. Е. В. Тарле сост. Г. С. СПб., 1908. 102 стр. (Литогр. изд.).

Die Arbeiter der nationalen Manufakturen (1789—1799) nach Urkunden der französischen Archive. Studien zur Geschichte der Arbeiterklasse in Frankreich während der Französischen Revolution. Leipzig, 1908. XV, 128 S. (Staats- und Sozialwissenschaftliche Forschungen, hrsg. von G. Schmoller und M. Sering. H. 132).

Неудавшийся компромисс (Эмиль Олливьё о себе самом).— «Современный мир», 1908, № 2, стр. 98—130; № 3, стр. 40—66.

Первое народное движение 1789 г.— «Современный мир», 1908, № 8, стр. 169—201.

Неизданные письма Герцена.— «Современный мир», 1908, № 11, стр. 21—33.

Примеч. к кн.: История человечества. Всемирная история. Под общ. ред. Г. Гельмольта. Пер. с нем. СПб., [1908]. Т. 6. Средняя и Северная Европа, стр. 695—716. Т. 8. Западная Европа. Ч. 2. Атлантический океан, стр. 733—761.

Рец.: Сорель А. Европа и Французская революция. СПб., 1908. Т. 7. Континентальная блокада и великая империя. Т. 8. Коалиция и трактаты 1815 года.— «Мишурные годы», 1908, № 4, стр. 312—315.

Рец.: Орси П. Современная Италия. История последних 150 лет до вступления на престол Виктора Эммануила III. Пер. с итал. под ред. Г. Форстена. СПб., 1907.— «Современный мир», 1908, № 1, стр. 142—143 (Критика и библиография).

Рец.: Трачевский А. Новая история. Т. 1. 1750—1848. СПб., 1908.— «Современный мир», 1908, № 2, стр. 106—107 (Критика и библиография).

Рец.: Кареев Н. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII, XVIII веков. Общая характеристика бюрократического государства и сословного общества старого порядка. СПб., 1908.— «Современный мир», 1908, № 9, стр. 88—89 (Критика и библиография).

Рец.: Дюбрейль Л. Коммуна 1871 года. Пер. Н. С. Тютчева. СПб., 1908.— «Современный мир», 1908, № 11, стр. 163—164 (Критика и библиография).

1909

Рабочий класс во Франции в эпоху революции. Исторические очерки. Ч. 1 (1789—1791). СПб., 1909. 317 стр. (Записки историко-филологического факультета С.-Петербургского университета, ч. 91).

Рабочий класс и контрреволюционная пропаганда в эпоху Французской революции.— «Современный мир», 1909, № 1, стр. 41—61.

История одного социального эксперимента [Закон о максимуме 1793—1794 гг.]— «Современный мир», 1909, № 8, стр. 148—181.

La classe ouvrière et le parti contre-révolutionnaire sous la Constituante.— «Révolution française» (Paris), 1909, t. 57, N 4, p. 304—326; N 5, p. 384—404.

Рец.: Кауфман Г. Политическая история Германии в XIX веке. Пер. с нем. с предисл. А. Г. Вульфуса. СПб., 1909.— «Современный мир», 1909, № 6, стр. 163—165 (Критика и библиография).

1910

L'industrie dans les campagnes en France à la fin de l'ancien régime. Paris, 1910. 81 p. («Bibliothèque d'histoire moderne»).

Восстание Нидерландов против испанского владычества (1567—1584). В кн.: Книга для чтения по истории нового времени. Т. I. М., [1910], стр. 300—330.

Была ли екатерининская Россия экономически отсталой страной?— «Современный мир», 1910, № 5, стр. 3—29.

Английский посол и Екатерина в 1756—1757 гг.— «Современный мир», 1910, № 6, стр. 84—89.

Соглядатай Наполеона I о русском обществе 1808 г. (Из неизданных документов Национального архива).— «Современный мир», 1910, № 12, стр. 53—57.

Рец.: Паульсон Ф. Исторический очерк развития образования в Германии. Пер. с нем. М., 1910.— «Современный мир», 1910, № 1, стр. 129—131 (Критика и библиография).

Рец.: Ковалевский М. Социология. СПб., 1910. Т. 1. Социология и конкретные науки об обществе. Т. 2. Генетическая социология.— «Современный мир», 1910, № 3, стр. 140—142 (Критика и библиография).

Рец.: Бузескул В. Исторические этюды. СПб., 1911.— «Современный мир», 1910, № 10, стр. 164—165 (Критика и библиография).

1911

Рабочий класс во Франции в эпоху революции, ч. 2. СПб., 1911. XVI, 581 стр. (Записки историко-филологического факультета С.-Петербургского университета, ч. 100).

Рабочие во Франции в XVII веке. В кн.: Книга для чтения по истории нового времени. Т. 2. М., [1911], стр. 205—221.

Рец.: Новое исследование по истории французского государственного права.— Тарановский Ф. В. Догматика положительного государственного права во Франции при старом порядке. Юрьев, 1911.— «Право», 1911, № 45, стб. 2499—2504.

Рец.: Дерюжинский В. Ф. Очерки политического развития современной Англии. СПб., 1911.— «Современный мир», 1911, № 1, стр. 369—370 (Критика и библиография).

Рец.: Засодимский П. Деспотизм, его принципы, применение их и борьба за деспотизм. СПб., 1911.— «Современный мир», 1911, № 5, стр. 355—356 (Критика и библиография).

1912

Рабочие в эпоху Французской революции. В кн.: Книга для чтения по истории нового времени. Т. 3. М., [1912], стр. 407—445.

Экономические отношения Франции и России при Наполеоне I.— «Журнал министерства народного просвещения», пов. сер., 1912, ч. 42, № 11, стр. 54—93.

О французских рабочих в эпоху революции (Ответ А. Н. Савину).— «Русская мысль», 1912, № 11, стр. 31—33.

Возвращение Наполеона. В кн.: Отечественная война и русское общество. Т. 6. М., 1912, стр. 94—106.

Гарibaldi.— Энци. сл. Гранат. Изд. 7. Т. 12, 1912, стб. 545—551.

Генеральные штаты.— Энци. сл. Гранат. Т. 13, 1912, стб. 142—158.

Рец.: Кареев Н. И. 1. Парижские секции времен Французской революции. 2. Неизданные документы по истории парижских секций. СПб., 1912.— «Русская мысль», 1912, № 12, стр. 430—431.

Рец.: Устинов В. М. Учение о народном представительстве. Т. 1. Идея народного представительства в Англии и Франции до начала XIX в. М., 1912.— «Право», 1912, № 10, стб. 583—586.

1913

Континентальная блокада. 1. Исследования по истории промышленности и внешней торговли Франции в эпоху Наполеона. М., Задруга, 1913. VIII, 740 стр.

Печать во Франции при Наполеоне I.— «Русское богатство», 1913, № 10, стр. 115—147; № 11, стр. 37—69.

Поль Луи Курье (1772—1825). В кн.: История западной литературы (1800—1910). Под ред. Ф. Д. Батюшкова, т. 2, кн. 5. М., 1913, стр. 188—209.

Политические движения в Испании и Италии в 1820—1823 гг. В кн.: Книга для чтения по истории нового времени, т. 4, ч. 1. История Западной Европы. М., 1913, стр. 128—176.

Статья Добролюбова об итальянских делах. В кн.: Добролюбов Н. А. Полное собрание сочинений. Под ред. Е. В. Аничкова, т. 8, Публицистика, ч. 3—4. СПб., [1913], стр. 159—171.

Рец.: Gooch G. P. History and historians in the XIX century. London, 1913.— «Журнал министерства народного просвещения», нов. сер., 1913, ч. 48, № 12, стр. 414—418 (Критика и библиография).

Рец.: Историческое обозрение. Сборник Исторического общества при С.-Петербургском университете, изд. под ред. Н. И. Кареева. Т. 17. СПб., 1912.— «Голос минувшего», 1913, № 1, стр. 192—193.

Ред. перевода: История нового времени. Под главн. ред. Н. Пфлуг-Гартунга. Т. I. Век религиозных войн. Пер. с нем. СПб., 1913. VIII, 748, V стр.

1914

Крестьяне и рабочие во Франции в эпоху Великой революции. СПб., 1914. 116 стр. (Б-ка Вольного университета).

И. В. Лучицкий. К 50-летию его научно-литературной деятельности. 1863—1913.— «Голос минувшего», 1914, № 1, стр. 42—61.

Международный исторический конгресс в Лондоне (3—9 апреля п. с. 1913 г.).— «Научно-исторический журнал», 1914, № 1, стр. 130—133.

И. В. Лучицкий как университетский преподаватель.— «Научно-исторический журнал», 1914, № 4, стр. 5—9.

Сто лет назад. [Австрийский реакционер нач. XIX в. Гентц].— «Русская мысль», 1914, № 1, стр. 43—47 (В России и за границей).

Из истории русско-германских отношений в новейшее время.— «Русская мысль», 1914, № 11, стр. 83—93.

По поводу романа Зола. В кн.: Зола Э. Собрание сочинений. Под ред. и со вступит. статьями Е. В. Аничкова и Ф. Д. Батюшкова. Рюгон-Маккары. Т. 18. Разгром. Ч. 1—2. СПб., 1914, стр. V—XV.

Deutsch-französische Wirtschaftsbeziehungen zur napoleonischen Zeit. In: «Schmollers Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reiche». München — Leipzig, 1914, Jhg. 38, H. 2, S. 143—202.

Deutsch-französische Wirtschaftsbeziehungen zur napoleonischen Zeit. München — Leipzig, Duncker und Humblot, 1914. 62 S.

Рец.: Le congrès de Rastatt (11 juin 1798—28 avril 1799). Correspondance et documents publiés par P. Montarlot et C. Pingaud. T. 1—3. Paris, 1912—1913.— «Научно-исторический журнал», 1914, т. 2, вып. 1, № 3, стр. 97—98.

Рец.: Dictionary of national biography. Second supplement. Vol. 3. Neil-Young. London, 1912. 728 p.— Там же, стр. 98—100.

Рец.: Wohlwill A. Neuere Geschichte der freien Hansestadt Hamburg, insbesondere von 1789 bis 1815. Gotha, 1914. 568 S.— «Голос минувшего», 1914, № 2, стр. 249—250.

Рец.: Бруно Дж. Изгнание торжествующего зверя. Пер. и примеч. А. Золотарева.— «Голос минувшего», 1914, № 9, стр. 269—272.

Рец.: Schiemann Th. Deutschland und die grosse Politik. Anno 1913. Berlin, 1914. 419 S.— «Голос минувшего», 1914, № 12, стр. 281—284.

1915

Новейшая история и постановка ее преподавания на историко-филологических факультетах (К пересмотру университетского устава).— «Журнал министерства народного просвещения», нов. сер., 1915, ч. 59, № 10, стр. 85—93 (Современная летопись).

Имп. Николай I и дворянство. По неизданным документам Парижского архива МИД.— «Историческое обозрение», 1915, т. 20, стр. 128—129.

Чего немцы должны требовать от русских? (Was haben Deutsche von Russen zu fordern?).— «Голос минувшего», 1915, № 2, стр. 263—269.

Эльзас-лотарингский вопрос накануне великой европейской войны. В кн.: Вопросы мировой войны. Сборник статей под ред. М. И. Туган-Барановского. Пг., 1915, стр. 118—134.

Герцен и германская государственность.— «Русские записки», 1915, № 2, стр. 13—43.

Перед великим столкновением (К истории образования борющихся союзов). В кн.: Книга о войне. Пг., 1915, стр. 3—16.

Афоризм А. И. Герцена. В кн.: Невский альманах. Жертвам войны — писатели и художники. Пг., 1915, стр. 58.

Карл Лампрехт (Некролог).— «Северные записки», 1915, май — июнь, стр. 228—231.

Папство.— Энци. сл. Гранат. Изд. 7. Т. 31. М., 1915, стб. 139—176.

Рец.: Депутат от России. Воспоминания и переписка Ольги Алексеевны Новиковой. Сост. W. T. Stead. Пер. [с англ.]. Пг., 1915.— «Голос минувшего», 1915, № 10, стр. 300—304.

1916

Экономическая жизнь королевства Италия в царствование Наполеона I. С приложением неизданных документов. Юрьев, 1916. X, 532 стр. (Континентальная блокада. II).

Франко-русский союз. В кн.: Россия и ее союзники в борьбе за цивилизацию. Т. I. М., 1916, стр. 73—105.

Рец.: Любопытная книга. Oliver F. S. Ordeal by battle. London, 1916.— «Северные записки», 1916, № 1, стр. 267—270.

Рец.: Петров Д. К. А. И. Герцен и Доновос Кортес. Пг., 1915.— «Северные записки», 1916, февраль, стр. 235—236.

Рец.: Granville Leveson Gower. Private correspondance 1781 to 1821. V. 1—2. London, 1916.— «Исторические известия», 1916, № 3—4, стр. 132—134.

Рец.: De Cive Гоббса и его русский перевод. Томас Гоббс. Философские обоснования учения о гражданстве. Пер. с латинск. С предисл. С. А. Котляревского.— «Журнал министерства народного просвещения», нов. сер., 1916, ч. 61, № 2, стр. 388—396 (Критика и библиография).

Выдача Л. Г. Дейча (Из бумаг МИД. По неизданным документам). — «Былое», 1917, № 3, стр. 192—195.

Наполеон и Италия (отчет г. Гр. Шрейдеру). — «Голос минувшего», 1917, № 2, стр. 318—319.

Ирландия в середине XIX века. В кн.: Книга для чтения по истории нового времени. Т. 5. М., 1917, стр. 285—318.

Ред.: Императоры Вильгельм II и Николай II в 1904—1907 гг. Неизданная переписка. Пг., «Былое», 1917. 43 стр. Вступит. статья к книге: стр. 3—20.

Рец.: S. P. Histoire de la Révolution russe. 1905—1917. Paris, 1917. — «Былое», 1917, № 3, стр. 268—269.

Рец.: Transactions of the Royal historical society. Vol. 9, 10. London, 1915—1916. — «Исторические известия», 1917, № 1, стр. 125—127.

Рец.: Lipson E. An introduction to economic history of England. I. The middle ages. London, 1915. — Там же, стр. 127—128.

Рец.: Новое исследование по культурной истории Англии. Крусман В. На заре английского гуманизма. Английские корреспонденты первых итальянских гуманистов в ближайшей своей обстановке. Исследование. Одесса, 1915. — «Журнал министерства народного просвещения», нов. сер., 1917, ч. 68, № 3—4, стр. 139—165 (Критика и библиография).

Запад и Россия. Статьи и документы по истории XVIII—XX вв. Пг., «Былое», 1918. 219 стр.

Содержание: Предисловие, стр. 5—6. Император Николай I и крестьянский вопрос в России по неизданным донесениям французских дипломатов 1842—1847 гг., стр. 7—27. Император Николай I и французское общественное мнение, стр. 28—78. Письма Герцена к Эдгару Кинэ (Из рукописей Национальной библиотеки в Париже), стр. 79—90. Герцен и германская государственность, стр. 91—121. Была ли екатерининская Россия экономически отсталою страной, стр. 122—149. Английский посол и Екатерина в 1756—1757 гг., стр. 150—159. Соглядатай Наполеона I о русском обществе 1808 г. (Из неизданных документов Национального архива), стр. 160—164. Последние дни наполеоновской армии в России (Два неизданных рапорта маршала Бертье), стр. 165—172. Политическая программа 1854 г., стр. 173—178. Выдача Л. Г. Дейча (По неизданным документам), стр. 179—182. К истории 1904—1905 гг., стр. 183—219.

Крестьяне и рабочие во Франции в эпоху Великой революции. Изд. 2. Пг., Клестов, 1918. 127 стр. (Б-ка «Вольного университета»).

Рец.: Митрофанов П. П. Леопольд II Австрийский. Внешняя политика. Т. I. Пг., 1916. — «Голос минувшего», 1918, № 1—3, стр. 318—320.

Ред.: Революционный трибунал в эпоху Великой Французской революции. Воспоминания современников и документы, ч. 1. Пг., «Былое», 1918. 143 стр.

Крестьяне и рабочие во Франции в эпоху Великой революции. Изд. 3. Пг., Клестов, 1919. 127 стр. (Б-ка «Вольного университета»).

Князь Бисмарк и царсубийство 1 марта 1881 года. По неизданным документам. — «Былое», 1919, № 14, стр. 19—29.

Ред.: Революционный трибунал в эпоху Великой Французской революции. Воспоминания современников и документы, ч. 2. Пг., «Былое», 1919. 88 стр.

1920

Национальный архив в Париже. В кн.: История архивного дела классической древности, в Западной Европе и на мусульманском Востоке. Пг., 1920, стр. 153—202. (Архивные курсы. Лекции, читанные слушателям Архивных курсов при Петроградском археологическом институте в 1918 г. I).

1921

История труда и ее значение. В кн.: Архив истории труда в России, выпускаемый Ученой комиссией по исследованию истории труда в России. Кн. I. Пг., 1921, стр. 6—10.

Теодор Шиман. 1841—1921.— «Дела и дни», 1921, кн. 2, стр. 180—198.
Теодор Шиман.— «Вестник литературы», 1921, № 3, стр. 12.

1922

Крестьяне и рабочие в эпоху Великой Французской революции. Изд. 4, испр. Пг., «Полярная звезда», 1922. 151 стр.

Печать во Франции при Наполеоне I. По неизданным материалам. Пг., «Былое», 1922. 56 стр.

Очередная задача.— «Анналы», 1922, № 1, стр. 5—20.

Лорд Джемс Брайс (Некролог).— Там же, стр. 175—188.

Три катастрофы. Вестфальский мир. Тильзитский мир. Версальский мир.— «Анналы», 1922, № 2, стр. 59—94.

Из мемуаров Гельфериха.— «Былое», 1922, № 18, стр. 159—163.

Германская ориентация и П. Н. Дурново в 1914 г.— «Былое», 1922, № 19, стр. 161—176.

Испытания и недоразумения (По поводу книги К. Д. Набокова «Испытания дипломата». Стокгольм, 1921).— Летопись Дома литераторов, 1922, № 7, стр. 6.

О мемуарах графа Витте.— «Вестник литературы», 1922, № 1, стр. 7—8.

Русско-германские отношения и отставка Бисмарка. В кн.: 1882 — XL — 1922. Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922, стр. 419—424.

Генуя.— «Экономист», 1922, № 3, стр. 11—20.

Ред. журн.: «Анналы». Журнал всеобщей истории. Пг., 1922—1924 Совместно с Ф. И. Успенским).

1923

Три катастрофы. Вестфальский мир. Версальский мир. Тильзитский мир. Пг.— М., «Петроград», 1923. 60 стр.

Англия и Турция. Исторические корни и развитие конфликта.— «Анналы», 1923, № 3, стр. 21—71.

Обращение Бенгтама к Александру I (по поводу одного неизданного письма). В кн.: Из далекого и близкого прошлого. Сборник этюдов по всеобщей истории в честь пятидесятилетия научной жизни Н. И. Кареева. Пг.— М., 1923, стр. 249—251.

Рец.: Новая история наук. Singer Ch. ed. Studies in the history and methods of science. Vol. 2. Oxford, 1921.— «Анналы», 1923, № 3, стр. 255.

1924

Европа от Венского конгресса до Версальского мира. 1814—1919. Пг., «Сеятель», 1924. 232 стр. (Россия и Запад в прошлом. Историческая б-ка. Под ред. С. Ф. Платонова, А. Е. Преснякова и Е. В. Тарле).

Падение абсолютизма в Западной Европе и России. Изд. 2, доп. Пг., «Мысль», 1924. 187 стр.

Кризис Германии (от Версальского мира до наших дней). Пг. — М., «Петроград», 1924. 48 стр.

Гегемония Франции на континенте (в прошлом и настоящем).— «Анналы», 1924, № 4, стр. 34—92.

Ред. серии: Россия и Запад в прошлом. Историческая б-ка. Л., «Сеятель», 1924. (Совместно с С. Ф. Платоновым и А. Е. Пресняковым).

1925

Гарибальди.— Энци. сл. Гранат, т. 12, изд. 7, 1925, стб. 545—551, портр.
Генеральные штаты.— Энци. сл. Гранат, т. 13, изд. 7, 1925, стб. 142—158.

С. Ю. Витте. Французская пресса и русские займы.— «Красный архив», 1925, т. 3, стр. 36—37. Вступительная заметка к документам.

Военная революция на западе Европы и декабристы.— «Каторга и ссылка», 1925, № 8(21), стр. 113—124.

1926

[О положении архивного дела на Западе. Доклад на заседании съезда 16/III]. В кн.: Протоколы Первого съезда архивных деятелей РСФСР 14—19 марта 1925 г. Под ред. Н. Ф. Бельчикова и В. В. Максимова. М. — Л., Госиздат, 1926, стр. 136—141.

Папство.— Энци. сл. Гранат, т. 31, изд. 7, [1926], стб. 139—178.

Архивохранилище народного хозяйства, права, культуры и быта Ленинградского центрального исторического архива.— «Архивное дело», 1926, № 7, стр. 47—59.

Александр III и генерал Буланже.— «Красный архив», 1926, т. I, стр. 260—261. Вступительная заметка к письму французского военного министра генерала Буланже.

Донесения из Берлина С. С. Татищева В. К. Плеве в 1904 г.— «Красный архив», т. 4, стр. 186—187. Вступительная заметка к документам.

Письмо В. К. Плеве к А. А. Кирееву.— «Красный архив», т. 5, стр. 201. Вступительная заметка к письму.

Napoléon I-er et les intérêts économiques de la France.— «Napoléon» (Paris), 1926, mars — avr., p. 117—137.

Европа и восстание декабристов.— «Огонек», 1926, № 10, стр. 10—12. Ред. перевода: Арну А. История инквизиции. Пер. (с франц.). Л., «Время», 1926. 216 стр.

Предисловие. Там же, стр. 3—9.

1927

Европа в эпоху империализма. 1871—1919. М. — Л., Госиздат, 1927. 483 стр.

Европа от Венского конгресса до Версальского мира. 1814—1919. Изд. 2. Л., «Прибой», 1927. 200 стр.

Граф С. Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики. Л., «Книжные новинки», 1927. 96 стр.

Льонское рабочее восстание. В кн.: Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Кн. 3. М. — Л., 1927, стр. 51—99.

Der Lyoner Arbeiteraufstand.— Marx-Engels Archiv. Bd. 2. Frankfurt a. M., 1927, S. 56—113.

Военная революция на западе Европы и декабристы. В кн.: 100-летие восстания декабристов. Сборник статей и документов журнала «Каторга и ссылка». М., 1927, стр. 113—125.

Бегство Вильгельма II (к истории падения монархии в Германии).— «Историк-марксист», 1927, т. 4, стр. 62—72.

Архивное дело на Западе.— «Архивное дело», 1927, №11—12, стр. 92—104.

Во Франции (Беглые впечатления).— «Научный работник», 1927, № 7—8, стр. 54—60.

Международные отношения в Европе в 1919—1925 гг. В кн.: Сигрист С. В. Внешняя торговая политика СССР в международных договорах. Л., 1927, стр. 3—22.

1928

Европа в эпоху империализма 1871—1919. Изд. 2, доп. М.— Л., Госиздат, 1928. 511 стр.

Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства. От конца Империи до восстания рабочих в Лионе. М.— Л., Госиздат, 1928. VIII, 279 стр. (Ин-т К. Маркса и Ф. Энгельса. Исследования по истории пролетариата и его классовой борьбы. Вып. II).

Le blocus continental et le royaume d'Italie. La situation économique de l'Italie sous Napoléon I-er. D'après des documents inédits. Paris, Alcan, 1928. XII, 377 p. (Bibliothèque d'histoire contemporaine).

Речь генерала Скобелева в Париже в 1882 г.— «Красный архив», 1928, т. 2, стр. 215—218 (Вступительная заметка).

К вопросу о начале войны (Ответ М. Н. Покровскому).— «Историк-марксист», 1928, т. 9, стр. 101—107.

Записка об ученых трудах проф. Д. Н. Егорова.— «Известия АН СССР», 7 серия, Отд. гуманитарных наук, 1928, № 8—10, стр. 434—439. [Совместно с М. М. Богословским, С. Ф. Платоновым, В. П. Бузескулом].

Записка об ученых трудах проф. Альбера Матьева.— Там же, стр. 444—446 [Совместно с С. Ф. Платоновым и В. П. Бузескулом].

1929

Очерк новейшей истории Европы. 1812—1919. Л., «Прибой», 1929. 208 стр. (Первые издания этой книги 1924 и 1927 гг. имели название: «Европа от Венского конгресса до Версальского мира»).

L'insurrection ouvrière de Lyon.— «Revue marxiste», Paris, 1929, № 2, p. 132—153; № 3, p. 265—294; № 4, p. 412—428.

1930

Записка об ученых трудах проф. К. Блока. В кн.: «Записки об ученых трудах членов-корреспондентов Академии наук СССР по Отделению гуманитарных наук, избранных 31 января 1929 г.». Л., АН СССР, 1930, стр. 8. [Совместно с М. М. Богословским, С. Ф. Платоновым, Н. Я. Марром и В. П. Бузескулом].

Записка об ученых трудах С. К. Богоявленского.— Там же, стр. 9—12. [Совместно с С. Ф. Платоновым, Н. П. Лихачевым, М. Н. Сперанским, М. М. Богословским, М. Н. Розановым, В. П. Бузескулом].

Записка об ученых трудах проф. А. И. Яковлева.— Там же, стр. 55—56. [Совместно с М. М. Богословским, С. Ф. Платоновым, М. Н. Розановым, Н. П. Лихачевым, В. П. Бузескулом].

1931

Le blocus continental et le royaume d'Italie. La situation économique de l'Italie sous Napoléon I-er. D'après des documents inédits. Nouv. éd. Paris, Alcan, 1931. XII, 377 p.

L'Union économique de continent européen sous Napoléon (Idée et réalisation).— «Revue historique» (Paris), t. 165, N 2, p. 239—255.

1933

Russland und die Kontinentalsperre.— «Zeitschrift für gesamte Staatswissenschaften» (Tübingen), 1933, Bd. 94, H. 1, S. 70—106.

1934

Талейран. В кн.: Талейран. Мемуары. Старый режим. Великая революция. Империя. Реставрация. М.—Л., 1934, стр. 15—127.

Ред. перевода: Талейран. Мемуары... Пер. (с франц.) и примеч. С. и Л. Фейгиных. М.—Л., Academia, 1934. 752 стр. Предисловие к кн.: стр. 7—14.

1936

Наполеон. М., Журн.-газ. объединение, 1936. 624 стр. (Жизнь замечательных людей. Серия биографий под ред. М. Горького. Вып. 4—6).

Иностранная политика России в XIX в. и начале XX в.— Энци. сл. Гранат. 7-е изд., т. 36, ч. 5. Россия (продолжение). М., [1936], стб. 1—36.

Прериальское восстание 1796 года.— «Историк-марксист», 1936, № 4, стр. 53—97.

Жап-Поль Марат, друг народа.— «Большевистская печать», 1936, № 12, стр. 32—42.

La grande coalition des mineurs de Rive-de-Gier en 1844.— «Revue historique» (Paris), 1936, t. 177, N 2, p. 249—278.

Рец.: Morandi R. Storia della grande industria in Italia. Bari, 1935.— «Историк-марксист», 1936, № 2, стр. 154.

Рец.: Challaye F. Souvenirs sur la colonisation. Paris, 1935.— «Историк-марксист», 1936, № 3, стр. 181—182.

Рец.: Пуанкаре Р. 1914—1915. Воспоминания. Пер. с франц. М., 1936.— «Историк-марксист», 1936, № 4, стр. 139—141.

1937

Жерминаль и прерналь. М., Соцэкгиз, 1936. 276 стр.

Napoléon. Traduit du russe avec l'autorisation de l'auteur par Ch. Steber. Paris, Payot, 1937. 489 p.

Bonaparte. Transl. from the Russian by J. Cournos. New York, Knight publ., 1937. 431 p.

То же. London, Secker, 1937. X, 431 p.

Napoleon wschodzące słońce. Warszawa, Wyd. wspóln. [1937]. 217 s.

Napoleon u szczytu chwały. Warszawa, Wyd. wspóln. [1937]. 262 s.

Napoleon zmierzch. Warszawa, Wyd. wspóln. [1937]. 218 s.

Донесения Якова Толстого из Парижа в III отделение. Июльская монархия. Вторая республика. Начало Второй Империи. В кн.: Литературное наследство. Кн. 31—32. М., 1937, стр. 563—662.

О буржуазной демократии и новой конституции СССР.— «Историк-марксист», 1937, № 1, стр. 125—138.

Нашествие Наполеона на Россию.— «Молодая гвардия», 1937, № 10—11, стр. 166—242; № 12, стр. 202—228.

Заметки читателя [по поводу принципа переиздания соч. Пушкина по изд. 1834 г.].— «Литературный критик», 1937, № 1, стр. 207—216.

Постскриптум (К ст. «Заметки читателя»).— «Литературный критик», 1937, № 2, стр. 106—107.

Неловкие увертки [К полемике с Б. Томашевским по поводу издания однотомника Пушкина].— «Литературный критик», 1937, № 5, стр. 44—49.

Рец.: Temperley H. England and the near East. Crimea. London, 1936.— «Историк-марксист», 1937, № 3, стр. 190—192.

- Napoleone. Milano, Corticelli, [1938]. 455 p.
 Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М., Соцэкгиз, 1938. 282 стр.
 Освобождение России от нашествия Наполеона. М., Гос. воен. изд. НКО СССР, 1938. 16 стр.
 Отечественная война 1812 года. М., б. и., 1938. 8 стр. (Микрофонные материалы Всесоюзного радиокомитета, № 104). Стеклографированное изд.
 Нашествие Наполеона на Россию.— «Молодая гвардия», 1938, № 1, стр. 106—143; № 2, стр. 46—88; № 3, стр. 64—112.
 Нашествие Наполеона на Россию. В кн.: Изгнание Наполеона из Москвы. Сборник. М., 1938, стр. 278—340.
 Бородино.— Там же, стр. 266—277.
 Начало отступления великой армии и партизанская война.— «Ученые записки Ленингр. ун-та», № 19, серия исторических наук, 1938, вып. 1, стр. 78—100.
 «Восточное пространство» и фашистская геополитика.— «Историк-марксист», 1938, № 2, стр. 89—105.
 «История XIX века».— «Большевик», 1938, № 14, стр. 35—52.
 Большое культурное дело (О втором изд. «Истории XIX века»).— «Книга и пролетарская революция», 1938, № 8—9, стр. 112—115.
 О романе «Гвардия Мак Кумгала». В кн.: Ланн Е. Гвардия Мак Кумгала. Исторический роман. М., 1938, стр. 537—544.
 Исчезновение страны.— «Пионер», 1938, № 7, июль, стр. 86—91.
 Три войны. [Борьба Рима с Карфагеном].— «Пионер», 1938, № 5, май, стр. 19—26.
 Жан-Поль Марат, друг народа. В кн.: Жан-Поль Марат. Pamфлеты. Пер. с русск. яз. Минск, 1938, стр. 3—39. (На белорус. яз.)
 Рец.: Новые показания о мировой империалистической войне. «Архив полковника Хауза». Т. 1—2. Пер. с англ. М., 1937. — «Историк-марксист», 1938, № 2, стр. 120—125.
 Рец.: Американский дипломат о японской агрессии в Китае. Stimson H. L. The Far-Eastern crisis. Recollections and observations. New York 1936.— «Большевик», 1938, № 21—22, стр. 132—134.
 Рец. перевода: История XIX века. Под ред. Лависса и Рамбо. Пер. с франц. Изд. 2, доп. и испр. Т. 1—6. М., Соцэкгиз, 1938. От редактора, т. I, стр. 3—30.

1939

- Наполеон. М., Гос. воен. изд. НКО СССР, 1939. 519 стр.
 То же. М., Соцэкгиз, 1939. 351 стр.
 Талейран. М., «Молодая гвардия», 1939. 209 стр. («Жизнь замечательных людей», Серия биографий. Вып. 1).
 Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. Ереван, 1939. 400 стр. (На арм. яз.).
 Отечественная война 1812.— БСЭ, т. 43. М., 1939, стб. 556—567.
 Взятие Бастилии.— «Военно-исторический журнал», 1939, № 1, стр. 55—63.
 Вопросы международной политики и «Краткий курс истории ВКП(б)». [В помощь изучающим историю ВКП(б). Стенограмма лекции, прочитанной в Академии наук СССР, исправл. и дополн. автором].— «Исторический журнал», 1939, № 2, февр., стр. 65—71.
 Справедливая война Французской революции. В кн.: Роллан Р. Вальми. Пер. с франц. М., 1939, стр. 3—14.
 То же.— «Молодая гвардия», 1939, № 4, стр. 209—211.
 Фашистская фальсификация исторической науки в Германии. В кн.: 120 лет Ленинградского государственного университета. Научная сессия, посвященная 120-летию годовщине со дня основания университета (1819—1939). 16—20 апреля 1939 г. Тезисы докладов. Л., 1939, стр. 13—14.

Фашистские фальсификации (на историческом и географическом фронтах).— «Вестник знания», 1939, № 7—8, стр. 2—7.

«Восточное пространство» и фашистская геополитика. В кн.: Против фашистской фальсификации истории. Сборник статей. М.— Л., 1939, стр. 259—279.

Жан-Поль Марат, друг народа.— «Новый мир», 1939, № 7, стр. 183—201.

Дневник поэта [Т. Г. Шевченко].— «Литературный современник», 1939, № 3, стр. 218—219.

L'Europe et la Révolution française (1792—1793).— «Littérature internationale», 1939, N 6, p. 25—40.

Предисловие к статье: Неизданные документы времен якобинской диктатуры.— «Историк-марксист», 1939, № 3, стр. 136.

Как пишется теперь история Испании (Рец. на кн.: Davies R. The golden century of Spain. 1501—1621. London, 1937; Bertrand L. Histoire d'Espagne. Paris, 1938).— «Историк-марксист», 1939, № 1, стр. 165—170.

Ред.: Малкин М. М. Гражданская война в США и царская Россия. М.— Л., 1939. 332 стр.

Предисловие: Там же, стр. 7—8.

Ред.: Против фашистской фальсификации истории. Сборник статей. М.— Л., АН СССР, 1939. 447 стр. [Совместно с А. В. Ефимовым, А. В. Мишулиным, С. Д. Сказкиным, А. Д. Удальцовым, С. И. Зиничем и Ф. И. Нотоичем].

Ред.: Новая история. Ч. 1—2. М., Соцэкгиз, 1939. Ч. 1. От Французской буржуазной революции до франко-прусской войны и Парижской коммуны (1789—1870). 571 стр. [Совместно с А. В. Ефимовым и Ф. А. Хейфец].

Ч. 2. От франко-прусской войны и Парижской коммуны до победы Октябрьской революции в России и окончания империалистической войны (1870—1918). 603 стр. [Совместно с А. В. Ефимовым, Ф. И. Нотоичем и В. М. Хвостовым].

Оборона Севастополя.— «Пионер», 1939, февраль, № 2, стр. 79—87.

Ред. перевода: История XIX века. Под ред. Лависса и Рамбо. Пер. с франц. Изд. 2, доп. и испр. Т. 7—8. М., Соцэкгиз, 1939.

1940

Наполеон. М.— Л., Изд. дет. лит., 1940. 400 стр.

Bonaparte. Stockholm, Kooperativa förbundets bokförlag, 1940. XV, 464 s. Napoleon. Oversatt fra russisk av Th. Christensen. Oslo, Aschehoug, 1940.

413 s.

Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М.— Л., Изд. дет. лит., 1940. 428 стр.

Нахимов. М., Воениздат НКО СССР, 1940. 138 стр.

Вторая империя во Франции. Воссоединение Италии и Германии как самостоятельных государств. Стенограмма лекций, прочитанных в Высшей Партийной школе при ЦК ВКП(б) в 1940/41 учебном году. М., Высш. Парт. школа при ЦК ВКП(б), 1940. 55 стр. На правах рукописи.

Италия после Венского конгресса. Революция 1848 г. в Италии. Стенограмма лекций, прочитанных в Высшей Партийной школе при ЦК ВКП(б) в 1940/41 учебном году. М., Высш. Парт. школа при ЦК ВКП(б), 1940. 20 стр. На правах рукописи.

Наполеоновские войны. В кн.: Тарле Е. В. и Ефимов А. В. Европа в период 1794—1815 годов. Стенограмма лекций, прочитанных в Высшей Партийной школе при ЦК ВКП(б) в 1940/41 учебном году. М., 1940, стр. 15—54. На правах рукописи.

Англо-французская дипломатия и Крымская война.— «Военно-исторический журнал», 1940, № 4, стр. 98—112.

Пакауне Крымской войны.— «Красная повесть», 1940, кн. 11—12, стр. 217—269.

Адмирал Нахимов.— «Молодая гвардия», 1940, № 4, стр. 15—97.

Английская политика от Крымской кампании до наших дней.— «Литературный современник», 1940, № 7, стр. 136—152.

Посольство Мещникова и разрыв сношений между Россией и Турцией, 1853.— «Литературный современник», 1940, № 10—11, стр. 135—161.

О популярных книгах по истории человечества.— «Детская литература», 1940, № 4, стр. 11—12.

Об исторической библиотеке Детиздата.— «Детская литература», 1940, № 11—12, стр. 19—23.

1941

Крымская война. Т. I. М.— Л., Гос. воен.-мор. изд. НКВМФ СССР, 1941. 277 стр.

Наполеон. М., Госполитиздат, 1941. 432 стр.

То же. Ереван, Армгиз, 1941. 563 стр. На армян. языке.

То же. Минск, Дзярж. вид., 1941. 342 стр. На белорусск. языке.

Нашествие Наполеона на Россию. 1812. Минск, Дзярж. вид., 1941. 342 стр.

На белорусск. языке.

La campagne de Russie. 1812. Trad. du russe. Paris, 1941. 272 p.

История дипломатии, т. I. Под ред. В. П. Потемкина. М., 1941. Раздел 4. Дипломатия в новое время (1789—1871 гг.), гл. 4—9, 11—13 (гл. 9 совместно с А. В. Ефимовым), стр. 360—460, 470—517.

Отечественная война 1812 года и разгром Империи Наполеона. М.— Л., Изд. дет. лит., 1941. 82 стр.

То же. Л., Госполитиздат, 1941. 68 стр.

То же. Свердловск, Госполитиздат, 1941. 56 стр.

То же. Баку, Аз ФАН СССР, 1941. 71 стр. На азерб. языке.

То же. Ереван, Армгиз, 1941. 84 стр. На армян. языке.

Две отечественные войны. М.— Л., Гос. воен.-мор. изд. НКВМФ СССР, 1941. 80 стр.

Михаил Кутузов. М., Воениздат, 1941. 32 стр.

То же. Казань, Восиздат, 1941. 29 стр.

Нахимов. Ереван, Армгиз, 1941. 170 стр. На армян. языке.

Начало конца. Тбилиси, 1941. 16 стр. На груз. языке.

Начало конца Алма-Ата, 1941. 20 стр. На казахском языке.

Французская революция и Англия. В кн.: Французская буржуазная революция 1789—1794. Под ред. В. П. Волгина и Е. В. Тарле. М.— Л., 1941, стр. 231—243.

Н. Г. Чернышевский и международная политика. В кн.: Н. Г. Чернышевский (1889—1939). Труды научной сессии к 50-летию со дня смерти. Л., 1941, стр. 295—304.

О Крымской войне.— «Большевик», 1941, № 6, стр. 46—64.

Начало конца.— «Большевик», 1941, № 11—12, стр. 32—37.

Князь Паскевич и начало Дунайской кампании.— «Литературный современник», 1941, № 1, стр. 127—133.

О лермонтовском времени.— «Литературный современник», 1941, № 7—8, стр. 140—141.

Объявление войны России Англией и Францией в 1854 году.— «Ленинград», 1941, № 5, стр. 17—19; № 6, стр. 19—21.

Предисловие. В кн.: Наполеон. Избранные произведения. Т. I. М., 1941, стр. V—VIII.

Ред.: Французская буржуазная революция 1789—1794. М.— Л., АН СССР, 1941. VIII, 849 стр. Совместно с В. П. Волгиным.

Ред.: Отечественная война 1812 г. Сборник документов и материалов. Сост. научными сотрудниками Ленингр. отделения Ин-та истории А. В. Предтеченским, А. И. Васильевым и Б. Б. Фраткинцым. Л.— М., АН СССР, 1941. XXIV, 199 стр. Совместно с А. В. Предтеченским и Е. И. Бочкаревой.

Ред.: Нова історія. Ч. 2. Від франко-прусської війни і Паризької комуні до перемоги Жовтневої революції в Росії і закінчення імперіалістичної війни (1870—1918). Київ, Рад. школа, 1941. 504 стр. Совместно с А. В. Ефимовым, Ф. П. Потовичем и др.

Ред.: Кухарский П. Ф. Франко-русские отношения накануне Крымской войны. Л., ЛГУ, 1941. 189 стр.

Предисловие: Там же, стр. 5—7.

Ред.: *Usaeg I köide. Prantsuse kodanlikust revolutsioonist saksa-prantsuse sojani ja Pariisi kommunini (1789—1870).* Tartu, 1941. 540 стр. Совместно с А. В. Ефимовым и Ф. А. Хейфец.

1942

Наполеон, М., Госполитиздат, 1942. 368 стр.

То же. Тбилиси, Дет. изд., 1942. 564 стр. На груз. языке.

Napoleon's invasion of Russia. 1812. Transl. by G. M. New York — Toronto, Oxford univ. press, 1942. 424 p.

Napoleon in Russia. London, Int. publ., 1942. 64 p.

Нахимов, М.—Л., изд. АН СССР, 1942. 127 стр.

Парижский мир 1856. М.—Л., Изд. АН СССР, 1942. 68 стр.

Михаил Кутузов, М., Воениздат НКО СССР, 1942. 32 стр.

То же. Казань, 1942. 31 стр. На татар. языке.

Гитлеровщина и Наполеоновская эпоха. М.—Л., Изд. АН СССР, 1942. 32 стр.

То же.—«Вестник АН СССР», 1942, № 1, стр. 35—57.

Александр Суворов. Пенза, 1942. 14 стр.

Гитлеризм — душитель интеллигенции. Ташкент, Гос. изд. Уз. ССР, 1942. 8 стр.

Отечественная война 1812 года и разгром империи Наполеона. Тбилиси, 1942. 66 стр. На груз. языке.

То же. Уфа, 1942. 63 стр. На башкир. языке.

То же. Кудымкар, 1942. 54 стр. На коми-перм. языке.

Березина и гибель великой армии. Ташкент, 1942. 68 стр. На узбек. языке.

Вулкан, готовый взорваться в любой момент. Ташкент, Гос. изд. Уз. ССР, 1942. 8 стр.

Тевтонские рыцари и их наследники.—«Вестник АН СССР», 1942, № 5—6, стр. 38—48.

То же.—«Под знаменем марксизма», 1942, № 5—6, стр. 70—80.

Новая история в работах советских историков. В кн.: Двадцать пять лет исторической науки в СССР. Под ред. В. П. Волгина, Е. В. Тарле, А. М. Панкратовой. М.—Л., 1942, стр. 236—248.

О советской историографии.—«Под знаменем марксизма», 1942, № 11—12, стр. 127—135.

Гибель наполеоновской армии в России.—«Красноармеец», 1942, № 22, стр. 12—13.

Михаил Кутузов.—«Пропагандист», 1942, № 5—6, стр. 37—45.

Севастополь. [Историческое сопоставление Севастопольской эпопеи 1942 г. с Севастопольской обороной 1854—55 гг.] — «Партийно-политическая работа в ВМФ», 1942, № 12—13, стр. 20—21.

Разгромить подлую орду гитлеровцев — священный долг человечества. В кн.: Кровь за кровь! Смерть за смерть! Сборник материалов о зверствах немцев в оккупированных советских районах. М., 1942, стр. 100.

Ред.: Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М.—Л., АН СССР, 1942. 288 стр. [Совместно с В. П. Волгиным и А. М. Панкратовой].

Ред.: Великие полководцы русского народа. Сб. статей. Под общ. ред. Е. В. Тарле. Ереван, 1942. 32 стр.

Крымская война. Т. 2. М., Восмориздат НКВМФ СССР, 1943. 648 стр.
Пашествие Наполеона на Россию 1812. Изд. 2, испр. и доп. М., Гос.
изд. полнт. лит., 1943. 364 стр.

Нахимов. М., Восмориздат НКВМФ СССР, 1943. 216 стр.
Отечественная война 1812 года и разгром империи Наполеона. М., 1943.
102 стр.

О советской историографии. В кн.: Юбилейная сессия Академии наук
СССР, посвященная 25-летию Великой Октябрьской социалистической ре-
волюции. М.—Л., 1943, стр. 150—159.

То же.— «Вестник АН СССР», 1943, № 1—2, стр. 70—78.

Польша и наступающий этап войны.— «Война и рабочий класс», 1943,
№ 13, стр. 10—15.

Отечественная война 1812 года и Михаил Илларионович Кутузов. В кн.:
Героическое прошлое русского народа. Сокращенные и переработанные
стенogramмы лекций, прочитанных на сборе фронтовых агитаторов. М., 1943,
стр. 104—113.

Героическая оборона Севастополя.— Там же, стр. 114—125.

Михаил Илларионович Кутузов (1745—1813 гг.).— «Красноармеец»,
1943, № 8, стр. 1—2.

О «Севастопольских рассказах». В кн.: Толстой Л. Н. Севастопольские
рассказы. М.—Л., 1943, стр. 3—6.

Второму антифашистскому митингу советских ученых. В кн.: Второй
антифашистский митинг советских ученых в Москве 11 июля 1943 года. М.,
1943, стр. 45—46.

Предисловие. В кн.: Зверства немцев в войну 1914—1918 гг. (Из доку-
ментов первой мировой войны). Л., 1943, стр. 3—8.

Рец.: Лаш Е. Старая Англия. М., 1943.— «Исторический журнал»,
1943, № 11—12, стр. 102—103.

Книга о Наполеоновском походе в Россию (Рец. на кн.: Коленкур
А. де. Мемуары. М., 1943).— «Пропагандист», 1943, № 18, стр. 46—48.

Книга о Суворове. (Рец. на кн.: Пигарев К. Солдат-полководец. М.,
1943).— «Знамя», 1943, № 11—12, стр. 255—257.

Рец.: Партизанская борьба в национально-освободительных войнах За-
пада. Сборник статей. М., Госполитиздат, 1943. 116 стр.

1944

Крымская война. Т. 1—2. М.—Л., АН СССР, 1944. Т. 1. 567 стр. Т. 2,
506 стр.

1812. Napoleon oroszorszagban. Budapest, Renaissance könyvkiadóvá-
llalat, 1944. 397 l.

Napoleon in Russland. 1812. 2-te Aufl. Zürich, Steinberg, 1944. 384 S.

Павел Степанович Нахимов. М., «Молодая гвардия», 1944. 136 стр. («Вели-
кие люди русского народа»).

Первый общий штурм Севастополя и русская победа 18 июня 1855 года.—
«Исторический журнал», 1944, № 1, стр. 55—63.

От агрессии к капитуляции. 1914—1918 [Поражение Германии в пер-
вую мировую войну].— «Война и рабочий класс», 1944, № 15, стр. 9—11.

К вопросу о будущей западной границе Польши.— «Война и рабочий
класс», 1944, № 18, стр. 26—28.

О преступлениях гитлеровской Германии и об их подготовке. В кн.:
Общее собрание Академии наук СССР 25—30 сентября 1943 г. Доклады.
М.—Л., 1944, стр. 183—191.

То же: «Вестник АН СССР», 1944, № 1—2, стр. 50—58.

[Из воспоминаний об акад. В. И. Комарове].— «Вестник АН СССР»,
1944, № 10, стр. 118—119.

Воинские знамена.— «Красноармеец», 1944, № 11, стр. 14.

Героические традиции русского флота.— «Краснофлотец», 1944, № 3, стр. 32.
Историческая заслуга Красной Армии.— «Огонек», 1944, № 5—6, стр. 7.
Рец.: Тисье П. Я работал с Лавалем. Лондон, изд. 1, 1942; изд. 2, 1944. (Tissier P. I worked with Laval).— «Исторический журнал», 1944, № 12, стр. 85—86.

1945

Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг. 1769—1774 гг. М.—Л., Изд. АН СССР, 1945. 110 стр.

Экспедиция русского флота в Архипелаг в 1769—1774 гг.— «Морской сборник», 1945, № 2—3, стр. 52—79; № 4, стр. 46—71.

Napoleon. Traducción de la version francesa (1937) con autorización del autor por D. Ingenieros. Montevideo, Ed. pueblos unidos, 1945. 486 p.

Napoleon en Rusia 1812. Caracas, Artes graficas, 1945. 48 p.

Napoleão. Trad. de J. Amado. Rio de Janeiro, Valverde, 1945. 490 p.

Наполеонова поездка на Русию 1812 година. С русского перевода Н. Павлович. Белград, Државни изд. завод Југославије, 1945. 392 стр.

Екатерина II и ее дипломатия. Стенограмма лекции, читанной 7 мая 1945 г. М., 1945. 43 стр. На правах рукописи.

Екатерина II и ее дипломатия. Стенограмма лекции, читанной 12 мая 1945 г. М., 1945. 55 стр. На правах рукописи.

О приемах буржуазной дипломатии. В кн.: История дипломатии, т. 3. Дипломатия в период подготовки второй мировой войны (1919—1939). М.—Л., 1945, стр. 701—764.

Чезма [К 175-летию Чесменского боя. Глава из кн.: «Внешняя политика России при Екатерине II»].— «Огонек», 1945, № 6—7, стр. 13—14.

Экспедиция русского флота в Архипелаг в 1769—1774 гг. М.—Л., Воен.-мор. изд. НКВМФ СССР, 1945. 108 стр.

Адмирал Ф. Ф. Ушаков на Средиземном море в 1798—1800 гг.— «Морской сборник», 1945, № 11—12, стр. 89—132.

К изучению истории Запада в Академии наук.— «Вестник АН СССР», 1945, № 5—6, стр. 176—181.

О Крымской войне.— «Исторический журнал», 1945, № 4, стр. 112—113.

О «Западном блоке».— «Новое время», 1945, № 11, стр. 18—22.

Моя новая книга (Об адмирале Ф. Ф. Ушакове).— «Ленинград», 1945, № 15—16, стр. 25.

Предисловие. В кн.: Адмирал Нахимов. Под ред. Н. В. Новикова и П. Г. Софинова. М.—Л., 1945, стр. 7—9.

Фридрих Энгельс и объединение Германии [тезисы]. Л., ЛГУ, 1945. 2 стр.

Великая освободительная миссия советского народа.— «Агитатор», 1945, № 9—10, стр. 42—46.

Заслуги советского народа перед историей человечества.— «Краснофлотец», 1945, № 6, стр. 1—2.

Историческая заслуга народов Советского Союза перед человечеством.— «Комсомольский работник», 1945, № 9, стр. 16—23.

Капитуляция Германии.— «Красноармеец», 1945, № 11—12, стр. 1—5.

Мощь Советской державы.— «Огонек», 1945, № 44, стр. 4.

Не ослаблять бдительности! — «Пограничник», 1945, № 10, стр. 20—23.

Победа.— «Огонек», 1945, № 17, стр. 2, 4.

1946

Napoleon. [Budapest], Cserépfalvi, 1946. 563 l.

Napoleon. Przekład autoryz. dr. H. Wynawcovej. Warszawa, «Wiedza», 1946. 354 s.

Napoleon. Trad. de N. Parocescu. București, Cartea rusă, [1946]. XIX, 415 p.

Napoleon. Venäjän kielestä suomentanut Lauri Kemiläinen. Helsinki, Tammi, 1946. 503 s.

Наполеон. Преведе Т. Ненова. София, Коюмджиев, 1946. 439 стр.

Napoleon. Bratislava, Pravda, 1946. 429 s.

Histoire de la diplomatie. T. I. Sous la direction de V. Potiemkine. Paris, Librairie de Medicis, [1946]. Diplomatie de l'époque moderne (1789—1871), p. 354—452, 469—519.

A burzsoá diplomácia csselfogásai. Budapest, Szikra, 1946. 103 l.

Талейран. Преведе К. Хавезов. [София], Нар. кооп. изд., 1946. 177 стр.

Адмирал Ушаков на Средиземном море в 1798—1800 гг. (Окончание).— «Морской сборник», 1946, № 1, стр. 70—96.

Наполеон. В 9 книгах. М., 1946. Изд. для слепых.

Роль русского военно-морского флота во внешней политике России при Петре I.— «Морской сборник», 1946, № 10, стр. 35—73; № 11—12, стр. 63—102.

Уолтер Липпман.— «Известия АН СССР», серия истории и философии, 1946, № 4, стр. 381—382.

Из истории русской дипломатии.— «Ленинград», 1946, № 1—2, стр. 40—42.

К истории дипломатии. [По поводу выхода в свет 3-го тома «Истории дипломатии»].— «Новое время», 1946, № 4, стр. 10—13.

После Нюрнбергского процесса.— «Звезда», 1946, № 9, стр. 166—170.

Праздник советской культуры.— «Советская книга», 1946, № 3—4, стр. 15—17.

Славные традиции.— «Пограничник», 1946, № 1—2, стр. 43—46.

1947

250 лет указа Петра I о создании русского флота. В кн.: Общее собрание Академии наук СССР 29 ноября — 4 декабря 1946 г. М.— Л., 1947, стр. 176—204.

Об изучении внешнеполитических отношений России и деятельности русской дипломатии в XVI—XX веках. В кн.: Юбилейный сборник, посвященный 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции, ч. 2. М.— Л., 1947, стр. 667—676.

Über die Arbeitsweise der bürgerlichen Diplomatie. In: Geschichte der Diplomatie. Bd. 3. Die Diplomatie in der Periode der Vorbereitung des zweiten Weltkrieges. Unter der Redaktion v. W. Potjomkin. Moskau, Verlag für Fremdsprachige Literatur, 1947, S. 801—872.

La tactique de la diplomatie bourgeoise. Histoire de la diplomatie sous la direction de V. Potemkine, vol. 3. Paris, Librairie de Medicis, 1947, p. 727—788.

Под знаменем Октября.— «Вестник АН СССР», 1947, № 10, стр. 63—64.

СССР — мировая держава.— «Вестник АН СССР», 1947, № 11, стр. 56—63.

Москва в Отечественной войне 1812 года.— «Огонек», 1947, № 28, стр. 20—21.

Реф.: Внешняя политика России при Екатерине II. В кн.: Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 г. Отделение истории и философии АН СССР. М.— Л., 1947, стр. 39—40.

Рец.: Манусевич А. Борьба за демократию во Франции. М., 1947.— «Известия АН СССР», сер. ист. и фил., 1947, № 4, стр. 39—40.

Рец.: Bonner-Smith D. and Dewar A. C. [ed.]. Russian war 1854. Baltic and Black sea. Official correspondence. London, 1943 (Publications of the Navy records society. Vol. 83).— «Вопросы истории», 1947, № 4, стр. 128—130.

Рец.: Брагин М. От Москвы до Берлина. М., 1947.— «Знамя», 1947, № 7, стр. 192—194.

1948

Адмирал Ушаков на Средиземном море (1798—1800 гг.). М., Воениздат Мин. Вооруж. Сил СССР, 1948. 240 стр.

История дипломатии, т. 3. Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919—1939 гг.). Рига, Латв. гос. изд., 1948. 883 стр. [Совместно с другими]. (На латыш. языке).

Нахимов М., Воениздат, Мин. Вооруж. Сил СССР, 1948. 111 стр.

Талейран. Изд. 2, перераб. и доп. М.—Л., Изд. АН СССР, 1948. 294 стр.

1812. Campania lui Napoleon i Rusia. Trad. de T. Holban. [București], [1948]. 339 p

Napoleon in Rusland. Vert. door R. van Delft. Amsterdam, De Bezige Bij., 1948. 378 blz.

Napoleonovo tažení na Rus 1812. Přel. E. Kubala. Praha, Naše vojsko, 1948. 372 s. (Živá minulost).

Talleyrand. Przekł. L. Skarżyńskiego. Warszawa, Wiedza, [1948].

Разоблаченные фальсификаторы истории. [К опубликованию ист. справки Совинформбюро «Фальсификаторы истории»].— «Пропаганда и агитация», 1948, № 6, стр. 21—30.

Тризония и Курт Шумахер.— «Новый мир», 1948, № 3, стр. 191—200. Вступительная статья к кн.: Толстой Л. П. Севастопольские рассказы. Ашхабад, 1948. 251 стр. На туркмен. языке.

Предисловие. В кн.: Гарин Ф. А. Изгнание Наполеона. М., 1948, стр. 1—30.

Рец.: Вайнштейн О. Л. Россия и Тридцатилетняя война. 1947.— «Вопросы истории», 1948, № 3, стр. 125—127.

Рец.: Кан С. Б. Два восстания силезских ткачей 1793—1844.— «Вопросы истории», 1948, № 12, стр. 163—164.

Рец.: Кан С. Б. Два восстания силезских ткачей 1793—1844. М.—Л., Изд. АН СССР, 1948. 473 стр.

Рец.: Поршнев Б. Ф. Народные восстания во Франции перед Фривдой (1623—1648). М.—Л., Изд. АН СССР, 1948. 721 стр.

1949

Talleyrand. [Ford. Szöllösy Klára]. Budapest, Franklin, 1949. 234 l. [на венг. яз.].

Русский флот и внешняя политика Петра I. М., Воениздат Мин. Вооруж. Сил СССР, 1949. 129 стр.

Нахимов (1802—1855). Симферополь, Крымиздат, 1949. 115 стр.

Английские фальсификации о начале Крымской войны (обзор лит.).— «Вопросы истории», 1949, № 3, стр. 119—125.

Вторая мировая война в кривом зеркале. [По поводу фальсификации истории Второй мировой войны англо-амер. историографией].— «Большевик», 1949, № 21, стр. 60—70.

Дневник Милютина как исторический источник.— «Вопросы истории», 1949, № 10, стр. 107—110.

Северная война и шведское нашествие на Россию (Реферат доклада).— «Вестник АН СССР», 1949, № 7, стр. 61—63.

Великий сын России.— «Огонек», 1949, № 23, стр. 10—11. О А. С. Пушкине.

Великое, святое дело. [К открытию Всемирного конгресса сторонников мира].— «Новое время», 1949, № 17, стр. 9—10.

Политика мира против политики атомного шантажа.— «Новое время», 1949, № 46, стр. 10—13.

Северо-атлантический пакт.— «Новый мир», 1949, № 5, стр. 270—272.
Рец.: Уолл-стрит — хозяин США. (Вронский Б. П. Борьба прогрессивных и реакционных сил в США. [М.], Госполитиздат, 1949).— «Новый мир», 1949, № 10, стр. 260—262.

Библиография трудов академика Е. В. Тарле.— В кн.: Евгений Викторович Тарле. М.— Л., АН СССР, 1949, стр. 16—61. Составили В. К. Иков и И. М. Асафова.

1950

Крымская война. Изд. 2, испр. и доп. М.—Л., Изд. АН СССР, 1950. Т. 1. 567 стр. Т. 2. 656 стр.

Нахимов. [1802—1855. Изд. 2, испр.]. М., Военмориздат, 1950. 112 стр.

1812. La campagna di Napoleone in Russia. Trad. di A. Lyanowa e E. Villorest. Milano, Corticelli, 1950. 365 p.

La campagne de Russie. 1812. Trad. par M. Slonim. [Paris], Gallimard, 1950. 335 p.

La vita economica dell'Italia nell'eta napoleonica. Torino, Einaudi, 1950. 386 p.

Napoleon. Warszawa, Książka i wiedza, 1950. 544 s.

Napoleon. Přel. E. Kubala. Praha, Naše vojsko, 1950. 441 s.

Napoleonovo tažení na Rus 1812. 3 vyd. Přel. E. Kubala. Praha, 1950. 358 s. (Živá minulost).

Talleyrand. (Aus dem Russ. von D-r R. Ullrich). Leipzig, Koehler u. Amelang, 1950. 274 S.

Talleyrand. [Ford. K. Szöllösy]. [Budapest], Franklin, [1950], 234 l.

Talleyrand. [București], «Cartea rusa», [1950]. 285 p.

Talleyrand. Přel. N. Melniková-Papoušková a R. Schulzová. Praha, Naše vojsko, 1950. 309 s.

Wojny Napoleońskie. In: Jefimow A. i Tarle E. Francuska rewolucja burżuazyjna 1789 r. i wojny Napoleońskie. Warszawa, 1950, s. 144—197.

Evropské diplomatické styky za Napoleona (1799—1814). [Европейские дипломатические отношения при Наполеоне (1799—1814)].—Дějiny diplomacie. [Т.] I. Za red. V. P. Potěmčina. Praha, Svoboda, 1950, s. 250—262.

Vídeňský kongres (Říjen 1814 — červenec 1815). [Венский конгресс (октябрь 1814 — июль 1815)].—Ibidem, s. 263—268.

Od vytvoření Svaté aliance k červenové revoluci (1815—1830) [От создания Священного Союза до Июльской революции (1815—1830)]. — Ibidem, s. 269—272. [Spolu s. A. V. Jefimow].

Od červenové revoluce ve Francii k revolučním převratům v Evropě roku 1848 (1830—1848). [От Июльской революции во Франции до революционных переворотов в Европе 1848 (1830—1848)].—Ibidem, s. 285—298.

Od revoluce roku 1848 do začátku krymské války (1848 — 1853). [От революции 1848 г. до начала Крымской войны (1848 — 1853)].—Ibidem, s. 299—307.

Diplomacie za krymské války a pařížský kongres (1853—1856). [Дипломатия в годы Крымской войны и Парижский конгресс (1853—1856)].—Ibidem, s. 308—324.

Napoleon III a Evropa od pařížského míru do počátku Bismarckovy vlády v Prusku (1856—1862) [Наполеон III и Европа от Парижского мира до начала министерства Бисмарка в Пруссии (1856—1862)].—Ibidem, s. 332—345.

Bismarckova diplomacie za války s Dánskem a Rakouskem (1864—1866). [Дипломатия Бисмарка в годы войны с Данией и Австрией (1864—1866)].—Ibidem, s. 346—356.

Diplomatická příprava prusko-francouzské války (1867—1870). [Дипломатическая подготовка Франко-прусской войны (1867—1870)].—Ibidem, s. 357—367.

Карл XII в 1708—1709 гг. [Из работы: «Шведское нашествие на Россию в 1708—1709 гг.»]— «Вопросы истории», 1950, № 6, стр. 22—56.

Героическое прошлое народов нашей Родины.— «Молодой большевик», 1950, № 18, стр. 18—27.

Годы борьбы за мир.— «Огонек», 1950, № 1, стр. 2—3.

Двадцать второе июня.— «Новое время», 1950, № 25, стр. 13—17.

Пятая годовщина капитуляции Японии. [Историческая справка].— «Огонек», 1950, № 36, стр. 2—3.

Слава русского народа [К 150-летию со дня смерти Суворова].— «Огонек», 1950, № 20, стр. 2—3.

Четырнадцатое декабря. [К 125-летию декабрьского восстания 1825 года].— «Огонек», 1950, № 51, стр. 9—10.

Рец.: Американские геополитики. (Семенов Ю. Н. Фашистская геополитика на службе американского империализма. [М.], Госполитиздат, 1949).— «Новый мир», 1950, № 3, стр. 230—232.

Рец.: Заокеанские гитлеровцы. (Спивак Дж. Л. Американский фашизм. М., Гос. изд. иностр. литературы, 1949).— «Молодой большевик», 1950, № 2, стр. 71—74.

Рец.: Могучий голос борцов за мир («Сторонники мира», журн. 1949—1950).— «Новый мир», 1950, № 6, стр. 265—268.

Рец.: Творцы телеграфа (Вейтков Ф. Л. Рассказ о творцах телеграфа. М., Связьиздат, 1949).— «Знамя», 1950, № 8, стр. 182—183.

Рец.: Трезвый голос американского публициста. (Мейер Г. Д. Неизбежна ли гибель Америки? М., Гос. изд. иностр. литературы, 1950).— «Новый мир», 1950, № 12, стр. 265—266.

1951

Жерминаль и прериаль. Изд. 2, перераб. и доп. М., Изд. АН СССР, 1951. 312 стр.

Krymská válka. Přel. A. Jánký. D.1—2. Praha, Naše vojsko, 1951. D. 1. 599 s. 2. 704 s.

1812. Russland und das Schicksal Europas [Autorisierte Übersetzung]. Berlin, Rütten und Loening, [1951]. 461 S.

Der Brand von Moskau (Aus «1812. Russland und das Schicksal Europas»). Berlin, Rütten und Loening, [1951]. 105 S.

Admirál Ušakov ve Středosemním moři. 1798—1800. Přeložil a rejstříkom doplnil A. Fišer. Praha, Naše vojsko, 1951. 227 s.

Napoleon. 2 vyd. Přel. E. Kubala. Praha, Naše vojsko, 1951. 441 s. (Živá minulost).

[Выступление на Общем собрании Академии наук СССР 16 февраля 1951 г., посвященном избранию академика А. Н. Несмеянова на пост Президента АН СССР].— «Вестник АН СССР», 1951, № 3, стр. 23—24.

К истории антисоветской политики американского империализма.— «Большевик», 1951, № 1, стр. 56—69.

Письмо в редакцию журнала «Большевик».— «Большевик», 1951, № 19, стр. 71—77.

За чтением журнала «Сторонники мира».— «Новый мир», 1951, № 1, стр. 262—264.

Дело мира и социального прогресса непобедимо.— «Молодой большевик», 1951, № 13, стр. 16—21.

Вчера и сегодня (К выходу в свет II тома «Дипломатического словаря»).— «Новое время», 1951, № 9, стр. 27—31.

Недавнее. [По поводу книги: Мурэн М. Мирные попытки во Второй мировой войне 1939—1945 гг. Париж, 1949].— «Новое время», 1951, № 14, стр. 24—28.

Расчеты и просчеты. [Политика империалистических держав в период подготовки Второй мировой войны].— «Новое время», 1951, № 25, стр. 3—5.

Октябрьская революция и капиталистические державы.— «Новое время», 1951, № 45, стр. 3—6.

Урок поджигателям войны.— «Огонек», 1951, № 19, стр. 4.

Вступительная статья. В кн.: Бомье Ж. От Гитлера до Трумэна. Перевод с франц. М., 1951, стр. 5—12.

Послесловие. В кн.: Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 года и контрнаступление Кутузова. М., 1951, стр. 174—179.

Предисловие. В кн.: Ланп Е. Л. Гвардия Мак Кумгала. М., 1951, стр. 3—10.

Рец.: Дневник Д. А. Милютина. Т. 3—4.— «Вопросы истории», 1951, № 8, стр. 126—129.

Рец.: Дипломатический словарь. Глав. ред. А. Я. Вышинский, т. 2. М., Госполитиздат, 1950.— «Вопросы истории», 1954, № 2, стр. 128—138. [Совместно с А. С. Ерусалимским].

Рец.: Прочет американских агрессоров. (Купина А. Е. Провал американских планов завоевания мирового господства в 1917—1920 гг. [М.], Госполитиздат, 1951).— «Новый мир», 1951, № 5, стр. 259—264.

Рец.: Борисов Ю. В. Русско-французские отношения после Франкфуртского мира 1871—1875. М., Гос. изд. полит. лит., 1951. 288 стр.

1952

Nachimow. [Tłum. W. Zawadski]. Warszawa, M.-wo obrony narod., 1952. 126 s.

Războiul Crimeii. Vol. 1—2. București, Ed. de stat pentru lit. științifică, 1952. T. 1. 456 p. T. 2. 602 p.

Warum kämpft die Sowjetunion für den Frieden? Wien, Sowjetischer Informationsdienst, 1952. 23 S.

Речь. В кн.: Третья Всесоюзная конференция сторонников мира. М., 1952, стр. 106—108.

Михаил Илларионович Кутузов — полководец и дипломат.— «Вопросы истории», 1952, № 3, стр. 34—82.

Философы атомной бомбы в раздумье и на распутье. [Обзор амер. журн. «Бюллетень атомистических ученых»].— «Вопросы философии», 1952, № 1, стр. 141—144.

Путь американского империализма — путь войны. [По поводу кн.: Клод А. Куда идет американский империализм. М., 1951].— «Новый мир», 1952, № 4, стр. 278—284.

О границах между возможным и невозможным. [О проекте «Общего договора» западных держав с Германией].— «Новое время», 1952, № 21, стр. 6—8.

Покушение с негодными средствами. [К подписанию «Общего договора» империалистических держав с Зап. Германией].— «Новое время», 1952, № 25, стр. 9—12.

Эксперименты французской реакции.— «Новое время», 1952, № 29, стр. 7—10.

Рец.: О М. И. Кутузове [Кутузов М. И. Сборник документов. Под ред. [и с введ.] Л. Г. Бескровного. Т. 2. М., Воениздат, 1951].— «Военный вестник», 1952, № 11, стр. 57—63.

1953

Germinal und Prairial (Ins Deutsche übertr. von H. Kopenig). Berlin, Rütten und Loening, 1953. 336 S.

Karl XII och Poltava. Stockholm, 1953. 75 s.

Nachimow. [Tłum. z ros. W. Zawadski]. Wyd. 2. Warszawa, M.-wo obrony narodowej, 1953. 98 s.

Talleyrand. Tłum. z ros. Wyd. 2. Warszawa, «Książka i wiedza», 1953. 37 s.

Wojna Krymska. T. 1—2. Tłum. z ros. Warszawa, M.-wo obrony narodowej, 1953. T. 1. 525 s. T. 2. 615 s.

Почему Советский Союз борется за мир? Бейрут, 1953. [На араб. языке].
Почему Советский Союз борется за мир? 1953. [На бенгал. яз.; гуджарати; маратхи; пенджаби; урду; хинди].
Perchè l'Unione Sovietica vuole la pace. Roma, Italia — URSS, 1953.
80 p.

Венгерское крестьянское восстание 1514 года. В кн.: Конгресс венгерских историков, т. 3. Будапешт, 1953, стр. 401—422.

Ватиканская индульгенция империалистическим грешникам [О последнем изд. католич. Кодекса международной морали].—«Новое время», 1953, № 14, стр. 10—14.

Конгресс венгерских историков. [Будапешт, июнь 1953 г.].— «Вопросы истории», 1953, № 7, стр. 74—82. [Совместно с А. М. Панкратовой и П. Н. Третьяковым].

Переяславская рада. (1654—1954).— «Дружба народов», 1953, № 6, стр. 231—242.

Ред.: Первый том сборника документов «П. А. Румянцев». Под ред. П. К. Фортунатова. Т. I. М., Воениздат, 1953. — «Военный вестник», 1953, № 14, стр. 92—96.

Ред.: Третий том документов М. И. Кутузова. (М. И. Кутузов. Сборник документов. Под ред. Л. Г. Бескровного. Т. 2—3. М., Воениздат, 1951—1952). «Военный вестник», 1953, № 7, стр. 57—64.

1954

Germinal und Prairial. Aus d. Russ. v. H. Koplenig. Berlin, Rütten und Loening, 1954. 336 S.

Город русской славы. Севастополь в 1854—1855 гг. М., Воениздат, 1954. 216 стр.

Экспедиция адмирала Д. Н. Спьявина в Средиземное море. (1805 — 1807). М., Воениздат, 1954. 168 стр.

Севастопольская твердыня в 1854—1855 гг.—«Вестник АН СССР», 1954, № 11, стр. 57—60.

Фальсификаторы истории — пособники поджигателей войны. [О замалчивании американской историографией решающей роли Союза ССР во Второй мировой войне].— «Коммунист», 1954, № 9, стр. 122—128.

Франция перед важными решениями. [К прошлому и настоящему франко-германских отношений].— «Международная жизнь», 1954, № 1, стр. 86—92.

Наполеон I.— БСЭ, 2 изд., т. 29. М., 1954, стр. 108—111.

Почему Советский Союз борется за мир? Бейрут, 1954. [На армянском яз.].

Почему Советский Союз борется за мир? 1954. [На тамильском языке].

Почему Советский Союз борется за мир? Дели, 1954. [На языке телугу].

1955

Нахімов (1802—1855). [Перекл. с 2-го рос. вид. П. П. Кошева]. Київ, 1955. 105 стр.

Наша дипломатия [О внешней политике Советского Союза].— «Новое время», 1955, № 3, стр. 11—14.

Ред.: Герцен А. И. Собрание сочинений. В 30 томах. М., Изд. АН СССР, 1955. Т. V. Письма из Франции и Италии 1847—1852. [Ред. Е. В. Тарле. Комментар. Н. Е. Застенкер]. 512 стр.

1956

Місто російської слави. Севастополь у 1854—1855 рр. Київ, «Рад. шк.», 1956. 219 стр.

Talleyrand. Praha, Naše vojsko, 1956. 332 s.

Три экспедиции русского флота [Предисл. А. Н. Молока]. М., Воениздат, 1956. 460 стр. 4 л. портр. Библиогр. стр. 450—459.

Историк-патриот. В кн.: «Дружба». Статьи, воспоминания, очерки об армяно-русских культурных связях. Сост. А. Арзуманян. Ереван, 1956, стр. 241—248.

1957

Жерминаль и прериналь. 3-е изд. М., Изд. АН СССР, 1957. 358 стр.

Наполеон. [Доп. Изд.]. М., Изд. АН СССР, 1957. 467 стр.

Napoléon. [Trad. du russe par J. Champenois]. M., Ed. en langues étrangères, [1957]. 598 p.

Napoleon. Budapest, Gondolat, 1957. 450 l.

Napoléon. Paris, Librairie du Globe, 1957.

Napoleon. Warszawa, Książka i wiedza, 1957. 520 s.

Napoleone. Milano, Corticelli, 1957. 464 p.

Талейран. [Отв. ред. А. С. Ерусалимский]. М., Изд. АН СССР, 1957. 278 стр.

Talleyrand. tłum. T. I. empicki. 3 wyd. Warszawa, Książka i wiedza, 1957. 303 s.

Сочинения. В 12-ти томах. [Ред. коллегия: Н. М. Дружинин, А. С. Ерусалимский (глав. ред.), А. З. Манфред, М. И. Михайлов, М. В. Нечкина, Б. Ф. Поршнев, Ф. В. Потемкин, В. М. Хвостов, О. Д. Фориш. Составители: А. В. Пасевская и А. Г. Чернов. Вступит. статья А. С. Ерусалимского]. Т. 1—12. М., Изд. АН СССР, 1957—1962. 42 т.

Т. I. [Работы 1896—1908 гг.]. Ред. Б. Ф. Поршнев. 1957. XXXIX, 771 стр.

Крестьяне в Венгрии до реформы Иосифа II.— Чарльз Парнель.— Общественные воззрения Томаса Мора в связи с экономическим состоянием Англии его времени.— Английская годовщина 1827—1902 (К семидесятилетиям к столетию со дня смерти Джорджа Каннинга).— Чем объясняется современный интерес к экономической истории.— Ирландия от восстания 1798 года до аграрной реформы нынешнего министерства.— Роль студенчества в революционном движении в Европе в 1848 году.— Рабочие национальных мануфактур во Франции в эпоху революции (1789—1799 гг.).

Т. II. Рабочий класс во Франции в эпоху революции. Ч. 1—2. Ред. А. З. Манфред. 1957. 750 стр., 3 л. илл. Часть текста на фр. яз.

Т. III. Континентальная блокада. I. Исследования по истории промышленности и внешней торговли Франции в эпоху Наполеона I. 1958. 654 стр. Часть текста на фр. яз.

Т. IV. [Работы 1906—1920 гг.]. Ред. А. З. Манфред и Б. Ф. Поршнев. 1958. 767 стр. Часть текста на итал. и фр. яз.

Континентальная блокада. II. Экономическая жизнь королевства Италия в царствование Наполеона I.— Падение абсолютизма в Западной Европе. Исторические очерки.— Была ли екатерининская Россия экономически отсталой страной?— Английский посол и Екатерина 1756—1757 гг.— Печать во Франции при Наполеоне I.— К истории 1904—1905 гг.— Император Николай I и крестьянский вопрос в России по неизвестным донесениям французских дипломатов 1842—1847 гг.— Национальный архив в Париже.

Т. V. [Работы 1925—1927 гг.]. Ред. В. М. Хвостов. 1958. 596 стр.

Военная революция на Западе Европы и декабристы.— Еврона в эпоху империализма. 1871—1919 гг.— Граф С. Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики.

Т. VI. [Работы 1928—1939 гг.]. Ред. Э. А. Желубовская. 1959. 815 стр.

Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства.— Жан-Поль Марат, друг народа.— Крупная стачка шахтеров Рив-де-Жье в 1844 г.— Жерминаль и прериналь.— Донесения Якова Толстого из Парижа в III отделение.— Взятие Бастилии.— Справедливая война Французской революции.

Т. VII. [Работы 1936—1952 гг.].— Ред. М. В. Нечкина. 1959. 866 стр.

Наполеон.— Нашествие Наполеона на Россию.— Французская рево-

люция и Англия.— Предисловие [К книге: Наполеон. Избранные произведения. Т. I. М., Восниздат, 1941].— Михаил Илларионович Кутузов — полководец и дипломат.

Т. VIII. Крымская война. Т. I. Ред. Н. М. Дружинин. 1959. 561 стр.

Т. IX. Крымская война. Т. II. Ред. Н. М. Дружинин. 1959. 628 стр.

Т. X. [Работы 1945—1949 гг.]. Ред. М. И. Михайлов, Б. Б. Кафенгауз и П. И. Павленко. 1959. 878 стр.

Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769—1774).— Адмирал Ушаков на Средиземном море (1798—1800).— Экспедиция адмирала Сенявина в Средиземное море (1805—1807).— Северная война и шведское присутствие на Россию.

Т. XI. [Талейран.— Статьи и рецензии. 1896—1940 гг.]. Ред. А. С. Ерусалимский. 1961. 882 стр.

Т. XII. [Статьи и рецензии. 1941—1955 гг.]. Ред. А. С. Ерусалимский. 1962. 534 стр.

После Полтавы (Из неизданной рукописи).— «Новая и новейшая история», 1957, № 1, стр. 60—74.

Библиография трудов академика Е. В. Тарле. В кн.: «Из истории общественных движений и международных отношений». Сб. статей в память академика Е. В. Тарле. М., 1957, стр. 18—35. Составил В. К. Иков.

1958

Северная война и шведское нашествие на Россию. М., Соцэкгиз, 1958. 480 стр. 7 л. илл. и карт.

Talleyrand. [1754—1838]. М., Ed. en langues étrangères, 1958. 346 стр.

Talleyrand. Trad. dal russo di E. Frisia. Milano, Feltrinelli, 1958. 315 p.

Спогади навчання в херсонській гімназії.— Укр. іст. ж., 1958, № 1, стр. 130—133.

1959

1812 год. М., Изд. АН СССР, 1959. 819 стр.

Germinal et Prairial. М., Ed. en langues étrangères, 1959. 407 p.

Napoléon. [Trad. par J. Champenois. 2e éd.] М., Ed. en langues étrangères, [1959]. 591 p.

Napoleon. Berlin, Rütten und Loening, 1959. 587 S.

Storia d'Europa (1871—1919). Roma, Ed. Riuniti, 1959. XV, 526 p.

Talleyrand. Ford. K. Szöllösi. Budapest, Gondolat, 1959. 265 l.

Венский конгресс (октябрь 1814 г.— июнь 1815 г.). В кн.: История дипломатии. Изд. 2, перераб. и доп. Под ред. В. А. Зорина, В. С. Семенова, С. Д. Сказкина и В. М. Хвостова. Т. I. М., 1959, стр. 493—504.

Европейская дипломатия в годы Крымской войны и Парижский мир. Там же, стр. 642—669.

От Июльской революции во Франции до революционных переворотов в Европе (1830—1848 гг.). Там же, стр. 545—564.

От создания Священного союза до Июльской революции (1815—1830 гг.). Там же, стр. 526—544. [Совместно с А. В. Ефимовым].

Европейская дипломатия от Парижского мира до войны Пруссии и Австрии с Данией (1856—1863 гг.). Там же, стр. 691—710.

Дипломатия Бисмарка в годы войны с Данией и Австрией (1864—1866 гг.). Там же, стр. 711—725.

Дипломатическая подготовка Франко-прусской войны (1867—1870 гг.). Там же, стр. 726—741.

Талейран. В кн.: Талейран. Мемуары. Старый режим. Великая революция. Империя. Реставрация. Ред. Е. В. Тарле. М., 1959, стр. 8—81, 4 вкл. л. портр.

Ред.: Талейран. Мемуары. Старый режим. Великая революция. Империя. Реставрация. М., Изд. Ин-та междунар. отн., 1959. 440 стр.
От редактора. Здесь же, стр. 3—7.

1960

Героическая оборона Севастополя в период Крымской войны 1853—1856 гг. В кн.: История города-героя Севастополя. 1783—1917. [Отв. ред. С. Ф. Найда]. Киев, АН УССР, 1960, стр. 98—199, илл., портр., 3 вкл. л. карт.

Историк-патриот. [И. А. Орбели]. В кн.: «Дружба». Статьи, очерки, исследования, воспоминания, письма об армяно-русских связях. Составитель и автор вступительного очерка Л. Арзуманян. Ереван, Арм. гос. изд., 1960, стр. 263—281.

La classe operaia nella rivoluzione francese. Vol. 1—2. Roma, Ed. Riu-niti, 1960. Vol. 1. 268 p. Vol. 2. 513 p.

Talleyrand. Ed. 2-a rev. Trad. de J. Flavius și A. Ivanovski. [București], ESPLA, Cartea rusă, 1960. 336 p.

Napoleon. Ed. a II-a rev. Trad. de N. Parocescu. București, ESPLA, rusă, [1960]. 527 p.

1961

Значение архивных документов для истории. [Текст статьи подготовлен для печати А. Г. Черновым.]— «Вопросы архивоведения», 1961, № 3, стр. 101—106.

1962

Талейран. М., Изд. АН СССР, 1962. 270 стр., илл.

Статьи, опубликованные в газетах

1936

Исторические параллели (Организация власти в СССР и на Западе). [К проекту Конституции СССР].— «Известия», 1936, 23/VI, 12/VIII, 15/IX.

Испанский народ в борьбе за свободу [Гражданские войны в Испании XIX в.].— «Комсомольская правда», 1936, 16—17/X.

Исторический год [Всемирно-историческое значение проекта Конституции СССР].— «Известия», 1936, 7/XI.

1937

Необходимый постскрипtum. [Царская цензура произведений Пушкина].— «Литературный Ленинград», 1937, 29/I.

Пушкин и европейская политика.— «Известия», 1937, 8/II.

Два заговора [Борьба за власть между придворными и дворянско-буржуазными кругами накануне свержения самодержавия].— «Известия», 1937, 12/III.

Шпионаж и диверсия, как продолжение политики буржуазных государств.— «Известия», 1937, 1/IV.

Фашистские интервенты просчитались.— «Труд», 1937, 1/V.

Вторжение Наполсона.— «Известия», 1937, 3/VII.

Рождение войны.— «Известия», 1937, 1/VIII.

Бородино. К 125-летию.— «Красная звезда», 1937, 2/IX.

О цезарях и о пиратах [Пираты древнего мира и действия современного фашизма на Средиземном море].— «Известия», 1937, 8/IX

1938

Лев Толстой и миссия генерала Балабуева.— «Литературная газета», 1938, 20/III.

Фашистская геополитика и экспансия на Восток.— «Правда», 1938, 10/V.

Значение истории и ее преподавания.— «Ленинградский университет», 1938, 12/V, № 22. [Совместно с другими].

Заметки о книге Клаузевица «1812 год» (М., 1937. 242 стр.).— «Красная звезда», 1938, 20/X.

Рец.: «От предельного самохвальства к предельному позору». Разгром Пруссии армией Наполеона. (К выходу кн. Клаузевица «1806 г.»).— «Правда», 1938, 1/XI.

Уроки истории.— «Известия», 1938, 5/XI.

Освобождение России от нашествия Наполеона. Консультация по военно-историческим вопросам.— «Красная звезда», 1938, 14/XII.

Новое исследование по истории германского шпионажа.— «Ленинградская правда», 1938, 15/XII.

Новые работы по истории. (Беседа с акад. Е. Тарле).— «Рабочая Москва», 1938, 30/XII.

Франция и Центральная Европа.— «Литературная газета», 1938, 31/XII.

1939

Неопубликованные документы по истории Французской революции [1789 г.].— «Правда», 1939, 9/I.

Карл Маркс за изучением всемирной истории. [К выходу V тома «Архива Маркса и Энгельса»].— «Правда», 1939, 26/I.

То же.— «Смена», 1939, 28/I.

Первая мировая империалистическая война (1914—1918 гг.).— «Комсомольская правда», 1939, 9/II.

Про Шевченко.— «Вісті УРСР», 1939, 4/III.

Коммуна и Версаль.— «Правда», 1939, 18/III.

Развертывание второй империалистической войны.— «Ленинградская правда», 1939, 26/III.

Рец.: «Суворов». Новый спектакль в театре им. Пушкина. [Пьеса Бахтерева и Разумовского].— «Смена», 1939, 9/VI.

Французская революция в борьбе с интервентами.— «Литературная газета», 1939, 10/VII.

Борьба с интервенцией. [В эпоху Французской буржуазной революции].— «Правда», 1939, 14/VII.

Осада и взятие Бастилии.— «Известия», 1939, 14/VII.

Французская революция в борьбе с интервентами.— «Комсомольская правда», 1939, 14/VII.

Некролог. О. А. Добиаш-Рождественская.— «Ленинградский университет», 1939, 16/IX, № 30. [Совместно с другими].

Еще о Талейране. [Отклик на ст.: Звавич И. «Мысли по поводу «Талейрана»» («Литературная газета», 1939, 30/VIII)].— «Литературная газета», 1939, 30/IX.

Уроки публицистики. [О публицистических произведениях И. Г. Чернышевского].— «Известия», 1939, 28/X.

Удачная форма.— «Известия», 1939, 23/XII.

1940

Англо-французская дипломатия и Крымская война [1854—1856 гг.].— «Красная звезда», 1940, 3/III.

Англо-французские отношения в период Крымской войны.— «Учительская газета», 1940, 5/III.

Синопский бой. Отрывок из книги «Нахимов». — «На страже», 1940, 4/V.
Достижения советской исторической науки. Беседа с акад. Е. В. Тарле. — «Учительская газета», 1940, 29/IX.

Рец.: Учебник новой истории для средней школы. Ефимов А. В. Новая история. 1789—1870. Учебник для 8-го класса средней школы. М., Учпедгиз, 1940. 238 стр. — «Правда», 1940, 24/XI.

Балтийская кампания 1854 года. Из истории Крымской войны 1853—1854 гг. — «Ленинградская правда», 1940, 17/XII, 18/XII.

«История Крымской войны». Беседа с акад. Е. В. Тарле [о работе над книгой]. — «Комсомольская правда», 1940, 21/XII.

Рец.: «Фельдмаршал Кутузов». [Пьеса В. Соловьева]. — «Правда», 1940, 21/XII.

Исторические книги для детей. [О серии книг, выпущенных Детиздатом]. — «Известия», 1940, 27/XII.

1941

Мемуары Наполеона. — «Красная звезда», 1941, 4/I.

Балтийская кампания 1854 года. — «Красный флот», 1941, 10/I, 11/I.
Дело при Четати [Отрывок из подготовл. к печати книги «Крымская война». — «Красная звезда», 1941, 15/I.

Летопись славы русского флота. — «Красный флот», 1941, 6/II.

Рец.: Диктанты Наполеона. [О кн.: Наполеон. Избранные произведения, т. II]. — «Известия», 1941, 13/IV.

«Наука побеждать». [Историческая роль А. В. Суворова и его инструкция «Наука побеждать»]. — «Правда», 1941, 21/V.

Губители общечеловеческой культуры. — «Правда», 1941, 24/VI.

Почему пала наполеоновская империя. — «Труд», 1941, 4/VII.

Война Отечественная, война освободительная. — «Известия», 1941, 6/VII.

Германский фашизм в петле. — «Красный флот», 1941, 13/VII.

Партизаны Отечественной войны. — «Комсомольская правда», 1941, 6/IX.

Роковой просчет. — «Вечерняя Москва», 1941, 24/IX.

Отечественная война и Октябрьская революция. — «Красная Татария», 1941, 7/XI.

1942

1812—1941/42 гг. [Об отступлении армии Наполеона и поражении германских фашистских войск на Восточном фронте]. — «Литература и искусство», 1942, 1/I.

Тевтонские псы-рыцари и их гитлеровские последыши. — «Правда», 1942, 5/VI.

Первое августа [1941 г.]. — «Известия», 1942, 1/VIII.

Александр Суворов. — «Правда», 1942, 2/VIII.

Коалиционные войны. — «Правда», 1942, 9/X.

1943

Крупнейшее поражение германской армии. — «Правда», 1943, 4/II.

Русские победы и их историческое значение. — «Московский большевик», 1943, 19/II.

«Канни» обернулись против Германии. — «Красная звезда», 1943, 20/II.

Кара будет полной. — «Комсомольская правда», 1943, 18/III.

Мемуары Армана де Коленкура. — «Известия», 1943, 21/III.

Великий русский полководец. [М. И. Кутузов]. — «Красная звезда», 1943, 28/IV.

Рец.: Образы прошлого. [Роман Е. Ланна «Старая Англия»].— «Литература и искусство», 1943, 14/VIII.

Полтава.— «Правда», 1943, 24/IX; «Труд», 24/IX.

Неизбежный перелом.— «Правда», 1943, 14/XI.

Адмирал Нахимов. Боевые традиции русских флотоводцев.— «Красный флот», 1943, 10/XII.

1944

Величайший триумф.— «Правда», 1944, 28/I.

Могущество Советского государства.— «Вечерняя Москва», 1944, 3/II.

«Кутузов». [Кинофильм].— «Правда», 1944, 15/III.

Ворота в Берлин.— «Труд», 1944, 4/VII; «Московский большевик», 4/VII.

Русские прусских всегда бивали.— «Правда Украины», 1944, 20/VIII.

Рец.: «Малахов курган». [С. Григорьев. «Малахов курган». М.— Л.,

Военмориздат, 1944].— «Красный флот», 1944, 13/IX.

Брешь в логово фашистского зверя пробита!— «Труд», 1944, 24/X.

Русские прусских всегда бивали.— «Красный флот», 1944, 24/X.

1945

Великая минута! — «Московский большевик», 1945, 15/II.

Наша освободительница.— «Красный флот», 1945, 23/II.

Кара злодеям!— «Красный флот», 1945, 28/II.

Конец немецкому бахвальству.— «Красная звезда», 1945, 3/III.

Смертельный удар по хищному пруссачеству.— «Красный флот», 1945, 10/IV.

Вена. [Историческая справка].— «Красная звезда», 1945, 14/IV.

Возмездие.— «Московский большевик», 1945, 29/IV.

Кутузов как государственный деятель, дипломат.— «Известия», 1945, 21/IX.

Михаил Илларионович Кутузов.— «Комсомольская правда», 1945, 22/IX.

Знаменательная дата (к 185-летию первого вступления русской армии в Берлин).— «Красная звезда», 1945, 10/X.

Роль Советского Союза в современном мире.— «Правда Украины», 1945, 13/XI.

1946

Наш редактор и соавтор. [В. П. Потемкин] (Подписи: Е. Тарле, А. Панкратова, С. Бахрушин).— «Учительская газета», 1946, 27/II.

По поводу речи Черчилля.— «Известия», 1946, 12/III.

Международные отношения после второй мировой войны.— «Красный флот», 1946, 19/III.

Девятое мая.— «Красная звезда», 1946, 9/V; «Правда Украины», 1946, 9/V.

Уроки войны.— «Красная звезда», 1946, 22/VI.

Третье сентября.— «Красная звезда», 1946, 3/IX.

На страже мира.— «Ленинградская правда», 1946, 17/XI.

250 лет Указа Петра I о строительстве флота.— «Красный флот», 1946, 30/XI.

1947

Адмирал Нахимов (фильм. Сценарий И. Луковского).— «Вечерний Ленинград», 1947, 12/I.

Об английских радиопередачах на русском языке.— «Культура и жизнь», 1947, 20/II.

Единство или федерализация? (К вопросу о государственном устройстве Германии).— «Известия», 1947, 23/III.

Будущее Германии и безопасность Европы.— «Известия», 1947, 1/IV.

Большая заслуга советского народа.— «Гудок», 1947, 9/V.

Большая заслуга Советского Союза перед историей человечества.— «Труд», 1947, 9/V.

9 мая.— «Красный флот», 1947, 9/V.

9 мая.— «Учительская газета», 1947, 10/V.

За мир, достойный великой Победы.— «Красная звезда», 1947, 9/V.

Решающая роль Советского Союза в спасении человеческой цивилизации.— «Коммунист» (Ереван), 1947, 15/V; «Правда Востока», 17/V; «Советская Литва», 15/V; «Туркмен. искра», 27/V; «Советская Молдавия», 22/VI.

Москва и защита Родины.— «Известия», 1947, 6/IX.

«Американские идеалы» и идеальные фальсификации.— «Литературная газета», 1947, 15/XI.

1948

Борьба за мир и демократию.— «Известия», 1948, 1/I.

На пороге Нового года.— «Советская Литва», 1948, 1/I; «Советская Эстония», 1/I; «Туркменская искра», 1/I.

Конец балканской «пороховой бочки».— «Литературная газета», 1948, 24/I.

Летописи русской славы.— «Известия», 1948, 12/II.

Дело Коммуны живет!— «Литературная газета», 1948, 17/III.

«Священный союз» 1948 года.— «Литературная газета», 1948, 14/V.

Остановить руку палачей греческого народа. [Протест против казни греческих демократов].— «Ленинградский университет», 1948, 26/V, № 20. [Совместно с другими].

О «Дипломатическом словаре».— «Правда», 1948, 14/VI.

Андрэ Моруа—историк.— «Литературная газета», 1948, 19/VI.

1949

Новое о Лермонтове. [По материалам «Литературного наследства» (№ 45—46)].— «Литературная газета», 1949, 26/III.

Защита мира — дело всех народов мира.— «Известия», 1949, 1/V.

Героическая страница русской истории.— «Вечерняя Москва», 1949, 7/VII.

В борьбе за мир.— «Известия», 1949, 9/VII.

Полтавская победа.— «Красный флот», 1949, 8/VII; «Литературная газета», 9/VII (в разных редакционных вариантах).

Первое августа 1914 года. [К 35-летию первой мировой войны].— «Баккинский рабочий», 1949, 1/VII; «Казахстанская правда», 31/VII; «Коммунист» (Ереван), 31/VII; «Правда Востока», 31/VII; «Советская Белоруссия», 31/VII.

Первое августа 1914 года. К 35-летию первой мировой войны.— «Заря Востока», 1949, 2/VIII; «Коммунист Таджикистана», 2/VIII; «Советская Киргизия», 2/VIII; «Советская Латвия», 2/VIII; «Советская Литва», 2/VIII; «Советская Эстония», 2/VIII; «Туркменская искра», 2/VIII.

«Европейский совет» и франко-германские отношения.— «Известия», 1949, 11/IX.

Второе октября 1949 года.— «Известия», 1949, 2/X.

Поджигателям войны не удастся запугать свободолюбивые народы.— «Труд», 1949, 2/X.

У истоков империалистической агрессии. [О книге А. С. Ерусалимского «Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века»].— «Литературная газета» 1949, 10/XII.

1950

- Два мира — два итога.— «Известия», 1950, 1/1.
Три исследования.— «Литературная газета», 1950, 4/1. [Советская наука в 1950 году. Заметки ученых].
За мир!— «Труд», 1950, 22/III.
От Парижа до Стокгольма.— «Литературная газета», 1950, 22/III.
История и современность. [О повести Г. Гулла «Черные гости»].— «Литературная газета», 1950, 8/IV.
Мюнхен в новом издании. [О политике правящих кругов Франции].— «Литературная газета», 1950, 19/IV.
9 мая.— «Красная звезда», 1950, 9/V.
Новое детище «тотальной дипломатии». [Американская программа милитаризации Западной Европы].— «Труд», 1950, 21/V.
Народы мира обуздают агрессоров! [К событиям в Корее].— «Правда», 1950, 13/VII.
Против американской кровавой авантюры в Корее.— «Красный флот», 1950, 19/VII.
Место ученого — в рядах борцов за мир. [Открытое письмо зарубежным ученым].— «Правда», 1950, 27/VII.
Дух Потсдама и дух агрессии.— «Труд», 1950, 17/VIII.
Палачи и их лакеи. [О зверствах американских агрессоров в Корее].— «Труд», 1950, 27/VIII.
Чувство негодования. [Выступление на вечере в МГУ, посвященном борьбе за мир].— «Московский университет», 1950, 23/IX, № 49, портр.
Дипломатия мира. [Предложения делегации СССР на сессии Генеральной ассамблеи ООН].— «Литературная газета», 1950, 26/IX.
Благочестивые излияния и черные дела. [По поводу выступлений Трумэна о внешней политике США].— «Труд», 1950, 26/X.
Во имя мира и безопасности народов.— «Московская правда», 1950, 4/XI.
Мы не обороняемся, а наступаем.— «Труд», 1950, 12/XI.
Народы обуздают поджигателей войны!— «Труд», 1950, 17/XI.
Советский Союз — авангард армии мира.— «Известия», 1950, 17/XI.
Новое о М. И. Кутузове. [О сборнике «М. И. Кутузов» Документы].— «Красная звезда», 1950, 2/XII.
«Флаг адмирала». [Пьеса А. Штейна о Ф. Ф. Ушакове в Центральном театре Красной Армии].— «Правда», 1950, 8/XII.
Два лагеря.— «Вечерняя Москва», 1950, 31/XII.

1951

- Крупнейший советский востоковед. Памяти И. Ю. Крачковского.— «Ленинградский университет», 1951, 8/II, № 5, портр. [Совместно с другими].
Рец.: Никулин Л. Россия верные сыны. М., Советский писатель, 1950.— «Правда», 1951, 14/II.
По бесславному пути Лиги Наций.— «Труд», 1951, 21/II.
Интервенты на пути к поражению.— «Литературная газета», 1951, 1/III.
Советский Союз — во главе прогрессивного человечества.— «Вечерняя Москва», 1951, 14/III.
«От Гитлера до Трумэна». [О книге Ж. Бомье].— «Труд», 1951, 18/III.
Хьюлетт Джонсон.— «Литературная газета», 1951, 14/IV.
За кулисами мюнхенской сделки. [О мемуарах бывшего гитлеровского дипломата Э. фон Вейцекера].— «Труд», 1951, 17/IV.
В авангарде борьбы за мир.— «Вечерняя Москва», 1951, 1/V.
Ми в тиши, хто за мир.— «Рад. Укр.», 1951, 1/V.
Поучительные уроки претендентам на мировое господство.— «Заря Востока», 1951, 22/VI; «Казахстанская правда», 22/VI; «Ленинское знамя»

(Петрозаводск), 22/VI; «Советская Белоруссия», 22/VI; «Советская Киргизия», 22/VI; «Советская Латвия», 22/VI; «Советская Литва», 22/VI.

Торжество правого дела.— «Труд», 1951, 22/VI.

О прошлом и настоящем. [Англо-советские отношения. Статья, опубликована в журнале «Новости», № 1].— «Известия», 1951, 18/VII.

Рец.: Андроников И. Л. Лермонтов. М., «Сов. писатель», 1951.— «Литературная газета», 1951, 8/XII.

1952

Идеи мира восторжествуют.— «Труд», 1952, 1/I.

Народы мира в борьбе за мир.— «Социалистическое земледелие», 1952, 1/I.

Виктор Гюго. К 150-летию со дня рождения великого французского писателя.— «Пионерская правда», 1952, 26/II.

Остановить руку американских убийц!— «Известия», 1952, 26/III.

Победители и побежденные. [Обострение противоречий в лагере империализма].— «Труд», 1952, 23/X.

Міжнародні становище і наші великі роковини.— «Рад. Укр.», 1952, 6/XI.

1953

Вопреки здравому смыслу [Фальсификация исторических фактов американской буржуазной историографией].— «Литературная газета», 1953, 24/I.

Возвратись на Родину. [Впечатления о конгрессе венгерских историков].— «Литературная газета», 1953, 2/VII.

Заговор против человечества. [Шпанов Н. Н. Заговорщики. Роман. Илл. А. Васи. Новое перераб. и доп. изд. Кн. 1—2. М., «Молодая гвардия», 1952].— «Правда», 1953, 19/II.

Перед рассветом. [Севунц Г. Тегеран. Роман. Кн. 1—2. Авториз. пер. с арм. А. Садовского и А. Тадеосян. М., «Советский писатель», 1952].— «Правда», 1953, 4/VI.

Правдивый рассказ о русском герое. [Раковский Л. О. Адмирал Ушаков. Роман. Илл.: Ю. Непрланцев. Л., «Молодая гвардия», 1952].— «Литературная газета», 1953, 12/IX.

Фильм о славе русского флота. [«Корабли штурмуют бастионы»] — «Литературная газета», 1953, 10/X.

1954

Рец.: «Семьдесят два дня».— «Пионерская правда», 1954, 7/V.

Уроки истории.— «Литературная газета», 1954, 31/VII.

Поворотный пункт в истории Европы.— «Известия», 1954, 6/X.

Несокрушимая стена.— «Советский флот», 1954, 17/X.

Пример героизма и мужества.— «Правда», 1954, 17/X.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абаза А. А. 338
 Август III 128, 139
 Аддисон 83
 Аденгаур К. 319, 321, 339, 350, 369, 386, 388
 Адлерберг 330
 Адрианов 436
 Аксаков П. 280, 282
 Александр Баттенбергский 258
 Александр Македонский 12, 52, 112, 125, 126, 249
 Александр Невский 46—48, 52, 58, 68, 288
 Александр I 85, 86, 232, 233, 250, 413—415, 417, 418, 444, 466, 467, 469—471, 484, 485
 Александр II 219, 279, 323—327, 333, 335—337
 Александр III 278, 323, 332—338
 Александр, югославский король 95, 208, 384
 Александр Обренович 259
 Алексей Михайлович 123, 124, 153
 Альберт, принц-консорт 269
 Альбрехт Медведь 45, 51
 Анабара С. 194
 Андерс 216
 Андраши 324
 Андреев Н. И. 435, 485
 Андроников П. 292
 Аничков 278
 Анкеритерн 127—129
 Анна, королева английская 82, 83, 137, 151
 Анна Ивановна 83, 154
 Антонеску П. 204
 Апраксин А. 157
 Апраксин П. М. 128—130, 138, 139, 144—147, 152, 170, 177—180, 188, 191, 197, 200, 482, 483
 Араки 223, 224
 Аракчеев А. А. 415
 Астор 343
 Атласов В. 194, 483
 Ачесон Д. Г. 283, 302, 308, 312, 319—322, 348, 363, 365, 366, 368, 369
 Багговут 419, 425, 434, 437, 446, 451, 472, 473
 Багратион П. П. 79, 102, 251, 408, 409, 411, 412, 418, 419, 421, 424, 425, 427—438, 443, 445, 447, 448, 455, 462, 467, 472, 473, 484
 Байе А. 113
 Бакланов Я. П. 230
 Бакуши М. А. 244
 Балашев 415
 Бальфур А. Д. 60
 Балюз, де 131, 134, 479, 480
 Баранов Э. Т. 336
 Барант К., де 292—295
 Барант Э. 293, 294
 Барклай де Толли М. Б. 80, 102, 408—412, 418, 419, 425, 429, 444, 444, 449, 450, 459, 465, 472, 473, 485
 Баррес М. 368
 Барту Л. 95, 108, 208, 224, 297, 384
 Барух Б. 308
 Бассевич 169, 176
 Бах П. С. 390
 Бебель А. 244, 390
 Бевин Э. 211, 260, 283, 322, 343, 344
 Бек 297
 Бекевич-Черкасский 189
 Белинский В. Г. 284, 289, 293, 295, 406, 484
 Бессла 342
 Белокуров С. А. 485
 Бенкендорф А. Х. 287, 292—294
 Беннингсен Л. Л. 102, 417, 419, 430, 431, 463, 475
 Берг Л. С. 483
 Бережков В. 301
 Беринг В. 189, 194, 195, 483
 Бернадот Ж. Б. 207
 Бернгард Г. 90
 Берндорф 153
 Беррийский К. Ф., герцог 136
 Бертье Л. А. 86, 103, 430, 451, 455—458
 Берхгольц Ф. В. 182, 184, 482
 Бессьер Ж. Б. 413, 451, 452

Бестужев-Рюмин К. Н. 228
Бетховен Л. 390
Бехер Н. 320
Бивербрук, лорд 342
Бидо Ж. 256
Циконсфильд Б. (Дизраэли) 33, 282, 318, 324
Бирнс Дж. Ф. 255
Бисмарк О. 45, 54, 55, 109, 219, 258, 279, 280, 282, 323—326, 335, 360, 484
Блейхредеры 54
Блюм Л. 110, 112, 208, 257, 298
Богданов 2-й 425, 426, 436, 437, 439, 440, 443, 448, 450, 455, 472, 485
Богданович М. П. 425, 485
Боголюбов 328
Бойль 132, 479
Болдуин С. 296
Болингброк Г. С. Д. 82, 137
Волотников Н. П. 380
Больт 304
Бомье Ж. (Baumier J.) 346—350
Бонами 447, 449
Бонапарт, см. Наполеон I
Бонгеффер 342
Бонне Ж. 353
Боннер-Смит Д. (Bonner-Smith) 235, 237
Борг В. 39
Боричевский И. 294
Ворлей, лорд 70
Вороздин 425
Воцис П. Ф. 144
Врант К. 117
Бриан А. 384
Бродский П. 295
Брокевилль де 240
Брофи 318
Бруннов Ф. П. 271
Брэдли О. 302, 319, 348
Брюшнинг Г. 223
Брюс Я. 163, 180, 181
Булгаков А. Я. 484
Булгаков Я. И. 67
Буллит У. К. 396
Буоль, фон 32, 268
Бура-Комаровский 245
Бурбоны 20, 21, 31
Буриан 98
Бурмин 435
Бутенко В. А. 105
Бутурлин И. И. 119, 198
Бутурлин 433, 485
Буш 215
Быков Н. 194
Бычков А. Ф. 483

Бэкон Ф. 358
Бюлов Б. 220
Бюре Э. 109, 112, 113

Вайтц 51

Валеру де 313
Валуев П. А. 280, 323, 330, 331, 333—336, 481
Ванденберг А. 246, 254, 344
Василса, см. Кожина В.
Васильчиков 268
Ватранг 145—148
Вейган 240, 296
Веймарн, фон 264
Вейсброд Л. 140, 143, 480
Веллингтон А. У. 72, 269, 271
Верещагин В. В. 324
Вержени Ш. Г. 161
Вернон П. 274
Веселаго Ф. 480—483
Веселовский 179
Виктория, королева английская 269
Вильгельм I 45, 54, 219, 323, 325, 326, 481
Вильгельм II 97, 280
Вильгельм III Оранский 123—125, 375
Вильгельм Вид 259
Вильсон В. 91, 98, 299
Вильсон Р. 232, 417
Вильстер 189, 195—197
Вилэн 247
Виноградов П. Г. 104
Винцегроде 475
Виппер Р. Ю. 105
Вистцкий 411
Витворт Ч. (Whitworth) 130—132, 134, 137, 140, 142, 161, 162, 176, 479—481
Витгенштейн П. Х. 409, 412, 484
Вишняков П. А. 319
Владимир, великий князь 336
Волкопский П. М. 466
Вольцоген Л. Ю. 444, 445, 465, 475
Вольнский А. П. 83
Воронцов М. С. 429, 432, 442
Вреде К. Т. 12
Вюртембергский А. 437
Вяземский П. А. 285

Габсбурги 259, 380

Гагарин Г. 295

Галифакс Э. Ф. В., лорд Ирвин 343, 344, 353

Гамбетта Л. 90

Гамсун К. 284

Гашинбал 88, 89, 289

Гарден М. 92

- Гарибальди Д. 20, 22, 24, 25, 226
 Гарриман У. А. 302
 Гартман 344
 Гаспери, де 255, 257
 Гастелло Н. Ф. 305
 Гаусгофер К. 45, 51
 Гейден 326
 Гельферих, фон 382
 Гендерсон Н. М. 209, 266, 268—272, 352, 353
 Генрих VIII 316
 Генрих Лев 45, 51
 Георг I 150, 152, 154, 155, 164, 165, 167, 168, 170, 172, 179, 182, 481
 Георг V 357
 Гервинус 51
 Гергезель 221
 Герострат 79
 Герц 163, 164, 166
 Герцен А. И. 16, 23, 25, 26, 124, 244, 284, 296, 336, 381
 Геруа А. 431, 485
 Герштейн Э. 292, 294
 Герье 104
 Гете И. В. 390
 Гиллембург 163
 Гинденбург П., фон 91
 Гиндин М. 100, 103
 Гирс Н. К. 335
 Гладстон В. Э. 226, 318
 Глинка С. 80, 445, 485
 Глинка Ф. 80, 485
 Гнейзенау А. В. А. 87
 Гогенлоэ М. 342
 Гогенцоллерны 62, 259, 325, 383, 387
 Годунов Б. 287
 Голенищев-Кутузов М. И., см. Кутузов М. И.
 Голиков Н. И. 482
 Голицын Д. М. 125
 Голицын М. М. (1675—1730) 144
 Голицын М. М. (1681—1764) 180, 200
 Голицын, генерал-лейтенант 433
 Головкин Г. И. 162, 381
 Гордоп П. 119
 Горчаков А. И. 484
 Горчаков А. М. 279, 281, 282, 323, 326, 334
 Гофман М. 59, 97
 Грановский Т. Н. 28, 33, 103, 104, 336
 Гревс И. М. 105
 Грей Э. 383
 Греков Б. Д. 381
 Гровер 365
 Груши Э. А. 443, 469
 Гувер Г. К. 214, 246, 254, 302, 310, 344
 Гугенберг 384
 Гудерман 339
 Густав-Адольф 125, 147, 480
 Гуссейн 192
 Гюбнер 32
 Гюго В. 36, 94, 252
 Даву Л. Н. 89, 429, 432, 433, 435, 437, 439, 453, 458, 467, 470
 Давыдов Д. В. 37, 78, 79
 Даладьё Э. 110, 208, 209, 241, 259, 353
 Даллес А. 342—344
 Даллес Дж. Ф. 246, 254, 308, 320, 342, 364, 386
 Дантес Ж. III. 291—295
 Дарний 126, 249
 Дарю П. А., де 407
 Даф-Купер 231
 Даффи Ч. Г. 314
 Деа 341
 Де Голль Ш. 95, 112, 256
 Дежнев С. 194
 Делафлиз 484
 Дельвиг А. И. 281
 Дельзон 425
 Демосфен 356
 Деппей 194
 Дерби Э. Г. 33, 318, 358
 Дерулед П. 368
 Десур А. (Dewar A. C.) 235, 237
 Дешаррье 185
 Джефферин 335
 Джеффрис Дж. 134, 165—169, 171, 173—176, 480, 482
 Джойс 344
 Дибич И. И. 87
 Дизраэли Б., см. Биконсфильд
 Диккий А. 101, 102
 Диккенс Ч. 213
 Диллон Дж. 314, 316
 Добнаш-Рождественская О. А. 105
 Добролюбов Н. А. 20, 21, 23, 30, 296
 Довгалева И. 301
 Домгороукова, княгиня 279, 280
 Долгорукий В. Л. 156, 480
 Дондас Дж. 235, 237, 238
 Достоевский Ф. М. 214, 338
 Дохтуров Л. С. 412, 419, 421, 425, 434, 437, 439, 443, 446—448, 451, 459, 471—473
 Драгомиров 80
 Дрентельн 329, 331
 Дуглас 156
 Дьюн Дж. 254, 310, 363
 Дэвис Дж. 25
 Дэвис Т. 314
 Дюбуа Ж. П. 42, 43, 209
 Дюкло Ж. 371
 Дюма М. 457

- Дюмурье Ш. Ф. (Мурье) 264
 Дюрюк М. Ж. 451
- Евгений Богарне 421, 423—425, 429, 439, 443, 445, 455, 457, 461, 462
 Евреинов И. 194, 195
 Егоров В. 100, 103
 Егоров Д. Н. 105
 Егоров М. 100
 Екатерина Ивановна 154
 Екатерина II 55, 65, 71, 193, 234, 288, 355, 356
 Елена Павловна, великая княгиня 272
 Елизавета Петровна 71
 Елизавета Тюдор 70
 Ермолов А. П. 408—410, 440, 446, 449, 450, 484
 Ефимов А. В. 483
 Ешевский 104
- Жантнев Д. 301
 Желябов А. И. 337
 Жерар Б. 375
 Жерар М. Э. 443
 Жером Бонапарт 406
 Жолно-Кюрия Ф. 309
 Жолкевский 249
 Жорес Ж. 247
 Жубер Б. К. 66, 265
 Жуковский В. А. 409
 Жюно (герцог д'Абрантес) 429, 433
- Зайончковский П. А. 332
 Закарнадзе С. 102
 Засекин 198
 Засулич В. И. 328, 329
 Зейдель И. 483
 Зервас 245, 255
 Зибель 51
 Зиберт, фон 56
 Змаевич 146
 Зомбарт В. 61
 Зубов В. 67, 233
- Иван III 291
 Иван Грозный 291
 Иден А. 74, 341, 342, 365, 366
 Имам Кули Бек Курпи 192
 Инукаи 223
 Истомин В. И. 76, 268
- Кавелин К. Д. 23
 Кавур Б. К. 20—23
 Калужский Е. 103
 Кампредон М. 180, 184—186, 188, 482
 Канробер Ф. С. 76, 238, 356
- Кареев Н. И. 104
 Карл II 82
 Карл V 69, 70
 Карл XII 81, 124—134, 136, 137, 139, 141, 147, 149, 151—153, 154, 162, 163, 166, 171, 176, 178, 249, 482
 Катогаи 162
 Квислинг В. 309
 Квитницкий 279
 Кевер Г., фон 342
 Кеннан Дж. 348
 Кинглек А. У. 27, 29, 30, 272, 275
 Кисслев 196
 Клапареди 432
 Кларендон Дж. У. Ф. 230, 274, 275
 Клаузевиц К. 40
 Клейст, фон 89
 Ключевский В. О. 228
 Книппгаузен, фон 162
 Коббет У. 87
 Кобден Р. 271
 Ковалевский М. М. 104
 Ковальский И. М., 329
 Ковач Б. 257
 Кожин А. И. 189
 Кожина В. 37
 Козыревский И. 194
 Коленкур, де А. О. Л., герцог Ви-ченецский 84—87, 451, 452
 Коленкур О. Ж. Г. 443, 444, 447, 451
 Колльиньон 280
 Колычев 265
 Комаров В. Л. 92, 93
 Компан 428, 429
 Конант 322
 Коновницын 251, 419—421, 429, 433, 437, 438, 447, 448, 451, 459, 461, 471
 Константин Константинович 281
 Константин Николаевич 236, 278, 280, 334—336
 Корнилов В. А. 76, 237, 268
 Корф 441
 Косминский Е. А. 105
 Космодемьянская З. 305
 Краппицкий (Степняк) С. М. 331
 Краевский А. 295
 Крассау 137
 Крупп А. 388
 Крюйс К. И. 127, 130, 140, 144, 155, 160, 188, 198
 Кудрявцев 104
 Кулипер А. С. 403, 484
 Кульпер Я. П. 79, 80
 Куракин Б. И. 136, 137, 141, 142, 148, 157, 162, 172, 177, 480, 481

- Куракин Ф. А. 480—482
 Кутайсов А. П. 437, 446, 453, 456
 Кутузов М. П. 59, 68, 72, 79, 80, 86, 87, 100—102, 232, 251, 263, 265, 266, 408—434, 437—439, 441—443, 445, 447, 449, 450, 452, 453, 455, 456, 458—460, 462—475, 483—485
 Кухарский П. Ф. 31, 33
 Кьяпи Ж. 93
 Кэстльри Г. Р. С. 87

 Лаваль П. 42, 93—95, 108—110, 204, 208
 Лави 141, 158—160, 480, 481
 Лавровский В. М. 105
 Лагардель 93
 Лагари Ф. С. 417, 484
 Лалор Дж. 315
 Ланге 283
 Ланглау 229
 Лани Е. Л. 81, 82, 84, 312, 313, 317, 318, 483
 Ланской С. С. 334
 Лапко-Данилевский А. С. 228
 Ласси 170, 181
 Латур-Мобур 444, 455
 Лауренс Дж. (Лоренс), лорд 207
 Лауренс (Лоуренс) 167, 274, 327
 Лауренс 367, 368, 370
 Лаффит Ж. 319
 Лебедев П. П. 92
 Левенгаупт А. 126, 249
 Леопольд I 124
 Лермонтов М. Ю. 33, 34, 291—296
 Лесгафт П. Ф. 93
 Лефорт Ф. Я. 120, 146
 Лещинский Станислав 136
 Либкнехт К. 244, 302
 Лиллешител И. 180
 Лиллье 146
 Лийдберг Ч. 108
 Липкольн А. 26, 214
 Липшман У. 243, 302
 Липрауди П. П. 444, 485
 Лихачев 414, 443, 445, 449, 450
 Лихновский К. М. 383
 Ломдэль К. 362
 Лорис-Меликов М. Т. 278, 331, 333—338
 Лористон А. Ж. Б. 103, 470
 Лужин Ф. 194, 195
 Лучицкий П. В. 104
 Луссель 209
 Любекер 128—131
 Любенков Н. 454, 485
 Людендорф 41, 61, 91, 98, 204, 240
 Людовик XIV 70, 71, 81, 82, 123—125, 131, 132, 134—136, 141, 143, 160
 Людовик XV 71, 184
 Люксембург Р. 302

 Мадлен Л. 438, 470, 475, 485
 Мазена И. С. 130, 131, 136
 Майдель 127
 Майер 295
 Майков Л. П. 482
 Макартур Д. 310, 320, 339
 Макдональд А. 265
 Макдональд Д. Р. 296
 Макино 223
 Макклой 320
 Маккормик Дж. 344
 Мак Манус А. 315
 Маков 331, 336
 Макс Баденский 98
 Мальборо, Черчилль Дж. 71, 82, 137, 250
 Мальборо, герцогиня 82
 Манну 245
 Мануйлов В. 295
 Манштейн 348
 Мардефельд 167
 Мария Николаевна 292
 Марке Карл 12, 25, 27, 32, 104, 115, 244, 306, 314, 316—318, 390, 483
 Марр Н. Я. 394, 392
 Мартин Деннис 386
 Мартышов Н. 295
 Маршалл Дж. А. 254—256, 260, 261, 302
 Марэ Г. Б., герцог Бассано 469
 Матвеев А. А. 137, 249, 250
 Матюшкин М. А. 193
 Матьез А. 107
 Маццини Д. 20, 22
 Межницкий С. 102
 Мезенцов Н. В. 328—331
 Мейер Г. Д. 301—303
 Мекензи Дж. 149—151
 Мекленбург-Шверинский К.-Л., герцог 154
 Мекленбургский, принц 442
 Меншиков А. Д. 134, 149, 157, 180, 188
 Менишков А. С. 273, 275, 276
 Меттерних К. В. 14, 245, 396
 Мигер 315
 Милан Обренович, сербский король 258, 259
 Милорадович М. А. 411—413, 436, 441, 453, 459, 473
 Мильеран А. Э. 109, 240
 Милютин Д. А. 277—282, 323—339, 484
 Милютин Н. А. 278, 334

- Млини К. 288
 Митрофанов П. П. 105
 Митчел Дж. 314—316
 Михаил, великий князь 336
 Михаил Павлович, великий князь 292
 Михаил Федорович 125, 187
 Михайлович 204, 215
 Михайловский-Данилевский А. П. 441, 443, 460, 485
 Мишле Ж. 18
 Мольтке Г., фон 39, 90, 244, 326
 Моммсен Т. 51
 Монбрен 443, 444, 447, 455
 Моппи А. 95
 Моран 443
 Морфиль, де 185, 482
 Морган К. 319
 Морган 196, 198
 Мордвинов Д. С. 278
 Морин Ш. О. Л. Ж. 29, 30
 Моро Ж. В. 265
 Моррас Ш. 247
 Мортге Э. А. 420
 Мур Дж. 72
 Муравьев М. Н. 278
 Муравьев Н. Н. 230
 Мурэп М. (Mourin M.) 339, 340, 342—345
 Мушавер-паша 32
 Мэтьюс 302, 348—350
 Мурат И. 429, 432, 435, 439, 442, 444, 448, 451—453, 458, 467
 Мясной 196

 Набоков 331
 Нагиба И. 194
 Надь Ф. 257
 Наполсон I Бонапарт 11—18, 31, 35—38, 44, 55, 58—60, 64, 68, 71, 72, 78, 84—87, 89, 90, 100—103, 228, 232, 247, 250—252, 265, 266, 285, 286, 325, 403—411, 413—417, 419—429, 432, 433, 435—448, 450—458, 460—473, 475, 484, 485
 Наполсон II, герцог Рейхштадтский 31
 Наполеон III, Луп-Наполеон Бонапарт 21, 22, 24, 27—32, 45, 94, 109, 214, 219, 230, 231, 267, 331
 Нартов 188, 482
 Нарышкин 415
 Паседкин М. 194
 Наталья Кирилловна 117, 118, 151
 Нахимов П. С. 76, 237, 268, 273
 Неворовский 429, 432, 435, 442, 467
 Невштательский (князь), см. Бертье Л. А.
 Ней М. 58, 89, 429, 432, 433, 435, 437, 439, 453, 467
 Некрасов П. А. 278
 Нельсон Г. 232
 Непир Ч. 235—237
 Пессельроде К. В. 32, 270, 271, 293—295
 Пессельроде, графиня 293
 Нидерхаузер Э. 381
 Низами 393
 Николай I 28, 30—33, 55, 104, 230, 267—273, 276, 287, 290—292, 294
 Николай Константинович 281
 Николай Николаевич 281, 282, 324
 Шкульчепков К. 479
 Шмейер 321
 Повиков Н. В. 148, 480
 Поградн Ш. 381
 Норрис Дж. 152, 161, 164, 165, 170, 171, 177—182, 200, 481

 О'Брайн С. 314, 315
 Обручев П. П. 327
 Оглоблин Н. 483
 Оденталь И. П. 484
 О'Допохью 316, 317
 Озаровский П. 480
 О'Коннел Д. 314, 316
 Оксеншерна А. 239
 Олар А. 113
 Олег 291
 Олсон С. 363
 Олсуфьев З. Д. 434
 Ольденбург С. Ф. 392
 Орбели И. А. 390—395
 Ориоль В. 367
 Орлеаны 31
 Орлов А. Ф. 230
 Орлов-Чесменский А. Г. 233
 Орсини Ф. 331
 Остерман А. П. 163, 167, 177, 178, 180, 181
 Остерман-Толстой А. П. 419, 425, 441, 443
 Охлопков Н. 102

 Павел I 65, 66, 80, 233
 Павел V 249
 Павлович 108
 Паюо 344
 Пальм 404
 Пальмерстон Г. Д. Т. 32, 214, 230, 235, 267, 268, 274—276, 327
 Панкратова А. 29, 379, 380
 Паркер Р. 348
 Паскевич И. Ф. 230
 Паскевич 25, 334

Паткуль И. 125
Паттерсон 344
Пелисье 356
Перетц Г. 334
Перовская С. Л. 337
Персины Ж. Ж. В. Ф., де 29, 30
Петен Ф. 93—95, 297, 384
Пети 305
Петр I 50, 66, 78, 81, 115—128, 131—
166, 169—173, 176—186, 188—
200, 234, 249, 250, 284, 289, 380,
381, 404, 405, 479—483
Петр III 71
Петр Ольденбургский 330
Петров В. 100, 103
Петрушевский Д. М. 104
Петрушевский Ф. 68
Пигарев К. 78—81
Пий IX 20
Пий XI 342, 372
Пик В. 389
Пилсудский Ю. 109, 240
Пиль Р. 269—272, 358
Пиней 366, 371
Питт Вильям, Младший 72, 233, 356
Питт Вильям, Старший, лорд Чегам
355, 356
Платов М. И. 101, 103, 419—421, 441—
443, 463, 472
Платонов С. Ф. 228
Плимут, лорд 208, 212
По Э. 214
Победоносцев К. П. 278, 330, 333,
334, 336—338
Погодин М. П. 103
Погосский В. 80
Помпей 88
Поншартрен 132
Понятовский И. 419, 421, 430, 431,
434, 446, 473
Поп 83
Попов П. 194
Постников П. В. 131, 479
Посьет К. Н. 336
Потапов Л. Н. 29, 330
Потемкин В. П. 107, 234
Потемкин Г. А. 66
Пресняков А. Е. 92, 93
Прокопович Ф. 479
Пугачев Е. 287, 288
Пуговкин М. 102
Пурталес 382
Пушкин А. С. 34, 63, 80, 133, 284—
295, 407, 409, 484
Раглан 356
Радеску 216
Раевский Н. Н. 419, 425, 440, 467
Раевский С. 295

Разин С. 192, 287
Ракоци Ф. 330, 381
Ранке Л. 51
Рапп 423
Ратенау В. 241, 302
Раулинсон 327
Рачкевич, 215
Ревентлов 92, 98
Рейтерн 281
Рейхштадтский, герцог, см. Напо-
леон II
Ренсимен, лорд 352, 353
Реншильд 132, 178
Решид-паша 276
Риджуэй 370
Ровинский О. 79
Розенберг А. 265
Романов Н. И. 117
Романова Е. 301
Романовы 323
Ромодановский Ф. Ю. 119
Ростопчин Ф. В. 80, 415, 466, 474,
484, 485
Руденко Р. А. 210
Рузвельт Ф. Д. 41—43, 311, 341
Рузвельт Э. 243
Руй, ван 372
Румянцев П. А. 263—266, 483
Рустановели Ш. 393
Рюти 204

Сабуров П. А. 335
Савин А. Н. 104
Сазонов С. Д. 382
Саито 223
Саймон Б. 344
Салливан А. 316, 317
Салтыков-Щедрин М. Е. 328, 333, 338
Самарин Ю. 50, 281
Самба 247
Сандерлэнд, лорд 161, 162
Сардур II 391
Свифт Дж. 82, 83
Святослав 291
Сеймур Гампльтон 272, 273
Семенов 225
Сен-При Г. Э. 447
Сен-Сир 416
Сент-Арно 356
Сент-Джон 142, 143, 480
Сеяявип Д. Н. 232
Сеяявип Н. 169, 200
Серебрянников 305
Сеславин А. Н. 37
Сверс 454
Сигизмунд III 249
Спгэмицу 225
Ситлер 197
Скляев 156

- Скобелев И. 80
Скобелев М. Д. 335
Скуратов И. 102
Соймонов Ф. И. 192
Соловьев А. 329
Соловьев В. 100
Соловьев С. М. 228, 336
Сологуб 292
Солсбери 358
Сосновский 215
Спендаль (Анри Бейль) 403—405, 484
Стивенс 318
Стиль А. 371
Столыпин А. А. 295
Стремфельд О. Р. 180
Строганов С. Г. 336, 337
Строганов 434
Стрэгфорд Редклиф 230, 231, 273—277
Стэнгоп 154, 166, 168, 173, 174, 179
Стюарты 152, 155
Суворов А. А. 49, 278
Суворов А. В. 63—69, 78—81, 100, 101, 263—266, 277, 327, 439, 483
Судзюки 223
Сулейман Великолепный 70
Суриков В. И. 64
Сфорца 283, 339
- Талейран-Перигор Ш. М., князь Бенсвентский 17, 111, 234
Танака 223, 225—227
Таннер В. А. 204, 216
Тарле Е. В. 307, 483, 484
Татекава 341
Таунсенд Ч. 149—151, 154, 182
Тафт В. 246, 254—256, 311
Тацит К. 345
Тельман Э. 390
Темперлей Г. 230, 266, 269—272, 274—277, 483
Терехов Г. 103
Тесинг Я. 124
Тессе, де 160
Тиммерман Ф. 116, 117
Тисо 204
Тисье П. (Tissier P.) 93—95
Титов 120
Тихомиров И. 301
Толбин Е. 194
Толстой Д. А. 283, 330
Толстой Л. Н. 63, 75—78, 214, 403, 444
Толстой П. А. 466, 485
Толь 430, 431
Тильман 444, 445
Томпсон 475, 485
Торез М. 320
- Тормасов А. П. 409, 412—414, 484
Тотлебен 76, 238, 268, 331
Травин 156
Требич-Линкольн 167
Тредьяковский В. К. 83
Трепов Д. Ф. 328—330
Третьяков П. 379
Тромп 198
Трумэн Г. 255, 256, 260, 299, 302, 308, 310—312, 320, 322, 346—350, 363, 368, 369
Трюгве Ля 322
Тугвел Р. 363, 364
Тугут И. А. 265
Тургенев А. И. 294, 295
Тургенев И. С. 33, 202
Турчанинов 67
Тутомлин 469, 470
Тучков 1-й 419, 421, 429—434, 437, 462, 463, 472
Тучков 3-й 467, 469, 471
- Уваров Ф. П. 101, 419, 421, 441—443, 463, 472
Уич С. (Wich) 184
Украинцев Е. 125
Ульрика-Элеонора 163, 166, 167, 171, 177, 180
Ульрих 197, 198
Ульф Ч. 72
Уоллес Г. 257
Уоллс Дж. 321, 322
Усида 223
Устрялов Н. 479
Ушаков Ф. Ф. 232, 233, 266
- Фаугоф 169
Федоров К. 479
Фердинанд, румынский король 258
Фердинанд IV Бурбон 20
Фердинанд Кобургский 258
Ферреро Г. 105
Ферстер 426, 440
Фигнер 37
Филипп Эгалите, герцог Орлеанский 156, 158, 160, 162, 185
Филипп II 70, 375
Филов Б. 204
Флик 388
Фогароши Б. 381
Фокс Г. 83
Фокс, адмирал 214
Фокс Ч. Дж. 356
Форд Г. 283
Форрестол 284, 311, 361
Франц I, император Австрии 65
Франц-Иосиф 282, 326, 335
Франциск I, король Обсих Сицилий 20

- Франциск I, король Франции 70
 Фриан 432, 433, 447
 Фридрих II (Великий) 44, 45, 55, 57, 71, 89, 233, 264, 265, 288, 387, 388
 Фридрих, кронпринц 337
 Фридрих III 54
 Фридрих, шведский король 180, 181
 Фридрих-Август 406
 Фридрих-Вильгельм I 169, 172, 173
 Фридрих-Вильгельм III 252
 Фризер 129, 130
 Фурье III. 295
- Хабаров 194
 Халтурин С. 330
 Хальштейн 369
 Харкевич В. 430, 484, 485
 Хартли 254—256, 311
 Херст У. Р. 344
 Хлебников 279
 Хор С. Д. Г. 343, 344
 Хруле: С. А. 268
- Цалдарис К. 245, 255
 Цзен 335
 Цицерон 356
- Чаадаев П. Я. 289—291
 Чан Кай-ши 307, 320
 Чемберлен II. 208, 209, 224, 259, 296, 352, 353
 Черевин 323
 Черкасский 189
 Чернышев А. И. 294
 Чернышевский Н. Г. 19—30, 296, 381
 Чернышевская О. С. 29
 Черчилль Дж., см. Мальборо
 Черчилль У. Л. С. 35, 82, 112, 137, 211—218, 240, 255, 260, 297, 298, 302, 305, 339, 341, 343—345, 348, 354, 397
 Четвертаков 37
 Четков В. М. 485
 Чехов А. П. 214
 Чжано К. Г., ди 340
 Чингис-хан 408
 Чичагов П. В. 409, 412—414
 Чудрявцев Н. 156
 Чэнс Дж. Т. 154, 182, 481, 482
- Шампль 326, 327
 Шапори Ю. 100, 103
 Шардонне Ж. 111
 Шассен 347
 Шатофен, де 162
- Шафиров П. П. 161, 162, 166, 176, 179, 381, 480
 Шейдеман 223
 Шенфельф 342
 Шереметев Б. П. 134
 Шидловский 156
 Шиллер Ф. 390
 Шиман Т. 33, 34
 Шипов 192, 193
 Шлиффе, фон 89, 244, 382
 Шмидт К. 319, 320
 Шмурло К. 479
 Шнейдевинд 444
 Шнейдер Е. 110, 209
 Шоу Б. 217
 Штейн К. Г. 90
 Штокмар 269
 Штонс 404
 Штресман Г. 384
 Штромберг 128
 Шуазель Ф. Э. 161, 355
 Шувалов Павел Андреевич 323, 330
 Шувалов Петр Андреевич 25, 283, 330, 334, 484
 Шуйский В. 380
 Шуман Р. 257, 283, 365, 366
 Шумахер К. 298, 319, 320, 339
- Щербачев Ю. Н. 480
 Щербинин 430, 431
- Эбердин Дж. Г. Г. 269—272, 275
 Эберт 223
 Эдвардс (Эдвардст) 156
 Эдуард VIII 357
 Эйзенхауэр Д. Д. 322, 370
 Эйткен 342
 Элекш Л. 381
 Эмбер Д. 381
 Эмери 344
 Энвер-паша 327
 Энгельс Фридрих 12, 24, 25, 27, 30, 244, 306, 318, 390, 483
 Эреншильд II. 146—148
 Эрман-Шатриан 368
 Эрман А. 204, 205
 Эрцберггер 302
 Эттли 260, 322, 343
- Юксель, д' 158
 Юлий Цезарь 88, 112, 138, 405
 Юрьевская, княгиня 323
 Юст Юль 140, 480
- Яковлев П. Л. 291
 Яковлев 470, 471
 Янсен 322

Baluze de, см. Балюз
Boutourlin, см. Бутурлин
Boyle, см. Бойль
Bromley 480

Campredon M., см. Кампредон М.
Chance J. F., см. Чэнс
Craggs 482

George I, см. Георг I
Gustav-Adolf, см. Густав-Адольф

Henderson G. B. 483

Jefferies J., см. Джеффрис Дж.

La Vic, см. Лави
Le Blanc M. 481

Mackenzie G. 480
Madelin L., см. Мадлэн Л.
Morville de, см. Морвиль де

Napoléon I, см. Наполеон I Бонапарт
Norris J., см. Норрис Дж.

Rowe N. 480

Stanhope 482
S-t John, см. Сент-Джон

Temperley H., см. Темперлей Г.
Thompson J. M., см. Томпсон

Uxelles d' 481

Weisbrod, см. Вейсброд
Whitworth Ch., см. Витворт Ч.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Е. В. Тарле. Фронтиспис

Титульный лист первого издания книги Е. В. Тарле «Русский флот
и внешняя политика Петра I» 128—129

СО Д Е Р Ж А Н И Е

От редактора	5
СТАТЬИ И РЕЦЕНЗИИ 1941—1955 гг.	
Начало конца	11
Н. Г. Чернышевский и международная политика	19
Предисловие [к книге: Кухарский П. Ф. Франко-русские отношения накануне Крымской войны. Л., 1941]	31
О лермонтовском времени	33
Губители общечеловеческой культуры	34
Война Отечественная, война освободительная	35
Партизаны Отечественной войны	37
Роковой просчет	39
Отечественная война и Октябрьская революция	40
Тевтонские рыцари и их наследники	44
1812—1941/42 гг.	58
Первое августа	60
Александр Суворов	63
Коалиционные войны	69
Второму антифашистскому митингу советских ученых	73
О «Севастопольских рассказах»	75
Книга о Суворове	78
Ланн Е. Старая Англия. М., Гослитиздат, 1943	81
Книга о наполеоновском походе в Россию	84
Неизбежный перелом	88
[Из воспоминаний об акад. В. Л. Комарове]	92
Тисье П. Я работал с Лавалем. Лондон. 1 изд., 1942; 2 изд. 1944	93
От агрессии к капитуляции 1914—1918 гг.	96
Величайший триумф	99
«Кутузов»	100
К изучению истории Запада в Академии наук	103
О «Западном блоке»	108
Русский флот и внешняя политика Петра I	115
После Нюрнбергского процесса	202
	533

По поводу речи Черчилля	211
9 мая	218
3 сентября	222
Об изучении внешнеполитических отношений России и деятельности русской дипломатии в XVIII—XX вв.	228
Русская война, 1854. Балтийское и Черное моря. Лондон, 1943	235
СССР — мировая держава	239
Москва и защита Родины	248
Борьба за мир и демократию	254
Конец балканской «пороховой бочки»	258
Летописи русской славы	263
Английские фальсификации о начале Крымской войны	266
Дневник Милютина как исторический источник	277
Великое, святое дело	283
Великий сын России	284
Новое о Лермонтове	291
В борьбе за мир	296
2 октября 1949 года	298
Грезвый голос американского публициста	301
9 мая	304
Место ученого — в рядах борцов за мир	307
Благочестивые излияния и черные дела	310
Предисловие [к книге: Л а н и Е. Гвардия Мак Кумгала. М., 1951] . . .	312
За чтением журнала «Сторонники мира».	319
Милютин Д. А. Дневник. Т. III. 1878—1880. М., 1950	323
Милютин Д. А. Дневник. Т. IV. 1881—1882. М., 1950	332
Недавнее	339
Советский Союз — во главе прогрессивного человечества	345
«От Гитлера до Трумэна»	346
За кулисами мюнхенской сделки	350
О прошлом и настоящем	355
Философы атомной бомбы в раздумье и на распутье	361
Покушение с негодными средствами	365
Ватиканская индальгенция империалистическим грешникам	371
Возвратись на Родину	379
Уроки истории	382
Поворотный пункт в истории Европы	387
Историк-патриот	390
Наша дипломатия	395

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ РАБОТЫ

«Наполеон» Стендаля	403
Бородино	406
Комментарии	477
Библиография печатных трудов академика Е. В. Тарле	486
Указатель имен	522
Иллюстрации	532

Евгений Викторович Тарле

Собрание сочинений, том XII

*

Составитель *А. В. Ивская*

*

Редактор издательства *К. А. Гусева*
Технический редактор *Т. П. Поленова*
Художник *Н. А. Седельникова*
Корректор *В. К. Гарди*

*

РИСО АН СССР 27—5Р. Сдано в набор 3/XI 1961 г.
Подписано к печати 12/V 1962 г. Формат 60×92¹/₁₆.
Печ. л. 33¹/₂+ 2 вкл. Уч.-изд. л. 35,6 Тираж 27000 экз.
Изд. № 382. Гин. зак. № 2545
Цена 1 р. 50 к.

*

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
6	20 св.	эксплуатаци.	эксплуатации».
40	4 св.	свечах	сечах
74	15 св.	отделяет	отдаляет
81	18 сн.	ЛАННЕ.	Е. ЛАНН.
511	13 св.	1954	1951
530	22 св. (лев. кол.)	Хруле С. А.	Хрулев С. А.
534	22 сн.	Милютин	Милютин

Е. В. Тарле, т. XII

